XVIII ВЕК

СБОРНИК

28

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII ВЕК

СБОРНИК

28

Альянс-Архео
Москва — Санкт-Петербург
2015

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
В 76

В 76 **XVIII век.** Сборник 28 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. — 520 с.

ISBN 978-5-98874-117-6

Ответственный редактор
Н. Д. Кочеткова

Ответственный секретарь
А. О. Дёмин

Редакционная коллегия:
Н. Ю. Алексеева, Р. Ю. Данилевский, П. Р. Заборов, А. А. Костин, С. И. Николаев, В. Д. Рак

Рецензенты:
П. Е. Бухаркин, Р. Ю. Данилевский

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке из средств премии имени академика С. Ф. Ольденбурга, врученной Правительством Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским научным центром РАН Н. Д. Кочетковой в 2015 г.

© Коллектив авторов, 2015
© Российская академия наук, 2015
© ООО «Альянс-Архео», 2015

ISBN 978-5-98874-117-6

ОТ РЕДАКТОРА

В 2014 г. исполнилось восемьдесят лет со времени основания Группы (затем Сектора, ныне Отдела) по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. В 1935 г. появился первый сборник «XVIII век», подготовленный этой Группой. Так было положено начало академической серии, получившей научное признание в России и за рубежом.

«XVIII век. Сборник 28» продолжает традиции, сформировавшиеся за несколько десятилетий благодаря коллективным усилиям участников серии. Одновременно здесь находят отражение новые научные подходы, расширяется проблематика исследований. В сборнике принимают участие сотрудники Пушкинского Дома, Петербургской консерватории, Ульяновского государственного университета, ученые из других стран — Белоруссии, Болгарии, США, Франции.

В книгу вошли статьи и сообщения, в которых отечественная литература XVIII столетия предстает как часть общеевропейского культурного движения. Вместе с тем раскрывается ее национальная специфика, обусловленная особенностями своей истории. Выявляются мотивации русских писателей этого времени, побуждавшие их к литературному труду. На примере мемуаров Е. Р. Дашковой характеризуются представления о дворянском долге. По материалам книжных посвящений по-новому освещается роль женщин-меценатов в России. В широком литературном и философском контексте рассматривается творчество таких авторов, как М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Н. А. Львов, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, их отношение к античному наследию, трактовка библейских мотивов, связи с зарубежными писателями и журналистами. В то же время уделяется внимание и так называемой «низовой» литературе

(семинарская поэзия, роман «Несчастный Никанор», атрибутируемый А. Назарьеву), рассматриваются читательские интересы на примере А. Т. Болотова. Сборник включает результаты тщательных разысканий по выявлению источников ряда книг и публикаций в русской периодике этого времени. Вместе с тем пополняются сведения об известности русской литературы за рубежом.

Раздел публикаций представлен ценными материалами, вводящими в научный оборот неизвестные ранее тексты, хранящиеся в российских архивах: русский перевод комедии Ж. Расина, письма Н. М. Карамзина к жене, путевые записки И. А. Второва.

Кроме основных разделов (статьи и сообщения; публикации), как и в предыдущем 27 выпуске сборника «XVIII век», книга содержит рубрику «Из опыта работы над „Словарем русских писателей XVIII века“», куда вошли исследования, осуществленные в ходе подготовки «Справочного тома» к «Словарю русских писателей XVIII века».

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ОДА А. П. СУМАРОКОВА, «СОЧИНЕННАЯ В ПЕРВЫЕ ЛЕТА» ЕГО ЗАНЯТИЙ ПОЭЗИЕЙ

Начало творческого пути Сумарокова мы знаем плохо. Его ранние произведения, как и ранние стихотворения других поэтов XVIII в., за редким исключением до нас не дошли. Эпоха, равнодушная к истории творчества, не щадила детские и юношеские рукописи будущих авторов. Сохраненная Сумароковым ода с авторской пометой «сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения», ставшей при издании ее Н. И. Новиковым названием,[1] составляет исключение.

Специальное внимание к ней в этой статье обусловлено стремлением понять особенности одического творчества Сумарокова, к изучению которого в последнее время обращаются все чаще и чаще,[2] но которое продолжает оставаться одной из важнейших про-

---

[1] *Сумароков А. П.* Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собраны и изданы Николаем Новиковым: В 10 т. 1-е изд. М.: Унив. тип., Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 2. С. 195–201.

[2] См. прекрасное издание торжественных од, выполненное Рональдом Врооном, а также сопровождающие его статьи самого Р. Вроона («Оды торжественныя» и «Елегии любовныя»: История создания, композиция сборников), В. М. Живова (Язык и стиль А. П. Сумарокова) и др. (*Сумароков А.* Оды торжественныя. Елегии любовныя / Изд. подгот. Р. Врооп. М., 2009). Специальная глава отведена торжественным одам Сумарокова в книге: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода:

© Н. Ю. Алексеева, 2015

блем истории русской лирики XVIII в. Мы до сих пор не имеем удовлетворительного ответа на главный вопрос, поставленный еще Г. А. Гуковским:[3] как оды Сумарокова соотносятся с одами Ломоносова. Для ответа на него необходимо комплексное изучение од Сумарокова, а для этого нужно обратиться к их истокам.

«Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения» написана в подражание оде Ж.-Б. Руссо «A la Fortune» (На счастие, 1712) и относится к разряду од философских или медитативных. Сама ода Ж.-Б. Руссо появилась в ходе его полемики с А. Ударом де Ламоттом о характере пиндарической оды.[4] Полемика была вызвана кризисом французской оды, форма и основные принципы которой были определены еще в 1693 г. одой «На взятие Намюра» («Sur la prise de Namur») Н. Буало и приложенным к изданию его «Рассуждением об оде» («Discours sur l'ode»). Большая 10-стишная строфа, энтузиазм и «прекрасный беспорядок» определили оду буалоистского типа, по своему характеру панегирическую. Возникшая во французской поэзии в 1710-е гг. полемика об оде затрагивала дальнейшие пути ее развития. Удар де Ламотт предлагал разные способы модернизации ее внешней формы, а одновременно более умеренную и рациональную ее внутреннюю форму. Ж.-Б. Руссо — сохранение внешней формы при усилении ее экспрессии. Взяв для своей оды предмет философской оды, Ж.-Б. Руссо облек его в форму буалоистской оды, отчего заложенная в ней экспрессия возросла. Ода Руссо посвящена размышлению о власти Счастья (случая, фортуны) над людьми, о его роли в удовлетворении тщеславия сильных мира сего, приводящего к войнам и бедствиям народов. Знаменитым полководцам, среди которых Александр Македонский, в оде противопоставлены добродетельные Тит Веспасиан и Сократ, образцом для подражания служит также

Развитие одической формы. СПб., 2005. С. 231–261. Не отказываясь от изложенных в ней наблюдений, не могу не признать, что вынесенные мной приговоры Сумарокову слишком резки. И конечно, проблемы, связанные с одическим творчеством Сумарокова, в ней далеко не раскрыты, а разве только намечены.

[3] *Гуковский Г. А.* Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001. С. 40–72.

[4] См. классическую работу о Ж.-Б. Руссо: *Grubbs H. A.* J.-B. Rousseau. London, 1941.

Эней. Обилие имен, калейдоскоп эпох и античных героев — внешние признаки оды Руссо. Внутренние ее свойства связаны с ее обличительным содержанием, с ее исключительной экспрессией, благодаря которой осуждение приобретает характер непосредственного выражения мыслей и чувств. Это разрушало буалоистскую оду больше, чем все эксперименты над нею Удара де Ламотта. Ведь буалоисткая ода, основанная на платоническом идеальном видении мира, умозрительна, и всякое индивидуалистическое начало ей противопоказано.[5] Но именно заявленный в оде Руссо новый, как будто бы личностный, способ выражения мыслей и чувств послужил ее успеху не менее, чем ее прекрасная форма и пацифистское содержание, импонирующее зарождавшемуся во Франции антропоцентризму.

Особый эмоциональный накал оды Ж.-Б. Руссо и пленил, по-видимому, Сумарокова. Он явно увлечен не столько ее темой (власти Счастья), сколько новыми возможностями как будто бы прямого выражения своих чувств. Больше, чем заявленная в первой строфе тема оды — изображения пагубности счастья (случая) и человеческого тщеславия, на подражание Ж.-Б. Руссо указывает гневная эмоция оды Сумарокова. При всей ее неровности молодому поэту в целом удается взять верный тон, найти верные интонации. Очевидная зависимость от оды Ж.-Б. Руссо не помешала ему отступить от основной ее темы. Не счастью (случаю), о котором говорится лишь в первой и последней строфах, а осуждению завоеваний и тщеславных полководцев посвящает свою оду Сумароков. В ней счастье не род божества, а лишь одна из мнимых ценностей, которыми прельщаются государственные мужи, другими пагубами называются лесть («О лесть, душ подлых жертва смертным, Куды ты прославленьем тщетным Геройски имена взнесла!»[6]), гордость **(**«Тя гордость, суеты любитель, В страны Индийски позвала…»; (54)**)**

---

[5] В определении и характеристике од я исхожу из своего понимания оды как жанра, изложенного в книге: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы.

[6] *Сумароков А. П.* Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 57 (Б-ка поэта). Далее, кроме отдельных случаев, цитаты из стихотворных произведений Сумарокова приводятся по этому изданию, в скобках после них даются номера страниц.

и любовная страсть. Отказавшись от построения оды как речи, обращенной к Счастью, Сумароков обрушивает свои обвинения прямо на ниспровергаемых им героев. Отчасти за счет этого эмоциональный накал русской оды еще усиливается в сравнении с французской. Подражание Сумарокова превзошло французский образец своей страстностью, неистовством. Если в оде Руссо тщеславие полководцев, вызванное им кровопролитие, всесильный слепой случай осуждаются резко, но все же с некоторой дистанции, в оде молодого русского поэта всякая дистанция снята. С абсолютной серьезностью, страстностью он представляет мировую историю как цепь бессмысленных смертоубийств и в разгоряченности ума доходит до бунта против миропорядка: «Не вижу никакия славы, Одна реками кровь течет…». Этих строк не только нет во французской оде, но их не могло в ней быть, они говорят о замахе на человеческую историю другой силы, замахе неофита.

Трудности в изучении «Оды, сочиненной в первые лета…» начинаются с ее датировки. Прежде всего возникает вопрос, можно ли доверять сообщению Сумарокова о поре ее создания. А если можно, мы не знаем, к какому времени он относил начало своего «во стихотворении упражнения», ведь первые известные его оды, посвященные императрице Анне Иоанновне, были написаны в 1739 г. тяжеловесным стихом В. К. Тредиаковского. А это ода четырехстопного ямба, почти всюду свободного, а порой и прекрасно звучащего. Звучание оды, ее энергия, в целом выдержанная на протяжении ее 18 строф, заставляют усомниться в истинности авторского показания. Вопрос о датировке оды приобретает, таким образом, важность не только для творческой биографии поэта, но и для лучшего с ним знакомства, для удостоверения в его правдивости.

П. Н. Берков, опубликовавший оду в «Избранных стихотворениях», ее не датировал, его мнение о времени создания сказалось в ее местоположении в разделе од. Видимо, из доверия к авторской помете он поместил ее сразу после аннинских од как первый опыт «упражнения» Сумарокова в ломоносовском стихе. По предположению П. Н. Беркова, Сумароков намечал включить ее в якобы планировавшийся им сборник «Оды разные»,[7] однако о таком

[7] *Берков П. Н.* Примечания // Сумароков А. П. Избр. произведения. С. 519.

сборнике нам ничего не известно. На отдельный сборник у Сумарокова «од разных» не доставало, скорее, он мог подумывать о подобном разделе в каком-нибудь более общем сборнике своих стихотворений или в собрании сочинений. Раздел второго тома «Полного собрания» его сочинений «Оды разные» Новиков издал, по всей видимости, по тетради или папке Сумарокова, дав и заглавие рубрикации авторское и расположив оды в том порядке, в котором они находились у покойного поэта. Насколько раздел был подготовлен автором, не ясно, поэтому и не известно, вошла ли бы в него «Ода, сочиненная в первые лета…». П. Н. Берков предполагает, что она подверглась поздней редакторской правке поэта.[8] Конечно, если Сумароков готовил раннюю оду к печати, он мог ее поправить, но и тогда едва ли правка была существенной.[9] Дошедший до нас текст оды вселяет сомнение об авторской подготовке оды к печати: в нем очевидны лакуны.

Они ощущаются с первых строф оды. После приступа Сумароков сразу же принимается за осуждение Александра Македонского, значительно развернув его в сравнении с одой Руссо. При этом Александр не называется им прямо, как не называются в оде по имени завоеватель Вавилона Кир, разрушитель Иерусалима Навуходоносор, «сын Фемиды» Ахиллес, «спартская княжна» Елена. Отсутствие имен делают обращения к неназванным героям, следующие в оде одно за другим, трудными для понимания. Можно было бы приписать неоправданное смешение героев в оде неискусности молодого поэта, если бы некоторые недостающие ее фрагменты не восстанавливались по оде Сумарокова 1743 г. на восшествие на престол Елизаветы Петровны.

Эта ода известна нам по выписке ее строф в статье Тредиаковского «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении…» (1750), он же приводит ее заглавие: «Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице

---

[8] Там же.

[9] О позднем вмешательстве автора в текст оды может свидетельствовать лишь ее 64-й стих «Как турка трепет поразил», близкий по своей риторике поэзии эпохи русско-турецкой войны 1768–1774 гг. П. Н. Берков толкует его как отголосок русско-турецкой войны 1736–1740 гг. (Там же).

всероссийской, в 25 день ноября 1743 года».[10] Три строфы в середине этой панегирической оды (7–9) по своему содержанию и звучанию никак с нею не связаны, но напрямую связаны с «Одой, сочиненной в первые лета…». В двух первых из них по именам названы и Александр, и Кир, и Елена. По всей видимости, эти строфы принадлежали первоначальному пространному варианту «Оды, сочиненной в первые лета…». Место первой из них определяется довольно просто, она, по-видимому, находилась между второй и третьей строфами «Оды, сочиненной в первые лета…». Первоначальный текст был таким:

Царя прославити навеки
Себе достойной ждуще мзды,
Идут в концы вселенной греки
В Семирамидины следы,
И где войск храбрых сила зрится,
Тут и победа с нею мчится.
Как воздух молния сечет
И пламень громы предвещает,
Так острый меч в полях сверкает,
И Азия попранья ждет. (54)

Отверзлась вечность, все герои
Предстали во уме моем,
Падут восточных стран днесь вои,
Скончавшись в мужестве своем,
Когда Беллона стрелы мещет
И Александр в победах блещет,
Идущ в Индийские страны,
И мнит, достигнув край вселенны,
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны. (60)

Тя гордость, суеты любитель,
В страны Индийски позвала,
Тебя, покоя разоритель,

[10] *Тредиаковский В. К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // *Куник А.* Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 453–472. По статье Тредиаковского текст оды реконструировал П. Н. Берков (*Сумароков А. П.* Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, в 25 день ноября 1743 года // Сумароков А. П. Избр. произведения. С. 58–63).

Тщета в край света завела.
Коль смерть бы мало опоздала
Скончать твой век, земля бы стала
Театром греческих темниц.
Ты б из последних стран сих вскоре
Пошел в пространнейшее море
Искать неведомых границ. (54)

Первые две строки первой из вставленных строф в панегирическую оду (в приведенном реконструированном фрагменте это вторая строфа): «Отверзлась вечность, все герои Предстали во уме моем» — были написаны специально для нее. Использованное в них обращение к своему умному видению позволило мотивировать появление в оде древних героев. Это был уже известный прием ломоносовской оды, в философской же руссоистской оде он был не нужен. Место в «Оде, сочиненной в первые лета…» второй строфы из вставленных в панегирическую оду определить труднее. Возможно, она следовала после четвертой строфы «Оды, сочиненной в первые лета…», и первоначальный ее текст был таким:

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невместны,
Себе б поставил олтари.
Но что прохожий возвещает,
Когда он прах твой попирает?
«Здесь под ногой моей лежит
Той, кем вся Азия тряслася,
Чья слава выше звезд неслася,
В пещеру, в снедь червям, зарыт». (54–55)

На Вавилон свой меч подъемлет
К стенам его идущий Кир,
Весь свет его законы внемлет,
Пленил Восток и правит мир.
Се ищет Греция Елены
И вержет Илионски стены,
Покрыл брега Скамандры дым,
Помпей едину жизнь спасает,
Когда Иулий смерть бросает
И емлет в область свет и Рим. (60)

Забудь заразы Брисеиды,
Уставы исполняй судьбин!

Дай зрети, что ты сын Фемиды,
Прогневанный богинин сын!
Пусть гордый Илион валится,
Пускай Скамандрин брег дымится
И хищник примет горьку часть!
Коль спартская княжна прекрасна,
Ты толь, о Фригия несчастна!
Твоя неправдой пала власть! (55)

Очевидная связь строф панегирической оды с «Одой, сочиненной в первые лета…» говорит о близком времени их создания. Если панегирическая ода была написана осенью 1743 г., тем же годом следует датировать и «Оду, сочиненную в первые лета…». Более точную ее датировку позволяют сделать строки из оды на тезоименитство великого князя Петра Феодоровича 1743 г. Ломоносова: «Под инну Трою вновь приступит Российский храбрый Ахиллес»,[11] до этого никогда не упоминавшего ни Трои, ни Ахиллеса, ни других древних героев. Их появление объяснимо влиянием «Оды, сочиненной в первые лета….», одним из новаторств которой были звонко звучащие в ней древние имена и географические названия. Ода Ломоносова писалась в начале лета 1743 г., когда он находился под домашним арестом, и его навещал Сумароков, именно в этот период они были «ежедневными собеседниками». Вероятно, работа Сумарокова над подражанием оде Руссо относится к весне — началу лета 1743 г. При своей известной словоохотливости Сумароков не мог не делиться с Ломоносовым если и не законченным к тому времени переложением, то своим увлечением одой Руссо и связанными с нею идеями. Таким образом, и помета Сумарокова о времени создания оды, и доверие к ней П. Н. Беркова оказываются справедливыми. Впрочем, ранняя дата создания оды не снимает в отношении нее вопросов, а ставит новые.

1743 г. — время самого начала новой русской поэзии. Всего два года назад из Германии вернулся Ломоносов и одну за другой начал издавать свои оды, пресекая ими сразу ставший тупиковым путь русской силлабики и силлаботоники варианта Тредиаковского. К весне

[11] *Ломоносов М. В.* Ода на день тезоименитства е. и. в. государя великого князя Петра Феодоровича 1743 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. С. 106.

1743 г., кроме изданных четырех од Ломоносова, в новой, реформированной им поэзии еще ничего нет. Только весной этого года появится его первая духовная ода «Вечернее размышление о Божием Величестве», а летом — три переложения 143 псалма, выполненные Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым. Одновременно летом — осенью 1743 г. Ломоносов работает над «Кратким руководством к риторике», в которое включает отрывки из своих произведений и переводы Древних. Русская поэзия начинает потихоньку осваиваться в новых условиях, заданных ей Ломоносовым. Именно в момент начавшегося расширения ее жанрового и тематического репертуара появляется подражание Сумарокова оде Руссо. В контексте русской поэзии того времени, столь бедной еще образцами, столь однообразной в ломоносовском своем звучании, подражание новаторской для своего времени оде Руссо выглядит событием исключительным. Наряду с только еще утверждавшейся ломоносовской одой, восходящей через немецкий классицизм к оде Буало, Сумароковым была предложена философская руссоистская ода. Насколько случайным было его выступление, с чем оно было связано, имело ли оно продолжение, оказало ли его подражание влияние на развитие русской лирики — вот только некоторые из вопросов, встающих в связи с «Одой, сочиненной в первые лета…».

Датировка оды весной — началом лета 1743 г. имеет косвенное подтверждение. Успех подражания оде Руссо, о котором свидетельствует реминисценция из него в оде Ломоносова, позволил Сумарокову почувствовать себя настоящим поэтом и предложить летом 1743 г. соревнование Тредиаковскому и Ломоносову в переложении 143 псалма, а осенью приняться и за панегирическую оду императрице на день восшествия ее на престол, о которой говорилось выше.

История оды на восшествие 1743 г. необычна. Об ее издании мы знаем только со слов Тредиаковского. Уже Новикову о нем не было известно, а значит, уже к 1780–1781 гг., предположительному времени подготовки издания полного собрания сочинений Сумарокова, экземпляры оды, если и сохранились, были большой редкостью. В отличие от «Оды, сочиненной в первые лета…» ни ее рукопись, ни ее печатный экземпляр не хранились в архиве Сумарокова, иначе Новиков бы ее напечатал. Чудесное исчезновение экземпляров этой первой оды Сумарокова императрице Елизавете

Петровне сравнимо с исчезновением всех экземпляров его оды Станиславу-Августу Понятовскому, уничтоженных в 1765 г. по распоряжению императрицы Екатерины II.[12] Как и ода Понятовскому, это единственная ода (не считая его школьных аннинских од), не включенная Сумароковым в издание 1774 г. «Оды торжественные». Он словно забыл о ней, как старался не помнить об оде Понятовскому. Есть все основания предполагать, что экземпляры этой первой оды Елизавете Петровне были уничтожены.

Причина их истребления объяснима предполагаемым мной плохим приемом ее при дворе. Стоит соотнести между собой три известных факта: отсутствие экземпляров этой оды, отсутствие других подносных од Сумарокова императрице Елизавете Петровне и наступившее изобилие его подносных од сразу после ее смерти. Действительно, после оды 1743 г. Сумароков никогда больше не подносил од императрице Елизавете Петровне. Необходимым, хотя недостаточным, признаком поднесения оды можно считать ее отдельное издание, а до смерти Елизаветы Петровны Сумароков напечатал свои пять торжественных од в журналах 1750-х гг., а не издал их отдельно. Но сразу после ее смерти он становится самым плодовитым одописцем. Уже на восшествие на престол императора Петра III он пишет, издает отдельно и, по-видимому, подносит первую оду после 1743 г.,[13] спустя месяц — другую оду на погребение императрицы.[14] Затем в продолжение пятнадцати лет его оды появляются с неизменной регулярностью, одна-две, а то и три в год. Не скрываемое Сумароковым желание быть придворным одописцем говорит о том, что его затруднения с поднесением од в Елизаветинское царствование были вынужденными. По всей видимости, они были связаны с провалом оды 1743 г.

Ее плохой прием при дворе можно объяснить тремя вставленными в нее строфами из «Оды, сочиненной в первые лета…». В се-

---

[12] *Степанов В. П.* Письма А. П. Сумарокова. Комментарии // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 197.

[13] Ода е. и. в. государю Петру Феодоровичу <...> в день восшествия его на всероссийский императорский престол декабря 25 дня 1761 от Александра Сумарокова. [СПб.]: печ. при Сухопутн. шляхетн. кад. корпусе, [1762].

[14] Ода на погребение е. и. в. блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни Елисаветы Петровны <...> от Александра Сумарокова. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1762.

редине оды, написанной по образцу ломоносовских од и прославляющей императрицу, русские победы, Петра Великого, вдруг отверзается вечность, перед читателями предстают великие герои древности, для того чтобы подвергнуться гневному осуждению, после чего беспомощно, словно по принуждению, поэт возвращается к теме оды: «Но здесь воинский звук ужасный, Подвластен деве, днесь молчит». По поводу этих трех строф, выписанных против обыкновения его разбора вместе, Тредиаковский разражается самой большой в его статье тирадой. Однако в ней нет и намека на их идеологическую неуместность. Но ведь и «Деидамию» самого Тредиаковского запретили якобы за жесткость слога, хотя, очевидно, что за этим скрывалась идеологическая подоплека, говорить о которой открыто, по всей видимости, не считалось удобным.[15]

Вероятно, Сумароков думал, что тремя руссоистскими строфами он украсит свою панегирическую оду, и в известном смысле был прав. Эти три строфы самое сильное в ней место, своим пафосом они намного превосходят все другие ее 14 строф. Осознанно или по вдохновению Сумароков смешал ломоносовскую панегирическую оду с одой руссоистской философской. Смешения не вышло, получилось искусственное склеивание строф из разных по своему типу од. На общем фоне оды три руссоистских строфы прозвучали неоправданно резко. Особенно вызывающей была третья строфа вставки:

Не вижу никакия славы,
Одна реками кровь течет,
Алчба всемирныя державы
В своих перунах смерть несет,
Встают народы на народы,
И кроет месть Пергамски воды:
Похвальный греков главный царь,
Чего гнушаются и звери,
Проливши кровь любезной дщери,
Для мщения багрит олтарь. (61)

[15] *Живов В. М.* «Всякая всячина» и создание екатерининского политического дискурса // Eighteenth-century Russia: Society, Culture, Economy: Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 (Geschichte, Forschung und Wissenschaft, [Bd. 23]) / Eds. Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Berlin; London, 2007. P. 258–261.

Едва ли приведенная строфа, начало которой прекрасно по своему мятежному звучанию, могла понравиться при дворе. Ведь в ней причиной войн называется алчба, осуждается царь (Агамемнон), проливший кровь своего чада, что неприятно напоминало о Петре Великом, подрываются устои государства. О провале оды на восшествие 1743 г. косвенно свидетельствует будущее творчество поэта. Никогда более он не касался темы алчности и тщеславия завоевателей, не осуждал войн и полководцев. Никогда более он не делал даже слабых попыток заговорить в панегирической оде свободным языком руссоистской оды. Столь удачно найденная им гневная обличительная интонация, равно как и раздумчиво-мятежная, из его поэзии ушли навсегда. В преображенном виде они нашли свое место в его трагедиях, в одах же к ним восходят прямые выпады против турок времен русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Не страхом ли напомнить руссоистские строфы оды на восшествие 1743 г. объясняется неудачное решение Сумарокова обратиться в переводе оды Ж.-Б. Руссо (1759) к хорею? Хорей не позволил взять верного тона, звучание столь любимой им оды, так давно пережитой темы в его переводе, как заметил Г. Р. Державин, «не соответствуют высокому содержанию подлинника».[16] Ямбический же перевод Ломоносова в своей интонации в целом восходит к «Оде, сочиненной в первые лета…»:

Сумароков	**Ломоносов**
Ерусалима разоритель, Воззри, где твой престол стоял! Ты мертв, о гордый повелитель, Божественный твой трон упал. Израиль плен свой покидает И храм свой паки созидает. Когда лишился ты венца И с жизнью власть твоя скончалась, Куды лесть грубая девалась, Которой не было конца? (57)	Герои люты и кровавы! Поставьте гордости конец, Рожденной от воинской славы Забудьте лавровой венец. Напрасно Рима повелитель, Октавий, света победитель, Навел в его пределы страх; Он Августом бы не нарекся, Когда бы в кротость не облекся И страха не скончал в сердцах.[17]

[16] *Державин Г. Р.* Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1868. Т. VII. С. 522.

[17] *Ломоносов М. В.* Ода г. Руссо Fortune <…> переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 665. Для сравнения приведем перевод той же 11-й строфы Сумарокова, см.: *Сумароков А. П.* Перевод

Печальный опыт оды на восшествие пресек дальнейшие попытки смешения ломоносовской и руссоистской од. Хотя Сумароков и продолжит поиск новой формы панегирической оды, и шире — стихотворного придворного панегирика, в целом он вынужден будет подчиниться законам панегирической оды. Причина неудачи опыта смешения буалоистской (ломоносовской) и руссоистской од объясняется, по-видимому, не столько неискусностью молодого поэта, сколько самой невозможностью смешения разных типов оды. Каждый из них представляет несовместимые друг с другом картины мира. Если французские образцы были вполне далеки друг от друга, еще более разошлись между собой их русские модификации.

Ломоносов сумел вложить в русский вариант буалоистской оды целостное мировоззрение, в котором весь мир, все его уровни находятся в согласии, а Россия и ее монархи помещены в центр вселенной. Время в его оде исчисляется русской историей, а география — географией России и пограничных ей стран. Не случайно, что после опыта в оде на тезоименитство Петра Феодоровича Ломоносов более не упоминал в своих панегириках ни Трои, ни Ахиллеса, ни других греческих и римских героев. Ломоносовская ода не нуждалась в античной мифологии, истории и географии: она основывалась на иных ценностях, чем ода Руссо и тем более подражание ей Сумарокова. Если в «Оде, сочиненной в первые лета…» войны показаны как бессмысленное истребление народов, в одах Ломоносова они осмысляются как необходимое их испытание:

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба

Руссовой оды // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 2. С. 159:

Крови жаждущи герои,
Возмущения творцы!
Вас мечтою славят бои
И лавровые венцы.
Разъярения бессметны
Все Октавиевы тщетны,
Вознестися до небес?
Правосудия блаженством
И спокойства благоденством
Тако он себя вознес.

Унылых к бодрости будила,
<…>
Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,
Обширных областей есть щит,
Могущество крепит державных.[18]

За одой Ломоносова стоит представление о мире как о Божественном Творении, а значит, мире, наделенном смыслом и подчиненном порядку, за одой Сумарокова — представление о мире как хаосе, в котором господствует своеволие, и беды людские бессмысленны. В основе оды Сумарокова лежит осуждение, ее главная эмоция — эмоция гнева, в основе оды Ломоносова лежит приятие мира, ее главная эмоция — радость. Возможно ли в панегирической оде ломоносовского типа, направленной на утверждение миропорядка, миропорядок отрицать? А именно это и попытался сделать Сумароков в своей оде на восшествие 1743 г.

Неудача панегирической оды заставила Сумарокова пересмотреть свои взгляды. Уже в следующей известной нам оде «На государя Петра Великого», написанной в 1744 г., войны изображены сочувственно. В дальнейшем Сумароков превратится в самого воинственного из русских одописцев. В изменении взглядов Сумарокова на войну не следует видеть проявления его беспринципности или малодушия, позволившего по указке сверху сделать разворот на 180 градусов. Неудача оды на восшествие 1743 г. послужила лишь толчком к изменению или, точнее, к становлению его мировоззрения. Оно непосредственно связано с идеями, прозвучавшими в его подражании оде Руссо.

Описывая ужасы завоеваний, Сумароков идет дальше Руссо. В его оде появляются не названные во французской оде Кир и Навуходоносор. Они возникают по внутреннему между собой сходству, по ассоциации. Завоеватель мира Александр Македонский вызывает в памяти другого великого завоевателя Кира, Кир — завоевание Вавилона, Вавилон — Навуходоносора и его завоевание Иерусалима. Завоеватели сменяют друг друга на примерно одной части

[18] *Ломоносов М. В.* Ода на восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны 1761 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 746.

земли — в Персии и Вавилоне — на Ближнем Востоке. Именно череда завоеваний сводит историю в оде Сумарокова к дурной бесконечности бессмысленных войн («встают народы на народы»), но она же разрешает поставить вопрос о последовательной смене цивилизаций.

О том, что очередь теперь за Россией Сумароков впервые сказал в оде «На государя Петра Великого»:

Славы глас о нем он [Океан. — *Н. А.*] внемлет:
«Кто днесь шествует ко мне, —
Говорит и взор подъемлет,
Смотрит к Северной стране,
Зрит к жилищам Вавилонским,
Зрит к пределам Македонским, —
Не от тех краев сей царь.
Тех народов слава пала,
Днесь славна Россия стала,
Се — Московский государь».[19]

Взгляд, брошенный Славой (Персией) на Вавилон и Македонию, становится много красноречивее в контексте «Оды, сочиненной в первые лета…». На смену заклейменных в ней Кира и Александра Македонского в новой оде приходит российский государь Петр Великий, и его войны осмысляются уже не как бедствия народов, а как путь к славе России. Россия предстает преемницей старых цивилизаций, прежде всего греческой, а русские осмысляются новыми афинянами:

Ныне разум наш сияет,
Нас Минерва напояет,
Как афинян прежде нас…[20]

Так возникает в одах Сумарокова греческая тема, с ее русскими Периклами и Алкивиадами, с мечтой об освобождении Мореи и

---

[19] *Сумароков А. П.* Ода на государя Петра Великого // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2006. С. 190–191. В варианте оды, вошедшей в издание «Оды торжественные», первый стих строфы читается так: «Персия сей ужас внемлет», последний так: «Се — Российский государь» (*Сумароков А.* Оды торжественныя. Елегии любовныя. С. 4).

[20] *Сумароков А. П.* Ода на государя Петра Великого. С. 191.

Афин. Уже от Сумарокова ее заимствуют В. П. Петров, М. М. Херасков, Г. Р. Державин и другие поэты, родовые связи этих заимствований легко прослеживаются. У самого же Сумарокова греческая тема непосредственно связана с подражанием оде Ж.-Б. Руссо. К нему восходит и античная ономастика, и топонимика его од, и шире — его панегирика. Древняя история, греческая мифология, средиземноморская и ближневосточная география «Оды, сочиненной в первые лета…» до неузнаваемости меняли историческое и географическое пространство молодой русской оды. Звучные древние имена и далекие географические названия ласкали слух и служили украшением оды. Об уместности в оде древнегреческих сюжетов Сумароков говорит в эпистоле «О стихотворстве» (1747):

> В ней [оде. — *Н. А.*] молния делит наполы горизонт,
> То верх высоких гор скрывает бурный понт.
> Едип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
> И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
> Скамандрины брега богов зовут на брань,
> Великий Александр кладет на персов дань,
> Великий Петр свой гром с брегов Балтийских мещет,
> Российский меч во всех концах вселенной блещет… (118)

Строки о древних героях никак не связаны с «Поэтическим искусством» («l`Art poétique en vers», 1674) Н. Буало, из которого Сумароков черпал основные мысли своей эпистолы; они подсказаны опытом в подражании оде Руссо. В эпистоле Сумароков отступает от ценностной системы Руссо и своей ранней оды: Александр Македонский преподносится в ней уже как герой. Противоположная прежней оценка Александра связана с тем, что Сумароков в эпистоле говорит о буалоистской панегирической оде, в которой, как он мог убедиться по опыту оды на восшествие 1743 г., осуждать прославленного полководца не к месту. Конечно, в столь разной оценке одного героя проявляется раздвоенность, несовместимая с одой. Зато умение посмотреть на вещи с разных сторон указывает на способность к драматическому роду.

В приведенном отрывке эпистолы древнегреческие имена и географические названия те же, что в «Оде, сочиненной в первые лета…». Лишь странным образом попавший в круг одических героев Эдип выдает будущего драматурга, навязывающего оде трагический сюжет. Круг античной ономастики и топонимики русской

оды и шире — панегирика — на удивление узок. До середины 1770-х гг. почти все ее древние герои повторяются из оды в оду и восходят к одам Сумарокова. Сам же он полностью отрабатывает попавшие в его поэтический кругозор имена. Так, если в своем подражании оде Руссо он не нашел места для Тита Веспасиана и Сократа, он использует их примеры в слове Елизавете или в оде Павлу.

Вместе с расцветом греческой темы в одах Сумарокова эпохи русско-турецкой войны в них возвращается восточная тема. Забытые на четверть века Вавилон, страны Семирамиды, Инд снова определяют географию од Сумарокова. Мечтой об освобождении (или покорения) русскими Ближнего Востока, а заодно и Египта он воодушевлен не менее, чем освобождением Византии и Афин:

Преклонят пред тобой колена
Страны, где сад небесный был,
И, игом утесненный плена,
Восплещет радостию Нил.
А весть быстрее аквилона
До стен досяжет Вавилона;
Подвигнет волны Инда страх.
Мы именем Семирамиды
Рассыплем пышны пирамиды,
Каир развеем, яко прах.

(Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии (1769; 71–72)**)**.

Никаких политических предпосылок для этой мечты не было, она объяснима только идеей, восходящей к «Оде, сочиненной в первые лета…», в которой великие полководцы поочередно завоевывают Ближний Восток. Теперь, по мысли Сумарокова, настала очередь русских: коль они стали великими, они должны обладать средостением человеческой цивилизации — Ближним Востоком. Без контекста «Оды, сочиненной в первые лета…» восточная тема сумароковских од времен турецкой войны непонятна. Как непонятны и проскальзывающие в его одах мечты о завоевании Россией всего мира. Некогда осуждаемая им «алчба всемирныя державы» теперь Сумароковым пропагандируется. Но ведь и великие древние, Александр и Кир, стремились к мировому господству, а значит, и Россия, претендующая на славу, должна стать «всемирной державой».

Идея translatio imperii, легшая в основу концепции Сумарокова величия России (хотя полностью к ней и не сводящаяся) по своей сути противоположна концепции Ломоносова. По мысли Ломоносова, величие России основывается не на ее месте в очереди цивилизаций, а проистекает из нее самой. Ее древняя история и обширная география, богатство ее недр и множество населяющих ее народов — ценности, о которых постоянно говорится в одах Ломоносова, — и составляют ее величие. Эти ценности, ставшие топосами еще петербургской немецкой оды и от нее перешедшие в ломоносовскую оду, в одах Сумарокова не участвуют. Он разрушает сложившийся еще в 1730-е гг. русский панегирик, наполняя его неведомыми ему прежде идеями милитаризма, мирового господства, беспощадности к врагам, навязчивым уподоблением русских грекам. Ни одна из сумароковских новаций не нашла места в одах Ломоносова.

Государственная концепция Ломоносова, основанная на традиции, разделялась, по-видимому, правительством императрицы Елизаветы Петровны, и именно этим определен его успех в ее царствование. Екатерине II была ближе концепция Сумарокова, основанная на идее translatio imperii. Разностью государственных идеологий двух царствований, соотносимой с разностью идеологий од двух поэтов, а не личными отношениями следует объяснять последовавшую в 1762 г. смену ведущих одописцев.

В переложении Сумарокова оды Руссо затрагиваются две темы, прямо не связанные с его будущей одой, но связанные с характером и проблематикой его будущего творчества в целом.

Центральной по своему положению в оде оказывается тема любовной страсти. Она занимает 10 из 18 строф. Восхваление Энея в заключительной строфе оды Руссо превращается у Сумарокова в изложение всей его истории, захватывающее и ее предысторию с гибелью Трои из-за сердечной слабости Париса. Ему, а также Ахиллесу, увлекшемуся Брисеидой, Эней противопоставляется как победитель своего любовного чувства, как государственный муж, поставивший интересы государства выше своих страстей. Тема любовной страсти раскрыта Сумароковым в оде через конфликт долга и страсти. Строки Руссо об Энее вызвали у него ассоциацию с трагедийным конфликтом, обсуждавшимся с опорой на историю

Энея во французской критике 1710–1720-х гг.[21] Сумароков мог не знать о ней, но, очевидно, что уже к 1743 г. он был знаком с трагедией «Береника» (1670) Ж. Расина, в предисловии к которой история Энея и Дидоны впервые была переосмыслена как конфликт долга и страсти. В увлечении Сумарокова историей Энея в ее трагедийном аспекте угадывается будущий российский Расин.

Другая тема «Оды, сочиненной в первые лета…» относится к завоеванию европейцами Америки. Эта сквозная, хотя и не центральная, тема сумароковского творчества[22] появилась в ранней оде как естественное продолжение темы бесконечных завоеваний. Вторая из строф оды, посвященных Америке, была почти дословно повторена Сумароковым в отдельном стихотворении «О Америке» (1759).

17 строфа «Оды, сочиненной в первые лета моего в стихотворении упражнения»:	**Стихотворение «О Америке»:**
Касаются бессмертны суши, Котору лютость им дала, Хотят очистить смертных души И поражают их тела. В руке святые держат правы, Блаженство истинныя славы, Смиренным мзду и казни злым, В другой — остр меч и возвещают, Что ближним счастия желают, Подобно как себе самим. (58)	Коснулись европейцы суши, Куда их наглость привела, Хотят очистить смертных души И поражают их тела: В руке святые держат правы, Блаженство истинныя славы, Смиренным мзду и казни злым, В другой — остр меч; ярясь пылают И ближним счастия желают, Подобно как себе самим.[23]

Это не единственный пример использования Сумароковым фрагментов ранней оды в своем зрелом творчестве. Так, довольно уродливые ее строки:

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невместны
Себе б поставил олтари… (54)

---

[21] *Brunetière F.* Études critiques sur de la littérature française. Paris, 1903. VII série (d'évolution de la tragédie). P. 205–217.

[22] Наиболее полно она раскрыта в разговоре в царстве мертвых «Кортец и Мотецума» (*Сумароков А.* Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 9. С. 262–274) и в балете «Прибежище Добродетели» (1759) (Там же. Ч. 4. С. 191–215).

[23] *А<лександр> С<умароков>.* О Америке // Трудолюбивая пчела. 1759. Нояб. С. 704. (*Сумароков А.* Полн. собр. всех соч. Ч. 9. С. 156).

он в 1763 г. с небольшими изменениями включит в оду на новый 1763 г.:

Я тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Императрице нашей вместны
Усердья вижу олтари…[24]

а еще через три года обыграет их во вздорной оде «Дифирамв Пегасу» (1766):

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Никоему коню не вместны
Себе поставил олтари… (294)

Во вздорных одах есть и другие примеры строк «Оды, сочиненной в первые лета…», что свидетельствует не о презрительном к ней отношении зрелого автора, а о непреходящей для него ее актуальности.[25] В продолжение всей жизни поэт держал раннюю оду в памяти, и ее строки прорывались и в серьезные его произведения, и в пародии.

В раннем подражании Сумарокова оде Руссо удивительным образом запечатлелись черты его будущего творчества. В ней намечен круг тем его будущей лирики, прослеживаются истоки его мировоззрения, проявляется его склонность к сочинению трагедий, определяется его поэтический темперамент. Она предстает своего рода конспектом или, лучше, кодом к его будущему творчеству, без которого оно плохо понятно. Именно эта ее особенность делает ее редким в истории литературы примером раннего творчества. Известные нам более или менее ранние стихотворения поэтов старой поэтической культуры: В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова — неотличимы по своей философии от их зре-

[24] *Сумароков А.* Ода е. и. в. великой государыне Екатерине Алексеевне и самодержице всероссийской на 1763 год января 1 дня // Сумароков А. Оды торжественныя. Элегии любовныя. С. 77.

[25] *Алексеева Н. Ю.* Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 7–14.

лых творений. Старая культура основывалась на христианском вероучении, которое наделяет людей мировоззрением от их юности, освобождая этим от метаний в поисках истины. Изменение взглядов Сумарокова свидетельствует о том, что он уже не полностью принадлежит старой культуре. Самостоятельный поиск истины, приводящий к изменению взглядов, придет с романтизмом, с наступившим вместе с ним индивидуализмом. Однако в раннем творчестве поэтов этой эпохи трудно найти произведение, охватывающее собой все мироустройство целиком. Изображение целостной картины мира — преимущество оды, лирические стихотворения поэтов-романтиков представляют собой фрагменты общей картины. Как всякая ода, ода Сумарокова стремится к отображению целостной картины мира, потому в ней и нашли отражение его будущие темы и мысли. Однако ее личностное начало мешает целостности. В оде Сумарокова мы наблюдаем невероятно раннее, на самой заре становления классицизма, проявление индивидуалистического духа в русской поэзии. Он будет потом укрощен, загнан внутрь, подлажен под требования эпохи, с господствовавшим в ней классицизмом, и русская поэзия прочно забудет о событиях 1743 г. и о возможных путях своего развития. В этой связи встает вопрос, было ли это раннее мятежное проявление Сумарокова, заставляющее вспомнить о романтизме, обусловлено исключительно его личностью или в нем заключена закономерность развития русской поэзии?

Ответ на него лежит через осмысление совпадения пути становления раннего Державина с путем, намеченным, но не пройденным Сумароковым. Державин начинает ровно с того места, с которого Сумароков за тридцать лет до того вынужденно свернул. В 1774 г., случайно наткнувшись на немецкий прозаический перевод французских руссоистских од Фридриха Великого, он увлекается ими, как некогда Сумароков увлекся одой самого Руссо.[26] Так же как Сумароков, он тут же создает подражание поразившим его одам. Так появляются оды «На Великость» (1775) и «На Знатность» (1775). Именно в них он пробует свой будущий голос, находя порой верные интонации, как некогда Сумароков настраивал свой голос

[26] *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 75–92.

в подражании оде Руссо. Их обоих пленяет в руссоистской оде возможность свободного излияния своих мыслей и чувств, ее страстность, которой оба они ищут соответственного выражения. У них обоих отказ от ломоносовской оды ведет к повышенной горячности, страстности, которые становятся у них обоих характерным самоопределением своего поэтического таланта.

Державин пошел путем Сумарокова в ту пору, когда его «Ода, сочиненная в первые лета…» была еще не напечатана, а сам ее автор здравствовал. Сумароков мог читать вышедшие в 1776 г. «Читалагайские оды». Державин же прочтет руссоистскую оду Сумарокова лишь в 1781 г., во втором томе начавшего выходить «Полного собрания всех сочинений А. П. Сумарокова», подписчиком на которое он был. К этому времени он уже будет сложившимся поэтом, но раннюю оду Сумарокова он запомнит и в своей оде «Водопад» (1791) использует ее фрагмент, повторив не только мысль и образ строк Сумарокова, но и воспроизводя саму конструкцию места, в котором сентенция о червях вложена в уста прохожего:

Но что прохожий возвещает,
Когда он прах твой попирает?
«Здесь под ногой моей лежит
Той, кем вся Азия тряслася,
Чья слава выше звезд неслася,
В пещеру в снедь червям зарыт». (54–55)

Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вкруг его главы?..[27]

Вполне по-державински звучит и заключительная строфа оды Сумарокова:

Прибытка, счастия и славы
Основав в истине предел,
Благословенныя державы,
Благих побед, великих дел, —

[27] *Державин Г. Р.* Водопад // Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и общая ред. Д. Д. Благого. Примеч. В. А. Западова. Л., 1957. С. 189 (Б-ка поэта).

Не сила, ум един содетель,
Хранящий в сердце добродетель.
Пусть меч рвет области из рук,
Огнь в пепел грады рассыпает
И крепки горы разрывает, —
В неправде то единый звук. (58)

Сходство мыслей, образов и интонации этого отрывка со строками зрелого Державина заставляют задуматься о происхождении мудрой примиряющей дидактики в лирике XVIII в. Не есть ли она естественное разрешение негодования по поводу несовершенств мира? Но это тема отдельной работы.

Совпадение раннего Державина с ранним Сумароковым в их увлечении руссоистской одой свидетельствует об объективном значении оды Руссо для русской лирики, особенности развития которой определены поздним возникновением в России поэзии, отсутствием в ней любовной, пейзажной, философской поэтических традиций. Расцвет в России оды превратил ее в центральный жанр поэзии, именно внутри нее как внутри наиболее развитого жанра русская лирика искала пути своего преображения. Ломоносовская ода была законченной, а потому не заключала в себе возможностей развития. Мешала и ее умозрительность, не допускавшая прямого выражения мыслей и чувств. Язык для непосредственного их выражения предлагала ода Руссо, и русская поэзия сначала в лице Сумарокова, а потом Державина жадно ему училась. Столь раннее обращение Сумарокова к оде Руссо свидетельствует, что недостаток способа выражения мыслей и чувств в новой русской поэзии ощущался с самого ее начала. Несвоевременный романтический всплеск Сумарокова обусловлен, по-видимому, чрезмерной узостью и чистотой раннего русского классицизма, определявшегося исключительно Ломоносовым.

С. И. НИКОЛАЕВ

ОТРЫВОК «ИЗ ТИТА ЛИВИЯ» А. П. СУМАРОКОВА

В первом мартовском листе журнала «Праздное время в пользу употребленное» за 1760 г. Сумароков напечатал небольшой отрывок «Из Тита Ливия».[1] Н. И. Новиков перепечатал его в обоих изданиях «Полного собрания всех сочинений» без каких-либо перемен в тексте,[2] но опустив авторское примечание в журнальной публикации — «Из рускаго перевода в стихи преложил. С.». Это не единственное примечание такого рода у Сумарокова, уже в следующем листе «Праздного времени» он напечатал стихотворение «Ийти конечно вон из света» (это перевод 14-й оды 2-й книги Горация) с примечанием «Преложено в стихи из рускаго перевода».[3] И в случае с переложением Тита Ливия, и с переложением оды Горация такое примечание Сумарокова было более чем уместно — латыни он не знал.

Перевод, которым воспользовался Сумароков для своего переложения, отыскался — это «Повесть о Каии Маркии Кориолане,

---

[1] См.: Праздное время в пользу употребленное. 1760. Ч. 3. Л. 10. 4 марта. С. 144–145.

[2] См.: *Сумароков А. П.* 1) Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 1. С. 285–286; 2) Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. 1. С. 287–288.

[3] См.: Из Горация. Кн. II. Од. XIV. Ийти конечно вон из света / Преложено в стихи из рускаго перевода // Праздное время… 1760. Ч. 3. Л. 11. 11 марта. С. 161–163.

© С. И. Николаев, 2015

из книги II историй Тита Ливия Патавийскаго», опубликованная в «Барышке Всякой всячины».[4] Хотя имя переводчика в публикации не указано, нет сомнений, что он принадлежит издателю, Г. В. Козицкому. Ситуация, конечно, не совсем обычная — источник переложения был опубликован ровно десять лет спустя после публикации самого переложения, но тому есть свои объяснения. В «Барышке Всякой всячины», который и был продолжением «Всякой всячины», Козицкий печатал преимущественно переводы, в том числе из прежних запасов, что было особо оговорено («пока запаса исписанных бумаг станет»). В 1759 г. Козицкий активно печатался в «Трудолюбивой пчеле» Сумарокова и опубликовал там много переводов классических авторов,[5] в том числе и из Тита Ливия.[6] Надо полагать, перевод «Повести о Каии Маркии Кориолане…» был готов уже в 1759 г., когда с ним познакомился Сумароков, но он не успел или не захотел напечатать его в своем журнале. Дословные (или почти дословные) совпадения в переложении Сумарокова с переводом Козицкого не позволяют сомневаться, что именно перевод Козицкого был использован Сумароковым, например: «Кориолан будучи изгнан из Рима <…> пошел к Вольскам» (Козицкий) — «Кориолан будучи изгнан из Рима, пошел к Волскам» (Сумароков); «чтоб город, котораго мужи не могли защитить оружием, прошением и слезами защитили жены» (Козицкий) — «чтоб тот город, котораго мужи не могли защитить оружием, прощением своим защитить и слезами» (Сумароков) и др. Сумароков, безусловно, значительно переработал перевод Козицкого, поскольку речь матери Кориолана, Ветурии, он изложил в стихах. Именно ради этой речи он и обратился к переводу Козицкого, поскольку отрывок «Из Тита Ливия» помещен в «Праздном времени…» в разделе «Разные стихотворения», хотя первая половина отрывка написана прозой. Это акцентированное внимание к стихотворному переложению речи Ветурии позволяет предположить, что отрывок Сумарокова связан

---

[4] См.: Барышек Всякия Всячины. 1770. 11 полулист. С. 489–493.

[5] См.: *Степанов В. П.* Козицкий Г. В. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2 (К-П). С. 95.

[6] См.: Из второй книги Историй Тита Ливия Патавитянина. О походе Фабиев противу Веентян / Перевел с латинского Г. К. // Трудолюбивая пчела. 1759. Дек. С. 734–738.

с другой журнальной публикацией, имеющей отношение к Кориолану.

В январе 1760 г. в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение» было напечатано стихотворение И. В. Шишкина (1722–1751) с таким пояснением: «Сии стихи найдены после смерти г. капитана Шишкина, и будучи не исправно переписаны, с некоторой поправкой в свет издаются».[7] Эта публикация замечательна по нескольким причинам. Во-первых, это единственное известное стихотворение Шишкина. По свидетельству Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря» (1772), Шишкин «много написал хороших песен, элегий и других мелких стихотворений. Песни его напечатаны в собрании песен».[8] Но ни одно из этих стихотворений, не говоря уже о песнях, не дошло до нас с твердой атрибуцией. Во-вторых, стихотворение Шишкина в «Полезном увеселении» стало, видимо, первой в истории русской литературы публикацией литературного наследия уже покойного писателя, поскольку сатиры А. Кантемира будут изданы только через два года. Наконец, Шишкин, которому ко времени кончины не исполнилось и 30 лет, открывает и череду много обещавших, но рано ушедших «младых певцов». Новиков так подвел итог его жизни: «…но смерть, лиша его жизни, отняла и надежду видеть в нем, может быть, славного стихотворца». Нам Шишкин известен прежде всего как переводчик прозаических сочинений, тогда как современники ценили в нем в первую очередь поэта.

Стихотворение Шишкина предварено прозаическим предисловием, значительно меньшим по объему, чем у Сумарокова: «Когда Кориолан за обиду на Рим озлился, и предался к Валискам, где ему дана над войском команда, с которым он пришед сильно утеснил Римлян: тогда ево мать и жена, держав на руках детей своих, из города к нему выходили, и жена ему следующую речь говорила, из которой довольно видно, сколь много римский народ имел любви к отечеству и славе». Затем идет собственно речь к Кориолану. У Шишкина она занимает 58 строк, у Сумарокова — 28. Главное отличие монологов заключается в том, что у Сумарокова в соответ-

[7] См.: Полезное увеселение. 1760. Янв. № 2. С. 30–32.

[8] *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 364.

ствии с Ливием, а также Плутархом его произносит мать Кориолана, а у Шишкина — жена Кориолана.

Не приходится сомневаться, что стихотворение Шишкина — это перевод или свободная парафраза какого-то иностранного источника. История Кориолана воплощена во многих литературных произведениях XVII–XVIII вв., прежде всего в драматургии, достаточно вспомнить трагедию В. Шекспира,[9] не говоря уже о живописи и музыке. Но ни в одной из просмотренных мною трагедий (до 1751 г.) нет такого монолога жены Кориолана, его всегда произносит мать.[10] Причем в некоторых трагедиях присутствует только мать, или даже обе женщины отсутствуют, в некоторых у жены есть небольшие реплики к мужу, но не развернутый монолог о «любви к отечеству и славе». Речь Ветурии к сыну из истории Тита Ливия даже включалась в пособия по риторике XVIII в. в качестве образцовой,[11] что также способствовало ее известности. Видимо, к этой традиции восходит героида Д. И. Хвостова «Ветурия к Кориолану», опубликованная им в 1787 г. в «Новых ежемесячных сочинениях».[12] Приходится признать, что на сегодняшний день источник стихотворения Шишкина неизвестен. Его можно будет обнаружить либо при более систематическом поиске, либо рассчитывать на случайную находку.

---

[9] См.: Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris, 1869. T. 5. P. 141–142; The Classical Tradition / Ed. by A. Grafton, G. W. Most, S. Settis. Cambridge (Mass.); London, 2010. P. 536–538; Die Rezeption der antiken Literatur: Kulturhistorisches Werklexikon / In Verbindung mit B. Egger; herausgegeben von Ch. Walde. Stuttgart; Weimar, 2010. S. 422–439. (Der neue Pauly. Supplemente, Bd. 7).

[10] См.: *Chapoton F.* Le véritable Coriolan, tragédie. Paris, 1638; *Abeille G.* Coriolan, tragédie. La Haye, 1682; *Richer H.* Coriolan, tragédie. Paris, 1748; *Thomson J.* Coriolanus, a tragedy. London, 1749; *Mauger.* Coriolan, tragédie. Amsterdam, 1751.

[11] См.: Orationes ex Sallustii, Livii, Curtii et Taciti historiis collectae, ad usum scholarum Universitatis Parisiensis. Parisiis, 1745. P. 60–61; *Dominique de Colonia.* De arte rhetorica libri quinque. Lugduni, 1752. P. 295; *John Holmes, Cassius Longinus.* The Art of Rhetoric Made Easy, Or, The Elements of Oratory Briefly Stated, and Fitted for the Practice of the Studious Youth of Great Britain and Ireland, in Two Books. London, 1755. P. 93; Selecta ex Cicerone, Livio, Tacito, Paterculo, Plinio. Etonae, 1759. P. 162–163. — За указания на эти источники благодарю А. А. Костина.

[12] См.: Д. Х. Героида Ветурия к Кориолану // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 15. Сентябрь. С. 57–62. В соответствии с жанром героиды это не речь, а послание. Героида Хвостова насчитывает 98 строк.

Стихотворение Шишкина, безусловно, стало известно Сумарокову, поскольку в том же номере «Полезного увеселения» была опубликована «Ода господина Руссо…, переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым». Это позволяет полагать, что отрывок «Из Тита Ливия» Сумарокова, опубликованный через два месяца, как-то связан со стихотворением Шишкина. Но Сумароков о своих мотивах умолчал, поэтому о них можно только догадываться. Самым осторожным будет предположение, что Сумароков в надежной опоре на первоначальный источник — историю Тита Ливия — решил исправить историческую неточность у Шишкина и вложил речь в уста матери Кориолана, а не жены. В переложении самой речи Сумароков точно следовал переводу Козицкого. Дело дошло до того, что 183 словам (включая предлоги и частицы) в речи Ветурии в переводе Козицкого соответствуют 183 слова (включая предлоги и частицы) в ее стихотворном переложении Сумароковым. Совпадение, конечно, поразительное и, безусловно, случайное, но говорит о тенденции к точности у Сумарокова. В других случаях Сумароков мог приняться за переработку и исправление чужого произведения, как он поступил несколько ранее с Ломоносовым,[13] а несколько позднее с Тредиаковским.[14] Со стихотворением Шишкина он так поступить не мог, поскольку исходный текст противоречил исторической правде: речь о «любви к отечеству и славе» должна произносить мать Кориолана. С точки зрения переводоведения, позиция Сумарокова выглядит если не вполне убедительно, то хотя бы понятно.

Но тогда получается, что Сумароков выступает против художественного вымысла. В конце концов, чем вымышленная речь матери Кориолана у Ливия лучше вымышленной же речи жены Кориолана на ту же самую тему в неустановленном источнике Шишкина? Парафразе в самом широком смысле слова Шишкина Сумароков противопоставил перевод, причем перевод точно так же в самом широком смысле (помимо перевода с языка на язык, это еще и перевод прозы в стихотворную речь). Поскольку подозревать Сумарокова

---

[13] См.: *Николаев С. И.* Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

[14] См.: *Николаев С. И.* А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // Russian Literature. 2002. Vol. 52, № 1–3. P. 141–149.

в нетерпимости к художественному вымыслу не приходится, то мы вынуждены вернуться к банальной соревновательности, точнее, поучительности в сумароковском литературном поведении. После соревнования с Ломоносовым в январском номере «Полезного увеселения» в переводе оды Ж.-Б. Руссо Сумароков прочитал там же стихотворение Шишкина и вступил в заочное соревнование с ним. Видимо, он не стал придавать значения тому, что это мемориальная публикация, к тому же подправленная редакцией, что автор, который был младше Сумарокова на пять лет, почил почти десять лет назад, что это был выпускник того же самого Сухопутного шляхетного корпуса, что и Сумароков, наконец, Шишкин фактически был последователем Сумарокова. «Я на правду черт!» мог бы воскликнуть и Сумароков. Если предположение о соревновательном характере отрывка «Из Тита Ливия» справедливо, то приходится признать, что это оказался неудачный опыт соревнования.

Е. Д. КУКУШКИНА

МЕТАМОРФОЗЫ МОЛЬЕРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(комедия «Рогоносец по воображению» А. П. Сумарокова)

30 апреля 1772 г. А. П. Сумароков писал Екатерине II: «…сочинил я одну трагедию <…> да еще три комедии, в которых разнообразно пороки изъясняются <…> мне прозаические комедии сочиняти, имея и теорию, и практику и видя ежедневные новые в невежах глупости и заблуждения, очень легко».[1] Речь в письме шла о трагедии «Мстислав» и комедиях «Мать — совместница дочери», «Вздорщица» и «Рогоносец по воображению». Они стали последними драматическими произведениями Сумарокова. При жизни автора была напечатана только трагедия, но все они ставились на сцене.

Комедия «Рогоносец по воображению»[2] входила в репертуар театра М. Е. Меддокса в Москве, где была представлена 2 ноября 1782 г. Сюжетными линиями она напоминает и пьесу Ж. Б. Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (1660)[3] и комедию Вольтера

---

[1] Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 153 (Публикация В. П. Степанова).

[2] Рогоносец по воображению // Сумароков А. П. Полн. собр. соч. М., 1781. Ч. 6. С. 3–56.

[3] *Косман А.* Комедии Сумарокова // Учен. зап. ЛГУ. № 33. Сер. филол. наук. Вып. 2. Изд. ЛГУ. 1939. С. 181.

© Е. Д. Кукушкина, 2015

«Шотландка» (1760), в которой граф сватается к бедной служанке.[4] Сумароков позаимствовал у Мольера название комедии и ситуацию мнимой супружеской измены, на которую опирается сюжет, а также особый комический прием, когда ход пьесы поддерживается заблуждениями персонажа и его обманчивым воображением. Действие перенесено в семью провинциальных российских дворян Хавроньи и Викула.

Как и в других комедиях Сумарокова, действующие лица по ходу пьесы высказываются о важных общественных проблемах того времени. Предметом насмешки в «Рогоносце» становятся сложности, возникающие в обращении к дворянам в соответствии с их титулом и чином. Упоминаются устаревшие, но все еще действующие правила наследования, по которым после смерти одного из супругов другому полагается лишь одна седьмая часть его недвижимого имущества. Устами служанки осуждаются необразованные дворяне, кичащиеся своим благородным происхождением. Говорится о слишком высоком проценте, который взимается при обмене медных денег на ассигнации.

Однако эта комедия имеет и существенные особенности.

Необычно имя героини — Хавронья. В комедиях Сумарокова действовали Клариса («Нарцисс», «Тресотиниус»), Гидима («Чудовищи»), Финетта («Чудовищи», «Пустая ссора»), Салмина и Деламиза («Пустая ссора»), Сострата («Опекун»), Ниса («Опекун», «Рогоносец по воображению»), Минодора и Олимпия («Мать — совместница дочери»).

Хавронья — народно-разговорный вариант старинного женского имени Февронья (Феврония). Оно имело и нарицательно-сниженное значение: Хавроньей называли домашнюю свинью.[5] В комедии неоднократно подчеркивается близость главной героини к миру животных. Она любит поесть, рассказывает о себе, что «ботвиньи обожралася». Дворянка, она сама кормит свиней.

В комедии Мольера комедийная интрига опирается на эпизод с портретом, который оказывается в руках разных действующих лиц и по-разному истолковывается ими. Мотив портрета есть и в пьесе

---

[4] *Стенник Ю. В.* Примечания к комедии «Рогоносец по воображению» // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 474.

[5] *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004. С. 369.

Сумарокова. Хавронья говорит мужу, что если бы граф, которого они ждут в гости, «велел бы маляру красками написать персону свою, я бы ее у себя поставила перед кроватью и не спустила бы с нее глаз». Эта реплика служит завязкой основной интриги, так как зарождает ревность в душе Викула.

Одной из самых значимых сцен комедии Сумарокова и для развития ее сюжета, и для характеристики персонажей стал рассказ Хавроньи о посещении Московского театра. Здесь она познакомилась с графом, а на сцене видела «какую-то интермецию»: «Вошла я в залу: заиграли и на скрыпицах, и на габоях, и на клевикортах; вышли какие-то и почали всякую всячину говорить, и уж махали, махали руками, как самые куклы. Потом вышел какой-то, а к нему какую-то на цепи привели женщину, у которой он просил, не знаю какова, письма, а она отвечала, что она ево изодрала, вышла. Ему подали золоченой кубок, а с каким напитком, етова я не знаю; етот кубок отослал он к ней, и все было хорошо. Потом какой-то еще пришел, поговорили немного, и что-то на него нашло: как он, батька, закричит, шапка с него полетела, а он и почал метаться, как угорелая кошка, да выняв нож, как прыснул себя, так я и обмерла. А граф этот, сидя тогда со мною в одном чулане и разговорився прежде еще интермеции, что я ево соседка, меня тогда мунгальской водкой, как я от страха обмерла, от смерти избавил» (д. 1, явл. 6).[6]

Это самый большой монолог в пьесе, действие которой развивается достаточно динамично. В. Н. Всеволодский-Гернгросс заметил, что речь в нем идет, по-видимому, о трагедии Сумарокова «Хорев».[7] Действительно, Хавронья описывает свои впечатления от 4-го действия трагедии. Впервые сыгранная в 1750 г., она оставалась в репертуаре петербургских и московских театров до конца 1790-х гг.

Как отметила О. Б. Лебедева, трагедии Сумарокова составляют «постоянный литературный фон» его комедий, начиная с комедии «Чудовищи», где персонажи также обсуждают трагедию «Хорев».[8]

---

[6] *Сумароков А. П.* Полн. собр. соч. Ч. 6. С. 9.

[7] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр второй половины XVIII века. М., 1960. С. 136.

[8] *Лебедева О. Б.* Поэтика русской высокой комедии XVIII — первой трети XIX веков. М., 2014. С. 67.

В монологе Хавроньи исследователи справедливо видели желание автора показать невежество героини, неразвитость ее интересов.[9] Но эта автопародия содержала и полемический выпад против Тредиаковского, который, высмеивая «Эпистолу о стихотворстве» Сумарокова, писал: «…оды свойство есть такое, по мнению Авторову, что она взлетает к небесам и свергается во ад <…> однако сие не значит, чтоб ей соваться во все стороны, как угорелой кошке…».[10] Сумароков ответил тогда на этот грубый выпад не менее резко: «Я, как угорелая кошка, не суюсь, а подлому изъяснению, как угорелой кошке, кроме его [Тредиаковского] сочинений, ни в какой критике места не нахожу».[11] Особенность комедийного творчества Сумарокова такова, что «по всем комедиям тянется неиссякаемая цепочка пародийных трагических автореминисценций» и полемических выпадов.[12]

Однако этим сатирическое содержание монолога Хавроньи не исчерпывается.

Сумароков не случайно писал Екатерине II, что «изъясняет» в комедиях пороки «разнообразно», то есть разными способами и приемами. Есть в этом «театральном» эпизоде скрытый смысл, который, впрочем, легко считывался образованными зрителями того времени.

Свинья в истории культуры — представитель превратного мира. Со свиным рылом нередко изображали чертей. Свинья была одной из символических фигур красочного маскарада «Торжествующая Минерва», состоявшегося в Москве в 1763 г. на масленичной неделе и приуроченного к торжествам в честь коронации Екатерины II. Сумароков писал к этому маскараду хоры. В течение трех дней (30 января, 1 и 2 февраля) с 10 часов утра и допоздна маскарадная процессия ездила по улицам города, демонстрируя «гнусность по-

---

[9] *Косман А.* Комедии Сумарокова. С. 182; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр… М., 1960. С. 160; *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 135.

[10] *Тредиаковский В. К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух Од, двух Трагедий и двух Эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Куник А. А. Сборник материалов для истории Имп. АН в XVIII в. СПб., 1865. Ч. 2. С. 473.

[11] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. X. С. 95.

[12] *Лебедева О. Б.* Поэтика русской высокой комедии… С. 68.

роков и славу добродетели». Минерве и ее спутникам, олицетворяющим добродетели, науки и художества, противопоставлялись фигуры, символизирующие различные пороки. Во второй маскарадной группе, изобличающей «смехи и бесстыдство», сатиры выезжали на свиньях. В седьмой группе, изображающей абсурдный мир, жителям показывали свинью, покоящуюся на розах.[13]

Героиня комедии, имя которой ассоциировалось со свиньей, мотив «превратных оценок», воспроизведенный Сумароковым в ее монологе, и откровенное указание автора на собственную трагедию, с успехом шедшую на сцене уже много лет, оживляли в культурной памяти зрителей известную латинскую поговорку «Sus Minervam docet» — «Свинья учит Минерву». То есть невежда поучает сведущего.[14] Или «Non sus Minervam» — Не Свинье учить Минерву. Эта поговорка встречается у Плутарха (Praec. polit. 7), Цицерона (Acad. post. I, 5, 18), в эпистолах Горация (Horaz. Epist. 1, 2, 26), у Феста (310 м), а также у М. Лютера и Рабле. Она существовала в разных вариантах — от развернутого у Цицерона (в переводе: «И если нелепо учить, как говорится, Свинье Минерву, то нелепо и кому бы то ни было учить Минерву») до сжатого «Свинье — Минерву» у Плутарха.[15] Поговорка бытовала в устной речи. Ее включали в переводные сборники изречений. В книге Франсуа Антуана Помея «Мифологический пантеон», переведенной И. И. Виноградовым и изданной под названием «Храм всеобщего баснословия, или Баснословная история о богах египетских, еллинских, латинских и других…» (Ч. 1–3. М., 1785), о богине Минерве говорилось: она «за самую вообще премудрость была почитаема, откуда произошла наиобыкновеннейшая в разговорах пословица <…> Свинья Минерву, поразумевая, учить. Употребляется в сем случае, когда неученой советует такому, от коего сам должен принимать советы».[16] Поговорка употреблялась достаточно долго. В начале XX в. ее упо-

---

[13] *Пыляев М. И.* Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Исторический вестник. 1885. № 21. Июль. С. 300–317.

[14] Латинский перевод греческой пословицы «Свинья поправляет Афину». Близко по значению к выражению «бросать жемчуг перед свиньями» (Мф. 7, 6).

[15] *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1997. С. 779.

[16] *Помей Ф. А.* Храм всеобщего баснословия. М., 1785. Ч. 1. С. 100–101.

мянул Александр Алексеевич Измайлов (1873–1921) в рассказе «Три пункта».[17]

Таким образом, в «театральном» эпизоде «Рогоносца» Сумароков выступил не только против необразованности провинциального дворянства, но и против всех своих критиков, включая покойного В. К. Тредиаковского, неодобрительно отозвавшегося о «Хореве» вскоре после его представления, и против И. П. Елагина, отношения с которым у него испортились с середины 1760-х гг., в частности, из-за замечаний, которые тот делал по поводу его пьес.

Обрушив язвительную сатиру на тех, кто задевал его авторское самолюбие, Сумароков словно истратил критический пыл. Хавронью и ее мужа Викула он рисует не сатирическими, а мягкими ироничными красками, не позволяя ослабнуть сюжетной интриге. Охваченный ревностью Викул неоднократно получает подтверждения тому, чего нет на самом деле. Он видит, что жена радуется приезду графа, причем непременно хочет встретить его сама. Она рассказывает мужу о своем пребывании с графом в ложе Московского театра и приказывает приготовить для него щедрые угощения. Когда граф целует Хавронье руку, Викул окончательно уверяется в своих подозрениях.

Комические ситуации, связанные с развитием сюжета, перемежаются сценами, изображающими «незатейливый жизненный уклад» мелкопоместных дворян, их привычку поспать после обеда, их каждодневные деревенские заботы, откровенность и непосредственность, с которой они выражают свои чувства, их хлебосольство.[18] Ожидая в гости графа, Хавронья приказывает дворецкому «паутины… обместь, а двери-то… подмазать, чтобы не скрыпели». Она велит слугам накормить «и людей, и лошадей его сиятельства», а для важного гостя приготовить свиные ноги «со сметаной да с хреном», «начинить желудок», «кашу размазню сделать», «с мор-

---

[17] В рассказе смотритель гимназии пытается оправдать плохие знания гимназистов в Законе Божьем тем, что их учат по новой педагогике, «кажется, Песталоцци», на что Архиерей замечает: «…Ну его, чужеземный ум. Право, другой раз подумаешь — вот Sus Minervam docet» (*Измайлов А. А.* Рыбье слово. СПб., [1903]. С. 197).

[18] *Стенник Ю. В.* Драматургия русского классицизма. Комедия // История русской драматургии XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 130.

ковью пироги, пирожки с солеными груздями, левашники с сушеной малиной, фрукасе из свинины с черносливом, французский пирог» с начинкой «из брусничной пастилы» и калужское тесто — лакомство, пользовавшееся особой популярностью в XVIII–XIX вв.[19] После обеда она распоряжается принести «стручков бобов, моркови, репы, да огурцов и свежих, и свежепросольных, а кофий подать с сахаром» (д. 1, явл. 8).

Хотя Хавронья и Викул наделены некоторыми человеческими недостатками, их нельзя считать отрицательными персонажами. По словам дворецкого, они «ни щегольства, ни картежной игры не жалуют» — важная деталь характеристики, ведь Сумароков неоднократно осуждал эти пороки. Внешне сугубо приземленная жизнь супружеской четы, ограниченная повседневными домашними хлопотами, имеет неожиданное внутреннее содержание — прочную взаимную любовь. Хавронья обращается к мужу со словами: «Моя ласточка! Да я тебя и на Бову-королевича не променяю», «вишневая моя ягодка», «сильный могучий богатырь», «каков граф-от ни преузорочен, да ты мне и его прекраснее», «красное мое солнушко». Викул называет жену «мое сокровище», «сердечушко», «алмазный мой камышек», «подсолнечная моя звездочка». Заподозрив ее в неверности, он приходит в отчаяние: «Вот до чего дожила голова моя! <…> О Хавронья, Хавронья! С ног ты меня срезала! <…> Я бы и развелся с нею, да много с нею детей и внучат нажил, а скоро и правнучата будут, да и ее люблю я страстно, и хотя она уже и за шестьдесят лет, а когда примахнется, так и двадцатилетнюю женщину за пояс заткнет». В драматическом произведении, призванном по законам жанра смешить и поучать, зритель видел трогательную идиллию стариков-супругов, лишь по недоразумению нарушенную абсурдным подозрением. Так, в комедии Сумарокова неожиданно возникает еще очень слабо намеченная тема ценности простого семейного существования.

Очень похожих героев, простодушных, гостеприимных, любящих друг друга, живущих ничем не примечательной обыденной

---

[19] Калужское тесто готовили из сухарей бородинского хлеба с добавлением сахарного песка, корицы, гвоздики и бадьяна. В кипящую воду закладывали все ингредиенты, затем оставляли в тепле на 10–12 часов. Готовому тесту придавали любую форму, обсыпали сахарным песком и хранили в холоде.

жизнью, в которой царит культ еды, мы встретим в доме с «поющими дверями» спустя более чем полвека в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835), как типичное когда-то, но уходящее явление. Одним из персонажей его «Сорочинской ярмарки» станет дородная Хавронья Никифоровна, Хивря, которая будет потчевать бурсака галушками, пампушками, варениками и товченниками.

Читал ли Гоголь «Рогоносца» Сумарокова и не его ли персонажи стали прототипами Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича Товстогубов? Интерес к чтению, к театру, к творчеству Мольера — все это должно было вызвать интерес Гоголя и к переделке Сумарокова. Семья Гоголь-Яновских поддерживала тесные отношения со своим ближайшим соседом и родственником Дмитрием Прокофьевичем Трощинским.[20] Мария Ивановна Гоголь-Яновская подолгу гостила с детьми в его имении Кибинцы в годы детства Гоголя, а также в годы его отрочества и юношества.[21] Здесь бывшим министром и сенатором был устроен домашний театр, на сцене которого выступали и родители Гоголя. В обширной библиотеке Трощинского была коллекция русских драматических сочинений, составлявшая более пятидесяти номеров. Были в библиотеке также собрания сочинений Я. Б. Княжнина, В. В. Капниста, М. М. Хераскова и первое издание сочинений А. П. Сумарокова (М., 1781–1782).[22]

Преподавателем словесности в Нежинской гимназии, где учился Гоголь, был профессор П. И. Никольский, «страстный приверженец русского классицизма». Несмотря на внутреннее сопротивление гимназистов, он настойчиво воспитывал у них интерес к литературе предшествовавшего века.[23]

Гоголь знал творчество Мольера с юношеских лет. Известно, что в масленичную неделю 1827 г. студенты Нежинской гимназии

---

[20] Брат Д. П. Трощинского Андрей был женат на Анне Матвеевне Косяровской, которая приходилась родной теткой матери Гоголя.

[21] Дмитрий Прокофьевич Трощинский // Русская старина. 1882. Т. 6. Июнь. С. 642, 652.

[22] Каталог антикварной библиотеки, приобретенной книгопродавцем Е. Я. Федоровым после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874. С. 194–227.

[23] Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881. С. 294, 296.

представляли комедии «Скупой» и «Лекарь поневоле».[24] Кроме переделки Сумарокова существовали еще два перевода «Сганареля», осуществленные в XVIII в., с которыми мог быть знаком Гоголь. Это прозаический перевод «Комедия Сганарель, или Мысленно-рогатый в трех действиях. Р. Г.» (М., 1788), который был представлен на петербургской сцене в 1795–1797 гг., и вольный стихотворный перевод В. В. Капниста, с семьей которого Гоголи находились в самых дружеских отношениях. Перевод Капниста «Сганарев, или Мнимый Рогоносец. Комедия в трех действиях» был сделан в конце 1780-х гг. и тогда же впервые представлен. Позже, в переработанном виде, эта пьеса игралась на Петербургской сцене в 1806 г., а затем с поправками, внесенными по указанию цензора, под названием «Сганарев, или Мнимая неверность» в Петербурге в 1807–1816 гг., а в Москве в 1812 и 1815 гг.[25] «Мнимый рогоносец» в переводе А. Ротчева (М., 1825) был среди книг Д. П. Трощинского. В конце 1839 — начале 1840 г., Гоголю довелось редактировать прозаический перевод «Мнимого рогоносца» Мольера, выполненный друзьями М. С. Щепкина для его бенефиса.[26]

Критическое отношение к французскому драматургу, сформировавшееся у Гоголя, в начале 1830-х гг. скорректировал Пушкин. По свидетельству П. В. Анненкова, Гоголь рассказал, что Пушкин сделал ему «порядочный выговор и крепко побранил за Мольера. Я сказал, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тут он меня поймал и объяснил, что писатель, как Мольер, надобности не имеет в пружинах и интригах; что в великих писателях нечего смотреть на форму, что, куда бы он ни положил добро свое, — бери его, а не ломайся».[27] В критической статье «Петербургские записки 1836 года» Гоголь противопоставляет «великого Мольера», который «обширно и в такой полноте развивал

---

[24] *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни. 1809–1845. М., 2004. С. 103.

[25] Подробно об этих переводах см.: *Дмитриева Е. Е.* «Сганарель, или муж, думающий, что он обманут женою» (квазиперевод Гоголя и традиция перевода мольеровской пьесы в России) // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 223–235.

[26] Там же. С. 217–218, 230–235.

[27] *Анненков П. В.* Материалы для биографии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1873. С. 361.

свои характеры, так глубоко следил все тени их…», современной мелодраме, не отражающей того, «что вседневно окружает нас, что неразлучно с нами, что обыкновенно» и что «может замечать один только глубокий, великий, необыкновенный талант».[28]

Незамысловатая завязка, охватывающая всех действующих лиц и заставляющая их поверить в невозможное, подобная той, на которой держится сюжет у Мольера в «Сганареле», и описание обыденной жизни, балансирующее между иронией и поэтизацией, сходное с тем, что наметилось в комедии-переделке Сумарокова, составят в совокупности особую эстетику гоголевского комизма.

Не менее жизнеспособным оказался образ свиньи Хавроньи как недоброжелательного и невежественного критика, зримо воссозданный Сумароковым в его комедии. Он закрепился в сатирической поэзии, придя на смену Зоилу.[29] Несомненное генетическое родство с метафорой Сумарокова обнаруживается в известной басне И. А. Крылова «Свинья» (1811) с резюмирующей моралью: «Не дай Бог никого сравненьем мне обидеть! / Но как же критика Хавроньей не назвать, / Который, что ни станет разбирать, / Имеет дар одно худое видеть?».[30]

С обращения «Хаврониос! ругатель закоснелый…» (1820) начиналась острая эпиграмма А. С. Пушкина на М. Т. Каченовского.[31]

В 1845 г. П. А. Вяземский опубликовал в «Отечественных записках» стихотворение «Хавронья», перефразирующее басню Крылова и направленное против Ф. Булгарина как театрального критика. Оно начиналось словами «Свинья в театр когда-то затесалась / И хрюкает себе — кому хвалу, / Кому хулу. Не за свое взялась, хавронья; ты зазналась. / Театр не по тебе, — ты знай свой задний двор, / Где, не жалея рыла, / Ты с наслажденьем перерыла / Навоз и сор…».[32]

Завершает этот типологически сходный ряд басня С. В. Михалкова «Журавль и Хавронья», поводом к написанию которой стал

---

[28] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1884. Т. 4. С. 298.

[29] О Зоиле в русской критике XVIII в. см.: *Николаев С. И.* «Зоил в Российских градех». (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17–27.

[30] *Крылов И. А.* Сочинения. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма. М., 1946. С. 76.

[31] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1937–1949. Т. 2. С. 153.

[32] Отечественные записки. 1845. № 4. С. 328.

известный скандал, случившийся в 1962 г. в Москве, в Манеже, на выставке картин художников-авангардистов. В отличие от реальных последствий конфликта между художниками и властью, басня имеет другой, примирительный, финал: «Но что, по существу, Хавронью так задело? <…> Журавль был графиком — он клювом рисовал, / Хавронья пятачком картины малевала. Мазков на полотне — Журавль не признавал, / Штрихов на полотне — Свинья не признавала».[33]

В книге «Русский классицизм» И. З. Серман писал о судьбе комедии и басни в России: «Эти сатирические жанры обнаружили чрезвычайную устойчивость и жизнеспособность. Поэтому для последней, завершающей стадии развития русского классицизма характерно развитие новых литературно-эстетических устремлений внутри этих жанров, при внешнем соблюдении каких-то очень существенных жанровых форм».[34] Поздняя комедия А. П. Сумарокова «Рогоносец по воображению» — один из примеров такой внутренней трансформации жанра и зарождения в нем новых художественных средств.

---

[33] *Михалков С. В.* Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Басни и сатирические стихи. Басни в прозе. Сценки. Миниатюры. М., 1981. С. 71.

[34] *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 158.

А. С. СИЛИНА

СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ ВЯТСКИХ СЕМИНАРИСТОВ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Курсы семинарий XVIII в. строились по барочной латинской методике и включали в себя изучение наук тривиума (грамматики, логики, риторики), а также нормативной «пиитики». Для студентов-семинаристов обязательными были упражнения в стихотворстве и красноречии. Большая часть рукописей Вятской духовной семинарии XVIII в., хранящихся в Региональном центре книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки им. А. И. Герцена, непосредственно относится к учебному процессу. Так, среди вятских рукописных книг есть и рабочие тетради учеников, и записи преподавателей, и учебники, и поэтические сборники.

Семинаристским стихотворным опытам посвящено исследование 1897 г. «Вятские стихотворцы XVIII века» А. С. Верещагина.[1] В XX в. оно легло в основу представлений о ранней поэзии Вятской земли. Исследования семинарской поэзии, выполненные кировскими филологами в прошлом веке, по существу лишь адаптируют разыскания ученого к новейшей филологии. Обобщающая работа о писателях в Вятке принадлежит Н. П. Изергиной.[2] Вместе с тем в последние годы появились публикации В. А. Поздеева, в ко-

[1] *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века: В 2-х вып. Вятка, 1897.

[2] *Изергина Н. П.* Писатели в Вятке: Литературно-краеведческие очерки. Киров, 1979.

© А. С. Силина, 2015

торых поэтические сборники Вятской семинарии из архива Кировской библиотеки им. А. И. Герцена были описаны заново.[3]

* * *

Наибольший интерес представляют четыре сборника середины XVIII в. из рукописного фонда библиотеки Кирова. Первый из них — самая пространная из сохранившихся рукописей (№ 100) — сборник Г. С. Шутова.[4] Он был обнаружен в конце XIX в. на чердаке «одного казенного дома» и подарен «одним отцом протоиереем» А. С. Верещагину, который использовал книгу в своем исследовании.[5] Сборник Шутова состоит из 374 листов, размер 22×17,5 см, при реставрации был переплетен в картон. В библиотечном описании сборник датирован второй половиной XVIII в., и более точная датировка затруднительна. Сшитый из многочисленных малых тетрадей в начале XIX в., сборник представляет собой конволют. Между собой тетради отличаются набором признаков: цветом и фактурой бумаги, водяными знаками, различными почерками и манерой письма (встречается и скоропись, и гражданское письмо). В особенности тетради различаются содержанием. На форзаце сборника запись: «Сия книга города Слободского протоиерея Гавриила Софрониева сына Шутова подписана им 1804 года месяца мая, 19 дня».[6] Вероятно, именно тогда и был переплетен сборник. На основании записи условно можно называть рукопись № 100 сборником Шутова.

Гавриил Софрониевич Шутов (1743–1807)[7] на семнадцатом году поступил в класс «пиитики» Вятской духовной семинарии к Григо-

---

[3] *Поздеев В. А.* 1) Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3 (1). С. 109–115; 2) Сборник вятских семинаристов начала XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3 (2). С. 95–99.

[4] Рукопись описана В. А. Поздеевым (*Поздеев В. А.* Сборник вятских семинаристов начала XIX в. С. 95–99).

[5] *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 32–51.

[6] А. С. Верещагин и вслед за ним Н. П. Изергина предполагают, что сборник был переплетен сыном Шутова (Там же. С. 36–37).

[7] О Шутове см.: *Изергина Н. П.* 1) Шутов Г. С. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 431–432; 2) Писатели в Вятке. Киров, 1979.

рию Демьяновичу Хрещатицкому. В 1762 г. Шутов продолжил обучение стихотворству у Петра Ивановича Любарского, а в 1763/64 учебном году обучался у него риторике. Зарекомендовав себя способным версификатором, Шутов был оставлен в школе по ее окончании и занял пост преподавателя поэтики. В течение четырех лет он преподавал стихотворство в семинарии (с 1764 по 1768), затем был переведен иереем в город Слободской Вятской губернии.

Сборник Шутова очень разнороден по содержанию. Большую часть конволюта занимают сочинения на русском и латинском языках, прямо или косвенно восходящие к семинарским наукам, но есть и другие тексты. Так, в книгу включены заметки, иллюстрирующие частную жизнь Шутова и/или его окружения, то есть «деревенский врачебник», кулинарные рецепты и другие случайные записи. Помимо интересующих нас школьных стихотворных текстов, составляющих около трети рукописи, в сборнике присутствуют стихотворения известных поэтов (А. И. Дубровского и Г. Р. Державина), тексты, отражающие обучение в классе риторики (орации), словарики значений мужских и женских имен и крылатых латинских выражений, пространное «Введение в историю» на русском языке и т. д. Шутов включил в сборник также отрывок из учебника «пиитики», написанный рукой своего предшественника Матвея Александровича Ушакова и, вероятно, его же авторства.[8] Заметки выполнены на латинском языке с примерами русских стихов. По мнению А. С. Верещагина, именно они стали проводником силлаботоники в Вятской семинарии.[9]

С. 13–16; 3) Слободской протоиерей — Гавриил Софрониевич Шутов // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского чудотворца). Киров, 1996. Т. 2. С. 58–63; Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом? В 10 т. Киров, 1995. Т. 2: Литература. С. 34–36.

[8] Об Ушакове см.: *Изергина Н. П.* 1) Ушаков М. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р–Я). С. 300; 2) Писатели в Вятке. С. 12–13; 3) Поэт Матвей Александрович Ушаков // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 321–322; *Колчанова С. В.* Новые материалы о поэте М. А. Ушакове // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского чудотворца). Т. 2. С. 63–64; Энциклопедия земли Вятской. Т. 2: Литература. С. 33–34.

[9] *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 32–33.

Школьные стихотворения начинаются в конволюте с 87 листа. Новая тетрадь подписана: «Сии сочинения бывшего поэзии учителя Гавриила Софрониевича Шутова». По-видимому, в рукописи № 100 находятся несколько рабочих тетрадей Шутова, относящихся к разным периодам его жизни — и ко времени его обучения, и к эпохе преподавания «пиитики». Датировать их точно затруднительно. Можно установить лишь хронологические границы времени создания текстов из тетрадей Шутова — не ранее 1761 (года поступления Шутова в класс «пиитики») и не позднее 1768 (года окончания преподавания в семинарии). Помимо собственных сочинений, Шутов записывает тексты своих учеников, обозначая их авторство.

В Библиотеке Академии наук хранится рукопись, которая, по всей вероятности, изначально входила в состав сборника Шутова.[10] Такой вывод можно сделать на основании публикации «Вятские стихотворцы XVIII века». В работе исследователь рассматривает наиболее яркие сочинения сборника Шутова, некоторые из них цитирует. При сличении описания А. С. Верещагина и самой рукописи выявляется ряд несовпадений. Прежде всего, далеко не все тексты, по А. С. Верещагину составляющие сборник, в нем отыскиваются. Однако все отсутствующие в кировском конволюте сочинения обнаруживаются в петербургской рукописи. В описании рукописного отдела БАН[11] она названа «Сборник упражнений в пиитике преподавателей и учеников Вятской духовной семинарии» и датируется 1760-ми гг. Состоит рукопись из 40 листов в 4°. Переплет — картон в ледерине — изготовлен при реставрации рукописи. Согласно описанию рукописи, сборник поступил в библиотеку в 1970 г. Там же указано, что рукопись, по-видимому, принадлежала Шутову. Как и «пиитические» тетради в кировском конволюте, данный сборник состоит из сочинений самого Шутова и его учеников, также в нем записаны некоторые стихотворения Матвея Ушакова. Кроме того, у тетрадей одинаковый жанровый диапазон. Замечательно, что и почерки в сборниках совпадают. По всей видимости, изначально и кировская, и петербургская рукописи принадлежали Шу-

[10] БАН. Шифр: Вятск. 150.

[11] Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII — первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Ред. А. М. Панченко. Л., 1980. С. 140–144. (Описание рукописного отдела БАН. Т. 4. Вып. 2).

тову и составляли одну общую рукописную книгу. На склоне лет вятчанин собрал свои довольно разнородные записи и переплел их в один конволют. Спустя почти столетие сборник попал к А. С. Верещагину и был использован им в исследовании. Уже из его архива часть конволюта была передана в Вятскую библиотеку, а часть — приобретена БАН. Работу А. С. Верещагина с обеими частями сборника подтверждает и наличие его правки и в той, и в другой части сборника. Сделанные одинаковым почерком, карандашные исправления внесены в текст опубликованных им материалов сборника. На принадлежность карандашной правки А. С. Верещагину указывал и И. Ф. Мартынов, справедливо заметивший, что она не столько «улучшила», сколько искалечила тексты стихотворений.[12]

Помимо карандашной правки А. С. Верещагина, в сборники присутствуют исправления, сделанные чернилами. Судя по их почерку, они принадлежат учителям семинарии. Как и в современной школе, в семинарии XVIII в. рабочие тетради учеников проверялись преподавателем. Семинарский учитель вносил правку в письменные упражнения своих подопечных, делал комментарии и выставлял оценки. Диалог между начинающим и профессионалом сохранился на страницах школьных тетрадей. По исправлениям и примечаниям старшего стихотворца можно судить о стихотворной и языковой норме того времени, быстро менявшейся в соответствии с развитием языка и поэзии. Учительские комментарии и правка в тетрадях Шутова, как установил А. С. Верещагин, принадлежат Григорию Хрещатицкому и Петру Любарскому.[13] Знаменательно, что поправки обнаруживаются и в сочинениях Шутова-учителя. Возможно, преподавательские записи подлежали проверке префекта семинарии, которым на тот момент был Петр Любарский. Сочинения Шутова — и ученические, и учительские — были не более чем выполнением обязанностей семинарского стихотворца. Являясь именно упражнениями, школьные поэтические тексты создавались по известным образцам и на известные темы.

В классе поэтики обучали писать в разных стихотворных жанрах, большое место в обучении отводилось переводу. В сборнике Шутова присутствуют переводы из «Метаморфоз» Овидия — опи-

---

[12] Там же. С. 140.

[13] *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 37.

сание источника, о смерти Актеона, о Дафне и Аполлоне, од Гораций. Помимо древних авторов, семинаристам предлагалось переводить из новолатинских поэтов. Так, Шутов перевел латинское стихотворение Марка-Антуана Мюре (1526–1585) «Вопль скорбящего сердца», которое Петр Любарский прокомментировал словами: «Уповай, призрит: близ бо Господь всем, призывающим его; всем призывающим во истине» и поставил свою подпись.

Студенты-семинаристы выполняли и описания в стихах. Существовало две разновидности описаний — описания мира и описания человека. Вот некоторые из подобных упражнений в сборнике Шутова: описания первого типа — «Описание занятий крестьянина», «Описание весны», «Описание прекрасного места»; описания второго типа — «Портрет разумного и честного человека», сделанное Василием Кашиным, видимо, учеником Шутова, «Неприхотливый человек», сделанное Степаном Пономаревым, «Картежник» — самим Шутовым.

В тетрадях Шутова около половины сочинений составляют басни, написанные на известные для русских баснописцев XVIII в. сюжеты. Помимо басен Шутова в сборник включены и басни его учеников Никиты Короваева («Лисица без хвоста»), Прокопия Заворохина («О Коте и Пиле»).

Школьная басня ставит перед нами ряд существенных вопросов. Во-первых, неизвестно, как формулировались задания по сочинению басен: предлагались ли учащимся сюжеты или они переводили басни в стихотворной форме с латыни. В последнем случае встает вопрос об источниках школьной басни. По-видимому, в семинарии использовали сборники басен на русском языке, не все из которых нам известны, но также и латинские сборники басен. Регулярно упражняясь в стихотворных переводах античных и новолатинских поэтов, ученики, по-видимому, переводили и басни.

Показательно, что «Несколько Эзоповых басенок…» В. К. Тредиаковского, став примером для школьной басни в отношении формы, не послужили для них источником сюжетов. Из семнадцати басен сборника Шутова лишь девять совпадает по своему сюжету с «басенками» Тредиаковского: «Курица, несущая золотые яйца», «Смерть и Старик», «Ворон и Лисица», «Лев престарелый», «Прохожий и Змея», «Волк и Журавль», «Волк и Ягненок», «Муха и Муравей», «Брюхо и Члены»; тринадцать — с сюжетами «Езоповых басен»

в переводе С. С. Волчкова 1747 г.[14] Басни Вятской семинарии имеют расхождения с известными в XVIII в. басенными сюжетами («Козел и Волк»), при этом используют редкие сюжеты, такие как «Кот в пиве». Басня «Козел и Волк» из сборника Шутова имеет лишь частичное сюжетное сходство с басней «Волк и Козленок» Тредиаковского,[15] которая восходит к Федру. В школьной басне присутствуют особенности, противоречащие классическому сюжету.

Тредиаковский

Козел и Волк

На пажить выходя Коза поутру с светом,
Козленку своему приказ дала советом,
Чтоб до-вечера в хлев дверей не отпирал
И никого б отнюдь к себе он не пускал.
Едва она ушла, как Волк там появился,
И голосом он столь, сколь можно,
притворился,
Подобясь Козину, а растворивши зев,
Просился у того Козленка очень в хлев.
Тот Волку отвечал: «Хоть просьба б лоб
разбила,
Мне безбородых всех пускать мать
запретила».[16]

Шутов

Волк и Козленок

Пошедши на поля Козел травой питаться,
А сыну своему в хлеве велел остаться,
Дабы он жизнь свою и здравье наблюдал,
Крепчае запереть ему дверь приказал.
«Хотя ж кто, — говорил он, — будет и
стучать,
Тебе, запершись тут, недолжно отвечать».
Лишь только отошел Козел сей от хлева,
Козлячьим гласом Волк произносил слова,
Любезным сыном стал Козленка называти
И двери, как отец, велел он отворяти.
Молоденкой Козел не знал, что Волк
крычит,
С весельем хлева отверсти дверь бежит.
Но Волк, ворвавшись в хлев, хватил
Козла за шею,
Вдруг горло прокусил и разлучил
с душею.
Читая баснь сию, ума младого дети,
Учитеся отцам послушность вы имети.[17]

---

[14] Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданные, а на российской язык переведены в С.-Петербурге, канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб., 1747.

[15] *Тредиаковский В. К.* Несколько Эзоповых басенок, для опытка гексаметрами ямбическими и хореическими составленных // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 121. (Лит. Памятники).

[16] Там же.

[17] Региональный центр книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки им. А. И. Герцена. № 100. Л. 120 об. Далее указание номера рукописи и страниц дается в скобках после цитат.

При общем сходстве мотивов, очевидны и расхождения. Так, вместо матери в школьном тексте действует Козел-отец, но наиболее ярко различаются концы двух басен. Козленок из семинарской басни проявляет себя менее осторожным, чем Козленок Тредиаковского, и, отперев Волку дверь, оказывается съеденным. Замечательно, что ни одна, ни другая особенность школьной басни не проявилась в издании прозаических басен Эзопа 1747 г., в котором басня на аналогичный сюжет называется «Волк, Козленок и старая Коза», а в ее финале Козленок остается жив.[18] Популярные переводные своды басен XVII в. также не отражают вышеуказанные варианты сюжета.[19]

Не обходили стороной на уроках поэтики и такой значимый для русской поэзии XVIII в. жанр, как ода, которая, по-видимому, считалась венцом поэтического мастерства для школьных стихотворцев: сочиняли оды преимущественно выпускники курса, освоившие все прочие жанры, и преподаватели. В семинариях регулярно писали торжественные государственные оды на примере образцов од Ломоносова. Наиболее замечательной разновидностью школьной пиндарической оды следует считать оду «на случай», обращенную к духовному лицу. В подобном варианте панегирической поэзии светская традиция, адаптированная к семинарским условиям, оказывалась трансформированной: государственная идея заменялась идеей церковной власти, а главные темы оды, государь и государство, — архиепископом и его епархией. Господство в школе такого типа оды объяснялось ее дополнительной внелитературной функцией. Еще в Киево-Могилянской академии XVII в. панегирики «на случай», которые зачитывались или пелись семинаристами, входили в программу школьного или церковного праздника. В XVIII столетии этот обычай был завезен в Северо-Восточную Русь.

В качестве подготовительного этапа перед допуском к сочинению од школьники должны были оттачивать свое мастерство, сочи-

---

[18] Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа… С. 143–144.

[19] Речь идет о рукописных переводах басен XVII в. — Ф. К. Гозвинского, А. А. Виниуса, П. Кашинского и др. См.: *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005.

няя небольшие панегирики, имеющие общую с одой символику и топику. Такие сочинения, называющиеся грату ляциями (от лат. gratulatio — «поздравление»)[20] и представляющие собой стихотворные поздравления высшим духовным лицам, занимали значительное место в программе класса поэтики. Благодаря своему небольшому объему (от 2 до 10 строк, редко — до 20), грату ляции считались, вероятно, довольно простыми упражнениями и систематически сочинялись учащимися на занятиях стихотворством. На основании небольшого размера таких стихотворений их можно, по-видимому, считать панегирической разновидностью сильвий, о распространенности которых в русской барочной поэзии говорит А. М. Панченко.[21] Предметом грату ляций могло стать любое событие, требовавшее поздравления или благодарности. Школьные панегирические стихотворения по обыкновению писались ко «дню патрона» (именин) высших духовных лиц епархии, на Пасху и Рождество Христово, а также по случаю приезда иногородних иерархов. Как и панегирики большего объема, грату ляции выполняли практическую функцию: в день праздника заученные приветствия произносились учителем или самими учениками. В тетрадях Шутова находится много таких стихотворных приветствий, посвященных преимущественно архиепископу Варфоломею (Любарскому) (1758–1774) и ректору семинарии Андрею (Таршевскому) (1764–1771). В части сборника Шутова, хранящейся в Кировской библиотеке им. А. И. Герцена, некоторые грату ляции помечены фамилиями учеников. Вероятно, они были исполнены названными школьниками в день торжества. Так, одной из грату ляций поздравил с Пасхой архимандрита Андрея Ермил Костров. Она построена на раскрытии аллегории пеликана, который считается символом жертвы Христа на кресте:

Премного и давно дивятся смертных роды,
Что птица пеликан есть жалостлив с природы.
Увидев мертвых чад, грудь собственну терзает,
Источник крови льет и сим их оживляет.
Но большую стократ мы ревность зрим Христову,
Когда для нас излил всю кровь и жизнь дал нову.

[20] Термин «грату ляция» использует А. С. Верещагин (*Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 16).

[21] *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVIII века. Л., 1973. С. 234.

В сердцах то наших жар усерднейший раждает
И с сим приветом вам предстать нас возбуждает.
Живи должайши век, счастливы дни считая,
Пока вселишься там с Христом, где жизнь златая.

(100. Л. 135 об.)

Учитывая, что гратуляция была написана, по-видимому, в конце 1760-х гг., поднесшему панегирик будущему поэту на тот момент было чуть больше десяти лет. Следовательно, можно говорить, что традиция приветствий отроками существовала и в Вятской семинарии.[22] Однако, если в столицах «парнасские дети» встречали песнями царских особ, то в провинциальном Хлынове традиция функционировала в трансформированном виде, и ученики начальных классов семинарии приветствовали панегириками местных иерархов.

По своей структуре гратуляция близка к панегирическому канту. Условно ее можно разделить на три части: сюжетная часть, которая может быть описательной или сравнительной, обращение поэта («привет») и собственно пожелание («моление»).

Описательная сюжетная часть раскрывает тему благополучия. В ней часто упоминаются герои и эпизоды античной мифологии, Парнас, Аполлон, музы, Сатурновы века:

Оставив музы Парнасские горы,
В средину спешат, где веселы хоры,
Где в арфу Орфей, в гусли Терпсихора
Бряцают, гремя, и нет в них раздора,
При них Амфион глас свой управляет,
Тут сладость сих муз камни оживляет.

(100. Л. 136 об.)

Приведенный отрывок — силлабический одиннадцатисложник, писавшийся с установкой на ямбическую тонизацию.

Тема благополучия может раскрываться и с помощью христианской символики, что особенно характерно для стихов на Пасху или Рождество Христово:

---

[22] Подробнее о традиции торжественных приветствий монарших лиц отроками в XVIII в. см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 58–60.

Среди вертепа расцветает
Несельный красно ныне крин,
Но сам ражденный возрастает
И Божий, и Мариин Сын.
В печали всех утешил верных
И небеси отверз чертог
Для зрения красот безмерных,
В котором царствует сам Бог.

(100. Л. 123–123 об.)

Одна из особенностей семинарской панегирической поэзии, — сочетание мифологических и христианских мотивов, — наиболее ярко воплотилась именно в грануляциях, из-за небольшого объема которых парадоксальность подобного сосуществования особенно выразительна:

Сатурнов век теперь опять нам возвратился,
Мессия бо уже для нас на свет родился.

(100. Л. 139 об.)

В основе сравнительной сюжетной части грануляций лежит абстрактная картинка-аллегория, например с использованием образов греко-римской мифологии:

Помону в Риме признавали
Владычицею всех садов,
В знак чести храмы созидали,
Давали жертвы от цветов.
Тебя мы также поздравляем...

(100. Л. 123)

Вторая часть похвального стихотворения представляет собой уже личное обращение стихотворца, в котором он предуведомляет адресата о том, что, исполнившись веселья, радости и «сердечного жара», желает принести «в дар привет», то есть поздравить его:

Подобным жаром мы пылая,
Принесть дерзаем сей привет.

(100. Л. 89)

Заключительная часть грануляции — это «моление», пожелание, которым по традиции завершается панегирик:

Недремлющее Божье око
Пусть здравие всегда хранит
И счастие твое высоко,
Как кедр в Ливане, возрастит.

(100. Л. 123)

Часто стихотворец молит Бога не только о долгой земной жизни лица, к которому обращена гратуляция, но и о его будущей жизни:

Живи должайши век, счастливы дни считая,
Пока вселишься там с Христом, где жизнь златая.

(100. Л. 138)

Таким образом, школьная гратуляция строится в целом по той же, только упрощенной, схеме, что и панегирический кант или ода, в составе которых также обязательно раскрывается тема благополучия, также присутствует «привет», также финальным аккордом звучит «моление».

* * *

В Региональном центре книжных памятников библиотеки им. А. И. Герцена под № 248 сохранилась еще одна рукопись, когда-то принадлежавшая Шутову, — учебник поэтики на латинском языке. На форзаце рукописи сделана запись: «Книга сия писана города Слободского Преображенского собора протоиереем Гавриилом Шутовым в бытность его Вятской семинарии в школе поэзии 1761 года учеником, в которой после был учителем в оной школе чрез три года». В нижней части титульного листа — экслибрис Шутова. Н. П. Изергина, исследовавшая рукопись, не проясняет вопроса об авторстве учебника.[23] Однако едва ли еще только ученик класса поэтики мог составить собственный учебник, но он мог записать курс поэтики за своим учителем или сделать копию с другого учебника для личного пользования. Так, В. А. Поздеев считает, что автором учебника был Матвей Ушаков.[24] Но учитывая, что Шутов

---

[23] *Изергина Н. П.* Слободской протоиерей — Гавриил Софрониевич Шутов. С. 59–60.

[24] *Поздеев В. А.* Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках). С. 111.

в 1761 г. учился в классе «пиитики» у Григория Хрещатицкого, его авторство учебника более вероятно. Это доказывает и запись на другой стороне форзаца: «Сия пиитика издана господином префектом Григорием Хрещатицким 1761 году, которою писал владетель ея Гавриил Шутов своею рукою», которую не учел В. А. Поздеев. Авторство Хрещатицкого подтверждает А. С. Верещагин.[25]

Рукопись № 248 состоит из 182 листов в 4°. На бумаге водяные знаки — герб Ярославля (медведь с секирой) и литеры ЯМЗ, которые согласно С. А. Клепикову характеризуют бумагу 1756 г. выпуска.[26] На форзаце надпись, что учебник «издан» 15 октября 1761 г. Рукопись переплетена кожей с тиснением. «Пиитика» написана убористой аккуратной скорописью, текст на каждой странице располагается в двойной рамке. На титульном листе помещено название учебника, обрамленное виньеткой. Растительный орнамент выполнен красками разных цветов. На оборотной стороне титула находится запись: «Рисовал сию порту архиерея Варфоломея племянник Семен Ильич Любарский, обучавшийся в Вятской семинарии». Заключительная страница поэтики (со словом «Finis») также оформлена покрытой золотом миниатюрой с растительным орнаментом.

В учебнике были оставлены пустыми несколько страниц, и Шутов решил использовать их для записи. Так, на л. 144–145 он переписал три поэтических текста Матвея Ушакова, — «Вирши, говоренные над телом мертвым протоиерея Алексия Свирепова в Свято-Троицком Николаевском соборе 1764 года апреля месяца» с заключительным комментарием «Сии стихи сочинены соборным попом Матфеем Ушаковым». Алексей Свирепов также был воспитанником Вятской семинарии. До принятия сана он преподавал в школе поэтику (1749–1751),[27] был префектом семинарии (1750–1751).[28]

Пример записанных Шутовым стихотворений показывает, что и после принятия священного сана воспитанник семинарии находил

---

[25] *Верещагин А. С.* Слободской протоиерей — стихотворец Г. С. Шутов // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 1. Отд. 3. С. 63, 67.

[26] *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — нач. XX вв. М., 1978. С. 236.

[27] *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 29, 31.

[28] *Верещагин А. С.* Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т. 2. С. 610–611.

применение полученной в духовной школе науке и не только составлял проповеди, но и писал стихи. Как и Ушаков, сочинивший эпитафию Свирепову, уже находясь на духовной службе, Шутов продолжал писать стихи, став протоиереем.

Уезжая из Хлынова, Шутов забрал свой учебник с собой и уже в Слободском заполнял его чистые страницы. На л. 145 гражданским письмом написаны два стихотворения под титулом «Стихи надгробные слободскому купцу Ивану Яковлевичу Плитунову» с датой «31 января 1782 года». В рукопись вложена речь на погребение Ивана Плитунова. На л. 182 расположены «Стихи на Рождество Христово», а на л. 180 находятся «Надгробные стихи» некой Пелагее и эпитафия на смерть жены Шутова Татьяны Трофимовны. Заслуживает внимания тот факт, что Шутов не только не расстался с учебником после принятия сана, взяв его в Слободской, но и обращался к нему спустя многие годы. Книга — безусловная ценность для человека XVIII в. — стала попутчиком Шутова на всю жизнь.

* * *

В Кировской библиотеке помимо сборника Шутова хранится еще один сборник — тетрадь семинариста. В рукописном архиве он проходит под № 67 и называется «Ученической тетрадью Агафона Свешникова, впоследствии протоиерея Спасского собора». Авторство устанавливается по записи на форзаце: «Сия книга Спасского собора протоиерея Агофония собственная, ее писал и сочинял своеручно». Формат тетради 4°, она насчитывает 152 листа, переплет картонный. В библиотечном описании книга датирована серединой XVIII в., но возможна и более точная датировка. Бумага датируется временем не ранее 1756 г. (филигрань: герб Ярославля, литеры ЯМАЗ и ЯМСЯ).[29] Тетрадь Свешникова до сих пор не была научно описана. В. А. Поздеев только упоминает о ее существовании.[30] Про Агафона Свешникова ничего не известно за исключением того, что он был протоиереем Вятского собора, учителем Вятской семинарии и скончался в 1824 г. Ни А. С. Верещагин, ни Н. П. Изер-

[29] *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — нач. XX в. С. 236.

[30] *Поздеев В. А.* Сборник вятских семинаристов начала XIX в. С. 96.

гина не указывают семинариста как представителя вятских стихотворцев. Однако по одному случайному комментарию — исторической справке Верещагина — удалось узнать, что в 1772 г. некий двадцатилетний Агафон Свешников был назначен учителем класса аналогии.[31] Следовательно, ученическую тетрадь Свешникова следует относить к концу 1760-х — началу 1770-х гг., когда он обучался в высших классах семинарии.

Рукопись знакомит нас и с ее автором. Свешников был прилежным и способным семинаристом. Упражнения написаны ровным, четким почерком и практически не содержат помарок и исправлений. Каждое новое стихотворение ученик начинает с новой страницы, на поле которой ставит свою подпись на латинском языке: «Agaphonus Svviesznikow». Комментарии учителя позволяют судить о его даровании: «Достойно бессмертных похвал», «Стихи твои достойны примечания», «Читая, хвалил», «Хорошо», «Преизрядно», «Прекрасно», «Похвально», «Optime», «Bene» и другие. Учитель практически не правит тексты Свешникова, настолько они хороши для начинающего стихотворца.

Тетрадь состоит из различных переводов с латинского на русский, прозаических и стихотворных упражнений на русском и латыни, а также включает выписки из трудов Ломоносова о русском языке. Свешников пишет стихи в тех же жанрах, что и Шутов в бытность его в семинарии, — басни, гратуляции, описания природы и характеров, он также переводит из латинских поэтов. Иногда совпадают источники переводов и сюжеты стихотворений. Так, Свешников, как и Шутов, сочиняет басни «Прохожий и Змея», «Козел и Волк», «Брюхо и Члены», переводит пространный отрывок из «Метаморфоз» Овидия о Дафне и Аполлоне. Размер басен, написанных Шутовым и Свешниковым на один сюжет, нередко совпадает. Басня «Сын, отец и нарисованный лев» обоими учениками написана сапфической строфой — размером, басне далеко не свойственным. Сапфическая строфа, перейдя в русскую поэзию из Польши, быстро обрела популярность в семинарских духовных одах и кантах.[32] Однако после реформы русского стихосложения

---

[31] *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 62.

[32] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 38–39, 205–213.

она была скомпрометирована своим силлабическим звучанием. Попытки В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова в 1750-х гг. создать сапфическую силлабо-тоническую строфу окончились неудачей, поскольку реорганизованная строфа, в сущности, так и не утратила силлабического звучания. Неспособная освободиться от влияния устаревшей традиции, сапфическая форма на долгое время была забыта.[33] Однако школьная поэзия гораздо медленнее освобождалась от барочных тенденций, чем поэзия профессиональная. Уже покинув большую поэзию, сапфическая строфа в 1760-е гг. оставалась, как и прежде, актуальной в семинаристском творчестве. Басни Шутова и Свешникова написаны в соответствии с теорией строфы, предложенной Тредиаковским в «Способе к сложению российских стихов».[34] Обновленная сапфическая строфа, по мнению ученого, должна была отражать сочетание женских и мужских рифм, позволяющее избегать силлабического ритма.[35] Таким образом, в отличие от поэтов-профессионалов, не воспринявших реформированную Тредиаковским сапфическую строфу, студенты-стихотворцы, напротив, ее усваивали.

Шутов

Избежать судьбы невозможно злой,
Долг возьмет она непременно свой,
От лица ея во чертог не скрыться,
Ежель озлится.

Повесть нас о сем уверяет всех,
Я ее скажу — не поставьте в смех:
Знатной муж имел у себя едина
Доброго сына,

Кой охоч играть со зверями был,
Больше их богатств дорогих любил,
Всех от рук своих приучал питаться
И насыщаться.

Свешников

Есть объявлено превосходный был,
Мужа знатна сын завсегда ловил
И в животных льва жесточайша зверя,
Та его вера.

Отроку сему такова боязнь,
Что от льва себе обретет он казнь,
Некие волхвы совершенно знали
И угадали.

Слышав той, отец из палат не стал
Вон с своих его отпущать, что мал,
Сверх того, велел написать при стени
Всех зверей тени.

---

[33] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 205–213.

[34] *Тредиаковский В. К.* Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 90–91.

[35] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 208.

Видя то, отец в размышленье пал:
«Что значит сие?». У волхва спросил,
Предсказатель тот отвечал нельстивно,
Хоть и противно:

«Будет отрок сей умерщвлен от льва».
Ах, в печаль отца привели слова!
Он, вскричав: «О рок наступил жестоки!»,
Слез пролил токи.

После нежель сей послыхал ответ,
Сына не пускал погулять на свет,
Но в дому своем повелел сидети,
Вон не глядети.

А сидя бы, сын веселиться мог,
Для сего един украсил чертог,
На стенах зверей написал премногих,
Кротких и строгих.

Только лишь он льва на стене узрел,
Кой свирепый вид паче всех имел,
Вдруг рукой зашиб по картине смаху,
Смело, без страху.

Остры гвоздь под ей заколочен был,
Коим руку так сильно уязвил,
Что того же часа живота лишился,
Мертв повалился.

(100. Л. 119 об.–120)

Отрок же, смотря, ходячи по всей
Льва в палате он изобрел своей,
Осердясь тогда, кулаком разил,
Руку пронзил.

Оттого он смерть получил себе,
Гвоздь под тенью льва пребывал в стене.
Предсказанье все явственно сбылося,
То извелося.

(67. Л. 129)

Фабула стихотворений восходит к басне Бабрия «Сын, отец и нарисованный лев».[36] В XVII в. на этот сюжет сочинил басню Лафонтен, назвав ее «Предсказание». Однако в русской басенной традиции история про нарисованного льва не нашла отражения. По-видимому, так как в русской литературе данный сюжет не воспринимался как басенный, семинаристы, вопреки рекомендациям Тредиаковского не писать басни строфами **(**«На нашем языке могут сии басенки (эзоповские. — *А. С.*) сочиняться всяким родом стихов, но мнится, что им быть строфами не весьма прилично»[37]**)**, написали стихотворение на старинный басенный сюжет сапфической строфой.

---

[36] *Федр, Бабрий.* Басни. М., 1962. С. 63.

[37] *Тредиаковский В. К.* Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный. С. 97.

Наряду с басенными существовали и панегирические «готовые» сюжеты, пригодные для гратуляций. По-видимому, и в этом случае за сюжетом мог закрепляться определенный размер. Так, и у Шутова, и у Свешникова есть гратуляция, построенная на обыгрывании образа «преубогого мужа» Синета, принесшего в дар персидскому царю воды в пригоршнях рук.

Шутов

Когда персидский Ксеркс в странах чужих гулял,
Тогда чрез дары всяк усердие являл.
Един из тех числа Синет, муж преубоги,
Пригоршнями воды поднесши, пал пред ноги.
Царь, ведая сие усердие его,
Подарок тот почел приятнее всего.
Я буду бедняку теперь в том подражати,
Прошу в дар речь сию усердную приняти.
Всесильный пусть твое желанье совершит
И здравием в пути и счастьем споспешит.

(100. Л. 137 об.–138)

Свешников

Когда персидский Ксеркс по области гулял,
Царь посмотреть своих тут подданных желал.
Тогда все с человек ему носили дары,
Сокровищ всяческих наполнили амбары,
Един Сенет не был во граде, но в трудах,
Принес царю воды в сожатых в дар руках.
Его подарок царь за лучшей прочих принял.
Зане от сердца той принесенной увидел,
Так я, лишен всего, в дар слово приношу,
От сердца моего сие произношу:
Пусть счастие твое Бог в век сей сохраняет
И здравие твое всецело продолжает.

(67. Л. 100 об.)

Совпадение стихотворений на одни сюжеты в тетрадях учеников, учившихся в Вятской семинарии в разное время, позволяет предположить, что в ней существовала «обязательная» программа практических упражнений для класса «пиитики». Программа была достаточно строгой, поскольку распространялась на размеры стихотворений, а также консервативной, так как за десять лет, отделяющих тетради Шутова и тетрадь Свешникова, она практически не изменилась.

* * *

Помимо рабочих тетрадей и учебников, в библиотеке им. А. И. Герцена сохранился рукописный сборник, создававшийся, вероятно, исключительно с целью фиксации и сохранения лучших произведений деятелей семинарии. В отличие от поэтических тетрадей в этом сборнике нет исправлений, и все произведения переписаны

набело аккуратной скорописью. На внеучебный характер сборника указывает также его оформление: на обложке рукописи находится множество виньеток (солнце, Божья десница, ангел, солдатики) и посторонних записей, иллюстрации присутствуют и в самом сборнике (солдатик на с. 11). Этот рукописный сборник ранее не был описан. Ни А. С. Верещагин, ни Н. П. Изергина с ним знакомы не были. Впервые сборник упоминает В. П. Степанов в статье об Антоне Попове в «Словаре русских писателей XVIII века.[38] В. А. Поздеев в публикации о становлении вятской школы поэзии описывает только первое произведение сборника.[39]

«Сборник од и стихотворений», или, как он обозначен в карточном каталоге библиотеки, «Рукопись № 105», с виду напоминает современную тетрадь, — он помещен в бумажную обложку, имеет формат 4° и состоит из 38 листов. В описании сборник датирован третьей четвертью XVIII в. Согласно справочнику С. А. Клепикова филигрань в виде герба Ярославля и литер ЯМАЗ характеризуют бумагу 1756 г. выпуска,[40] и, следовательно, сборник написан не ранее этого времени. В качестве гипотезы можно предложить более точную датировку сборника.

Рукопись открывается одой, посвященной епископу Варфоломею (Любарскому) и написанной в то время учеником семинарии Антоном Поповым. В заглавии поясняется, что это «ода, которую приносил Антон Попов…», указана и точная дата дня поднесения (то есть исполнения) — 11 июня 1766 г., именины Варфоломея. Таким образом, ода, создававшаяся в качестве литературного «дара», была сочинена к этому дню и может быть датирована первой половиной 1766 г. Ода Варфоломею, самое большое произведение сборника, занимает в нем центральное место, о чем также свидетельствует праздничное оформление заголовка текста. Проявившиеся еще во время учения поэтические способности Антона Ивановича Попова (1748–1788)[41] получили дальнейшее развитие. Не остались

---

[38] *Степанов В. П.* Попов А. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 466.

[39] *Поздеев В. А.* Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках). С. 113–114.

[40] *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — нач. XX в. С. 236.

[41] О Попове см. также: *Изергина Н. П.* Писатели в Вятке. С. 16–18; Энциклопедия земли Вятской. Т. 2: Литература. С. 37–38.

незамеченными и его педагогические дарования. Спустя два года после написания оды молодой человек был назначен преподавателем поэтики. В 1772 г. на 24 году жизни Попов занял пост префекта школы, а в 1775 был утвержден на должность преподавателя философии (впрочем, уже в конце года он был пострижен в монахи и навсегда уехал из семинарии). В период преподавания Попов усердно занимался стихосложением. В 1770-е гг. на Вятке получили известность в списках его эпиграммы, написанные силлабо-тоническим стихом в духе сатиры сумароковской школы. Благодаря ходатайствам Петра Любарского в 1778 г. в Санкт-Петербурге был опубликован сборник из 107 эпиграмм и надгробных надписей-эпитафий под названием «Сатирические забавные и сатирические нравоучительные надписи и эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым».[42] В 1786 г. было выполнено переиздание сборника.[43]

Кроме подносной оды в рукописи находятся еще семь текстов. Вопреки возможным ожиданиям, не все из них принадлежат Попову или его товарищам. Помимо оды, Попов написал предпоследний текст сборника, сатиру, «в которой представляются нравы и поступки пьяницы», под которой читаем: «Сию оду сочинял студент школы реторики Антон Попов». «Вопль скорбящего сердца», третий по счету текст рукописи, является переводом латинского стихотворения М.-А. Мюре, который, вероятно, выполнил Шутов. Этот же текст находится в сборнике Шутова. Два стихотворения, четвертый и пятый по счету тексты, принадлежат прославленным поэтам. «Надпись к статуе Петра Великого» Ломоносова[44] списана без указания авторства; следующий текст Тредиаковского «Строфы похвальные поселянскому житию»[45] в рукописи имеет название «Описание поселянской жизни, (переведенное) из Горация Флакка

---

[42] *Попов А. И.* Сатирические забавные и сатирические нравоучительные надписи и эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым. СПб., 1778.

[43] *Попов А. И.* Забавные сатирические и нравоучительные надписи или эпиграммы Антона Попова, изданные для пользы и увеселения общества в Санкт-Петербурге в типографии М. Овчинникова в 1786 году вторым тиснением. СПб., 1786.

[44] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 284–285.

[45] *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 246–249.

Васильем Тредьяковским». Авторство трех оставшихся произведений, второго, шестого и восьмого текстов сборника, — плача на кончину Елизаветы Петровны, оды канцеляристу Вятской духовной консистории Алексею Михайловичу Рыбакову и оды митрополиту Московскому и Калужскому Тимофею (Щербацкому), — установить не удалось.

Особняком в рукописи стоит восьмое по счету произведение. Возникает предположение, что первоначально сборник завершался седьмым текстом. Прежде всего, первые семь из них написаны одним почерком последовательно друг за другом, а следующий, восьмой, написан другой рукой (или той же, что вероятнее, но в другое время), с отступом в полстраницы. По-видимому, тексты со второго по седьмой были написаны не позже оды Варфоломею, сборник был составлен в ближайшее время после именин епископа, то есть в 1766 г.

* * *

Исследование стихотворений вятских семинаристов дает возможность составить представление о стихотворной культуре, бытовавшей в Вятской духовной семинарии в середине XVIII в. (1760-е гг.). Можно отметить определенные черты этой культуры:

1. *Система стихосложения.* В 1760-е гг. в стихосложении господствует силлаботоника.

2. *Жанры*. Семинаристов учат писать стихотворения по образцу жанров «большой» поэзии, то есть уже по классицистическим образцам: оды (Ломоносов), басни (Тредиаковский), эпиграммы (Сумароков). При этом сохраняется связь с уже ушедшей из «большой» поэзии барочной поэтической традицией, что проявляется на примере школьного жанра гратуляций.

3. *Характер преподавания.* Школьное преподавание, несмотря на относительно быстрое усвоение новой системы стихосложения и новых образцов жанров, отмечено консерватизмом. В течение десяти лет (1760-е гг.) программа поэтических упражнений курса остается неизменной.

РОДОЛЬФ БОДЭН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В «КУРСЕ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ» СТРАСБУРГСКОГО ПРОФЕССОРА КРИСТОФА-ПИЙОМА КОХА[1]

Встретившись с историком Левеком в парижской Академии в мае 1790 г., карамзинский Путешественник заявлял: «Тут же узнал я Левека, автора Российской истории, которая, хотя имеет много недостатков, однакож лучше всех других. Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории».[2]

Из работ французских историков в круг чтения молодого литератора в это время могли войти помимо произведения П.-Ш. Левека исторические труды Вольтера и Н.-Г. Леклерка, очевидно, тоже не удовлетворившие его.

Однако кроме этих трудов существовал еше один, не известный Путешественнику, написанный в 1770–1780-е гг., но оставшийся в рукописном виде «Курс по истории России» страсбургского про-

---

[1] Автор выражает искреннюю благодарность за оказанную ему помощь профессору Владимиру Береловичу и господину Жерару Тиссье, научному сотруднику отдела рукописей Нантской городской библиотеки, а также американским коллегам Колэму Лэки и Роберту Джонсу.

[2] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Сост. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко и Б. А. Успенский. Л., 1987. С. 252.

© Родольф Бодэн, 2015

фессора Кристофа-Гийома Коха.[3] В этом же виде текст дошел до наших дней.[4] Выявленная профессором В. Береловичем и представленная нами на недавней выставке старинных книг и документов, как русских, так и посвященных России, устроенной в Страсбургской городской библиотеке,[5] рукопись профессора К.-Г. Коха в данный момент готовится к публикации под нашей совместной редакцией. Об условиях написания этого курса и о его разделе, посвященном состоянию словесности в России, пойдет речь в данной статье.

1. Кто такой Кристоф-Гийом Кох?

К.-Г. Кох (1737–1813), профессор Страсбургского университета, был учеником известного историка И. Д. Шёпфлина (1694–1771), у которого он учился в 1750-е гг.[6] После окончания обучения Кох стал работать под руководством своего бывшего учителя в так называемой «дипломатической школе». Школа была основана Шёпфлином еще в 1752 г. под названием «Institutum historico-politicum».[7] Ее основание было связано с возрастающей потребностью министерства иностранных дел в хорошо подготовленных дипломатах. Образцом для «дипломатической школы» Шёпфлина послужил Геттингенский университет, где уже преподавали новейшую историю в сочетании с политическими науками и статистикой.[8] Вскоре школа обрела европейскую известность.[9]

---

[3] Histoire de Russie, avec sa partie politique / Par Mr. Koch, Professeur à Strasbourg. 311 p.

[4] Рукопись хранится в отделе рукописей Страсбургской национальной библиотеки (BNU) под номером Ms. 5449.

[5] См. каталог к выставке: *Baudin R., Kudryashov D.* Trésors russes des bibliothèques strasbourgeoises. Strasbourg, 2012.

[6] *Schweighaeuser J. G.* Vie de Christophe Guillaume Koch. Strasbourg, 1813. P. 8; *Richerateau J.* Le rôle politique du Professeur Koch. Strasbourg, 1936. P. 2. О жизни Коха см. также: *Sproll H.* Christoph Wilhelm Koch (1737–1813): Jurist und Historiker an der Straßburger Universität und am Theologischen Seminar // Vogler B., Voss J. Schoepflin et l'Europe au XVIIIe siècle. Bonn, 1996. P. 83–109.

[7] См.: *Voss J.* L'Ecole diplomatique de Strasbourg: l'ENA de l'Ancien Régime? // Vogler B., Voss J. Schoepflin et l'Europe au XVIIIe siècle… P. 205–207.

[8] *Voss J.* Jean Daniel Schoepflin (1694–1771). Un Alsacien de L'Europe des Lumières. Strasbourg, 1999. P. 146.

[9] *Livet G.* Strasbourg et le rayonnement européen de l'Université au XVIIIe siècle: le corps professoral et l'innovation // Historiens et géographes. 86/347. 1995. P. 125.

Когда в 1771 г. И. Д. Шёпфлин скончался, К.-Г. Кох стал директором «дипломатической школы».[10] Под руководством Коха «дипломатическая школа» продолжала успешно развиваться, число студентов непрерывно увеличивалось, так же как и количество учебных часов.[11] Сам Кох преподавал множество курсов, включавших историю разных стран Европы, историю международных отношений, публичное право и политическую науку.[12] Большое число предметов объяснялось тем, что преподаватели старались по мере возможности адаптироваться к интересам и нуждам студентов,[13] приезжавших из более чем семи стран Европы.[14] На основе лекций, читавшихся в «дипломатической школе», также публиковались учебники. Их авторами были преподаватель школы К. Ф. Пфеффель (1726–1807), а также Кох.[15]

2. Почему К.-Г. Кох написал курс по истории России?

Личная история отношений Коха с Россией неразрывно связана с историей отношений с Россией его учителя И. Д. Шёпфлина. Желая привлечь в «дипломатическую школу» студентов из всей Европы, включая Россию, Шёпфлин обратился в июле 1752 г. к И. Д. Шумахеру с предложением принять студентов из России.[16] Русские студенты стали приезжать в Страсбург в 1760-е гг. и учиться либо в университете,[17] либо и в университете, и в «дипломатической школе».[18] Среди русских студентов, посещавших уроки Шёпфлина

---

[10] *Voss J.* L'Ecole diplomatique de Strasbourg: l'ENA de l'Ancien Régime? P. 209.

[11] Ibid. P. 210.

[12] *Voss J.* Jean Daniel Schoepflin (1694–1771). Un Alsacien de l'Europe des Lumières. P. 156.

[13] Ibid. P. 150.

[14] *Voss J.* L'Ecole diplomatique de Strasbourg: l'ENA de l'Ancien Régime? P. 209.

[15] Ibid.

[16] *Voss J.* Les étudiants de l'Empire russe à l'Université de Strasbourg au XVIIIe siècle // Grau C., Karp S., Voss J. Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrundhert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Wiesbaden, 1997. S. 356.

[17] *Stremooukhov D.* Les Russes à Strasbourg au XVIIIe siècle // Revue d'Alsace. 81. 1934. P. 4.

[18] *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005. С. 225.

и его ассистентов, в том числе Коха, были представители самых богатых и влиятельных семей России, включая Разумовских, Голицыных и Строгановых.[19]

Итак, первый контакт Коха с русскими студентами состоялся в «дипломатической школе», где он учил некоторых представителей русской знати с 1760-х гг. С Россией он был связан, однако, еще и по другой линии. Расположение к нему Шёпфлина, а также протекция брата Коха Фредерика, служившего советником при русской делегации в Вене, привели в 1770 г. к назначению Коха надзирателем за русскими студентами, отправленными в Страсбург Императорским воспитательным домом изучать медицину на деньги княгини Е. Б. Голицыной.[20]

Получается, что Кох был в контакте с русскими студентами по двум каналам: и по должности надзирателя за студентами-медиками, и по работе со студентами-дворянами в «дипломатической школе».

Как упоминалось выше, последним он читал лекции по истории стран Европы, а также по истории и о современной России. Как и прочие лекции Коха, их содержание дошло до нас в виде рукописных учебников, записанных студентами или для студентов. К их числу относится и страсбургская рукопись. Как установил Юрген Фосс, существуют другие копии курса о России, в том числе в городской библиотеке города Нанта и в библиотеке Мазарини в Париже.[21] Далее мы сопоставим страсбургский, нантский и парижский варианты текста.

Так же как нантский и парижский варианты, страсбургская рукопись состоит из двух частей с такими же названиями: 1) «Histoire de Russie»: P. 1–165;[22] 2) «Partie politique de la Russie»: P. 171–310.

Однако в отличие от нантского и парижского вариантов обе части страсбургской рукописи собраны вместе под общим заглавием: «Histoire de Russie avec sa partie politique», о чем свидетельствует

---

[19] *Voss J.* Les étudiants de l'Empire russe à l'Université de Strasbourg au XVIIIe siècle. P. 361.

[20] *Schweighaeuser J. G.* Vie de Christophe Guillaume Koch. P. 14.

[21] *Voss J.* Jean Daniel Schoepflin (1694–1771). Un Alsacien de l'Europe des Lumières. P. 326—327.

[22] Судя по всему, пагинация страсбургской рукописи сделана ее создателем.

титульный лист рукописи. Страсбургская рукопись отличается еще тем, что она переплетена в кожу с позолоченным обрезом с надписью «Histoire de Russie». Наконец, на обложке страсбургской рукописи фигурирует надпись: «Au prince Alexis de Galitzin». Дарительная форма надписи подразумевает, что книга была предназначена для князя Алексея Андреевича Голицына (1767–1800), сына Андрея Михайловича Голицына (1729–1770) и Елизаветы Борисовны Голицыной, урожденной Юсуповой (1745–1770).

В 1770 г. молодой князь Алексей, родившийся 29 июля 1767 г., а также его братья Михаил и Борис осиротели. По указу императрицы дети были переданы на попечение их дядям, которые в 1780 г. отправили их в «большое турне» по Европе.[23] В рамках «турне» Борис и Алексей осенью 1784 г. попали в Страсбург,[24] где их принял Кох, который тут же составил учебный план для обоих, записал их на собственные курсы в «дипломатической школе» и даже поселил их у себя дома.[25] В рамках частных уроков Коха Алексей, видимо, изучал среди прочих предметов историю России по курсу, составленному самим Кохом. Необходимость изучать русскую историю входила в список требований, сформулированных одним из дядей, вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным, относительно воспитания его племянников.[26]

Красота рукописного титульного листа страсбургской рукописи, качество переплета и посвящение на кожаной обложке — все это позволяет предположить, что рукопись была задумана как подарок для молодого князя, очевидно, сделанный по просьбе самого Коха одним из его помощников и предназначенный для использования во время уроков.

Первая часть страсбургской рукописи касается истории России от образования государства варягами до основания Севастополя

---

[23] *Berelowitch W.* Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe: le cas Golitsyne // Dix-huitième siècle. 37. 2005. P. 184. На ту же тему на русском языке см.: *Берелович В.* Гувернеры в семье Голицыных 1760–1780 гг. // Чудинов А. В., Ржеуцкий В. С. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. Фрацузский ежегодник. М., 2011. С. 190–199.

[24] *Berelowitch W.* Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe: le cas Golitsyne. P. 186.

[25] Ibid.

[26] Ibid. P. 191.

февральским указом 1784 г. Последняя дата показывает, что страсбургская рукопись была написана позже, чем нантский и парижский варианты, тексты которых почти идентичны и заканчиваются упоминанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного в июле 1774 г. Эта разница важна. Как увидим дальше, она повлияла и на описание состояния русской литературы.

Во второй части страсбургской рукописи речь идет о современной России с точки зрения географии, социальной организации, экономики и политического строя. Даты в этой части менее значимы, чем в первой, так как изложение материала не подчиняется хронологии исторических фактов; тем не менее интересно отметить самую позднюю упомянутую дату, так как она позволяет подтвердить датировку рукописей. В случае нантской и парижской рукописей упоминается назначение на должность директора академии наук С. Г. Домашнева в 1776 г. (на самом деле в 1775 г.). В страсбургской же рукописи упоминается назначение на ту же должность Е. Р. Дашковой в 1783 г. Таким образом, потверждается более поздняя датировка страсбургской рукописи.

В этой общей характеристике страны затрагивается и просвещение в России, в том числе описывается состояние литературы. Кох рисует следующую картину:

Рукописи из парижской и нантской библиотек (вторая половина 1770-х гг.) *В квадратных скобках приводятся варианты нантской рукописи*[27]	**Рукопись из Страсбургской библиотеки (середина 1780-х гг.)**
«285 Littérateurs russes [*176–177 Littérateurs russes*].[28]	«242 Litérateurs russes.
Parmi les Russes qui se sont distingués dans la littérature il faut remarquer Prokopowitsch archevêque de Novgorod, dont il y a eû [*il y a*] plusieurs ouvrages profonds et savants. Les satyres du (285) /	Parmi les nationaux qui se sont distingués dans la littérature on remarque Theophane Prokopowitsch archevêque de Novgorod, dont il y a plusieurs (242) / ouvrages savants et éloquents. Les Satyres du

[27] *Koch Ch.-G.* Histoire de la Russie. В парижской библиотеке рукопись хранится под номером Ms. 1831, а в нантской под номером Ms. 1790. Номера страниц обеих рукописей указаны в таблице.

[28] Тут, как и в следующих цитатах, орфография французских текстов модернизирована.

Prince Cantimir ont été traduites en plusieurs langues. Mr Tatischtschew s'est attiré un grand mérite pour [*par*] ses travaux sur l'histoire de Russie. M. Lomonosow pour [*par*] différents ouvrages de poésie et pour mille autres [*et d'éloquence*]. Outre les tragédies et comédies de M. Soumarokow on a de lui divers ouvrages pleins d'esprit et de saillies qui lui ont fait (286) / de la réputation» (287).

Prince Cantimir ont été admirées dans leur temps et traduites en plusieurs langues. M. Tatischtschew s'est attiré un grand mérite par ses travaux sur l'histoire de Russie. M. Lomonosow, envisagé comme le Prince des poètes russes, s'est fait rival de Pindar et d'Horace par ses Odes russes. Outre les tragédies, comédies et opéras de M. Soumarokow, on a de lui divers ouvrages pleins d'esprit et de saillies (243) / qui lui ont fait de la réputation. Il est le créateur du théatre russe que l'Impératrice Elizabeth établit en 1756 sous la direction de Soumarokow. Ses fables ont été goutées préférablement à ses autres ouvrages.

On fait aussi grand cas des poésies de Regefski (Ржевский. — *Р. Б.*), Gentilhomme de la Chambre et ex-Directeur de l'Académie des Sciences. Sa tragédie intitulée Smerdis est envisagée comme un chef-d'oeuvre.

Mikhail Kheraskof a (244) / donné depuis peu un poème épique en langue russe qui a été fort bien accueilli. Il a pris pour sujet la conquète de Kazan par Iwan Wasiliewitsch.

Parmi les littérateurs Russes, un de ceux qui mérite le plus d'être remarqué est M. Novikof, l'auteur de l'Ancienne bibliothèque russe en 10. Vol. in 8°. Ce recueil précieux renferme des pièces tirées des différents cabinets et des archives de la nation» (245).

Перевод:

«Русские литераторы. Среди русских, отличившихся в литературе, следует отметить Прокоповича, архиепископа Новогородского, автора ряда глубоких, ученых сочинений. Сатиры князя Кантемира были переведены на другие языки. Всеобщее уважение снискал своими трудами по истории России г-н Татищев. Г-н Ломоносов благодаря

Перевод:

«Русские литераторы. Среди местных авторов, отличившихся в литературе, упомянем Феофана Прокоповича, архиепископа Новогородского, автора многочисленных превосходных ученых сочинений. Сатиры князя Кантемира вызвали в свое время большое восхищение и были переведены на другие языки. Всеобщее уважение своими трудами

своим стихотворным и прочим сочинениям [своими стихотворными сочинениями и сочинениями о красноречии]. Помимо трагедий и комедий г-н Сумароков прославился как автор различных других сочинений, полных блеска и остроумия».

по истории России снискал г-н Татищев. Г-н Ломоносов, почитаемый князем среди русских поэтов, соперничает в своих русских одах с Пиндаром и Горацием. Помимо трагедий, комедий и оперы г-н Сумароков прославился как автор других различных сочинений, полных блеска и остроумия. Он стал создателем и первым директором русского театра, учрежденного в 1756 г. по повелению императрицы Елизаветы. Среди всех его творений наибольшую хвалу заслужили басни.

Не меньшее признание снискали стихи Режевского (Ржевского. — Р. Б.), камер-юнкера и бывшего директора Академии наук. Его трагедия Смердий почитается шедевром.

Сочиненная недавно Михаилом Херасковым эпическая поэма на русском языке была встречена публикой с большой благосклонностью. Он описал в ней взятие Казани Иваном Васильевичем.

Одним из самых достойных упоминания среди русских литераторов является г-н Новиков, автор Древней российской вивлиофики в 10 томах in-octavo. Это ценное собрание включает документы различных собраний и российских архивов».

Как видно из цитат, характеристика русской литературы, данная Кохом, сводится к списку главных, на его взгляд, ее представителей. В список середины 1770-х гг. вошли Феофан Прокопович, А. Д. Кантемир, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков. В список 1780-х помимо них вошли еще А. А. Ржевский, М. М. Херасков и Н. И. Новиков. К тому же во втором списке Кантемиру, Ломоносову и Сумарокову была дана более полная характеристика.

Для того чтобы определить, насколько сами списки и характеристика, данная каждому автору, оригинальны, следует обратиться к источникам сведений Коха о русской литературе.

3. Каковы источники информации К.-Г. Коха о русской литературе?

Известно, что популярность учебников и соответственно курсов Коха объяснялась их ясностью и практическим характером.[29] Очевидно, Кох заботился не только о содержании своих лекций, но еще и об учебном процессе вне класса, в том числе о том, как помочь студентам учиться самостоятельно. Поэтому, как указывает Юрген Фосс, в его курсах часто приводится библиография.[30] Такая библиография есть и во втором из двух курсов, входящих как в нантскую и парижскую, так и в страсбургскую рукописи.

Рукописи из парижской и нантской библиотек (вторая половина 1770-х гг.) *В квадратных скобках приводятся варианты нантской рукописи*	**Рукопись из Страсбургской библиотеки (середина 1780-х гг.)**
341–343 [216–217]	309–311
«Sur l'Etat politique de la Russie il faut consulter («О политическом устройстве России рекомендуется читать»): Strahlenberg Jean Perry Etat présent de la Grande Russie 12. Amsterd. 1719. Lettres du Comte Algarotti [*Algarotte*] sur la Russie, Neufchatel 12. 1770. Mémoires hist. Politiques et Militaires sur la Russie 8°. Par le Général Manstein, Leipzig 1771. Haigols [*Haigolds*] (Schloezers) Neuveränderstel [*neuver-andertes*] Russland. Schmitt [*Schmidts*] Beiträge zur Staatt [*Staats*] Verfassung von Russland».	«Sur l'Etat politique de la Russie il faut consulter («О политическом устройстве России рекомендуется читать»): Strahlenberg Jean Perry Etat présent de la Grande Russie 12. Amsterd. 1719. Lettres du Comte Algarotti sur la Russie, Neufchatel 12. 1770. Mémoires hist. Politiques et Militaires sur la Russie 8°. Par le Général Manstein, Leipzig 1771. Webers Veranderte Russland. Haigols (Schloezers) Neuveränderstel Russland. Schmitt Beiträge zur Staatt Verfassung von Russland».

Как видно из сопоставления двух библиографий, они отличаются друг от друга всего лишь добавлением в позднем варианте рукописи

---

[29] *Voss J.* Jean Daniel Schoepflin (1694–1771). Un Alsacien de l'Europe des Lumières. P. 162.

[30] Ibid. P. 161.

книги Ф. К. Вебера. Однако главное в рамках данного исследования состоит не в этом, а в том, что из всех вышеупомянутых работ ни одна не содержала сведений о русской литературе. Оказывается, информацию по этой теме Кох взял из источника, указанного не в библиографии, а только в тексте (в парижском варианте) или в сносках (в нантском и страсбургском вариантах) в первой части рукописей. Указание на этот источник встречается всего один раз, к тому же в совершенно другой части в каждой из рукописей, посвященной истории Древней Руси.

Источником, о котором идет речь, является «Антидот» Екатерины II (1-е изд. — 1770 г.; второе — 1771 г.). Полемизируя с Ж. Шаппом д'Отрошем, пренебрежительно написавшим о бескультурье русских в своем «Путешествии в Сибирь» (1768),[31] императрица дала краткий обзор состояния русской литературы в конце 1760-х гг. Сопоставление курса Коха с обзором Екатерины показывает зависимость первого от второго:

Кох, ранние варианты курса (1770-х гг.): нантский и парижский *В квадратных скобках приводятся варианты нантской рукописи*	**Catherine II, «Antidote»**[32]
«...il faut remarquer Prokopowitsch archevêque de Novgorod, dont il y a eû [*il y a*] plusieurs ouvrages profonds et savants».	«...je nommerai d'abord Procopowitsch, Archevêque de Novgorod né à Kiovie, dont il y a plusieurs ouvrages aussi profonds que savants» (165).[33]
Перевод: *«...следует отметить Прокоповича, архиепископа Новогородского, автора ряда глубоких, ученых сочинений».*	*Перевод:* *«...первым я назову Прокоповича, Архиепископа Новогородского, уроженца Киева, автора ряда столь же глубоких, сколь и ученых сочинений».*

[31] *Стенник Ю. В.* Полемика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 90–92. О споре Екатерины с Шаппом, см. также: *Carrère d'Encausse H.* L'Impératrice et l'Abbé: un duel littéraire inédit entre Catherine II et l'abbé Chappe d'Auteroche. Paris, 2003.

[32] Antidote, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761, contenant les mœurs, les usages des Russes, & l'état actuel de cette puissance... [S. l.], 1770. Пагинация указана в таблице.

[33] Тут, как и в следующих таблицах, цитируются только отрывки, текстуально совпадающие с описанием Коха.

«Les satires du Prince Cantimir ont été traduites en plusieurs langues».	«Les satires du Prince Cantemir ont été traduites en plusieurs langues» (165)
Перевод: *«Сатиры князя Кантемира были переведены на другие языки».*	*Перевод:* *«Сатиры князя Кантемира были переведены на другие языки».*
«Mr Tatischtschew s'est attiré un grand mérite pour [*par*] ses travaux sur l'histoire de Russie».	«Mr. Tatischtchew nous a laissé une histoire de la Russie remplie d'érudition & curieuse en tout point» (165).
Перевод: *«Великое уважение снискал своими трудами [благодаря своим трудам] по истории России г-н Татищев».*	*Перевод:* *«Г-н Татищев оставил нам историю России, сочинение, полное учености и заслуживающее внимания во всех отношениях».*
«M. Lomonosow pour [*par*] différents ouvrages de poésie et pour mille autres [*et d'éloquence*]».	«M. Tretiakowsky est connu par plusieurs bonnes traductions. Mr. Lomonosow par différents ouvrages remplis de génie & d'éloquence» (165).
Перевод: *«Г-н Ломоносов благодаря различным своим стихотворным сочинениям и тысяче других».* *«[Г-н Ломоносов своими стихотворными сочинениями и сочинениями о красноречии]».*	*Перевод:* *« Г-н Третиаковский известен несколькими хорошими переводами,* *а г-н Ломоносов — различными сочинениями, исполненными проявления гения и красноречия».*
«Outre les tragédies et comédies de M. Soumarokow on a de lui divers ouvrages pleins d'esprit et de saillies qui lui ont fait de la réputation».	«Outre les tragédies & comédies de Mr. Soumarocow nous avons de lui divers ouvrages pleins d'esprit & de saillies qui lui ont fait beaucoup de réputation, ses fables entre autres sont des chefs-d'œuvre» (165).
Перевод: *«Помимо трагедий и комедий г-н Сумароков прославился как автор различных других сочинений, полных блеска и остроумия».*	*Перевод:* *«Помимо трагедий и комедий г-н Сумароков прославился как автор различных других сочинений, полных блеска и остроумия. Басни его можно считать подлинными шедеврами».*

Как видно из таблицы, текст Коха почти точно повторяет содержание обзора Екатерины в «Антидоте». Единственным отличием является отсутствие в курсе Коха упоминания В. К. Тредиаковского

и В. П. Петрова.[34] О предполагаемой причине такого отсутствия речь пойдет дальше.

Несмотря на то, что количество использованных источников информации значительно умножилось между второй половиной 1770-х и серединой 1780-х гг., библиография страсбургского варианта курса не претерпела значительных изменений по сравнению с нантским и парижским вариантами. Почему-то не войдя в библиографию, новые источники упоминаются в самом тексте или в сносках страсбургского текста.

Из не вошедших в библиографию авторов упоминаются Г. Ф. Миллер (80, 107, 120, 303), С. П. Крашенинников (104) и Б. К. Миних (107, 111, 120, 257, 303).[35] Наконец, часто упоминается и Леклерк (190, 202, 207, 277, 287).

Из этих авторов о русской литературе писал один только Леклерк. И действительно, сопоставление описания Коха с описанием Леклерка ясно показывает, что первый использовал труд второго при составлении позднего варианта рукописи.

---

[34] В «Антидоте» Петрову посвящался целый абзац. См.: Antidote... P. 166: «Entre nos jeunes auteurs il est impossible de passer sous silence le nom de Mr. Petrow Bibliothécaire de la Bibliothèque particulière de l'Impératrice. La force de la Poésie de ce jeune Auteur approche déjà celle de Mr. Lomonosow, & il a plus d'harmonie, son style en prose est rempli d'éloquence & d'agréments, sans parler de ses autres ouvrages, à en juger par le premier chant qui a paru sa traduction en vers de l'Enéide l'immortalisera, c'est peut être un ouvrage unique & dont aucune langue ne saurait en montrer de pareil, la traduction est exacte, & Virgile n'a point été affaibli» («Среди наших молодых авторов нельзя не упомянуть имя господина Петрова, библиотекаря при личной библиотеке императрицы. Своей выразительностью поэзия этого молодого автора почти сопоставима с поэзией господина Ломоносова и отличается большей гармонией. Его стиль в прозе полон красноречия и приятностей. Не говоря уже о его прочих сочинениях, и, судя по одной его первой песне, его стихотворный перевод Энеиды увековечит его. Это, пожалуй, единственное сочинение, с которым нельзя ничего сравнить ни на одном другом языке. Перевод точен, и Вергилий в нем не потерял свою выразительность»).

[35] Также упоминаются Иоганн Якоб Шмаус, Иоганн Антон Гюльденштедт и Полетика. Однако следует отметить, что книга юриста и профессора Геттингенского университета Шмауса лишь косвенно касается России. Что касается Гюльденштедта, речь идет о публикации устного доклада о состоянии российской коммерции (Discours académique sur les produits de Russie, propres pour soutenir la balance du commerce extérieur toujours favorable... Saint-Pétersbourg, 1777). Наконец, текст Полетики касается истории Церкви и входит в произведение А.-Л. Шлецера «Neuverändertes Russland».

Страсбургский вариант рукописи Коха	**Le Clerc. «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne»**[36]
«On fait aussi grand cas des poésies de Regefski, Gentilhomme de la Chambre et ex-Directeur de l'Académie des Sciences. Sa tragédie intitulée Smerdis est envisagée comme un chef-d'oeuvre» (244).	«Régefski (Alexis Andretz) Gentilhomme de la Chambre, ex-Directeur de l'Académie des Sciences... Son chef-d'oeuvre est une tragédie, qui a été représentée sur le Théâtre de la Cour en 1769 ; elle obtint tous les suffrages. Le sujet de cette pièce est le fils de Cyrus, Smerdis, tué par l'ordre de son frère Cambyse. <...> les Russes l'ont placée au rang de leur meilleures tragédies» (82).
Перевод: *«Не меньшее признание снискали стихи Режеского (Ржевского. — Р. Б.), камер-юнкера и бывшего директора Академии наук. Его трагедия Смердий почитается шедевром».*	*Перевод:* *«Режевский (Алексей Андреич) камер-юнкер, бывший директор Академии наук...* *Его шедевр — трагедия, поставленная на придворном театре в 1769 году и имевшая большой успех. В ней рассказано о Смердии, сыне Кира, убитого по приказу своего брата Камбиса. <...> Россияне считают эту пьесу одной из своих лучших трагедий».*
«Parmi les littérateurs russes, un de ceux qui mérite le plus d'être remarqué est M. Novikof, l'auteur de l'Ancienne bibliothèque russe en 10. Vol. in 8°. Ce recueil précieux renferme des pièces tirées des différents cabinets et des archives de la nation» (245).	«M. Navikof est auteur de l'*Ancienne bibliothèque russe*, en 10 Volumes in-8°. Ce recueil précieux renferme, comme tous les ouvrages de M. Navikof, des pièces originales & authentiques, tirées de différents cabinets & des archives de la nation» (96).
Перевод: *«Одним из самых достойных упоминания среди русских литераторов является г-н Новиков, автор древней российской вивлиофики в 10 томах in-octavo. Это ценное собрание включает документы различных кабинетов и российских архивов».*	*Перевод:* *«Г-н Навиков — автор Древней российской вивлиофики в 10 томах in-octavo. Как и все сочинения г-на Навикова, это ценное собрание включает подлинные, первоначальные документы различных собраний и российских архивов».*

[36] *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Paris; Versailles, 1783. Страницы см. в таблице.

Как видно из таблицы, именно у Леклерка Кох позаимствовал информацию о двух из тех трех писателей, которые вошли в список в середине 1780-х гг. Во-первых, как Ржевский, так и Новиков упоминаются Леклерком. Во-вторых, и это главное, характеристика, данная Ржевскому и Новикову, одинакова в книге Леклерка и в курсе Коха.

Итак, влияние Леклерка на поздний вариант курса бесспорно. Это не удивительно, учитывая, что книга Леклерка «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne» вышла в 1783 г., то есть всего за несколько месяцев перед переработкой Кохом курса середины 1770-х гг. Однако это влияние касается только Новикова и Ржевского. Введением в список Хераскова, так же как и пополнением сведений о других поэтах, процитированных еще в раннем варианте рукописи под влиянием «Антидота», Кох, видимо, обязан другому источнику. Действительно, дополнительную информацию Кох, вероятно, взял из книги соперника Леклерка — Левека. Опубликованная всего за несколько месяцев до выхода в свет книги Леклерка, книга Левека «Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques, & des meilleurs historiens de la Nation» (1782) тоже содержала сведения о русской литературе. Информация у Левека была короткой и оценка в основном критической, что побудило Леклерка поспорить со своим предшественником и увеличить, справедливости ради, часть, посвященную состоянию русской словесности, в том числе используя «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова.[37] У Левека Кох, очевидно, позаимствовал дополнительную информацию и, главное, оценку творчества Кантемира, Ломоносова, Сумарокова и Хераскова.

Страсбургский вариант рукописи Коха	**Lévesque, «Histoire de Russie»**[38]
«Les Satires du Prince Cantimir ont été admirées dans leur temps et traduites en plusieurs langues».	«Le Prince Dmitri Kantémir, fils de ce Hospodar de Moldavie, qui se donna à Pierre I, a composé des satires, admirées dans leur temps & qu'on ne lit plus» (175).

[37] *Берков П. Н.* Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Л., 1930. Т. 5. С. 119.

[38] Цит. по изд. 1783 г.: *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques, & des meilleurs historiens de la Nation. Yverdon, 1783. Страницы см. в таблице.

Перевод:
«Сатиры князя Кантемира вызвали в свое время большое восхищение и были переведены на другие языки».

Перевод:
«Князь Дмитрий Кантемир, сын молдавского господаря, перешедшего к Петру I, писал сатиры, вызывавшие в свое время большое восхищение, а ныне более уже не читаемые».

«M. Lomonosow, envisagé comme le Prince des poètes russes, s'est fait rival de Pindar et d'Horace par ses odes russes».

«Pendant que Trédiakovski luttait malheureusement contre la nature, en s'efforçant d'être poète, Lomonossof plantait en Russie la palme de Pindare & d'Horace. Il sera longtemps le prince des poètes russes» (176).

Перевод:
Г-н Ломоносов, почитаемый князем русских поэтов, соперничает в своих русских одах с Пиндаром и Горацием».

Перевод:
«В то время как Тредиаковский безуспешно боролся с природой, пытаясь быть поэтом, Ломоносов взращивал в России лавры Пиндара и Горация. Он долго еще останется князем среди русских поэтов».

«Outre les tragédies, comédies et opéras de M. Soumorokow on a de lui divers ouvrages pleins d'esprit et de saillies qui lui ont fait de la réputation. Il est le créateur du Théatre russe que l'Impératrice Elizabeth établit en 1756 sous la direction de Soumorokow. Ses fables ont été goutées préférablement à ses autres ouvrages».

«[Soumorokof] est le fondateur du théâtre russe. [...] tous les applaudissements se sont réunis en faveur de ses fables» (182).

Перевод:
«Помимо трагедий, комедий и оперы г-н Сумороков прославился как автор различных других сочинений, полных блеска и остроумия. Он стал создателем и первым директором русского театра, учрежденного в 1756 году по повелению императрицы Елизаветы. Среди всех его сочинений наибольшую хвалу заслужили басни».

Перевод:
«<Сумороков> — основатель русского театра. <...> его басни снискали всеобщие рукоплескания».

«Mikhail Kheraskof a donné depuis peu un poème épique en langue russe qui a été fort bien accueilli. Il a pris pour sujet la conquète de Kazan par Iwan Wasiliewitsch».

«Nous avons déjà vu que la Russie a, depuis quelques années, un poème épique: l'auteur est M. Mikhaïl Kéraskof, l'un des curateurs de l'université de Moscou. Il a choisi pour son héros le Tsar Ivan Vassiliévitch, & pour l'action de son poème la conquête de Kazan» (187).

Перевод:
«Сочиненная недавно Михаилом Херасковым эпическая поэма на русском языке была встречена с большой благосклонностью. Он описал в ней взятие Казани Иваном Васильевичем».

Перевод:
«Мы уже видели, что у России несколько лет назад появилась эпическая поэма, автор ее г-н Михаил Херасков, один из кураторов Московского университета. Он сделал ее героем царя Ивана Васильевича, а действием — взятие Казани».

Как видно из таблицы, как и в случае с «Антидотом» Екатерины, текстуальные совпадения здесь очевидны.

4. Какую картину состояния русской литературы рисует курс К.-Г. Коха?

Так как цель Екатерины II, труд которой использовал Кох, заключалась всего лишь в том, чтобы убедить читателей Шаппа в существовании русской литературы, то и в рукописях Коха середины 1770-х гг. информация ограничена.

Екатерина в своем «Антидоте» разделяет русских писателей на три категории: писателей-эрудитов (Прокопович и Татищев), писателей-поэтов (Кантемир, Ломоносов и Сумароков) и писателей-переводчиков (Тредиаковский). К тому же предложенное императрицей описание подчеркивает, что эти писатели находятся в тесном контакте с европейской литературой (Тредиаковский переводит, а Кантемира переводят) и что упомянутые авторы обладают основными качествами, которых можно ожидать от писателей: глубиной, эрудицией, гениальностью, красноречием и остроумием.

Таким образом, хоть и краткая, характеристика Екатерины была достаточной для Коха, который не счел нужным ее пополнить в середине 1770-х гг. Напротив, он ее даже сократил, убрав из списка Тредиаковского и Петрова. Причина, побудившая Коха убрать двух писателей из картины, не совсем ясна. Возможно, она является последствием приверженности Коха к распространенному в конце XVIII в. предубеждению по отношению к переводу. Как показывает статья о переводе, написанная Ж.-Ф. Мармонтелем в середине 1770-х гг. для «Дополнений» к «Энциклопедии», переводчики ценились не высоко, так как их работа не считалась выражением са-

мостоятельного гения.[39] Написав о Тредиаковском всего лишь то, что он был «известен хорошими переводами», и промолчав о его оригинальных произведениях, Екатерина лишила Коха возможности ввести его в картину состояния словесности в России. Молчание о Петрове может объясняться той же причиной. Возможно, однако, еще одно объяснение, простое и тривиальное: абзац, посвященный Петрову в «Антидоте», отделен от основной характеристики русской литературы и помещается в другом месте текста, после отступления о состоянии науки. Вполне вероятно, что он просто ускользнул от внимания Коха.

В результате увеличения объема доступной информации о русской литературе во Франции в середине 1780-х гг. Кох счел нужным пополнить картину, нарисованную за десять лет до этого. Что касается пополнения характеристики авторов, оно касается Кантемира, Ломоносова и Сумарокова.

О первом Кох уточняет, что он вышел из моды («on ne le lit plus»). Об этом он упоминает лишь потому, что стремится к обновлению информации, которой он располагает. Известно, что Кох постоянно совершенствовал свои лекции,[40] из чего можно заключить, что актуальность информации была для него важным критерием качества.

Что касается Ломоносова, Кох уточняет, в каких жанрах работал поэт, ссылаясь на его оды, и вписывает его, подобно Левеку, в традицию Пиндара и Горация. Он, однако, не помещает информацию о его научной деятельности, сообщаемую Леклерком. Возможно, стремление к максимальной ясности при организации материала, свойственное педагогической литературе, объясняет отказ Коха

---

[39] Supplément à l'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Par une société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M***. Amsterdam, 1776–1777. T. 4. N–Z. P. 953–954. На с. 954 Мармонтель писал: «…dans la foule innombrable des traducteurs, il y en a bien peu, il faut l'avouer, qui fussent dignes d'entrer en société de pensée & de sentiment avec un homme de génie» («…в неисчислимой толпе переводчиков мало есть таких, если честно сказать, которые достойны мыслями и чувствами находиться в одном обществе с настоящим гением»). О вопросе восприятия искусства перевода в «Энциклопедии», см.: *Lambert J.* Le Discours implicite sur la traduction dans «L'Encyclopédie» // Ballard M., d'Hulst L. La Traduction en France à l'âge classique. Villeneuve d'Ascq, 1996. P. 101–119.

[40] *Schweighaeuser J. G.* Vie de Christophe Guillaume Koch. P. 15.

использовать информацию о другой карьере Ломоносова в разделе, посвященном именно состоянию литературы.

Говоря о Сумарокове, Кох уточняет его роль в создании русского театра и, как и в случае Ломоносова, упоминает тот жанр, в котором писатель прославился (в данном случае — в жанре басен). Интересно отметить, что он не позаимствовал у обоих своих источников информацию о преимуществе Ломоносова над Сумароковым. Такое решение объясняется этикой Коха, которая требовала от него нейтральности. И поэтому, вероятно, он не ввел в пополненный список информацию о Тредиаковском, об отсутствии таланта у которого писали как Левек, так и Леклерк.

Как мы видели ранее, в список середины 1780-х гг. Кох ввел Хераскова, Новикова и Ржевского. Появление имен двух первых можно объяснить следующим образом: что касается Хераскова, его значение в глазах Коха объясняется тем, что о нем детально писали как Левек, так и Леклерк. Такая подробная характеристика в трудах обоих французских историков не могла не привлечь внимания Коха, поскольку речь шла о крупном писателе, вполне заслуживающем включения его в общую картину. К тому же для Левека и Леклерка Херасков был прежде всего автором «Россиады», переведенные отрывки которой предлагали оба французских автора. Это произведение цитирует вслед за ними и Кох, которому оно могло показаться интересным и своим историческим компонентом. Таким же образом объясняется интерес к Новикову. В характеристике Коха он представлен прежде всего эрудитом, занимающимся публикацией источников, в том числе исторического характера.

Загадочной кажется причина, побудившая Коха упомянуть Ржевского. Видимо, значение, придаваемое ему Кохом, объясняется мнением о нем Леклерка, сложившегося под влиянием чтения «Опыта исторического словаря о российских писателях» Новикова.[41] Возможно, он его упомянул также, чтобы ввести в список представителя трагедийного жанра. Правда, Сумароков уже определялся как трагик, но Кох вслед за Леклерком тут же добавлял, что он прославился прежде всего своими баснями. Очевидно, в 1780-х гг. Кох счел нужным нарисовать более полную картину с точки зрения раз-

[41] О происхождении интереса Новикова к трагедии Ржевского см.: *Смусина М. Л.* Трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий» и общественно-политическая борьба 1770-х годов // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 220–228.

нообразия жанров. Именно этим объясняется упоминание как Ржевского, так и Хераскова, появившегося в списке в качестве представителя эпического жанра. Введением этих двух писателей Кох пополнял картину, нарисованную в середине 1770-х гг., и показывал своим студентам богатство русской литературы, в которой представлены были жанры сатиры (Кантемир), оды (Ломоносов), басни (Сумароков), эпоса (Херасков), комедии (Сумароков), трагедии (Ржевский) и истории (Татищев). Такая картина казалась полной, так как она содержала основные жанры, входящие в состав нормативных поэтик классицизма.[42] Неудивительно с этой точки зрения, что введение Хераскова сопровождалось введением Ржевского. Вместе они воплощали высшие жанры (эпос и трагедию) аристотелевой поэтики.[43]

* * *

Подводя итоги этого исследования, важно отметить следующее:

Картина, нарисованная К.-Г. Кохом, была неоригинальной. В большинстве историй стран, написанных в конце века, затрагивалось состояние просвещения и соответственно литературы, так как успехи последней свидетельствовали о реальности первого.

Картина Коха, однако, была лаконичной, особенно по сравнению с характеристикой Леклерка. Эта краткость объясняется четырьмя причинами:

а) Кох был прежде всего историком и юристом. Его интересовали мирные договоры и династические проблемы. Хотя он подчинялся моде, он не писал историю нравов, как Леклерк;

---

[42] Так, в «Поэтическом искусстве» Буало главными жанрами, детально представленными в третьей песне, являлись именно трагедия, эпос и комедия. Сатире и оде, хоть и входящим в более мелкие жанры, тоже уделялось немало внимания во второй песни трактата. Об этом см.: *Blanc A.* Lire le Classicisme. Paris, 1995. P. 66–67. Что касается басни, она показалась Буало не достойной войти в «Поэтическое искусство» (Ibid. P. 128). Однако уже в начале следующего века она стала неизбежным элементом всех литературных теорий, как во Франции у А. У. Удар де Ламотта и Ш. Батте, так и в Германии у И. К. Готшеда. Об этом см.: *Серман И. З.* Спор о басне // Русский классицизм. Л., 1973. С. 191–193.

[43] *Аристотель*. Поэтика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 1065–1066. Об этом см.: *Genette G.* Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris, 1982. P. 20.

б) Его история России — курс лекций, поэтому он стремился к сжатости информации, как и в подавляющем большинстве работ автора, в названиях которых нередко используются термины «tables», «tableaux», «tablettes» (то есть «таблицы»);

в) Курс Коха был предназначен для студентов-аристократов «дипломатической школы», от которых требовалось, чтобы они имели обширные знания в самых разных областях, но не обязательно глубокие. Как писал сам Шёпфлин, он хотел готовить молодых людей, которые могли бы впоследствии блистать в свете.[44] Речь шла, очевидно, не о профессиональных гуманитариях, которых готовил университет согласно более традиционной воспитательной модели;

г) Наконец, краткость изложения объясняется молчанием Коха о допетровской литературе, о которой, напротив, детально писал Леклерк. Это молчание объясняется приверженностью Коха к широко распространенному убеждению об отсутствии просвещения в России до Петра.

---

[44] Шёпфлин так определял новый тип студента, которого он хотел создать: «un sujet qui puisse à son temps briller dans le monde et occuper une place supérieure dans une cour que l'Europe respecte» («человек, способный в будущем блистать в свете и занимать высший чин при дворе, уважаемом Европой»). Цит. по: *Voss J.* Jean Daniel Schoepflin (1694–1771). Un Alsacien de l'Europe des Lumières. P. 153.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

РОМАНЫ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ И В МЕМУАРАХ А. Т. БОЛОТОВА

Тема А. Т. Болотова как читателя неоднократно привлекала внимание исследователей творчества писателя.[1] В сборнике статей Болотова «Забавы живущего в деревне» содержатся две статьи, написанные в 1767 г.: «О пользе, происходящей от чтения книг»[2] и «Мысли о неохоте к читанию книг»,[3] в которых Болотов в тради-

---

[1] См.: *Щепкина Е. Н.* Популярная литература середины XVIII века (по запискам А. Т. Болотова) // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. CCXLIV. Апрель. С. 238–276; *Мартынов И. Ф.* Частные библиотеки в России XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. С. 101–116; *Глаголева О. Е.* 1) Библиотека А. Т. Болотова // Книга в России XVI — середины XIX века: книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 79–95; 2) А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 140–158; *Демиховский А. К.* А. Т. Болотов — читатель // Судьбы отечественной словесности XI–XX веков. Тез. докл. науч. конф. молодых ученых и специалистов. СПб., 1994. С. 19; *Schmücker A.* A. T. Bolotov als Leser // Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas herausgegeben von Hans-Bernd Harder und Peter Schreibert. Gessen, 1977. Bd. 14. S. 342–355.

[2] Из наследия А. Т. Болотова: Статья «О пользе, происходящей от чтения книг» / Подгот. текста, предисл. А. Ю. Веселовой // XVIII век. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. СПб., 1999. С. 358–367.

[3] *Болотов А. Т.* Мысли о неохоте к читанию книг // Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти важных, отчасти забавных сочинений, писаных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 64. Л. 41–41 об.

© А. Ю. Веселова, 2015

ционной для него манере писем к «любезному другу» разъясняет пользу чтения. В статье «О пользе, происходящей от чтения книг» Болотов строит свою систему доказательств, исходя из различия обстоятельств, при которых происходит на свет человек и животное: «Бесконечный Создатель, создав нас таким образом, требует, чтобы мы до тех пор от других воспитываемы, всему учены были и в сем бы зависели, покуда не вырастем».[4] Автор статьи видит два способа приобретения знаний, необходимых человеку: самостоятельное размышление и заимствование этих знаний у других, то есть «обучение наук», которое наиболее удобно осуществлять с помощью книг: «И не посредством ли печатания книг и поныне все то сообщается, чтобы кто во всем почти свете новое ни сыскал и ни выдумал <...> Я сему последнему еще для того более пользы приписываю, что наукам обучаться не всякому время, и не у всякого довольно к тому достатка бывает, напротив того, чтение книг в десятую долю тем затруднениям не подвержено».[5]

В целом, Болотов полагал, что при определенной степени подготовленности человек может извлечь пользу почти из любой книги. В «Собрании различных нравоучительных правил», книге, составленной Болотовым в Кенигсберге частью из цитат, частью из собственных размышлений, он рассматривает чтение как особое искусство: «Впрочем, знай, что каждая книга нам полезною быть может, если оную благоразумным образом читать станем, и не забывай, что нам читанием своим надлежит пчеле уподобляться, ибо как оная по всем местам летая из добрых и худых вещей себе мед выбирает, так и нам добрые и худые книги читать можно, тогда только станем из них одни только цветы и полезное нам выбирать, ибо нет почти никакой книги, в которой бы ничего хорошего найти было не можно».[6]

В своем понимании чтения как искусства, которому можно научиться, Болотов отнюдь не оригинален.[7] Но, рассуждая о пользе

---

[4] *Болотов А. Т.* О пользе, происходящей от чтения книг. С. 365.

[5] Там же. С. 366.

[6] *Болотов А. Т.* Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных. 1762. (Кенигсберг). РНБ. Ф. 89. № 55. Л. 138.

[7] См., например: *Херасков М. М.* О чтении книг // Полезное увеселение. 1760. Янв. С. 3; *Подшивалов В. С.* Сокращенный курс российского слога, изданный

чтения, он в первую очередь все же имеет в виду книги философского и научного содержания, с сожалением отмечая, что популярностью пользуются в основном не эти книги: «Романы, басенки, историйки составляют большую часть библиотек наших, буде их так назвать можно, а других, и таких, в которых бы не такие пустоши, но о важнейших и о полезнейших материях писано весьма немного, а у кого они есть, так и то по большей части для умножения числа книг и богатых переплетов в шкафах они стоят».[8] При этом читательские интересы самого Болотова были весьма разнообразны и не ограничивались книгами чисто познавательного и нравоучительного характера.

Значительную роль в формировании его любви к книге сыграли романы. Болотов, как типичный представитель своей эпохи, был воспитан на романе, достаточно новом для русской литературы этого периода жанре.[9] Именно романы привили ему любовь к чтению, о чем он неоднократно говорил в своих записках. Первым прочитанным Болотовым романом оказался роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (Les aventures de Télémaque, fils d'Ulisse, 1734),[10] один из самых популярных и признанных в России романов на про-

---

А. Скворцовым. М., 1796. С. 35. Ср. рассуждения Н. М. Карамзина о пользе любого чтения: «Не знаю, как другие, а я радуюсь: лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже без всякого таланта писанные, способствуют, некоторым образом, просвещению» (*Карамзин Н. М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // Вестник Европы. 1802. № 9. С. 62).

[8] *Болотов А. Т.* Мысли о неохоте к читанию книг. Л. 10. Ряд авторов второй половины XVIII в. отмечали популярность романов относительно других книг, по-разному характеризуя это явление (см., напр.: *Сумароков А. П.* О чтении романов // Трудолюбивая пчела. 1759. № 6. С. 374–375; Из Миллионной // Живописец. 1772. Л. 6. С. 43–44; *Карамзин Н. М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России. С. 57–64).

[9] Обзор этапов вхождения романа в русскую культуру см.: *Сиповский В. В.* Из истории русского романа и повести: Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. Ч. I. XVIII век. СПб., 1903; Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 117–137; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 142–212; Очерки русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1. С. 95–109.

[10] Похождения Телемака, сына Улиссова, сочинено г-ном Фенелоном ... переведено на российский язык в 1734 г. и по особливому высочайшему соизволению ... государыни Елизаветы Петровны... Напечатано при имп. Академии наук. СПб., 1747. Ч. 1–2.

тяжении всего XVIII в., неоднократно переводившийся и выдержавший множество переизданий.[11] Болотов пытался читать роман в оригинале, но из-за недостаточного знания французского вынужден был обратиться к переводу. Несмотря на философско-политическую направленность содержания и фактологическую насыщенность, это все же был роман, который произвел на молодого Болотова сильное впечатление именно как художественное произведение: «Сладкий пиитический слог пленил мое сердце и мысли, влил в меня вкус к сочинениям сего рода и вперил любопытство к чтению дальнейшего».[12]

В работах, посвященных раннему этапу становления романа в России,[13] Болотов, несмотря на то, что он не принимал публичного участия в полемике о романах, традиционно представляется как защитник нового жанра. В своих записках он сформулировал некую квинтэссенцию спора о романах, опираясь на свой опыт: «По обыкновенному обвинению романов, что чтение их не столько пользы, сколько вреда производит и что они нередко ядом и отравою молодым людям почесться могут, подумать бы можно было, что и надо мною произвели они подобное тому действие, однако я торжественно о себе скажу, что мне не сделали они ничего худого.

---

[11] См.: История русской переводной художественной литературы. С. 85–87, 115–118.

[12] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871–1873. Т. I. Стб. 108.

[13] См.: *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909–1910. Т. 1. Вып. 1–2; *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 223–225; *Серман И. З.* Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. М.; Л., 1959. С. 82–96; *Моисеева Г. Н., Серман И. З.* Зарождение романа в русской литературе XVIII в. // История русского романа в 2-х т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 40–66; *Степанов В. П.* Элементы жанра в беллетристике XVIII века // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 35–50; *Царева В. П.* Становление романа в русской литературе 60–90-х годов XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978; Русский и западноевропейский классицизм. С. 183–235; *Камедина Л. В.* К полемике русских литераторов второй половины XVIII века о жанре романа // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Метод и жанр. Межвуз. сб. науч. трудов. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1985; История русской переводной художественной литературы. С. 142–212; Очерки русской литературной критики. Т. 1. С. 95–109.

Сколько я их ни читал, но от всего чтения оных не приметил я ни тогда, ни после никаких предосудительных для себя следствий, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце, не соблазнен я ими был ни к каким худым делам и не вовлечен в пороки и распутную жизнь, но чтение оных напротив того произвело для меня бесчисленные выгоды и пользы. Ум мой преисполнился множеством новых и таких знаний, каких он до того не имел, а сердце нежными и благородными чувствованиями, способными не преклонять, а отвращать меня от пороков и худых дел, которым легко бы я мог сделаться подверженным».[14] Этот неоднократно цитированный отрывок имеет свое продолжение: «Может быть, произошло все сие от того, что по особливому счастию с самого начала попались мне в руки романы наилучшего рода, писанные хорошими и славными сочинителями <...>. И много, может быть, поспешествовало к тому и предварительное расположение и состояние моего сердца, имеющего с малолетства более наклонности к хорошему, нежели к дурному, и уже хорошее основание к люблению добродетели».[15] Из приведенной цитаты следует, что для неподготовленного человека чтение романов должно быть выборочным (как известно, даже такой противник романов, как А. П. Сумароков, допускал, что некоторые из них, например «Телемак» или «Дон Кихот», могут принести пользу читателю[16]). Себя Болотов считал достаточно защищенным от любого дурного влияния. В 1811 г., в возрасте 73 лет он писал о себе: «...хотя так же, как и все прочие, рожден с поврежденной натурою и с обыкновенными наклонностями ко всему злому и дурному, но по особливости Его милости и попечению обо мне, от самого моего малолетства находился в таких обстоятельствах, что опаснейшие и дурнейшие страсти не могли в сердце моем пустить коренья и с малолетства угнездиться во мне с излишком...».[17]

Подробно раскрывая роль романа в своей жизни, Болотов объясняет, что он имеет в виду, говоря о пользе, которую принесли ему

---

[14] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения... Т. I. Стб. 825.

[15] Там же. Стб. 826.

[16] *Сумароков А. П.* О чтении романов. С. 374–375.

[17] *Болотов А. Т.* Чувствования и размышления в последний день претекшего вновь года. 1811 // Болотов А. Т. Собрание мелких сочинений в стихах и прозе. Т. 5. РНБ. Ф. 89. № 69. Л. 139.

романы: во-первых, это упражнения в иностранных языках, во-вторых, получение сведений исторического и географического характера, и, наконец, то, что получая «увеселения» от романов, он не стремился к увеселениям иного рода, которые могли бы привести к пагубным последствиям.[18]

Те же положительные следствия чтения романов Болотов выделяет и в статье «О пользе, происходящей от чтения книг» из сборника «Забавы живущего в деревне». Демонстрируя безусловную пользу чтения для молодого человека на примере вымышленного героя Клеона, в биографии которого нетрудно угадать биографию самого Болотова, автор пишет: «Целый год не переставая почти читал он книги. Но по несчастию были они все романы, ибо он, по обыкновенной склонности молодого человека к увеселениям, находил в них более вкуса, нежели в других книгах, и для того и бирал только одни романы. Хотя сии книги и не такого рода, чтоб от них какой пользы надеяться можно было, однако они, по крайней мере, ему вреда не делали, но напротив того, ту пользу принесли, что он в немецком языке утвердился и об обыкновениях многих иностранных земель получил понятие, а паче всего за чтением оных не имел времени делать товарищам своим компанию и чрез то впасть в такое же непостоянство, беспутство и мотовство, в какое они впали, и сделаться негодным человеком».[19]

Во многом стремясь оправдать собственное увлечение романами, но отнюдь не утверждая их безусловную пользу, Болотов подчеркивает, что при определенных благоприятных обстоятельствах роман может иметь положительное влияние на читателя, как «неубыточное» удовольствие, отвлекающее от пагубных увлечений и иногда содержащее нравоучительный и познавательный элементы. Но это не отменяет необходимости отбора литературы и подготовки читателя к восприятию некоторых произведений.

Вопрос выбора качественной литературы неоднократно поднимается Болотовым как в записках, так и в специально посвященных этому статьях. Одна из таких статей помещена в рукописном сборнике «Современник, или Записки для потомства» 1795 г., под загла-

---

[18] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения... Т. I. Стб. 827–828.

[19] *Болотов А. Т.* О пользе, происходящей от чтения книг. Л. 36.

вием «О выдаваемых книгах и объявлениях об оных и злоупотреблениях при том бывших».[20] Здесь Болотов пишет о своей потребности в рекомендательной библиографии:[21] «...и если б по примеру иностранных была б такая книга, в которой бы достоинство всех книг прямо и беспристрастно было изображено и каждой придана нелицемерная цена; или хотя б издаваем был всем издаваемым вновь книгам журнал, с приобщением беспристрастной об них и хотя б самой короткой критики, то не только все заводящие у себя библиотеки вновь, но и прочие охотники до книг и всякой год их покупающие, могли бы с тем соображаться и избавлять себя от покупки негодных книг и сочинений и теряния денег по пустому».[22] Образцом такой книги для Болотова могли послужить немецкие сборники рецензий на разного рода произведения, с которыми он познакомился еще во время службы в Кенигсберге в 1750-х гг. В мемуарах Болотов приводит слова одного знакомого ему немца: «В числе продажных книг есть некоторые особливые книжки, содержащие в себе советы для молодых людей, желающих заводить библиотеки, в которых сообщается краткая и разумная критика о книгах всякого рода и предлагаются советы, какие бы из какого класса лучше избирать и каких, напротив того, обегать должно. Таковою-то бы книжкою надлежало вам себя наперед снабдить, и чрез нее спознакомившись хотя вскользь с наилучшими авторами и сочинителями, поступать уже, власно как по писаному, и такие выбирать, какие более рекомендуются учеными сочинителями сих книжек».[23]

Вероятно, именно потребность в такой книжке привела Болотова к составлению в 1791 г. сборника из 50 отзывов о романах «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков».[24] Этот до сих пор

---

[20] Опубликовано: *Губерти Н. В.* Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887. С. 27–28.

[21] Н. В. Здобнов считает Болотова основоположником отечественной рекомендательной библиографии: *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX века. М., 1955. С. 69.

[22] *Губерти Н. В.* Историко-литературные и библиографические материалы. С. 27.

[23] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения… Т. I. Стб. 818.

[24] Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. № 14. 173 л. Частично опубликовано: Из неизданного литературного

полностью не опубликованный сборник хорошо известен исследователям. На его материале рассматриваются и вопросы, касающиеся толкования жанра романа в России конца XVIII в. в целом, и вопросы о восприятии отдельных авторов и произведений, и проблема зарождения литературной критики в России. Второй том сборника, вероятно, не сохранился или не был составлен, первый же содержит 50 статей, из которых 4 посвящено русским романам, остальные — переводным, вышедшим на русском языке до 1791 г. (этим годом датирована рукопись). Все рецензии даны на русские переводы зарубежных романов (4 из рецензируемых произведений переведены с немецкого, по одному с итальянского и испанского, а остальные с французского языков).

В предисловии к своему сборнику Болотов объясняет, какую цель он при этом преследовал и на кого этот сборник прежде всего рассчитан: «Ничто, как желание оказать некоторую услугу тем, кому сия книжка в руки попадется, побудило меня написать и составить оную. Романов, изданных в сии последние времена на нашем российском языке уже так много, и разность между ними в рассуждении качества и доброты их так велика, что почти необходимая уже надобность есть при покупке и читании оных делать благоразумный выбор, а не все то покупать и читать, что в руки попадется. А как к тому весьма много поспешествовать могут беспристрастнейшие об них суждения и замечания о том, что в котором из них хорошего и что худого есть, то и вздумалось мне всякий раз, когда не случится читать какой роман, делать об них помянутые замечания, все нужное о каждом для себя записывать».[25]

Болотов выбрал жанр романа как, с одной стороны, достаточно демократичный (в плане его доступности даже не очень образованному читателю), а с другой — таящий в себе опасность пагубного воздействия на молодого и неопытного человека. Именно такой жанр нуждается в «путеводителе» и, вероятно, именно эту пользу Болотов имел в виду, утверждая, что собирается писать «критику особого рода, а не такую, какая иными пишется, но полезнейшую».[26]

наследия Болотова / Публ. А. Кучерова, И. Морозова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 153–222.

[25] Литературное наследство. С. 194.

[26] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения. Т. IV. Стб. 799.

Показательно, что почти каждый отзыв Болотов заключает выводом о том, стоит ли книгу читать вообще, а также покупать и держать в собственной библиотеке и, наконец, можно ли ее давать в руки дамам.

Сам Болотов не написал ни одного романа, но неоднократно брался за переводы, особенно в ранний период своего творчества. Два его перевода были опубликованы,[27] еще четыре сохранились в рукописи.[28]

Таким образом, можно не только с уверенностью утверждать, что доля романов в круге чтения Болотова была значительна, но и констатировать особую роль этого жанра в формировании его мировоззрения. Это обстоятельство напрямую связано с вопросом о жанровой специфике мемуаров Болотова, который был поставлен исследователями вскоре после издания записок. Так, В. В. Сиповский в своей монографии по истории русского романа назвал их «сбивающимися на роман».[29]

Даже имманентный анализ мемуаров позволяет выявить приемы, использованные Болотовым для беллетризации истории своей жизни. Так, для завлечения читателя применяются небольшие хронологические смещения и намеки, как, например, в эпизоде, где Болотов описывает свои сомнения в христианской вере: «Ах! моления мои были сим благодетельным Творцом и услышаны, и святой деснице Его угодно было наконец отвлечь меня от бездны <...> и к сему очевидному почти избавлению моему из крайней опасности

---

[27] *Бевиус А.* Генриетта, или Гусарское похищение, приключения, происходившие во время недавно бывшей войны у пруссаков с цесарцами. Переведена с немецкого А. Б. Ч. 1–3. М., 1782; Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла Эдуарда, претендента Великобританской, Французской и Ирландской короны. Переведена с немецкого А. Б. М., 1784.

[28] *Болотов А. Т.* 1) Перевод повести Ш. Ж. Ла Морльера «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник». Т. 1–2. 1759. Писарская копия. 78 л. РГБ. Ф. 475. К. 5. Ед. 4–5; 2) Перевод повести А. Ф. Прево д'Экзиля «Аглицкой философ, или История господина Клевеланда, побочного сына Кромвелова, им самим описанная». Т. 1. 1760-е гг. Писарская копия. РГБ. Ф. 475. К. 6. Ед. 6; 3) Перевод романа Г. Филдинга «Амелия». Ч. 4. 1767. РГБ. Ф. 475. К. 6. Ед. 1; 4) Перевод повести Ф. Г. Дюкре-Дюмениля «Лолотта и Фанфан, или Приключения двух младенцев, оставленных на необитаемом острове». Ч. 1–2. 1791. РГБ. Ф. 475. К. 5. Ед. 2–3.

[29] *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 2. С. 638.

и к спасению моему употребить по наружному виду самую безделку и вещь, ничего не значущую. Теперь спрошу я вас, любезный приятель, могли ль бы вы подумать и поверить тому, что безделица, один прусский грош <...> в состоянии был вывести меня из помянутого наимучительнейшего состояния и положить твердое основание всему воздвигнутому потом и такому зданию моей веры, которое уже ничто поколебать не могло...».[30] Далее следует подробный рассказ о том, как купленная на один грош немецкая проповедь помогла автору укрепиться в вере.

Повествование может прерываться в кульминационный момент. Например, 16-я часть 3-го тома заканчивается сообщением о появлении некоего незнакомца, который изменил все течение жизни повествователя. Следующая часть начинается со слов: «Не сомневаюсь, что слова сии были тогда для вас загадкою и что вы с любопытством ожидаете от меня разрешения оной».[31] Болотов активно использует вставные новеллы — рассказы других лиц и даже письма, в том числе реальные, как собственные, так и обращенные к нему, например от сына. Наконец, комические фрагменты, наличие которых специально оговорено в предисловии, и частые переходы от веселого к печальному также могут быть названы среди характерных для романа приемов, описанных Болотовым в сборнике «Мысли и беспристрастные суждения о романах…».

Тем не менее это не снимает вопроса об образцах, на которые Болотов мог ориентироваться, приступая к написанию мемуаров. Мемуары Болотова были отнюдь не единственными записками частного человека, созданными в этот период, но ознакомиться с другими образцами жанра у Болотова возможности не было. Одного стремления «о себе оставить потомкам моим незабвенную память»[32] вряд ли было достаточно для того, чтобы решиться на подробное и длительное описание своей жизни, не имея перед собой никаких примеров. Подробных исследований о связи записок Болотова с той или иной жанровой традицией до сих пор не проводилось. Между тем установление таких образцов даст возможность точнее охарактеризовать жанровую природу русских мемуаров XVIII в. и при-

---

[30] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения... Т. III. Стб. 61.

[31] Там же. Т. III. Стб. 363.

[32] Там же. Т. I. Стб. 1.

близиться к пониманию специфики сознания человека XVIII столетия.

В первую очередь обращает на себя внимание эпистолярная форма записок. В частности, следует отметить точные наблюдения А. Е. Кузнецова по поводу эпистолярной и очерковой составляющих стиля мемуаров.[33] Ранее были отмечены переклички некоторых фрагментов мемуаров с реальными письмами Н. Е. Тулубьеву.[34] Р. М. Лазарчук также обратила внимание на совпадения между перепиской Болотова с Тулубьевым и романом Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (вышел в 1766 г., то есть на шесть лет позднее переписки), сделав вывод о том, что в обоих случаях это отражение социальных и литературных процессов зарождения дружеского письма и формирования сентиментального стиля.[35] Но в статье Лазарчук не случайно не сделано следующего шага: между записками Болотова и романом Ф. А. Эмина уже нет ничего общего, потому мемуары — это рассказ о прошлом, а реальные письма — о настоящем (и в настоящем времени), в том числе о переживаемых здесь и сейчас чувствах. В итоге все эти справедливые наблюдения не дают ответа на вопрос, как происходит переход от отдельного письма или автобиографического очерка к жизнеописанию и что дает автору смелость сделать такой переход в отсутствие прямых образцов жанра.

Вероятно, ответ следует искать среди тех книг, которые читал Болотов, тем более что его круг чтения может быть восстановлен по целому ряду источников, среди которых, наряду с воспоминаниями, письма, упомянутые выше критические заметки об отдельных произведениях, сохранившиеся книги с владельческими пометами, частично дошедший до нас каталог библиотеки сына Павла и т. д.

---

[33] *Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013. С. 8–12.

[34] См.: Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761) / Подгот. текста, коммент., вступ. статья А. Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 г. СПб., 2013. С. 293–396; *Веселова А. Ю.* Эпистолярная традиция в мемуарах А. Т. Болотова // XVIII в. Сб. 27. СПб., 2013. С. 69–84.

[35] *Лазарчук Р. М.* Роман Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» в контексте писем А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву // Карамзинский сборник: Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 167–179.

К сожалению, ряд переведенных и рецензируемых Болотовым книг, как и некоторые упоминаемые им в мемуарах произведения, до сих пор не идентифицированы, хотя в этом отношении сделано очень много.[36] Одним из источников такой идентификации может послужить недавно обнаруженный список 55 иностранных книг из библиотеки Болотова, составленный, вероятно, в конце XIX в.[37] В небольшом предисловии к списку сказано, что на книжном развале в Твери было обнаружено около 60 томов книг на разных языках. Они имели владельческие надписи, порядковые номера (видимо, в личной библиотеке) и маргиналии Болотова, в частности, отметки с датами прочтений. В списке есть учебная литература (самый ранний том датируется 1747 г.), словари, экономические сочинения, но бóльшая часть — это художественные произведения, а именно романы или повести. Работа с этим списком еще предстоит, но уже сейчас очевидно, насколько обнаруженный документ подтверждает роль романов в круге чтения Болотова.

Таким образом, у нас есть материал, позволяющий хотя бы отчасти установить, на какие образцы опирался Болотов, приступая к описанию своей жизни. В первую очередь следует остановиться на биографиях великих людей. Согласно мемуарам, именно «Жизнь Александра Македонского» Курция Руфа и «Жизнь Савойского принца Евгения» были в числе первых, самостоятельно прочитанных Болотовым книг. В дальнейшем Болотов сохранял интерес к биографическим повествованиям. В частности, в 1794 г. был издан выполненный им перевод «Жизнь и приключения Эдуарда, претендента английского» (стоит обратить внимание на совпадение названия с названием мемуаров Болотова). Безусловно, Болотов не приравнивал себя к личностям такого масштаба. Но, во-первых, он все же признавал и отмечал свои заслуги перед отечеством, особенно в области агрономии, дающие ему право на описание собственной жизни. Во-вторых, речь идет не об уподоблении великим

---

[36] См., в частности, «Историю русской переводной художественной литературы» (Т. 1), а также работы В. Д. Рака (*Рак В. Д.* Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008).

[37] Библиотека А. Т. Болотова. Статья неизвестного автора с приложением описания библиотеки // СПбФ АРАН. Ф. 208 (Ольденбург Сергей Федорович). Оп. 4 (Рукописи трудов других лиц). № 111.

героям прошлого, а только о заимствовании некоторых принципов построения текста. Так, все вышеперечисленные биографии, написанные в разное время, начинаются с подробного описания родословной героя. Болотов также посвящает первые письма истории своих предков. В целом, биографии исторических деятелей, по крайней мере названные выше, по большей части представляют собой изложение событий, участником которых был тот или иной исторический персонаж. В записках Болотова отчетливо выделяются фрагменты, в которых личная история уступает место изложению событий, причем с привлечением других источников. Болотов был участником большой европейской войны, не говоря уже о других, также значимых для России событиях. Но именно Семилетняя война дала Болотову чувство причастности к мировой истории и европейской культуре, причем еще в молодости. Следует отметить, что интерес к внешней политике Болотов сохранял до конца дней, что не очень типично для русского провинциального дворянина XVIII в., последние 40 лет прожившего в тульском имении. В переведенной им истории английского претендента Эдуарда говорится: «Мы изобразим здесь вкратце сию странную и удивительную жизнь, которая особливостию своею столько же привлекательна, как Роман, но вкупе составляет частичку истории европейских держав недавно прошедшего времени».[38] Вероятно, ощущение себя «частичкой истории», исторической личностью, свидетельство которой имеет определенную ценность, было очень важно для Болотова, так как лишний раз подтверждало его, по выражению Ю. М. Лотмана, «право на биографию».[39] В итоге следует признать, что подробно изложенная Болотовым история Семилетней войны до сих пор является важнейшим источником информации для исследователей этого периода, хотя охватывает и те эпизоды, свидетелем которых Болотов быть не мог, и явно написана с привлечением стороннего материала. Этот вопрос требует специального изучения. Сам Болотов упоминает иностранную периодику и мемуары Фридриха Великого, о которых необходимо сказать отдельно. Очевидно, что

---

[38] Жизнь и странные приключения умершаго в 1788 году Карла Эдуарда… С. 3.

[39] *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 365.

Фридрих был одним из величайших современников Болотова, с которым последний столкнулся если не лично, то близко, и поэтому понятно, что «Историю моего времени» Болотов читал с особенным чувством. И именно в предисловии к этому произведению сформулирована ценность личного исторического свидетельства, которое Фридрих ставит выше иных заслуг: «Мы имеем слишком много записок, анекдотов и известий, но весьма малое число таких писателей, кои имели важные чины, сами участвовали в делах, принадлежали ко двору или коим от государей было дозволено разбирать архивы. Сии о неизвестности Истории размышления часто меня занимали и родили во мне желание важнейшие происшествия, в которых я имел участие или по крайней мере которых я был свидетелем, предать потомству...».[40]

Таким образом, сам принцип отступления от описания личной жизни для подробного рассказа об историческом контексте был почерпнут Болотовым из жанра исторической биографии. Возможность такого перехода от частного к общему служила для него одним из оснований для создания записок о себе.

Еще одной немаловажной особенностью болотовских мемуаров, источник которой следует искать в биографических текстах, является мотив предопределенности его судьбы и божественного покровительства над ним. Ряд эпизодов, в которых Болотов неоднократно подвергается смертельной опасности (понесла лошадь, случился пожар в комнате, едва не утонул и т. д.) свидетельствуют, что Господь хранит автора записок: «Всякий раз, когда размышляю я о течении моей жизни и о всех бывших со мною происшествиях, примечаю я в оной многие следы особливого божеского обо мне промысла и вижу ныне очень ясно, что и наиглавнейшими происшествиями со мною не инако, как неведомая рука Господня управляла...».[41] Более того, назначенный по рождению к военной карьере, Болотов отмечает, что не чувствовал к этой деятельности склонности и некоторые обстоятельства его жизни (например, боязнь стрельбы в детстве) уже заранее свидетельствовали, что Богу было угодно предназначить его к другой стезе, то есть к «науке и художе-

---

[40] Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского. СПб., 1789. Т. 1. С. 6–7.

[41] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения... Т. I. Стб. 672.

ствам». В том, что ему в итоге удалось избежать военной службы, Болотову виделось особое божественное покровительство. Аналогичный мотив звучит во всех названных ранее жизнеописаниях. В частности, согласно биографу, принц Евгений был назначен к духовному званию, что «естественному в нем расположению противно было».[42] Александр Македонский назван Курцием «Царем, судьбою предопределенным на разрушение славного Персидского царства».[43] Даже очевидное несчастье может трактоваться как особый божественный промысел. О смерти брата принца Евгения полковника Юлия Людовика говорится: «Хотя сие приключение принцу Эвгению и весьма чувствительно было, однако ж оно может быть божьим определением в его пользу учинилось, дабы он Цесарскую милость и славу, которую бы ему с братом разделить надлежало, впредь один получать мог».[44] Подобным же образом Болотов нередко отмечает, что некие события, которые он переживал как несчастья или неудачи, «обратились в дальнюю пользу».

Другим источником своего рода вдохновения для Болотова могли послужить романы-биографии, представляющие собой жизнеописания, типологически близкие мемуарам, особенно написанные от первого лица. Отдельно следует остановиться на двух романах, которые Болотов пытался переводить еще в период военной службы. Во-первых, это роман Прево д'Экзиля «Аглицкой философ, или История господина Клевеланда, побочного сына Кромвелева, им самим описанная», который Болотов начал переводить в 1760 г. В том же году вышел перевод первого тома в типографии Сухопутного кадетского корпуса[45] и, видимо, поэтому Болотов работу над переводом прервал. В первую очередь следует обратить внимание

---

[42] Описание жития и дел принца Эвгения, герцога Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея империи с грыдорованными изображениями всех его баталий и знатнейших осад. СПб., 1740. Предисл. ненум.

[43] Квинта Курция история о Александре Великом царе македонском с дополнением Фрейнсгейма и с примечаниями переведена с латинского языка вторично Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб., 1750. Т. 1. С. 3.

[44] Описание жития и дел принца Эвгения... С. 17.

[45] Философ аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им писанное и с аглинского на французский, а с французского на российской язык переведенное. СПб., 1760. Т. 1.

на образ главного героя и его философию (не случайно роман называется «Английский философ»). Роман написан от первого лица, и герой рассказывает о своей матери и о том воспитании, которое она ему дала. Живя в уединении, она составила хрестоматию из лучших древних и новых авторов, чтобы познакомить сына с достижениями мировой литературы. Но основное воспитание было философское: «...нравоучительная Философия была концом всех ея учений. <...> Всех древних и новейших филозофов в переводах со вниманием прочитав, выбрала из них с удивительным рассуждением все разумные их о благополучии и истине мнения. Составила из оных неусыпными своими трудами полную систему и все части оные с малым числом правил ясных и полезных чудным порядком связала. Сию любимую свою книгу читала она беспрестанно, сказывая, что в ней находила как в неисчерпаемом некоем источнике всегда себе отраду и утешение, силу и крепость, сердечного спокойства основание, мыслей постоянство и утверждение».[46] Согласно мемуарам, Болотов поступал аналогичным образом: начал во время службы в Кенигсберге выписывать в так называемую «Памятную книжку» цитаты из сочинений философского и нравоучительного характера, а затем, компилируя идеи, почерпнутые из трудов нескольких философов (И. Г. Зульцера, Х. А. Крузия, И. Г. Гофмана и т. д.), составил свою философскую систему, которую проповедовал в собственных произведениях, прежде всего таких, как «Детская философия» (1776) и «Путеводитель к истинному человеческому счастию» (1784).[47]

В целом, указание на разумное воспитание героя, имеющее философские основания, — одно из общих мест европейского романа XVIII в. Но иногда совпадения с биографией Болотова кажутся поразительными. Так, в романе Дебульмье «Воспитание любви, или Действия ненависти, любви и дружества» (1782) герой говорит о себе: «Отец мой <…> взял первое мое наставление на себя, и на десятом году знал я <…> по-латине и по-гречески. Мать моя <…>

---

[46] Там же. С. 9–10.

[47] Подробнее см.: *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 245–264; *Веселова А. Ю.* Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова: литературная критика и садово-парковое искусство: Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 18–54.

учила меня рисовать и музыке <…> старый солдат <…> учил меня артикулу. <…> Дядя мой <…> препроводил зиму у моего родителя <…> я <…> научился от него первым основаниям математики и фортификации, мы забавлялись также <…> делать некоторые физические и химические опыты <…> А чтоб направить мое сердце к добродетели, то мне только оставалось следовать примерам моих родителей <…>. Что касается до наук <…> то малое чтение и большое размышление мое научило меня тому, что я об них знаю». Если заменить древние языки на немецкий и убрать музыку, то все остальное напрямую относится к биографии Болотова, включая дядю, у которого он брал книги по фортификации, и старого солдата, обучавшего его ружейным приемам.

Одним из основных положений философской системы многих литературных героев этого времени, в том числе Клевеланда и его матери, было утверждение, что наибольшее несчастье человеку приносит необузданность страстей. Избегание страстей и сознательный выбор тех удовольствий, которые не приносят никакого ущерба человеку и его близким, — также один из основных тезисов болотовской «науки быть счастливым».

В оценке страстей «Английский философ» перекликается еще с одним романом, который Болотов также перевел в 1760 г. Это роман Ш. Ла Морльера «Милорд Станлей, добродетельный преступник». В «Мыслях о романах...» Болотов посвятил ему отдельную статью, иронически отметив склонность автора к кровопролитиям. Тем не менее, он довольно высоко оценил роман за то нравоучение, которое из него можно почерпнуть. Главный воспитательный смысл романа Болотов видел в том, что роман обличает пагубность любовной страсти и благотворность уединенной жизни. В мемуарах Болотова и в письмах к Тулубьеву он неоднократно обращается к этой теме, высказывая опасение, что может оказаться жертвой «непостижимой страсти, сердца человеческие заражающей» и рассуждая об успехах своей философской системы в деле «преоборания любовной заразы».[48] Показательно, что и в реальном письме, и в мемуарах, и в переводе описания чувств стилистически близки. Так, в мемуарах он пишет о своей влюбленности в дальнюю род-

[48] Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761). С. 319.

ственницу Бакееву: «…прелестями такими немудрено хоть кого заразить…»; «Заразит, проклятая, так и сам себе рад не будешь».[49]

Здесь, вероятно, можно говорить об опосредованном влиянии романа-биографии на записки Болотова и на формирование им собственного образа в мемуарах. Еще Е. Н. Щепкина справедливо отмечала: «...характер и воззрения его складывались в значительной степени под влиянием книг»,[50] а современный исследователь Кузнецов утверждает, что чтение «формировало его личность как гражданина, как ученого, как писателя».[51] Вероятно, Болотов, особенно в молодости, нередко следовал в своей жизни романам.

Не случайно в этом жанре он более всего ценил достоверность вымысла. Ненатуральность — одна из главных его претензий к роману. Произведения Эмина и П. З. Хомякова, представляющие собой псевдодокументальные тексты, Болотов критикует крайне резко, а их авторов обвиняет во лжи, как и автора «Милорда Станлея»: «Издатель оригинала сей книги сколько ни старался придать описанной в ней повести вид справедливости и хотя нарочно для того предпослать оной уведомление о своем личном знакомстве с героем оной, однако вся повесть имеет столь многие явные черты романа, что всякий скоро узнает, что она вымышленная, что сочинитель бесстыдно лжет, и что книга сия принадлежит к числу романов».[52] Здесь Болотов выступает за чистоту жанра, но в то же время для него очевидно типологическое сходство между мемуарами и романом, позволяющее одно выдавать за другое.

Одно из оснований такого сходства — «социально-психологические особенности эпохи»,[53] отраженные в болотовских мемуарах. Вероятно, иногда Болотов и сам это замечал. Но именно роман,

---

[49] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения. Т. III. Стб. 385. Ср. в болотовском переводе «Милорда Станлея»: «Я не знал еще точного состояния моего сердца, а чувствовал уже новую заразу» (РГБ. Ф. 475. К. 5. Ед. 4. Л. 20 об.).

[50] *Щепкина Е. Н.* Популярная литература середины XVIII века (по запискам А. Т. Болотова) // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. CCXLIV. Апрель. С. 240.

[51] *Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление. С. 7.

[52] ИРЛИ. Ф. 537. № 14. Л. 28.

[53] *Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление. С. 15.

как достоверное повествование о человеческой судьбе, причем дающее моральную оценку, легитимизировал мемуары в качестве достоверного рассказа о реальной жизни. Сюжетообразующим фактором для Болотова стала его философия, точнее ее практическое применение. Рассматривая свою жизнь как реализацию определенных философских установок, сформулированных им в соответствующих произведениях, Болотов создавал мемуары во многом как наставление потомкам, с помощью различных повествовательных приемов, а также включением в исторический контекст, стараясь придать ему увлекательную форму. Н. В. Водовозов отмечает: «…общее единство книги достигается тем, что в основе ее находится одна идея: создать художественное руководство, по которому следующие поколения могли бы научиться трудному искусству жизни».[54] О том же пишет Г. В. Токарева, отмечая в записках Болотова «своеобразный контур сюжета, еще не четко выраженный, внутренне мотивированный авторской концепцией собственной жизни...».[55] При этом определенный фатализм, тема предопределенности судьбы, пронизывающий весь текст записок, не только отвечает основным положениям учения Х. А. Крузиуса о свободе воли (телематологии), которому Болотов следовал, но становится одной из форм самоуничижения, сродни этикетным формулам о просьбах друга описать свою жизнь. В итоге специфика болотовских мемуаров заключается в декларируемом (и успешно реализованном) стремлении сохранить достоверность повествования и одновременном прямом заимствовании беллетристических элементов. И это делает записки одним из интереснейших образцов жанра своего времени.

---

[54] *Водовозов Н. В.* Андрей Тимофеевич Болотов — писатель XVIII века // Русская классическая литература. Учен. зап. Московского городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина. 1960. Т. CVIII. Вып. 10. С. 38.

[55] *Токарева Г. В.* Русская автобиографическая литература в общественно-культурном контексте. Конец XVIII — начало XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 49.

А. ВАЧЕВА

ДВОРЯНСКИЙ ДОЛГ В МЕМУАРАХ Е. Р. ДАШКОВОЙ

Мемуары княгини Дашковой многократно привлекали внимание исследователей, серьезно изучавших этот, вне всякого сомнения, один из самых популярных текстов русской мемуарной литературы. Хорошо известна история его написания, вывоза из России рукописи, заграничных публикаций с целью ознакомления как можно более широкого круга читателей в Европе, вовлеченность мемуаров в разные идеологические контексты публикаторами и критикой. В настоящей статье будет рассмотрена концептуальная роль проблемы о дворянском долге в «Записках» княгини.

Полемичность дашковских «Записок» и сочетание в них автобиографического повествования с философскими посланиями, характерными для трактатов и исторических сочинений, давно были отмечены комментаторами. Александр Воронцов-Дашков считает, что автобиография княгини — ответ на порочащие личность Екатерины II и ее собственную сочинения Ж.-А. Кастера, К.-К. Рюльера и других «историков» дворцового переворота 1762 года.[1] Это мнение несомненно справедливо. Подобные намерения заявлены мемуаристкой в письме-посвящении Марте Уилмот, в котором Дашкова пишет, что положила себе целью опровергать «все хитросплетения лжи и гнусные измышления, возведенные на Екатерину Великую

[1] *Woronzoff-Dashkoff A.* Dashkova: A Life Of Influence And Exile. American Philosophical Society. Philadelphia, 2008. P. XXVIII.

© А. Вачева, 2015

некоторыми французскими писателями», которые, «следуя низменным целям и распущенности нынешнего времени, решили заодно очернить и оклеветать ее безвинного друга — Екатерину Малую».[2] Однако дашковские мемуары выходят далеко за рамки самооправдания и попыток защититься от несправедливо возведенных обвинений. Они выражают представления автора по двум важнейшим для просветительской мысли темам: концепция просвещенного монарха и «должность» дворянина. В этом смысле они соотносимы с мемуарами Екатерины II. Гораздо справедливее замечание М. Левитта о том, что Дашкова ставит себе целью в «Записках» тройную защиту: возвеличение Екатерины II как истинно великой и просвещенной государыни, утверждение русской культуры эпохи Просвещения и уточнение и выявление собственной исторической роли.[3]

По своему жанру записки Дашковой представляют собой автобиографию и ставят во главу угла историю личности мемуаристки. Текст должен раскрыть перед будущими читателями идеологию концепции собственного «я» автора. «Из моего повествования будет видно, что плыть на одном корабле с великими мира сего — предприятие, изобилующее опасностями и что придворная атмосфера губительна для честных людей; однако свободная от укоров совесть может дать нам достаточно сил, чтобы твердостию духа обезоружить злобу тирана и помочь тем, кто чист душой, перенести самые несправедливые гонения. Вы найдете здесь примеры тому, как славе сопутствуют зависть и ее верная подруга — клевета»,[4] — эта формулировка «Записок» обобщает суть автобиографического образа. В этом отношении повествование о прожитом Екатерины «Малой» также приближается к автобиографии Екатерины «Великой». Можно даже предположить, что в какой-то мере Дашковой были известны «Записки» Екатерины II. Однако никаких документальных доказательств этому предположению нет. Общепринятая точка зрения сформулирована Г. Н. Моисеевой: «Е. Р. Дашкова не могла видеть „Мемуары“ Екатерины II, которые хранились

---

[2] *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 35.

[3] *Levitt M.* Virtue Must Advertise: Self-presentation in Dashkova's Memoirs // Levitt M. Early Modern Russian Letters: Text and Context. Boston, 2009. P. 381.

[4] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 35.

в запечатанном пакете и были вскрыты после смерти императрицы в 1796 г. Павлом I. Первое же издание этих „Мемуаров“ на французском и на русском языках было осуществлено А. И. Герценом в Лондоне в 1859 г. Очевидно, что сходство в изображении событий, предшествующих восшествию Екатерины II на престол, в „Записках“ Е. Р. Дашковой и в „Мемуарах“ императрицы объясняется тем, что в обоих произведениях нашли отражение одни и те же исторические факты».[5] Идею о возможной связи обоих текстов надо воспринять с необходимой долей осторожности, учитывая прежде всего сходство в подходе мемуаристок к созданным ими собственным образам.

Конечно, ни в коем случае нельзя ожидать, что княгиня имела перед собой копию текста высочайшего автора. В качестве «посредника» между обеими мемуаристками можно заподозрить Ф. В. Ростопчина, особенно близкого к Павлу Петровичу после его воцарения. Графу было поручено вместе с кн. А. Б. Куракиным разобраться в бумагах покойной императрицы. Считается, что Ростопчин одним из первых снял копию с записок, равно как и донес до потомства сведения о судьбе загадочного документа — пресловутой записки Алексея Орлова из Ропши о смерти Петра III. История обязана услужливой памяти графа, которому удалось якобы запомнить наизусть ее содержание за те несколько минут, во время которых драгоценное послание было в его руках.[6] В мемуарах Дашковой, в вставке к основному тексту, есть подтверждение истории с запиской. Княгиня якобы видела тщательно хранимый императрицей документ, составлявший ее алиби: «Тем, кто посмел подозревать императрицу в том, что она приказала убить супруга или была причастна к его смерти, я представлю здесь доказательство противного: известно письмо Алексея Орлова, которое ее величество тщательно

---

[5] *Моисеева Г. Н.* О «Записках» Е. Р. Дашковой // Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810 / Подгот. текста, статья и коммент. Г. Н. Моисеевой. Л., 1985. С. 262.

[6] В последнее время ставится под сомнение аутентичность документа, о существовании и содержании которого сообщил Ростопчин. Некоторые современные исследователи склонны видеть в свидетельстве графа фальсификацию (см.: *Иванов О. А.* Смерть Петра III. Ч. 1. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши. Княгиня Е. Р. Дашкова и граф А. Г. Орлов: причины конфликта. М., 2009; *Крючкова М. А.* Триумф Мельпомены. Убийство Петра III в Ропше как политический спектакль. М., 2013 и др.).

берегла в своей шкатулке, вскрытой Павлом после смерти матери. <…> Когда после смерти Павла стало известно, что письмо не было уничтожено и что Павел велел читать его вслух в присутствии своей супруги и госпожи Нелидовой, показал письмо великим князьям и графу Ростопчину, я была так счастлива, так весела, как редко в жизни».[7]

Ф. В. Ростопчин, родственник княгини, был одним из редких посетителей Троицкого во время работы над мемуарами. В опубликованных С. С. Дмитриевым и Г. А. Веселой фрагментах дневника Марты Вильмот есть два упоминания о визитах графа в Троицкое.[8] В переписке самого Ростопчина есть другие сведения о встречах и беседах с княгиней в период работы над ее автобиографией.[9] Ростопчин подозревается исследователями в шпионаже по отношению к Дашковой, некоторые считают, что именно он мог бы донести о сочинении ее мемуаров и планах вывезти текст из России ее английскими гостьями.[10] Если граф и не разъезжал с опасной копией

---

[7] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 78–79. Дашкова подтверждает существование и содержание записки также в своих примечаниях на книгу Кастера (*Корнилович-Зубашева О.* Княгиня Дашкова за чтением Кастера // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922; репринт: Jal-reprint, Würtzburg, 1978. С. 365). Сообщение о том, что записка Орлова не была сразу же брошена в огонь, а хотя бы известное время существовала и была показана более широкому кругу лиц, несколько расходится с версией об уничтожении документа, сообщенной самим Ростопчиным, А. А. Безбородко и другими свидетелями этой сцены.

[8] См. дневниковые записи М. Вильмот от 11.06.1804 г. и 21.06.1805 г. (*Дашкова Е. Р.* Записки. С. 263 и 276).

[9] О. А. Иванов цитирует письмо Ростопчина брату Дашковой С. Р. Воронцову, где описываются его встречи с Дашковой в Москве: «Я встречался в некоторых домах с вашею сестрой, и мы не могли вдоволь наговориться и поспорить между собой. Она чересчур пристрастно судит о делах и не хочет убедиться, что изменения и новизны приносятся самим временем. Ей все кажется, что она живет в 1762 году, и она никак не хочет убедиться, что лучший способ смотреть на современные события заключается в невозможности устранить зло и в ограничении своей деятельности определенным, непреступаемым кругом» (*Иванов О. А.* Смерть Петра III. Ч. 1. С. 58). Иванов приводит также выдержки из писем Ростопчина другим лицам, из которых становится ясно не только то, что граф сравнительно часто встречался с княгиней, но также, что читал «все важные ее переписки». Однако это не помешало ему неоднозначно оценить ее личность: «Ее похвалы и яд и лекарство...» (Там же. С. 59).

[10] О. А. Иванов аргументирует этот тезис: «Однако, как оказалось, Ростопчин был далеко не равнодушен к „Запискам“ Екатерины Романовны. Он, как доказывают

екатерининских мемуаров, то он вполне бы мог рассказать княгине об их содержании. О том, что оба обсуждали в узкум кругу «опасные» темы; например, о посещении Екатериной заключенного Ивана Антоновича в Шлиссельбурге свидетельствует запись М. Вильмот от 21.06.1805 г.: «Приехали граф Ростопчин, госпожа Небольсина и мадемуазель Лилинтхаль. Граф Р[остопчин] — вылитый Павел I. <…> Мы засиделись допоздна, разговор вращался вокруг различных событий русской истории. Княгиня упомянула о визите, который Екатерина II сделала несчастному Ивану. Императрица говорила ей самой, что Иван был безумным или, вернее, слабоумным...».[11] Другая «опасная» тема этой беседы — заговор Мировича и смерть «несчастного безумца», «трагедия», которая «едва не имела серьезных последствий для самой княгини Дашковой».[12] К тому же самой княгине могли быть известны многие подробности эпизодов жизни Екатерины, узнанные ею из разговоров[13] как в молодости, так и в период активной работы императрицы над собственной автобиографией. Факты говорят об активном участии Дашковой в придворной жизни во второй половине 80-х — начале 90-х гг. Долголетняя работа над мемуарами императрицы убеждает в том, что у нее были своеобразные «заготовки» рассказов о событиях ее жизни. Содержание отдельных эпизодов екатерининских мемуаров и воспоминаний постоянно повторяется в воспоминаниях других мемуаристов, по которым историки выверяют правдивость мемуарного рассказа, а записки Дашковой часто используются в этом

исследователи, пытался воспрепятствовать вывозу их в Англию Мартой Вильмот, которая была задержана в Кронштадте, вероятно, по распоряжению самого императора. По намекам задержавшего ее офицера она начала догадываться, по чьей инициативе это происходило. Не называя имени, М. Вильмот характеризует доносчика как человека, которого она „считала до сих пор своим другом, известного в России, пользующегося доверием княгини, читавшего ее Записки с посвящением и знавшего, что они у меня“. Послав из Кронштадта тайно полный отчет о происшествии к Дашковой, Вильмот не назвала ей доносчика. Екатерина Романовна так и не узнала имя человека, „который долго был в немилости при дворе и старался подняться за ее счет“» (*Иванов О. А.* Смерть Петра III. Ч. 1. С. 68).

[11] Запись от 21.06.1805 г. (*Дашкова Е. Р.* Записки. С. 276).

[12] Там же.

[13] *Тычинина Л. В.* Отношения Екатерины Великой и Е. Р. Дашковой в 1784–1794 гг. // Е. Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 10–26.

отношении именно как контрольный текст. Главное, Дашкова могла бы иметь представление об основном — как ее сиятельный друг подходила к истории собственной жизни и к концепции собственного образа в рассказе. Автобиографии Екатерин — Великой и Малой — сходятся в одном: оба автора старательно лепят свои образы с учетом возможной публикации в будущем. Цель обеих — задать желанное направление своей посмертной репутации, парировать накопленую отрицательную мифологию и поддержать положительные представления о своих личностях.

Если автобиография Екатерины Великой должна проиллюстрировать ее путь к трону и убедить публику в заслуженном высокими нравственными качествами, патриотизмом, упорным (само)просвещением, справедливостью и рыцарской верностью своим принципам успехе, автобиография Дашковой должна представить образцовую гражданку, воплощающую в себе высокие понятия о призвании дворянина. Это тем интереснее, что княгиня подчеркивает свою женскую идентичность, доказывая обществу способность и возможность активного участия русской дворянки в политике и общественной жизни.

Представляется, что записки Дашковой — это очередное «соревнование» Малой Екатерины с Екатериной Великой. Своеобразное соперничество на фоне многократно и публично демонстрировавшейся княгиней лояльности к императрице сопровождало всю историю отношений обеих Екатерин. По справедливому замечанию Аделин Гаргам, «Дашкова, или Екатерина Малая, на самом деле наследует часть мифологии, которая окружала Екатерину Великую. Образ русской княгини повторяет образ императрицы, созданный в литературных произведениях и карикатурах. Чтобы прославить Екатерину II писатели, в особенности Вольтер, довольствовались тремя мифологическими фигурами: Минервой, Семирамидой, Талестрис, царицей амазонок. Образ Паллады по поводу нашей ученой княгини воскрес под пером Казановы: „Ученые бы краснели от того, что ими руководит женщина, если бы не признали в ней Минервы“», — писал он в «Истории моей жизни».[14] Совсем

[14] *Gargam A.* Les voyages de la princesse Dachkova en France (1770–1781) et son accueil par les Français: Le fantasme d'un *mundus perversus* // L'image de l'Etranger. Sous la dir. d'A. Stroev. Paris, 2010. P. 122–123.

не случайно подчеркивание в мемуарах Дашковой своего значения в «революции» 1762 г., в которой императрице отводится едва ли не пассивная роль, в то время как известно недовольное высказывание Екатерины II о том, что неуместно даже подумать, что она могла бы доверить свою судьбу и судьбы империи молодой экзальтированной девятнадцатилетней особе, какой была в то время княгиня Екатерина Романовна. Примечательно, что стремясь подчеркнуть свои заслуги, мемуаристка все время приуменьшает свой возраст, представляя себя во время подготовки и осуществления заговора то шестнадцатилетней, то семнадцатилетней, то восемнадцатилетней.

Мотив верности дворянскому долгу играет концептуальную роль в создании собственного образа мемуаристки в «Записках» Дашковой. Причем основная идея в его разработке — не подчиненность, а независимость и равнопоставленность дворянина с государем, что явно признается просвещенной правительницей, каковой являлась Екатерина II. Это отмечено в ряде эпизодов текста, начиная с трех вечеров, когда обе соратницы вынуждены делить одну кровать, и в той терпимости, с которой государыня выслушивает резкие возражения княгини, учитывает ее мнение, читая ей вслух манифесты. В интерпретации личности и обязанностей дворянина в мемуарах Дашковой как бы выражена квинтэссенция этой ведущей темы русского классицизма, начиная с сатир Кантемира и кончая поэзией Державина. В отличие от Екатерины-императрицы, которая щедро маскирует невозможную искренность (Ф. Лежень) в автобиографии романной топикой,[15] Дашкова, также вовсе не собиравшаяся рассказать «всю правду» о себе, использует идеологические конструкты русских писателей.

Проблема дворянского долга в автобиографии Дашковой разрабатывается на основе нескольких основных мотивов. Это традиционный в автобиографическом повествовании мотив родной семьи: знатное происхождение обязывает героиню быть достойной представительницей рода. С ним связан мотив полученного мемуаристкой блестящего воспитания, обещавшего не менее блестящую пар-

[15] См.: *Вачева А.* «Романът на императрицата». Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурси на четене през XIX век. София, 2008.

тию и предполагавшего традиционную реализацию дворянки в обществе. В рассказе о детстве производят впечатление такие обстоятельства, как отсутствие матери, а также одиночество и самовоспитание. В этом отношении можно провести известную аналогию с автобиографией Екатерины II. Если отсутствие матери в мемуарах Дашковой обусловлено фактом ее ранней смерти, то в автобиографии императрицы мать (которая в действительности прилагала посильные усилия обеспечить будущее дочери) представлена как враждебно настроенная, относящаяся с пренебрежением к девочке, преследующая свои эгоистические цели. В обоих случаях это предпосылка одиночества, но также и саморазвития, прежде всего путем чтения. В рассказе о происхождении и детстве характерно умолчание Дашковой о купеческом происхождении ее матери и ее первом браке с опальным князем Долгоруковым, т. е. деталях, упоминание которых может чем-то повредить идеальному образу мемуаристки в глазах будущих читателей.[16] Интересную интерпретацию этого мотива предлагает А. Воронцов-Дашков. По мнению исследователя, в личности Екатерины II юная княгиня видела образ отсутствующей матери, тогда как Никита Панин явно замещал в ее сознании отсутствующего и безразличного к ней отца.[17] Это мнение позволяет выявить особый аспект отношения мемуаристки к своему кумиру Екатерине II, которая соотносится с образом названной матери в романах того времени, отмеченный не только мотивами наставничества со стороны последней, восхищения молодой особы старшей женщиной и желания быть похожей на нее, но и соперничества. Исследователь обращает внимание и на то, что княгиня особенно высоко ценила дружбу своей матери с Елизаветой Петровной, очевидно, соотнося ее со своими дружескими отношениями с Екатериной II. В этом она находила оправдание собственным действиям, открывая новый тип преемственности, своеобразную альтернативную генеалогию, основанную на дружбе женщин, вместо традиционной фамильной генеалогии, передающейся от отца к сыну.[18]

---

[16] Впрочем, умалчивает она и о второй семье своего отца (см.: *Woronzoff-Dashkoff A.* Dashkova… P. 10).

[17] Ibid. P. 45.

[18] Ibid. P. 6.

Своеобразным сравнением с Екатериной-императрицей выглядит список авторитетных мыслителей, труды которых были прочитаны мемуаристкой в нежном возрасте: «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало».[19] Тут можно прибавить еще «Об уме» Гельвеция, «Энциклопедию», словарь Морери,[20] всю огромную библиотеку И. И. Шувалова, охотно предоставившего юной героине возможность просвещать свой ум его впечатляющим книжным собранием. Характерно, что большинство имен и заглавий занимает почетное место и в списке книг императрицы в молодости и более зрелом возрасте. Чтение, как и для великой княгини Екатерины Алексеевны, — единственное средство от одиночества, способствующее интеллектуальному росту и укреплению душевных сил.

В случае Дашковой вопрос о происхождении и родной семье имплицитно содержит в себе намек на заслуги ее рода, но здесь проявляется, хотя и очень отдаленно и завуалированно, чувство вины. А. Воронцов-Дашков анализирует измену молодой княгини общей для большей части семьи позиции в противопоставлении Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича. По мнению исследователя, это был вопрос, выходящий по своей значимости за пределы фамильных отношений.[21] На фоне обычной для России власти фамильно-олигархических группировок отказ быть на стороне своей семьи истолковывался как предательство не только родными. «Она нарушила один из строжайших запретов русского общества в XVIII веке, относящийся к святости семьи и послушания дочери своему отцу», — отмечает Воронцов-Дашков.[22] Не случайно М. И. Воронцов рассматривал поведение племянницы как позор для фамильной чести.[23] Помимо вицеканцлерства и канцлерства дяди, Михаила Илларионовича, необходимо отметить менее известные заслуги отца мемуаристки перед русским дворянством. Отец княгини, Роман Илларионович Воронцов, во время царствования Петра III активно работал над планом определения прав и приви-

---

[19] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 39.
[20] Там же. С. 39, 40.
[21] *Woronzoff-Dashkoff A.* Dashkova. P. 67.
[22] Ibid. P. 67.
[23] Ibid. P. 42.

легий русского дворянства, который должен был дополнить «Манифест о вольности дворянской». Он продолжал свою деятельность на этом поприще с елизаветинских времен: «Манифест Петра III был лишь центральной частью более широкого плана, по-новому определявшего права и преимущества русского дворянства. Этот план, который предусматривал отмену обязательной службы, явился в основном результатом работы графа Романа Илларионовича Воронцова — брата вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова и отца любовницы Петра III Елизаветы Воронцовой и (с осени 1760 г.) председателя учрежденной императрицей Елизаветой Петровной комиссии для разработки свода законов Российской империи», — отмечает Д. Гриффитс, высоко оценивая усилия отца Дашковой по созданию документа, призванного обеспечить исключительные права сословию, «принадлежность к которому (по замыслу Воронцова. — *А. В.*) определялось рождением — и только рождением».[24] Хотя в годы екатерининского правления Дашкова будет принадлежать к панинской партии, стремящейся к расширению участия олигархии в управлении страной и ограничению власти монарха, и будет под подозрением в участии в ряде заговоров, на фоне развития событий восшествия Екатерины II на престол она выглядит изменницей по отношению к позиции своей семьи. В дальнейшем в мемуарах княгиня неоднократно будет подчеркивать свою заботу о родных и в первую очередь о сестре Елизавете, бывшей фаворитке Петра III и противнице Екатерины, и о ее дочери; теплые, хотя и редко имеющие место встречи с отцом, братьями и остальными родственниками. Фактически чужого ей по крови Панина (он — близкий родственник князя Дашкова) она называет дядюшкой, и родство это скорее духовное (и политическое), чем кровное.[25]

---

[24] *Гриффитс Д., Камендровский В.* Дебаты о «торгующем дворянстве» в России: глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М., 2013. С. 159–160; *Woronzoff-Dashkoff A.* Dashkova. P. 67–68.

[25] Здесь не учитываем слухи, о которых сообщает и сама же опровергает в «Записках» княгиня о предполагаемом биологическом отцовстве Панина, имевшего якобы связь с ее матерью, или же о любовной связи между ней самой и Никитой Ивановичем.

Мотив высокого происхождения скреплен в тексте также благословением крестных — императрицы Елизаветы Петровны и великого князя Петра Федоровича. Отношение мемуаристки к ним, и в особенности к крестному, — проверка ее нравственных качеств. На основе своего отношения к родной семье и к высочайшим покровителям княгиня как нельзя лучше демонстрирует принципы своего поведения не только в привычной для женщины тогдашнего времени личной, но и в социальной сфере.

Главный организующий мотив дворянского долга проявляется в описаниях нескольких сфер жизни повествовательницы, как частной, так и общественной. Это — традиционное и нетрадиционное амплуа дворянки. Деление условно, так как эти два аспекта неразрывно связаны. Реализация мемуаристки в частной жизни находит выражение в создании семьи на основании искренней привязанности, взаимопонимания и любви; в уважении к родителям, заботе о детях и в особенности об их воспитании и образовании, но также и об их материальном достатке. Княгиня идеализирует свою семейную жизнь с князем Михаилом Дашковым, предлагая читателю сюжет о гармоническом союзе в духе сентиментализма, не знающем пределов привязанности героев. Особенно красноречив в этом отношении эпизод накануне рождения второго ребенка мемуаристки, когда она рискует жизнью, чтобы увидеть вернувшегося издалека и больного мужа. Таким же идиллическим предстает отношение ее к родным, особенно старшим, несмотря на редкие встречи с отцом, сестрами, свекровью. Образ повествовательницы, однако, скорее классицистичен. М. Левитт справедливо сравнивает ее с персонажем классицистской трагедии, бескомпромиссным и самоотверженным, не пасующим перед властью и могуществом, если они недостойны и безнравственны.[26]

Особенно эта верность своему долгу и неколебимость в его исполнении сказывается в отношении мемуаристки к детям. Безграничная материнская любовь, жертвы и лишения, хорошо продуманная система воспитания и образования, бескорыстие характеризуют это высшее проявление в частной сфере жизни героини. Дашкова описывает свой материнский подвиг и ретроспективно —

[26] *Levitt M.* Virtue Must Advertise. P. 390.

трагедию преданной своими детьми матери.[27] По мнению М. Левитта, «дашковский образ материнства является частью ее добродетельного, мужественного, публичного „я“».[28] Документальные свидетельства, переписка родственников, отзывы третьих лиц, например той же Екатерины II о «хваленом воспитании», данном Дашковой сыну, наконец, сами поступки Анастасии и Павла, освободившихся от слишком сильной опеки матери, говорят о том, что действительность сильно отличалась от версии, изложенной в мемуарах. «По отношению к детям Дашкова была настоящим деспотом, и они не чаяли, как вырваться из-под ее опеки», — констатирует трагедию этих взаимоотношений А. Б. Каменский.[29]

Гораздо интереснее интерпретация долга дворянки в публичной сфере — сюжет, привлекавший многих исследователей, благодаря неконвенциональным ролям Дашковой не только в русской, но также и европейской культуре. Хотя Дашкова прямо не заявляет, что она «в правде черт», как это делает Державин, но такой лейтмотив постоянно звучит при описании деятельности мемуаристки в общественной сфере. Державин особенно гордился тем, что умел «истину царям с улыбкой говорить» и всегда, при всех обстоятельствах, оставался верным своим принципам. В этом отношении отчетливо прослеживается сходство в подходе к собственной личности в автобиографических записках обоих авторов. Помимо лейтмотива неуклонного следования своему долгу в интерпретациях их публичного бытия и Дашкова, и Державин создают идеальный образ Екатерины, очень похожий на державинскую Фелицу.

Дворянский долг мемуаристка осмысляет через образ своего кумира. Иногда автору трудно скрыть «маленькие различия» с императрицей и, несмотря на многократные декларации, в тексте проявляется настоящее отношение Дашковой к Екатерине. Это не осталось скрытым даже от французских собеседников княгини. В письме к принцессе Каролине Дармштадтской М. Гримм поделился впечатлениями: «Очень хорошо видно, что глубоко в себе она недовольна

---

[27] *Levitt M.* Virtue Must Advertise. P. 392. М. Левитт подчеркивает выбор Дашковой роли жертвы.

[28] Ibid. P. 394.

[29] *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 92.

императрицей, но всегда говорит о ней как о первой женщине во Вселенной и одной из светлейших голов века...».[30] Собственный образ мемуаристки отражает идеал гражданского поведения, «должность» каждого дворянина. Тем более Дашкова старалась сделать этот образ убедительным и притягательным, так как речь шла о «должности» дворянки, женщины, претендующей активно участвовать в жизни общества. А. Воронцов-Дашков обращает внимание на серию перевоплощений повествовательницы в различных гендерных ролях.[31] Основной компонент здесь — истинный и искренний патриотизм, который выражается не только в забавном перекрашивании мундиров солдат на картине, но и в гораздо более серьезных инициативах, нередко находящихся на грани риска (организация заговора, хладнокровие, откровенность и смелость, позволявшая «истину царям с улыбкой говорить»). Главная черта — абсолютное бескорыстие, неоднократно декларируемое в тексте, отсутствие стремления к почету и славе. На самом деле это было далеко не так, и княгиня иногда плохо скрывает свою досаду даже по прошествии многих лет (например, эпизод коронации, недовольство местом в соборе по чину мужа, а не по настоящим заслугам, да и неудовлетворенность материальной наградой за усилия «главы» заговора, какой всегда считала себя Дашкова). Один из наиболее известных среди многочисленных примеров собственного бескорыстия — эпизод с орденом св. Екатерины в первые дни после переворота. В нем княгиня произносит тираду, сходную с монологом добродетельного персонажа из трагедий, амплуа которого — нечто среднее между протагонистом и наперсником:

Но вместо того, чтобы преклонить колена и принять награду, я произнесла:

— Извините меня, ваше величество, за то, что я вам сейчас скажу. Вы вступаете в пору жизни, когда правда, вопреки вашему желанию, не будет достигать ваших ушей. Умоляю, не жалуйте мне этот орден, ведь как украшением я им не дорожу, и вы это знаете; а что до моих заслуг, то, как ни малы кажутся они некоторым людям, по моему мнению, их ничем нельзя вознаградить, ибо меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакой ценой.

Ее величество обняла меня и сказала:

---

[30] *Gargam A.* Les voyages de la princesse Dachkova en France. P. 121.

[31] *Woronzoff-Dashkoff A.* Disguise and Gender in Princess Dashkova's Memoirs // Canadian Slavonic Papers, 1991. Vol. XXXIII. N 1. P. 64.

— Доставьте мне, по крайней мере, удовольствие и позвольте выразить свою дружбу.

Я поцеловала ей руку.

И вот, похожая на четырнадцатилетнего мальчика, я стою в офицерском мундире, с лентой на плече, в одной шпоре (!).[32]

В подобных эпизодах субъективность рассказа повышается до крайности, и повествование отмечено эмоциональностью. Производит впечатление гордость мемуаристки и ее ненавязчивое, но последовательно подчеркиваемое чувство собственного достоинства и своеобразного равенства. Едва ли подобное нравоучение, более характерное для драматических персонажей, старающихся предупредить положительных героев о возможных негативных последствиях, имело место в действительности. Примечательно, что эпизоды, в которых княгиня привлекает внимание читателя к своим незаурядным поступкам или суждениям, драматизированы, а сама она произносит длинные реплики, более похожие на трагедийный монолог, чем на обмен мнениями с собеседником. Подобным образом строятся эпизод с Дидро, эпизод спора с Ланским, момент назначения президентом Академии наук. Ряд деталей, очевидно, вымышлен и отвечает более желанию мемуаристки внушить определенную идею, чем правдиво описать действительность. «При внимательном чтении мемуаров первой, но и последней женщины — президента Академии наук легко увидеть постоянное стремление их автора выдать желаемое за действительное. Это касается прежде всего оценки собственной личности и взаимоотношений с окружающими. Дашкова настойчиво подчеркивает свое бескорыстие, свою заботу о сестре, свою безоглядную преданность императрице, свою любовь к собственным детям. В ответ она получает лишь черную неблагодарность, жертвой которой и рисует себя», — констатирует А. Б. Каменский.[33] Воронцов-Дашков отмечает такую особенность повествования как «маскарад голосов», «маскирование» собственных суждений для большей убедительности под высказывания авторитетных мужчин (например, пресловутое предупреж-

[32] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 75–76.

[33] *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. С. 92.

дение Петра Федоровича своей крестнице о «выжатом лимоне»).[34] Нонконформизм, отстаивание собственных принципов, невзирая на риск, — ведущие мотивы в образе повествовательницы. Верная последовательности в создании как собственного образа, так и образа просвещенной государыни Екатерины II, Дашкова, очевидно, склонна отступать от точности в описаниях событий и характеров. Наблюдения А. Воронцова-Дашкова над игровым моментом в эпизоде гостиницы и переделки не понравившейся ей картины можно соотнести с общей для «Записок» манерой повествования: «Перекрашивая русских и прусских солдат, она подчиняет вопросы исторической истины перекраиванию и „одеванию в форму“ событий прошлого».[35]

Дворянский долг и честь не позволяют допустить компромиссов даже тогда, когда героиня в опале и преследуема. Лояльность дворянина к просвещенному государю и отказ от подчинения недостойному — лейтмотив дашковской автобиографии. Это и объясняет «верность» Екатерине II, доходящую почти до обожествления (по свидетельству М. Вильмот) ее личности, а также и «измену», или, точнее сказать, отказ от подчинения Петру III.

«В общем, описание Дашковой царствования Петра III неласково и субъективно», — обобщает Воронцов-Дашков. «Придворная жизнь кажется ей нереальной — все изменилось, люди ведут себя по-новому, необычные роли исполняются в скоро приобретенных, часто вызывающих смех костюмах. В ее описаниях веселое становится смешным, когда маскарадный образ используется, чтобы осмеять Петра и его придворных».[36]

Концепция образа Петра III в автобиографии Дашковой во многом сходна с подходом к образу супруга-соперника в автобиографии Екатерины II. Петр Федорович — воплощение тирана, недостойного государя, изменяющего своему призванию. Особенно неприемлемо отсутствие у него патриотизма, презрение к русскому языку и обычаям, юродство и несерьезность в поведении, противоречащие призванию державного мужа. В образе Петра Федоровича в мемуарах Дашковой сатирические моменты сходны с осмеянием его маний и

---

[34] *Woronzoff-Dashkoff A.* Disguise and Gender… P. 66.

[35] Ibid. P. 65.

[36] Ibid. P. 42–43.

поведения в записках Екатерины.[37] Неадекватные решения (например, генеральский чин как награждение для такого сугубо невоенного человека, каким был Панин), национальное предательство (преклонение перед Фридрихом и разбалтывание государственных тайн), даже мелкие нечестные поступки в быту, как например мелкая нечестность при игре в карты, все это — отрицательные штрихи в образе Петра Федоровича как недостойного своего сана монарха. Довольно пространные эпизоды в начале мемуарного рассказа получают лаконический итог, обобщающий недостатки государя, не оценившего высоту своей миссии: «Но довольно об этом несчастном государе, который вознесся на пьедестал не по своим возможностям. Он не был злым; но его ограниченность, недостаток воспитания и природные склонности свидетельствуют о том, что из него вышел бы хороший прусский капрал, но никак не государь великой империи».[38]

Долг же настоящего дворянина — высказывать открыто свое недовольство подобным поведением правителя, а не раболепствовать и слепо подчиняться недостойным и унизительным распоряжениям. Сама княгиня, несмотря на молодость и родственные связи с императором («Нужно помнить, что я всегда разговаривала с Петром III тоном глупого упрямого ребенка и называла его „папа“»[39]), — образец достойного дворянского поведения. Она нимало не боится за себя, следуя закону чести и высказывая в лицо Петру Федоровичу неприятные для него истины. Этого стиля поведения мемуаристка придерживается на протяжении всей своей жизни, даже по отношению к Екатерине: «...моя преданность, столь же нерушимая, сколь бескорыстная, заставляла меня повиноваться ей во всем, что не задевало моих принципов».[40] Принципиальность позиции просвещенной дворянки — необходимое оправдание ее «измены» родственному клану и выбора в пользу противной, но выражающей позитивные послания стороны.

---

[37] См.: *Вачева А.* «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Лоуренса Стерна и «Записки» Екатерины II // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 198–212.

[38] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 72.

[39] Там же. С. 53.

[40] Там же. С. 150.

Просвещенность, интеллектуальное равенство с выдающимися умами Европы (больной Вольтер, принимающий княгиню; Дидро, наслаждающийся ежедневными беседами в течение 17 дней (на самом деле реальных встреч оказалось только четыре);[41] Бенджамин Франклин и признание Филадельфийского научного общества, успехи на академическом поприще) соперничают с образом «философа на троне» Екатерины II. В этих эпизодах, подчеркивая удовольствие мыслителей от общения с ней и их желание ей угодить, княгиня едва скрывает чувство превосходства перед императрицей. Особенно пространен эпизод с Дидро, посвященный темам самодержавия, деспотизма, просвещения, свободы (и крепостного права) и образу Петра I как фигуры противоречивой, сочетающей в себе черты и смелого реформатора, и деспота, интерпретации личности и дел российского императора, характерной для эпохи Просвещения. Дашкова представляет себя на высоте философского дискурса этой эпохи. Именно ее рассуждения по животрепещущим для энциклопедистов вопросам вводят в сильное смущение Дидро, вынужденного признать крах некоторых своих иллюзий по отношению к уничтожению института крепостного права и проблеме просвещения и свободы для низов российского общества:

Однажды он заговорил со мной о рабстве, в котором, по его мнению, находятся наши крестьяне.

Я ответила ему:

— Поскольку душа у меня не деспотична, я заслуживаю ваше доверие. В моем орловском имении мною установлено такое управление, которое, думаю, может сделать крестьян более свободными и счастливыми и в то же время оградить их от притеснения мелких чиновников. <…> Дворянство — так считают и крестьяне — служит посредником между ними и государством, потому в интересах самих помещиков защищать крестьян от лихоимства губернаторов и их чиновников.

— Однако, княгиня, вы не можете не признать, что, будучи свободными, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче.

— Если бы государь, — отвечала я, — разбивая несколько звеньев цепи, привязывающей крестьян к дворянам, разбил бы одновременно несколько звеньев, которыми прикованы дворяне к воле самодержавных государей, я бы с радостью своей кровью вместо чернил подписалась бы под этим установлением. Впрочем, извините меня, если я скажу, что следствие вы приняли за причину. Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения производит только анархию и бес-

---

[41] См.: *Дмитриев С. С., Веселая Г. А.* Записки княгини Дашковой и письма сестер Вильмот из России // Дашкова Е. Р. Записки. С. 9.

порядок. Когда низшие классы моих соотечественников станут просвещенными, тогда они будут достойны свободы, поскольку не смогут использовать ее во вред своим согражданам, не вознамерятся разрушить порядка и отказаться от повиновения, необходимого при любом правлении. <…> Представив нарисованную мною картину, Дидро вскочил со стула, будто подброшенный невидимой силой. Он зашагал большими шагами и, плюнув в сердцах, проговорил одним духом:

— Какая вы удивительная женщина! Вы перевернули представления, которые я вынашивал в течение двадцати лет и которыми так дорожил.

Все восхищало меня в Дидро, даже эта горячность, проистекающая от пылкости чувств и живости восприятия. Его искренность, дружелюбие, прозорливый и глубокий ум, привязали меня к нему на всю жизнь.[42]

Литературность этого эпизода очевидна. Если такой разговор вообще состоялся, то он наверняка не оказал на Дидро описанного в мемуарах воздействия.[43] Скорее всего, княгиня излагала эти свои рассуждения в ходе размышлений над определенными идеями энциклопедистов, одновременно выражая свои сокровенные убеждения об устройстве российского общества. Для концепции автобиографического образа важна идея не только равенства, но едва ли не превосходства над философом. В этом отношении опять-таки можно установить известное сходство с Екатериной Великой, которая три-четыре года спустя откажется слепо доверять Дидро, его рекомендациям и претворять их в реальности. Убеждения Дашковой, как они представлены в автобиографии, — плод знания конкретных обстоятельств, а не книжных фантазий.

Очередной штрих в интерпретации правил дворянского поведения в автобиографии Дашковой — отрицание тирании и презрение к общепринятым и проторенным дорогам общественного успеха. Это прежде всего отношение к фаворитизму и другим условностям придворной жизни. Верность дворянским добродетелям и исполнение дворянского долга перед обществом и государем княгиня отстаивает в своих мемуарах в параллели не только с образами государей, но и в сопоставлении с оппонентами и единомышленниками. Смело можно сказать, что она придерживается стародумовских правил достойного поведения и отказа от материальной выгоды. Ирония мемуаристки не обходит своей едкостью даже лю-

---

[42] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 98–99.

[43] *Woronzoff-Dashkoff A.* Dashkova. P. 112.

дей, считавшихся сторонниками тех же взглядов, если они преследуют свою корысть, то есть если их позиция воспринимается как не вполне искренняя. Хрестоматийный пример в этом отношении — странное и комическое поведение Бецкого, коленопреклоненно просящего императрицу признать его ведущую роль в ее возведении на трон. Что же касается фаворитизма как возможного пути сделать карьеру и устроить не только свою жизнь, но и всего родственного клана, он для нее, как и для ее многообещающего сына, абсолютно недопустим. Княгине тем более неприятно само допущение этой мысли относительно Павла, как исходящей от ее заклятого противника Алексея Орлова, воплощающего в тексте негативный образ дворянина, несмотря на его принадлежность к «екатерининской» партии. В мемуарах княгиня создает в общем-то отрицательные образы фаворитов — Григория Орлова, Ланского. Она даже склонна закрыть глаза на это порочное явление, отдавая себе отчет в том, что текст когда-то будет опубликован и читатели узнают об этой неприглядной стороне русской действительности:

Неожиданно князь Орлов привел меня в неизъяснимое замешательство. Устремив глаза на сына (мне припомнился разговор в Гааге), он сказал:

— Жаль, князь Дашков, что меня, верно, не будет в Петербурге, когда вы туда приедете. Не сомневаюсь, вы возьмете верх над фаворитом, а поскольку в течение некоторого времени я имел поручение вести переговоры с отставленными фаворитами и утешать их, я бы сделал это с большим удовольствием, если бы свое место он уступил именно вам.

Услышав эти странные слова, я пожалела, что сын здесь находился, и, прежде, чем он придумал, как ответить, поспешила отправить его из комнаты... <…>

Когда сын вышел, я сказала Орлову, что не понимаю, как он мог обратиться с подобными речами к семнадцатилетнему мальчику и бросить тень на свою государыню, добавив, что никогда не знала ее фаворитов, а если кто-либо из генерал-адъютантов и жил во дворце, то, полагаю, причиной тому были их служебные обязанности и доверие, питаемое к ним императрицей. Я попросила Орлова никогда впредь не говорить подобным образом в моем присутствии, а тем более с моим сыном, который воспитан в духе глубокого уважения и преклонения перед императрицей, его крестной матерью, и выразила надежду, что слово «фаворит» не будет иметь касательства к моему сыну в ином значении, нежели «любимец порядочных людей».[44]

Екатерина Романовна высоко ценит проявление дворянской чести, несмотря на враждебные обстоятельства или на возможные

[44] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 120–121.

неблагоприятные последствия для человека. Таково достойное поведение старого Миниха, оставшегося до конца верным присяге Петру III, или же ее дяди, канцлера Воронцова, присягнувшего Екатерине уже после смерти государя. Особенно достойно уважения в глазах княгини смелое и мужественное поведение молодого офицера Лаптева, не побоявшегося гнева Павла Петровича и сопроводившего ее до места ссылки. Достойное поведение дворянина, как самой княгини, так и подобных ей людей, всегда ценится даже противниками. Просвещенные же государи не противятся, а поощряют проявления верности дворянской чести в своих подданных.

Автобиография как жанр дает возможность автору создать «истину о себе», преподнести себя таким, каким он бы хотел выглядеть в глазах будущих поколений. Как многие мемуаристы, Дашкова в письме-посвящении Марте Вильмот, исполняющем роль «автобиографического пакта» (Филипп Лежень) — своеобразного договора между автобиографом и читателем — также заявляет о том, что «не обрабатывала свои записки, а как бы говорила с Вами с откровенностью, которую не поколебали даже горькие уроки опыта».[45] Однако автобиографическая «истина» вовсе не идентична «правде». Эти особенности жанра и привлекли княгиню, больше всего на свете жаждавшей славы. В этом отношении она походила на своего кумира — Екатерину II. Обе писательницы мастерски воспользовались предоставленными жанром возможностями, чтобы создать свои положительные мифологизированные образы. Если Екатерина Великая старательно создавала свой имидж идеальной просвещенной владетельницы, то Екатерина Малая старалась представить публике собственный образ идеальной дворянки. Обращение к топике дворянского долга, детально разработанной в русской литературе XVIII в., и соблюдение традиции, характерное также для проблематики литературных журналов, издаваемых под руководством княгини, не позволяют сомневаться в ее авторстве.[46] Дашкова спешила заявить миру как можно скорее «правду о себе», воспользовавшись возможностью послать за пределы России текст

[45] *Дашкова Е. Р.* Записки. С. 35.

[46] О сомнениях в авторстве Дашковой см.: *Сафонов М. М.* «Записки» Е. Р. Дашковой и их авторы // Е. Р. Дашкова: великое наследие и современность. М., 2009. С. 83–151.

своей автобиографии и позаботившись о достаточном количестве копий. В обоих случаях концепции образов значительно расходились с реальностью. В том-то и дело: мастерство автобиографии состоит не в подлинности сообщаемых фактов, а в том, как о них рассказано.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА, АДРЕСОВАННЫЕ ЖЕНЩИНАМ

Несмотря на то что в России XVIII в. в течение многих лет на троне были женщины, основная роль в общественной и культурной жизни принадлежала мужчинам, обладавшим бóльшими правами и возможностями. Тем не менее в течение столетия росло число образованных женщин. Многие из них брались за перо, выступали в печати с переводами, а иногда и с оригинальными сочинениями.[1] Еще шире делался круг читательниц, причем некоторые из них стремились поощрить авторов к литературной деятельности, выступая в качестве меценатов.

Представление о русских меценатах XVIII в. связано прежде всего с именами государей — как императоров, так и императриц, а также приближенных ко двору вельмож, политических деятелей, военачальников, людей, занимавших различные государственные

[1] См.: Предстательницы муз: Русские поэтессы XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн // FrauenLiteraturGeschichte. Bd. 9. Wilhelmshorst, 1998; Мы благодарны любезной сочинительнице…: Проза и переводы русских писательниц конца XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн // Там же. Bd. 11. 1999; *Rosslyn W.* Feats of Agreeable Usefulness: Translations by Russian Women. 1763–1825 // Ibid. Bd. 13. 2000; *Росслин Б.* Женщины-переводчицы в России XVIII в. // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 14–15; *Пушкарева Н.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012.

© Н. Д. Кочеткова, 2015

посты. В этой последней категории женщин быть не могло, так как они не служили. Вполне естественно поэтому, что большинство литературных посвящений было адресовано мужчинам. Понятное исключение составляют лишь дедикации, обращенные к императрицам, прежде всего к Екатерине II. Между тем последовательный просмотр русских изданий XVIII в. позволил выявить значительное число посвящений, обращенных к женщинам. Особую группу составляют галантные по преимуществу дедикации «прекрасному полу». Сравнительно немногочисленны персональные посвящения женщине-другу и возлюбленной. Основная же часть обращена к женщинам как ценительницам наук и искусств, покровительницам тех, кто занимается литературным трудом.

Совершенно особое место среди них занимает Екатерина Романовна Дашкова — женщина, широко образованная, обладавшая несомненными дарованиями и вместе с тем немалыми амбициями. Приняв участие в возведении на престол Екатерины II, Дашкова (урожденная Воронцова, 1743 или 1744–1810),[2] несмотря на всю сложность ее отношений с императрицей, сохраняла влияние при дворе, будучи статс-дамой. Но кроме того она со своими обширными познаниями и серьезным интересом к словесности уже с начала 1760-х гг. вызывала уважение в литературных кругах. Свой сборник «Новые оды», вышедший в июле 1762 г., почти сразу после воцарения Екатерины II, М. М. Херасков предварил стихотворным посвящением, но не государыне, а «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой», содержавшем, в частности, следующие строки:

Ты ненависть сугубишь
К порокам без стихов,
Ты добродетель любишь,
Гоня ее врагов.

[2] Обширная литература, посвященная Дашковой, указана в работах: *Теплова В. А.* Дашкова Е. Р. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. Л., 1988. С. 243–247; *Смагина Г. И.* 1) О смысле слова «воспитание». Сочинения. Письма. Документы. СПб., 2001; 2) Сподвижница великой Екатерины: Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб., 2006; *Воронцов-Дашков А.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. М., 2010.

Колико сердцу можно,
Являешь в ней плоды:
Тебе, тебе и должно
Принесть мои труды.

Вспевая добродетель
И искренность сердец,
Я сделался свидетель
И их, и твой певец.[3]

Сборник открывался «Одой I. К своей лире», продолжавшей текст посвящения:

Готовься ныне, лира,
В простом своем уборе
Предстать перед очами
Разумной россиянки.[4]

Посвящение в издании 1762 г. — важный факт в биографии как Хераскова, так и Дашковой. Это было одним из первых свидетельств того влияния, которое Дашкова приобрела на политической арене, и вместе с тем признанием ее авторитета в писательской среде. Примечательно, что Херасков обратился к ней не с традиционной похвальной одой, а стихами, предварившими «новые оды», новаторские и по форме, и по содержанию. Это были безрифменные стихи, не разделенные на строфы, преимущественно трех- или четырехстопные ямбы. Автор говорил о своем стремлении следовать не Гомеру, не Пиндару, не Малербу, но Анакреону и «приятному Сумарокову». Вместо «гремящей лиры» и «великолепного слога» поэт предпочитает «стихи любовные», воспевающие «чувства в нежном сердце», и дружеские послания, в которых автор непринужденно рассуждает о любви к наукам и добродетели. Посвящать

[3] Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 3–5 ненум.

[4] Там же. С. 1. Включив поздние стихи из этого сборника в свои «Творения» под рубрикой «Анакреонтические оды», Херасков снял посвящение. Комментируя текст оды, опубликованной в «Библиотеке поэта» по тексту «Творений», А. В. Западов считал, что «разумная россиянка» — это Е. В. Хераскова, жена поэта. См.: *Херасков М. М.* Избранные произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. В. Западова. Л., 1961. С. 378 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). Между тем обращение к первому изданию показывает, что Херасков назвал именно Дашкову «разумной россиянкой».

такой сборник императрице было бы совершенно неуместно. Обращаясь к Дашковой, Херасков мог рассчитывать на ее поддержку. Но, главное, он обращался к ней как литератору, способному оценить его новаторство. Очень скоро их общественные позиции оказались различны, когда в 1763 г. Херасков стал издавать журнал «Свободные часы», а Дашкова — сотрудничать в «Невинном упражнении», отличавшемся большей независимостью.[5] Тем не менее спустя много лет, в 1783 г., Херасков, тогда уже маститый писатель, принял участие в работе «Российской академии» по приглашению Дашковой и приветствовал ее стихами как «председательницу муз».[6]

Литературные интересы связывали Дашкову и с С. И. Глебовым, привлеченным ею к участию в «Невинном упражнении». Двухтомный перевод книги Плутарха «Житие славных в древности мужей» (1765) был осуществлен Глебовым при «ободрении» Дашковой, о чем свидетельствует посвящение ей, в котором, в частности, говорилось: «Вы, прилежа сами к учению и стараясь побудить к тому других, ободрили меня, милостивая государыня, к переводу сей полезной книги…».[7] Глебов соблюдал весьма почтительный тон и официальный этикет, необходимый при обращении к статс-даме, однако в текст дедикации проникло и упоминание о дружеских отношениях адресата и переводчика.[8]

Другие достоинства Дашковой выдвигает на первый план преподаватель Славяно-греко-латинской академии А. Д. Байбаков,[9] обучавший детей Екатерины Романовны закону Божию. В посвящении своего перевода сочинения Дж. Бона «Христианская философия…»

---

[5] См.: *Серман И. З.* И. Ф. Богданович — журналист и критик // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 87–88.

[6] *М. Х*[*ерасков*]. Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой. 1783 г. // Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 6. С. 19–22. Текст стихотворения перепечатан в кн.: *Смагина Г. И.* О смысле слова «воспитание». С. 352–355.

[7] Житие славных в древности мужей, писанное Плутархом / С французского на российский язык перевел Сергей Глебов. СПб., 1765. Т. 1. С. 5 ненум.

[8] См. подробнее: *Кочеткова Н. Д.* Дружеские посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26.

[9] См. о нем: *Степанов В. П.* Байбаков А. Д. (в монашестве — Аполлос) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 48–52.

(1774) он говорит о «философском духе» Дашковой, ее «христианской жизни» и «усердии к вере». Примечательно, однако, что во втором издании этого труда, появившемся в 1782 г. в университетской типографии Н. И. Новикова, Байбаков, уже давно принявший к тому времени монашеское имя Аполлос, не только снял посвящение Дашковой, но и заменил его стихотворным посвящением «Любезному Отечеству».

Неизменную благодарность Дашковой сохранял на протяжении всей жизни Н. П. Николев, ее воспитанник. Первый биограф писателя С. А. Маслов сообщал: «На 6-м году своего возраста обратил на себя особенное внимание княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая по родственному знакомству с его родителем выпросила сына на свое попечение».[10] Благодаря покровительнице Николев получил хорошее образование, много читал, изучил французский и итальянский языки, познакомился с Паниными, И. И. Шуваловым и другими «знаменитыми современниками». Княгиня поощряла литературные занятия воспитанника, и вполне закономерно, что свою первую пьесу «Попытка не шутка, или Удачный опыт» (1774) шестнадцатилетний автор посвятил именно ей. Однако и обращение к адресату, и самый текст дедикации имели вполне официальный характер:

> Ее сиятельству российского императорского двора штатс-даме,
> ордена св. Екатерины кавалеру и Вольного российского собрания,
> что в императорском московском университете члену,
> милостивой государыне моей княгине Екатерине Романовне Дашковой
>
> Сиятельнейшая княгиня! Милостивая государыня!
>
> Ничто не может толико вкоренить в сердце благодарности, как благодеяния, от великодушия происходящие, и хотя прямой благодетель не требует оплаты за оказанное им добро, но взысканный оным должен его чувствовать и заслуживать непрерывным своим усердием. Сия-то отменная добродетель Вашего сиятельства возбуждает и во мне чувствование той благодарности, кою жаждущ я повсечасно свидетельствовать Вам за все Ваши ко мне милости, единым человеколюбивым душам приличные, и за которые, колико бы ни истощил я услугами сил моих, не возмогу отплатить достойно! …[11]

---

[10] *Маслов С. А.* Краткая биография Н. П. Николева // Сын отечества. 1816. Ч. 28. № 12. С. 199.

[11] [*Николев Н. П.*]. Попытка не шутка, или Удачный опыт. Комедия в трех действиях, изданная Н. Н. [М.], 1774. С. 5 ненум. Это посвящение сохранено при перепечатке пьесы в «Российском феатре» (1790. Ч. 35. С. 105–182).

В последующие годы Николев неоднократно восхвалял Дашкову и посвятил ей одно из своих самых значительных произведений — «Лиро-дидактическое послание».[12] В обширных «Пополнительных примечаниях» к этому сочинению он писал: «Княгиня Дашкова не оставляет ни одного молодого человека, познав его дарование, чтоб благоприятством и покровительством не ободрить добрых его стремлений».[13] Дашкова, со своей стороны, продолжала при возможности оказывать Николеву протекцию, как свидетельствует, в частности, ее письмо, в котором она называет себя давним его другом.[14]

После того как 24 января 1783 г. Дашкова была назначена директором Академии наук, стали появляться многочисленные посвящения, обращенные к ней. При официальном назывании адресата упоминается отныне не только о том, что Дашкова статс-дама и кавалер ордена святой Екатерины, но и о том, что она директор императорской Академии наук. По ее инициативе в Академию наук были присланы воспитанники Славяно-греко-латинской академии, среди которых находился и М. В. Цветихин.[15] Изданный им в том же 1783 г. труд — перевод книги У. Хога «Священная сатира на суету мира…» — открывался посвящением Дашковой. Благодаря за «благоволение» своего «мудрого начальника», Цветихин восхвалял Дашкову в самых восторженных выражениях: «Слава, гремящая не только в пространной России, но и во окрестных народах о Вашей учености и ко всем, в науках упражняющимся, благоснисходительности, между прочими привлекла и меня под Твоим Минервиным покровом искать себе необуреваемого пристанища».[16] Автор дедикации по-

---

[12] Впервые под названием «Лирическое послание»: Новые ежемесячные сочинения. 1791. Ч. 60. Июнь. С. 3–39. **(**Затем вошло в «Творении» Николева (М., 1796. Ч. 3)**)**. Об этом сочинении см.: *Альтшуллер М.* В тени Державина. Литературные портреты. Ермил Костров. Николай Семенович Смирнов. Николай Петрович Николев. СПб., 2014. С. 336–390.

[13] Творении Николая Петровича Николева. М., 1796. Ч. 3. С. 188.

[14] *Дашкова Е. Р.* Письмо к Н. П. Николеву // Русская правда: Литературный альманах. Киев, 1860. С. 72–73. Письмо не датировано, но его следует отнести ко времени фавора П. А. Зубова, упоминаемого Дашковой.

[15] См. о нем: [*Костин А. А.*]. Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловия, примечания) // Von wenigen. От немногих. СПб., 2008. С. 18–38.

[16] [*Хог У.*]. Священная сатира на суету мира, или Екклезиаст премудрого пророка Соломона. Перевел с латинских стихов императорской Академии наук студент Михайло Цветихин. М., 1783. С. 3 ненум.

зволил себе уподобить княгиню Минерве, в то время как этот образ обычно возникал в панегириках, обращенных к Екатерине II. К этому же смелому приему прибегнул и П. А. Плавильщиков,[17] «приписывая» Дашковой свой первый литературный труд — трагедию «Дружество» (1783). Начинающий драматург писал: «Милостивейшая государыня! Ободренные Вашим покровительством Мусы признают с восторгом осеняющее их щедротами своими блаженство. Сама Минерва в Вашей особе открывает им путь к достижению совершенства знаний человеческих. Восхищаясь красотами добродетельной души Вашей, дерзаю я посвятить сей первый опыт трудов моих в словесных науках Вашему сиятельству. Удостойте, милостивейшая государыня, благосклонным своим принятием ободрить робкую Мусу и позвольте мне прославить гремящее на Геликоне имя Ваше».[18] Очевидно, Дашкова одобрила пьесу Плавильщикова, так как привлекла его к участию в издававшемся ею «Собеседнике любителей российского слова»: в части 6-й за 1783 г. был опубликован его сатирический этюд «Прогулка».

Самый факт издания «Собеседника» тотчас же получил отражение и в очередной дедикации. П. Ф. Мальтиц,[19] посвящая Дашковой свой перевод комедии А. Пирона «Страсть к стихотворству» (1783), писал: «Ваше сиятельство как просвещенная любительница всех наук удостаиваете своим приемом отменно тех, кои в сочинении и переводах российского языка упражняются; Вы, зная его совершенно, стараетесь доставить ему ту высоту слога, которая ему свойственна и которая делает его способным ко всякого рода сочинениям. Вы, издавая Собеседника, опытом показали, сколь он изобилен, громок, приятен и важен».[20]

В числе прочих к Дашковой обратился и будущий критик Н. М. Карамзина А. С. Шишков (1754–1841), выражавший надежду,

---

[17] См. о нем: *Кукушкина Е. Д.* Плавильщиков П. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб., 1999. С. 438–441.

[18] Дружество, трагедия в пяти действиях Петра Плавильщикова. СПб., 1783. С. 5–6 ненум.

[19] См. о нем: *Немировский И. В.* Мальтиц П. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 272.

[20] [*Пирон А.*]. Страсть к стихотворству. Комедия в пяти действиях. <…>. СПб., 1783. С. 5–6 ненум.

что его перевод сочинения И. Г. Кампе «Детская библиотека» (1783) получит одобрение «сиятельнейшей княгини». В дедикации Шишков характеризовал переведенную им книгу: «…она не заключает в себе ни глубокого учения, ни высоких замыслов, ни важных рассуждений, но простым и внятным слогом, забавляя, учит детей благонравию».[21] Представления Шишкова о «простоте и внятности» языка были, как известно, своеобразны. Тем не менее он охотно поддержал начинания Дашковой: принял участие в «Собеседнике», а затем стал членом основанной ею Российской академии. Именно ему суждено было стать впоследствии (с 1813 г.) президентом этой Академии.

Особого внимания заслуживает посвящение Дашковой, предпосланное Я. Б. Княжниным (1740–1791) его трагедии «Росслав» (1784), изданной «иждивением сочинителя». Эта дедикация непосредственно связана с опубликованным в «Собеседнике» (1784. Ч. 11) его стихотворным «Письмом ее сиятельству княгине Е. Р. Дашковой. На день, в который Екатерина Вторая благоволила пролиять свою благость здешним музам учреждением Российской академии». Прославляя Екатерину II, поэт искусно использовал образ Минервы для восхваления не только императрицы, но и Дашковой:

Минервы нашей твердый щит
Вам явно в Дашковой открыт.

Завершалось стихотворение строками, непосредственно относящимися к Дашковой:

А ты, имея ум пространный,
Чувствительность и тонкий вкус,
Предстательница здешних муз,
Свершай тобою путь избранный.
Сей путь тебе принадлежит.
Хоть тяжек он, но полон славы;
Хоть злость невежества претит,
Но росской честь на нем державы.[22]

---

[21] [*Кампе И. Г.*]. Детская библиотека, издана на немецком языке г. Кампе, а с оного переведена г.***. СПб., 1783. Ч. 1. С. 5 ненум. Это же посвящение Е. Р. Дашковой вошло во 2-е (СПб., 1793) и 3-е издания (СПб., б. г.).

[22] Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 11. С. 7–9. В последующих изданиях стихотворение печаталось под заглавием «К княгине Дашковой.

Текст посвящения «Росслава», включающий и прозу, и стихи, довольно обширен. Его можно рассматривать как отдельное произведение Княжнина, хотя и несомненно связанное с трагедией. К сожалению, в позднейших изданиях пьесы приводились (и то не всегда) лишь небольшие отрывки из этого текста, причем в комментариях. Посвятительное письмо, обращенное к Дашковой, — это замечательный в своем роде образец жанра. Во время написания пьесы Княжнин был уже не молод: пережитые испытания научили его мудрости, а многолетний литературный опыт позволял отточить слог, выгодно отличавшийся от шаблонных дедикаций начинающих авторов. Если в стихотворном «Письме», напечатанном в «Собеседнике», главным адресатом похвал была императрица, то в посвящении о ней даже не упоминалось, так же как и о том, что Дашкова — статс-дама ее императорского величества. Здесь был создан образ женщины — собрата по перу, истинной ценительницы прекрасного, «предстателя наук», радеющего о благе своей страны. Свободно и вместе с тем почтительно автор трагедии писал: «Просвещенному Вашего сиятельства разуму, который столько знаний объемлет; Вашему вкусу тонкому, нежному и разборчивому осмеливаюсь представить на суд моего сочинения трагедию Росслава. Я сего, может быть, никогда бы не отважился сделать, опасаяся быть помехою Ваших важнейших упражнений,

Но та, которая беседует с Невтоном,
Возвышенна достоинством своим
Быть средством меж наук и троном
И быть красою им,
Умеет и сама прельщать нас лирным тоном.

Остроумию Вашему все свойственно. Вы столько же легко мыслию протекаете пространства, Ураниею измеренные, и проницаете в таинства природы, как пожинаете цветы парнасские. Таков и должен быть предстатель наук. Привязанность его вкуса к одному предмету оставляла бы все другие дарования в небрежении и при-

---

Письмо на случай открытия Академии российской», и строки, посвященные Дашковой, были опущены. См.: *Кулакова Л. И.* Примечания // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 748–749 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

вела бы их в оцепенелость. Но Вы изволите знать, сколько без изъятия все знании нужны, Вам известно, что они непрерывной нитью взаимного союза сопряжены; что одно другое подкрепляет и украшает; Вам известно, что́ бы мудрствование было без слова, как и слово без мудрствования. А для того Вы ни самой малейшей части и в словесных науках не хотите оставить без внимания и ободрения таланта…».[23] Завершалось это посвятительное письмо словами: «Блажен, если сим моим слабым опытом подвигну я российских писателей, имеющих боле меня дарований, своими бессмертными сочинениями живых театральных картин наших истинных героев и благотворителей согражданам вводить во храм вечности, где вы без сомнения будете.

Милостивая государыня! Вашего сиятельства покорнейший слуга Яков Княжнин».[24]

В ходе деятельного сотрудничества драматурга в «Собеседнике» и в работе над «Словарем Академии Российской» укреплялось взаимопонимание и, возможно, даже идейное сближение Княжнина и Дашковой. Она всячески старалась поддержать его в последние годы жизни, а после кончины драматурга напечатала в типографии Академии наук в 1793 г. его крамольную трагедию «Вадим Новгородский», что вызвало негодование Екатерины II.[25]

Дашкова поддерживала постоянные контакты с издателями и книгопродавцами, о чем свидетельствует и адресованное ей посвящение Никиты Водопьянова в книге В. Дрекслера «Турецкий и сарацинский летописец» (1788), переведенной студентом И. Богомоловым. Никита Дмитриевич Водопьянов служил переплетчиком в Московском университете, занимался книготорговлей и издательской деятельностью. Ряд книг он издал «своим иждивением», в том числе, очевидно, и книгу Дрекслера. Водопьянов был тесно связан с Н. И. Новиковым и в связи с его политическим процессом даже

---

[23] Росслав, трагедия в стихах, в пяти действиях, сочинения Якова Княжнина, императорской Российской Академии члена. <…>. СПб., 1784. С. 3–4 ненум.

[24] Там же. С. 7 ненум.

[25] См.: *Зайцева А. А.* Иван Глазунов — издатель трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина // Книга в России в эпоху Просвещения: Сб. науч. трудов. Л., 1988. С. 54–66.

подвергся аресту в 1792 г.[26] Из текста его посвящения выясняется, что Дашкова в конце 1780-х годов оказала ему важную помощь. Водопьянов писал: «Тщетно было бы мое усилие, если бы я вознамерился искать способов, могущих довольно изъяснить сердечные мои чувствования, преисполненные к Вашему сиятельству моего глубочайшего высокопочитания и совершенной преданности. Они столь же велики, как и Ваши благодеяния и милости, особенно мне оказанные, беспредельны. Сия книжка, Вашей особе мною посвящаемая, да будет хотя малым и слабым знаком чувствительнейшею благодарностию возженного моего сердца, а Вам благоприятною жертвою…».[27]

Сделавшись директором Академии наук, Дашкова стремилась привлечь тех ученых, которые хорошо зарекомендовали себя в научном мире. Принятый ею в качестве адъюнкта Никита Петрович Соколов (1748–1795), подвергавшийся гонениям со стороны ее предшественника С. Г. Домашнева, имел все основания для того, чтобы посвятить свой переводной труд княгине и благодарить ее за «милости и благодеяния».[28] В посвящении говорилось о тех реальных шагах, которые Дашкова предпринимала для улучшения деятельности Академии наук. В частности, здесь упоминалось о «публичных различных наук лекциях», для проведения которых был собран из академических доходов «нужный капитал».

П. И. Соколов (1764–1835),[29] назначенный Дашковой преподавателем академической гимназии, посвятил ей выполненный по ее же приказанию труд — «Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при императорской Академии наук юношества составленные» (1788). Автор благодарил княгиню

---

[26] См.: *Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 127; *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 111.

[27] [*Дрекслер В.*]. Турецкий и сарацинский летописец Волфганга Дрехслера <…>. Перевел с латинского языка студент Иван Богомолов. М.: Типография при театре, 1788. С. 5–6 ненум.

[28] См. подробнее: *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины. С. 75–76. Здесь же (с. 330–331) опубликован текст посвящения Н. П. Соколова из кн.: [*Эркслебен И. Х. П.*]. Начальные основания химии <…>. СПб., 1788.

[29] См. о нем: *Лепехин М. П.* Соколов П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. СПб., 2010. С. 147–150.

и за то, что по ее «благоволению» мог присутствовать на собраниях Академии и «заимствовать многое от бываемых во оной рассуждений».[30]

Замечательным свидетельством забот Дашковой о русских ученых может служить посвящение ей адъюнкта Академии (с 1793 г. академика) минералога и химика В. М. Севергина (1765–1796) в его переводе книги И. М. Ренованца об Алтайских горах. Ученый писал: «…Вашим попечением посылаем я был в Германию для изучения минералогии. Первое мое старание по возвращении моем оттуда состояло в том, чтоб научиться познавать российские минералы, российские способы их добывания, приготовления и обработывания, кои все во многом разнятся от иностранных. <…> Ныне, предлагая перевод мой на рассмотрение Вашего сиятельства, дерзнул украсить оный именем Вашим яко особы, коея усердием я воспитан, наставлен, ободрен и ныне к продолжению наук моих ободряем».[31]

Среди привлеченных Дашковой иностранных ученых был и горный инженер, минералог, статистик Бенедикт Фридрих Иоганн Герман (1755–1815), ставший в 1790 г. ординарным академиком по минералогии Петербургской Академии наук.[32] Свой труд «Естественная история меди…», изданный в русском переводе И. Гаврилова в 1791 г., Герман тоже посвящал Дашковой, благодаря ее за «благосклонное внимание» и «скорое повеление о напечатании сего сочинения». Он называл княгиню «знаменитейшей особой во всей Европе, покровительствующей и знающей цену всякого учения вообще, а наипаче минералогии».[33]

Воспитанники Академической гимназии также обращались к Дашковой с благодарностью за покровительство и «первые начатки просвещения». И. И. Ливотов, осуществивший перевод книги В. Д. Купера «Сокращенная аглинская история…» (1790), писал в своем посвящении Дашковой: «И кому пожертвовать первым пло-

---

[30] См.: *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины. С. 86. Текст посвящения см. на с. 329.

[31] *Реноване И. М.* Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах <…>. СПб., 1792. С. 5–6 ненум.

[32] *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины. С. 307.

[33] *Герман Б. Ф. И.* Естественная история меди <…>. С немецкого подлинника переведена студентом Ильею Гавриловым. СПб., 1791. С. 5, 7 ненум.

дом познаний в аглинском языке, как не той особе, которыя рачительною рукою насаждены оного семена в Академическом училище?».[34] А. В. Гронский, деятельно сотрудничавший как переводчик в «Санкт-Петербургских ведомостях», перевел также «Логику» Э. Г. Кондильяка, упомянув в дедикации, что он выполнил этот труд по приказанию Дашковой.[35]

От имени некоего «младого воспитанника наук», «пребывающего в северной армии», к Дашковой обращался также автор «Послания из царства мертвых от Карла XII к ныне владеющему Густаву III, королю шведскому» (1789). В прозаический текст этой дедикации были вставлены и стихотворные строки, в которых княгиня опять-таки уподоблялась Минерве:

Минервы шествуя стезями,
Златую лиру обрела.
И глас премудрости с струнами
Настроя, в тонкость привела.[36]

Таким образом, Дашкова удостаивалась самых высоких похвал, что, вероятно, тоже не могло не усиливать тайного раздражения Екатерины II, недовольной слишком независимым поведением княгини.[37] Екатерина Романовна представала в посвящениях в нескольких ипостасях: и меценат, и наставник, и талантливый человек, посвятивший себя наукам и литературе. Многогранная деятельность Дашковой, ее организаторский дар, литературный вкус, умение ценить достоинства других людей, незаурядность самой ее личности — все это получало отражение в рассмотренных дедикациях. В этом отношении, как и во многих других, проявилась исключительность Дашковой.

---

[34] [*Купер В. Д.*]. Сокращенная аглинская история от древнейших до нынешних времен, сочиненная г. Купером по расположению графа Честерфилда <…>. Переведена с аглинского. СПб., 1790. С. 5 ненум.

[35] [*Кондильяк Э. Г. де*]. Логика <…>. Переведено с французского. СПб., 1792. С. 5 ненум.

[36] Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 34. Апрель. С. 43. «Послание» было напечатано затем в журнале «Беседующий гражданин» (1789. Ч. 3. Декабрь. С. 368–371). Об этом сочинении см.: *Кукушкина Е. Д.* Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 84.

[37] О своеобразном соперничестве двух Екатерин см. в настоящем сборнике статью А. Вачевой «Дворянский долг в мемуарах Е. Р. Дашковой» (С. 105).

Ни к одной другой женщине не было обращено так много посвящений. Но женщин, удостоившихся посвящений в русских изданиях XVIII в., было немало: таких адресатов насчитывается более ста. Среди них, разумеется, преобладали титулованные дамы: княгини и графини, супруги видных вельмож, политических деятелей и военачальников. Чаще всего эти обращения однократны. Однако были адресаты, к которым обращались с дедикациями и два, и более раз.

Особо выделяется Анна Родионовна (Иродионовна) Чернышева (1744–1830).[38] Ее отцом был генерал-майор Иродион Кондратьевич фон Ведель, матерью — Анастасия Богдановна (урожденная Пассек). Анна и ее младшая сестра Мария рано потеряли родителей и по удивительному стечению обстоятельств, получив покровительство императрицы Елизаветы Петровны, стали жить при ее дворе.[39] В 1762 г. Анна Родионовна стала фрейлиной; в 1773-м — статс-дамой; в 1797-м — награждена орденом святой Екатерины первой степени.

Когда ее муж граф З. Г. Чернышев в 1775 г. был назначен наместником Полоцкой и Могилевской губерний, правителем его канцелярии был С. И. Гамалея, а секретарем Ф. П. Ключарев.[40] По поручению графини Чернышевой Гамалея выполнил перевод сочинения И. Г. Эйзена «Легчайший способ прививания оспы…», изданный в 1776 г. и посвященный Анне Родионовне. Ей же Ключарев «приписал» одно из своих первых самых значительных произведений — трагедию «Владимир Великий» (1779). Эту дедикацию, конечно, можно рассматривать в ряду тех, которые обращались к жене или детям покровителя, под началом которого находился автор. Однако Гамалею и Ключарева связывали с Чернышевым не только служебные отношения, но и масонские интересы. В начале 1780-х гг.,

---

[38] См. о ней: *Корсаков В. Д.* Чернышева А. Р. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Чаадаев–Швитков. С. 280–283.

[39] Связанная с этой историей легенда передана А. С. Пушкиным в заметке «Богородицыны дочки».

[40] О С. И. Гамалее и Ф. П. Ключареве см.: *Лихоткин Г. А.* Гамалея С. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 194–195; *Кочеткова Н. Д.* Ключарев Ф. П. // Там же. Вып. 2. К–П. С. 67–70; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 219, 397.

с расцветом деятельности кружка Н. И. Новикова, эти связи стали особенно прочными. Будучи московским главнокомандующим, Чернышев всячески поддерживал участников новиковского кружка и даже был подписчиком на журнал «Утренний свет».[41] После смерти мужа (1784) его супруга продолжала оказывать им помощь, в частности, по свидетельству современника, Ключарев пользовался «покровительством и снабдением вдовствующей графини».[42] А. А. Прозоровский, один из главных преследователей московских масонов, доносил Екатерине II: «Графиня Чернышева, видя их благочестие, сильно им покровительствовала».[43]

Очевидно, Анна Родионовна приняла участие и в судьбе юных братьев Дмитрия и Павла Рахмановых, которые посвятили ей свой ученический перевод «Разговоры и комедии на французском и российском языках…» (1778), восхваляя «человеколюбивые и всему свету известные чувствия» графини. Она была не чужда литературных и театральных интересов, о чем свидетельствуют и другие адресованные ей дедикации начала 1780-х гг. Крепостному литератору В. Г. Вороблевскому[44] Чернышева «пожаловала» французскую партитуру лирической драмы М.-Ж. Седена «Беглый солдат». Публикация ее перевода, сделанного Вороблевским, открывалась посвящением графине, в котором, в частности, говорилось: «Всем известно Вашего сиятельства благосклонное вспомоществование и любление всякого знания наук…».[45] П. И. Вельяшева-Волынцева[46] «приписала» Чернышевой свой первый труд — перевод комедии Л. де Буасси «Французы в Лондоне» (1782), выражая благодарность «за милостивые <…> и снисходительные всем приемы». Ф. В. Генш[47] предварил свой перевод текста оперы Ш.-Ж. Фенуйо

---

[41] См.: *Серков А. И.* Русское масонство. С. 874–875.

[42] *Добрынин Г. И.* Записки. 1752–1823. СПб., 1872. С. 266–267.

[43] Осмнадцатый век: Исторический сборник. М., 1869. Кн. 2. С. 513. Доношение без даты.

[44] О нем см.: *Кузьмин А. И.* Вороблевский В. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 175–176.

[45] *Седен М.-Ж.* Беглый солдат. Лирическая драма. Переведена с французского Васильем Вороблевским. М., 1781. С. 5 ненум.

[46] См. о ней: *Белых Н. Н., Кочеткова Н. Д.* Вельяшева-Волынцева П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 147.

[47] См. о нем: *Кукушкина Е. Д.* Генш Ф. В. // Там же. С. 195–196.

де Фальбера «Двое скупых» (1783) стихотворным посвящением Чернышевой:

Предстательница муз и песней их хвала,
Добротами души ТЫ в россах процвела,
Отличной быстротой и разумом сияешь
И кротость с важностью в себе соединяешь;
ТЫ любишь пению чистейших муз внимать,
Так удостой и сей незрелый плод принять.
Меня к сему влекут усердие нелестно
И слух доброт ТВОИХ, текущий повсеместно.
ТВОИМИ будучи лучами озарен,
К похвальным вновь трудам я буду ободрен.[48]

Показательно, что обе эти книги с дедикациями Чернышевой были изданы «Иждивением Н. Новикова и компании». Неудивительно также, что после внезапной кончины З. Г. Чернышева в 1784 г., перевод книги Э. Юнга «Плач, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии <…>» (1785), осуществленный А. М. Кутузовым и изданный новиковской Типографической компанией в типографии И. В. Лопухина, издатели «всеусерднейше» посвятили А. Р. Чернышевой.[49]

При всем свойственном ей благочестии характер Анны Родионовны был неуравновешен и противоречив. Ее камеристка Марья Фоминишна Переборенко рассказывала: «Вельможа настоящая, гордая, пышная и, ох — какая крутая да капризная. Все у нее выходило невзначай и временем: когда жалость, а когда и гроза. Часом, бывало, станет вдруг богомольна, милостива, обходительна, и тогда уж добрым делам конца и меры нет <…> всем-то помочь старается, благодетельствует, по церквам и монастырям деньги без счету сыплет; а в иное время, что чаще бывало, просто и приступу к ней нет, такова делалась грозна и капризна; всех-то она тиранит и в страхе держит; всякого, кто бы ни был, норовит обидеть».[50] Госпожа, узнав

[48] [*Фенуйо де Фальбер Ш.-Ж.*]. Опера, Двое скупых, в двух действиях, из сочинений г. Фальбера. Музыку сочинил г. Гретри. Переведена с французского имп. Московского университета студентом Федором Геншем. <…>. Иждивением Н. Новикова и Компании. М., 1783. С. 3 ненум.

[49] Это посвящение отсутствует в переиздании книги, осуществленном «иждивением» московского купца М. Глазунова: М.: Типография А. Решетникова, 1799.

[50] *Корсаков В. Д.* Чернышева А. Р. С. 280.

о намерении Марьи Фоминишны выйти замуж, сильно разгневалась и выдала ее за другого человека. Известен также случай, когда Чернышева, рассердившись на двух дворовых девочек, зимой отправила их на чердак, где они замерзли до смерти.

После кончины мужа ее образ жизни сильно изменился. Она поселилась в одном из своих могилевских имений в Чечерске, по-прежнему жертвовала большие суммы на церкви и монастыри. Хотя, по рассказам, Анна Родионовна не допускала в свой дом мужчин, по-видимому, ей продолжали передавать посвященные ей издания. Так, И. М. Кандорский «дедиковал» Чернышевой свой перевод с латинского книги «Душа, отрожденная благодатию Иисуса Христа» (1800). Свидетельством благотворительной деятельности графини стала книга Христиана Геберлейна «Самонужнейшая аптечка…» (1800), написанная по ее распоряжению. Посвящая Чернышевой свой труд, автор писал: «Исполняя лестное для меня препоручение Вашего сиятельства, чтобы собрать и составить самонужнейшую аптечку для пользования подвластных вам больных в учрежденных по деревням Вашим больницах, с присовокуплением наставления, как употреблять предписываемые в оной лекарства, я ласкаю себя приятною надеждою, что оная удостоится заслужить одобрение Вашего сиятельства».[51]

Сравнительно большое число посвящений, обращенных к А. Р. Чернышевой, объясняется несколькими обстоятельствами. Конечно, широкую известность получила ее склонность к благотворительности, для которой у нее были широкие возможности. Она была очень богата, пользовалась расположением царственных особ (Екатерина II, Павел Петрович и Мария Федоровна неоднократно посещали ее). Но особенно важен был ее интерес к литературе, желание содействовать писательской деятельности.

Это последнее обстоятельство играло, очевидно, главенствующую роль в дедикациях другим женщинам, не столь знатным, но более тесно связанным с литературными кругами. Среди них важное место принадлежит Елизавете Васильевне Херасковой (урож-

[51] [*Геберлейн Х.*]. Самонужнейшая аптечка с рецептами и наставлением, как употреблять предписываемые в оной лекарства, в пользу помещиков и жителей деревенских изданная. М., 1800. С. 5–6 ненум.

денной Нероновой, 1737–1809),[52] супруге М. М. Хераскова, которая сама выступила на литературное поприще. Она стала одной из самых первых женщин, удостоившихся печатной дедикации: А. П. Сумароков посвятил ей свою басню «Лисица и Статуя» (1761).[53] Впоследствии Хераскова стала адресатом посвящений тех литераторов, которые были тесно связаны с Московским университетом, директором, а затем куратором которого стал ее муж. П. И. Страхов (1757–1813),[54] взятый Херасковым в секретари и сблизившийся с его семьей, посвятил Елизавете Васильевне свой первый перевод — книгу «Емиль и София, или Хорошо воспитанные любовники. Из сочинений г. Руссо» (1779) и благодарил ее за «непрестанные благодеяния». Служивший в университете А. А. Артемьев[55] предварил второе издание своего сборника переводных афоризмов «Душа добродетели…» (1782) следующей дедикацией: «Ее превосходительству Елисавете Васильевне Херасковой, великодушием и добродетельми украшенной, сии слабые черты нравоучительных правил усерднейше посвящает Алексей Артемьев».[56] Коллективный труд университетских переводчиков «Новая тысяча и одна ночь. Сказки арабские. Перевод с французского» (1794. Ч. 1–8) тоже посвящался Херасковой «во изъявление глубочайшего почитания». К этому следует добавить посвятительное письмо, обращенное к ней же при переводе сочинения Ф. Фенелона «Святые размышления на каждый день», осуществленном И. П. Тургеневым, но оставшемся в рукописи.[57] Известно посвящение и другой поэтессе, княжне Екатерине Сергеевне Урусовой, которая была в родстве с Хе-

---

[52] См. о ней: *Степанов В. П.* Хераскова Е. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. С. 362–363.

[53] Полезное увеселение. 1761. Май. С. 161–162.

[54] См. о нем: *Костин А. А., Стенник Ю. В.* Страхов П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. С. 169–172.

[55] См. о нем: *Фоменко И. Ю.* Артемьев А. А. // Там же. Вып. 1. А–И. С. 41–42.

[56] Душа добродетели, или Правила нравоучения в пользу и научение юношества из древних и новейших мудрецов выбранные и на российский язык переведенные поручиком Алексеем Артемьевым. 2-е изд. М., 1782. С. 3 ненум. Первое издание этой книги под названием «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила…» (СПб., 1777) было посвящено И. И. Мелиссино.

[57] Посвящение опубликовано в кн.: *Рыкова Е. К.* Творчество «второстепенных» писателей екатерининской эпохи. Иван Петрович Тургенев: Между классицизмом и романтизмом. Ульяновск, 2007. С. 143–144.

расковым и, очевидно, покровительствовала переводчику И. Я. Грешищеву, который и «приписал» ей свой перевод, называя ее «досточтимой любительницей муз и российской словесности» и выражая признательность «за благотворное расположение».[58]

Дочь историка князя М. М. Щербатова княжна Ирина Михайловна (1757–1827), в 1775 г. ставшая женой М. Г. Спиридова,[59] тоже выступала покровительницей литераторов, как свидетельствуют посвященные ей книги анонимного переводчика (1777), Я. И. Благодарова (1786), Павла Гродницкого (1788).[60] Благодаров[61] упоминал о ее благодеяниях, «многократно оказанных» ему. Д. П. Горчаков написал стихи И. М. Спиридовой как талантливой актрисе, выступавшей на домашнем театре: «На представление ее в Дидоне, трагедии г. Княжнина».[62]

Ирина Яковлевна Хлебникова (1744–1812) не имела высоких титулов. Правда, ее муж, Петр Кириллович Хлебников (1734–1777), происходивший из купечества, владелец игольной фабрики, дослужился до чина генерал-лейтенанта. Известность в литературном мире он получил как знаток и собиратель старинных рукописей и книг, а также как щедрый меценат, издавший ряд исторических сочинений за свой счет.[63] Судя по обращенным к ней дедикациям,

---

[58] [*Лавалле Ж.*]. Негр, или Черный, каких мало бывает белых <…>. Перевод с иностранного. М., 1797. Ч. 1. С. 3 ненум. О Е. С. Урусовой см.: *Кочеткова Н. Д.* Княжна Урусова и ее литературные собеседники // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 94–103. Об И. Я. Грешищеве см.: *Лепехин М. П.* Грешищев И. Я. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 228.

[59] О нем см.: *Травников С. Н.* Спиридов М. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. С. 161–163.

[60] Легкомыслов, получивший здравый рассудок, отрывки ироид и стихотворение г. Аддисона на Ризвикский мир. Переведены на российский язык. СПб., 1777; [*Благодаров Я. И.*]. Матерьняя любовь. Комедия в одном действии. М., 1786; Неудачный опыт матерней строгости и несчастные следствия оной. Монастырская повесть. Перевод с немецкого П. Г<родницкого>. М., 1788. Ч. 1–2. Первая часть посвящена А. М. Щербатовой, вторая — И. М. Спиридовой.

[61] О нем см.: *Рак В. Д.* Благодаров Я. И. // Словарь писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 92–94.

[62] Друг просвещения. 1804. Май. С. 131.

[63] См.: *Кочеткова Н. Д.* Хвала любителю старины (Русские литераторы XVIII века о П. К. Хлебникове) // От Средневековья к Новому времени: Сб. статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 295–301.

Ирина Яковлевна, как и ее супруг, охотно помогала нечиновным людям, связанным с книгоиздательским делом. Так, наборщик академической типографии Василий Митропольский, посвящая ей изданную им книгу «Великопостный конфект, или Слово на вопрошение о смерти…» (1777), писал: «Благодарность за оказанные Вашим супругом и Вами милости побуждает меня посвятить сию издаваемую мною малую книжицу имени Вашему; уповая, хотя малым сим знаком оказать мою к дому Вашему благодарность».[64] Через десять лет после смерти Хлебникова появилась еще одна книга, посвященная его жене. Автором дедикации, подписавшимся инициалами «Г. С.», был некто «Гаврыла Соколов», как значится в надписи на экземпляре БАН.[65] Своим иждивением он напечатал сочинение «Зерцало вечности…» (1787). Восхваляя Ирину Яковлевну, он, как и многие другие литераторы, соотнес посвящение с содержанием изданного им сочинения: «…описанные в книге сей добродетели, за которые обещает Господь всем христианом вечное блаженство, в доме Вашем обитали и ныне обитают. Покойный сожитель Ваш, выключая прочие его добродетели, был милостив и щедр. Он за великое удовольствие почитал услужить великому, поддержать равного, помочь несчастному, призреть нищего; за что и заслужил любимое в старину, да и ныне с ненеудовольствием употребляемое имя *хлебосола*. Все сии добродетели в душе Вашей остались как бы наследственными. Кому и каких не делаете Вы благодеяний? В доме Вашем вдовица имеет прибежище, сирота — покров, нищий — пропитание, а всякий вообще — благосклонное слово и ласковый прием; и что сие истинно, в том торжественно могу засвидетельствоваться всеми теми, кто дом Ваш не токмо знает, но только даже слышал об нем. <…>».[66]

В большинстве случаев, однако, при обращении с дедикациями к женщинам имело значение положение, влиятельность их супру-

---

[64] Великопостный конфект, или Слово на вопрошение о смерти <…>. С греческого на российский перевел С[тефан] П[исарев]. СПб., 1777. С. 5 ненум.

[65] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963. Т. 1. А–И. С. 362.

[66] Зерцало вечности, или Рассуждения: 1) О смерти; 2) О последнем суде; 3) О адском мучении; и 4) О радости райской <…>. Переведена с латинского [П. Соловьевым]. СПб., 1787. С. 6–8 ненум.

гов. Показательно в этом отношении, что иногда при традиционном официальном назывании дамы-адресата упоминался ее муж, его чин и должность. Так, очевидно, для большей значимости, в своем посвящении обер-гофмейстерине графине А. К. Воронцовой священник Иоанн Иоаннов счел необходимым упомянуть о том, что она «покойного российского канцлера графа Михайла Илариановича Воронцова супруга».[67] Переводчик Е. Харламов «дедиковал» свой труд «Ее превосходительству милостивой государыне моей Александре Ивановне, супруге господина генерал-майора и правителя Новгородского наместничества Петра Степановича Протасова».[68] И. Навроцкий посвящал составленную им «Новую полную поваренную книгу» (1780) «Его высокоблагородия господина полковника Федора Григорьевича Стрекалова супруге ее высокоблагородию милостивой государыне моей Наталье Андреевне».

Высокое общественное положение женщины, конечно, определялось прежде всего ее принадлежностью к знатному роду и той ролью, которую играл в политике и государственной жизни ее отец или муж. Правда, и у ряда женщин были свои придворные чины, своя иерархия: фрейлина, камер-фрейлина (или камер-юнгфера), гоф-фрейлина, статс-фрейлина, затем статс-дамы, действительные статс-дамы, наконец, гофмейстерины и обер-гофмейстерины. Однако среди адресатов посвящений этих женщин было сравнительно немного. Лишь одна из учтенных нами дедикаций была обращена к упоминавшейся уже обер-гофмейстерине Анне Карловне Воронцовой; одна — к гофмейстерине Елене Александровне Нарышкиной; несколько — к статс-дамам, камер-фрейлинам и фрейлинам.

Статс-дама Прасковья Александровна Брюс (урожденная Румянцева, 1729–1786), дочь генерал-аншефа графа А. И. Румянцева, родная сестра фельдмаршала П. А. Румянцева, жена московского главнокомандующего Я. А. Брюса, длительное время пользовалась большой доверенностью Екатерины II: императрица даже посвятила

---

[67] Христианин, пришлец земный <…>. С иностранного на российский язык переведено Тверской епархии Кашинского уезда села Кимры священником Иоанном Иоанновым 1769 года. СПб., 1771. С. 3 ненум.

[68] Новая сельская библиотека, или Отборные повести <…> переведенные с французского в остающееся от трудов по должности время в Нове-городе Е. Х[арламовым]. СПб., 1779. Т. 1. С. 3 ненум.

ей один из вариантов своих записок. Однако в 1779 г. П. А. Брюс была удалена от двора из-за сближения с одним из любимцев государыни и уехала на некоторое время за границу. Одно из известных нам посвящений Прасковье Александровне относится ко времени ее фавора: переводчик Алексей Леонтьевич (?) Лятошевич (род. 1743) преподнес ей в 1767 г. свой перевод повести «Жизнь добродетельной сицилианки, или Приключения маркизы Албелины». Другая дедикация П. А. Брюс появилась спустя много лет: в 1785 г. некий Л**** «приписал» ей сочиненную им драму «Цирцея и Улисс».

Фрейлине Елизавете Александровне Пальменбах (урожденной баронессе Черкасовой, 1761–1832), которая в 1797–1802 гг. была начальницей Воспитательного общества благородных девиц, М. А. Матинский, служивший тогда в этом обществе учителем,[69] посвятил изданное им в учебных целях «Сокращение всеобщей географии…» (1800). Это посвящение, в котором автор «с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию» благодарил за милости доброжелательную начальницу, было своего рода исключением среди дедикаций, обращенных к женщинам, как правило, не занимавшим никаких служебных постов (если, конечно, не считать Е. Р. Дашкову).

Большинство адресатов — это титулованные дамы: графини, княгини, княжны. К ним обычно обращались за покровительством или с благодарностью за полученные «милости». В своих посвящениях княгине Екатерине Петровне Барятинской переводчик И. Морков, а затем и переводчик А. М. Грибовский указывали также, что она — урожденная принцесса фон Голштейн-Бек.[70] Хотя она была в разводе с мужем, Екатерина Петровна пользовалась и влиянием при дворе, и уважением в обществе. И. М. Долгоруков, который в 1786 г. был милостиво принят ею и даже приглашен для участия в ее домашних спектаклях, вспоминал: «Между знатнейшими домами в Петербурге по рождению и богатству считался дом прин-

---

[69] См.: *Кукушкина Е. Д.* Матинский М. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 276–278.

[70] Обретенная дочь, или Отеческая склонность. Переведена с французского Иваном Морковым. М., 1782. Ч. 1; [*Арно Ф.-Т.-М.*]. Опасность городской жизни. Французская повесть. <…>. [Перевод А. М. Грибовского]. СПб., 1784.

цессы Голштенбековой <…>. Всякий почитал себе за особливую честь быть въезж в дом ее, потому что кроме титла своего она была дама почтенная, любезная, ко всем благоприветлива без гордости и чванства, вела себя со всеми ровно и довольно еще была молода, чтоб привлекать к себе всю молодежь городскую, однако в ее обществе был большой разбор в людях. Прием к ней был аттестат для молодого человека».[71]

Литераторам покровительствовали также супруги военачальников: генеральши, полковницы, бригадирши, несколько реже — жены чиновников. Нередко обращались к женам и дочерям знатных и влиятельных персон, например к жене и дочери генерал-прокурора князя А. А. Вяземского — княгине Елене Никитичне Вяземской (урожденной Трубецкой) и княжне Екатерине Александровне Вяземской. Николай Горчаков посвятил свой перевод сочинения К.-М. Виланда «Разговор Сократа с Тимоклеею о мнимой и истинной красоте…» (1795) дочери знаменитого полководца графа А. Г. Орлова-Чесменского Анне Алексеевне (1783–1848). Хотя ей было тогда всего двенадцать лет, переводчик выражал ей свои «живейшие чувствования благодарности и высокопочитания». Возможно, склонность к благотворению, которой графиня позднее прославилась, проявилась в ней уже в юные годы.

В текстах большинства посвящений выражалась благодарность за благодеяния, оказанные не только автору, но иногда и всей его семье, родителям, детям, сиротам и другим, нуждавшимся в помощи. Содержатель типографии Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса Христиан Фридрих Клеэн (ум. около 1784) предпослал одной из изданных им книг пространное посвятительное письмо, адресованное Марии Павловне Нарышкиной (урожденной Балк-Полевой, 1728–1793), жене генерал-аншефа С. К. Нарышкина. Здесь всячески прославлялась ее благотворительная деятельность: «Ваше высокопревосходительство покровительствуете несчастным и щедротами своими взыскуете благоурожденных и других, неимуществом отягощаемых отроковиц, облегчая, сколь возможно, горестный их жребий. Чем по справедливости заслуживаете истинную благодарность как от одолженниц, так и от тех,

[71] *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни <…>. СПб., 2004. Т. 1. С. 114.

кои ведают достославимыя добродетели сея цену».[72] Переводчик Федор Бахтеяров, обращаясь к надворной советнице Екатерине Николаевне Вельяминовой-Зерновой (урожденной Рагозиной, 1763–1829), которая взяла под свое покровительство его дочерей, писал: «А особенные, скажу в частности, и прямо отеческие Ваши милости к моим С***, которых судьба определила быть Вашими… Милости, которыми оне, находясь при Вас, имеют счастие пользоваться, не налагают ли по справедливости на меня долгу и обязанности принесть Вам чувствительную мою благодарность?»[73]

В ряде посвящений подчеркивалась образованность женщин-адресатов. О «великой охоте к чтению книг» как о достойном качестве покровительницы говорилось в посвящении Я. П. Козельского гофмейстерине Елене Александровне Нарышкиной (1765);[74] А. И. Голицына — в посвящении графине Настасье Степановне Головиной (урожденной Лопухиной, 1725–1799), «тайной советнице и камергерше» (1782);[75] Дмитрия Орлова — в посвящении графине Екатерине Владимировне Апраксиной (урожденной Голицыной, 1768–1854).[76] О «рачении к наукам» некоей благодетельницы, имя которой не было названо полностью («Письмо переводчиково к Д… М… В… Ш… Н… К… и П…»), упоминал литератор, скрывший и свое имя за инициалами «А… М…» (1780).[77] Некий «Н. П.», не называя имени и своей благодетельницы, в посвящении ей писал: «Беспримерная в Вас охота в упражнении чтения, примеченная мною из долговременного с Вами обращения, побудила меня <…> поднести Вам начальных трудов своих перевод сей повести».[78]

---

[72] [*Мармонтель Ж.-Ф.*]. Повесть двух несчастных женщин. Переведена с французского. Печатана <…> на иждивении содержателя Х. Ф. Клеэна. СПб., 1777. С. 5 ненум.

[73] Зерцало женской древней учености, или Описание жизни древних философок. Перевод с французского. М., 1800. С. 5–6 ненум.

[74] [*Верто д'Обеф Р.*]. История о переменах, происходивших в Швеции <…>. СПб., 1765. Ч. 2. С. 5 ненум.

[75] [*Нугаре П.-Ж.-Б.*]. Картина глупостей нынешнего века или страстей различного возраста. М., 1782. С. 5 ненум.

[76] Осторожность прекрасного пола. Нравоучительная повесть. Перевод с французского [Д. Орлова]. М., 1792. С. 6 ненум.

[77] [*Онийон П.-Ш.-Ф.*]. Сила воспитания. Переведена с французского языка А. М. [СПб.], 1780. С. 3 ненум.

[78] [*Комон де Ла Форс Ш. Р. де*]. Тщетные в любви происки Гейнриха IV, короля Кастильского. Переведены с французского языка Н. П. СПб., 1781. С. 3 ненум.

Иногда авторы или переводчики благодарили за участие в судьбе их труда. Так, И. Г. Туманский предварил свой перевод книги Ф. Фенелона «О воспитании девиц» (1774) «Письмом к госпоже ***», в котором упоминал, что перевел это сочинение по ее желанию, заметив: «Ничем лучше не можем мы доказать разумным и добродетельным людям нашего почтения, как исполнением их желаний».[79] П. И. Сумароков дважды обращался с посвящениями к княгине Варваре Васильевне Голицыной (урожденной Энгельгард, 1752–1815).[80] Перевод повести С. Ф. Жанлис «Аделия и Теодор, или Письма о воспитании» (1791) он посвятил ей как «почтенной благотворительнице». Свою книгу «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году…» (1800) Сумароков начинал не обычными формулами изъявления благодарности, но следующим признанием: «Я много в свой век писал, но не для потомства, марания мои или сожигались, или валялись в пыли за сундуками. Не миновать бы и этой книге того же жребия, когда бы почитаемая мною особа не побудила меня ее напечатать».[81] Поддержку и своего рода защиту от нападок строгих критиков драматург В. К. Колычев стремился найти у княжны Варвары Ивановны Кольцовой-Масальской, которой он «дедиковал» сборник своих пьес «Театр В. К.» (1781). Восхваляя ее «непредубежденный нрав», автор писал: «Вы любите словесные знания и чувствуете, сколь занимают они душу нашу и понуждают ее к движению. Сие приобретает вам право оценять произведения ума в сем роде; но ваш вкус и душа нежная удалены от той строгости, которую оказывая, не различают приемлемой вольности от погрешностей».[82]

---

[79] О воспитании девиц, сочинение господина Фенелона, с французского переводил Иван Туманский. 2-е изд. СПб., 1774. С. 3 ненум. В 1-м изд. (СПб., 1763) посвящения не было; в 3-м изд. (М., 1788) оно сохранено. Об И. Г. Туманском см.: *Алексеева Н. Ю., Кулябко Е. С.* Туманский И. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. С. 279–280.

[80] О ней см.: *Кочеткова Н. Д.* Семейные посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 174–177.

[81] *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году <…>. М., 1800. С. 1 об.

[82] [*Колычев В. К.*]. Театр В. К. М., 1781. С. 5–6.

Посвящая свои труды покровительницам, многие литераторы восхваляли такие их добродетели, как «благочестие», «благоразумие», «благонравие», «благоволение», «врожденное милосердие» и другие подобные качества. М. В. Веревкин обращался к фрейлине графине Марье Родионовне Паниной (урожденной Ведель, 1746–1775),[83] жене П. И. Панина и родной сестре А. Р. Чернышевой, с надеждой, что она оценит нравственное содержание его пьесы «Имянинники» (1774), в которой изображены «добродетели, толико Вам любезные, толико Вами хранимые», и пороки, «в нежной и сострадательной Вашей душе производящие отвращение, смешанное с жалостию над развращенностию порочных сердец».[84] Посвящая свой перевод сочинения армянского историка Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского, V в.) «Плач о Армении» (1786) Екатерине Ивановне Лазаревой (1750–1819), жене действительного статского советника И. Л. Лазарева, В. Ваганов писал: «…ласкаюсь я надеждою, что он <перевод. — *Н. К.*> вам понравится, потому особливо, что вы, имея душу кроткую, сердце снисходительное и от природы расположенное к состраданию, найдете в ней описания человеческих несчастий, достойные вашей чувствительности, соболезнования и пролития слез…».[85]

Обращаясь к молодым знатным дамам, литераторы старались упомянуть об их красоте и «цветущей юности». В 1779 г. анонимные переводчики книги С.-Ф. Жанлис «Театр для пользы юношества» обращались к княжне Варваре Николаевне Голицыной (в замужестве Головиной, 1766–1821): «Ваша цветущая юность, рождающиеся Ваши качества, кроткие и приятные Ваши нравы, все сие произвело желание в переводчиках нового и полезного юношеству сего сочинения Вашему сиятельству приписать оное».[86] Переводчик Н. Яценков сходным образом восхвалял княжну Анну Алексе-

---

[83] См. о ней: «Теперь скажу Вам о себе». Письма графини М. Р. Паниной графу Н. И. Панину. 1769–1771 гг. / Публ. М. В. Бабич // Исторический архив, 1993. № 3. С. 165–175.

[84] [*Веревкин М. В.*]. Имянинники. Комедия в пяти действиях. М., 1774. С. 5–6 ненум.

[85] [*Мовсес Хоренаци*]. Плач о Армении. <….> Перевел с арменского на российский язык В[арлаам] В[аганов]. СПб., 1786. С. 5 ненум.

[86] [*Жанлис С.-Ф.*]. Театр для пользы юношества. Перевод с французского языка. М., 1779. № 1. С. 5 ненум. Это же посвящение помещено в переиздании (М., 1780).

евну Волконскую (1770–1859): «Кроткие и приятные Ваши нравы, изящные качества, украшающие цветущую Вашу юность; редкие добродетели, сродные благородной Вашей душе; а паче всего, та благосклонность, которою давно я имею счастие пользоваться, произвели во мне желание приписать в знак наичувствительнейшей моей благодарности сей перевод имени Вашего сиятельства».[87]

В посвящениях женщинам семейным отмечались их заслуги в воспитании детей, причем эти дедикации сопровождали переводы соответствующих по своему содержанию сочинений. Так, Иван Харламов, переводчик книги М. Лепренс де Бомон «Юношеское училище, или Нравоучительные разговоры…» (1774), «приписывая» свой труд «ее высокоблагородию» Анисье Ивановне Перепечиной, писал: «…перевод оныя тем с большею благопристойностию смею посвятить Вашему имени, чем искуснейшею судиею науки воспитания детей Вас признаю <…>».[88] Василий Борисов обращался к Наталье Федотовне Плещеевой (урожденной Веригиной, 1768–1855), супруге действительного тайного советника С. И. Плещеева, мореплавателя и литератора,[89] со словами: «Кому приличнее могу я поднести сей опыт трудов моих, как не Вам, которые поставляете себе не только долгом, но и приятнейшим удовольствием заниматься воспитанием детей; как не Вам, беспрестанно оказывающим мне милости?»[90]

Надеясь угодить интересам своих покровительниц, некоторые литераторы посвящали им книги по медицине или кулинарии. Кодрат Муковников, студент Медицинского факультета Московского университета, поднес Екатерине Александровне Бибиковой (ум. 1833), супруге генерал-майора Г. И. Бибикова, свой перевод книги «Дамский врач…» (1793); П. Яковлев — княгине Варваре Васильевне

---

[87] [*Флориан Ж.-П.-К.*]. Новости, греческая, испанская и португальская, сочинение г. Флориана. Перевел с французского Николай Яценков. М., 1789. Ч. 1. С. 5 ненум.

[88] [*Лепренс де Бомон М.*]. Юношеское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами <….> . М., 1774. Т. 1. С. 7–8 ненум.

[89] О нем см.: *Лепехин М. П.* Плещеев С. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 441–444.

[90] Новейшее физическое воспитание детей. Перевод [В. Борисова]. М., 1800. С. 5 ненум.

Голицыной книгу «О сохранении и продолжении здоровья состарившихся людей, по правилам диэтическим» (1792); И. Навроцкий — полковнице Наталье Андреевне Стрекаловой «Новую полную поваренную книгу…» (1780), а С. В. Друковцев,[91] автор «Поваренных записок» (1779), обращался с пространным посвятительным письмом к «высокоблагородной и высокопочтенной госпоже» Наталье Михайловне Хрущовой.

Сравнительно немногочисленны, но очень интересны посвящения женщинам — участницам театральных представлений. Своего рода предшественником этой традиции можно считать А. П. Сумарокова, обращавшегося в 1774 г. со стихами к Е. И. Нелидовой и Н. С. Борщовой (Барщовой), участницам спектакля, разыгранного воспитанницами Общества благородных девиц. По типу этих стихов «на случай» вскоре появились посвящения, предшествовавшие изданиям пьес. Н. П. Николев предварил публикацию своей комедии «Испытанное постоянство» (1776) стихотворной дедикацией юной княжне Варваре Петровне Волконской (ум. 1830), дочери князя П. М. Волконского, которая постоянно участвовала в «кавалерских» спектаклях. Драматург, благодарный ей за то, что она «украсила своей игрой» его пьесу, писал:

…Я много раз тебя во действии видал
И всякий раз в тебе дар новый открывал:
Иль чувство нежное, или веселость нрава;
Для зрителей была ты слезы и забава:
Одним брала во плен сердца, другим — умы,
Движенью твоему подвластны были мы
<…>[92]

Позднее, в 1797 г., с Волконскими познакомился И. М. Долгоруков. Он стал постоянным гостем в их подмосковном имении и участником продолжавшихся домашних спектаклей. По его признанию, он был так очарован Варварой Петровной, что «в двух вер-

[91] О нем см.: *Пухов В. В.* Друковцев С. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 288–289.

[92] [*Николев Н. П.*]. Испытанное постоянство, комедия в одно действие Н. Н. представлена в первый раз благородным обществом в доме князя Петра Михайловича Волконского 1776 году. [М., 1776]. С. 3 ненум.

стах от нее не мог быть ни счастлив, ни спокоен».[93] Позднее он вспоминал: «Достоинства княжны, острый ум, познания — все меня в ней пленило».[94] Она стала предметом его страсти, длившейся около десяти лет, и адресатом ряда стихотворений.

Некоторые актрисы, как и актеры, недворянского происхождения, игравшие на сцене публичного театра и пользовавшиеся большим успехом, тоже становились адресатами посвящений. Так, А. Ф. Малиновский,[95] переводивший пьесы для Московского публичного театра, предварил издание своего перевода трагедии Ф. В. Циглера «Эйлалия Мейнау, или Следствия примирения…» (1794) стихами, обращенными к Марье Степановне Синявской (1742 или 1762–1829), игравшей заглавную роль:

Эйлалия славна на сцене здесь тобой,
Природною твоей в искусстве простотой,
С какой ты страсти все изображать умеешь,
Сердцами зрителей колеблешь и владеешь. —
Вкус правильный ввела в Париже Лекуврер,
А ты оставишь здесь своей игры пример:
В сильнейших как страстях одушевляться чувством,
Как и в безмолвии пленять партер искусством,
Как свойство роли вдруг со входом знать давать
И как во всей связи ту роль образовать. —
В ком истинный талант, всех тех я почитаю,
Эйлалию тебе с сим чувством посвящаю.[96]

Характерно, правда, что Малиновский издал свой перевод анонимно, а посвящение подписал только инициалами «А. М.». Еще более законспирировано было посвящение некоей переводчицы

---

[93] *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем… Т. 1. С. 516. См. также по именному указателю.

[94] *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Издание подгот. В. И. Коровин. М., 1997. С. 208.

[95] О нем см.: *Долгова С. Р.* Малиновский А. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 269–271. Перевод пьесы А. Ф. Ф. Коцебу «Бедность и благородство души» в 1798 г. Малиновский посвятил актеру В. П. Померанцеву.

[96] [*Циглер Ф. В.*]. Эйлалия Мейнау, или Следствия примирения <…>. В первый раз представлена на Московском публичном театре 15 генваря 1794 года. М., 1796. С. 3 ненум.

пьесы под названием «Трактир. Комедия, или Питейный дом, веселое игрище» (1777). На титульном листе указывалось: «Переводила на российский язык девица NN, пребывающая в одном из украинских городов, где и комедия сия на тамошнем феатре несколько раз представлена была». Тексту предшествовала дедикация: «Императорского российского феатра госпоже актрисе Прасковье Тимофеевне Софроновой приносится от переводчицы». «Девица NN» проявила достаточно смелости не только в выборе пьесы для перевода, но и в решении посвятить свой труд актрисе. Значительно позднее, в 1816 г., Д. И. Вельяшев-Волынцев[97] издал свой перевод первой части «Сочинений» А. В. Иффланда с посвящением «первейшей российской актрисе Катерине Семеновне Семеновой в знак душевного уважения к превосходным ее дарованиям», но без всякой подписи.

Посвящения актрисам, которых стали восхвалять не за покровительство, а за их дарования, были сравнительно редки. Но и роль женщины-мецената была новым и важным явлением в общественной и культурной жизни России XVIII в. Обращенные к ним посвящения, конечно, строились в основном по тем же правилам жанра, что и дедикации меценатам-мужчинам. Здесь часто использовались те же принятые формулы и в назывании адресата, и в уверениях в своей преданности при подписи, и в выражении благодарности за благодеяния. Однако содержание похвал достаточно широко варьировалось.

Особый интерес представляет посвящение М. И. Прокудина[98] княгине Варваре Александровне Шаховской (урожденной баронессе Строгановой, 1748–1823), предваряющее его комедию «Судьба деревенская» (1782). Следуя довольно распространенной традиции, автор начинает дедикацию с обращения к древним временам, но примером для него служит напоминание не о традиции благодарить за благодеяние, а о замечательных женщинах прошлого: «Великие таланты во всех временах и во всяком веке царствовали, такожде в женском поле. Рим, Лакедемон, Афины гордилися великими

---

[97] О нем см.: *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Вельяшев-Волынцев Д. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 144–146.

[98] О нем см.: *Степанов В. П.* Прокудин-Горский (Прокудин, Пракудин) М. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. С. 496–499.

женами; проходя историю отдаленную, видим тамо вашего полу спасающих города и целые области. Храбрость и неустрашимость, разум и твердость в делах и точность в намерениях. Тамо видим знаменитую Порцию, дочь Катонову, супругу Брутову. Тамо Юлию, жену Помпееву, которая умерла, увидев мужа своего окровавленную одежду. Тамо, наконец, ту препочтенную молодую римлянку, которая питала в темнице содержащегося отца молоком своим. Плутарх негде повествует о женщинах, в пространном Архипелаге живущих. Он говорит так, что чрез течение семисот лет не было тамо примечено ни в единой молодой женщине ни слабости, ни преступления. Демосфен, сей великого ума грек, описал такожде отличные таланты женщин греческих…». Вслед за этими примерами автор превозносит «добродетели и благонравие» княгини, которые «приметны» в ее жизни, «в знаниях, науках и, наконец, в обхождении общества».[99] Можно полагать, что автор выражал таким образом благодарность за помощь со стороны Варвары Александровны, которая отличалась своей щедростью.[100] Античные параллели придавали этой дедикации обобщающий характер, помогали утвердить общественный авторитет женщины, покровительствующей литераторам.

Некоторые посвящения женщинам представляли собой своего рода лирические этюды, а иногда и признания в любви. Чаще всего имя адресата не называлось или скрывалось за инициалами. Еще в 1769 г. Д. И. Фонвизин предпослал своему переводу повести Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно «Сидней и Силли» посвящение, обращенное «К госпоже...», имя которой не было названо. И по форме, и по содержанию текст этого посвящения необычен по сравнению с дедикациями знатным особам. Фонвизин писал: «Следуя воле твоей, перевел я „Сиднея“ и тебе приношу перевод мой. Что мне нужды, будут ли хвалить его другие? Лишь бы он понравился тебе.

---

[99] [*Прокудин М. И.*]. Комедия. Судьба деревенская, сочиненная в нравах деревенских жителей в трех действиях. М., 1782. С. 5–6 ненум. Посвящение датировано: «1781 года, IX месяца. В Финиковой горе».

[100] И. М. Долгоруков, который был двоюродным племянником В. А. Шаховской, с большой благодарностью вспоминал, как она неоднократно помогала ему, его матери и сыновьям. См.: *Долгоруков И. М.* 1) Капище моего сердца… С. 114–115; 2) Повесть о рождении моем… Т. 1. С. 565–566; Т. 2. С. 321–322.

Ты одна всю вселенную для меня составляешь».[101] Анонимный переводчик книги «Дамоново сновидение» (1779) поместил перед текстом сочинения пылкое любовное послание, начинавшееся словами: «Красавица моя! Издавна уже посвятил я тебе мое сердце, а ныне приношу тебе в дар моих трудов перевод, на который употребил я те скучные часы, кои, разлучась с тобою, провождал в уединении». Далее автор послания вспоминал о том, как трудно было добиться взаимности со стороны красавицы, и о «минуте восхищения», «мгновении сладострастия, когда возжег в сердцах наших огнь торжествующей любви». Это нескромное признание он подписал: «Я есмь *** переводчик».[102]

Совсем иная тональность отличает посвящение А. М. Кутузова в переведенной им книге Г. В. Бериша «Путешествие добродетели…» (1782), адресованное «Ея высокоблагородию К:И:Г:К:», то есть Катерине Ильиничне Голенищевой-Кутузовой (урожденной Бибиковой, 1754–1824),[103] жене полководца М. И. Кутузова. Текст посвящения выдержан в самом почтительном тоне и в то же время проникнут чувством глубокой искренней привязанности. Автор видит в адресате очень близкого человека, которому поверяет самое важное: «Милостивая государыня! Вы знаете образ моих мыслей. Известно вам, что ни чины, ни богатство меня не прельщают. Смело сказать могу, что честь моя и совесть никогда кумирам сим не приносились в жертву. Я привык говорить согласно с чувствованиями сердца моего; и хотя точно уверен, что в нынешнем свете чистосердечие от большей части почитается глупостию и что чрез него так называемого счастия никогда достигнуть не можно; однако же при всем том охотнее соглашаюсь называться глупым, нежели льстецом. Благородная неизвестность, тихое и бесшумное состояние суть в глазах моих гораздо драгоценнее, нежели подлостию приобретенная слава и шум в прахе ползающих льстецов, почитающих не человека, но знатное состояние его. Быв в таковых расположениях, не имею нужды превозносить похвалами

---

[101] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 417.

[102] Дамоново сновидение. Переведено с французского языка. СПб., 1779. С. 3–8 ненум.

[103] Подробнее об этом посвящении см.: *Кочеткова Н. Д.* К истории одного литературного посвящения А. М. Кутузова // Russian Literature. 2002. T. LII. P. 271–281.

особу мне незнаемую. Для собственного удовольствия переводил я книгу сию, для него же и подношу оную вам. Прочитав заглавие книги сей, вы найдете, что она содержит собственное путешествие ваше…».[104]

Карамзин обращался к любимой им женщине, Настасье Ивановне Плещеевой, в литературном посвящении второй части его альманаха «Аглая»: «Тебе, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебе, единственному другу моего сердца! Твоя нежная, великодушная святая дружба составляет всю цену и счастие моей жизни. Ты мой благодетельный Гений, Гений хранитель».[105] «Другу сердца, единственному, бесценному» он поверяет тревоги и надежды, вспоминает о своей юности и дальнейших разочарованиях. Имя адресата здесь не названо, но в дружеском кругу оно было хорошо известно. Более того, через год, в 1796 г., писатель напечатал свой перевод повести А.-Л.-Ж. де Сталь «Зюльма» под названием «Мелина» с посвящением более лаконичным: «Настасье Ивановне Плещеевой в знак дружбы и почтения от переводчика». В примечании указывалось, что ей же «приписана» и книжка альманаха «Аглая».[106]

Тем не менее многие авторы, обращаясь с посвящениями к женщинам, называли только инициалы своих адресатов, даже если речь шла о покровительницах. Возможно, это делалось по их собственному желанию. Одни могли гордиться, увидев свое имя в печати, другие, напротив, предпочитали оставаться неузнанными: одни не хотели афишировать свои благодеяния, другие могли опасаться, что их скомпрометируют слишком откровенные любовные признания. В том же 1796 г. появился перевод трагедии Ж. Расина «Ифигения» со стихотворным «Посвящением от трудившегося в переводе», не назвавшего ни собственного имени, ни имени своей возлюбленной к которой он обращался:

---

[104] [*Бериш Г. В.*]. Путешествие добродетели, или Странствование по свету юнаго китайскаго царевича с философом предводительствовавшим и научившим онаго; в новейшие времена случившееся. М., 1782.

[105] Аглая. М., 1795. Кн. 2. С. 3 ненум.

[106] Мелина. Перевод с французского. М., 1796. Об этом переводе и его изданиях см.: *Заборов П. Р.* Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 168–172.

Тебе единой я сей труд мой посвящаю,
Тебе, которую душею обожаю;
Как Ифигения подобно, ты мила,
И так же, как она, приятна, весела.
<……>
Мой рай — в твоих очах — твои любезны взгляды
К блаженству дней моих вселят мне в грудь отрады.
<……>
Игры, веселости пребудут жребий мой.
Даруют мне твои любезны сердцу очи
Всерадостные дни, любови полны ночи.[107]

В этом посвящении нет никаких конкретных деталей: образ женщины, которой посвящается труд переводчика, достаточно условен: она подобна героиням русской любовной лирики 1760–1770-х гг.

Наиболее необычным для XVIII в. было посвящение памяти возлюбленной в книге литератора И. Д. Ертова (1777–1828). Обращаясь к женщине, чье имя было скрыто за инициалами «Е. И.», автор превратил дедикацию в своеобразный лирический этюд. Он писал: «Любезная! Вот первая жертва, принесенная твоему великодушию! Милая душа твоя давно уже царствует в селении общей матери — где не чувствуют ни скорби, ни слез, ни воздыхания; но твой образ лежит на моем сердце — и вечно лежать будет! <…> видно, не довольно еще и тех поражений, которыми Небу угодно было испытать слабое и страждущее существо мое. — Но что делать? Мы должны быть довольными и тогда, когда Небо и во гневе <…> Да благословит Небо друзей и врагов моих, и да подаст мне мир душевный, *а тебе — вечное бессмертие. Прости*!»[108] Этот текст особенно интересен, так как предваряет развившуюся лишь позднее традицию посвящать труды памяти ушедших из жизни людей.

Как показывают приведенные примеры, дедикации женщинам в русских изданиях XVIII в. достаточно разнообразны по выбору адресата, характеру и стилю. Многие из них, как и обращения к знатным покровителям и «милостивцам», не лишены были сер-

---

[107] [*Расин Ж.*]. Ифигения, трагедия в пяти действиях. На российские стихи свободно преложенная с господина Расина. М., 1796. С. 3–6 ненум.

[108] [*Ертов И. Д.*]. Картина просвещения россиян. СПб., 1799. С. 5–8 ненум.

вильности. Другие отличались искренностью выраженной в них признательности за полученную помощь. В то же время похвалы женщинам-адресатам имели и свою несомненную специфику: круг прославлявшихся добродетелей отличался от тех, которые восхвалялись в панегириках государственным деятелям или чиновникам. Само появление женских имен в качестве адресатов стало важным фактором развития русской культуры XVIII в. Это знаменовало новое отношение к женщине: будь это покровительница, наставница, актриса, возлюбленная.[109] Обращенные к ним посвящения в печатных изданиях могли служить признанием их достоинств «пред целым светом». Такие книги читались с бóльшим интересом и привлекали внимание большего числа читателей и, что особенно важно, читательниц.

---

[109] См. также: *Кочеткова Н. Д.* Посвящения «прекрасному полу» в русских изданиях XVIII века // Russian Literature. 2014. T. LXXV. P. 321–332.

Т. Е. АВТУХОВИЧ

ЛИТЕРАТУРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ «НЕСЧАСТНЫЙ НИКАНОР, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНИНА Н********»

Взаимодействие литературы и действительности в произведении любой эпохи всегда сложно и неоднозначно и потому вызывает естественное желание читателя и исследователя разгадать возможные намеки на реальные события и найти им документальное подтверждение. Однако реконструкция жизни по литературным текстам сопряжена с определенными трудностями, которые ощутимо заявляют о себе при общении с произведениями, отделенными от читателя большой исторической дистанцией, а также созданными в так называемые «переходные эпохи», когда пересматриваются принципы взаимодействия между художественным вымыслом и реальностью и когда, с одной стороны, бытовое поведение строится по литературным моделям и именно авторитетные литературные модели определяют последующую презентацию действительности в тексте,[1] а с другой стороны, повторяющиеся в разных текстах бытовые детали и ситуации постепенно приобретают статус литературной топики. Соответственно дифференциация сюжетных клише

[1] См.: *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996; *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998 и др.

© Т. Е. Автухович, 2015

как проявлений общелитературной топики и фактов исторической действительности, а также деталей повседневного быта без обращения к разного рода контекстам становится почти невозможной.

На это в свое время обращал внимание Ю. М. Лотман, который подчеркивал «полиглотизм, эстетическое многоязычие XVIII в.», показывая, что в тех стихотворениях Державина, где современный исследователь склонен видеть реалистическую тенденцию, на самом деле присутствует эмблематическая традиция, предполагающая выявление символических подтекстов мнимо достоверного описания.[2] Возможно и обратное утверждение: там, где читатель склонен видеть исключительно использование литературной топики и авторский вымысел, на самом деле проявляется документальная основа.

Принцип эстетического многоязычия регулирует соотношение литературы и действительности и в прозе последней трети XVIII в., в которой факты и детали повседневной жизни «подсвечиваются» доминантным для автора литературным дискурсом и включаются в вымысел литературного, часто заимствованного из европейских источников происхождения. Совмещение в пределах одного произведения документального материала и разных литературных призм его осмысления обусловливает в прозе XVIII в. поистине фантастический облик и героя, и изображаемой действительности.

Данное обстоятельство определило, с одной стороны, скептическое отношение к романной прозе XVIII в. как источнику сведений об исторической реальности,[3] с другой стороны, безоговорочное признание ее достоверности.[4] На наш взгляд, напряжение между литературой и действительностью, которое характеризует целостность любого текста последней трети XVIII в., должно определять стратегию исследователя при его интерпретации, исключая абсолютизацию как вымышленного, так и документального характера

---

[2] *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 132.

[3] *Чечулин Н. Д.* Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 42–45, 621–622.

[4] *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 903–904 и др.

повествования и предполагая выявление путей «олитературивания» реальной действительности.

Характерный пример в этом отношении представляет анонимный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н********». Документальная основа произведения отличает его от других ранних образцов романного жанра в русской литературе XVIII в., что дало основания известному исследователю истории русского романа В. В. Сиповскому считать «Несчастного Никанора» результатом «романизации русской жизни».[5] В то же время В. Б. Шкловский, отдавая должное документированности повествования в первых двух частях романа, отмечал «инерционность» его третьей части; более того, считал искусственным соединение в романе документированной и сюжетной, явно литературного происхождения, линий повествования, указывая на имеющиеся многочисленные неувязки, в том числе на примитивный способ введения стихов в прозу.[6] Многие исследователи отмечали использование автором разнородных литературных традиций, в том числе плутовского, сентиментального и нравоописательного романа, акцентируя, таким образом, авторскую несамостоятельность. Указание на связь приема рамочного повествования с традицией сказок типа «1001 ночь» сводило содержание романного обрамления к вымыслу, а его функцию — к переключению внимания читателя с рассказа о драматических событиях в жизни героя на анекдотические ситуации, имевшие место в его старости.

Этапы служебной биографии героя романа совпадают с вехами жизни Александра Петровича Назарьева,[7] ранее известного своими поэтическими произведениями.[8] Архивные документы подтверждают тезис В. В. Сиповского о «романизации жизни» в произведении и не противоречат выводам В. Б. Шкловского об автономном сосуществовании в нем литературного вымысла и документиро-

---

[5] Там же. С. 672.

[6] *Шкловский В. Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929. С. 262–290.

[7] *Автухович Т. Е.* Анонимный роман «Несчастный Никанор». (Эпизод из истории формирования жанра) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991.

[8] *Автухович Т. Е., Кукушкина Е. Д.* Назарьев А. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб., 1999. С. 73–87.

ванной реальности. Дальнейшие разыскания показывают, что документальная основа романа гораздо значительнее, и позволяют считать «Несчастного Никанора» романизированной биографией А. П. Назарьева.[9]

В «Несчастном Никаноре» круг упоминаемых исторических лиц строго мотивирован и локализован служебной биографией автора/героя. Это круг людей, принадлежавших к военному, главным образом инженерному, ведомству, реже — к сферам государственного управления. Так, в романе упоминаются генерал-фельдцейхмейстер и генерал-адъютант, шеф Сухопутного шляхетного кадетского корпуса князь Василий Аникитич Репнин (1696–1748) и один из лучших военных инженеров XVIII в., полковник с 1741 г., в 1749 г. произведенный в генерал-майоры Илья Александрович Бибиков (1698–1784); вышедший в отставку генерал-аншефом полковник Матвей Андреевич Толстой (1701–1763) и известный русский военный врач и медицинский администратор, грек по происхождению Павел (Панайот) Захарович Кондоиди (1709–1760). Этот профессионально и биографически ограниченный ареал документального материала придает роману «Несчастный Никанор» мемуарный характер. Причем стоит отметить, что, нигде не обозначая времени действия, автор тем не менее скрупулезно следует реальной хронологии событий, что выявляется при сопоставлении книги с данными послужных списков упоминаемых в ней должностных лиц, и это дает возможность, во-первых, датировать описываемые в романе события, во-вторых, уточнить биографию А. П. Назарьева.

Так, если исходить из того, что описанные в первых двух частях романа события происходят в 1747 г. (именно в это время, согласно документам, Александр Назарьев командирован в Аренсбург), то упоминание в тексте об Илье Александровиче Бибикове как о полковнике показывает, что автор опирается на реальные факты, поскольку, как сказано выше, уже в 1749 г. И. А. Бибиков произведен в генерал-майоры.

Еще отчетливее мемуарная основа романа выявляется при сопоставлении его с архивными документами, касающимися других

---

[9] Справедливости ради укажем, что В. В. Сиповский называл «Несчастного Никанора» «романом-автобиографией», не аргументируя, правда, свое мнение. См.: *Сиповский В. В.* Очерки… С. 218.

персонажей. Так, упоминаемые Никанором как друзья и сослуживцы Александр Федорович Бриммер, Данила О., Шв., П. И. Козловский и И. Е. Голенищев-Кутузов действительно числятся в списках инженерного ведомства — либо вместе с А. Назарьевым «в кампании» в Риге (А. Ф. Бриммер, Данила Озеров, Петр Шванвич[10] — родственник, а может быть, однофамилец лица, послужившего впоследствии прототипом пушкинского Швабрина), либо в Смоленске, куда были отправлены после окончания инженерной школы, где учились вместе с автором романа (П. И. Козловский и И. Е. Голенищев-Кутузов[11]). Многие из них впоследствии сделали хорошую карьеру и дослужились до высоких чинов.

Интересный эпизод связан с упоминаемым в романе смоленским губернатором, к которому приводят арестованного при попытке незаконного пересечения границы Никанора. Рассказчик называет фамилию губернатора — Аршеневский. Однако смоленским губернатором Исай Захарович Аршеневский был назначен 16 августа 1760 г., но спустя три года, уже в царствование Екатерины II, обвинен в лихоимстве и отставлен. Его отец, Захарий Иванович (1730 — до 1787), тоже служил в Смоленске, но почтмейстером, а затем советником Смоленской гражданской палаты. В данном случае имеет место факт хронологического смещения. Согласно историческим свидетельствам, в период, к которому «привязывают» действие первых частей романа все другие документы (1747–1748), обязанности смоленского губернатора исполнял вице-губернатор Вилим Бриммер.[12] Возможно, сослуживец А. Назарьева Александр Бриммер, фигурирующий в романе в качестве друга главного героя, был родственником смоленского вице-губернатора, и это обстоятельство в какой-то степени проясняет недостоверное, с точки зрения современных представлений о статусных отношениях в России XVIII в., обстоятельство, что судьбой арестованного рядового кондуктора занимается сам губернатор.

Нельзя не заметить, что круг упоминаемых в романе реальных исторических лиц обусловлен не только служебной, но и личной

---

[10] РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Ед. хр. 1141, а также ед. хр. 214.

[11] ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 905. Л. 79 об.–80.

[12] См.: *Кононов В. А.* Смоленские губернаторы (1711–1917). Смоленск, 2004. С. 59, примеч. 2

биографией А. Назарьева. Например, в романе упоминается в качестве двоюродного брата героя полковник Свечин Иван Иванович. Между тем, согласно документам РГВИА, Иван Свечин, родившийся в 1715 г., получив чин полковника 8 мая 1749 г., служил обер-кригск-комиссаром «в Москве при камисариатской канторе».[13] Это указание позволяет уточнить время событий, описанных во второй части романа: предприняв отчаянную попытку перейти по льду Днепр, чтобы попасть в Польшу и там соединиться с возлюбленной Анетой, Никанор арестован и отправлен в Москву. Во время допроса он и называет имя И. Свечина, который может засвидетельствовать его личность. Можно предполагать, что скитания героя романа по военному бюрократическому ведомству в попытках получить отпуск происходят летом 1749 г. Интересно, что в исповедальной ведомости церкви священномученика Власия (г. Москва) за 1754 г. отмечены все члены семьи полковника И. И. Свечина. Достойно внимания и проверки указание В. Б. Шкловского (без ссылок на источник) о том, что в 1749 г. подполковник Свечин — начальник Алатырской провинциальной канцелярии: дело в том, что одна из наследственных деревень Назарьева находилась в Алатырском уезде, там же проживал его отец,[14] а это в свою очередь означает возможность не только родственных, но и деловых контактов между Назарьевым и Свечиным.

Реальные исторические отсылки обнаруживаются и в не столь очевидных случаях. Так, в роман включено много стихов, сочиненных главным героем. Одно из стихотворений, элегического характера, Никанор в качестве утешения подносит матери умершего ребенка, своего воспитанника. У нее редкое имя Агафоклея (в тексте — Агафеклея), что на первый взгляд кажется проявлением авторской фантазии. Однако выясняется, что в романе воспроизводится, хотя и без названия и с небольшой стилистической правкой, «Ода на день кончины артиллерии сержанта Михайла Бахметева сочинена учителем его Александром Н.....» (СПб., б. г.). Согласно библиографическому описанию, данная ода издана в 1770-е гг., автор установлен по экземпляру БАН, находящемуся в одном конволюте с дру-

[13] РГВИА. Ф. 490. Ед. хр. 623. Л. 57 об.
[14] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 536.

гими произведениями А. Назарьева.[15] Выясняется также, что Алексей Иванович Бахметев (1729–1799) — человек, оставивший заметный след в истории Пензенского края: выйдя в отставку в чине секунд-майора, он в 1764 г. получил разрешение от Екатерины II на строительство в его наследных землях в селе Николо-Пестровке (по другим данным — Никольская Пестровка) Пензенской губернии стекольной и хрустальной фабрики и основал успешное производство. Имя жены А. И. Бахметева — Агафоклея Ивановна. Так становится очевидным документальный характер эпизода поднесения элегии. Но если «милостивец», в доме которого живет Никанор, это и есть отец Михаила Бахметева, то соответственно можно предположить, что и в обстоятельствах жизни Никанора, о которых рассказывается в романном обрамлении, также прослеживаются какие-то детали биографии Назарьева.

Значимым в данном контексте оказывается и то обстоятельство, что отец А. И. Бахметева, Иван Иванович Бахметев, в 1729 г. был назначен воеводой в Алатырь;[16] более чем вероятно, что отец Назарьева по делам службы был знаком с ним: из документов следует, что в 1720 г. Петр Назарьев по указу правительствующего Сената определен в нижегородскую губернию земским комиссаром, затем был «в нижегороцкой губернии у свидетельства пустот и у взыскания доимок и *отправлял в небытность воевод воевоцкие должности беспорочно*»[17] (курсив мой. — *Т. А.*), а это означает, что временный и вновь назначенный воеводы должны были встречаться. Территориальные и биографические пересечения в свою очередь объясняют появление в доме А. И. Бахметева Никанора-Назарьева.

Связь с реальностью прослеживается и в любовной канве романа. В свое время В. Б. Шкловский настаивал на сугубо книжном происхождении образа Анеты, считая, что любовь Никанора к красавице из окошка, а также вся ее судьба заимствованы автором из литературных источников. Особенно подозрительным Шкловский считал ее иностранное, французское, происхождение. Однако обра-

---

[15] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. II. К–П. М., 1964. С. 278 (№ 4432).

[16] *Ф. Р-й*. Бахметев И. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 603.

[17] РГАДА. Ф. 286. Д. 249. Л. 825.

тим внимание на то, что героиня ставшего роковым для служебной карьеры Никанора любовного увлечения названа в тексте дочерью покойного французского полковника Де Клапир де К. Под этим именем, возможно, скрывается француз Де Клапье де Кулон (ум. в 1744 г.), находившийся на русской службе с 1712 г., сделавший в России стремительную карьеру и в конце жизни курировавший Артиллерийский корпус, в том числе и инженерную школу, где с весны 1743 г. учился А. Назарьев.

Когда героиня, переодевшись в мужское платье, убегает из дома, она называет себя «вымышленной фамилией» Блюм. Но в списках инженерного ведомства есть сведения о том, что в 1748 г. из инженерного корпуса «выключен» кондуктор фон Блюм, который был сослуживцем Назарьева. Аналогичная ситуация имеет место, когда, спасаясь от опасности, Анета уезжает в Варшаву к другу добродетельного Шпангута купцу Берхану и называет себя дворянином Демарином, который якобы приходится племянником ее отцу Де Клапиру де К. Однако в документах инженерного ведомства за 1746 г. значатся рисовальных дел мастер Берхан и служивший в гарнизоне Санкт-Петербурга инженер-майор Демарин.[18]

Эти факты в равной степени могут быть доказательством как вымышленности героини (в таком случае автор просто использовал знакомые ему фамилии), так и отражения в ее судьбе и судьбе героя каких-то реальных событий. Сегодня, по прошествии более двухсот лет, трудно, почти невозможно выяснить, была ли причиной отставки Назарьева любовная история, как это мотивировано в романе; было ли использование имен сослуживцев и просто знакомых лиц своеобразной авторской игрой или имеет место трансформация реальных событий, однако не исключено, что в жизни Назарьева была подобная любовная история, а это означает, что воспринимаемое сегодня как вымысел может оказаться событием жизни писателя.

Так, можно предположить, что, как и его герой Никанор, он был межевщиком,[19] разорился и узнал нужду; служил учителем в бога-

---

[18] ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ. Д. 905, 582.

[19] В Каталоге Писцового архива Межевой канцелярии, в котором отражено содержание Дел Приказного стола Межевой канцелярии, содержится информация о том, что в июне 1769 г. подканцелярист Назарьев подал прошение о выдаче ему

том доме, а в конце жизни, придя в нищенское состояние, стал приживалом.[20] Возможно, торопливый «эпилог» романа, из которого становится ясно, что перед смертью Никанора разбил паралич, также каким-то образом соотносится с последними днями жизни автора и может служить основанием для определения даты смерти А. Назарьева — не ранее, а может быть, и не позднее 1789 г.

Знакомство с документами обнаруживает на первый взгляд незначительные совпадения, которые в то же время приобретают значимость, «населяя» пространство вокруг Назарьева и выявляя связи между автором и его героем. Так, в третьей, наиболее условной, части

жалованья (РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2, ч. 1. Л. 166; выражаю благодарность А. А. Голубинскому за предоставление данной информации). Само дело, как свидетельствует позднейшая пометка, было уничтожено в 1872 г., поэтому невозможно с полной уверенностью утверждать, что этот документ имеет отношение к автору и герою нашего романа, то есть что данное прошение было подано именно А. П. Назарьевым. Однако вероятность совпадения велика. На это указывает совокупность по крайней мере трех факторов: совпадение фамилий автора романа и просителя; указание героя романа на то, что он служил межевщиком; время подачи прошения (1769 г.) и время проведения межевания в Московской губернии (1766–1768), где, согласно географии его публикаций в 1760-е гг., обретался Назарьев. Совпадение знаменательно еще и потому, что оно не противоречит проскальзывающим в романе намекам на нищенское положение героя в разные годы жизни. Добавим, кстати, что подканцеляристы, приказные служители, занимавшиеся переписыванием различных бумаг, относились к низшей группе чиновников, самой многочисленной и самой низкооплачиваемой; эти должности, как правило, занимали выходцы из бедных слоев, не дворяне. То обстоятельство, что служилый дворянин Назарьев оказался в этой среде, свидетельствует о его крайне тяжелой жизненной ситуации. В любом случае этот «след» тоже может стать (при дальнейших разысканиях) подтверждением биографической основы романа.

[20] В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1787 г., в № 1, на странице 23 помещено любопытное объявление: «Некоторый с достоинствами офицер желает определиться в какой-либо знатный дом для домоводства или для управления вотчин, при чем он обещает служить беспорочно, со всякою точностию и усердием. О жительстве его спросить можно у вдовствующей г. Баронши Ирины Захарьевны фон Фридрихши, за инженерным кадетским корпусом». Вряд ли можно утверждать, что данное объявление имеет прямое отношение к герою нашего сюжета, хотя указание на Инженерный кадетский корпус делает такое предположение не невозможным. Речь в данном случае о том, что ситуация обнищания, отсутствия жилья и надежного источника доходов была в то время распространенной, и в этом отношении судьба героя романа Назарьева была типичной, чем в немалой степени объясняется его популярность.

романа Никанор упоминает, что, приехав по имущественным делам в Петербург, он с семьей остановился на Большой Морской улице. Однако главный типографщик И. К. Шнор, у которого Назарьев в 1775 г. издал первую часть своего романа, в это время тоже живет «в Большой Морской, в доме господина Абухова».[21] При этом лихорадочные перемещения героя из Москвы в Петербург и обратно, описанные в третьей части романа, могут быть соотнесены с географией публикации А. Назарьевым своих произведений в разные десятилетия его жизни.

Отец Назарьева служил при взыскании доимок с раскольников, и этим биографическим обстоятельством, очевидно, объясняется упоминание в третьей части романа «Несчастный Никанор» о знакомстве героя со старообрядческой верой.

Как любопытное, хотя и косвенное, свидетельство, которое может «документировать» третью часть романа, можно рассматривать сведения в материалах второй ревизии (1744 г.) по Алаторскому уезду о том, что отец Александра Назарьева Петр Назарьев имел крепостных в селе Сара и в других деревнях Алатырского уезда — в деревне Масловка 17 душ, в селе Липовка 82 души,[22] здесь же указывается, что эти души «были прежде за братом Иваном Ильиным Назарьевым»; согласно документам, и крестьяне села Сара также ранее принадлежали Ивану Ильину Назарьеву.[23] Возможно, эти сведения проливают свет на описанные в третьей части имущественные тяжбы между Никанором и его двоюродными сестрами. Обобравшая Никанора двоюродная сестра извещает приказчика «села Л…» о том, что все крепостные этого села принадлежат ей, а не прежнему хозяину Никанору: за сокращением Л… может скрываться упоминаемое в документе село Липовка.

Интерес в этом контексте представляет письмо Петра Назарьева из Липовки помещику П. С. Пазухину от 26 сентября 1732 г., в котором он просит адресата «отдать немедля недоплаченные 3 рубля, чтоб мне доброму человеку не солгать»:[24] письмо характеризует отца А. П. Назарьева как порядочного человека, кроме того, под-

---

[21] Собрание новостей ежемесячное. Сентябрь. СПб., 1775. С. 3 об.

[22] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 532 и 633 об.

[23] Там же. Ед. хр. 38. Л. 117.

[24] РГБ. Паз. XVII/91.

утверждает версию о том, что история обнищания героя романа Никанора отражает аналогичные события в жизни писателя.

Все, что сегодня известно об А. Назарьеве, позволяет предположить, что он, как правило, опирался на связи, знакомства; соответственно в истории Никанора и его семьи, какой она предстает в третьей части и в романном обрамлении, тоже, скорее всего, имеет место реальная основа, отсылающая к биографии А. Назарьева.

Однако реальная историческая действительность отразилась в романе не только деталями биографии Назарьева, но и повседневной жизнью эпохи. Безусловно, соотношение литературной традиции и документального материала в разных частях романа неравнозначно: в первой части служебная биография А. Назарьева как бы «упакована» в романический сюжет; реальные впечатления о быте и нравах жителей Риги, о самом городе, где происходит действие, не проникают в рассказ героя; «установка на подлинность» (Л. Я. Гинзбург), которая проявляется в биографических сведениях, в форме повествования от первого лица, носит ограниченный характер и не противоречит условно-литературной картине мира. Во второй части «романизация жизни» уступает место «мемуаризации романа», условная стихия почти полностью вытесняется историческим материалом: герой встречается с реальными людьми, чьи фамилии, должности указываются в тексте, повествование начинает походить на дневник или мемуары, влияние «литературы» минимально. В третьей части взаимодействие реального жизненного материала с условно-литературным осуществляется по иным законам: по словам В. Б. Шкловского, в мир документированной реальности вдруг врывается «инерционная стихия» — появляются условные имена Смирена, Правосуд, Огорчена,[25] характерные для поэтики сатирической прозы и комедии XVIII в. Однако именно в третьей части, а также в некоторых фрагментах романного обрамления наиболее полно отразились приметы повседневной жизни представителей разных социальных слоев: городской демократической среды, сельских помещиков, крестьян, раскольников. «Несчастный Никанор», начавшийся как романизированная биография, стремится стать социально-бытовым романом.

---

[25] *Шкловский В. Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. С. 279.

Закономерности литературного процесса в целом и типологические свойства массовой литературы позволяют объяснить заметное отличие между соответственно первой и второй частями романа и его третьей частью. Массовая литература, прологом которой можно считать «низовой» роман XVIII в., всегда склонна эксплуатировать коммерческий успех; «серийность» является характерной особенностью произведений данного рода литературы. В этом отношении «дописывание» романа спустя десять лет соответствует законам массовой литературы. В то же время автор должен учитывать изменяющуюся конъюнктуру и ожидания читателя. Было ли это результатом осознанной авторской рефлексии А. Назарьева или нет, но нельзя не признать, что изменение жанровых традиций от первых частей к заключительной третьей достаточно точно отражает изменение эстетических вкусов русской читательской аудитории от десятилетия к десятилетию: внедрение биографического элемента в роман и внимание к эмпирической действительности свидетельствуют о возникновении в обществе интереса к индивидуальной судьбе, к индивидуальному опыту — в противовес господствовавшему в риторическую эпоху интересу к общему, универсальному.

По мнению В. В. Сиповского, роман «Несчастный Никанор» отличает от произведений его современников бытовая достоверность: «…все детали этой широкой картины до такой степени правдивы и жизненны, что <… > роман имеет историческую ценность самых беспритязательных записок, в роде записок Болотова», и даже несомненная «литературность» патетических монологов и мелодраматических излияний героев не может снизить общее впечатление подлинности человеческого документа.[26]

В последней трети XVIII в. в повседневной жизни русского дворянства появились новые явления, связанные с организацией быта и досуга, которые отразились в «Несчастном Никаноре». Увлечение игрой в карты, занятия живописью, стихотворством, хиромантией и гаданием на картах, устройство садов в поместьях обусловили появление соответствующих эпизодов в жизни Никанора. Так, потеряв в результате происков двоюродных сестер имение, попытав счастье в делании «веерков разных сортов, деревянных и ко-

[26] *Сиповский В. В.* Очерки. С. 673 и 696.

стяных, также и из морских раковин на тафте и на пергаменте с живописью»,[27] герой занялся рисованием картин. Фигура живописца была характерна для тогдашней провинции: картинами украшали свои имения помещики, а также купцы, ремесленники, представители духовенства.

В дальнейшем Никанор по совету друзей начинает в качестве домашнего учителя обучать детей «инженерной и артиллерийской науке». В одном доме он быстро научил своих подопечных арифметике и геометрии, не утруждая, впрочем, их и себя; в другом доме занятия велись более строго: «поутру в семь часов обучались они (сыновья хозяина. — *Т. А.*) до одиннадцати часов арифметике, а пополудни третий час рисовали, потом до шестого часу учились геометрии».[28] Учиться рисованию начала и семнадцатилетняя дочь хозяина, что по законам романного повествования быстро сменилось «наукой страсти нежной». Стоит заметить, что обучение девушек искусствам началось в России именно в последней трети XVIII в. Одного из детей «своего милостивца» Никанор учил не только арифметике и геометрии, но и стилю писем на русском языке, в то время как другие учителя обучали ребенка французскому и латинскому языкам. Выбор предметов отражает практику тогдашнего образования.[29]

Помимо учительских обязанностей, герой выполняет и другую работу. Так, он занимается планированием садово-паркового пространства, и в описании его проектов угадываются характерные для обустройства быта 1760–1770-х гг. тенденции и вкусы: «Итак, приехали мы благополучно в деревню, а как оный господин еще недавно расположился жить в оной, то и построил новый домик в одной небольшой, но положением места прекрасной долине, на самом крутом берегу большой реки; в прочем ни саду, ни прудов и никакого украшения еще не было сделано <…> итак, сняв я ситуацию на бумагу, сделал проспективную дорогу от дому его прямо к городу <…> оный берег до самой воды украсил некоторыми ре-

---

[27] Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*******. М., 1789. Ч. 3. С. 89 (в этом издании количество звездочек семь, а не восемь, как в других).

[28] Там же. С. 154–155.

[29] *Чечулин Н. Д.* Русская провинция. С. 565–571.

гулярными расположениями и хорошую для шлюбок сделал пристань; по обе ж стороны того домику по батарее, и на каждой поставлено было по осьми пушек, у него ж были в той деревне две изрядные шлюбки, то когда случалось в оных прогуливаться, тогда с батарей производилась пальба».[30] Дом на горе, регулярный парк, пальба из пушек соответствуют провинциальной моде, поскольку дворяне переносили в свои деревни все, что видели в столицах.

В романном обрамлении, где рассказывается о жизни главного героя «в отдаленном от столицы городе», также отразились приметы повседневной жизни провинции. Бедный приживал Никанор оказался вхож в разные дома, потому что умел угодить хозяйкам: «играл с ними в маленькую игру для препровождения времени — в кадриль и в ломбер; между тем употреблял всякие пристойные шутки, пел и сочинял песни; также сочинял оды и всякие увеселительные стишки, смотрел им на руки, будто бы учен он был хиромантии <…> сказывал им сказки и истории, на святках производил с ними всякие игры и гадания, в маскерадах одевался в женское платье; словом сказать, все то делал, что в угодность им служило».[31] Это описание показывает, что в русском провинциальном быте приметы нового уживались с чертами патриархального устройства: так, в пределах процитированного отрывка фигурируют старинные святки и новомодные маскарады, сказки и оды.

В романе отразились и простота нравов, грубоватые шутки и развлечения русского провинциального дворянства. Например, рассказывается о том, как скуки и вредности ради одной госпожой была разыграна мнимая смерть Никанора, который якобы утонул в пруду, в результате чего веселый пикник с его участием, задуманный компанией молодых дам, обернулся безуспешными поисками мнимого утопленника. Глупая история не вызвала ни у кого неприятия, напротив, все «весьма много смеялись такой выдумке».

Простота нравов русской провинции контрастирует с «политичным» обхождением дворян острова Даго, быт которых несет следы европейского культурного пространства: у ученой дамы Ловизы большая библиотека, по словам ее мужа, она «промотала» его со-

[30] Несчастный Никанор. Ч. 3. С. 153–154, 160.
[31] Там же. Ч. 1. С. 5.

стояние именно на книги. Состав библиотеки отражает энциклопедические пристрастия века Просвещения: «Всяких по малой части имею <…> имею также отчасти инженерных и артиллерийских, а по большей части астрологических и ботанических».[32] В доме есть «астрономическая труба», хозяйка и ее дочь владеют языком иносказаний, принятым в европейских салонах. Разговор с хозяйкой дома «о некоторых физических вещах» заставил героя бледнеть и краснеть, поскольку образование, полученное им в инженерной школе, не соответствовало кругозору европейского дворянства.

Жизнь входит в роман «Несчастный Никанор» и в собственно литературном, поэтическом преломлении: впервые в русской литературе именно в этом произведении появляется пишущий герой, поэт, в текст включено множество стихотворений, написанных им по разным поводам. В этом также отразилась характерная особенность дворянского быта: Н. Д. Чечулин отмечает, что начиная с 1760–1770-х гг. стихотворство наряду с занятиями живописью стало почти обязательным в среде среднего дворянства, а в 80-е гг. умение «слагать стихи стало почти требованием моды».[33]

Что же перед нами: мемуаризованный роман или романизированная биография? Другими словами, что стояло у истоков произведения — литературные образцы или жизнь? Думается, и то и другое. Вводя исторически достоверный и биографический материал в романное повествование, используя форму повествования от первого лица, А. Назарьев опирался на традиции как переводного западноевропейского, так и отечественного романа. Эти приемы позволяли романистам обеспечить доверие читателя к романному вымыслу. Кроме того, в контексте истории массовой литературы документальные и биографические интерполяции в романное повествование являются типологическим свойством поэтики подобного рода произведений, которые ориентированы на буквальное воспроизведение повседневности во всех ее неуловимых подчас приметах.

Важно и другое. Сопряжение литературы и документа в романном тексте может быть интерпретировано и как своеобразная пси-

---

[32] Там же. Ч. 2. С. 10.

[33] *Чечулин Н. Д.* Русская провинция. С. 507–508.

хологическая компенсация для автора, который таким образом «проигрывает» возможные варианты своей судьбы, представляя себя в масках разных литературных героев. Для А. Назарьева (если считать, что автором романа был все-таки он), который, скорее всего, принадлежал к категории «несчастных» героев, не выдерживающих схватки с судьбой, о чем недвусмысленно свидетельствуют обстоятельства его биографии, отразившиеся в романе, такой компенсацией была ролевая маска победителя женских сердец. Однако в контексте обозначенного в статье перехода вымысла в документ вполне можно предположить, что и истории любовных побед Никанора были не вымышленными, а вполне реальными событиями жизни автора романа. Это означает, что дальнейшие поиски в архивах могут полностью документировать роман и благодаря этому не только восстановить имя автора, но и историю его жизни.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

«СТИХОТВОРЕНИЕ АНАКРЕОНА ТИЙСКОГО» (1794) КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ*

1. Об изучении «Стихотворения Анакреона Тийского» (1794)

«Стихотворение Анакреона Тийского» (СПб., 1794) — крупнейший переводческий труд Николая Александровича Львова, во многих отношениях итоговый, впечатляющий масштабностью замысла.[1] Издание состоит из предисловия, трех книг стихов (греческие оригиналы расположены здесь vis-à-vis с их русскими переводами) и обширных комментариев к ним. Хотя имя переводчика в самой книге не указано, авторство Львова было хорошо известно в литературных кругах при его жизни; посмертно о нем было заявлено уже в первом печатном некрологе Львова, написанном митрополитом Евгением (Болховитиновым).[2]

---

* Выражаю сердечную признательность А. В. Вознесенскому, А. К. Гаврилову, С. А. Завьялову и Д. О. Торшилову за прочтение данной работы в рукописи и высказанные соображения.

[1] Для этого достаточно сравнить «Стихотворение Анакреона Тийского» с ближайшими по времени аналогичными публикациями: подборкой из девяти переводов, «присовокупленных» к книге И. И. Виноградова «Стихотворения Сафы лесбийския стихотворицы» (1792), и с «Анакреоновыми стихотворениями», переведенными И. И. Мартыновым (1801).

[2] [*Евгений (Болховитинов)*]. Памятник Н. А. Львову // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 194–196. «Стихотворение Анакреона Тийского» упомянуто и в первом

© К. Ю. Лаппо-Данилевский, 2015

Державин и Капнист, ближайшие друзья, родственники и единомышленники Львова, не только приветствовали стихами выход «Стихотворения Анакреона Тийского» из печати (об этом далее), но и оставили убедительные свидетельства художественного воздействия книги Львова на их творчество. Так, создавая «Анакреонтические песни»,[3] Державин опирался главным образом на львовские переводы и со свойственной ему смелостью продолжил русификацию Анакреонта, Львовым лишь намеченную. Исследователи не без оснований говорят о важных импульсах, данных «Стихотворением Анакреона Тийского» и анакреонтике Капниста, и его подражаниям Горацию.[4]

В 1810 г. Державин написал стихотворение «На гроб переводчика Анакреона Н. А. Львова и его супруги в селе Никольском»; из его заглавия нетрудно заключить, что́ Державин полагал главной литературной заслугой своего друга, названного здесь «русским Анакреоном».[5]

Интенсивное освоение античного наследия в первой трети XIX в., улучшение классического образования, сказывавшееся и в лучшем знании древних языков, и античной метрики, а также впечатляющие успехи собственно в области художественного перевода — все это настраивало более молодых литераторов, скорее, на критический лад по отношению к рецепции классических авторов участниками львовско-державинского содружества.[6] Не удивительно поэ-

---

жизнеописании Львова как труд, бесспорно ему принадлежащий: [*Львов Ф. П.*]. Львов: (Биографии российских писателей) // Сын отечества. 1822. Ч. LXXVII, № 17. С. 120.

[3] Державин не был доволен первым отдельным изданием «Анакреонтических песен» (СПб., 1804); с дополнениями, но без нарушения общей композиции книги она была перепечатана в третьей части его «Сочинений» (СПб., 1808).

[4] См. раздел оды «Горациянские и анакреонтические» в кн.: Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 165–212.

[5] См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1866. Т. III. С. 444. Высокое мнение о «Стихотворении Анакреона Тийского» сохранял до конца жизни другой родственник Львова — А. М. Бакунин. В поэме «Осуга» (создавалась в 1810–1820-е гг. для семейного круга) он писал: «Львов перевел Анакреона, / Гомера — Гнедич воскресил» **(**Наше наследие. 1994. № 29/30. С. 56 (публикация Д. И. Олейникова)**)**.

[6] Наиболее ярким тому примером следует признать полемику о русском гекзаметре: *Уваров С. С.* Письмо к Н. И. Гнедичу о греческом экзаметре // Чтение

тому, что уважительное и сочувственное отношение к труду жизни Львова постепенно сменяется в литературных кругах пренебрежительным, и в 1844 г. Белинский в пятой статье о Пушкине объявляет книгу Львова совершенно устаревшей, не выдерживающей никакого сравнения с переводами Пушкина и Батюшкова:

> До Пушкина было довольно переводов из греческих поэтов, равно как и подражаний греческим поэтам; не говоря уже о попытке Кострова перевести «Илиаду» и о многочисленных переводах и подражаниях Мерзлякова, много было переведено из Анакреона Львовым; но, несмотря на все это, за исключением отрывков из переводимой Гнедичем «Илиады», на русском языке не было ни одной строки, ни одного стиха, который бы можно было принять за намек на древнюю поэзию.[7]

Не столь максималистской, но все же довольно прохладной была оценка «Стихотворения Анакреона Тийского» в XIX столетии в академических кругах. Грот, издатель многотомного собрания сочинений Г. Р. Державина, невысоко ставил оригинальный поэтический дар Львова, но с довольно большим пиететом отзывался о его переводной книге. При этом Грота в наибольшей степени интересовало значение «Стихотворения Анакреона Тийского» для оригинального творчества Державина; в комментариях к многотомному собранию сочинений поэта ученый скрупулезно отмечал разнооб-

---

в Беседе любителей русского слова. 1813. Чт. 13. С. 56–68; [*Гнедич Н. И.*]. Ответ Гнедича [на письмо С. С. Уварова о греческом экзаметре] // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1813. Чт. 13. С. 69–86; [*Капнист В. В.*]. Письмо В. В. Капниста к С. С. Уварову о экзаметре // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 15. С. 18–42; *Уваров С. С.* Ответ В. В. Капнисту на письмо его об эксаметре // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 15. С. 47–66. Отмечу, что исследователи творчества Пушкина полагают, что поэт был знаком со «Стихотворением Анакреона Тийского», хотя никаких документальных доводов тому не приводят (*Федотова С. Б.* Анакреонт // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к Пушкинской энциклопедии. С. 11–12). Для позднейших переводов Пушкина из Анакреонта книга Львова, кажется, значения не имела.

[7] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. VII. С. 323. Данная цитата весьма любопытна в связи с тем, что Белинский, друг М. А. Бакунина, в 1830-е гг. неоднократно посещал Прямухино, имение его отца. Литература неоднократно становилась темой бесед Белинского и А. М. Бакунина; обсуждалась и поэма «Осуга» (см. письмо Белинского А. М. Бакунину от 1 августа 1838 года: Там же. Т. XI. С. 256–258; ср. примеч. 4).

разные параллели и заимствования из перевода Львова.[8] Отсутствие сколько-либо объемных перепечаток львовских переводов также негативно сказывалось на их известности.[9]

Обзор усвоения классического наследия русской культурой XVIII в., предпринятый в 1910-х гг. Н. Н. Кутателадзе, был во многих своих частях лишь предварительным. Все же можно лишь удивиться, что в разделе, посвященном анакреонтике,[10] разбор перевода 1794 г. фактически отсутствует. При анализе «Анакреонтических песен» Державина Кутателадзе ссылается лишь на случай заимствования отдельных образов и тем из «Стихотворения Анакреона Тийского», установленных еще Я. К. Гротом в «Сочинениях Державина». Отсюда же были почерпнуты сведения о важной роли Львова в львовско-державинском кружке, о его влиянии на Державина и т. д.

Постепенное пробуждение интереса к анакреонтической поэзии XVIII столетия и все большее понимание ее художественных достоинств поначалу никак не отразилось на изучении «Стихотворения Анакреона Тийского».[11] Наконец в 1958 г. в томике русской

---

[8] См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. I. С. 589; Т. II. С. 70–72, 131–133, 176–177, 183, 391–392, 420–423, 425–426, 430, 442, 495 et passim.

[9] Так, в издание, подготовленное А. Тамбовским, вошло всего три львовских перевода (*Анакреонт*. Первое полное собрание его сочинений в переводах русских писателей, сост. А. Тамбовский. СПб., [1896]. С. 60–61, 74). В связи с этим следует упомянуть о планировавшейся перепечатке некоторого числа переводов Львова в антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах», готовившейся в нач. 1910-х гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых (об истории этого начинания см. подробнее: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–205). Материалы раздела «Анакреонтические поэты» сохранились: РГБ. Ф. 583 (В. О. Нилендер). Карт. 1. Ед. хр. 5, 8, 26.

[10] *Кутателадзе Н. Н.* К истории классицизма в России. Анакреонтические песни в русской литературе XVIII столетия // Филологические записки. 1915. № 155. Вып. 4. С. 503–504.

[11] Так, в важнейшей статье Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде», подробно анализирующей специфику этого жанра в его взаимосвязанности с корпусом переводов эллинистической анакреонтики, «Стихотворение Анакреона Тийского» упомянуто лишь мимоходом (*Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 111).

поэзии XVIII в. в малой серии Библиотеки поэта были перепечатаны десять од из «Стихотворения Анакреона Тийского».[12] Включение львовских переводов в столь авторитетный свод, адресованный широкому читателю, означало прежде всего признание их высоких художественных достоинств, что поначалу почти не сказалось на усилении исследовательского интереса к ним.[13]

На назревшую потребность осмысления русской анакреонтической поэзии в значительной мере ответили «Исследования анакреонтической оды в русской литературе эпохи классицизма и сентиментализма» Дорис Шенк, где специфике «Стихотворения Анакреона Тийского» было впервые уделено должное внимание.[14] В монографии Дорис Шенк учтены журнальные публикации анакреонтических стихов и переводов анакреонтики в России на протяжении XVIII столетия, составлен их хронологический перечень.[15] Несмотря на скорее дескриптивный подход к изучаемому явлению и

---

[12] Поэты XVIII века / Вступ. статья Г. П. Макогоненко. Подгот. текстов и примеч. Г. П. Макогоненко, И. З. Серман. Л., 1958. Т. 2. С. 320–331. Еще более объемна подборка во втором издании большой серии «Библиотеки поэта» (21 ода): Поэты XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Серман. Л., 1972. Т. 2. С. 212–223. Эти издания стали источниками дальнейшего тиражирования. Например: Чудное мгновенье. М., 1988. Ч. 1. С. 29–30; Гимн любви. М., 1991. С. 43 и др. издания.

[13] Так, в статье Ч. Л. Дрейджа «Анакреонтика и русская поэзия XVIII века» (1962) разбор «Стихотворения Анакреона Тийского» занимает менее страницы. Здесь некритически повторены сведения о подготовке Евгением Булгарисом подстрочника для Львова, с современных позиций русскому поэту сделаны упреки за неточность и неудачные добавления (*Drage C. L.* The *Anacreontea* and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. XLI. No 96. P. 110–134). Еще более краток анализ в статье: *Ионин Г. Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 169. Ср. также: *Ионин Г. Н.* Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. Отв. ред. Г. П. Макогоненко. М., 1986. С. 346–348.

[14] *Schenk D.* Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt a. M., 1972.

[15] Пропуски, кажется, незначительны: это, к примеру, анакреонтические стихи М. Н. Муравьева (*Муравьев М. Н.* Переводные стихотворения. СПб., 1773. С. 9, 14) и Н. П. Осипова (*Кокорев А. В.* «Труды разумных общников»: (Рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86. Вып. 7. С. 36–38).

рассмотрение в одном ряду как подражаний Анакреонту, так и переводов греческой анакреонтики, исследование немецкой коллеги — крупнейшая работа подобного рода, сделавшая возможным комплексное изучение интереснейшего жанра русской поэзии XVIII в.

Дорис Шенк уделила «Стихотворению Анакреона Тийского» пять страниц в своей монографии:[16] она впервые привлекла в качестве исследуемого материала текст предисловия, отметила противопоставление Львовым античного поэта писателям Нового времени, охарактеризовала львовские комментарии. В целом, по мнению Д. Шенк, филологический успех русского поэта следует оценить более высоко, чем поэтический,[17] с чем, как постараемся показать, нелегко согласиться.

Перепечатка «Стихотворения Анакреона Тийского» в томе «Избранных сочинений» Львова (1994), впервые объединившем наиболее важные литературные произведения поэта, в почти полном составе (лишь комментарии предстали в несколько сокращенном виде)[18] стала и признанием высоких художественных достоинств львовских переводов, и важным импульсом к их дальнейшему изучению.[19] Ряд соображений и наблюдений, высказанных мною в примечаниях к «Избранным сочинениям» весьма сжато, в данной статье представлен в развернутом виде; особое внимание уделено аспектам, не получившим в научной литературе до сих пор должной разработки.

---

[16] *Schenk D.* Studien zur anakreontischen Ode. S. 116–121.

[17] Ibid. S. 121.

[18] *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. При цитации этого издания ссылки даются в тексте с аббревиатурой ИС и указанием страниц.

[19] Я имею в виду прежде всего следующие научные работы: *Чернышева Л. В.* Эволюция анакреонтики в русской поэзии XVIII в.: Дис. … канд. филол. наук. Оренбург, 2002. С. 87–112 (на правах рукописи); *Милюгина Е. Г.* Н. А. Львов и «Русский Анакреон» // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4 (3). С. 764–769. Из многочисленных работ последнего времени, убеждающих в общем росте научного интереса к отечественной анакреонтике XVIII столетия, следует в первую очередь указать монографию: *Салова С. А.* Утро русской анакреонтики. А. Д. Кантемир. М. В. Ломоносов. А. П. Сумароков. М., 2005.

Завершая обзор исследований, посвященных «Стихотворению Анакреона Тийского», необходимо оговорить, что бóльшая часть стихов, написанных, по мнению Львова, древнегреческим лириком (в этом он разделял заблуждения своего времени), в действительности Анакреонту не принадлежит. Это анакреонтика, корпус подражаний, возникших в период позднего эллинизма, созданных «в модной тогда дилетантской манере»; в их принадлежности Анакреонту до XIX столетия никто не сомневался.[20] Древнегреческая анакреонтика сохранена для потомства Палатинской антологией (Anthologia Palatina), пятнадцатитомным сводом эпиграмматической по преимуществу поэзии, составленным в X в. византийским грамматиком Константином Кефалой. Как корпус подлинных произведений Анакреонта античные подражания его поэзии были впервые опубликованы Анри Этьенном в 1554 г. Вероятно, большим разочарованием для Львова было бы узнать, что из 75 переведенных им стихотворений античному поэту принадлежат лишь оды LVI–LX, фрагменты LXII–LXVII,[21] эпиграммы I–VII.[22] Здесь и далее вынужденно повторяются подчас произвольные, а подчас и неверные определения, унаследованные Львовым от А. Этьенна и А. Дасье.[23] Так, например, эпиграмма VII — это в действительности фрагмент элегии. Ни в корпус произведений Анакреонта, ни в корпус анакреонтики эпиталама LXI ныне не включается.[24]

---

[20] *Crusius O.* Anakreon // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1894. Bd. 1: Aal–Apollokrates. Splt. 2045–2046; *Robbins E.* 1) Anacreontea; 2) Anakreon // Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hrsg. von H. Cancik und H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1996. Bd. 1: A–Ari. Splt. 639–641, 646–649. Общий абрис рецепции анакреонтики в Новое время см.: *Zehman H.* Anakreontische Dichtung, Anakreontik // Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hrsg. von H. Cancik u. a. Stuttgart; Weimar, 1999. Bd. 13: Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte. A–Fo. Splt. 130–133.

[21] Poetae melici Graeci / Ed. D. L. Page. Oxford, 1962. № 395, 356a, 505d, 348, 417, 360–362, 427, 434, 408. Выражаю признательность С. А. Завьялову за консультации при идентификации стихотворений.

[22] Further Greek Epigrams / Ed. by D. L. Page. Cambrige, 1981. № 2, 1, 3, 5, 17, 18; Iambi et elegi Graeci ante alexandrum cantati. Edidit M. L. West. Oxonii, 1972. Vol. II. № 2.

[23] Об изданиях А. Этьенна и А. Дасье и их роли при публикации стихов Анакреона и анакреонтики см. ниже в третьем разделе.

[24] Эта эпиталама («Θεάων ἄνασσα Κύπρι…») была процитирована как произведение Анакреонта Андреасом Шоттом по тогда еще неизданной рукописи

Сам Львов полагал, что в его книге есть лишь одно стихотворение другого автора — Юлиана Египетского. Поэт озаглавил его, не смутившись сгущением разножанровых дефиниций: ода LXVIII «Надгробная надпись Анакреону, Иулианом сделанная»; оно почерпнуто также из «Палатинской антологии» (кн. VII, 32).

В заключение раздела хотелось бы подробно остановиться на истории планировавшегося переиздания «Стихотворения Анакреона Тийского». В начале 1970-х гг. С. Р. Долговой в Научной библиотеке Центральных государственных архивов СССР (в коллекции ЦГАДА, ныне РГАДА) был обнаружен экземпляр книги с поправками, указывающими на подготовку второго издания; он содержит два стихотворения — Державина и Капниста. Исследовательница в первую очередь обратила внимание на неизвестное стихотворение Державина и именно ему посвятила свою статью. В ходе работы над ней было установлено, что обнаруженные пометы сделаны рукой В. В. Сумарокова,[25] секретаря Львова. Поэтические тексты своих друзей Львов, судя по всему, предполагал включить во второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского» и тем подчеркнуть его связь с другими издательскими предприятиями львовско-державинского кружка.

Существование специальной статьи о пометах в экземпляре РГАДА, написанной совместно с Долговой,[26] делает целесообразным перечисление здесь лишь ее основных выводов. В начале 1800-х гг. работа над вторым изданием «Стихотворения Анакреона Тийского» только начиналась, и Львов поручил своему секретарю внести в книгу пометы, сделанные в рукописи или в корректуре. Это объясняет отсутствие в тексте маргиналий Львова, а также то,

---

византийского писателя Феодора Продрома, жившего в XII в. (*Schottus A.* Observationum humanorum libri V. Hanoviae, 1615. P. 120), в диалоге которого «Амарант» она содержится (Theodori Prodromi philosophi Rodanthes et Dosiclis amorum libri IX. Interprete G. G. Molinensi. Parisiis, 1625. P. 465, 467). В корпус анакреонтики эта «эпиталама» введена без достаточных оснований Анной Дасье (№ 70 ее издания; у А. Этьенна ее нет); научные издания анакреонтики XIX–XX вв. ее игнорируют.

[25] *Долгова С. Р.* Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 1972. № 2. С. 117–119.

[26] *Долгова С. Р., Лаппо-Данилевский К. Ю.* Работа Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона // XVIII век. Л., 1990. Сб. 17. С. 190–202.

что из указанных в первом издании семи «погрешностей» (с. XLIV)[27] Сумароковым была исправлена лишь одна. Без внимания оставлены и случаи недовольства со стороны поэта первым вариантом перевода (см. комментарии Львова на с. 168, 177). Находящийся в РГАДА экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» позволяет выяснить основные направления работы по подготовке переиздания: конкретизация теоретических положений Львова о вневременном значении поэзии Анакреонта и задачах художественного творчества, стилистические исправления без обращения к оригиналу, улучшение технической стороны издания.

Еще один документ, обнаруженный позднее, проливает свет на то, как должно было выглядеть второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского» и что для него уже было сделано. Из копии прошения Львова в Кабинет его императорского величества от 19 октября 1802 г. явствует, что к этому моменту известный гравер Джозеф Сандерс (1773–1845) изготовил шесть виньеток и два портрета Анакреонта:

За выгравирование шести виньетов ко 2-й эдиции Анакреона, двух портретов автора и одного виньета плана города Москвы гравер Сандерс, по предъявлении первых оттисков, имеет получить от Кабинета договоренную сумму триста рублей, по силе Высочайшего указа, данного в 19 день декабря 1796 года, где сказано: «издаваемые действительным статским советником Львовым полезные сочинения, переводы и чертежи на иждивении Кабинета печатать, а ко мне по одному экземпляру взносить наперед» тогда, когда абдруки представит он за моим подписанием с прошением от меня о заплате договоренной суммы.

Подлинное условие подписал
тайный советник
Николай Львов

Октября 19 дня
1802 года
Санкт-Петербург.[28]

---

[27] Здесь и далее ссылки на «Стихотворение Анакреона Тийского» (СПб., 1794) даются в тексте статьи с указанием номера страницы в круглых скобках. Когда цитируется экземпляр РГАДА с коррективами Львова, номеру страницы предшествует литера «к».

[28] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 19. Без даты впервые опубликовано А. Б. Никитиной в кн.: Петербургский Ериховский сборник. СПб., 2008. Вып. VII. С. 354–355. Цитата уточнена по рукописи.

При анализе переводов Львова из анакреонтики ниже, в случае надобности, будут привлекаться материалы для готовившегося переиздания, что позволит на конкретных поправках продемонстрировать цели, достижение которых ставил перед собой русский поэт. Остается пожалеть, что не только второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского» не было осуществлено, но и правка его текста была произведена по преимуществу лишь в предисловии и в первой книге стихов.

2. Об издании «Стихотворения Анакреона Тийского»

Для понимания специфики «Стихотворения Анакреона Тийского» весьма важна история его подготовки. К сожалению, главный источник знаний о ней — это информация о ходе работы переводчика и типографов, содержащаяся в тексте самой книги. Напомним, что она была опубликована в типографии Корпуса чужестранных единоверцев, что объясняется и ее высоким полиграфическим уровнем, и особым статусом этого учебного заведения, возникшего в связи с планами военной и политической экспансии России на Балканах и в первую очередь в связи с «Греческим проектом» Екатерины II.[29]

Ранее, до 1791 г., типография Корпуса находилась при Горном корпусе. Она была одной из лучших в России, и Львов уже имел опыт сотрудничества с ней. Так, в типографии Горного училища ранее были напечатаны: 1) его сочинения — «Рассуждение о проспективе, облегчающее употребление оной, в пользу народных училищ» (1789), «Руской 1791 год» (1791; издание включает поэму

[29] Указом Екатерины II от 17 апреля 1775 г. в Петербурге была учреждена Гимназия чужестранных единоверцев при Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе. В 1789 г. ее возглавил граф А. И. Мусин-Пушкин; в 1791 г. сюда была передана типография из Горного училища (*Лоранский А.* Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 23). Указом от 12 июня 1792 г. гимназия была преобразована в Корпус чужестранных единоверцев; заново были утверждены штаты. Указом Павла I от 8 декабря 1796 г. корпус был упразднен, а его воспитанники переведены в Сухопутный кадетский корпус (см. подробнее: *Пряхин Ю. Д.* Греческая гимназия. (Корпус чужестранных единоверцев) в системе военного образования России // Пряхин Ю. Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб., 2008. С. 121–135).

«Зима» со стихотворным посвящением М. А. Львовой); 2) книги, им подготовленные или изданные при его участии, — «Руководство к содержанию пчел во все времена года» Д. Уайлдмэна (1788), первая часть «Собрания народных русских песен с их голосами» (1790),[30] «Летописец руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (1792).[31] Особенно следует отметить роскошное издание оперы Екатерины II «Начальное управление Олега: Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил» (1791). Львов не только сделал эскиз обложки и виньетки к нему, но и перевел предисловие Джузеппе Сарти.

При Корпусе чужестранных единоверцев типография проработала с 1791 по 1796 г.; за это время было опубликовано около сорока изданий,[32] в числе которых, помимо «Стихотворения Анакреона Тийского», в свет вышла еще одна книга Львова — первая часть трактата «Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов» (1795).

В 1780-е и в начале 1790-х гг. Львов пользовался особым благорасположением императрицы Екатерины II. Как явствует из документов в фонде Горного департамента в Российском государственном историческом архиве в Петербурге, 8 октября 1786 г. императрицей был издан указ о финансировании из средств Кабинета ее императорского величества печатания чертежей и книг, готовившихся поэтом. Это позволило Львову развернуть интенсивное сотрудничество с типографией, находившейся при Горном училище. Оно было вынужденно прервано через пять лет, ибо указом от 28 февраля 1792 г.

---

[30] Счета за печатание этой книги, оплаченные из Кабинета ее императорского величества, опубликованы в статье: *Розанов А. С.* К вопросу о первом издании «Собрания народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова и И. Прача // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2008. Вып. VII. С. 187–195.

[31] Важная подборка документов о финансировании этих и других изданий Львова (главным образом из средств Кабинета) опубликована А. Б. Никитиной в кн.: Петербургский Рериховский сборник. Вып. VII. С. 350–370.

[32] Т. П. Самсонова в специальной работе о типографии Корпуса указывает тридцать три издания, учтенных в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века». В дополнение к ним исследовательницей выявлено пять книг в библиотеке Эрмитажа (*Самсонова Т. П.* Корпус чужестранных единоверцев в Петербурге, его библиотека и типография. 1775–1796 // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX века. Л., 1983. С. 145, 148).

право издавать какие-либо сочинения за счет казны без особого на то распоряжения было сохранено лишь за В. П. Петровым. Львов, планировавший несколько дорогостоящих предприятий, понес значительные убытки. Среди черновиков и вариантов его записки, рисующей бедственное положение этих начинаний,[33] находится следующая копия официальных распоряжений:

Копия с данного повеления о печатании

Именным ее величества указом от 8го октября 1786го года повелено, чтоб сочинения и переводы гна коллежского советника Львова, как по возложенному на него попечению об открытии делания каменного уголья, так и по другим его полезным упражнениям, равным образом разные его чертежи на иждивении Кабинета печатаемы были, оставляя те печатаемые книги и чертежи в его пользу.

Копия с повеления о запрещении печатать

А 1792го года февраля 28 дня записан указ: ее императорское величество высочайше указать соизволила, чтобы впредь ни в каких типографиях, как сочинений, так и переводов без особливого ее величества повеления, а при том и без уведомления от Кабинета на счет оного не печатать, а позволила ее величество печатать сочинения и переводы гна коллежского советника Петрова. На подлинном подписано: Степан Стрекалов.[34]

Перечислив в прошении на высочайшее имя свои труды, подготовленные к печати (рисунки к трактату А. Палладио и к «Метаморфозам» Овидия, летопись, хранившуюся в его семье, чертежи собственных построек и проч.), Львов признавался в том, что он уже имел значительные «издержки» и что без помощи казны он не в силах исполнить разнообразные обязательства, взятые на себя:

Бóльшая часть сей работы была уже кончена, когда воспоследовало и ему вместе с другими запрещение печатать: то дабы не пропали труд и издержки его, в течение 8ми лет употребленные, всеподданнейше просит неоконченные сии работы на счет Кабинета напечатать, как то ему позволено было; ибо он не токмо на свой счет печатать не в состоянии, но и расплатиться с художниками, которые вследствие именного повеления были им законтрактованы.[35]

---

[33] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 1–1 об., 3–3 об., 8–8 об., 10–10 об.

[34] Петербургский Ериховский сборник. Вып. VII. С. 351. Другие копии: РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 4, 7.

[35] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 3 об. Другой вариант этого абзаца опубликован А. Б. Никитиной: Петербургский Ериховский сборник. Вып. VII. С. 351.

Судя по всему, хлопоты, предпринятые в 1792 г., не имели успеха, и могло казаться, что довольно значительные суммы из личных средств Львова были потрачены впустую. Лишь вскоре после вступления на престол императора Павла I привилегия, данная за десять лет до того, была наконец восстановлена (скорее всего, это произошло благодаря покровителю Львова — А. А. Безбородко, к которому благоволил монарх). Копия высочайшего распоряжения от 19 декабря 1796 г., обращенного к управлявшему Кабинетом В. С. Попову, сохранилась в делах Горного департамента:

Василий Степанович!

Вследствие данного в 1786м году, октября 8го, указа о печатании полезных книг и чертежей, действительным статским советником Львовым издаваемых, повеле-ваем издержки его, в тысяче четырехстах сорока семи рублях состоящие, из Кабинета заплатить и впредь его полезные сочинения, переводы и чертежи на иждивении Кабинета печатать, а ко мне по одному экземпляру взносить наперед.

Павел.[36]

Но вернемся к «Стихотворению Анакреона Тийского». Печатание столь объемной книги в типографии Корпуса чужестранных единоверцев не могло состояться без субсидии из казны. Каким образом она была испрошена и получена, остается лишь гадать. Несомненно лишь то, что это был отдельный проект, не связанный напрямую с более ранними, финансировавшимися из средств Кабинета. В то же время публикация «Стихотворения Анакреона Тийского» на государственный счет ставила книгу в ряд манифестаций официального филэллинизма екатерининского царствования. Видимо, поэтому Львов, занимавший к тому времени высокое служебное положение, предпочел не называть в издании своего имени и ограничился в подавляющей части тиража указанием на титульном листе: «перевел **** ****».

Экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» в Библиотеке Российской академии наук, на который впервые указала С. Р. Долгова, позволяет предположить, что помимо основной части тиража было выпущено еще некоторое число книг для дружеского и се-

[36] Там же. С. 353 (пометы копииста в документе опущены). Незадолго до этого, 6 декабря 1796 г., Львов был пожалован в действительные статские советники (Московские ведомости. 1796. 20 декабря. С. 1787–1788).

мейного окружения.[37] В эти экземпляры (сколько их было, остается только гадать) вплеталось следующее посвящение, раскрывающее имя переводчика:

Марии Алексеевне Львовой

Более двадцати лет, как ты одна, мой друг, постоянно утверждаешь меня в анакреонтических чувствованиях, если поместилось оных несколько и в переводе русского Анакреона, то прими его как собственное твое дело.

Львов Никольской.[38]

Ряд фактов наводит на мысль, что хотя на титуле «Стихотворения Анакреона Тийского» указан 1794 г., вышло оно в свет лишь в августе следующего 1795 г. Так, Капнист приветствовал появление книги своего друга стихотворением, озаглавленным позднее «Красавице». Под его текстом, вписанным в экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» в РГАДА, указана дата: «в К<иеве> 1795 Авг. 20-е».[39] Капнист, конечно же, входил в число тех, кому Львов одним из первых выслал книгу и кого неизменно держал в курсе работы над ней. Поэтому только тем, что мадригал, сочиненный Капнистом после получения им в Киеве «Стихотворения Анакреона Тийского», был отправлен в Петербург и сразу же напе-

---

[37] *Долгова С. Р.* Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина. С. 119. На титульном листе книги неизвестным почерком указано: «Получена от имени почтенного переводчика — из Петербурга. 30 августа 1795го года», то есть можно утверждать, что экземпляры с посвящением использовались для целенаправленного дарения. Экземпляр, некогда принадлежавший Г. Р. Державину, был куплен в 1930-е гг. В. Г. Лидиным, который опубликовал следующий лапидарный инскрипт Львова: «Любезному другу моему Гавриилу Романовичу. Числа 12. С. П.-бург» (*Лидин В. Г.* Друзья мои книги. М., 1966. С. 61; см. также: Список книг Д. В. Поленова и Л. А. Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. СПб., 1893. С. 169. № 3313).

[38] Цит. по экземпляру «Стихотворения Анакреона Тийского», хранящемуся в Библиотеке Российской академии наук (шифр 1794/3).

[39] При первой публикации стихотворение В. В. Капниста было названо «На перевод Анакреонта, приписанный Марии Алексеевне Львовой» (Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 235). О том, что оно (вместе со стихотворением Державина «Прийми, брат, три поклона…») должно было украсить второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского», см.: *Долгова С. Р.* Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина. С. 118–119. Над стихотворением, вписанным в экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского», хранящийся в библиотеке РГАДА, указано имя адресата: «Марье Алексеевне Львовой».

чатан на нескольких издательских обложках книги для дружеского распространения (именно их, думаю, Львов подразумевал под «обертками»[40]), можно объяснить следующий пассаж в письме Львова Капнисту от 28 сентября 1795 года:

> При выздоровлении ее ничто ее [М. А. Львову. — *К. Л.-Д.*] еще в словесном мире так не порадовало, как твои стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные. В нем подлинно столько ошибок, что никто не усомнится в той истине, которую, погоняя меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам приметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности.[41]

Многочисленные огрехи книги были вызваны тем, что греческие шрифты, заказанные для «Стихотворения Анакреона Тийского» у знаменитого парижского типографа Фирмена Дидо, прибыли в Петербург с большим запозданием, и потому процесс печатания происходил в крайней спешке. Из предисловия узнаем, что по тем же причинам книга не была украшена портретом античного поэта, хотя он предполагался.[42] Спешка помешала Львову внести и другие исправления — так, в ходе работы у него возникали новые варианты

---

[40] Напомню, что в XVIII столетии русские книгоиздатели обычно не переплетали книг (владельцы должны были сами позаботиться о достойных переплетах для своих библиотек). Книги поступали в продажу в виде связанных между собой тетрадочек, которые вкладывались в издательские обложки (об этом см. подробнее: *Полонская И. М.* Русская издательская обложка и переплет XVIII века // Книга. Исследования и материалы. М., 1979. Сб. XXXVIII. С. 152–161). К сожалению, ни одна такая обложка со стихами Капниста до нас не дошла.

[41] Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 390 (публикация Е. Н. Кононко); ИС, 390.

[42] Об этом Львов писал в предисловии: «Бодонием напечатанный профиль [об изображении в книге: Ἀνακρέοντος Τηίου μέλη. Parmae, 1791. — *К. Л.-Д.*], с древнего камня заимствованный, почитается лучшим. Мне весьма желалось украсить оным мой перевод, но таланту приятелей моих не достало времени, а мне терпения, потому что как переводить и печатать начал я по милости новых литер, от Дидота привезенных, так и кончить печатание принужден был по желанию типографов, погонявших меня корректурными листами» (с. XIX).

перевода, по его мнению более удачные, в чем он признавался в комментариях к оде XXV:

Когда мы пьем, заботы спят.

Гораздо лучше! Но я это проронил, и ода была уже напечатана (с. 168; см. также примечания к XXXIV оде на с. 176–177).

В еще большей степени, чем история подготовки издания, существен вопрос о том, как работал Львов-переводчик, насколько близко он знакомился с оригиналом и кто ему при этом оказывал помощь. В научной литературе не раз высказывалось мнение об использовании Львовым подстрочника, сделанного Евгением Булгарисом, архиепископом Славянским и Херсонским (1716–1806). Вместе с тем известно, что греческий просветитель, прибывший в Россию в 1771 г. по личному приглашению императрицы Екатерины II и в течение четырех лет бывший ее личным библиотекарем, плохо владел языком приютившей его страны. Об этом упоминает и С. К. Баталден, автор наиболее подробной биографии прелата, утверждающий также, что именно участие в переводе Анакреонта способствовало росту пассивного знания Булгарисом русского языка.[43] Предисловие и комментарии (иных материалов, способных пролить свет на сотрудничество русского поэта и греческого прелата не сохранилось) содержат важные сведения о характере совместной работы Львова и Евгения Булгариса, жившего в Петербурге с 1789 г.

Во вступительной статье Львов так писал об оказанной ему помощи: «Человек добровольной и греческой язык хорошо знающий, взял на себя труд подписать мне каждое слово в подлиннике…» (с. XX**)**. Далее расположены первая ода и ее подстрочный перевод (с. XXI–XXII); ниже — следующий абзац:

Под руководством снисходительного, в знании греческого языка несравненного, просвещенного и почтенного мужа(а) взял я на себя педантические вериги не выпустить никакой речи и перевесть оные в стихах греческой же меры, не теряя сколько возможно плавности и свободы, красоту Анакреоновых мыслей возвышающих, и для сего должен был при всяком почти стихе справляться в море здесь приложенных переводчиков, свидетельствующих достоинство автора, из числа которых следовал я более тем, кои отмечены звездочками (с. XXII–XXIII).

---

[43] *Batalden S. K.* Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia. 1771–1806. New York, 1982. P. 62, 81.

Хотя имя «почтенного мужа» не названо, секрет легко раскрывается читателем, ибо литера (а) отсылает к следующему примечанию: «Которого нескромная благодарность моя заставила меня без спросу в некоторых примечаниях напечатать его имя» (с. XXII). Действительно, в «Стихотворении Анакреона Тийского» трижды упомянуто о консультациях Евгения Булгариса (на с. XXXVI, 67, 92).

Как на это впервые обратил внимание А. К. Гаврилов в статье о Евгении Булгарисе для биобиблиографического словаря русских писателей XVIII века,[44] речь в предисловии Львова несомненно идет о двух лицах. Первый помощник — «человек добровольной и греческой язык хорошо знающий», он надписал русский перевод над стихами Анакреонта, его имя на страницах издания не раскрывается.[45] Второй, «муж в знании греческого языка несравненный, просвещенный и почтенный», осуществлял некое общее руководство и в особо затруднительных случаях консультировал русского поэта, что не избавляло того от необходимости активно использовать переводы стихов Анакреонта на европейские языки. Именно второй из помощников назван Львовым по имени в комментариях.

Характер участия Евгения Булгариса в труде Львова проясняют и некоторые другие указания в тексте «Стихотворения». Так, в «Оглавлении древним и новейшим авторам, на свидетельстве коих основана жизнь Анакреонова» (с. XXXVI) говорится о том, кто «руководствовал переводчика и трудился в греческой корректуре и в примечаниях на I книгу», и дается отсылка к с. 67, на которой Булгарис упомянут по имени.

---

[44] *Гаврилов А. К.* Евгений Булгарис // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И. С. 134.

[45] Можно лишь гадать о том, кто был этот безвестный, но искушенный в знании греческого языка помощник Львова. А. К. Гаврилов предполагает, что им был И. И. Мартынов (*Гаврилов А. К.* Евгений Булгарис. С. 134), что в высшей степени правдоподобно, если учесть его биографическую близость к Евгению Булгарису в 1790-е гг., а также факт издания им позднее собственного перевода анакреонтики (1801). На существование литературных контактов между двумя русскими литераторами указывает и факт публикации львовской поэмы «Зима» в редактировавшемся Мартыновым журнале «Муза» в 1796 г. О знакомстве со Львовым в 1790-е гг. Мартынов писал позднее в своих мемуарах (*Мартынов И. И.* Записки // Заря. 1871. № 6. Приложения. С. 96). Другим знатоком греческого языка в близком окружении Львова был И. М. Муравьев-Апостол, издавший в 1821 г. перевод «Облаков» Аристофана.

На с. 66–67 комментариев русский поэт изложил историю своих колебаний при выборе толкования для греческого «φρόνημα».[46] Львов отклонил варианты, предложенные западными переводчиками,[47] в чем был поддержан греческим прелатом: «Но преосвещенный Евгений, коего пространным и глубоким сведением греческого языка руководствовался я в переводе моем, под именем „φρόνημα“ разумеет чисто: благоразумие» (с. 67). Все же, несмотря на столь высокую оценку учености Булгариса, при выборе собственного варианта перевода русский поэт в наибольшей степени положился на свое понимание творческих задач Анакреонта и его поэтики. Он отвергает поэтому «благоразумие», ибо, как ему кажется, оно не соответствует образному строю оды. По мнению Львова, красоте, свойству женщин, должно быть противопоставлено «мужество».

Также и в комментарии к оде XXI Львов указал варианты европейских переводчиков, не удовлетворившие его. В этом случае совет Булгариса помог понять греческую идиому, он не противоречил художественному единству оды в понимании Львова, и русский поэт с благодарностью воспользовался помощью греческого просветителя (с. 92).

Подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что сотрудничество Булгариса ограничилось тем, что он выверил греческий текст в корректуре и дал несколько консультаций, касавшихся наиболее спорных мест в стихах Анакреонта. Беседа при этом, скорее всего, велась по-итальянски (на этом языке написано большинство деловых документов Булгариса во время пребывания в России). Как видим, участие греческого прелата в русской части «Стихотворения Анакреона Тийского» было довольно скромным; нет также

---

[46] Данные словаря И. Х. Дворецкого о его значении: 1) образ мыслей; 2) разум, здравое суждение; 3) благородство, мужество; 4) намерение, воля; 5) (само)уверенность; 6) высокомерие, гордыня (Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 2. С. 1747). Ср. также: A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell… R. Scott… H. S. Jones… A New Edition Revised and Augmented throughout by Sir H. S. Jones ... with the assistance of R. McKenzie… Oxford, 1940. Part 10: τραγεῖν–ᾠώδης. P. 1956.

[47] Львов приводит отвергнутые им толкования: у И. Г. Ф. Мейнеке — «Waffenkünste» (искусство владеть оружием); у Мутонне де Клерфона — «courage» (храбрость); у Анны Дасье — «prudence» (осторожность).

оснований говорить, что он как-то повлиял на понимание Львовым задач перевода, на его концепцию творчества Анакреонта. Все же причастность к книге Евгения Булгариса, имя которого как бы невзначай было упомянуто в примечаниях, способствовала и авторитету издания, и повышенному интересу к нему, и тому, что оно воспринималось как живое событие в осознании русскими своей преемственности по отношению к наследию Древней Греции.[48] Все это вполне сообразовывалось с тем образом Анакреонта, который Львов намеревался закрепить в сознании современников.

3. Источники, использованные Н. А. Львовым

Важнейший вопрос, неизбежно встающий при изучении «Стихотворения Анакреона Тийского», заключается в прояснении того, какие переводы анакреонтики на европейские языки и, главное, ка́к использовал Львов в своей работе. В предисловии сам поэт подчеркнул: «Многие еще другие в переводе Анакреона трудившиеся мне неизвестны, особливо на аглинском, на немецком и русском языках» (с. XXXIII). Львов считал своей главной задачей дать русскому читателю подлинного, не приукрашенного Анакреонта, поэтому ему было столь важно отмежеваться от большого числа подражаний и вариаций на анакреонтические темы. При этом незнание греческого языка, в котором русский поэт открыто признавался, не казалось ему сколько-либо существенным препятствием.

Значительный интерес представляет положительная характеристика переводов Ломоносова, имеющаяся в тексте комментариев.[49]

---

[48] В этом контексте существенна убежденность Львова о заимствовании русскими у греков протяжных песен в древности, которую он развивает в предисловии к первой части изданного им совместно с И. Прачем «Собрания народных русских песен с их голосами» (1790). Критический анализ этих воззрений Львова и их истоков см. в статье: *Герцман Е. В.* Что знал Н. А. Львов о древнегреческой музыке // Петербургский Ериховский сборник. СПб., 2008. Вып. VII. С. 216–227.

[49] Другой именитый предшественник, А. Д. Кантемир, переведший во второй половине 1730-х гг. на русский язык почти весь корпус анакреонтики (55 од), Львову остался неизвестен, ибо эти переложения были опубликованы П. А. Ефремовым лишь в 1867 г.

Отсутствие имени Сумарокова и представителей его школы, видимо, объясняется тем, что собственно переводы из Анакреонта и анакреонтики в их наследии

Она особенно важна в контексте других, скорее амбивалентных, суждений Львова о знаменитом предшественнике.[50] Оду III в переложении Ломоносова Львов высоко ставит в художественном отношении, полагая собственной заслугой бóльшую точность:

Редкому грамотному неизвестен славный красотами своими перевод г. Ломоносова оды сей, после которого не надобно бы, кажется, никому с высоким его талантом входить на поприще; но он, переводя в стихах с рифмами (которых в греческом нет), принужден был для того во многих иногда местах отступить от подлинника. Я же, не будучи рифмами одержим, должен был сделать верный перевод мыслей Анакреоновых, стараясь ничего не пропустить и не смея ничего прибавить» (с. 70–71).

Та же мысль положена в основу сравнения собственного и ломоносовского перевода XXVIII оды, перед художественными достоинствами которого Львов склоняет голову:

Сию прекрасную оду, служившую в разных языках подлинником для множества неудачных подражаний, переводил и наш Северный Орфей Ломоносов с отменными и его только таланту свойственными красотами, делающими и подражательные его творения действительным подлинником. Он во многих местах отступил, инде прибавил по причине той, что писал стихами с рифмами; и между его и моим переводом выходит только та, по мнению моему, разница, что мой перевод к подлиннику ближе, а его лучше (с. 171).

За Ломоносовым признается и высокая лингвистическая компетенция в вопросах более общих. Так, аргументируя выбор непривычного словосочетания при переводе VI оды, Львов подчеркивает, что «основание» русского языка «по сю пору искать должно в священных книгах по совету г. Ломоносова» (с. 78). Именно существование в языке Библии выражения, аналогичного избранному (что, конечно, мало вяжется с игривостью анакреонтики), становится

немногочисленны (в отличие от перифразов и вариаций). Так, у Сумарокова находим всего лишь два перевода — «На Ерота по переводу г. Козицкого» и «Во мразныя минуты…» (*Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. 2. С. 191–192).

[50] Так, в поэме «Добрыня» (1796) Львов писал о Ломоносове как о «сыне усилия», все трудности «пересиливавшем дарованием сверхъестественным», и в духе сумароковских «вздорных од» иронизировал над барочными чертами поэтики его торжественных од (ИС, 197).

главным доводом в пользу правильности принятого Львовым решения.

Все же несравнимо большее значение имели для Львова переводы анакреонтики не на родной, а на европейские языки. Именно они были главным подспорьем при работе над «Стихотворением Анакреона Тийского»; консультации же с Евгением Булгарисом были, по-видимому, редки и касались тех сложных случаев, когда подстрочник не разрешал сомнений поэта. В связи с этим Львов неоднократно ссылается на толкования, принятые большинством переводчиков Нового времени. И, если их доводы представляются ему разумными, он хочет шагать с ними в ногу. Так, в комментарии к оде III Львов пишет, что он «следовал в сем случае прочим переводчикам и напечатал ее от одного лица Анакреонова» (с. 268). В одном случае поэт даже отверг вариант, который диктовался греческим текстом: «Кивелла, по примечанию Корнелия Павва, была одна из приятельниц Анакреоновых, а не Кивелла, щедрая земли богиня; ту Анакреон не вызвал, кажется, на пляску. Хотя в греческом имя сие писано Кувива, но я следовал переводчикам» (с. 272).

Комментарии позволяют неплохо представить метод работы Львова-переводчика. В затруднительных случаях, как уже говорилось, он обычно обращался к нескольким переводам, подвергая их критическому анализу. В тех же случаях, когда поэт не находил у предшественников удовлетворявшего его варианта, главным критерием при выборе того или иного решения становились индивидуально-вкусовые предпочтения, а также соответствие общим эстетическим установкам и представлению Львова об Анакреонте. При этом Львов, скажу к его чести, был отнюдь не склонен замалчивать спорные пункты и неизменно включал в комментарии варианты перевода на европейские языки, что должно было помочь читателю оценить выбор, совершенный им в каждом конкретном случае.[51]

Выявление и краткая характеристика переводов анакреонтики, с которыми действительно работал русский поэт, а также фиксация заимствований (оговорюсь сразу, что выше по преимуществу ана-

[51] Львов в общей сложности 9 раз приводит варианты переводов на французский, немецкий и итальянский языки (с. 67, 72, 79, 83, 90, 91–92, 193, 263, 268–269).

лизировались оригинальные рассуждения Львова) облегчены тем, что русский поэт посчитал необходимым ввести в предисловие (видимо, для придания ему большей наукообразности и веса) перечень более чем сорока известных ему переводов, отметив звездочками те, которым он следовал в наибольшей степени (с. XXIV–XXXIII).[52] Установка поэта на свободный диалог с читателем проявилась во фразе, которую он предпослал списку: «Для осуждения меня прошу (тех, кои греческого языка не знают) сличить перевод мой с другими и наказать за то, где я отдалился от смыслу подлинника…» (с. XXIII). Как показывает сравнение текстов, перечень является сокращенным переводом нескольких глав предисловия к изданию, вскользь упоминаемому в предисловии к «Стихотворению Анакреона Тийского»:

᾽Ανακρέοντος Τηίου μέλη prefixo commentario quo poëtae genus traditur et bibliotheca Anacreonteia adumbratur. Additis var. lectionibus. Parmae: In Aedibus Palatinis, 1791. CXVIII, 111 p. In-16°.[53]

Этот изящный томик готовил к печати выдающийся итальянский филолог Джованни Кристофано Амадуцци (Giovanni Cristofano Amaduzzi, 1740–1792): он написал обширное вступление на латинском языке (с. I–CVIII), поместил в книгу греческий текст 64 од и 7 эпиграмм (с. 1–78), составил список разночтений (с. 81–111). Издание было осуществлено известным гравером и типографом Джамбатиста Бодони (Giambattista Bodoni, 1740–1813), умевшим не только искать, но и находить высокое покровительство. Так, Мюрат пожаловал ему в 1811 г. орден Обеих Сицилий за поднесенные книги, Наполеон в 1810-м — пенсию в 3 тысячи франков, а через некоторое время — единовременное пособие в 18 тысяч.

Издание Бодони без существенных отклонений повторяет греческий текст книги, подготовленной Анной Дасье (о ее труде смотри ниже): без каких-либо изменений перепечатаны 63 оды и 7 эпиграмм, к которым прибавлен отсутствующий у Дасье греческий отрывок в два стиха.

---

[52] Прибавления Львова к этому списку минимальны: это издания Ж. Ж. Мутонне де Клерфона (1773) и И. Г. Ф. Мейнеке (1776). О них подробнее ниже.

[53] Здесь и далее описания изданий анакреонтики унифицированы в соответствии с их описанием в кн.: Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs. Paris, 1924. T. II: Alcaforada–Andoyer.

Для своей вступительной статьи Львов многократно заимствовал фактические данные и сноски из введения Амадуцци,[54] лишь в единичных случаях упоминая пармское издание (с. XI, XIII, XVI, XXXII).

Русскому читателю также должен был представляться итогом научных изысканий самого Львова внушительный библиографический перечень из более сорока названий, о котором уже говорилось выше. В нем звездочками отмечены одиннадцать описаний, которые, как утверждал сам Львов, им активно использовались в его работе над «Стихотворением Анакреона Тийского» (вместо звездочек в данной публикации проставлены номера; опечатки и неточности не исправлены, но отмечены):

1) Первое издание Анакреона сделано было Генрихом Стефаном и напечатано в 1754 <sic!> году в Париже; повторено Робертом Стефаном в 1556 году (с. XXIV).

2) Перевод Анны Дасье на французском языке напечатан в Париже 1681 года; и в Амстердаме 1716 года с примечаниями г-на Ле-Февра <…>. В 1706 году перевел Анакреона Антоний Ла Фосс и напечатал в Париже (с. XXV).

3) В 1682 <sic!> Бернард Лонжепьер перевел сочинения Анакреона, Сафы, Теокрита, Биона и Мосха на французский язык (с. XXV).

4) В 1713 году напечатан в Роттердаме перевод Анакреонов на французском языке Гаконом (с. XXV).

5) Перевод Анакреона, Сафы, Биона, Мосха и Теокрита с прибавлением некоторых Горациевых и Катулловых сочинений, трудов Гна Муттонета де Клерфона. Один из самых новейших переводов в прозе; напечатан в Париже 1779 году (с. XXVI).

6) На немецкий язык переводил Анакреона профессор Фишер, и перевод его почитается весьма ученым. <...> профессор Фридрих Фишер труды же Бакстеровы, с некоторою только прибавкою, перепечатал в Лейпциге 1774 <sic!> года (с. XXVII–XXVIII).

7) На том же языке переведен Анакреон безымянным переводчиком, напечатан в Лейбциге 1776 году, и перевод сей на немецком языке считается лучшим (с. XXVII).

8) Весьма славится на италианском языке перевод, сделанной французом Аббатом Ренье. Славный сей перевод напечатан в Париже 1696 <sic!> года (с. XXIX).

9) Павел Роми <sic!> в Лондоне 1740 <sic!> года (с. XXX).

---

[54] Это в общей сложности одиннадцать библиографических ссылок на исторические источники в предисловии Львова. Многие из них повторены затем в «Оглавлении древним и новейшим авторам, на свидетельствах коих основана жизнь Анакреонова» (с. XXXV–XXXVI).

10) В наши же времена прославился переводом Анакреона, в Риме изданным, Иосиф Спалетти <sic!>, который исправя погрешности текста, перевел оды Анакреоновы тем же ударением стихов, как и в греческом подлиннике (с. XXXII).

11) На испанский язык Анакреона перевел Дон Стефан Мануил де Вельгас, печатан в Мадрите 1774 года (с. XXXII).

Как показывает детальное сопоставление приведенных выше изданий с предисловием и с комментариями к «Стихотворению Анакреона Тийского», можно с уверенностью утверждать, что книги, упомянутые выше под номерами 1, 6, 8, 10 и 11, Львовым в его работе не использовались.[55] Все же весьма существенно и потому подлежит объяснению, почему Львов заимствовал именно эти названия у Амадуцци. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, ниже даются описания этих изданий, обследованных de visu, а также их краткие характеристики.[56]

В первой позиции подразумевались следующие две книги:

1) ᾽Ανακρέοντος Τηΐου μέλη. Anacreontis Teij odæ. Ab Henrico Stephano luce & latinitate nunc primum donatæ. Lutetiæ: Apud Henricum Stephanum, 1554. [6], 110 p. In-4°; ᾽Ανακρέοντος καὶ ἄλλων τινῶν λυρικῶν ποιητῶν μέλη. Anacreontis et aliorvm lyricorum aliquot poëtarum odæ. In easdem Henr. Stephani observationes. Eædem latinæ. Parisiis: Apud Gui. Morelium, in Grecis typographum Regium, et Rob. Stephanum, 1556. 122 p. In-8°.

Мотивы, по которым русскому поэту захотелось ввести ссылку на editio princeps, очевидны. Эта книга, подготовленная Анри Этьенном (Henri Estienne, 1528–1598; латинизированная форма имени — Henricus Stephanus), выдающимся филологом и издателем эпохи Ренессанса, определила текстологию изданий анакреонтики на протяжении более чем трех столетий и неизменно упоминалась весьма уважительно. И хотя в комментариях к «Стихотворению Анакреона Тийского» русский поэт дважды ссылается на парижское издание 1554 года (с. 180, 189), эти ссылки — точный перевод примечаний в книге Анны Дасье (p. 120; 128), что лишь утверждает во мнении о недоступности Львову труда Анри Этьенна.

---

[55] В «Стихотворении Анакреона Тийского» эти издания более не упоминаются; прямых заимствований из них нет. Особые случаи оговорены ниже.

[56] В абзацах, посвященных этим изданиям, отсылки к ним даются в тексте с указанием страниц в скобках.

Как явствует из описания второй из упомянутых книг, опубликованной в 1556 г., это перепечатка первого издания, осуществленная Робером Этьенном, братом Анри (Robert Estienne, 1530–1571; латинизированная форма имени — Robertus Stephanus), и Гийомом Морелем (Guillaume Morel, 1505–1564). Характеристика двух этих трудов — почти дословный перевод латинского пассажа Амадуцци на с. XLIII–XLIV пармского издания.

6) Anacreontis teii carmina graece e recensione Guilielmi Baxteri cum eiusdem Henr. Stephani et Taneguidi Fabri notis. Accedunt duo Sapphus Odaria atque Theocriti Anacreonticum in mortuum Adonin. Curavit Ioh. Frid. Fischerus. Lipsiae, 1754. [32], 236 p. In-8°; Anacreontis carmina graece e recensione Guilielmi Baxteri cum eiusdem Henr. item Stephani atque Taneguidi Fabri notis. Accesserunt duo Sapphus odaria et Theocriti anacreonticum in mortuum Adonin. Iterum edidit varietatemque lectionis cum suis animadversionibus et Anacreontis fragmenta adjecit Ioh. Frider. Fischerus. Lipsiae, 1776. LXXVIII, 324 p. In-8°.

Книги, подготовленные к печати немецким филологом Иоганном Фридрихом Фишером (Johann Friedrich Fischer, 1726–1799), издателем и комментатором Юстина, Платона, Феофраста, Овидия, — это критическое воспроизведение текстов, а не переводы; источник ошибки — характеристика Амадуцци.

8) Le poesie d’Anacreonte, tradotte in verso toscano e d’annotazioni illustrate [dall’abate Régnier-Desmarais]. Parigi, 1693. 207 p. In-8°.

Книга, подготовленная французским литератором Ф. С. Ренье-Демаре (François Séraphin Régnier-Desmarais, 1632–1713), вышла не в 1696 г., как указано Львовым, а в 1693-м. Причина неточности — дата, сообщаемая Амадуцци на с. XCIII. Хотя в комментариях «Стихотворения Анакреона Тийского» дважды упоминается имя Ренье-Демаре, эти отрывки — перевод соответствующих примечаний Лафосса (см. в издании Анны Дасье 1716 г. — p. 44, 76).

10) ᾽Ανακρέοντος <…> συμποσιακὰ ἡμιάμβια. Anacreontis convivalia semiambia [Edidit J. Spalletti]. Romae: In aedibus J. Spalletti, 1781. LX p. In-fol.

В книге Джузеппе Спаллетти текст 59 анакреонтических од воспроизведен сначала факсимильно по рукописи, а затем печатно в сопровождении латинского перевода; характеристика издания заимствована Львовым у Амадуцци (p. CV–CVI).

11) Las Eróticas y Traducción de Boeccio, de don Esteban Manuel de Villegas. Madrid, 1774. 2 t. In-8°.

Ссылка на переиздание сборника поэтических переводов одного из наиболее известных литераторов испанского Ренессанса Э. М. Вильегаса (Esteban Manuel de Villegas, 1595–1669) также почерпнута у Амадуцци (p. CIX).

Судя по всему, Львов в достаточной мере латыни не знал и при переводе библиографического перечня действовал на свой страх и риск, чем объясняется, к примеру, следующая ошибка в предисловии:

> В 1758 году в Нанси напечатан перевод французскими стихами Анакреона, Сафы, Биона, Моска и Тиртея трудов Алонзия <sic!>, многими сочинениями прославившегося(а) (с. XXVI).

Внизу той же страницы Львовым сделано примечание: «(а) Есть еще перевод Поенсинета на французском языке и довольно похваляемый, но мне он не известен» (с. XXVI). Однако Амадуцци имел в виду одного человека — Aloysius'a Poinsinetus'a (латинизированная форма имени переводчика Анакреонта Луи Пуансине де Сиври (Louis Poinsinet de Sivry, 1733–1804): «Post hunc venit Aloysius Poynsinetus multis editis libris clarus, qui Anacreontem, Sappho, Bionem, Moschum et Tyrtaeum gallicis carminibus reddidit, typisque mandavit Nancii an. MDCCLVIII»[57] (то есть: «После него выступил Алоизиус Поинсинетус, известный множеством изданных книг, который Анакреонта, Сапфо, Биона, Моска и Тиртея перевел галльскими песнями и предал печати в Нанси, в 1758 году»).[58]

Переходя к обзору изданий, которыми Львов действительно пользовался в своей работе, нужно отметить, что его главным источником была книга, подготовленная известной участницей спора о Древних и Новых, филологом-классиком и переводчицей Анной Дасье (Anna Dacier, 1651–1720). Ей же принадлежат комментированные издания Гомера, Каллимаха, Плавта, Теренция и

---

[57] Ἀνακρέοντος Τηίου μέλη prefixo commentario quo poëtae genus traditur et bibliotheca Anacreonteia adumbratur. Additis var. lectionibus. Parmae: In Aedibus Palatinis, 1791. P. LXII.

[58] Здесь и далее переводы, авторство которых специально не оговорено, принадлежат автору статьи.

других античных писателей. Греческий текст Анакреонта со своим прозаическим переводом она публиковала трижды — в 1681, 1699 и 1716 гг. Русский поэт, как явствует из сносок, пользовался самым полным, амстердамским изданием:

2) Les Poésies d'Anacréon et de Sapho, traduites en françois, avec des remarques par Mme Dacier. Nouvelle édition augmentée de notes latines de M. Le Fèvre et de la traduction en vers françois de M. de La Fosse. Amsterdam, 1716. 2 pt. In 8°.

Первые восемь ненумерованных страниц книги Анны Дасье занимает письмо герцогу де Монтозье, воспитателю наследника престола. Здесь говорится, что подготовленный труд был предпринят, чтобы облегчить дофину чтение древних, а также для того, чтобы дать возможность всем изучать их с меньшим трудом и с большей пользой. Стихи Анакреонта названы здесь изящнейшим и галантнейшим из всего, что имела Греция, а чуть далее — наиболее совершенным из того, что создали Грации, Смехи, Игры («les Graces, les Ris, les Jeux»).

В предисловии Дасье писала, что перевод Анакреонта Реми Белло неточен, устарел и что в нем невозможно найти какую-либо прелесть (p. [10]). Далее дан критический обзор переводов анакреонтики на латынь и итальянский. Главную заслугу своей работы Дасье видит в большей точности по сравнению с ними, хотя и считает возможным удалиться от греческого текста в тех случаях, когда текст полностью противоречит нравам начала XVIII в. («entièrement contre nos manières»), что всегда отмечается в примечаниях.[59]

Дасье выступает в защиту Анакреонта против упреков в возможной сухости, отсутствии в его одах «pointe» (остроты, изящных поворотов). Она считает, что это общее свойство древних — и у Гомера нет «pointe», хотя повсюду есть «esprit» (ум, рассудок). Также и Анакреонт следует природе, представляя на суд разума образы благородные и простые.

В статье «Жизнь Анакреонта» (p. [19]–[26]) на основании сопоставления разнообразных свидетельств сделана попытка реконструировать биографию античного поэта. Львовым использованы

---

[59] Эта установка, оправдывающая возможность внесения некоторых изменений в переводимый текст, присуща и Львову, как на то указывалось выше.

следующие сведения, восходящие к Анне Дасье: об отце Анакреонта, времени и месте его рождения, о его родственниках, о беседах с Поликратом. Если первые два абзаца в статье русского поэта представляют собой довольно близкий перевод начальных строк предисловия французской ученой (изменено лишь расположение фраз), то в дальнейшем Львов свободно пользуется собранными его предшественницей фактами для аргументации собственных положений.

На с. 1–229 в книге Анны Дасье расположены оды Анакреонта: слева — греческий текст, справа — французский прозаический перевод, внизу страниц — обширные комментарии. Порядок стихов в амстердамском издании и в «Стихотворении Анакреона Тийского» совпадает до LV оды включительно. Оды LVI, LVII Львовым опущены.[60] Оде LVIII соответствует в «Стихотворении Анакреона Тийского» ода LVI, LIX — LVII (первая часть), LX — LVII (вторая часть), LXI — LVIII, LXII — LIX, LXIII — LX, LXIV — LXII, LXV — LXIII, LXVI — LXIV, LXVII — LXV, LXVIII — LXVI, LXIX — LXVII, LXX — LXI. Эпиграммы в издании Анны Дасье и русского переводчика приведены одни и те же, а ода неизвестного поэта к Анакреонту, заключающая книгу Дасье, Львовым опущена.[61]

Издание Анны Дасье упоминается в комментариях к «Стихотворению Анакреона Тийского» в общей сложности 36 раз. Русский поэт многократно приводил в комментариях по-французски варианты перевода стихов, ей принадлежащие (см. с. 72, 77, 78, 79, 80, 82, 90, 173, 183, 191, 264). Кроме того, по моим подсчетам, около 106 строк комментария Львова составляет перевод примечаний

---

[60] Отсутствие какой-либо аргументации в «Стихотворении Анакреона Тийского» в данном случае лучше, чем какой-либо иной пример, демонстрирует произвольность решений Львова и отсутствие у него каких-либо «научных» на то оснований. И для предшественников русского поэта, и для позднейших издателей и переводчиков оды «εἰς χρύσον» и «εἰς ᾽Απόλλωνα» — неотъемлемая часть корпуса анакреонтики.

[61] При воспроизведении греческого текста Львов следовал за Анной Дасье, объяснив пропуск некоторых текстов так: «Во многих изданиях Анакреона напечатано под именем сумнительных число од Анакреоновых более переведенных мною; но как многие спорят о подлинности оных по некоторым наречиям, Анакреону несвойственным, и таланта его недостойным, то я и не захотел за счет славы его сделать брюхатую книгу» (с. XXXIII).

Анны Дасье с указанием источника, что занимает около 6 страниц сплошного текста в «Стихотворении Анакреона Тийского». Однако еще большее число заимствований не было обозначено — в общей сложности они составляют 147 строк, то есть около 8,5 страниц сплошного текста. Львов также довольно часто приводит цитаты из различных авторов, почерпнутые в комментариях своей французской предшественницы (из Феокрита, Пиндара, Овидия, Вергилия и т. д. — всего 46 стихов). Латинские стихи воспроизведены Львовым в тексте примечаний, греческие же цитируются только в переводе с французского языка, хотя Дасье приводит и подлинник. Таким образом, около 300 строк комментария «Стихотворения Анакреона Тийского» — перевод материалов Анны Дасье. В процентном отношении это составит, учитывая, что текст расположен довольно разбросанно, около 35–40%. Этим связь двух изданий не исчерпывается, в тексте примечаний русского издания много случаев полемики, часто скрытой, отталкивания, аллюзий (см. с. 80, 92, 169, 172, 173, 194–195, 262–267, 282). В мифологических, реальных, географических и исторических комментариях Львов точно следует за французским источником. Когда же речь идет о толковании, перевод «обрастает» рассуждениями русского поэта, а подчас и переходит в спор.

С. 231–255 книги французской переводчицы занимает биографическая статья о Сапфо, стихи древнегреческой поэтессы и их прозаический перевод, а с. 256–304 — латинские комментарии Таннеги-Лефевра к Анакреонту, которыми Львов не пользовался. Упоминание имени этого ученого в комментариях «Стихотворения Анакреона Тийского» — всегда результат перевода соответствующего примечания Анны Дасье, его ученой дочери.

Далее с отдельной пагинацией в амстердамском издании следует воспроизведение стихотворного рифмованного перевода Антуана Лафосса (Antoine de Lafosse, 1653–1708), вышедшего в Париже в 1706 г. Он начинается с посвящения герцогу Орлеанскому (p. III–V), затем следует предисловие (p. VIII–XVIII) и статья «Жизнь Анакреонта» (p. XIX–XXIV). Как и Анна Дасье, Лафосс считал нужным отметить, что он более держался смысла, чем слов, ибо смысл на всех языках один, а слова отличны. Французский переводчик называет Анакреонта наиболее грациозным из всех поэтов. Если же кто-то найдет оды его слишком простыми, то должен понять, утвер-

ждает Лафосс, что таков вкус античности. Вторую часть предисловия занимает восторженная характеристика древних в самых общих выражениях (они верны природе, их всякий читает с удовольствием и т. д.). Статья «Жизнь Анакреонта» Лафосса (с. XIX–XXIV) менее содержательна, чем аналогичная статья Дасье. Далее находится стихотворный перевод 55 од Анакреонта с подстрочными комментариями (p. 1–104).

Хотя Львов утверждал в перечне, что одним из источников его работы было отдельное издание перевода Лафосса, есть основание усомниться в этом: на с. 79 русский поэт отсылает к с. 17 перевода Лафосса. Этому отрывку соответствует примечание на с. 17 в амстердамском издании, а в отдельно вышедшем в 1704 г. переводе французского поэта — с. 27. Если Львов и располагал изданием 1704 г., то в своей работе он чаще обращался к более поздней републикации, на которую будут далее даваться ссылки. Львов неоднократно приводил в комментариях варианты перевода Лафосса (с. 72, 79, 90, 91, 183), использовал его примечания с указанием источника[62] и дважды без такового.[63]

Следующее издание, к которыму Львов несомненно обращался, — перевод французского поэта и драматурга И. Б. Лонжепьера (Hiliaire-Bernard de Roqueleyne, baron de Longepierre, 1659–1721), вышедший в Амстердаме в 1692 г. (в перечне вслед за Амадуцци неверная датировка — 1682):

3) Les Œuvres d'Anacréon et de Sapho, contenant leurs poésies et les galanteries de l'ancienne Grèce. Traduites de grec en vers françois par M. de Longepierre avec des notes curieuses sur tout l'Ouvrage. Paris, 1692. [16], 400 p. In 12°.

В кратком предисловии Лонжепьер писал, что следовал в своей работе смыслу подлинника, хотя порой и добавлял одно-два слова (p. [1]–[9]). Французский поэт отзывался с большим уважением о труде своей предшественницы Анны Дасье (первое издание Анакреонта с ее комментариями вышло в Париже в 1681 г.) и признавался, что активно использовал ее примечания.

---

[62] Ср.: с. 177 — p. 68 (3,5); с. 185 — p. 76 (3,5). Слева указан номер страницы в «Стихотворении Анакреона Тийского», после тире — в издании Лафосса; в скобках обозначено количество строк, являющихся переводом.

[63] А именно: с. 85 — p. 29–30 (10); с. 90 — p. 44 (4).

Во вступительной статье Лонжепьера «Жизнь Анакреонта» (p. 10–16) повторены сведения из аналогичной статьи Анны Дасье. Порядок од в издании 1692 г. тот же самый, что у Дасье (это билингва: слева греческий текст, справа — стихотворный рифмованный перевод). Лишь под конец введены фрагменты LXV, LXIX, LXXI, у Дасье отсутствующие и Львовым проигнорированные.

Эпиграммы в изданиях Дасье, Львова и Лонжепьера приведены одни и те же. Как и у Дасье, первую часть издания 1692 г. завершает ода неизвестного поэта к Анакреонту. Далее в книге Лонжепьера следует статья о Сапфо, оды древнегреческой поэтессы и их французский перевод с примечаниями (p. 347–397). Использование этого издания Львовым было весьма скромным — заимствован материал для одного довольно обширного комментария (с. 281 — p. 308; 16 строк).

Четвертым по счету источником для Львова было издание, вышедшее в Роттердаме в 1712 г. (и у Амадуцци, и в «Стихотворении Анакреона Тийского» опечатка — 1713):

4) Les Odes d'Anacréon et de Sapho en vers françois par le Poëte sans fard. Rotterdam, 1712. CCXII, 360 p. In-12°.

Под именем «искреннего поэта» (дословно: «поэта без грима», «поэта без прикрас») скрылся французский сатирик Франсуа Гакон (François Gacon, 1667–1725), что не было секретом для Львова. В самом начале обширного введения (p. I–CCCII) Гакон писал, что только он мог решиться на перевод Анакреонта, столь часто бывшего предметом общего внимания и известного непосредственностью выражения. Предисловие Гакона обращено одновременно и против Р. Леклерка, настаивавшего на бесполезности поэзии, и против Б. Фонтенеля, презиравшего древних, и против Анны Дасье, предпочитавшей прозаический перевод. Вторую треть издания составляет статья «История жизни и од Анакреонта» (p. 1–340), в которую включены биографические данные, греческий и французский тексты од античного поэта, а также восторженные характеристики его стихов.

Порядок расположения од I–LVI у Гакона и Львова совпадает, остальные стихотворения в книге французского поэта отсутствуют. Завершают томик оды Сапфо (p. 343–354) и комментарий к ним.

В «Стихотворении Анакреона Тийского» трижды фигурирует перевод Гакона: Львовым похвален перевод XXX оды (с. 144–212),

сочувственно процитированы отзывы об одах IX (с. 187–188 — p. 254–255) и XIV (с. 262 — p. 277).

Двухтомную антологию античных поэтов во французском прозаическом переводе представляет книга Ж. Ж. Мутонне де Клерфона (Julien-Jacques Moutonnet de Clairfons, 1740–1813), первым изданием которой пользовался в своей работе Львов[64]:

5) Anacréon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des fêtes de Vénus et d'un choix de pièces de différents auteurs. Par M. M*** C***. Paris, 1773. In-4°.[65]

Раздел, посвященный Анакреонту (p. 1–94), включает статью «Жизнь Анакреонта» и перевод 62 од, шести эпиграмм и двух фрагментов, которые сопровождены обширными комментариями. Особенность данного издания в том, что Мутонне де Клерфон включал в примечания стихотворные переводы других авторов, а также подражания, варьировавшие мотивы той или иной оды. Львов четырежды с указанием источника ссылается на фактические данные, содержащиеся в биографической статье Мутонне де Клерфона **(**с. II, XIII (дважды), XVIII**)**, о котором был явно невысокого мнения, как следует из примечания на с. II: «Еециею названа мать его [Анакреонта. — *К. Л.-Д.*] в переводе французском, г. Мутонне де Клерфон в 1773 году напечатанном, но я не нашел на сие предание никакого древнего свидетельства и не очень уверен, нужно ли было искать оного».

На критический лад Львова, видимо, настроила некоторая поверхностность суждений, присущая статье Мутонне де Клерфона, как это, например, заметно в следующей характеристике античного поэта: «Son âme étoit noble & élevée: il avoit l'esprit enjoué & charmant; l'imagination riche & fleurie; le cœur peut-être plus volupteux que tendre» («Его душа была благородна и возвышенна: он имел ум живой и обаятельный; воображение богатое и пышное; сердце, возможно, более страстное, чем нежное»; p. 8–9). Совпадение же

---

[64] В списке переводчиков Анакреонта Львовым вслед за Бодонием указан 1779 г. как дата выхода из печати перевода Мутонне де Клерфона (с. XXVI), хотя немногим выше в том же предисловии он признавался, что имел под рукой издание 1773 г. (с. II).

[65] Антология Мутонне де Клерфона пользовалась широкой популярностью в XVIII столетии; она издавалась в 1773, 1779, 1780, 1782 и 1785 гг.

в трактовке образа античного лирика в двух предисловиях удалось отыскать лишь одно: Львов подчеркивал, что картины Анакреонта «суть ничто иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI), тогда как Мутонне де Клерфон утверждал: «Tous ses vers prouvent qu'il ne consultoit que son coeur & la nature» («Все его стихи убеждают, что он советовался только со своим сердцем и с природой»; p. 10). Все же эти суждения настолько общи, что не позволяют говорить о цитировании или непосредственном заимствовании.

В своих комментариях Львов шесть раз приводит варианты перевода, избранные Мутонне де Клерфоном (с. 67, 77, 87, 91, 183, 269), один раз сочувственно цитирует примечание с указанием источника (с. 186 — p. 57–59) и один раз без ссылки (с. 272 — p. 82). На с. 187 Львов цитировал идиллию Феокрита, отрывок которой приведен и у А. Дасье (p. 125), и у Мутонне де Клерфона (p. 57). Хотя переводы различны, текст настолько близок, что нельзя установить, чье примечание стало источником для комментария Львова. Полемизируя с мнением Дасье о XLIV оде (с. 195), русский поэт утверждал, что это стихотворение Анакреонта ему почти не нравится и даже песенка мадемуазель Потар де Лю кажется лучше. Эта песенка приведена в издании Мутонне де Клерфона в комментариях (p. 64–65).

Львов неоднократно обращался к анонимному немецкому изданию переводов из Анакреонта, принадлежащему Иоганну Генриху Фридриху Мейнеке (Johann Heinrich Friedrich Meinecke, 1745–1825):

7) Anakreons Gedichte, nebst zwey andern anakreontischen Gedichten und den Oden der Sappho, aus dem Griechischen in die Versarten des Originals übersetzt. Leipzig, 1776. 142 S. In-8°.

Мейнеке не раз с уважением отзывается в предисловии (с. 1–8) о труде своего предшественника И. Н. Гётца,[66] полагая все же, что немецкий читатель должен получить более совершенный перевод, ибо Гётц разжижал мысли Анакреонта. Он также порой без нужды отступал от подлинника, а иногда более следовал французскому тексту Дасье, чем оригиналу (S. 5). Помимо введения книга содер-

[66] Имелось в виду издание, в котором имя переводчика не указано: Die Gedichte Anakreons und der Sappho Oden. Aus dem Griechischen übersetzt und mit Anmerkungen begleitet. Karlsruhe, 1760. 228 S.

жит краткую биографическую статью (S. 9–18) и нерифмованные стихотворные переложения 67 од (S. 21–124). Русский поэт использовал книгу Мейнеке главным образом при поиске более удачных вариантов перевода. Этим вызвана ее цитация в примечаниях (с. 67, 72, 83, 87, 91, 183, 189, 263).

Перевод од Анакреонта на итальянский язык, выполненный Паоло Ролли (Paolo Rolli, 1687–1764), появился в Лондоне в 1739 г. (у Львова вслед за Амадуцци ошибка — 1740, а имя поэта обезображивает опечатка — «Павел Роми»):

9) Delle Ode d'Anacreonte teio traduzzione di Paolo Rolli. Londra, 1739. [2], 70 p. In-8°.

Гравированный портрет Анакреонта в лавровом венке открывает книгу, украшенную большим числом изящных виньеток. В кратком обращении к читателю (p. [1]–[2]) подчеркиваются главные особенности поэзии Анакреонта — «природная изысканность, возвышенная простота, изящная грация, сладчайшие стихи» («vaghezza naturale, semplicità sublime, grazie vezzose, dolcissimi versi»), а также неподражаемость. Далее следует перевод на итальянский 64 од рифмованными стихами, которые замыкает ненумерованная «Последняя ода» («oda ultima»), по всей видимости подражание Ролли греческому лирику (p. 68–70). Львов трижды процитировал итальянский текст лондонского издания для обоснования верности собственного перевода (с. 83, 90, 91).

Выше в статье указано на следы, которые оставили в «Стихотворении Анакреона Тийского» книги, имевшиеся у Львова под рукой, а именно: издания Бодони, Дасье, Лафосса, Лонжепьера, Гакона, Ролли, Мутонне де Клерфона и Мейнеке. Семь из них (то есть все, кроме тома, изданного Бодони) содержали переводы стихов Анакреонта. Верность сделанных наблюдений подтверждает и следующая проговорка Львова — на с. 174 он признался, что в поисках наиболее удачного варианта сравнил семь переводов на разные языки; и это совпадает со сделанными подсчетами.

4. Н. А. Львов об Анакреонте и задачах переводчика

Замечательной особенностью «Стихотворения Анакреона Тийского» следует признать то, что предисловие и комментарии в этой книге, взаимно дополняя друг друга, составляют оригинальное це-

лое. Ряд положений, прокламируемых во введении, реализуется в примечаниях, которые в свою очередь не раз отсылают к предисловию. Оговорюсь сразу, что речь пойдет об оригинальных положениях Львова или о положениях, им оригинально развиваемых, а не о той многообразной информации, которую он черпал у предшественников (специфика использования поэтом переводов из Анакреонта и комментированных изданий анакреонтики XVI–XVIII вв. освещена выше).

В предисловии Львов ставит своей задачей прежде всего пересмотреть репутацию Анакреонта и со свойственной ему страстностью обрушивается на расхожее представление об Анакреонте как о никчемном гуляке: «Обыкновенное мнение о свойстве и поведении Анакреона состоит в том только, что он во всю жизнь свою любил, пел вино и пил» (с. IV). Надо сказать, что со сходной задачей до Львова сталкивались почти все публикаторы стихов Анакреонта и анакреонтики. Им было необходимо доказать общественную ценность и безвредность для нравов этой сугубо гедонистической поэзии. Поэтому они предпочитали говорить о маске, надевавшейся поэтом в минуты пиров, о приверженности его изящным, а не грубым наслаждениям.[67] Львов строит свою апологию сходным образом, подчеркивая, что уже в античности раздавались голоса в защиту теосского лирика: «Платон называет мудрым Анакреона. Елиан по прозванию Сладкоязычный в истории своей говорит: „Да не осмелится кто-либо порочить Тийского стихотворца, называя его невоздержным“» (с. XV–XVI). Поэтому нельзя, считал русский поэт, основав свое мнение «на стихах застольных, на песнях веселых и любовных», заключить, что «сочинитель оных был развратной пьяница». Порукой в этом служат подлинные известия о поэте, а также его утонченный художественный вкус, ибо «люди изящного и тонкого вкуса редко бывают подвержены порокам грубым, каково пьянство или разврат» (с. XVII).[68]

---

[67] Руководствуясь сходными соображениями, немецкие поэты-анакреонтики Ф. Хагедорн, И. В. Л. Глейм и К. Ф. Вейсе нередко подчеркивали несоответствие между своим действительным образом жизни и тем, что изображено в их стихах (*Ausfeld F.* Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts; Ihre Beziehung zur französischen und zur antiken Lyrik. Materialien und Studien. Straßburg, 1907. S. 39).

[68] При подготовке второго издания Львов уточняет свой аргумент, заменив эпитет «тонкий» на «нежный» в этом пассаже (к, с. XVII).

По стихам нельзя судить о нравственных принципах Анакреонта (здесь Львов, как и в ряде других случаев, противоречит некоторым из своих же прежних высказываний): «А между тем Эпикур, учитель роскоши, жил воздержно. Гораций вина не пил» (с. XVIII). Хотя это утверждение о Горации способно вызвать лишь улыбку, оно немаловажно в системе аргументации Львова, полагавшего, что Анакреонт имел многие добродетели (с. III), что в нем высокое происхождение соединилось с высокими нравственными качествами и дарованиями: «...наследное свое благородство умел Анакреон поддержать силою своего таланта, поведением своим, добродетелью, твердостию» (с. IV).

Анакреонт, по мнению переводчика, не только выдающийся поэт, но и «изобретатель анакреонтических стихов, какими писал он, которыми потом писали многие; но до него никто не писывал» (с. X). Теосский лирик, великолепно владевший греческим языком, неподражаем, в пользу чего приведен следующий, прямо скажем, неочевидный аргумент: «по сю пору не было еще Анакреона ни в каком народе» (с. XII).

Особенно же, по мнению Львова, важно то, что Анакреонт не только «отменный стихотворец», но и «проповедник толь утешительной и толь приятной философии» (с. II). Стихи его были созданы во время отдыха, застолья и в изящной поэтической форме отражают состояние души античного поэта именно в эти минуты. Поэтому Анакреонт — своеобразный наставник, учащий утонченному проведению досуга, а главное достоинство его поэзии — в «приятной философии, каждого человека состояние услаждающей» (с. IV–V), в «пленительной истине и простоте мыслей, таком чистом и волшебном языке, который останется предметом отчаяния для всех подражателей его» (с. V–VI). В этом Львов отчасти опирается, но и не в меньшей степени отталкивается от мнения Ломоносова, высказанного тем в «Разговоре с Анакреоном»:

Анакреон, ты верно
Великой филосов,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,

Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал...[69]

Действительно, отдавая должное Анакреонту как «философу жизни», как тому, кто жил по объявленным им принципам, Ломоносов, конечно же, был далек от того, чтобы признать за этой философией этическое значение для общества и призывать к следованию ей. Видимо, ощущая некоторую шаткость своей аргументации, Львов вводит в игру еще один довод — благочестие Анакреонта, прямые доказательства в пользу которого ему привести нелегко: «Потому что Анакреон не токмо наблюдал наружные богослужения обряды, но доказывал на самом деле, что душа его исполнена была действительным смыслом их таинств; без того и стихи его не были бы глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения» (с. VII).

Наряду с художественными достоинствами стихов теосского лирика Львов отмечает их близость впечатлениям поэта, их «естественность»: «Стихи плавны, свободны; картины и рассуждение его (если таковыми можно назвать действительное убеждение сердца) суть ни что иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI). Душа Анакреонта была «толь мягкого и нежного свойства», что он не мог петь ничего, кроме любви и утех, поэтому он всю жизнь был предан Венере, Купидону, харитам. Те же представления Львов развивал в примечаниях к XLIII оде: «Ода сия всегда мне в мысли представляет чувствительного человека, обрадованного голосом весны, которой впечатления умел он ощутить и свойственным действию языком изобразить сердце, отверстое на прелести природы» (с. 194). В оде XXXIII «К ласточке» Львов видел аллегорию (впрочем, как и в оде XXXII — см. с. 175), выражающую постоянство Анакреонта «к одной только страсти,

[69] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986. С. 270–271. «Разговор с Анакреоном» (написан между 1758 и 1761 гг.), имевший важнейшее значение для Львова, был впервые опубликован в 1771 г. и после этого неизменно перепечатывался в собраниях сочинений Ломоносова.

а не к предметам оной» (с. 176), что, видимо, тоже должно было подчеркнуть его чувствительность.

Благодаря своему таланту и высоким нравственным качествам Анакреонт занимает исключительное место в истории мировой поэзии. Уже в древности он был образцом для поэтов. Ниже Львов касается проблематики знаменитого спора конца XVII столетия, спора о Древних и Новых, и противопоставляет поэзию Нового времени античной, отдавая предпочтение последней. Но в отличие от Ж. Лафонтена, Н. Буало, А. Дасье, которые ценили древнюю литературу как высшее проявление величественного и рационально постигаемого, Львов вполне в духе идей европейского сентиментализма считал главным достоинством античных авторов то, что они с простотой и безыскусностью смогли выразить переживания частного человека; русский поэт признается в предисловии, что долго не понимал прелести стихов греческого лирика, их вневременную ценность (этот пассаж, как и ряд некоторых других, весьма показателен, ибо из него явствует, что предисловие написано очень лично, от первого лица):

> Но что отменного, что хорошего в Анакреоне? Все безделки... читая много раз Анакреона, спрашивал я сам у себя, будучи заражен пухлостями какого-нибудь Томаса или пряного Дората, до самых тех пор, покуда учение древних авторов, очистя вкус мой от фальшивых блесток французских лириков, не открыло глазам моим важную и простую красоту истины; тогда только ощутил я, разницу увидя, что витийственные красоты новых писателей блистают в памяти, как искра в воздухе; древние же, постоянным примечанием человеческих дел красóты истины в чистом источнике природы почерпавшие, умели в коротких сочинениях своих так оживотворить действием, что проходя без усилия память, начертаются они в сердце приятным и утешительным впечатлением... (с. VII–IX).

Ф. Петрарка, А. Л. Тома, К. Ж. Дора, Г. А. Шолье, С. Геснер и другие новые поэты, по убеждению Львова, лишь подражатели Анакреонта, «потому что все черты его ума, все изречения души принадлежат его собственному ощущению» (с. XI). В их же стихах «и разбавленные, но те же самые красоты кажутся только понежнее бледностью своею для глаз наших» (с. XI). Поэтому многие мотивы од теосского лирика известны через их парафразы в новой литературе, в плоть и кровь которой они вошли. В примечании к оде LVIII Львов отмечал: «Мы везде, кажется, эту песенку и читали и знаем, кроме подлинника, которым она служила знакомым нашим…»

(с. 274). А «комедия граций» Ж. Сен-Фуа,[70] по мнению русского поэта, восходит к оде XXX Анакреонта (с. 173).

При подготовке переиздания Львовым были сделаны незначительные, но характерные поправки: если сначала говорилось о «пухлостях» какого-нибудь Томаса или пряного Дората, то теперь об их «пухлом витийстве» (к, с. VIII), а «витийственные красоты» были заменены на «витийственные украшения» (к, с. VIII). Более понятны становятся упреки по адресу новых поэтов — они, якобы, изменили верности природе, правде сердца, прельстившись пышностью и декоративными эффектами. По мнению Львова, между Анакреонтом и читателем его стихов возникает некоторый рационально непостигаемый контакт (к тому же следует стремиться и всякому истинному поэту): «…между писателем и мною, читавшим оного, остается какая-то взаимная доверенность, знакомство, хотя не личное, но такое, по которому можешь себе иногда сказать: „он этого бы не подумал“, или „он бы в сем случае так не поступил“» (с. IX). Подобное действие вызвано тем, что древние «сообщали свету только то, в чем сами были убеждены опытом» (с. IX). Между Львовым и античным поэтом в определенный момент состоялось это сближение, имевшее для него этическое значение: «…Анакреон, мне кажется, искусив ощущение природы, открыл мне оное в душевной своей откровенности с тем, что его стихами чаще я могу к добру своему руководствоваться, нежели пощеголять, повторяя оные в беседе...» (с. IX–X).

С именем теосского лирика Львов связывал идеальное соотношение между частной жизнью и творчеством писателя, во многом предваряющее знаменитую пушкинскую формулу «Слова поэта суть уже его дела»:

> Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее; библиотеки тогда сделалися бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, человека узнавали бы вдруг и по собственной расписке его, так сказать, сократился бы тогда путь к познанию и благоденствию его (к, с. XVIII).[71]

---

[70] Ср. запись, сделанную в связи с чтением пьесы Ж. Ф. Пуллена де Сен-Фуа «Грации», сделанную Львовым 12 июля 1773 г. в «Путевой тетради № 1» (ИРЛИ. 16.470 / CIV620. Л. 28 об.). Судя по ней, поэт читал комедию в итальянском переводе.

[71] Здесь уместна следующая цитата из «Письма к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева» Батюшкова: «Счастлив тот, кто мог жить, как писал,

В «Стихотворении Анакреона Тийского» Львов реализовал часть своих теоретических положений, поэтому книгу следует рассматривать не только как перевод, но и как воплощение комплексного художественного замысла. Особенно важны в этом отношении примечания, которые, кроме пояснений к реалиям, географическим названиям, мифологическим именам и т. д., содержат автобиографические отступления, оценки художественных достоинств той или иной оды, перемежающиеся критическими этюдами и даже анекдотами. Качества, которые Львов столь ценил в анакреонтической поэзии, должны были, по всей видимости, быть присущи и его собственному труду — отсюда в комментарии установка на максимальную искренность, ибо читателю нужно помочь возможно лучше узнать переводчика, поверить ему. То полезное, что вынесет из книги всякий взявший ее в руки, должно быть облечено в изящную форму, иначе оно не достигнет своей цели. Львов вводит в комментарий элементы свободного диалога с читателем, игры, иронии, разговорные обороты, автобиографические признания, он с лукавством или деланным прямодушием пишет о своих оппонентах, когда они, как ему кажется, неправы.

Приведу несколько примеров непринужденной манеры изложения в комментариях Львова, благодаря которой перед читателем начинает вырисовываться образ Переводчика, симпатичного рассказчика, — с одной стороны, искренне и глубоко лично повествующего о своем восхищении Анакреонтом и о собственной истории постижения красот его стихов; с другой — преследующего цели чисто развлекательные, наполняющего перитексты светской болтовней и остротами.

Как уже отмечалось, в предисловии Львов подчеркивал умеренность потребления вина Анакреонтом; частое же упоминание этого

и писать, как жил!» (*Батюшков К. Н.* Сочинения: В 3 т. / Со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанной Л. Н. Майковым, и примеч., составленными им же и В. И. Саитовым. СПб., 1885. Т. 2. С. 89). Напомню, реплика Пушкина «Слова поэта суть уже его дела», донесенная до нас «Выбранными местами из переписки с друзьями Николая Гоголя» (СПб., 1847; письмо IV «О том, что такое слово»), было реакцией на строки Державина в стихотворении «Храповицкому» (1797): «За слова — меня пусть гложет, / За дела — сатирик чтит» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. II. С. 52).

напитка в стихах могло способствовать возникновению у читателя совсем иных представлений. Именно противодействовать им должны были, видимо, следующие шутки, подчеркивавшие единство пространства, в котором Львову хотелось видеть автора, его переводчика и читателя: «Пожелая <sic!> Анакреону счастливого похмелья, комментариев на хмель его делать я не обязан» (с. 175). «Я просто написал вино; и ежели заболит голова у трезвого моего читателя оттого, что я не разбавил оное водою, в том прошу прощения» (с. 189).

Не соглашаясь с комментарием Анны Дасье к оде XLIV, Львов изображает сначала преувеличенное благоговение перед предшественницей, используя зрительные образы, контрастирующие с тематикой заочного ученого спора, и достигает тем комического эффекта: «Тут на колени я перед г-жою Дасье и руки вверх... прошу французского ее прощения за то, что как ни вертел, сколько мне любимую ее оду ни толковали, как ни читал я переводчиков, не мог дорыться сих таинственных красот, которые бы равняли ее со многими прочими одами Анакреона» (с. 195).

Ряд комментариев в «Стихотворении Анакреона Тийского» явно рассчитан лишь на то, чтобы позабавить читателя, поддержать «взаимную доверенность», почти личное знакомство между ним и переводчиком: «У греков также, как и у латинов, была пословица garrula cornix. В те времена черные птицы, видно, болтливее были перепелесых, потому что мы говорим: „болтлива, как сорока“» (с. 82).

Столь же непринужденно Львов сталкивает различные представления о загробном мире — языческие и христианские — в комментарии к стиху о хороводах мертвых из оды IV: «…веселому стихотворцу простительно было покойников и танцевать заставить» (с. 74). А о гомоэротических отношениях, предположительно связывавших Анакреонта и Вафилла, переводчик посчитал упомянуть хотя и вскользь, но не без игривости: «На счет его [Вафилла. — *К. Л.-Д.*] есть кое-какие повести, которых женщины его времени ни ему, ни Анакреону не прощали...» (с. 82).[72]

---

[72] Эта тема продолжена в комментарии к XXIX оде, в русском переводе которой семь строк заполнены отточиями: «После 34го стиха пропущены 7 стихов, которых слишком нежели страстное начертание в начальные разве только времена

Комментарии Львова не раз преображаются в почти исповедальные рассказы о переживании им художественных достоинств Анакреонтовых од и потому содержат бесценный материал для характеристики его эстетических воззрений. Так, оду XXXVII Львов считал вслед за другими комментаторами одной из наиболее удавшихся, что побуждает его посвятить ей следующий критический этюд:

Утка плещется водою,
Журавли летят.

Какие ребяческие, кажется, черты! но спроси всякой у своего сердца, к принятию весенних впечатлений еще удобного, не производит ли действительно вид сих мелочных предметов то ребяческое ощущение природы, по милости которого и в важнейших начертаниях находим мы красоты и без чего и *Хариты, усыпающие розами луг, и злачные нивы трудом земледельческим процветающие,* были бы изображения мертвые для ушей, а не для мысленных наших глаз, а не для сердца нашего картины (с. 181–182).

Одной из наиболее характерных черт предисловия и комментариев к «Стихотворению Анакреона Тийского» нужно признать последовательно выраженную в них филэллинистическую позицию. Она присуща и вступительной статье Львова к собранным им русским народным песням (СПб., 1790), и введению к изданию пьесы Екатерины II «Начальное управление Олега» 1791 г. Львов в «Стихотворении Анакреона Тийского» неоднократно подчеркивает особенную близость русского и греческого языков, отмечает их выразительность в противоположность французскому, который назван бедным (с. 78; см. также с. 191). В этом контексте вполне ясны причины пристрастия Львова к слову «хариты», которые он и сам не склонен скрывать:

С французского языка привыкли мы писать и называть грациями спутниц прелестей и красоты, которые харитами у греков именовались; но у французов «les graces» в языке принято *за прелести*. У них и прилагательное есть gracieux; а по-русски Грации, мне кажется, столько же значат, сколько и хариты, которые, впрочем, к нам соседственнее (с. 74–75).

природы стыдливостию не поражали уши к объяснению того, чего я здесь сказать не мог. Все переводившие Анакреона на европейские языки пропускали их, как и я…» (с. 172). Этот пропуск был до известной степени скомпенсирован тем, что Львов по собственному усмотрению заполнил лакуну в оде XLIX, присочинив по-русски два стиха и без утайки указав в своих комментариях на «несвязность и в самом подлиннике» (с. 265).

По мнению Львова, русскому и греческому языкам присущи преимущества, выделяющие их среди других языков: «В подлиннике на дорическом языке сказано: „μεθυδότας“, то есть: „винодатель“;[73] и слово сие не могло, к сожалению госпожи Дасье, на французском языке ее переведено быть без метафоры. Русской язык наш имеет так же, как и греческой, преимущество словосложения, дающего толь сильные и краткие изображения вещам, когда только во зло не употреблено оное» (с. 168–169).

Красной нитью через все издание 1794 г. проходит убежденность Львова о своеобразии каждого языка, уверенность в том, что переводчику необходимо учитывать это обстоятельство в своей работе (см. особенно с. 88–93). Даже между русским и греческим языками, несмотря на их, якобы, близость, существуют различия, с которыми нельзя не считаться, что порой ведет к пояснениям явно излишним, как в случае с данной метонимией: «…во 2 стихе вместо вина в греческом написано: „дайте мне Вакха“, то слово „того“ и сказано в относительном смысле к Вакху. Я, принужден будучи по свойству нашего языка вместо Вакха поставить вино, должен уже написать вместо „цветов того“, „дайте Вакховых цветов“» (с. 89).

Именно осознание различия между языковыми средствами русского и греческого языков побудило Львова отказаться от точного воспроизведения клаузул оригинала и ввести альтернанс:

> Сия и следующая за нею ода переведены были мною равным числом стоп против подлинника и тем же, как в греческом, ударением, тем же самым метром хотел я продолжать перевод и всего Анакреона. Хотя сие гораздо бы легче было исполнить по причине одинаких женских стихов, но мне показалось, что единообразие оных на русском языке делает какую-то неприятную звучность для слуха, привыкшего не токмо к разнообразному ударению, но еще и к рифме. А потому и принужденным нашелся перевесть те же самые оды вторично, перемешать женские стихи с мужескими и в краткий стих поместить тот же смысл, какой в длинном женском стихе греческого подлинника находится (к, с. 63–64).[74]

---

[73] Точнее было бы, пожалуй, «пьянодатель» или «хмеледарователь», если попытаться дать максимально точный образец перевода.

[74] Далее «для желающих знать точную гармонию стихов Анакреоновых» приводится первый вариант перевода первой анакреонтической оды, выполненный, по мнению Львова, «греческим метром», а именно: трехстопным ямбом исключительно с женскими клаузулами (с. 64–65).

В комментариях к «Стихотворению Анакреона Тийского» также поясняются некоторые из принципов, которыми руководствовался Львов-переводчик. При всем трепетном отношении к лирике Анакреонта он полагал в ряде случаев возможным отклонения от принципов буквального перевода — в том смысле, как он его, конечно, понимал.

Во-первых, это должно было способствовать более точной передаче авторской мысли на ином языке:

На что вздыхать, тужить, ст. 9.

В греческом сказано:

зачем же заблуждаться в сей жизни.

Литтеральный перевод на русском языке сего наречия не изобразил бы, мне кажется, мысли Анакреоновой, клонящейся к тому, по смыслу автора, что зачем нам заниматься делами, которые, по мнению его, для того только бесполезны, что жизни продолжить не могут (с. 167–168).[75]

Полагая своей главной задачей передачу общего смысла од, Львов допускал устранение некоторых второстепенных, излишних, по его представлению, «украшений»: «…принужден я был пожертвовать некоторыми красотами истине держаться смыслу подлинника, выкинув только один нелепый страдательный глагол» (с. 88). Сходными доводами обосновывалась возможность добавлений при переводе, к примеру, в пояснении к XXII оде: «Я принужден был прибавить журчит убеждением, чтоб не потерять совсем мысли Анакреоновой» (с. 94).

Когда добавления вызваны иными причинами (например, избранным принципом чередования женских и мужских клаузул, как явствует из приводимой ниже цитаты), Львов считал необходимым выделить графически слова, привнесенные переводчиком, так как

---

[75] Речь идет о переводе 8–9 стихов оды XXIII:

Τί καὶ μάτην στενάζω,
Τί καὶ γόους προπέμπω. (с. 98).
(Что же напрасно стенаю и заранее рыдаю?).

Стоит указать на то, что перевод, который Львов считал более точным, таковым не является. Дело здесь, по-видимому, в неверности подстрочника, которым пользовался поэт. Парадокс и в том, что избранный вариант ближе к подлиннику, чем тот, который Львов полагал «литтеральным». В переводе И. И. Мартынова читаем здесь: «Чему мне суетиться, / Грустить и воздыхать».

это, по его мнению, искажает подлинник (впрочем, подобный графический прием был применен всего один раз):

Если пью вино я сладко. ст. I.

Сей несколько раз в продолжение оды повторенный стих везде сказан просто и одинаково:

Когда я пью вино и проч.

Ни в которой оде не был я столько принужден отступить от подлинника, как здесь, будучи обязан повторять тот же стих то женским, то мужеским стихом, прибавлял по необходимости ненужные и незначащие эпитеты: *сладко* и прочее, которые напечатал нарочно косыми буквами для того, чтобы читатель видел, что лишнее и дурное принадлежит мне, а не Анакреону (с. 184–185).

Львов полагал также, что переводчик должен избегать нежелательных параномастических ассоциаций:

Анакреон говорит подле молодого «питуха»,[76] а слово «питуха» весьма близко на нашем языке к петуху; и для того поставил я:

Подле юного детины,
Что в беседе смело пьет.

чтобы ошибкою чтеца не зайтить в курятник (с. 190).

Лишь один раз изменения были предприняты из соображений модернизации переводимого стихотворения. По неясным соображениям именно в этом случае Львов берет на себя смелость вызывающе порвать с античными реалиями в примечаниях к XXXVIII оде:

Не с тирсом, но бутылкой
Пляшу, когда хочу. ст. 3 и 4.

В подлиннике сказано:

Вместо тирса держу я мех винной.

Я взял смелость убавить оной и дать бутылку, чтобы пляшущего под русскую песню не обезобразить Анакреона (с. 180).

Заметим здесь, что сочетание бутылки с тирсом в переводе античного стихотворения производит, скорее, комическое впечатление. Их упоминание, конечно же, вступало в противоречие с теми заявлениями о единстве и изяществе стиля Анакреонта, которые Львов постоянно делал. Впрочем, даже Анна Дасье, как выше указывалось, допускала некоторую модернизацию переводимого текста для

[76] Прихотливый перевод «ἔφηβος» в греческом подлиннике.

того, чтобы приблизить его к иной читательской аудитории. Этот путь на рубеже XVIII и XIX вв. оказался весьма плодотворным, но, конечно же, не в области перевода, но в сфере вариаций и подражаний. Так, цель дать именно «русского Анакреона», Анакреонта, танцующего и поющего на русских нивах, поставил вскоре перед собой Державин в «Анакреонтических песнях» и не без тяжеловесной грации ее достиг.

5. Н. А. Львов — переводчик Анакреонта и анакреонтики

Как уже говорилось выше, важнейшую роль в «Стихотворении Анакреона Тийского» играют различные перитекстуальные поля, в силу чего имеет смысл сначала обратить внимание на заглавия стихотворений. В большинстве случаев их перевод довольно точен (оды I–V, VII–XIX, XXI–XXII, XXIV–XXXIII, XXXVI–XLI, L–LI, LIII, LV, LVI, LXI). Львов явно стремился передать смысл греческих названий, а не следовать слепо за Анной Дасье, допускавшей известные отклонения при их переводе. Куда большее значение, чем ее варианты, для него имел подстрочник, подготовленный «человеком добровольным и греческой язык хорошо знающим».[77] В некоторых случаях Львов за Дасье поэтому не следовал: так, совпадающие названия двух од «εἰς κόρην» («К девушке») русский поэт перевел и как «К девушке своей» (ода XX) и как «К любовнице» (ода XXXIV); у Дасье в обоих случаях — «À sa maîtresse» («К своей возлюбленной»). Иногда для большего соответствия теме стихотворения и сам Львов изменял названия: так, ода XXXV «εἰς την Εὐρώπην» («На Европу») у Львова озаглавлена «Похищение Европы»; ода VI «εἰς τὸ αὐτό» («О том же», «На то же самое») — «Торжество любви или Ком» и др. Порой Львов давал заглавия одам, их не имевшим, для того, чтобы сразу сфокусировать внимание читателя на центральной теме или образе стихотворения: «На стариков», «На праздник», «Бакханалии», «На оргии», «На фракийскую

[77] Им, по всей видимости, был И. И. Мартынов, как указывалось выше. Подстрочник не сохранился; о нем можно составить некоторое представление по его части — прозаическому переводу оды I, приведенному на с. XXI–XXII.

кобылицу», «На боязнь девушки», «Знатность и богатство Анакреон ни во что ставил» и т. д.

Греческая анакреонтика написана по большей части либо гемиямбами[78] (дословно «полуямбами», то есть полустихами ямбического триметра; их метрическая схема: ×–∪–∪–×), либо анакреонтеем (метрическая схема: ∪∪–∪–∪––), которые лишь изредка разнообразятся анаклазисами.[79] В силлаботонической системе первому размеру наилучшим образом соответствует трехстопный ямб, а второму — четырехстопный хорей; ритмические колебания ни в том, ни в другом по-русски непередаваемы.[80] Куда сложнее дело обстоит с подлинными стихами Анакреонта — в метрическом отношении они куда более изощрены (см. ниже).

Незнание Львовым греческого языка, как и отсутствие у него углубленных знаний о специфике античного стихосложения, конечно же, исключало передачу метрических особенностей греческого оригинала. Более того, как об этом уже говорилось выше, в предуведомлении к комментариям он обосновал необходимость чередования мужских и женских клаузул в стихотворном переводе во избежание ритмического однообразия.

По всей видимости, выбирая тот или иной размер, Львов опирался на указания автора подстрочника, поэтому оды I–II, IX–XVIII, XXIII, XXV, XXVII, XXX–XXXV, XXXVIII, XLVII, сочиненные гемиямбами, вполне предсказуемо переданы трехстопными ямбами, а оды III–VIII, XXI–XXII, XXIV, XXVIII–XXIX, XXXVII, XXXIX, XLI–XLVI, L–LI, LIII–LIV, написанные анакреонтеем, — четырехстопным хореем. Все же в ряде случаев (и чем дальше к концу книги, тем таких случаев больше) все сделано с точностью до наоборот: гемиямбические оды XIX–XX, XL, LV переведены четырехстоп-

---

[78] Подробнее о метрах эллинистической анакреонтики см. в предисловии к кн.: Carmina anacreontea / Edidit M. L. West. Leipzig, 1984. P. XIV–XVI.

[79] Этот размер нередко фигурирует в названии анакреонтических сборников — «συμποσιακὰ ἡμιάμβια» (т. е. «пиршественные гемиямбы»).

[80] Немецкий опыт перевода стихов Анакреонта и анакреонтики в силу утверждения в XVIII в. в русской поэзии силлаботоники, конечно же, был определяющим. В Германии в подобных случаях избирались трехстопные и четырехстопные хореи и ямбы (*Ausfeld F.* Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts. S. 141).

ными хореями; а оды XXXVI, LII, LXI,[81] написанные анакреонтеем, — трехстопными ямбами. Для од XLVIII–XLIX избран четырехстопный ямб, хотя они тоже написаны анакреонтеем. Лишь одно эллинистическое подражание метрически неоднородно — ода XXVI состоит из семи гемиямбов и трех заключительных анакреонтеев. Эта двусоставность проигнорирована в хореическом переводе.

Заслуживает внимания и следующий метрический ход Львова в основном корпусе переведенной им анакреонтики. Уклоняясь от перевода семи стихов в оде XXIX, откровенный гомоэротизм которых его смутил, он не только заполняет пять строк отточиями, но и усекает стих, им предшествующий, с четырехстопного хорея до трехстопного. Лакуна, таким образом, подготовлена средствами метра. На лексическом же уровне упоминание стегн содержало явственную «эротическую подсказку»:

Руки же ему и грудь
Ты Гермесовы приделай.
Стегна Поллукса…
…….
…….
…….
Но завистливым искусством
Ты почто закрыл плеча?
(с. 119, 121).

В заключительной части «Стихотворения Анакреона Тийского» метрика греческих стихов все более разнообразилась и усложнялась — именно здесь сосредоточена значительная часть подлинных стихотворений, действительно принадлежащих Анакреонту (оды LVI–LX, фрагменты LXII–LXVII).[82] Какой-либо последовательности в выборе силлабо-тонических метров для передачи античных размеров Львов в этой части книги не продемонстрировал.

И ода LVI, и ода LVII написаны анакреонтеем, несмотря на это они переведены Львовым различными размерами: первая — четы-

[81] Эта эпиталама, как уже отмечалось выше, Анакреонту не принадлежит; см. выше примеч. 24.

[82] О подлинности од см. выше примеч. 21; там же содержатся отсылки к современным изданиям текстов, переводы которых рассматриваются ниже.

рехстопным хореем; вторая — трехстопным ямбом. Для оды LVIII, считавшейся до XX в. подлинной, в силу доминирования в ней анакреонтеев хорей был бы более органичным, ибо первый стих оды — гемиямб, а четыре остальных — анакреонтеи. Львов переводит ее единообразно четырехстопным ямбом.

Куда более сложна логаэдическая структура оды LIX,[83] в силу чего хотелось бы воздержаться от высказывания мнения о предпочтительности каких-либо силлабо-тонических размеров для ее перевода. Ода LX, знаменитое обращение к кобылице, написано трохаическими диметрами, почему выбор Львовым четырехстопного ямба следует признать неудачным, а сам его перевод вяловатым и не выдерживающим сравнения с хореическим шедевром Пушкина «Кобылица молодая…».[84]

Судя по тому, что «Некоторые отрывки из Анакреоновых од» (они же оды LXII–LXVII) напечатаны большей частью как слитный текст, ни Львов, ни его консультанты не имели верного представления об их нетривиальной метрической структуре. Поэтому вполне произвольным следует признать выбор четырехстопного ямба (оды LXII–LXV) и четырехстопного хорея (оды LXVI–LXVII) при их переводе.

Семь подлинных эпиграмм Анакреонта, напечатанных в заключительном разделе книги (с. 253–259),[85] написаны элегическим дистихом,[86] размером, примеры которого уже имелись в русской поэзии, но который еще ею в конце XVIII столетия в целом освоен не был.[87] Львов и здесь действует, скорее, по наитию, избирая глав-

---

[83] Она состоит из гликонеев (стихи 1–2, 4–7; метрическая схема: ××–∪∪–∪×) и ферекратеев (стихи 3 и 8; метрическая схема: ××–∪∪–×).

[84] Переводы Львова и Пушкина сопоставлены в статье: *Теперик Т. Ф.* Н. А. Львов — переводчик Анакреонта // Alexandro Il'ušino Septuagenario oblata. М., 2011. С. 254–261.

[85] О них см. выше примеч. 22.

[86] Деление на стихи в греческом тексте этих эпиграмм произведено вполне корректно в отличие от предыдущего раздела.

[87] Впервые три элегических дистиха собственного сочинения, в которых квантитативные стопы заменены квалитативными аналогами, привел Тредиаковский в своей пространной статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755); следующим полноценным образцом этого размера в русской поэзии стало «Осьмнадцатое столетие» Радищева (см. подробнее: *Дрейдж Ч. Л.* Элегический дистих в русской поэзии // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная

ным образом трехстопные и четырехстопные ямбы;[88] лишь эпиграмма VII переведена хореем. А в эпиграмме III поэт комбинирует шестистопные и трехстопные ямбы (Я6ж+ЯЗм+ЯЗм+ЯЗж+Я6м),[89] однако их число и расположение никоим образом не напоминает чередования двух гекзаметров с двумя пентаметрами в оригинале. В этом пятистишии один стих оставлен холостым, остальные зарифмованы:

III. На Клеонорида

В отечество свое Клеонорид спешивший
На смерть свою спешил.
И в зиму южный ветр,
На путь его прельстивший,
В цветущей юности волною поглотил.
(с. 255).

Львов отдавал себе отчет об отсутствии рифм в переводимых им стихах, в конце которых гомеотелевты, если и возникают, то случайно. Подобные, непроизвольно возникавшие рифмоиды и спорадические рифмы (большей частью глагольные) находим и в переводах Львова (в оде III: трудом/кольцом; сказал/выжимал; в оде XXVI: подать/лежать и проч.). Поэт явно не ставил себе целью украсить ими перевод, но и не стремился к тому, чтобы их обязательно не было.

Несмотря на это предпочтение белого стиха, Львов в некоторых случаях как бы ненароком, но отнюдь не целиком зарифмовывает две оды, а также ряд эпиграмм.[90] При этом в оде XXIII холостыми оставлены лишь первый и третий из 17 стихов, в оде XXV — пер-

---

поэтика: Мат-лы междунар. конф. 23–27 июня 1998 г. / Под ред. М. Л. Гаспарова, А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. М., 2001. С. 72–85).

[88] В эпиграмме первой Львов их даже комбинирует (Я4м+ЯЗж+ЯЗм); во второй и четвертой это трехстопный ямб; в пятой и шестой — ямб четырехстопный.

[89] Здесь и далее при описании стихов избрана система сокращений, используемая в Национальном корпусе русского языка; см. ее подробное обоснование в статье: *Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В.* Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 71–113.

[90] Напомню, что в «Разговоре с Анакреоном» Ломоносовым зарифмованы четыре переводные оды.

вый из десяти, в эпиграмме I — второй из трех, в эпиграмме III — третий из пяти, в эпиграмме VI — первый из пяти, эпиграмме VII — первые три из семи. Как катрен с перекрестной рифмовкой переведена ода LXVIII, она же «Надгробная надпись Анакреону, Иулианом сделанная».[91]

Весьма характерно, что стихи не рифмуются в зачинах од, тем самым на первый взгляд они выглядят, как белые. Лишь тому, кто «вчитался» в оду, становится ясным, что он имеет дело с текстом, по большей части рифмованным. Смысл этого усложнения стихотворной ткани чисто игровой: внезапно приближая Анакреонта к вкусам конца XVIII столетия, Львов освежает восприятие читателя (конечно же, если тот достаточно зорок или, говоря современным языком, в должной степени компетентен), побуждая его в дальнейшем к внимательности. Повышенный лудизм этого приема сказывается в том, что и в оде XXIII, и в оде XXV Львов прибегает к рифме сквозной.[92] В первой из них это почти нарочитая цепочка из восьми глагольных рифм; во второй — из трех.

Далее, чтобы дать более полное представление о работе Львова-переводчика, рассмотрены некоторые, особенно важные для русской анакреонтической традиции оды из «Стихотворения Анакреона Тийского» в их отношениях к подлиннику и к переводам на европейские языки. При этом внимание обращено в наибольшей степени на отклонения от оригинала (как случайные, так и детерминированные идеологически, а именно: русификация), на эквилинеарность, на передачу мифологических имен. Для этого избраны оды I, III, XXXVIII, LV, LVI (здесь и далее сохраняется нумерация в «Стихотворении Анакреона Тийского») — они переводились и Ломоносовым (I, III, XXXVIII), и Пушкиным (LV, LVI).[93]

---

[91] Этот элегический дистих Юлиана Египетского переведен четырехстопным ямбом.

[92] Игровое отношение к рифме («spielerische Behandlung des Reims») и склонность к многократной рифме отмечены Ф. Аусфельдом у немецких анакреонтиков под влиянием «Путешествия Шапеля и Башомона» (1656), столь ценимого Львовым (*Ausfeld F.* Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts. S. 22, 91–93).

[93] Сведения о русских переводах этих и других стихотворных произведений см. в кн.: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиогр. указ. / Сост. Е. В. Свиясов; науч. консультант С. А. Завьялов. СПб., 1998.

При анализе перевода первой анакреонтической оды исследователь поставлен в наиболее благоприятные условия, ибо в предисловии, иллюстрируя принципы своей работы, Львов привел текст подстрочника, которым пользовался (ниже его отрывок дан справа от греческого текста). Первая ода отличается простотой языка и лаконичностью, что не создает больших сложностей при ее переводе. Тем интереснее небольшая неточность подстрочника — личная форма аориста от глагола «ἀμείβω» (обменивать, переменять) переведена в нем как «настроивал»:

Ἥμειψα νεῦρα πρώην	Настроивал струны недавно
Καὶ τὴν λύρην ἅπασαν.[94]	И лиру всю.
(с. XXI).	(с. XXI).

Львов избирает компромиссный вариант, который, видимо, следует объяснить оглядкой на переводы предшественников.[95] Лира у него не заменена на новую, натянуты лишь новые струны:

Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул (с. 5).

В начальной части оды III особенно удачным следует признать перевод «ὀχεύς» (ручка, засов) как «кольцо», способствующий созданию конкретного образа:

Τότ᾽ Ἔρως ἐπισταθεὶς μεῦ[96]	У дверей моих внезапно
Θυρέων ἔκοπτ᾽ ὀχῆας.	Постучал Эрот кольцом
(с. 8).	(с. 9).

Далее обращают на себя внимание следующие решения: метафора «σχίζειν ὀνείρους» (расщеплять, разделять сновидения) переведена с использованием русской идиомы «сладкий сон» («И тревожит сладкий сон?»), вызывающей фольклорные ассоциации; греческий стих «Μερόπων δὲ φῦλα πάντα» («Все народы, все племена людей»)[97] передан как «все звания людей», что вряд ли удачно,

---

[94] Сменил недавно струны и всю лиру (*пер. с древнегреч.*).

[95] Так, у Ломоносова: «переменил», у Дасье: «Je changeai», у Гакона: «je change», у Мейнеке: «wechselt’ ich» и т. д.

[96] В то время Эрот постучал ручкой моих дверей (*пер. с древнегреч.*).

[97] Ср. у Анны Дасье: «tous les hommes» (все люди), у Мейнеке: «Und der sterblichen Geschlechter» (смертных племена).

если учесть, что ода открыта воистину космическим образом («В час полуночный недавно, / Как Воота под рукой / Знак Арктоса обращался...»).

Заключительная часть оды III (стихи 28–32) переведена с некоторыми вольностями, заметно смещающими акценты:

᾽Ανὰ δ᾽ ἅλλεται καχάζων,	Сам, вскочив, с улыбкой молвил:
Ξένε δ᾽, εἶπε συγχάρηθι.	«Веселись, хозяин мой!
Κέρας ἀβλαβὲς μέν ἐστι,	Лук еще мой не испорчен,
Σὺ δὲ καρδίην πονήσεις.[98]	Сердце он пронзил твое»
(с. 10).	(с. 11).

Причастная форма глагола «καχάζειν» (громко смеяться, хохотать) здесь передана словосочетанием «с улыбкой», хотя у других переводчиков смысл не претерпел подобной модификации.[99] Собственно концовка оды III в «Стихотворении Анакреона Тийского» смягчена в ущерб подлиннику, где на первом плане — боль, мука, принесенная неблагодарным Эротом хозяину (ср. у Ломоносова: «Ты будешь век крушиться / Отнынь, хозяин мой»). У Львова сценка лишается этого напряжения, становится менее выразительной — Эрот пробует лук и призывает хозяина веселиться, из чего отнюдь не следует, что любовь принесет тому лишь страдания.

Анакреонтическая ода XXVIII служила в течение многих столетий образцом стихотворного экфрасиса. Лирический герой обращается в ней к художнику, прося с его слов нарисовать возлюбленную. И хотя воображаемый стихотворный портрет у Львова очень близок к оригиналу, в нем есть труднообъяснимые неточности: так, «нежный подбородок» («τρυφερὸν γένειον») из двадцать пятого стиха оды стал почему-то в переводе «двойчатым».

Описание лица девушки в подлиннике занимает восемь стихов (это стихи 17–24), а в «Стихотворении Анакреона Тийского» — десять, причем можно проследить, как Львов, сохраняя общий смысл отрывка, «оживлял» его:

Τὸ δὲ βλέμμα νῦν ἀληθῶς	Напиши ее глаза,
᾽Απὸ τοῦ πυρὸς ποίησον,	Чтобы пламенем блистали,

[98] Подпрыгивает вверх, громко смеясь, и говорит: «Радуйся, хозяин, лук не испорчен, сердце будет мучить тебя» (*пер. с древнегреч.*).

[99] У Дасье, например: «en riant de toute sa force» (смеясь изо всей своей силы).

῎Αμα γλαυκὸν ὡς ᾽Αθήνης,
῎Αμα δ᾽ ὑγρὸν ὡς Κυθήρης.
Γράφε ῥῖνα κὰι παρειὰς,
῾Ρόδα τῷ γάλακτι μίξας.
Γράφε χεῖλος οἷα Πειθοῦς,
Προκαλούμενον φίλημα.[100]
(с. 112).

Чтобы их лазурный цвет
Представлял Паллады взоры;
Но чтоб тут же в них сверкал
Страстно-влажный взгляд Венеры.
Нос и щеки напиши
С розами млеком смешенным;
И приветствием уста
Страстный поцелуй зовущи.
(с. 113).

В русском тексте есть и добавления, и небольшие изменения. Облик изображаемой девушки эротизирован двойным введением эпитета «страстный», отсутствующим в оригинале: так, взгляд назван не просто «влажным» («ὑγρός»), а «страстно-влажным»; «уста, как у Пито, зовущие поцелуй», становятся «приветствием уста страстный поцелуй зовущи».

И для эпитета «μέλας» (черный) в седьмом, и для «πόρφυρος» (темный) в десятом стихе той же XXVIII оды избран эквивалент «русые», что позволяет говорить о целенаправленной, хотя и весьма осторожной русификации переводимого текста. Львов производил «акклиматизацию» Анакреонта и в других одах весьма умеренным введением национально маркированных лексических средств, причем стилистика и образный строй стихотворений при этом не претерпели каких-либо существенных изменений. Немаловажно и то, что количество стихов, ей подвергшихся, весьма незначительно. Перечислю поэтому здесь же те случаи, когда она, на мой взгляд, имеет место: В одах VIII и XXXIX слова «παῖς» (мальчик, ребенок) и «κόρος» (мальчик, юноша) переведены как «молоде́ц», в XLIII «ἔφηβος» (юноша) — как «детина»; в LIV оде словосочетание «πάρεστιν ἥβα» (наступает молодость) передано как «становлюся молодцом». Как уже указывалось выше, только один раз сходное изменение оговорено в примечаниях к оде XXXVIII.

Принцип эквилинеарности русским поэтом не соблюдался, поэтому число стихов лишь в двенадцати одах из переведенных шестидесяти одной (не считая малые по объему отрывки од и эпи-

[100] Теперь истинно из огня сделай ее глаза одновременно голубые, как у Афины, и влажные, как у Киферы. Нарисуй нос и щеки, смешав розы с молоком, нарисуй уста, как у Пейто, зовущие поцелуй (*пер. с древнегреч.*).

граммы) соответствует количеству в оригинале. Подобные «приращения» по большей части незначительны, лишь ода XVIII вместо 19 стихов стала насчитывать 30. Очень редко оды в «Стихотворении Анакреона Тийского» короче (как, например, ода LV), чем в подлиннике. Львов в этом стихотворении с большой точностью, избегая повторений, передает авторскую мысль, сжав восемь греческих стихов до шести русских и передав гемиямб хореем:

Ἐν ἰσχίοις μὲν ἵπποι	
Πυρὸς χάραγμ᾽ ἔχουσι,	На бедре, прижженном сталью,
Κἀι Παρθίους τις ἄνδρας	Знают лошадь по тавру;
Ἐγνώρισεν τιάραις·	А парфянина по шапке.
Ἐγὼ δὲ τοὺς ἐρῶντας	Я ж влюбленного тотчас
Ἰδὼν ἐπίσταμ᾽ εὐθύς.	По сердечной легкой метке
Ἔχουσι γάρ τι λεπτὸν	И на взгляд могу узнать.
Ψυχῆς ἔσω χάραγμα.[101]	
(с. 230).	(с. 231).

Львов, как и большинство русских переводчиков XVIII в., не дифференцировал употребление греческих и латинских мифологических имен, поэтому в «Стихотворении Анакреона Тийского» рядом встречаются имена Дианы и Артемиды, Венеры и Афродиты, Купидона и Эрота и т. д. Тем существеннее тенденция, наметившаяся при подготовке второго издания: в ряде случаев поэт приблизил написание слов к византийской тадиции (вместо «Бакхилид» — «Вакхилид», вместо «Феб» — «Фив», вместо «амброзия» — «амврозия» и т. д.), а некоторые римские мифологические имена заменил на греческие («Эрот» вместо «Купидон»).

Но попробуем наконец оценить значение «Стихотворения Анакреона Тийского» в целом, как культурного явления.

Благодаря Львову Анакреонт (или, точнее, стихотворный корпус, связывавшийся эпохой с его именем) впервые был представлен в России столь внушительным собранием. И стихи греческого лирика, и эллинистические подражания в «Стихотворении Анакреона Тийского» были существенно обогащены перитекстами, содержащими пояснения основного корпуса произведений и рельефно

---

[101] На бедрах коней есть клейма, а парфянских мужей узнают по тиарам, я же, увидев влюбленных, тотчас распознаю, ибо имеют тонкую метку на сердце (*пер. с древнегреч.*).

представлявшими общую концепцию творчества теосского лирика. Весьма подробно в книге были объяснены и принципы, которыми руководствовался переводчик.

Воззрения Анны Дасье на Анакреонта, глубоко укорененные в ценностях французского классицизма XVII в., как несложно заметить, имели для Львова, скорее, значение исходного пункта. Он солидарен с суждениями предшественницы и о простоте и изяществе стихов Анакреонта, и о многообразной пользе от их чтения, и о том, что нельзя совершенно игнорировать «дух времени». Именно потому при переводе можно несколько отклониться от оригинала, несколько его модернизировать, но делает Львов это на свой, русский лад. При этом он — писатель иной эпохи и иной страны, а потому в его апологии древности слышатся отзвуки неоклассического поклонения античности с преимущественно филэллинистическим оттенком; оно набирало силу как раз во второй половине XVIII столетия. У его истоков стоял Винкельман, выразивший в формуле «благородная простота, спокойное величие» новое понимание греческого искусства и его идеалов.[102] Русский поэт был куда более восторжен в своих характеристиках, чем его французская предшественница; этому в немалой степени способствовало обольщение политическими успехами Российской империи в борьбе с Турцией и живое переживание греко-русского духовного и религиозного сродства. Таковы истоки весьма умеренной «акклиматизации» подлинника к новым условиям, которую Львов изредка предпринимал. Русификация указывала и на место создания перевода, и на универсальное значение Анакреонта, обретшего теперь новое словесное воплощение и долженствующего стать неотъемлемой частью русской культуры, и на новое окружение, в котором текстам греческого поэта предстоит жить и благотворно воздействовать на читателя. По пути, намеченному Львовым, куда дальше пошли его ближайшие друзья — Державин в «Анакреонтических песнях» и Капнист в подражаниях Горацию. Проницая вечное и общечеловеческое в национальном, они свободно варьировали заимствованные мотивы и сопрягали их с русскими реалиями. Да и

[102] Увлечение Львова Винкельманом наиболее полно отразилось в его «Итальянском дневнике» 1781 г.

сам Пушкин, перелагая позднее оду LX, сменил фракийскую кобылицу на «честь кавказского тавра», руководствуясь сходными побуждениями.

«Стихотворение Анакреона Тийского» — несомненно большой художественный успех самого Львова, преследовавшего в отличие от Анны Дасье цели отнюдь и не в первую очередь академические. Она, переведя Анакреонта прозой, не была склонна пускаться в восторженные отступления. Львов же не только избирает для перевода стихотворную форму, но и новаторски использует в своих целях перитекстуальное пространство, усложняя перспективу читательского восприятия стихов Анакреонта и одновременно умело направляя его в желаемое русло. Львов также фикционализирует предисловие и комментарии, в которых не только сообщает информацию и предпринимает уточнения, как это было принято в эдиционной практике его эпохи, но и вступает в свободную беседу с читателем и, имитируя устную речь, повествует от первого лица (случай для текста, претендующего на некоторую научность, довольно необычный). Таким образом, в перитекстах «Стихотворения Анакреона Тийского» Львов целенаправленно использует прием наррации, названный позднее сказом,[103] благодаря чему из перитекстов книги вырастает ярко очерченная фигура Переводчика (с историческим Львовым, конечно, отнюдь не тождественная, хотя и автобиографичная). Именно через призму его повествования и мировосприятия подаются сведения и об Анакреоне, и о самом Переводчике. Те, кто читал «Стихотворение Анакреона Тийского», не зная о причастности Львова к нему, составлял себе мнение именно о Переводчике — восторженном поклоннике поэзии, нашедшем благодаря Анакреонту верные эстетические (да и этические) ориентиры, преодолевшем свои юношеские увлечения литературой Нового времени. Именно этот автобиографичный, но не внешний, а внутридушевный сюжет постижения красот поэзии Анакреонта и ее переложения в русские стихи развивается в предисловии последовательно, а в примечаниях — дискретно, на примере работы с отдельными одами. В пандан к Переводчику-повествователю

[103] Упомяну блестящий пример сказа в художественной прозе Львова — «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня».

в тексте книги ощутим и вписанный в него Читатель, с которым ведется беседа, у которого может и разболеться голова при излишнем упоминании в стихах вина и с которым следует быть в высшей степени честным, ставя его сразу в известность о любых отклонениях от оригинала. Этот Читатель — потенциальный единомышленник Переводчика; имплицируется, что он способен и воспринять шутки, и стать столь же убежденным поклонником Анакреонта, сколь и Переводчик.

Успех Львова был не только собственно литературным, но и общекультурным — поэт выступил в благородной роли посредника между русской и европейскими культурами, популяризировав у себя на родине накопленные его западными предшественниками сведения об Анакреонте, о его подлинных и приписывавшихся ему произведениях. При этом, разделяя со своей эпохой заблуждения относительно принадлежности Анакреонту многочисленных эллинистических подражаний, Львов был весьма далек от верного понимания наследия античного лирика, почему о его филологическом успехе вряд ли можно говорить.[104] Даже избрав себе в качестве путеводителя Анну Дасье — одного из лучших знатоков древности начала XVIII в., чьи труды еще долго сохраняли научное значение и во многом определяли рецепцию многих древних авторов во всей Европе, в том числе и в России,[105] — Львов никоим образом не мог приблизиться к подлинному пониманию поэзии Анакреонта.

Все эти обстоятельства стали причиной произвольности общей концепции, положенной в основу «Стихотворения Анакреона Тийского»; ее значение в первую очередь историческое — это важный опыт любовного приближения к древности, выработки парадигм для усвоения ее культуры в России. Именно поэтому на каждой странице книги ощутим пафос восторженного, а порой и несколько наивного освоения пространств европейской культуры. Сами же стихотворные тексты, составившие ядро книги, стали важной вехой в истории русского переводческого искусства.

---

[104] Отмечу, что в отношении многих других греческих авторов, как, например, Гомера, ученые XVII–XVIII вв. были куда ближе к современному уровню изучения.

[105] Так, и позднее, уже в XIX в., издания Гомера, подготовленные А. Дасье, входили в круг литературы, использовавшейся Гнедичем при переводе «Илиады» (*Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 155).

В то же время нельзя отрицать и абсолютного значения «Стихотворения Анакреона Тийского» как незаурядного художественного свершения. Общая концепция творчества Анакреонта (пусть и весьма произвольная) была реализована Львовым на разных уровнях книги, что придало ей стилистическое единство и яркий колорит. Именно поэтому правомерно говорить об этой книге и как о замечательном памятнике русской литературы XVIII в., и как о собрании стихов, созданных на одном дыхании, и как об игровом макротексте, манифестировавшем принципы поэтики Львова.

Ф. ДЕ БОДЮС, В. А. СОМОВ

АМАБЛЬ ДЕ БОДЮС, MONSIEUR «LE SPECTATEUR DU NORD», И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА

«Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et morale» был одним из самых популярных периодических изданий французской эмиграции. Он появился позже других подобных журналов — первый номер вышел в Гамбурге в январе 1797 г. — но быстро приобрел авторитет и выходил регулярно каждый месяц в течение нескольких лет по 1802 г. Благодаря широкому рассеянию эмигрантов и доминирующей роли французского языка в европейской культуре той эпохи «Le Spectateur du Nord» получал информацию из многих источников — он имел корреспондентов в разных странах, не только французов, но и представителей других национальностей. Одним из таких корреспондентов был Николай Михайлович Карамзин.

«Le Spectateur du Nord» уже давно привлек внимание ученых, но эти исследования были ограничены отсутствием материалов.[1] Лишь в последнее время стал доступен архив его редактора Амабля де Бодюса, который позволяет представить историю создания журнала, установить авторов некоторых анонимных публикаций, изучить особенности его распространения во Франции, в немецких землях,

[1] *Hazard P.* Le Spectateur du Nord // Revue d'histoire littéraire de la France. 1906. P. 26–50.

© Ф. де Бодюс, В. А. Сомов, 2015

на Севере Европы, а также проследить контакты журналистов с Россией, что и является предметом настоящей статьи.[2]

* * *

Амабль (Мари Жан Луи Амабль) Бодюс де Вилленев (Baudus de Villeneuve) родился в 1761 г. в г. Каор (Cahors) на юге Франции в дворянской семье, происходившей из Тосканы. Выходцы из этой семьи в течение долгого времени становились судейскими чиновниками г. Каора и будущий литератор продолжает эту традицию. Получив образование в университете Тулузы, он занимает должность королевского адвоката в родном городе. Во время революции Бодюс, как и множество других дворян, был вынужден покинуть Францию. В июле 1792 г. он вступает в армию Принцев, вскоре распущенную. Его отец стал одной из жертв политических репрессий и был казнен.

В эмиграции Бодюс начинает заниматься литературным трудом. В Голландии он сотрудничает с Жаном Люзаком (Luzac), издателем «Gazette de Leyde», затем, перебравшись на территорию Дании и обосновавшись в городке Альтона, неподалеку от Гамбурга, он организует собственное периодическое издание «Journal d'Altona» (1795–1796), существовавшее совсем недолго, несколько месяцев. Тогда же Бодюс встречается с издателем и книготорговцем Пьером Франсуа Фошем, занимавшим видное положение в деле распространения французской книги на севере Европы, и это знакомство положило начало «Le Spectateur du Nord».

П. Ф. Фош (Fauche) (1763–1814) принадлежал к семье опытных книжников, его отец был одним из создателей «Типографского общества Невшателя». С начала 1780-х гг. Пьер Франсуа руководил

---

[2] *Richard Fr.* Amable de Baudus: 1761–1822. Saint-Maure, 2010. T. 1–4. Издание доступно в электронной форме (http://www.sudoc.fr/150930356), также существует несколько экземпляров, изданных типографским способом. Следует указать, что составителем Франсуа Ришаром допущено множество ошибок, многие документы публикуются неполностью. Материалы из архива Амабля де Бодюса, использованные в настоящей статье, публикуются по оригиналам документов, хранящихся у его потомков. См. также: *Baudus F., de.* Amable de Baudus, des services secrets de Talleyrand à la direction de la Censure sous Louis XVIII. Paris: SPM, 2011.

отцовской конторой в Гамбурге, которая затем переходит в его собственность.[3] Гамбург был удачным выбором для распространения французской книги. Это крупный порт на побережье Балтийского моря с оживленной международной торговлей, город с большим населением, в котором представлены разные национальности. Фош переиздавал многие популярные книги, вышедшие в Париже, его издания отличались низкой ценой и пользовались широким спросом. В годы революции его фирма становится важным центром деятельности роялистов, выпуская в оригинальных изданиях сочинения видных эмигрантов,[4] тем более что его брат, Абрахам Луи Фош-Борель (Fauche-Borel), был активным агентом роялистов и опубликовал в Невшателе, который также стал прибежищем эмигрантов, множество книг в русле контрреволюционной пропаганды.[5] Пьер Франсуа, много путешествовавший по Европе, оказывал поддержку своему брату в контактах с роялистами, сообщал ему политические сведения. Среди его собственных изданий — книги Дюмурье (Dumouriez), Ривароля (Rivarol), «Записки по истории якобинцев» аббата Баррюэля (Barruel), трактат «В защиту эмигрантов» Лалли-Толендаля (Lally-Tollendal), политическая корреспонденция Малле дю Пана (Mallet du Pan). Всегда пользовалась спросом беллетристика: сочинения Мармонтеля (Marmontel), мадам де Жанлис (Genlis), Сенака де Мельяна (Sénac de Meilhan) и т. д. Из «Россики» отметим «Путешествие в Россию» Шантро (Chantreau), «Российскую историю» П. Ш. Левека (Levesque).

Основой деятельности Фоша оставалась книготорговля. Он имел склады в Гамбурге, Брауншвейге, Лейпциге, а также в Париже и

---

[3] *Somov V. A.* Pierre François Fauche, l'imprimeur-libraire européen et ses catalogues // Le livre entre le commerce et l'histoire des idées. Les catalogues de libraires (XVe–XIXe siècle). Études réunies par Annie Charon, Claire Lesage et Ève Netchine. Paris: École des chartes, 2011. P. 59–87.

[4] *Höpel Th.* Emigranten der Französischen Revolution in Preussen. 1789–1806. Leipzig, 2000. S. 199–205; *Baldensperger F.* Le mouvement des idées dans l'émigration française (1785–1815). Paris, 1924. T. 1. P. 161–165; *Manske M.* Möglichkeiten und Grenzen des Kulturtransfers: Emigranten der Französischen Revolution in Hamburg, Bremen und Lübeck. Saarbrücken, 2008.

[5] *Candaux J.-D.* Louis Fauche-Borel, imprimeur de la Contre-Révolution (1791–1798) // Aspects du livre neuchâtelois: Etudes réunis à l'occasion du 450e anniversaire de l'imprimérie neuchâteloise. Neuchâtel, 1986. P. 336–432.

Лондоне. В Брауншвейге был создан филиал фирмы. В этом городе, имеющем богатые культурные и научные традиции, книжное дело, не связанное цензурными препонами, успешно развивалось, благодаря покровительству просвещенных властей.[6] При дворе герцога Карла-Вильгельма-Фердинанда нашли приют сотни эмигрантов, а их присутствие способствовало успеху французской книжной торговли.[7] Местные власти в 1797 г. способствовали созданию «Типографского и литературного общества», которое стало результатом соглашения Фоша с одним из влиятельных эмигрантов маркизом де Ла Мезонфором.[8]

Антуан Филипп де Ла Мезонфор (La Maisonfort, 1763–1827)[9] происходил из родовитой дворянской семьи, был связан с вождями эмиграции, пользовался вниманием и поддержкой брауншвейгского двора.[10] Ко времени создания «Типографского и литературного общества» де Ла Мезонфор уже зарекомендовал себя как писатель, он издавал в Брауншвейге журнал «L'Abeille» («Пчела»),[11] затем опубликовал у Фоша в Гамбурге свой политический трактат «О дейст-

---

[6] *Albrecht P.* Das Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus // Die Braunschweigische Landesgeschichte Jahrtausendrückblick einer Region / Hrsgb. von Horst-Rüdiger Jarck, Gerhard Schildt. Braunschweig, 2001. S. 575–610; *Bepler G.* Literatur-und Buchkultur // Ibid. S. 611–628.

[7] *Scheel G.* Die Emigranten der Französischen Revolution im Fürstentum Braunschweig-Wolfenbüttel // Braunschweigisches Jahrbuch für Landesgeschichte / Hrsgb. von Rüdiger Jarck. 2002. Bd. 83. S. 35–58.

[8] *Graf M.* Buch-und Lesekultur in der Residenzstadt Braunschweig zur Zeit der Spätaufklärung unter Herzog Karl Wilhelm Ferdinand (1770–1806). Frankfurt am Main: Buchhändler-Vereinigung, 1994. Bd. 42. S. 70–71 (Archiv für Geschichte des Buchwesens).

[9] О маркизе де Ла Мезонфоре см.: Dictionnaire des Français en Russie au XVIIIe siècle. Sous la direction d'Anne Mezin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. P. 86–87.

[10] См., например, письмо герцогини-матери Филиппины-Шарлотты к Эрнсту-Теодору Лангеру (Langer), библиотекарю герцога Брауншвейгского, от 14 марта (1795 г.?). Herzog August Bibliothek. Handschriften. BA II 113. S. 54.

[11] L'Abeille ou le Journal littéraire et politique de Brunswick. Braunschweig: Société Littéraire et Typographique de Brunswick, 1795. См.: Deutsche Presse: biobibliographische Handbücher zur Geschichte der deutschsprachigen periodischen Presse von den Anfängen bis 1815 / Holger Böning. Bd. 3: Presse der Regionen Braunschweig/Wolfenbüttel, Hildesheim — Goslar / Britta Berg; Peter Albrecht Teil: 1: Braunschweig. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2003. N 146. S. 347–351.

вительном положении Франции».[12] Новое общество, благодаря высоким связям де Ла Мезонфора сразу же получило привилегию на печатание и продажу книг в Брауншвейге, здесь даже было построено здание для типографии. В мемуарах де Ла Мезонфора[13] содержится много интересных деталей из жизни эмиграции и деятельности книжной фирмы, в которых маркиз был хорошо осведомлен, но он явно преувеличивает свою роль в создании «Le Spectateur du Nord», называя себя основным редактором журнала.

Амабль де Бодюс, который в свою очередь заключил с Фошем соглашение о сотрудничестве, участвовал во всех делах книжной фирмы. Фош бóльшую часть времени отсутствовал, пребывая в разъездах — на книжных ярмарках, в поисках новых рынков сбыта, в филиале своего предприятия в Брауншвейге. Бодюс, оставаясь в Гамбурге, был посвящен в финансовые вопросы, занимался отправкой книг, в том числе в Россию, следил за домашним хозяйством Фоша, присматривал за его детьми.[14]

С 1796 г. рассылались проспекты «Le Spectateur du Nord». «Все неподписанные статьи в журнале принадлежат Бодюсу», гласит один из них.[15] Бодюс сам определял направление нового издания, он привлек к сотрудничеству эмигрантов Антуана Ривароля (Rivarol), Шарля де Вилера (Villers), Симона де Куаффье (Coiffier), маркиза Романса де Месмона (Romance de Mesmond),[16] Жака Делиля (Delille), Жозефа Альфонса Эсменара (Esménard), Луи де Фонтана (de Fontanes) и др. Один из вождей роялистов граф д'Артуа (будущий Карл X) отдает приказ поддержать издание материально. Здесь публикуются и немецкие авторы: Фридрих Клопшток (Klopstock),

---

[12] *La Maisonfort A. Ph., marquis de.* De l'Etat réel de la France à la fin de l'année 1795 et de la situation politique des puissance de l'Europe à la même époque. Hambourg: P. Fr. Fauche, 1796. T. 1–2.

[13] *La Maisonfort A. Ph., marquis de.* Mémoires d'un agent royaliste. Paris: Mercure de France, 1998.

[14] Письма П. Фр. Фоша А. де Бодюсу от 23 апреля, 5 мая 1796 г.; 14 апреля, 2, 17 августа 1797 г.

[15] Здесь и далее пер. с фр. яз. выполнен В. А. Сомовым.

[16] В русских документах начала XIX в. фамилия маркиза пишется как «Мемон». См.: *Сперанская Н. М.* Петербургская газета «Le Furet» — «Le Miroir» и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов: Дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2005. С. 232–233.

издатель «Минервы» Иоганн Вильгельм Архенгольц (Archenholtz) и др.

Основной целью этого космополитичного по духу журнала было ознакомить французов с европейской литературой, а немцев и другие народы с французской. «Le Spectateur du Nord» публикует французскую прозу и поэзию, переводы, критические статьи, анонсы новых изданий, рецензии на новинки книжного рынка, а также политические обзоры. Редактор обладал богатой информацией, так как по его уверениям, переписывался с «хорошими русскими, шведскими, датскими и голландскими литераторами».[17] Сотрудники журнала имели контакты со своими соотечественниками, остававшимися во Франции, хорошо знали парижскую прессу, они переписывались с французами, укрывшимися в Англии, распространяли лондонские эмигрантские издания, например «Mercure Britannique».[18] Журнал был рассчитан не только на французов, но и на публику тех стран, где эмигранты нашли убежище. Редактор, стремящийся к сближению народов, заявлял, что намеревается преодолевать границы между странами с помощью литературы.

Сам Бодюс вел политический раздел, который стал настоящим стержнем журнала, поскольку многие читатели в эпоху бурных событий интересовались прежде всего новостями европейской политики, положением дел во Франции. Редактор, не скрывая своих собственных чувств, проявлял скептицизм по отношению к английской политике и симпатию к России, высказывал пожелание видеть равновесие европейских держав, осуждал бесчинства французских генералов во время итальянской кампании. Но его статьи отличались умеренностью, желанием внести успокоение в умы. Соблюдать осторожность призывали и другие авторы. Так, шведский корреспондент, библиотекарь короля, Карл Кристофер Йорвель (Gjörwell) в письме к Бодюсу от 21 июля 1797 г. замечает: «Мне кажется, что

---

[17] Le Spectateur du Nord. 1797. Janvier. P. 13. (РНБ. Шифр: 16.55.3.48).

[18] *Burrows S.* French Exile Journalism and European Politics, 1792–1814. London: The Boydell Press, 2000; На обложке «Mercure britannique» имя П. Ф. Фоша указано рядом с именем издателя Малле дю Пана: «Et pour le continent se trouve chez Fauche & Co. à Hambourg; & chez libraires de Vienne, Berlin, Francfort & Leipsic». Фош был основным распространителем этого лондонского журнала на европейском континенте.

нужно быть настороже, говоря о соседних государях, и в особенности о России». Тем не менее, несмотря на умеренные взгляды редактора, «Le Spectateur du Nord» был запрещен во Франции как издание роялистского направления (январь 1798 г.). Отдельные номера журнала вызывали опасения властей в России (см. ниже).

Журналистская деятельность приносит Бодюсу необычайный авторитет, его имя ассоциируется с названием популярного журнала, некоторые письма к нему адресованы как к «Monsieur Le Spectateur du Nord». Теперь он связан с самыми известными фигурами эмиграции из мира политики, литературы и религии и привлекает к себе внимание многих изгнанников, пребывающих в бедственном положении. Он ведет дружескую переписку с Шатобрианом, который, обосновавшись в Лондоне, переживает период нищеты и одиночества. Шарль де Вилер (de Villers), один из основных авторов журнала, в письме редактору сетует: «Лишения, которые я испытываю, не видны. Не знают, что я живу на хлебе и молоке в течение всего лета» (6 мая 1800 г.).

Бодюс не только обеспечивает своим читателям доступ к информации и дает им пищу для размышлений, но, имея широкие контакты с Францией, позволяет соотечественникам, рассеянным по Европе, сохранять связи с родственниками, друзьями, помогает чувствовать себя единым сообществом. Он нередко берет на себя роль посредника в пересылке писем.

Политический пейзаж революционной Франции был подвержен частым переменам. Вскоре после прихода к власти Бонапарта (в ноябре 1799 г.) имя Бодюса, редактора известного журнала, привлекает внимание министра внешних сношений Талейрана (Talleyrand). Этот великий государственный деятель и дипломат окружает себя целой сетью людей, способных снабжать его информацией, а Гамбург, где жил Бодюс, был важен для европейской политики как дипломатический перекресток. Бодюс становится секретным агентом Талейрана. В архиве МИД Франции сохранилось более сотни донесений Бодюса за период 1801–1802 гг., подписанных псевдонимом Петрюс (Petrus).[19] Здесь сообщается об убийстве Павла I, о любовных приключениях принцев из французской коро-

[19] Archives diplomatiques (Paris). Série: Correspondance politique. Sous-série: Hambourg. Dossier 116.

левской семьи, о финансовых скандалах, о бомбардировке Копенгагена, о последствиях заключения Конкордата и т. д. Сотрудничество с Талейраном — цена, которую Бодюс должен заплатить за исключение из списков эмигрантов, то есть за право возвращения во Францию. В 1802 г. он едет в Париж. Вскоре власти доверяют ему еще одну секретную миссию — Франция должна урегулировать деликатный вопрос о возмещении убытков немецким государствам. Бодюс под прикрытием литературного путешествия встречает участников этих сделок, представляя отчеты Талейрану. Кроме того, он подает пространные записки о настроениях в немецких землях.

Постепенно Бодюс, занятый политическими делами, отходит от руководства журналом. Номера «Le Spectateur du Nord» становятся менее содержательными. Видимо, в издании возрастает роль других людей — маркиза де Ла Мезонфора и Симона де Куаффье де Море (Coiffier de Moret). Сам Бодюс в 1801–1802 г. сотрудничает с парижским «Mercure de France», между двумя журналами происходит обмен материалами, тогда как Фош в Брауншвейге перепечатывает целиком номера «Mercure de France» за 1800–1801 гг.[20] Отъезд редактора, возвращение во Францию многих других эмигрантов, ослабление, а затем и банкротство фирмы Фоша приводят к тому, что «Le Spectateur du Nord» прекращает свое существование. Последний номер выходит в декабре 1802 г.

Обосновавшись во Франции, Бодюс сотрудничает с министерством иностранных дел, где получает должность историографа, то есть составляет записки о текущих политических событиях. В 1808 г., когда его однокашник по Тулузскому университету маршал Мюрат (Murat) назначен по воле императора неаполитанским королем, Бодюс становится гувернером его сына и переезжает в Неаполь. Старший сын Бодюса участвует в военных походах Наполеона, его переписка с отцом сохранила свидетельства о судьбе французской армии в Европе, в том числе о русской кампании.

После вступления на трон Людовика XVIII, в период Реставрации, Бодюс возвращается во Францию. Теперь к его опыту и связям прибегает герцог де Ришелье, министр иностранных дел, бывший

[20] Mercure de France, journal historique, politique et littéraire. Réimpression de Brunswic, chez Pierre François Fauche et Comp. 1800–1801.

губернатор Одессы. В 1816 г. он посылает Бодюса в европейское путешествие для изучения возможностей создания французского журнала за границей. Такой журнал, по мысли Ришелье, должен воздействовать на общественное мнение европейских стран и уменьшить антифранцузские настроения, ставшие следствием наполеоновских войн. Однако опытный журналист подвергает этот план сомнению. Затем он получает новый важный пост — возглавляет бюро, которое призвано заниматься цензурой периодики и политических изданий. В конце жизни Бодюс переселился в г. Пуатье, где жила семья его жены и где он скончался в 1822 г.

* * *

Создание «Le Spectateur du Nord» явилось значительным вкладом Амабля де Бодюса и его соратников в историю европейской культуры. Быстро ставший популярным журнал распространялся в Германии, во Франции, в других частях Европы. Его хорошо знали и в России, о чем свидетельствуют документы русской цензуры и отзывы современников, переводы в периодике, например в «Вестнике Европы» Карамзина.[21] В свою очередь, эмигрантский журнал проявил немалый интерес к Российской империи. Русские материалы «Le Spectateur du Nord» соответствуют общему направлению издания: политика, литература, новинки французской книги. На первый взгляд этих материалов немного: журналистов, прежде всего, интересует Германия. За 6 лет (1797–1802) существования журнала в 72 его книжках можно насчитать всего два десятка публикаций, прямо посвященных России. Но русские темы, однако, встречаются довольно часто.

Уже в самом первом номере, январском за 1797 г., «Le Spectateur» публикует благоприятную рецензию на анонимную брошюру

---

[21] См., напр.: *Сомов В. А.* Французская книга в русской цензуре конца XVIII века // Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения. Век Просвещения. М., 2008. Т. II. С. 153–191; *Кочеткова Н. Д.* «Меланхолия» Ж. Делиля: Подражание Н. М. Карамзина и перевод П. Ю. Львова // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7 (М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века). М.; СПб., 2013. С. 209–218; Сводный каталог сериальных изданий в России (1801–1825). СПб., 1997–2006. Т. 1–3.

под названием «Тень Екатерины II в Елисейских полях». Этот памфлет с ложным типографским адресом «На Камчатке» был составлен, вероятно, одним из эмигрантов и касался проблем контрреволюционной коалиции.[22] Любопытно, что в журнале мало восхвалений русской императрицы, скончавшейся в ноябре 1796 г. незадолго до появления «Le Spectateur», а попытка опубликовать подобные материалы, о чем будет сказано ниже, окончилась неудачей.

Целая серия публикаций 1797 г. связана с именем Н. М. Карамзина. Во втором, февральском, номере был опубликован перевод его повести «Юлия».[23] Здесь же есть еще один «русский» текст: «Письмо о Петре III», подписанное «Путешественник», которое, по предположению Юрия Михайловича Лотмана, также принадлежит Карамзину.[24] Наконец, в октябрьском номере за тот же 1797 г. появляется, вероятно, самая значительная «русская» публикация «Le Spectateur» за все время его существования — «Письмо о русской литературе» Карамзина. К вопросу о сотрудничестве русского писателя с эмигрантским журналом мы еще вернемся.

Но кроме небольшого числа собственно «русских» статей почти в каждом номере «Le Spectateur» находятся упоминания о России, и прежде всего о ее внешней политике, в таких разделах, как «Взгляд на последние события» («Coup d'oeil sur les derniers événements», «Coup d'oeil sur les événements les plus recents»), «Различные сообщения о современных делах» («Correspondances diverses sur les affaires du temps») и т. д. «Русские» сюжеты содержатся среди новостей, поступавших не только из России, но и из Парижа, Лон-

---

[22] Le Spectateur du Nord. 1797. Janvier. P. 155; L'Ombre de Catherine II aux Champs Elysées. Au Kamtchatka, 1797. См.: *Сомов В. А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 198; *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. [Берлин], 1900. Т. 12. Ч. 2. С. 23–25, 34–35. Не исключено, что книга опубликована П.-Фр. Фошем.

[23] Le Spectateur du Nord. 1797. Février. P. 183–203.

[24] Ibid. P. 282–288; *Лотман Ю. М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981. С. 102–131; *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 678–679. В последнем издании Ю. М. Лотман приписывает «Письмо о Петре III» Н. М. Карамзину с большей осторожностью.

дона, Гааги, Копенгагена, Берлина, Стокгольма и особенно из Нижней Саксонии, где в Брауншвейге и печатался журнал, редактор которого находился неподалеку, в Гамбурге.

Из русских персонажей чаще всего представлен правящий монарх Павел I, царствование которого (1796–1801 гг.) почти полностью совпадает со временем существования журнала. Действия императора получают одобрение как при его жизни, так и после смерти. Эмигранты не могли не оценить, что Павел в отличие от своей матери решил открыто вмешаться в контрреволюционную борьбу: в его царствование Российская империя находилась в состоянии войны с Францией, более того русское вторжение угрожало республике в 1799 г.[25] В это время «Le Spectateur du Nord» публикует похвальное слово Павлу Первому, принадлежащее перу Луи Огюста Бертена д'Антийи (Bertin d'Antilly), который от имени французов призывает русского императора применить свою власть против их угнетателей.[26] Журнал остается доброжелательным по отношению к Павлу и позже, в момент сближения империи с республиканской Францией, когда Павел отозвал свои войска из коалиции. Этой перемене находят оправдания: «Павел I с рвением относясь к общему делу, не теряет из вида интересы своей страны».[27] О причине внезапной смерти царя в журнале умалчивается, хотя сам Бодюс в своих донесениях сообщал Талейрану подробности заговора против Павла и его убийства.[28] В апреле 1801 г. «Le Spectateur du Nord» публикует обстоятельную статью, посвященную влиянию этого события на европейские дела, замечая, что русского императора должна судить только история.[29] В июне 1801 г. журнал пишет уже о мудрости Александра I и указывает, что «гений Екатерины, который вдохновляет сегодня петербургский кабинет, старается, по всей видимости, как и раньше, поддержать баланс между Францией и Англией».[30]

---

[25] *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes: L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris; Didier, 1967. P. 18.

[26] Le Spectateur du Nord. 1799. Septembre. P. 381–394.

[27] Sur la situation de l'Europe. Par Un Cosmopolite // Le Spectateur du Nord. 1800. Mars. P. 471.

[28] *Baudus F.* de Amable de Baudus... P. 141, 150–151.

[29] Coup d'oeil sur la situation de l'Europe. De la Basse Saxe, 30 avril 1801 // Le Spectateur du Nord. 1801. Avril. P. 131–147.

[30] Coup d'oeil sur la situation de l'Europe // Le Spectateur du Nord. 1801. Juin. P. 448, 450.

Кроме упоминаний монархов на страницах журнала появляются имена русских дипломатов и государственных деятелей: Александра Романовича и Семена Романовича Воронцовых, Никиты Ивановича Панина, посланника в Берлине Никиты Петровича Панина, Георга Магнуса Спренгтпортена (участника переговоров с Наполеоном), Степана Алексеевича Колычева (посланника в Париже) и т. д.

Но самым популярным русским персонажем среди эмигрантов в то время был Александр Васильевич Суворов. Тогда как полководец, сражающийся в Италии против армий Директории, становится мишенью парижской прессы, которая представляет его ужасающий портрет («Terrible Souvorov»),[31] эмигранты, напротив, лишь на него возлагают свои надежды. Весь 1799 г. имя Суворова, который одерживает одну за другой победы в сражениях с республиканскими войсками, не сходит с журнальных страниц. В марте сообщают: «Европе не терпится увидеть этого героя, достойного прекраснейших времен древности».[32] В июле пишут: «Суворов, кажется, предназначен к тому, чтобы играть в Европе слишком большую роль, поэтому нельзя не пожелать того, чтобы узнать о нем какие-то подробности». Этот великий человек, великий воин «благороден, великодушен, человечен и добр, в нем учтивость нравов соединяется с умом естественным и весьма просвещенным. Он знает много иностранных языков, хорошо говорит по-французски и любит этот язык. <…> Этот необычайный человек соединяет в себе качества утонченного европейца вместе с азиатскими крайностями, манеры придворного и татарина».[33] В сентябре 1799 г. «Le Spectateur» публикует большой отрывок из книги Иоганна Готфрида Зойме (Seume), немецкого офицера на русской службе, который лично знал Суворова в Варшаве. Зойме свидетельствовал: «Его искусство состоит в чудовищной энергии, которую он умеет передать душам своих солдат, под его началом считающих себя непобедимыми». Он — кумир русских войск и скоро станет кумиром австрийских. Он обладает «ярчайшим характером, величайшей энер-

---

[31] *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes… P. 38–39.

[32] Fragment de l'histoire des dernieres années du dix-huitième siècle // Le Spectateur du Nord. 1799. Mars. P. 463.

[33] Coup d'oeuil sur la situation de l'Europe // Le Spectateur du Nord. 1799. Juillet. P. 144–146.

гией, широчайшими взглядами». Ему присущи честность и человечность.[34] Во всех публикациях, где упоминается Суворов, приветствуются победы, одержанные русским полководцем, и отвергаются направленные против него обвинения в жестокости.

В 1799 г. П. Фр. Фош предпринял новое периодическое издание «Journal littéraire et bibliographique», который анонсировал новинки французской книги на всем европейском пространстве. Новый журнал выходил в Гамбурге ежемесячно, также по 1802 г., и являлся, по сути дела, прибавлением к «Le Spectateur du Nord», выпускался в том же самом формате «in octavo», чтобы два издания было удобно переплетать вместе. О роли Бодюса в этом журнале сведений нет, но, разумеется, он так или иначе участвовал и в его подготовке.

Среди изданий, нашедших отражение на страницах «Journal littéraire et bibliographique» (несколько сотен рецензий за четыре года существования), место «Россики» незначительно, всего дюжина наименований. Это книги разные по качеству и по политической ориентации. Здесь рецензируется памфлет Ж. Ш. Лаво (Laveaux) «История Петра III <...> с прибавлением тайной истории любовных похождений Екатерины»,[35] причем журналисты вполне заслуженно называют автора «республиканским компилятором».[36] Напротив, высокую оценку получает новое издание «Российской истории» П. Ш. Левека,[37] оно, по мнению рецензента, было особенно важно благодаря авторским исправлениям и «ввиду влияния, которое Россия имеет теперь в Европе».[38] В 1802 г. публикуется рецензия на французский сборник театральных сочинений А. П. Сумарокова,

---

[34] *Seume J. G.* Anecdotes caractéristiques sur le Feld-Maréchal Prince de Souvoroff // Le Spectateur du Nord. 1799. Septembre. P. 309–321.

[35] *Laveaux J. Ch.* Histoire de Pierre III, empereur de Russie: Imprimée sur un manuscrit trouvé dans les papiers de Montmorin, ancien ministre des affaires étrangères, et composé par un agent secret de Louis XV, à la cour de Pétersbourg; avec des éclaircissemens et des additions importantes; suivie de l'histoire secrète des amours et des principaux amans de Catherine II. Paris: Briffe, VII (1799). 3 t.

[36] Journal littéraire et bibliographique. 1799. Janvier. P. 31–32.

[37] *Levesque P. Ch.* Histoire de Russie. Nouvelle édition, corrigée et augmentée par l'auteur, et conduite jusqu'a la mort de l'impératrice Catherine II. Hambourg et Brunswick: chez Pierre-François Fauche et Compagnie, 1800. 8 t.

[38] Journal littéraire et bibliographique. 1800. Mars 1800. P. 126; 1800. Avril. P. 121–126.

в которой говорят о прогрессе театрального искусства в России после 1750 г.[39]

Русские материалы самого «Le Spectateur du Nord» посвящены главным образом внешней политике, военным силам России, тогда как сведения о внутренней ситуации в самой империи практически отсутствуют. Это соотношение информации не случайно, поскольку эмигранты, мечтавшие о возвращении на Родину, смотрели на Россию, прежде всего, как на державу, способную восстановить порядок во Франции и Европе. Отсюда следует и идеализированный образ Суворова, «Saint-Souvorov», как его назвал в 1799 г. один из эмигрантов граф Шуазель-Гуфье.[40] В журнале много говорится о Павле Первом, которого защищают даже после смерти, здесь возлагают надежды на нового императора Александра, заявляющего о возврате к традициям своей бабки. «Le Spectateur du Nord» пишет о самой Екатерине, но критически отзывается о ней, что определялось, по-видимому, позицией Павла. Вспоминают и о Петре Великом, однако в это время интерес к подлинному герою литературы эпохи Просвещения снижается. Когда журнал в 1802 г. помещает выдержки из парижской периодики, посвященные поэме А. Л. Тома о Петре Первом,[41] и анекдот о Екатерине Первой,[42] заимствуя его у Оливера Голдсмита, эти публикации говорят скорее об интересе к их авторам, чем к русской истории. В этот последний год существования «Le Spectateur du Nord» русская литература представлена в нем лишь стихотворением графа Федора Гавриловича Головкина «Прощание с Теплицем».[43]

---

[39] Journal littéraire et bibliographique. 1802. Janvier. P. 29; Théâtre tragique d'Alexandre Soumarocow, traduit du russe par M. L. Pappadopoulo. Paris: Renouard, 1801. 2 t.

[40] *Somov V. A.* La communauté d'émigrés français de Saint-Pétresbourg et Piotr Doubrovski (1797–1812) // La France et les Français en Russie: Nouvelles sources et approches (1815–1917). Études réunies par Annie Charon, Bruno Delmas et Armelle Le Goff. Paris, 2011 (Études et rencontres de l'École des chartes, 34). P. 293.

[41] Le Spectateur du Nord. 1802. Juin. P. 328–339.

[42] Anecdote russe // Le Spectateur du Nord. 1802. Septembre. P. 368–372.

[43] *Golowkin Th.* Adieux à Toeplitz // Le Spectateur du Nord. 1802. Novembre. P. 183–185. О Ф. Г. Головкине см.: *Burnand L.* Fédor Golowkin sur les traces de Voltaire: Génèse des Lettres diverses recueillies en Suisse // Revue Voltaire. 2011. № 11. P. 265–271; *Заборов П. Р.* Ф. Г. Головкин и его архивные находки // Аониды:

Нужно признать, что Бодюс и его соратники были неплохо осведомлены о России, они имели разнообразные источники информации, это видно уже из самих «русских» публикаций. В донесениях Талейрану, говоря о России, Бодюс ссылается на русских дипломатов, французских эмигрантов, английских торговцев, гамбургских журналистов, немецкие и голландские газеты.

С Россией был связан сам издатель журнала П. Фр. Фош. Он и его брат А. Л. Фош-Борель не раз делали попытки обосноваться на многообещающем русском книжном рынке, они обращались сначала к Павлу I, а затем к Александру I с прошениями даровать им монополию на ввоз иностранных книг, разрешить организовать в России типографию, но эти честолюбивые проекты не были реализованы.[44] Пьер Франсуа неоднократно бывал в России, а в 1798 г. он провел здесь несколько месяцев, и эта поездка анонсировалась в «Le Spectateur du Nord».[45] Возможно, именно с этим путешествием связано объявление, опубликованное Санкт-Петербургскими ведомостями в мае 1798 г.:

> В Почт-амте в газетной экспедиции принимается подписка на французский журнал le Spectateur du Nord, etc. Он будет выходить в Гамбурге при конце каждого месяца тетратями, каждая из 160 страниц, в осмушку; за весь год платят по 30 рубл.[46]

Среди русских знакомств П. Фр. Фоша были дипломаты, работавшие в Германии (Н. П. Панин, И. М. Муравьев-Апостол, П. П. Дубровский и др.), особы, близкие к императорскому двору (П. А. Зубов, Н. Н. Новосильцев, банкир А. Фр. Раль, статс-секретарь

Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой / Под ред. Н. Ю. Алексеевой и А. А. Костина. М.; СПб., 2013. С. 177–183.

[44] *Somov V. A.* La librairie française en Russie au XVIIIe siècle // Est — Ouest: Transferts et réceptions dans le monde du livre en Europe (XVIIe — XXe siècles) / Ed. par F. Barbier. Leipzig: Leipziger Univesitätsverlag, 2005. P. 107; *Сомов В. А.* 1) Европейская книга на пути в Россию: Французское книгоиздательство и книготорговля в Нижней Саксонии в конце XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 236–251; 2) Европейский торгово-издательский дом «Пьер Франсуа Фош» и его связи с Россией // Чтения памяти Александры Александровны Зайцевой (1927–1996). Мат-лы науч. семинара 15 нояб. 2007 г. СПб., 2009. С. 137–152.

[45] Le Spectateur du Nord. 1797. Décembre.

[46] Санкт-Петербургские ведомости. 1798. 4 мая. № 36.

Ф. И. Энгель и др.) и, разумеется, книготорговцы Петербурга и Москвы. Судя по объявлениям в городской гамбургской газете и в самом «Le Spectateur du Nord», журнал на территории Российской империи распространялся — в Петербурге у Г. Клостермана (Klostermann), у Ге-младшего (Gay-jeune) и у Ж. Роспини-племянника и К° (Rospini-neveu et C°). В Москве — у Ф. Куртенера (Courtener), Рисса и Соссе (Riss et Sausset), Энгельсбаха (Engelsbach), в Риге у И. Ф. Гарткноха (Hartknoch).[47] В 1798 г. Бодюс опровергал сообщение издававшегося в Киле журнала «Le Nord littéraire»[48] о том, что его собственный журнал «запрещен в Петербурге, так же как и в Париже». «Мои корреспонденты с Россией уверяют, что „Le Spectateur du Nord“ там позволен, а издатели этого журнала [т. е. Фош. — *В. С.*] заверили, что еще недавно им было сделано множество заказов из Петербурга и Москвы».[49]

О популярности журнала «Le Spectateur du Nord» Бодюсу регулярно сообщали сами эмигранты. Так, аббат де Трессан (Tressan) сообщал, что журнал известен иностранным дипломатам в Берлине, в том числе русскому посланнику Панину (3 декабря 1798 г.). Он же писал 8 апреля 1799 г. из Петербурга:

> Я никогда не слышал, чтобы о Ваших сочинениях говорили кроме как с похвалами самыми искренними и совершенными. Я слышу отовсюду, что это первый и лучший из журналов. Вы должны получить новые заказы из этой страны. Я нашел для Вас еще четырех или шестерых читателей, которые должны оформить подписку, и это число каждый день будет увеличиваться. Здесь выпускают журнальчик, но автор, который не имеет Ваших возможностей, скромно ожидает Ваших номеров и дает выдержки из них. Это эхо Вашего журнала. Он счастлив, когда делает лишь то, что повторяет Вас. Я встречал такое же мнение везде, где мы были. Предвижу, что повсюду, куда мы еще отправимся, будет то же самое.

«Журнальчик», упомянутый Трессаном, это, без сомнения, «Journal littéraire de Saint-Pétersbourg», создателем которого был Мари-Жозеф Гастон де Полье (Gaston de Pollier), так называемый шевалье

---

[47] Stadts-und Gelehrte Zeitung des hamburgischen umparteyischen Correspondenten. См., например, 1797. № 37 (Beylage); Le Spectateur du Nord 1798. Janvier, février, mars.

[48] Le Nord littéraire, physique, politique et moral. 1798. № 3. P. 253–254.

[49] Le Spectateur du Nord, 1798. Janvier. P. [165].

де Гастон, известный как переводчик «Энеиды».[50] Петербургский журнал выходил в течение двух лет и был посвящен, прежде всего, изящной словесности — французской, а также немецкой и английской литературе.[51] «Русских» публикаций здесь мало. Два перевода из Карамзина («Сиерра Морена» и «Палемон и Дафнис»),[52] несколько поэтических сочинений самого Гастона, посвященных членам императорской семьи, и т. д. Так, в декабре 1799 г. Гастон представляет отрывки из поэмы Бертена д'Антийи о Павле I, заимствованные из «Le Spectateur du Nord».[53]

Гастон был тесно связан с французами, обосновавшимися в немецких землях, он сам прибыл в Россию через Гамбург. Его журнал, так же как и «Le Spectateur du Nord», регулярно публиковал рецензии на новинки французской книжности. Здесь, в объявлениях петербургских и московских книгопродавцев — Алиси (Alici), Бува (Bouvat), фирмы Рисс и Сосе (Riss & Sausset) — были обильно представлены издания П. Фр. Фоша. Отличается петербургский журнал от других эмигрантских изданий почти полным отсутствием политических сообщений. Причем Гастон не раз декларирует, что

---

[50] Traduction en vers des six premiers livres de l'Enéide suivie d'un poëme sur les Quatre ages de la femme et de quelque pièces détachées. Livr. 1. Par. le Ch. de Gaston. St. Petersburg, 1796. См.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1700–1800. Л., 1986. Т. 3. № 2970.

[51] Существуют специальные исследования, посвященные этому журналу: *Volmer A.* Presse und Frankophonie im 18. Jahrhundert. Studien zur französischsprachigen Presse in Thüringen, Kursachsen und Rußland. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2000; *Zaborov P. R.* Le Journal littéraire de Saint-Pétersbourg et les échanges culturels entre la Russie et l'Europe // Réseaux de l'esprit en Europe des Lumières aux XIXe siècle: Actes du Colloque international de Coppet réunis par Wladimir Berelowitch et Michel Porret. Genève, 2009. P. 203–215; *Заборов П. Р.* Шевалье де Гастон и его «Journal littéraire de Saint-Pétersbourg» // Sub specie tolerantiae. СПб., 2008. С. 286–287; То же в кн: *Заборов П. Р.* Россия и Франция. Литературные и культурные связи. Статьи и заметки. СПб., 2011. С. 169–177.

[52] Palémon et Daphnis, idyle de m. de Koramzin, traduite par un émigré français // Journal littéraire de St Pétersbourg. 1798. 1 septembre. № 5; La Sierra Morena de m. Koramzin; traduite par un émigré français // Journal littéraire de St Pétersbourg. 1798. 15 octobre. № 8. Не исключено, что к этим публикациям был причастен сам Н. М. Карамзин.

[53] A Paul Ier, Empereur de toutes les Russies. Poème par M. Bertin d'Antilly // Journal littéraire de St Pétersbourg. 1799. 1 décembre. № 11. P. 28–36.

устраняется от политики.[54] Это касается и репертуара рекламируемых книг, многие из тех, что рецензировались в Германии, не могли тогда даже упоминаться в России. Так, здесь были запрещены номера «Le Spectateur du Nord» и «Journal littéraire et bibliographique», анонсирующие книги о Екатерине II (Cl. C. Rulhière, J. H. Castéra).[55]

Непосредственные контакты шевалье де Гастона с Бодюсом не установлены, но сохранились письма аббата де Гастона, дяди петербургского француза. Он был знаком с Бодюсом еще во Франции, встречался с ним в Каоре. 5 ноября 1799 г. из Мюнстера аббат посылает два сочинения племянника: «Epitre à la boëte aux suppliques»[56] и «Ode pour la fête de S. M. l'empereur; sur le succès de ses armes en Italie. Par le Ch. D. G».[57] Он сообщает: «Его Величество Российский император, кажется, был очень доволен. По его приказу 500 экземпляров [оды] были разосланы по губерниям. Что касается Послания, Е. И. В. сам повелел сделать несколько копий, которые приказал распространить повсюду». Далее аббат передает слухи о ящике для прошений, установленном в Петербурге по приказу императора: «Этот ящик, как Вы без сомнения знаете, висит перед дворцом, и во всякое время, богатые и бедные, русские и иностранцы могут положить туда свои прошения для Е. И. В. Он каждый день получает выдержки из них, в соответствии с чем либо даруется милость, либо дается отказ». Аббат считает, что сочинения его пле-

---

[54] Journal littéraire de St-Pétersbourg. 1798. 1 novembre. n° 9. P. 534; 1 août 1799. № 3. P. 36.

[55] 22 октября 1797 г. январский номер 1797 г. «Le Spectateur du Nord» был представлен к запрещению рижской цензурой, но разрешен Советом Его Императорского величества. Июньский номер за 1797 г., представленный той же рижской цензурой, был запрещен 17 января 1799 г. 25 января 1800 г. были запрещены представленные рижской цензурой «Le Spectateur du Nord» (июньский номер за 1799 г.) и Journal littéraire et bibliographique (майский номер за 1799 г.). 19 апреля 1800 г. должен был рассматриваться по представлению рижской цензуры февральский номер за 1800 г. «Journal littéraire et bibliographique», но было объявлено о полном запрете ввоза в Россию иностранных изданий. См.: Архив Государственного Совета. СПб., 1888. Т. 2. Стб. 445, 484, 485, 498, 502, 503, 511, 512, 514.

[56] Journal littéraire de Saint-Pétersbourg. 1799. 15 octobre. № 8. P. 44–45.

[57] Journal littéraire de Saint-Pétersbourg. 1799. 1 août. № 3. P. 21–25. Отдельное издание: Ode à sa Majesté l'empereur sur le succès de ses armes en Italie. St. Pétersbourg, de l'imprimérie impériale, 1799. См.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1700–1800. Л., 1984. Т. 1. № 1043.

мянника «интересны для всей Европы» и просит поместить их в журнале. Судя по всему, Бодюс не разделял такое мнение аббата, так как этих текстов нет в «Le Spectateur du Nord». Не исключено, что редактор опасался реакции петербургского двора на эту публикацию. Но Бодюс следил за литературной деятельностью шевалье де Гастона и поощрял ее. Аббат де Трессан из Лондона сообщал ему о встрече с Делилем и о том, что знаменитый поэт, так же как и Гастон, переводивший «Энеиду», советует молодому литератору продолжать свой труд (1 апреля 1800 г.). В 1800 г. Бодюс опубликовал стихотворение Гастона «Песнь на выздоровление» («L'Hymne à la convalescence»), присланное также через дядюшку (3 августа 1800 г.).[58] Вернувшись во Францию, Гастон продолжал сотрудничать с «Le Spectateur du Nord»,[59] публиковал свои переводы в «Mercure de France»,[60] журнале, который Фош переиздавал в Брауншвейге.

Постоянным корреспондентом и активным сотрудником Бодюса был аббат Жозеф Франсуа Мари (Marie). Ученый прелат, доктор Сорбонны, математик, до революции он был одним из воспитателей сыновей графа д'Артуа (будущего Карла X). Аббат сохранил верность королевской семье и сопровождал Людовика XVIII в изгнании, сначала в Бланкенбурге, городе во владениях герцога Брауншвейгского, затем в Митаве, в пределах Российской империи.

В своих письмах Мари обсуждает новые номера журнала, делает замечания по составу авторов и по содержанию, например, рекомендует публиковать официальные документы, что значительно увеличит круг читателей. Хотя эмигранты бедны и у них почти нет денег на книги, они, в том числе сам король, с нетерпением ждут новых номеров. «Le Spectateur du Nord» читают вслух на собраниях эмигрантской колонии, его получают при дворе герцога Брауншвейгского. Рассказывая о настроениях эмиграции, аббат надеется в свою очередь получить от Бодюса информацию о политических

---

[58] *Gaston H. de.* Hymne d'un convalescent au soleil. Par le Ch[evalie]r de Gaston // Le Spectateur du Nord. 1800. Août. P. 186–187.

[59] *Gaston H. de.* L'Homme de lettre dans la société // Le Spectateur du Nord. 1802. Novembre. P. 240–245.

[60] *Gaston H. de.* Imprécations de Didon mourante. Fragment d'une nouvelle traduction en vers // Mercure de France. № XXIV. 16 Prairial, An 9. (5 Juin 1801). P. 401–404.

делах и передать ее королю. Его письма свидетельствуют о настроениях роялистов, страшившихся приближения республиканских войск. «Чудовище (le rhinocéros) революции царит над всем, и его быстрое, каким бы тяжелым оно не было, продвижение, уже должно страшить Сибирь, Гренландию и Тибет» (21 декабря 1797 г.).

Россия постоянно находится в сфере интересов аббата Мари. Он ценит обычную беспристрастность Бодюса, но замечает, что «во втором номере слишком сгущены краски в критике Англии и даже в критике покойной российской императрицы, создается впечатление, что Вы вошли в противоречие с Вашими известными принципами» (3 апреля 1797 г.).[61] 27 октября 1797 г. Мари пишет, что принц Конде намерен ехать в Петербург, «где его ждут милости и дары всякого рода», и одобряет щедрость русского двора. 21 декабря 1797 г. он сообщает о слухах, что автором недавно вышедшей книги «Жизнь Екатерины II» является бывший посланник в России Жене (Genet). «Я знаю хитреца, по крайней мере, он неблагодарен и беснуется. Зачем Г-н Фош печатает такие сочинения? *Quaerenda pecunia primum est.*[62] Не правда ли?». Известно, что автором этого вскоре ставшего знаменитым памфлета является Жан-Анри Кастера (Castéra),[63] но сообщение Мари чрезвычайно любопытно. Оно дает основание предполагать, что одно из изданий книги о русской императрице было напечатано у Фоша. Отметим, что «Жизнь Екатерины II» числится в маленьком каталоге, распространявшемся Фошем на пасхальной ярмарке в Лейпциге 1798 г., что также может косвенно свидетельствовать о его причастности к этому изданию.[64]

Особенно часто Мари говорит о России тогда, когда он оказывается в Митаве (с 1798 г.), где русский император предоставил королю

---

[61] Аббат Мари имеет в виду «Письмо о Петре III».

[62] Ср.: Гораций. Послание I. 1. 53–55. «O cives cives. Quaerenda pecunia primum est, virtus post nummos» («Граждане, граждане! Прежде следует искать деньги, а потом уже добродетель»). См. http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/2060/Quaerénda (12 апреля 2015).

[63] *Somov V.* A. Le livre de Castéra d'Artigues sur Catherine II et sa fortune // Catherine II & L'Europe. Publié sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris, 1997. P. 211–224.

[64] *Somov V. A.* Pierre François Fauche, l'imprimeur-libraire européen et ses catalogues. P. 76–77.

убежище. Если в Бланкенбурге французы получают «Le Spectateur du Nord» быстро, через несколько дней, то теперь появляются проблемы с доставкой писем и книг из Гамбурга. Русская цензура долго рассматривает иностранные книги, журнал приходит с большим опозданием, иногда через несколько месяцев, хотя, по свидетельству аббата, зимой по санному пути письмо из Гамбурга могло дойти за 10 дней. Эмигранты вынуждены прибегать ко всякого рода хитростям, пытаются получить журнал в обход таможни. Своими планами аббат делится с Бодюсом: «Строгость запретов в стране, где мы живем, такова, что нам невозможно заказать книги, даже молитвенники, не подвергая их самой бдительной цензуре. Ваш журнал не ускользнул бы от инквизиторов, насколько бы он не был наполнен истинными принципами общественного порядка. Так, если Вы пожелаете передать мне несколько номеров журнала, придайте ему, как и другим книгам, форму простого пакета с письмами и пошлите Ш. де Товене,[65] который сумеет нам их доставить с какой-нибудь почтой или с каким-нибудь другим путешественником» (12 января 1799 г.). «Мы здесь не можем пользоваться почтой, чтобы получать Ваш журнал, потому что рижская цензура останавливает все и держит до тех пор, пока проверка, часто очень долгая, не убедит цензоров, что нет никаких помех для распространения той или иной книги. Но так как в наших краях, близких к границе очень чувствительны к этому предмету, помехи к распространению часто вырастают под микроскопом цензуры <…> мы располагаем только слабыми возможностями мелкой контрабанды» (17 марта 1800 г.). Передавая Бодюсу поручение короля подобрать книги (около 300 томов) для Мадам Терезы (дочери Людовика XVI, будущей герцогини Ангулемской), аббат беспокоится о том, как они пройдут через таможню (12 января и 11 апреля 1799 г.).

После появления указа о запрете на ввоз всех иностранных книг (апрель 1800 г.) он пишет (3 июня 1800 г.): «Говорят, что новые указы, исходящие от императора, запрещают ввоз всякого рода книг в пределы русского государства. Так мы скоро дойдем до одной газеты <…>. Нужно предупредить Г. де Товене, чтобы он посылал их [номера журнала] только в виде пакетов с письмами или в кармане ка-

[65] Шарль де Товене (Thauvenay) — агент короля в Гамбурге.

кой-нибудь путешественницы, так как карманы путешественников и обычная почта не защитят от обысков инквизиторов, поставленных на границе» (3 июня 1800 г.). 18 декабря 1800 г. аббат с радостью сообщает: «По новому указу, о котором Вы без сомнения узнали, Ваш журнал, сударь, в числе тех, что были исключены из всеобщего запрета примерно два месяца тому назад».

Однако недовольство цензурой не может возобладать над чувством признательности по отношению к русскому императору. Аббат пишет: «Он [Павел] идет твердым шагом в своей политике, потому что опирается на правосудие и честь. <…> будущее воскресенье во всех церквах российской империи и в наших краях огласят обширное донесение о победах Суворова, будут произнесены всеобщие молитвы вместе с оглашением множества милостей, которыми Павел I только что вознаградил храбрые войска, с такой славой сражавшиеся в Италии» (18 августа 1799 г.). Одновременно он посылает Бодюсу перевод манифеста об объявлении Россией войны Испании. Мари одобряет политику Павла по отношению к Англии: «Российский император, который является самым безупречным из людей и самым верным рыцарем», разгневан маккиавелизмом английского правительства. «Ожидайте самых строгих мер с его стороны против английской торговли и деспотизма этой нации на море» (18 декабря 1800 г.).

Страдая в Митаве от холода, француз поражен выносливостью русской армии: «Русский солдат не похож на других: он поет, маршируя сквозь ужасный холод. Вчера здесь было 22 градуса мороза по Реамюру. Есть от чего отморозить все — носы, уши, ноги и руки» (4 февраля 1799 г.). Смерть Суворова, а также перемены в политике русского императора пугают его, он пишет 3 июня 1800 г.: «Сегодня я оплакиваю вместе с Вами смерть героя наших дней. Князь Италийский, российский генералиссимус, храбрый и честный Суворов умер 19 числа прошлого месяца, в Петербурге, находясь в немилости.[66] Не мне судить о столь великих делах, но я оплакиваю могилу этого великого человека и решение, которое принял Павел I не иметь больше ничего общего с союзниками, на которых у него было столько оснований жаловаться». Сам аббат закончил свои дни в Ме-

[66] А. В. Суворов скончался 6 мая (по старому стилю) 1800 г.

меле, в феврале 1801 г. Когда королевский двор по приказу Павла I, решившего пойти на сближение с французской республикой, вынужден был покинуть Митаву, аббат Мари совершил самоубийство, потрясенный угрозой новых скитаний.

Многие другие эмигранты, объединившиеся вокруг «Le Spectateur du Nord», также были связаны с Россией. Маркиз де Ла Мезонфор как агент Людовика XVIII бывал в Петербурге, не раз выполнял ответственные поручения русского двора, затем в 1804 г. и вовсе поступил на русскую службу и в 1806 г. был назначен посланником в Брауншвейг. Маркиз Романс де Месмон и Бертен д'Антийи из-за преследований республиканских властей были вынуждены перебраться из Гамбурга в Петербург. Брат Шарля де Вилера, Франсуа Фредерик Ксавье надолго, вплоть до наполеоновского нашествия обосновался в Москве.[67] Сам журналист также надеялся найти поддержку в России, но его попытка завязать отношения с Петербургом была неудачна, о чем он писал Бодюсу (6 мая 1800 г.).

Со своей стороны русские власти, всегда внимательно следившие за «Россикой» и понимавшие международное значение французской прессы, были несомненно причастны к тому, какой образ России создавался на страницах «Le Spectateur du Nord». Петербургский двор не только хорошо знал подобные издания, но и неоднократно использовал опыт эмигрантов, чтобы защищать свои интересы на европейской политической арене. В начале 1796 г. Екатерина II, встречаясь с представителем Людовика XVIII графом де Сен-При (Saint-Priest), предложила создать эмигрантский журнал в герцогстве Брауншвейгском.[68] Возможно, она знала о публиковавшемся там ранее журнале маркиза де Ла Мезонфора «L'Abeille». Выходивший в России при Павле I «Journal littéraire de Saint-Pétersbourg» шевалье де Гастона самим фактом своего существования способствовал созданию привлекательного образа империи как

[67] *Goutnov D. A.* Frédéric Villers entre deux France : Un émigré royaliste chef de la police de Napoléon à Moscou // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle / Publié sous la direction de Jean-Pierre Poussou, Anne Mezin & Yves Perret-Gentil. Paris, 2004. P. 481–485; Les Français en Russie au siècle des Lumières : Dictionnaire des Français, Suisse, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. P. 825–826.

[68] *Daudet E.* Histoire de l'emigration pendant la Révolution française. Paris, 1905. T. 1. P. 360.

страны, где развиваются литература, театр, изящные искусства, где говорят по-французски, где продают, покупают и читают французские книги. При Александре I в Петербурге печатался еженедельник «Journal du Nord» (1807–1812), официозное издание на французском языке, который был организован Министерством иностранных дел с целью противостоять пропаганде наполеоновской Франции.[69] Одним из редакторов нового петербургского журнала был поляк Ян Потоцкий, прославившийся своими сочинениями на французском языке. Заметим, что Потоцкий, который жил в Гамбурге и Брауншвейге в 1794–1796 гг., хорошо знал эмигрантскую среду.[70] К созданию «Journal du Nord» были привлечены эмигранты, бывшие авторы «Le Spectateur du Nord»; одним из его основателей стал маркиз Романс де Месмон, среди сотрудников был маркиз де Ла Мезонфор. Для печатания журнала из Брауншвейга по совету де Ла Мезонфора был приглашен Александр Плюшар (Pluchart), бывший фактор типографии П. Фр. Фоша. «Русские» публикации «Le Spectateur du Nord» хорошо вписываются в этот ряд, они свидетельствуют, что петербургский двор несомненно оказывал влияние на содержание политического раздела, который вел сам Амабль де Бодюс.

* * *

Остановимся подробнее на письмах русских корреспондентов, имеющихся в архиве Бодюса и подтверждающих осведомленность редактора эмигрантского журнала в русских делах (см. Приложение).

Петр Петрович Дубровский

Бодюс был хорошо знаком с Петром Петровичем Дубровским (1754–1816), секретарем русской миссии (легации) в Гамбурге.[71]

---

[69] См.: *Сперанская Н. М.* Петербургская газета «Le Furet» — «Le Miroir»… С. 232–233.

[70] См.: *Potocki J.* Œuvres / Éd. par François Rosset et Dominique Triaire. Leuven: Peeters, 2006. T. 3. P. 439–440; T. 5. P. 150, 183, 193, 194, 197, 213.

[71] Комплект «Le Spectateur du Nord» за 1797–1798 гг. числится в каталоге личной библиотеки П. П. Дубровского: Catalogue des Livres François A Monsieur P. P. Doubrowsky Gentil-Homme Russe, attaché à la Légation de S. M. l'Empereur de Russie. A Paris (ОР РНБ Франц. F. XVIII. 21).

Со своей стороны П. П. Дубровский знал многих эмигрантов, он провел в Париже много лет в качестве служащего русского посольства и вынужден был покинуть Францию после утверждения республики, так же как и многие его знакомые. Дубровского объединяли с французскими дворянами и общие интересы. Обладатель скромной должности при посольстве был известным библиофилом, его богатейшая коллекция впоследствии ляжет в основу собрания рукописей Императорской публичной библиотеки. Он имел высокие связи, приобретал книги и рукописи не только для себя, но и выполнял поручения русских аристократов и даже императорского двора, хорошо знал парижских книготорговцев и антикваров, был вхож в литературные круги.[72] Коллекция Дубровского значительно пополнилась в годы революции, когда многие французские библиотеки и архивы были разорены. Карамзин, который регулярно встречался с Дубровским в Париже, в 1790 г. писал: «Он знаком со всеми здешними библиотекарями и через них достает редкости за безделку, особливо в нынешнее смутное время».[73] В 1792 г. после разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией Дубровский перебрался в Голландию, а затем в Гамбург, то есть следовал той же дорогой, что и многие эмигранты, так же как и они испытал на себе тяготы революционных лет. В Гамбурге он служил с 1796 г., его начальниками были сначала Фредерик Мельхиор Гримм (до 1798 г.), затем И. М. Муравьев-Апостол, возглавлявшие русскую миссию.

В 1797 г. Дубровский благодаря своему посту и не в последней степени своим связям, стал организатором поэтического состязания, посвященного памяти Екатерины II. Конкурс на лучшую французскую оду должен был противопоставить образ «героини Севера» тому отрицательному, часто карикатурному портрету, который присутствовал на страницах французских политических памфлетов, исторических сочинений, опубликованных после смерти русской императрицы. Дубровский тщательно собирал всю документацию конкурса, в том числе тексты присланных поэтических

---

[72] *Wolzogen W. von.* Journal de voyage à Paris (1788–1791). Suivi du Journal politique (1793) et de la Correspondance diplomatique (1793). Traduit de l'allemand par Michel Trémousa. Villeneuve d'Ascq (Nord), 1998. P. 131–165.

[73] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 275.

сочинений, эти документы ныне хранятся в РНБ и позволяют проследить историю гамбургского литературного состязания и трудности его организации.[74] Так, в письме к А. А. Яковлеву, поверенному в делах в Голландии, Дубровский жаловался на отсутствие средств, нежелание русских дипломатов и путешественников финансировать конкурс:

> Г-н Васильев[75] уехал отсюда с запасом штанов, за которые он заплатил очень много, но он совсем не участвовал в расходах по нашему Памятнику. Г-н Муравьев предпочитает состязаться в помощи проститутке Шевалье,[76] нежели пожертвовать несколько дукатов для поминовения бессмертной Екатерины; между тем он пообещал мне 15 дукатов в момент своего прибытия, но после обращений к нему моего немецкого коллеги он отменил свое обещание. Я рассчитываю завтра повторить ему свою просьбу; так как именно в этот день он уедет. Некоторые другие наши соотечественники, оказавшиеся здесь проездом, повели себя так же, к большому стыду местной публики. Я пошлю Вам с Г-ном Муравьевым образец нашего пригласительного билета.[77]

Заметим, что в это время И. М. Муравьев, поведение которого осуждает Дубровский, еще не является его начальником.

Эмигранты с готовностью откликнулись на приглашение к конкурсу, у них появился повод воздать дань памяти своей благодетельницы и в то же время проявить себя перед русскими властями. В конкурсе участвовало около 60 авторов, хотя стихи были анонимными, можно смело предположить, что большинство из авторов были французами. Аббат Мари, находившийся в то время в Гамбурге, всемерно способствовал организации конкурса. Он состав-

---

[74] Специальное исследование посвятила конкурсу Т. П. Воронова, в прошлом хранитель собрания западноевропейских рукописей РНБ: *Воронова Т. П.* Литературный конкурс 1797 г. в Гамбурге, посвященный Екатерине II (по материалам архива П. П. Дубровского) // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 382–387.

[75] И. В. Васильев, русский дипломат в Копенгагене.

[76] Шевалье (Chevalier), Жермен или Женни (ок. 1770–?), урожд. Пуаро (Poirot). Певица, выступала в Лионе, Париже, Брюсселе, Гамбурге. С 1798 г. — артистка французской оперной труппы в Санкт-Петербурге. Была любовницей графа И. П. Кутайсова, пользовалась расположением Павла I. См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisse, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. P. 670–671.

[77] Черновик письма П. П. Дубровского В. А. Яковлеву от 28 апреля 1797 г.: РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 240 (оригинал на франц. яз.).

лял проекты пригласительных писем, подбирал надписи для медалей, а также сюжеты для виньеток и концовок готовящегося издания лучших сочинений, давал всевозможные советы Дубровскому. Так, он рекомендовал не торопиться с восхвалениями Павла и сосредоточиться лишь на прославлении личности Екатерины, высказывался против пышного праздника с концертом и обедом, что требовало больших средств. Дубровский в свою очередь собственноручно напечатал сочиненную аббатом эпитафию принцессы Елизаветы, сестры казненного короля Людовика XVI.[78] Однако, вскоре между ними возникли разногласия. Мари сам написал оду памяти Екатерины, он не представлял ее на конкурс, но хотел опубликовать как можно скорее, в типографии Фоша и, видимо, ждал одобрения русской стороны. Дубровский медлил, ссылаясь на других организаторов, и Мари просил Бодюса скорее приступить к работе по изданию этой оды (6 марта 1797 г.).

Для рассмотрения конкурсных ответов Дубровским была создана комиссия под названием «Lycée». Половина ее членов была немецкими литераторами и учеными («Savants nationaux»): Фридрих Клопшток, Фридрих-Генрих Якоби, Матиас Клаудиус, Антон Август Лихтенштейн, доктор Реймерус, другая половина — французские эмигранты («Savants etrangers»), те, что объединились вокруг «Le Spectateur du Nord» — маркиз де Ла Мезонфор, Шарль Жюльен де Шенедоле, Антуан Ривароль, врач Жан Жозеф Менюре и сам редактор журнала.[79]

В архиве Амабля де Бодюса сохранилось письмо Дубровского от 27 апреля 1797 г.[80] Это стандартное приглашение, которое рассылалось всем членам жюри с предложением собраться для обсуждения работ и распределения премий, то самое, в составлении которого помогал аббат Мари. Собрание состоялось 2 мая 1797 г., в день рождения Екатерины; кроме членов «Лицея» на нем присутствовало несколько десятков человек, в основном эмигранты. Фран-

---

[78] РНБ. Fr.Q.I.46/1.

[79] РНБ. Авт. 147. Л. 235.

[80] Письмо написано писарским почерком. Имеются собственноручные подписи (2) П. П. Дубровского. Здесь в составе «Лицея» отсутствует имя президента парижского парламента д'Ожара (d'Augeard), упомянутое в одном из черновых вариантов списка. Вероятно, Дубровский не включил его в окончательный состав.

ко-немецкий комитет, созданный Дубровским, присудил первую премию Жану Батисту Леребуру, бывшему генеральному адвокату Парижской счетной палаты; вторую премию получил Шарль Масон (Masson), который незадолго до этого после нескольких лет, проведенных в России при Екатерине II, был выслан Павлом I.

Решено было напечатать лучшие сочинения. Но раньше, чем планируемое издание было осуществлено, Бодюс попытался издать их в своем журнале. Эта попытка вызвала резкий протест Дубровского, который считал, что оды не могут быть напечатаны до представления императору. Он воспрепятствовал журнальной публикации, видимо желая сохранить свой приоритет, а также опасаясь реакции Павла I. И Бодюс, и Фош вынуждены были оправдываться, уверяя, что оды попали в типографию по недоразумению. Они представили письменное свидетельство (30 мая 1797 г.) в том, что опубликуют их только с согласия организаторов конкурса, то есть получив разрешение от Дубровского.[81] Но в журнале оды так и не были напечатаны. Дубровский выпустил их отдельной книжкой в типографии того же Фоша, небольшим тиражом около 30–40 экземпляров.[82]

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, Анна Семеновна Муравьева-Апостол

Судя по переписке, Бодюс регулярно встречался и даже был в дружеских отношениях с Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом и его женой Анной Семеновной (урожд. Черноевич).

Иван Матвеевич Муравьев (1762?–1851) происходил из старинного дворянского рода, был сыном военного инженера, а по материнской линии потомком украинского гетмана (впоследствии присоединил ее фамилию Апостол). Его двоюродный брат — писатель М. Н. Муравьев. Сам Иван Матвеевич также был известен как литератор и переводчик.[83] Хорошо проявив себя на придворной службе в качестве воспитателя («кавалера») великих князей Александра и

---

[81] ОР РНБ. Авт. 147. Л. 274–275 об., 278, 284.

[82] Monument littéraire consacré aux mânes de l'Auguste Catherine II. Impératrice de toutes les Russies. S. l., M. DCC. XCVIII. 80 P. 4°. (РНБ. Шифр: 13.1.3.29).

[83] Словарь русских писателей XIX века. М., 1999. Т. 4. С. 166–169.

Константина, после воцарения Павла I, в конце 1796 г. он был отправлен министром-резидентом в Эйтин (с 1798 г. он совмещал этот пост с аналогичным в Гамбурге, а в конце 1799-го еще и в Копенгагене). В 1800 г. он был отозван в Россию, в 1801 г. занял пост вице-президента Иностранной коллегии, а в 1802 г. назначен русским посланником в Мадрид, где оставался по 1805 г.

Сохранилось несколько писем Муравьева и его жены к Бодюсу за 1797–1802 гг. Отметим различие в их знании французского — превосходный язык Ивана Матвеевича и обилие ошибок в письмах Анны Семеновны, которая, однако, также занималась переводами с французского.[84]

Эти письма свидетельствуют, что Бодюс регулярно бывал в гамбургском доме Муравьевых, у них было много общих знакомых, тем более что помощь эмигрантам входила в служебные обязанности русского дипломата. Муравьев хорошо знал маркиза де Ла Мезонфора, Делиля, Эсменара, Риваролля, Септея, Клери и других французов, среди которых были и авторы «Le Spectateur du Nord». Его сын, будущий декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол, вспоминал, что провел свое детство в окружении эмигрантов:

> У нас в доме про маркиза де Романса[85] говорили, что он сын Людовика XV, [он] ходил в рабочей куртке, с фартуком, а потом в кафтане сидел за обедом с нами. Этот маркиз сделался обойщиком. Сын его, по ходатайству отца, был определен в первый кадетский корпус, выпущен из него офицером в Александрийский гусарский полк, которым начальствовал эмигрант граф Ламберт. Полк прославился под его начальством. Брат графа Ламберта совершил с Бугенвилем кругосветное плавание и был в Мадриде при батюшке секретарем при нашем посольстве. Молодой маркиз де Романс был убит под Аустерлицем.
>
> Революционное правительство французское требовало выдачи одного эмигранта, проживавшего в Гамбурге. Сенат Гамбургский готовился выдать жертву, обреченную на смерть. Отец взял эмигранта под покровительство России и выпроводил его в Петербург.[86] Пятилетний мальчик в красной куртке, изображенный на нашей семейной картине,[87] был ярый роялист. Эмигранты рассказами своими о бедствиях, претерпенных королем, королевой, королевским семейством и про-

---

[84] См.: Пример матерям, или Приключения маркизы де Безир / Переведено с французскаго языка Анною Муравьевою. [Казинка]: [Тип. Рахманинова], 1791. (Le modèle des mères, ou mémoires de madame la marquise de Bezire. Paris-Dresde, 1770).

[85] Маркиз Романс де Месмон.

[86] Возможно, речь идет о Бертене д Антийи, нашедшем убежище в России.

[87] Портрет работы Ж. Л. Монье (Mosnier).

чими страдальцами, жертвами кровожадных террористов, его сильно смущали. Отец его садится, бывало, за фортепиано и заиграет «la Marseillaise», а мальчик затопает ногами, расплачется, бежит вон из комнаты, чтоб не слушать ненавистные звуки, которые сопровождали к смерти жертв революции.[88]

Муравьева связывали с Бодюсом и деловые отношения. Редактор «Le Spectateur du Nord» на правах представителя фирмы Фоша снабжал русского дипломата книгами, улаживал возникшие при этом проблемы. Так, 9 марта 1798 г., в то время когда Фош уехал в Россию, а фирма требовала незамедлительной оплаты купленных книг, Муравьев обращается к Бодюсу за помощью, говоря, что предпочитает расплатиться в Петербурге. В январе 1800 г. Муравьев, получив несколько томов сочинений Жана Франсуа Лагарпа,[89] предупреждает, что еще не закончил читать третий том, который должен вернуть. Вероятно, существовали договоренности о значительных льготах в уплате за книги. Муравьев, как было тогда принято, покупал в кредит, и, может быть, некоторые книги возвращал, оплачивая только те, что хотел оставить себе. Известно, что Фош практиковал представление книг по абонементу для чтения.[90]

Шутливая форма писем, например, когда выход очередного номера журнала сравнивается с рождением ребенка, говорит о приятельских отношениях корреспондентов, их общих литературных интересах. «Не имея таланта Делиля или Сен Ламбера, я не буду Вам рассказывать ни о саде, ни о хорошей погоде и ограничусь тем, что скажу Вам, что я совершенствуюсь здесь по примеру Гельвеция.[91] В остальном, исключая этот маленький способ совершенствования, который присущ нам всем, мы живем очень хорошо и бе-

---

[88] *Муравьев-Апостол М. И.* Из рассказов Матвея Ивановича Муравьева-Апостола / Сообщ. А. П. Сазанович // Русский архив. 1888. Кн. 3. Вып. 11. С. 369–372.

[89] Возможно, речь идет об издании: *La Harpe J. Fr. de.* Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris: H. Agasse, an VII-an XIII. 16 t.

[90] *Somov V. A.* Pierre François Fauche, l'imprimeur-libraire européen et ses catalogues. P. 65.

[91] Упоминание И. М. Муравьевым имени Гельвеция дополняет существующие сведения о влиянии идей этого философа в русской среде. См.: *Радлов Э. Л.* К. Гельвеций и его влияние в России. Пг., 1917; *Кучеренко Г. С.* Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой // XVIII век. Сб. 21 **(**Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969)**)**. СПб., 1999. С. 215–227; *Демин А. О.* К выходу книги К. А. Гельвеция «Об уме» из библиотеки Вольтера во всемирную компьютерную сеть (http://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D3/Diomine_VR.htm) см. 26.05.15.

рем с Вас слово посетить нас, как только Вы оправитесь после родов», — пишет Муравьев (26 июля 1798 г.). Анна Семеновна также с нетерпением ждет новых номеров: «Так как время родов г-на Бодюса приближается, ей крайне интересно первой получить Спектатер за этот месяц и не без оснований!» (22 октября 1799 г.). Она печалится, когда Бодюс покидает Гамбург: «Но кто может утешить меня в потере такого друга как Вы?».

Имя Муравьева неоднократно упоминается в письмах эмигрантов к Бодюсу. Русский дипломат служит посредником между редактором и возможными авторами журнала. Так, шевалье Левиконт (Levicomte), в прошлом французский майор, а теперь русский офицер, посылает из Петербурга свое «l'épître» для публикации в журнале, ссылаясь при этом на рекомендацию Муравьева (27 ноября/10 декабря 1800 г.). 14 февраля 1798 г. сам Муравьев посылает «брошюрку» (pièce fugitive) от их общего знакомого, который просит напечатать сто экземпляров. Не исключено, что русский дипломат оказывал определенное влияние на содержание «Le Spectateur du Nord», во всяком случае, на его политический раздел, который составлял сам Бодюс. Для редактора журнала общение с Муравьевым было возможностью получить известия о России, о ее европейской политике, о положении эмигрантов в империи, даже в донесениях Талейрану Бодюс часто упоминает имя Муравьева. Разумеется, обмен информацией был взаимным.

Общение сохраняется и после отъезда двух друзей из Гамбурга. Возможно, они встречались в Париже, где в 1802 г. были одновременно. В те дни парижский издатель Шарль Пужан (Pougens) просил Бодюса сообщить парижский адрес Муравьева, так как собирался нанести ему визит (11 мая 1802 г.). Будучи в Мадриде, Муравьев через Бодюса поддерживает связь с Гамбургом, в 1802 г. он напоминает ему об обещании «достать» (видимо, обеспечить подписку) на гамбургскую газету «Unparteiischer Correspondent», а также просит передать русскому консулу Штендеру, что желает получить из Гамбурга тысячу перьев для письма «лучшего качества». Элио (Héliot), доверенное лицо Бодюса, занимается этими поручениями русского дипломата. Последний раз имя Муравьевых упоминается в переписке Бодюса около 1805–1806 гг.[92]

[92] Один из парижских корреспондентов (мужчина, судя по грамматике письма) сообщает Бодюсу, что Муравьева в Париже, куда прибыла, чтобы здесь провести

Николай Михайлович Карамзин

Русский писатель стал корреспондентом эмигрантского журнала с момента его создания, причем предложение о сотрудничестве поступило от самого редактора, который в конце 1796 г. рассылал проспект «Le Spectateur du Nord». Это выясняется из ответа Н. М. Карамзина, имеющегося в архиве Бодюса, само же письмо редактора не обнаружено, вероятно, оно не сохранилось, поскольку архив Карамзина погиб в московском пожаре 1812 г.

Письмо Карамзина датировано 11 (22) января 1797 г. и отправлено из Москвы в Гамбург на адрес Фоша: «A Monsieur / Monsieur Fauche, / Libraire à Hambourg, / Pour remettre à Monsieur Baudus». Карамзин сразу же соглашается рассказать на страницах журнала о русской литературе. Он предполагает писать по-французски, надеясь на то, что его стиль исправят, но главное — просит сохранять анонимность. Свои материалы он намерен частями переправлять в Гамбург через московскую книготорговую фирму Рисс и Сосе. Заметим, что эта фирма была партнером Пьера Франсуа Фоша. Книготорговцы с их налаженной профессиональной сетью являлись надежными посредниками «Литературной республики», о которой с таким воодушевлением пишет Карамзин: «Литераторы всех стран составляют одну республику и должны смотреть друг на друга как братья: эта мысль услаждает мне сердце и часто утешает меня в моем литературном уединении в стране, где природа мало благоприятствует воображению чувствительного человека». Заканчивается письмо дифирамбом Клопштоку, кумиру русского писателя, жившему тогда в Гамбурге, то есть там же, где и Бодюс.

Имя Карамзина появляется уже во втором, февральском номере за 1797 г. Публикуя его повесть «Юлия», журнал представляет русского писателя как одного из своих корреспондентов. По мнению Бодюса, эта повесть свидетельствует о том, что «в стране, которую во Франции по привычке рассматривают как немного варварскую, есть писатели, способные соперничать с Мармонтелями и Флориа-

---

роды. Она приехала с двумя десятками слуг, «большую часть которых распустила по прибытии» (17 мая [б. г.]. Без подписи). Письмо можно датировать 1805-м или началом 1806 г., так как А. С. Муравьева родила в Париже сына Ипполита в 1806 г.

нами».[93] Перевод был выполнен, по сообщению журнала, неким г-ном де Буйе (Bouillers). Сличение с русским оригиналом, который был опубликован в Москве в 1796 г., показывает, что французский перевод достаточно хорошо передает текст повести.[94]

Любопытно, что еще в проспекте «Le Spectateur du Nord» среди книжных новинок было указано отдельное издание этой повести на французском языке в переводе того же де Буйе (Julie. Nouvelle traduite du russe de Mr. Karamzin, par M. de Bouillers. Moscou, chez F. Courtener, libraire, 1797).[95] Знаменитый русский библиограф Сергей Дмитриевич Полторацкий, сличив эту книгу с публикацией в журнале, предположил, что, судя по внешнему виду, московское издание также было напечатано в типографии Фоша, но с ложным типографским адресом на титульном листе.[96] Это предположение Полторацкого кажется очень вероятным: Франсуа Куртенер, числящийся как издатель книги, был одним из комиссионеров гамбургской фирмы.

В той же, второй, книжке журнала опубликован еще один «русский» текст: «Lettre au Spectateur sur Pierre III», подписанный «Un Voyageur». Редакция поясняет, что письмо пришло от человека, «который горячо разделяет желание Павла Первого возвратить уважение к памяти о своем несчастном отце».[97] О Петре III здесь говорится как о жертве предательского заговора, осуждается внешний блеск царствования Екатерины II. «Путешественник» считает, что Европа была обманута врагами Петра III: «Екатерина II взошла на царство, и слава ее переполнила мир; философы стали глашатаями этой славы; друг истины не должен им возражать; но разве ему не

---

[93] Le Spectateur du Nord. 1797. Février. P. 183.

[94] *Быкова Т. А.* Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX в. Л., 1969. С. 326–327.

[95] Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1700–1800. № 1511. Л., 1984. Т. 2. Л.: Наука, 1985; *Richard Fr.* Amable de Baudus: 1761–1822. Saint-Maure, 2010. T. 1. P. 365–366.

[96] Пометы С. Д. Полторацкого на принадлежавшем ему экземпляре этого издания, хранящемся в РНБ (Шифр 13.16.8.81). См. об этом: *Гринченко Н. А.* Книги С. Д. Полторацкого в коллекции «Россика» РНБ // Историко-библиографические исследования. СПб., 2008. Вып. 11. С. 262–283.

[97] Le Spectateur du Nord. 1797. Février. P. 283.

позволено счесть число мужчин, женщин и детей, которые заплатили жизнью в Польше, Швеции, Турции, Персии, и особенно в России, за более чем тридцать лет этого славного царствования».[98]

Любопытно, что критический взгляд на императрицу, присущий автору письма, был поддержан и редакцией журнала. В следующем, мартовском, номере за 1797 г. содержится рецензия на знаменитую книгу Рюльера «о революции 1762 года» — книгу, которая могла быть опубликована только после смерти Екатерины. Рецензия сопровождается примечанием: «Факты, сообщенные [в письме Путешественника] подтверждаются сочинением Г-на де Рюльера».[99]

Кто был этот «Путешественник», до сих пор неизвестно. Ю. М. Лотман предположил, исходя как из обстоятельств публикации статьи, так и ее содержания, что автором является Карамзин.[100] Действительно, статья, по сообщению журнала, была прислана из России, она подписана «Un Voyageur», именем, которое надолго закрепилось за Карамзиным в русской литературе. По мнению Ю. М. Лотмана, политическая направленность публикации, лояльность по отношению к Павлу I, умеренная благожелательность в оценках Петра III соответствуют политическим взглядам Карамзина. Выделяется из этого контекста лишь крайне резкое осуждение правления Екатерины II. Гипотеза Ю. М. Лотмана имеет основания, но нуждается в дополнительных доказательствах, которых на сей день у нас нет.

Авторство другой «русской» публикации — «Lettre au Spectateur sur la littérature russe», которая также появилась анонимно, Карамзин впоследствии признавал сам. Бодюс делает к ней примечание: «Мы даем эту статью в виде письма, таким, каким оно было нам прислано, это может показать, до какой степени литераторы в России владеют нашим языком. Мы крайне сожалеем, что не можем назвать имя видного литератора, которому мы обязаны этой публикацией, но мы обязаны уважать условие, которое его скромность нам поставила».[101]

Эта карамзинская статья уже давно заинтересовала исследователей, в 1866 г. она была опубликована Я. К. Гротом и П. П. Пекар-

---

[98] Le Spectateur du Nord. 1797. Février. P. 284, 287–288.

[99] Le Spectateur du Nord. 1797. Mars. P. 435–436.

[100] *Лотман Ю. М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. С. 102–131; *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 678–679.

[101] Le Spectateur du Nord. 1797. Octobre. P. 58.

ским,[102] которые и указали имя автора, затем спустя сто лет в 1964 г. П. Н. Берковым и Г. П. Макогоненко (в переводе Е. Г. Эткинда).[103] Позже, в 1984 г., Ю. М. Лотман, поместив эту статью в качестве приложения к подготовленному им изданию «Писем русского путешественника», писал об ее исключительной важности для изучения этого памятника русской литературы, а также истории русско-европейских контактов.[104]

Обратимся к самой журнальной публикации. Она отчетливо делится на две части. Первая содержит очерк истории русской литературы. Вторая — пересказ «Писем русского путешественника».[105]

Карамзин начинает с утверждения, что талант присущ народам, живущим во всех широтах, и Россия не является исключением. Затем он очень кратко говорит о русской литературе всего допетровского периода, напоминая, что поэзия издавна существовала у русских. В подтверждение своих слов он извещает читателя о недавней находке «в наших архивах отрывка стихотворения „Песнь воинов Игоря“, которое достойно сравнения с лучшими местами из Оссиана и которое было сочинено неизвестным автором в двенадцатом веке». Благодаря этому замечанию публикация «Le Spectateur du Nord» заняла достойное место в историографии «Слова о полку Игореве» как первое в европейской литературе упоминание об этом памятнике.[106] Сразу после сообщения о «Слове» Карамзин переходит к эпохе Петра Великого, роли его реформ. Он оценивает XVIII столетие как время подражания европейской культуре: «Когда Петр

---

[102] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. По поручению отделения русского языка и словесности императорской Академии наук издали с примечаниями и указателем Я. Грот и П. Пекарский. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1866. С. 044–0186.

[103] *Карамзин Н. М.* Несколько слов о русской литературе. Письмо в «Зритель о русской литературе» // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах / Вступ. статья П. Н. Беркова и Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 145–155. Примеч. С. 532–533.

[104] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 676–677.

[105] Le Spectateur du Nord. 1797. Octobre. P. 53–71; *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 449–463. Русский перевод (Ю. М. Лотмана) дается по этому изданию с небольшими изменениями.

[106] *Дмитриев Л. А.* Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т. 3. К–О. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 14–18.

Великий разорвал занавес, скрывающий от наших глаз цивилизованные нации Европы и их успехи в искусствах, русский, униженный чувством своего несовершенства, но чувствовавший себя способным к просвещению, захотел подражать иностранцам во всем: как в образе жизни, так и в одежде, как в нравах, так и в искусствах; он принялся перестраивать свой язык по образцам языка немцев и французов, и наша поэзия, наша литература сделались отголоском и копией их поэзии и их литературы.

С этого времени мы осуществляли, и достаточно успешно, опыты почти во всех литературных жанрах».

Свидетельствуя об успехах русской словесности, писатель одновременно обличает недостатки своего Отечества: «Рассудительная критика редка в России; в стране, где чин решает все, слава имеет мало привлекательности».

После краткой характеристики всей современной ему русской литературы, он сразу же сообщает о своем альманахе «Аониды», в котором, по его словам, публикуются «все наши поэты» и который он определяет как «Almanach des Muses», знакомый иностранному читателю вид издания.

Любопытно, что Карамзин не называет ни одного литературного имени, даже своего, хотя бóльшая часть статьи, примерно три четверти текста, посвящена его собственным трудам и в первую очередь «Письмам русского путешественника». Он видит важность своего сочинения для русской литературы и признает, что оно обязано своим успехом новой теме, то есть описанию путешествий.

В немецких землях его герой встречается с писателями, которыми восхищался (Kant, Nicolaï, Ramler, Moritz, Herder). Приехав в Швейцарию, в Цюрихе каждый день он обедает с Лафатером. В Женеве знакомится с Бонне. На острове Сен-Пьер он вспоминает о Жане Жаке Руссо, имя которого в своем кратком тексте он упоминает несколько раз. Другого властителя умов, Вольтера, он не называет по имени, но думает о нем — путешественник часто посещает Фернейский замок. Наконец, он въезжает во Францию, уже зная о революции. Автор понимает, что именно рассказа об этих событиях ждет его читатель. Описывая Францию, он размышляет о русской нации, совершившей стремительный полет к вершинам цивилизации — Россия была вырвана из летаргического сна: «Но здесь другие идеи и другие образы являются в моем уме: достаточно

ли прочны сооружения, воздвигаемые с излишней поспешностью?». Он кратко упоминает о своем пребывании в Париже, о встречах с французскими литераторами: с «мудрым Бартелеми», с Мармонтелем.

О революции в статье говорится особо, Карамзин приводит пространный отрывок из своей книги, в том числе пишет: «Французская революция — одно из тех событий, которое определяет судьбы людей на долгую череду веков. Новая эпоха начинается, я ее вижу, но Руссо ее предвидел». Здесь же он лестно отзывается о французах, их национальном характере («огонь и воздух») и считает их «самым любезным из всех народов».

Пребывание в Англии не вызывает у русского путешественника подобного же энтузиазма: «Я с удовольствием вернулся бы в Англию, но покидаю ее без сожаления». Возвращаясь в Россию, в письме из Кронштадта он подводит итоги своего путешествия.

Такова статья, присланная в Гамбург в январе 1797 г.

Откликнувшись на просьбу Бодюса, Карамзин помог ему осуществить издательскую программу, одним из направлений которой было знакомство читателей с разными европейскими литературами. Публикация в известном журнале была полезна и для русского писателя, она способствовала популяризации его творчества.

Посмотрим еще раз на хронологию этого сотрудничества.

11 (22) января 1797 г. Карамзин пишет Бодюсу, соглашаясь быть его корреспондентом. Довольно скоро, в февральской книжке, Бодюс уже помещает перевод повести «Юлия» и при этом сообщает, что Карамзин является корреспондентом журнала. Вероятно, сам Карамзин организовал эту публикацию, не исключено, что он был причастен к работе переводчика, а может быть, сам перевел свою повесть на французский язык. Во всяком случае сведений о де Буйе, который указан как переводчик, до сих пор не обнаружено. В том же февральском номере публикуется «Письмо о Петре III», подписанное псевдонимом «Путешественник», составленное, возможно, самим Карамзиным (как считал Ю. М. Лотман) или, возможно, им присланное. Но в журнале до сих пор нет обещанной Карамзиным статьи о русской литературе. Более того, он, как выясняется, не хочет ее писать сам, так как 1 июня он обращается к Василию Васильевичу Капнисту с предложением подготовить такую статью. Однако

Капнист отвечает отказом (4 июля 1797 г.).[107] И тогда в октябрьской книжке «Le Spectateur du Nord» появляется очерк, составленный самим Карамзиным. Он не подписан в соответствии с пожеланием автора, и мы, вероятно, не знали бы его имени, если бы он сам не сообщил о сотрудничестве с гамбургским журналом в письме Ивану Ивановичу Дмитриеву от 16 ноября 1797 г.:

Издатель французского Северного зрителя требовал от меня чего-нибудь. Я послал к нему: Un mot sur la litterature russe. Письмо мое напечатано в октябре месяце журнала; но я не имею еще этой книжки.[108]

О реакции Бодюса на статью мы знаем из той же переписки с Дмитриевым. 18 января 1798 г. Карамзин пишет:

У меня нет копии с письма моего к издателю французского *Северного Зрителя*; оно напечатано в октябре месяце журнала; если захочешь, то можешь найти его в Петербурге. Издатель и читатель довольны, требуют еще, но я ленив. Разве месяца через два пошлю извлечение из нового русского романа, который может быть никогда не выйдет на русском языке... хочешь знать титул? *Картина жизни*; но эта картина известна только самому живописцу или маляру; и не глазам его, а воображению.[109]

Значит, контакты журнала с Карамзиным продолжались. Напомним, что в начале 1798 г. П. Фр. Фош как раз отправился в Россию. «Извлечение» из упомянутого в письме к Дмитриеву предполагаемого романа так и не появилось; скорее всего, Карамзин ничего больше не послал. Время было не самое благоприятное для таких контактов, в России происходило резкое ужесточение цензуры.

Но Карамзин продолжает обсуждать с Дмитриевым свою публикацию и, видимо, в ответ на его замечания 11 февраля 1798 г. объясняет свою позицию:

Мне казалось, что так надобно было писать о русской литературе для иностранцев, слегка, без дальних подробностей с оборотом à la française. Означенные мною картины и чувства из русских песен не совсем выдумка; есть à peu près — чего и довольно. От меня требовали несколько строк о русской литературе вообще

---

[107] *Капнист В. В.* Собрание сочинений. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 436–438, 592. За сведения о В. В. Капнисте благодарю Клауса Шарфа (Dr. Claus Scharf, Mainz).

[108] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву… С. 82.

[109] Там же. С. 91.

и при том извлечения из моих писем. Но что об этом говорить? Надо писать, как нам кажется; а другие пусть судят, как им кажется.[110]

Эти слова Карамзина чрезвычайно важны для понимания смысла его публикации. Известно, что цитируемые в «Le Spectateur du Nord» отрывки из «Писем русского путешественника» значительно отличаются от текста самого этого произведения и что таким образом гамбургский журнал сохранил свидетельства о неизвестной нам версии «Писем». Это мнение было высказано в 1964 г. издателями русского перевода журнальной публикации П. Н. Берковым, Г. П. Макогоненко и Е. Г. Эткиндом[111] и поддержано позднее Ю. М. Лотманом, который писал: «Автореферат в „Северном зрителе“ представляет для нас единственный источник суждений о духе первоначального текста парижских писем. А сопоставление отрывков из „Писем“, которые Карамзин приводит в статье, с известным нам текстом дает картину далеко идущей переработки».[112] Заметим, однако, что так называемые «отрывки» могут представлять собой текст, специально созданный Карамзиным для иностранного журнала, текст, написанный, по его собственному признанию, «à la française». Таким образом, перед нами особое литературное произведение, где Карамзин говорит о том, что его волнует в настоящий момент, то есть в середине 1797 г. Он ясно представляет назначение этой публикации, с одной стороны, ее адресованность иностранному читателю, с другой — возможность свободно, без оглядки на жесткую цензуру тех лет высказать свои взгляды, не сомневаясь в том, что иностранный журнал в конце концов дойдет и до русского читателя.

История сотрудничества Карамзина с «Le Spectateur du Nord» до конца не выяснена. Неизвестно, как Бодюс узнал о Карамзине. Возможностей было много, это имя ему могли назвать и французские эмигранты, и немецкие литераторы, и русские дипломаты и т. д. На молодого писателя мог указать и сам издатель журнала П. Фр. Фош, который имел прочные связи с Россией. Судя по собственным признаниям Карамзина Дмитриеву, переписка между русским писате-

---

[110] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву… С. 92.

[111] *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. С. 11; Т. 2. С. 532–533.

[112] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 677.

лем и редактором (Бодюсом), возможно, также и издателем (Фошем) не ограничивалась одним письмом, были и другие, которые не дошли до нас. Сотрудничество продолжалось почти весь 1797 г. С одной стороны, можно говорить о причастности Карамзина к нескольким «русским» материалам, с другой, как выясняется теперь, русские контакты «Le Spectateur du Nord», были гораздо шире, и такие публикации, как «Письмо о Петре III» (автор которого до сих пор неизвестен), перевод повести «Юлия», могли быть организованы другими людьми, например самим Бодюсом, а также Фошем, французами-эмигрантами — авторами журнала, русскими дипломатами (И. М. Муравьев-Апостол, П. П. Дубровский) и т. д. без прямого участия самого писателя.

Приглашение Н. М. Карамзина к сотрудничеству, безусловно, самый значительный вклад «Le Spectateur du Nord» в историю русско-европейских литературных контактов. В целом, на страницах журнала был создан благоприятный образ Российской империи как страны, идущей по пути европейской цивилизации, могущественной державы, противостоящей революционной опасности, которую несли войска Республики. Французский журнал, издававшийся эмигрантами в Германии, отразил многообразные взаимосвязи европейских культур на рубеже веков, в переломную революционную эпоху.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Переписка А. де Бодюса и П. П. Дубровского

1. Письмо П. П. Дубровского. Гамбург 27 апреля 1797 г.

à Monsieur Bodus[113]

Hambourg 27. avril 1797.

Monsieur,

Une société distinguée d'admirateurs de l'immortelle Catherine II, par le désir de lui consacrer un monument digne de son génie, fit publier dans les Journaux qu'il serait accordé un Prix d'une médaille d'or et de deux médailles en argent, pour les trois meilleures ODES en français destinées à former ce monument.

[113] Помета почерком П. П. Дубровского (в левом верхнем углу листа).

Le Jugement de ces ODES, envoyées en grand nombre, doit être prononcé, selon l'annonce faite, par les savans réunis à Hambourg.

La voix publique, vos talens et la réputation de votre goût m'ont fait prendre la liberté de vous placer, Monsieur, au nombre des personnes qui doivent porter ce jugement et dont la liste est ci-jointe. En conséquence, je vous prie de vouloir bien accepter l'invitation de vous rendre à cette assemblée qui aura lieu mardi prochain, deux mai.

J'ose me flatter que vous ne voudrez pas vous refuser à cette dernière marque de la juste reconnaissance que les génies doivent à la mémoire de leur Illustre protectrice.

J'ai l'honneur d'être, avec la plus parfaite estime,

Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur

P^re^ Doubrowsky sécretaire de la Légat: de Russie[114]

N. B. L'assemblée s'ouvrira le 2 mai, à 10 h^res^ du matin, dans la grande salle de l'hôtel de Vaux: Dam-Thor-Strasse: n°.

P. S. Je vous prie, Monsieur, de me faire en même tems l'honneur d'accepter le dîné qui sera servi dans le dit hôtel à 2 heures après midi. P. Doubrowsky.[115]

Liste des savans nationaux et étrangers, invités à l'assemblée pour prononcer sur le jugement des ODES.

Savans nationaux	Savans étrangers
M. de Klopstock	M. le Cte de Rivarol
M. de Jacobi	M. de Chênedollé
M. de Claudius	M. Bodus
M. de Lichtenstein	M. de Maisonfort
M. le docteur Reimerus	M. le docteur Ménuré

Lecteur

M. Thibaut, professeur de Déclamation.

Перевод:

Гамбург, 27 апреля 1797.

Сударь, почтенное общество, состоящее из почитателей бессмертной Екатерины II, имея желание посвятить ей памятник, достойный ее гения, распорядилось опубликовать в газетах, что премия в виде одной золотой медали и двух серебряных медалей будет присуждена трем лучшим одам на французском языке, предназначенным для того, чтобы создать этот памятник.

---

[114] Собственноручная подпись П. П. Дубровского.

[115] P. S. — почерком П. П. Дубровского.

Мнение об этих одах, присланных в большом числе, должно быть высказано, согласно сделанному объявлению, учеными, собравшимися в Гамбурге.

Глас публики, Ваши таланты и репутация Вашего вкуса дали мне смелость, Сударь, включить Вас в число персон, которые должны высказать это мнение и список которых здесь приложен. Вследствие чего я прошу Вас соблаговолить принять приглашение посетить это собрание, которое состоится во вторник второго мая.

Смею надеяться, что Вы не пожелаете отказаться от этого последнего знака справедливой признательности, которую таланты должны иметь к памяти их славной покровительницы.

Имею честь оставаться, Сударь, с совершеннейшим почтением, Ваш нижайший и покорнейший слуга Петр Дубровский, секретарь русской миссии.

N. B. Собрание откроется 2 мая в 10 часов утра, в большом зале отеля де Во по адресу Дам-Тор-Штрассе n°.

P. S. Прошу Вас, Сударь, оказать мне также честь принять приглашение на обед, который будет дан в упомянутом отеле в 2 часа пополудни. Петр Дубровский.

Список ученых этой нации, а также иностранных ученых, приглашенных на собрание, чтобы оценить оды.

Ученые этой нации	Иностранные ученые
Г-н де Клопшток	Г-н граф де Ривароль
Г-н де Якоби	Г-н де Шенедоле
Г-н де Клаудиус	Г-н Бодюс
Г-н де Лихтенштейн	Г-н де Мезонфор
Г-н доктор Реймерус	Г-н доктор Менуре

Чтец

Г-н Тибо, профессор красноречия.

2. Письмо А. де Бодюса П. П. Дубровскому. Гамбург 28 мая 1797 г.[116]

Hambourg 28 mai 1797

Monsieur,

Ce n'est pas à moi, mais bien à M^r^. de Rivarol que les odes dont vous me parlez ont été confiées et c'est lui qui a redigé le procès-verbal. J'avois compté, il est vrai, les faire connoitre dans le premier № de mon journal, mais par egard pour la société russe qui a proposé le prix, je n'en parlerais que lorsqu'elle n'y

[116] ОР РНБ. Авт. 147. Л. 274–275 об.

trouvera plus d'inconvenient. Vous pourrez même reprendre les odes, quand vous le trouverez bon.

J'ai l'honneur d'être avec une considération distinguée,
Monsieur,
Votre très humble et très obeissant serviteur
Baudus
[адрес]A Monsieur
Monsieur Doubrowsky.
Secretaire de la Légation de Russie
Kragen-Kemp № 31 Vis a vis la grande eglise St. Michel
à Hambourg

Перевод:

Гамбург 28 мая 1797

Сударь,

Оды, о которых Вы мне говорите, были вверены г-ну де Риваролю, а не мне, именно он составил протокол. Я рассчитывал действительно выпустить их в свет в первом[117] номере моего журнала, но, учитывая интересы русского сообщества, которое предложило премию, я говорил бы об этом лишь тогда, когда оно больше не будет считать это неуместным. Вы сможете даже забрать оды, когда сочтете это удобным.

Имею честь оставаться с глубоким почтением, Сударь, Вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Бодюс
[адрес] Господину
Господину Дубровскому
Секретарю русской миссии
Краген-Кемп № 31 напротив большой церкви Св. Михаила
в Гамбурге.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Письма И. М. и А. С. Муравьевых-Апостол

Письма И. М. Муравьева-Апостола

1. Mercredy 14 fevr[r] [1798]
[в левом верхнем углу] Circulaire.

[117] Речь идет о ближайшем номере журнала.

Je me soumets à toutes les pénitences que vous voudrés m'imposer — venir pieds nus chez vous; attendre des jours entiers à votre porte; au lieu de Spencer[118] (voyez les œuvres d'Aguila)[119] avoir un sac; et au lieu de chapeau rond, de la cendre sur la tête. — Ordonnés, j'obéirai, mais pardonnés-moi. Je ne veux point vous faire ici des excuses, je n'en ai point. J'attends donc ma grace de votre générosité, et je n'y croirai sincèrement que lorsque vous reviendrez diner chés moi (bien entendu que ce billet est circulaire entre vous et Mr. de La Maisonfort) pas plus tard qu'aujourd'hui.

P. S. Mr (…)prait (*нрзб.*) toujours auteur, vous prie de faire imprimer cent exempl. de la pièce fugitive cy-jointe.

Ma femme vous invite ainsi que Mr. de La Maisonfort. Elle doit avoir quelques droits sur vous: elle n'est pas coupable comme moi.

[адрес:] à Monsieur
Monsieur Baudus
chés lui
[Вверху помета другим почерком:] 14 fevrier 98 Hambourg
Mr. de Mouraview.

Перевод:

[В левом верхнем углу] «Циркуляр».[120]

Я подчиняюсь всем покаяниям, которые Вы хотели бы на меня наложить — прийти босыми ногами к Вам, ждать целыми днями у Вашей двери, вместо Спенсера (смотрите сочинения Агилы) иметь рубище, а вместо круглой шляпы посыпать голову пеплом. Прикажите, и я повинуюсь, но простите меня, я вовсе не хочу представлять Вам здесь свои извинения, мне нет прощения. Итак, я жду милости от Вашего великодушия, и я в это поверю искренне, лишь тогда, когда Вы вернетесь ко мне на обед (разумеется, эта записка предназначена и Вам, и г. де Ла Мезонфору) не позже, чем сегодня.

P. S. Г-н (*нрзб.*) все еще писатель, он просит Вас распорядиться напечатать сто экземпляров брошюрки, которая при сем прилагается.

---

[118] Спенсер — короткий жакет-куртка.

[119] В сентябрьский книжке 1797 г. «Le Spectateur du Nord» было опубликовано «Письмо о круглых шляпах», подписанное неким д'Агила. Автор этого памфлета упоминает запрет Павла Первого на ношение круглых шляп. Письмо датировано 7 сентября 1797 г. и, если верить указанию журнала, пришло из Голштинии (Lettre sur les chapeaux ronds, par d'Aguila // Le Spectateur du Nord. 1797. Septembre. P. 396–401). Сведения об авторе этой публикации не обнаружены. Возможно, подпись является псевдонимом.

[120] Т. е. письмо предназначено для просмотра другими лицами.

Моя жена приглашает Вас, так же как и Г. де Ла Мезонфора. Она должна иметь какие-то права на Вас, она не виновата, в отличие от меня.

[Адрес]: Господину

Господину Бодюсу в его доме

[Вверху помета другим почерком] «14 февраля 98 Гамбург Г-н Муравьев»

2. 9 mars [1798].

Tirés-moi d'un grand embarras. Fauche avant de partir d'ici m'a envoyé le compte des livres que j'ai achetés, mais que je n'ai ni lus ni payés. Je l'ai vu la veille de son départ et lui demandais s'il voulait tout de bon (*нрзб.*) de l'argent ou si ce n'était que pour la forme. Il m'assura positivement que ce n'était qu'une demande circulaire et que je ne devais pas me gêner pour cela. Hier, je reçois une lettre signée Fauche & Comp.^{ie}, par laquelle on me demande de l'argent. Comment concilier ces contradictions? Mon intention etait de payer Mr Fauche à Petersb, si payer le fallait.

Ç'aurait été indifférent pour lui, mais très différent pour moi. Sans parler de petits arrangements pris entre lui et moi et qui d'après la lettre ne sont point connus de la compagnie.

Bonjour, quand on écrit à un en us, on ne peut s'empêcher de finir sa lettre en latin:

Vale et ama.

[Адрес] A Monsieur

Monsieur Baudus.

[Помета над адресом другим почерком] «Hambourg 9 mars 98 Mr. de Mouraview».

Перевод:

9 марта [1798]. Помогите мне выйти из большого затруднения. Фош, до того как уехать отсюда, послал мне счет на книги, которые я купил, но которые я и не прочитал, и не оплатил. Я виделся с ним накануне его отъезда и спросил, действительно ли он хотел получить деньги или это была лишь формальность. Он с определенностью уверил меня, что это была лишь рассылка уведомлений и что я не должен об этом беспокоиться. Вчера я получаю письмо, подписанное Фош и Комп., в котором меня просят расплатиться. Как примирить эти противоречия? Я намеревался заплатить Г-ну Фошу в Петербурге, если нужно было ему платить.

Это было бы безразлично для него, но очень различно для меня. Не говоря о мелких договоренностях, существующих между нами, и которые, если судить по этому письму, совсем неизвестны компании.

Доброго дня, когда пишут кому-нибудь на us, нельзя отказаться от того, чтобы закончить письмо на латыни.

Vale et ama
[Адрес] Господину
Господину Бодюсу
[Помета над адресом другим почерком] «Гамбург 9 марта 98 Г-н Муравьев».

3. Eutin ce 26 juillet 98.

Votre lettre, Monsieur, m'est parvenue en son tems, mais les livres sont encore apparemment en chemin; ce qui ne doit pas vous effrayer; car, connaissant les commis de M^r^. Schramm, je sais qu'ils sont plus accoutumés a calculer par annes[121] que par livres, et que le nombre de 25 les a épouvantés. A tant de choses intéressantes que vous m'apprenés, je ne puis vous répondre d'ici que par ma reconnaissance ; n'ayant pas le talent d'un Delille, ou d'un St Lambert, je ne vous parlerai ni du jardin ni du beau tems, et me bornerai à vous dire que je me perfectionne ici à la manière d'Hélvétius. Au reste, excepté ce petit moyen de perféctionnement qui nous est commun a tous, nous nous portons fort bien et vous prenons au mot pour nous venir voir aussitot rétabli après vos couches.

Mouravieff
Mille chose à M^r^. de Septeuil.
[адрес] à Monsieur
Monsieur Baudus
chés M^r^. Fauche libraire
sur le Jungferstieg[122]
a Hambourg

Перевод:

Эйтин. 26 июля 1798.

Ваше письмо, Сударь, пришло ко мне вовремя, но книги еще, очевидно, в дороге, что не должно Вас испугать, так как, будучи знаком с приказчиками Г-на Шрама, я знаю, что они больше привыкли считать по годам, чем по книгам, и что число в 25 книг их напугало. На такое множество интересных вещей, которые Вы мне сообщили, я могу Вам ответить отсюда только своей признательностью. Не имея таланта Делиля или Сен-Ламбера я не буду Вам рассказывать ни о саде, ни о хорошей погоде и ограничусь тем, что скажу Вам, что совершенствуюсь здесь по примеру Гельвеция. В остальном, исключая этот маленький способ совершенствования, который присущ нам всем, мы живем очень хорошо и берем с Вас слово посетить нас, как только Вы оправитесь после родов.

---

[121] Sic!

[122] Правильно: Jungfernstieg.

Муравьев
Тысячу приветов Г. де Септей
[Адрес]: Господину
Господину Бодюсу
у Фоша, книгопродавца
на Юнгфернстиг
в Гамбурге

4. Без даты. [Январь 1800][123]

Ce n'est pas les volumes de La Harpe qui me font plaisir, c'est de voir l'écriture du bon et de l'aimable M[r]. de Baudus que je suis ravi. Portés vous de mieux en mieux, il n'y a personne qui le souhaite plus vivement que moi. Je serais venu chez vous 40 fois moi-meme, si je ne savais pas que les visites sont plus souvent importunes qu'agreables aux malades.

Je n'ai pas eu le tems d'achever le 3me vol. — mais si vos Co[ns] en ont besoin, ils sont les maitres de l'envoyer chercher. Ma femme est a la promenade. Je puis vous assurer qu'elle lira votre billet a travers quelques gouttes de larmes de joye.

Convalest et ama

Перевод:

Не тома Лагарпа доставляют мне удовольствие, я восхищен тем, что вижу почерк доброго и любезного Г-на Бодюса. Больше, чем кто-то бы то ни было, я желаю Вам чувствовать себя все лучше и лучше. Я бы сам зашел к Вам 40 раз, если бы не знал, что визиты для больных чаще утомительны, чем приятны.

У меня не было времени, чтобы закончить 3-й том, но если Ваши компаньоны в нем нуждаются, они вправе прислать за ним. Моя жена на прогулке. Могу Вас уверить, что она прочтет Вашу записку со слезами радости на глазах.

Convalest et ama.

5. [1802]

Monsieur Mouravieff d'Apostol rappelle à Monsieur Bodus la promesse qu'il a bien voulu lui faire de lui procurer la gazette allemande de Hambourg nommée unparteiischer Correspondent. Il le prie aussi de dire à Mr. le consul Stender, qu'il desireroit avoir mille plumes à écrire de la meilleure qualité que Mr Stender voudra bien avoir la complaisance de lui expédier à Madrid à

[123] Автор письма определен по схожему с письмами И. М. Муравьева-Апостола почерку.

l'adresse du banquier Toyes (Joyes?): mais en indiquant que c'est pour Mr de Mouravieff afin que leur entrée ne souffre point de difficulté.

Il rappelle encore le bulletin du docteur Steurer et souhaite à Monsieur Bodus mille prospérités et un bien bon voyage.[124]

Перевод:

Господин Муравьев-Апостол напоминает господину Бодюсу обещание, которое он соблаговолил дать, чтобы снабдить его немецкой гамбургской газетой под названием unparteiischer Correspondent, он просит также сказать г-ну консулу Штендеру, что хотел бы получить тысячу перьев для письма лучшего качества, которые г-н Штендер пусть соблаговолит иметь снисхождение отправить ему в Мадрид на адрес банкира Тойе (?), но указав, что это посылка для Г-на Муравьева, чтобы их ввоз не пострадал от затруднений.

Он напоминает еще о бюллетене доктора Штойрера и желает Господину Бодюсу процветания и очень приятного путешествия.

Письма А. С. Муравьевой-Апостол

1. Б. д.

Mon mari etant sorti, j'ai pris la liberté d'ouvrir le billet de Mr. de Baudus, j'avais déjà beaucoup de regret de n'avoir pas eu le plaisir de le voir hier, et j'en suis d'autant plus fâchée qu'il à pris deux fois la peine de passer à la maison. Mr. l'abbé de l'Ille et Mr. Esménard ne pouvant pas avoir l'honneur de diner chez M. de Mouraview aujourd'hui, parce que nous avons engagé Mr. de Rivarol depuis plusieurs jours ; mais je crois qu'ils iront le voir ce matin. J'espère que ce soir Mr. de Baudus voudra bien dérober quelques instans en faveur d'une société qui l'aime et sait l'apprécier. C'est lui dire clairement que nous l'attendrons.[125]

Перевод:

Так как мой муж вышел, я взяла на себя смелость открыть записку Г. де Бодюса, я уже очень сожалела, что не имела удовольствия видеть его вчера, и я тем более раздосадована, что он взял на себя труд зайти к нам дважды. Г-н аббат Делиль и Г-н Эсменар не могут иметь честь обедать

---

[124] Письмо выполнено писарским почерком, вероятно секретарем И. М. Муравьева-Апостола.

[125] Почерк не похож на руку А. С. Муравьевой (возможно, копия). Атрибуция сделана, исходя из содержания письма. Фр. Ришар, основываясь на помете карандашом «Recamier», считает автором письма госпожу Жюльетт Рекамье (Recamier). *Richard Fr.* Amable de Baudus: 1761–1822. T. 2. P. 50.

у Г. Муравьева сегодня, так как мы пригласили Г-на де Ривароля уже несколько дней тому назад, но я думаю, что они придут к нему [Муравьеву] сегодня утром. Я думаю, что сегодня вечером Г-н де Бодюс соблаговолит уделить несколько минут людям, которые его любят и умеют ценить. Скажем откровенно, что мы его будем ждать.

2. Mme de Mouravieff vient de lire les nouvelles que le courrier de se[126] soir à apporté de La Haye. Comme le tems des couches de M^r^. de Baudus approche, elle est infiniment curieuse d'etre la première avoir le Spectateur de ce mois et pour cause!.. M^r^. de Baudus obligera M^de^ de Mouravieff en le lui envoyant aussitôt qu'il paraîtra.

Mardie soir 22 8bre 99.

[адрес:] A Monsieur
Monsieur de Baudus
à Hambourg.[127]

Перевод:

Г-жа Муравьева только что прочитала известия, которые вечерняя почта принесла из Гааги. Так как время родов г-на Бодюса приближается, ей крайне интересно первой получить Спектатер за этот месяц и не без оснований!.. Г-н де Бодюс сделает одолжение Г-же Муравьевой, прислав его ей, как только он появится.

Вторник вечером, 22 октября 1799

[Адрес:] Господину
Господину Бодюсу
в Гамбурге.

3. Б. д.

Je suis fâchée de renoncer à l'espoir de vous voir aujourd'hui. Plus l'instant de votre départ approche et plus les momens que vous pouvez me donner deviennent précieux. Oui, sûrement, je vous plains et je comprends les combats dont vous me parlez; mais vous allez revoir votre patrie, vos enfans, vos amis… Voilà de grandes consolations, de grandes jouissances! Mais moi, qui est-ce qui pourra me consoler de la perte d'un ami tel que vous?

Ce vendredi.

[адрес:] A Monsieur
Monsieur Baudus[128]

---

[126] Sic!

[127] На письме сохранилась красная сургучная печать с литерой «М».

[128] Письмо без подписи. Автор определен, судя по внешнему виду письма (почерку и бумаге). Ср. письмо А. С. Муравьевой от 22 октября 1799 г.

Перевод:

Досадно, что я должна отказаться от надежды видеть Вас сегодня. Чем ближе момент Вашего отъезда, тем ценнее становятся минуты, которые Вы можете мне уделить. Да, конечно, мне Вас жаль и я понимаю значение сражений, о которых Вы мне говорите, но Вы уезжаете, чтобы увидеть Вашу родину, Ваших детей, Ваших друзей… Вот великое утешение, великое наслаждение! Но кто может утешить меня в потере такого друга, как Вы?

Сегодня в пятницу.

[Адрес] Господину

Господину Бодюсу

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Письмо Н. М. Карамзина

Moscou, le 11/22 Janvier, 1797.[129]

Monsieur,

J'ai eu l'honneur de recevoir vôtre obligeante lettre. En supposant notre litterature digne de votre attention et de celle de vos lecteurs, vous engagez tous les auteurs russes à redoubler d'efforts pour meriter cette bonne opinion; et c'est avec bien du plaisir que je me charge de vous rendre compte de leurs succès. L'honneur d'être votre correspondant me suffit, Monsieur, et je ne pretends à aucun bénéfice. Les gens de lettres de tous les pays ne forment qu'une même republique et doivent se regarder comme des frères: cette idée charme mon coeur, et me console souvent dans mon isolement litteraire, dans un pays, où la Nature sourit peu à l'imagination d'un homme sensible. Le plan de votre journal est très beau, très vaste, et bien adapté aux circonstances du tems. Ecrivez, Monsieur, ecrivez pour le bien des hommes: vous êtes heureux de pouvoir dire tout ce qui se presente à votre esprit comme verité, comme une idée lumineuse.

Vous pouvez vous abandonner, sans crainte, aux élans d'un noble enthousiasme, et l'Europe vous lira, vous applaudira.

Mrs Riss et Saucet vous feront parvenir, de tems en tems, quelques extraits, que je leur remettrai pour vous, et vous aurez la bonté d'en corriger le style; mais je vous prie, monsieur, de ne me point nommer, si vous les faites paroitre dans votre journal; j'ai mes raisons pour cela.

---

[129] На письме овальная печать черного сургуча с вензелем Н. М. Карамзина: «К» под короной.

Oserai — je vous charger d'une commission, intéressante pour mon coeur? Etant à Hambourg, vous voyez sans doute le grand Klopstok: voudriez-vous bien lui dire qu'au milieu des glaces du Nord il existe une ame, sensible aux beautés sublimes de ses immortelles productions, et qu'elle s'échauffe souvent au feu de son genie? Nommez moi ensuite. Les grands poëtes ne peuvent pas être indifferents aux hommages purs de leurs sinceres admirateurs. — Agréez l'assurance de la haute consideration, avec la quelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,
Votre très — humble et très — obeissant serviteur,
Karamsine.
[Адрес:] A Monsieur
Monsieur Fauche,
Libraire
à Hambourg,
pour remettre à Monsieur
Baudus.
[Пометы на внешней стороне письма]:
«21 janvier»
«M. de Karamsine
Moscou 11/22 janvier 97.»
«8 — 40
282»

Перевод:

Москва, 11/22 января 1797

Сударь,

Для меня было честью получить Ваше любезное письмо. Предполагая, что наша литература достойна Вашего внимания и внимания Ваших читателей, Вы побуждаете всех русских писателей удвоить усилия, чтобы заслужить это доброе мнение, и я с большим удовольствием беру на себя поручение представить Вам отчет об их успехах. Честь быть Вашим корреспондентом для меня достаточна, Сударь, и я не претендую на какое-либо вознаграждение. Литераторы всех стран составляют одну республику и должны смотреть друг на друга как братья: эта мысль услаждает мне сердце и часто утешает меня в моем литературном уединении в стране, где природа мало благоприятствует воображению чувствительного человека. План Вашего журнала очень хорош, очень широк и хорошо приспособлен к обстоятельствам времени. Пишите, Сударь, пишите на благо человека; Вы счастливы, что можете сказать все то, что представляется Вашему рассудку как истина, как мысль светлая.

Вы можете без страха предаться порывам благородного воодушевления и Европа будет читать Вас, будет Вам аплодировать.

ГГ. Рисс и Сосе будут Вам переправлять время от времени некоторые отрывки, которые я им для Вас передам, а Вы окажите милость исправить в них стиль, но прошу, Сударь, если Вы поместите их в Вашем журнале, не называйте вовсе моего имени, у меня есть свои причины для этого.

Могу ли я осмелиться обременить Вас поручением, которым занято мое сердце? Будучи в Гамбурге, Вы, без сомнения, видитесь с великим Клопштоком: не соблаговолите ли Вы сказать ему, что на Севере посреди льдов есть душа, чувствительная к возвышенным красотам его бессмертных произведений, и что она часто согревается от пламени его гения? Затем назовите мое имя. Великие поэты не могут быть безразличны к чистому поклонению своих искренних почитателей.

Примите уверения глубочайшего почтения, с которым я имею честь быть, Сударь, Вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Карамзин

[Адрес] Господину
Господину Фошу
книготорговцу
в Гамбурге
для передачи Господину Бодюсу.

А. А. КОСТИН

«ЖИТИЕ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА» В ИЗДАНИИ СЫНОВЕЙ А. Н. РАДИЩЕВА*

Дошедшие до нас сочинения А. Н. Радищева, с точки зрения источников их текстов, можно разделить на несколько групп. Наибольшей достоверностью обладают произведения, опубликованные писателем прижизненно, причем если в отношении наиболее ранних из них — изданных в Академии наук переводов книги «Размышления о греческой истории» Г. Мабли и «Офицерских упражнений» А.-Л. Эльсница — нельзя с уверенностью предполагать участие Радищева в изданиях после продажи своих трудов в Собрание, старающееся о переводе книг иностранных, то такое участие очень вероятно в случае с изданным на средства Радищева в Императорской типографии «Житием Ушакова» и тем более доподлинно известно в отношении «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Письма к другу, жительствующему в Тобольске».

Несмотря на значительное число автографов Радищева, большинство из них содержат юридические труды и представлены черновыми вариантами; из художественных произведений автографы и авторизованные списки имеются только для «Путешествия из Петербурга в Москву», «Вольности», повести о Филарете Милости-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01226 «История изучения жизни и творчества А. Н. Радищева в свете их восприятия русской культурой»).

© А. А. Костин, 2015

вом, одного юношеского перевода и одного отрывка.[1] По сути, все остальные произведения Радищева известны нам по заведомо неавторизованным вариантам. Помимо сохранившихся в списках неустановленного происхождения и отчасти неисправных записок путешествия в Сибирь и из Сибири и стихотворения «Ты хочешь знать, кто я…», они представлены в издании «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Радищева», осуществленном сыновьями писателя в Москве в 1807–1811 гг.

Значение этого собрания сочинений для сохранения корпуса произведений Радищева и его изучения сложно переоценить. По сути, только благодаря ему мы можем сейчас говорить о Радищеве как о самобытном поэте-экспериментаторе (из 16 его стихотворных произведений текст 12 известен по этому изданию) и философе (во 2-й и 3-й частях «Собрания» опубликован трактат «О человеке...») конца XVIII в. Помимо этого, здесь были изданы такие важные художественные произведения Радищева, как «Дневник одной недели», «Памятник дактилохореическому витязю» и отрывок «Ангел тьмы», а также ряд экономических и исторических сочинений.

Между тем как источник собственно радищевского текста это издание рассматриваться не может. Дело в том, что двое из издателей — Николай и Василий Радищевы — в конце 1800-х гг. сами были литераторами,[2] и при подготовке издания вносили в отцовский текст определенную «улучшающую» правку, приводя его стиль в соответствие с новыми нормами. Эту особенность учитывали редакторы всех научных собраний сочинений Радищева — и П. А. Ефремов,[3] и П. Е. Щеголев,[4] и Я. Л. Барсков и Г. А. Гуковский.[5] Приведу ха-

---

[1] Перевод заметки А. Гики «Желания греков»; оставшийся в цензурной рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву» конец неизвестного сочинения: «...А теперь увы!».

[2] См. о них: Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств / Ред. и коммент. В. Н. Орлова. Л., 1935. С. 497, 511; *Костин А. А.* Радищев Николай Александрович // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 238–240.

[3] Сочинения Александра Николаевича Радищева / Изд. П. А. Ефремовым. СПб., 1872.

[4] Полное собрание сочинений А. Н. Радищева / Под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. СПб., 1907.

[5] *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений / Под ред. И. К. Луппола и др. М.; Л., 1938–1954.

рактерные редакторские ремарки из 1-го и 2-го томов «Полного собрания сочинений» 1938–1941 гг.: «…текст повести „Дневник одной недели“ и большинства стихотворений дошел до нас только в издании, подготовленном наследниками Радищева <...>. Это издание не дает точного воспроизведения текста Радищева <...>. Поэтому мы не считали нужным сохранять точно написания этого издания и даем текст <...> почерпнутый из него, устраняя некоторые архаические написания»;[6] «Текст <...> произведений, дошедший до нас в издании „Оставшихся сочинений“ <...> передается с сохранением лишь характерных и существенных в фонетическом и смысловом отношении написаний слов».[7]

Основанием для такого решения неизменно служит отсылка к различиям в текстах «Жития Федора Васильевича Ушакова» в прижизненном издании 1789 г. и в 5-й части «Оставшихся сочинений». На их различия впервые указал в 1868 г. П. И. Бартенев, опубликовавший во 2-й книге «Осмнадцатого века» полный текст «Жития» по изданию 1789 г. Оказавшийся в его распоряжении экземпляр включал цензорские пометы А. Ф. Мерзлякова[8] (которому тот был, по-видимому, передан сыновьями Радищева), и при публикации Бартенев отметил: «…резкие места в нем помараны и неумеренные выражения заменены другими <...> и в таком виде „Житие“ вошло в бекетовское собрание сочинений Радищева».[9] Это указание не осталось незамеченным исследователями. На двух из шести сохранившихся экземпляров «Жития» в издании 1789 г. имеются маргиналии, свидетельствующие о сверке текстов двух изданий, отмечающие как смысловые исключения и вымарывания, так и

---

[6] *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 442.

[7] Там же. Т. 2. С. 359.

[8] Экземпляр со штампом «Чертковская библиотека» хранится в ГПИБ, № 15156. Авторство помет устанавливается по сквозной цензорской записи («Читал Императорскаго Московскаго университета отделения свободных наук адъюнкт и философии доктор Алексей Мерзляков» (С. 1–5, 11–87) и «Читал отделения свободных наук адъюнкт Алексей Мерзляков» (С. 89–125, 127–163, 165–199, 201–228)). Экземпляр сохранил следы работы бартеневского наборщика — и отпечатки пальцев в типографской краске, и отметки границ наборных листов.

[9] Осмнадцатый век. Исторический сборник / Изд. П. Бартеневым. Вторым тиснением. М., 1869. Кн. 1. С. 249.

стилистическую правку.[10] Упоминание об экземпляре с пометами Мерзлякова имеется во всех научных изданиях «Жития».

Однако разночтения двух редакций до сих пор не были описаны — причем не только важные лишь с текстологической точки зрения орфографические, пунктуационные и морфологические варианты, но и стилистическая и даже собственно цензорская, устраняющая «неудобные места», правка. Между тем подобное описание необходимо как для критики текста радищевских сочинений «Собрания оставшихся сочинений» при последующей их научной публикации, так и с точки зрения учета тех мест в «Житии», которые могли казаться «неудобными» со стороны цензуры или «неправильными» со стороны стиля в конце XVIII — начале XIX в.

Общее число обнаруживаемых при сверке двух изданий вариантов достаточно велико.[11] В издании 1789 г. «Житие Ушакова» занимало 228 страниц в восьмую долю листа; в 1811 г. — 157 страниц; общее же число вариантов приближается к 500, то есть в среднем на каждую страницу первого издания приходится два варианта; второго — 3. Подавляющее число вариантов можно отнести к орфографическим. Это заставило предположить уже на предварительном этапе, что помимо цензорского существенное вмешательство в текст было предпринято издателями. Сверка с хранящимся в ГПИБ цензурным экземпляром это предположение подтвердила. Действительно, Мерзляковым были отмечены только места, неудобные с точки зрения цензуры. Таким образом, на примере «Жития Уша-

---

[10] ГПИБ. № 15157, 15158. При подготовке настоящей статьи не было возможности ознакомиться с экземпляром «Жития», хранящимся в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина (см.: Русская книга гражданской печати XVIII века (1711–1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области / Сост.: О. В. Горелкина, Т. Ю. Дмитриева. Тамбов, 2011. С. 85). Работа с другими пятью экземплярами велась de visu.

[11] К сожалению, «Житие Ушакова» в издании 1789 г. не сохранилось ни в одной из петербургских библиотек. Поэтому основная работа по сверке изданий была выполнена в Пушкинском Доме по хранящемуся здесь изданию 1811 г. и подготовленному А. В. Западовым тексту в составе Полного собрания сочинений 1938 г., сохраняющему, за исключением незначительных опечаток, отказа от букв дореформенной азбуки и ера на конце слов, орфографию подлинника. Последующая выборочная сверка с подлинником показала в целом допустимость такого подхода. Между тем использование издания 1938 г. не позволило учитывать пунктуационные варианты изданий.

кова» можно наглядно проследить, как обращались с текстом отца редакторы его первого собрания сочинений.

Из наиболее многочисленной группы орфографических вариантов в первую очередь следует отметить последовательную правку, почти не имеющую исключений. Так, для каждого 91 случая употребления А. Н. Радищевым союза «если» он был заменен на написание «естьли». Последовательно заменялась сдвоенная «нн» на одиночную в слове «истинна» и производных от него; устранялся ерь (мягкий знак) между «р» и несонорным согласным в словах вроде «перьвый», «верьх»; производилось стяжение раздельных написаний «не» с прилагательными, причастиями и наречиями; и наоборот: вводилось раздельное написание для единичных случаев стяжения предлогов «о» и «по» с местоимениями и существительными («онем», «помнению»). В ряде других случаев можно говорить о явно наблюдаемой тенденции редакторов, впрочем не проявившейся в строгой последовательности: такова замена характерного для Радищева написания глагола «итти» и производных с одной или двумя «т» на «идти». Между тем имеется немало примеров, когда правка носит явно непоследовательный характер — как, например, в случае с многочисленной группой вариантов написания с/з в конце приставки перед согласной. Встречаются как варианты замены «раскидал» на «разкидал», так и «разположение» на «расположение» (в целом можно отметить тенденцию к написанию приставки «раз» в звонком варианте; «воз» и «из» — в приближенном к современному употреблении). Из 27 случаев употребления написания слова «щастие» и производных через «щ» только в 7 случаях произведена замена на «сч». Не исключено, что в ряде случаев ответственность за подобную правку могла лежать на наборщике: во всяком случае иначе логически объяснить употребление дважды написания немецкого города как «Лейциг» и трижды — как «Лейбциг» не представляется возможным.

Наконец, наблюдается определенная закономерность в замене прописных и строчных букв. Так, с прописной буквы с достаточной степенью последовательности в издании 1811 г. напечатаны оставшиеся в 1789 г. «неподнятыми» слова, имеющие отношение к священным предметам — «Православие», «Христианский Закон», «Священный», «Литургия», «Всевечный» и т. д. К этому же типу правки следует отнести, по-видимому, последовательную замену

строчной на прописную букву в слове «Природа» в деистическом понимании слова. В ряде случаев с прописной буквы напечатаны дававшиеся в 1789 г. со строчной названия официальных учреждений («Семинария», «Гвардия», «Парламентский», «Двор в Дрездене», «Совет Университетский»). Со строчной же буквы написаны нарицательные существительные, обозначавшие у Радищева конкретных персон: «творец книги» (Ч. Беккариа), «сочинитель» (Ф. В. Ушаков), «автор» (К. Гельвеций).

Что касается цензурной правки «Жития», то по большей части издание 1811 г., действительно, буквально следует за правкой Мерзлякова. Всего им было сделано 16 замечаний, затрагивающих как отдельные слова, так и несколько страниц подлинника. Условно их можно разделить на три группы, из которых наиболее обширная касается исключения из текста отрицательных характеристик монархического правления. Наиболее значительное изъятие (более двух страниц текста подлинника) затрагивает самый, пожалуй, радикальный фрагмент «Жития» — сопровождающее рассказ о бунте студентов рассуждение о том, что «притеснители частные и общие <...> простирая повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодрственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человека мглою. <...> Пребуди благое неведение всецело <...> до скончания века, в тебе почила сохранность страждущаго общества». К тому же пласту правки следует отнести исключение из характеристики политического устройства Англии упоминания о казни Карла I: «…островяне <...> некогда прельщенные наихитрейшим из властителей, Царю своему жизнь отъяти покусилися судебным порядком <...> для утверждения благосостояния общественнаго изгнали наследнаго своего Царя, избрав на управление посторонняго». Исключенными оказались два обширных примечания Радищева к своему тексту, касающиеся возможности занятия министерского места человеком, у которого «есть ум, а честности мало», а также обычая перенесения в гражданскую службу нравов и порядков службы военной. В связанном с последним из них замечании в тексте: «Мысль нещастная, тысячи любящих Отечество граждан заключающая в темницу, и предающая их смерти; теснящая дух и разум и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство», исключено слово «рабство»; полностью исключено упоминание заклю-

ченных в темницу сынов отечества, а выражение «мысль несчастная» заменено на «несчастное заблуждение». Несколько поправок было внесено в помещенную в начале «Жития» речь друзей Ф. В. Ушакова, замечавших, что в монархическом государстве должности распределяются не по заслугам лица, а по частному мнению вельмож: «Из нескольких милионов ему подвластных едва единое сто служат ему; все другие (*источая кровавыя слезы, признаться в том должно*), все другие служат вельможам» (исключен текст в скобках); в предположении «положим, что <...> достоин будешь венца» слово «венец» было заменено на «большую доверенность»; в утверждении «не удостоит тебя Государь, может быть, воззрения отвлеченный от того или правления заботою, или надменностию сана своего» «надменность сана» заменена на «важность сана».

Ряд изменений должен был исключить возможность однозначного трактования той или иной мысли как относящейся к России. Так, в предложении «В делах житейских, говорили они ему, все зависит от разщета и уловки» сделано добавление: «в делах житейских в целом свете»; в рассуждении о истории появления института казни в предложении «надлежало установить общество, где каждой подвергался верховному вождению Государя» форма единственного числа в слове «общество» была заменена на множественное: «общества». С этим же типом правки связано, по-видимому, исключение упоминаний — во вполне благонадежных контекстах — о российских монархах. Так, в описании проекта отправки пажей в Лейпциг для обучения юриспруденции вполне отчетливое упоминание: «Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу Государства, восхотела <…>. На сей конец определила» заменено безличной конструкцией: «Между многими учреждениями на пользу Государства сделанными положено <…>. На сей конец определено было». Так же в сочинении Ф. В. Ушакова о смертной казни исключено заимствованное им у Ч. Беккариа упоминание правления Елизаветы Петровны как образца отказа от этого вида наказания. К цензурной правке этого типа, внесенной Мерзляковым, сыновья Радищева добавили и собственную. Так, упоминание Александра Македонского как образца дурного правителя в перечне: «равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий <...> Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин» было ими уточнено: «Александр Великий» — по-видимому, чтобы

он не был смешан с царствующим императором Александром I. Из радищевского описания суда над студентами, которое он характеризует словами: «было похоже на то, какое бывало в инквизициях или Тайной канцелярии», сыновьями Радищева было исключено упоминание Тайной канцелярии как российской реалии.

Помимо этого Н. А. и В. А. Радищевыми было сделано исключение того типа, который вовсе отсутствовал у Мерзлякова. В завершении рассуждения о посредственных и творческих личностях, характеризующихся «беспокойством» ума, производящим «все изящное и все уродливое <…> вольность и рабство, веселие и муку», родившим «мечтание и истину, ад, рай, сатану, Бога», были исключены четыре последних слова, поднимающих религиозные вопросы.

Следует отметить, что, несмотря на все сделанные исключения и смягчения, «Житие» в издании 1811 г. не потеряло своего публицистического звучания. Во всяком случае, когда в 1860 г. цензор Ф. Ф. Веселаго рассматривал «Собрание оставшихся сочинений» по ходатайству П. А. Радищева об издании на его основе нового собрания сочинений отца, именно в «Житии» им было отмечено наибольшее число мест, имеющих политический характер. Всего во всех шести томах Веселаго было отмечено «73 места, которые по разным причинам могут быть сочтены неудобными к печатанию».[12] В развернутом отзыве им было особо оговорено 20 таких мест, относящихся к «оскорблению нравственности», «неблагоприятным мыслям о правителях государства» и «мыслям, не согласным с верованиями Православной церкви». Шесть из них отмечены именно в «Житии Ушакова»; раздел «неблагоприятных мыслей о правителях государства» составлен только из фрагментов «Жития», причем все отмеченные им места входят в число тех, выражения которых были смягчены Мерзляковым.[13]

---

[12] РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1860). № 126. Л. 4.

[13] Там же. Л. 4–5 об. В 5-й части «Собрания оставшихся сочинений», целиком занятой текстом «Жития», Ф. Ф. Веселаго были отмечены: с. 10–13 («Говоря о служебных успехах, Радищев рассуждает, что государю невозможно знать всех, что он „судя по слуху, награждает того, кого назначат вельможи, казнит нередко того, кто им не нравится“»), 26–33 («помещены комические, но не совсем приличные рассказы о священнике, сопровождавшем Радищева и его товарищей за границу»),

Наконец, наиболее интересной представляется стилистическая правка, внесенная сыновьями Радищева в сочинение отца. Не останавливаясь на единичных случаях изменения порядка слов и исключения или добавления отдельных служебных слов (формы глагола «быть», местоимения, предлоги, союзы, частицы), перейдем сразу к очень характерным случаям изменения отдельных синтаксических конструкций. Здесь, пожалуй, наиболее показательно проявилось стремление редакторов модернизировать язык подлинника. Так, последовательно были заменены все случаи употребления Радищевым абсолютивных конструкций: «живу ему сущу» заменено на «когда он жив»; «почитая душу вещественную» — на «почитая душу вещественною». Менее последовательна замена союза «да» во вводных предложениях со значением цели на союз «чтобы» — из 25 случаев употребления замена произведена только в четырех местах («да не льстит» — «чтобы не льстил» и др.). Любопытна замена в единичном случае употребления именительного самостоятельного: в предложении «Доселе уста его не испускали жалобнаго стона, но скорбь одолев сопротивлением, страждущий вскричал» в полном соответствии с его смыслом форма «одолев» заменяется на «одолела», что позволило внести ясность во все высказывание: «Доселе уста его не испускали жалобнаго стона, но скорбь одолела сопротивление, и страждущий вскричал» **(**сопротивляется не больной Ушаков страданиям, но сама болезнь («скорбь») его усилиям**)**. Судя по всему, деепричастные конструкции в целом настороженно воспринимались редакторами «Собрания оставшихся сочинений», поскольку в ряде случаев была произведена замена деепричастия на форму прошедшего времени («у меня были <...> пистолеты <...> которые я купил за день пред сим происшествием, зарядил» вместо «у меня были <...> пистолеты <...> которые я, купив за день пред сим происшествием, зарядил»; «Н. подступил к Бокуму, просил от него удовлетворения в обиде» вместо «Н., подступив к Бокуму, просил от него удовлетворения в обиде»). Случаи подобной правки,

---

34 (выписан фрагмент «Забыл гофмейстер наш ... не на нашу были пользу, но на его»), 35 (без конкретизации), 63 (выписан фрагмент «По несчастию всех ... стяжания своей пользы»), 83–84 («видно, что Радищев не считает грехом лишение человека жизни в таком случае, когда нет надежды к спасению и на долю страждущего остаются одни мучения»).

однако, непоследовательны (всего деепричастных конструкций, позволяющих произвести замену деепричастия на форму прошедшего времени, в «Житии» более 30) и, возможно, были допущены наборщиком. Во всяком случае в издании неисправленным остался случай употребления деепричастия по французской модели: «Уверив таким образом его самого в превосходстве его сил, удары электрическаго орудия становилися сильнее».

Последовательная модернизация языка производилась и на морфологическом уровне. Что касается инфинитива, то в «Житии» (издание 1789 г.) заметно преобладают формы на -ть; формы на -ти встречаются крайне редко (исключая глаголы, производные от «идти», «расти», «вести» и «брести» — 16 форм из 555); для них в 12 случаях из 16 редакторами была произведена замена на -ть. Также показательна и замена форм именительного падежа множественного числа существительных на -ие (вроде «понятие»). В издании 1789 г. преимущественно употреблены формы на -ия («понятия»): 57 форм из 87 (из них почти половина — в переводе писем о книге Гельвеция); в отношении славянской формы на -ии («понятии»; генетически двойственное число) редакторы издания 1811 г. произвели последовательную замену — в 29 случаях из 30. К числу подобной последовательной морфологической правки можно отнести и последовательную, хотя и редкую из-за малой частотности в подлиннике, замену кратких форм причастий на полные («имеяй» на «имеющий» и т. д. — всего 5 замен).

Менее показательна в отношении модернизации языка произведенная редакторами замена ряда лексем. Несмотря на кажущееся обилие подобной правки, в целом она носит непоследовательный характер. Так, только в одном случае из 11 произведена замена «ведать» на «знать»; в одном случае из восьми — «житие» на «жизнь», «зреть» на «видеть»; в одном случае из шести — «вещал» на «сказал», «глас» на «голос», «един» (не в значении «единственный») на «один»; в одном случае из четырех — «вменяться» на «почитаться»; из более чем 60 случаев употребления полногласных форм предлогов «ко» и «во» замены их на неполногласные употреблены только три раза. В определенном смысле о последовательности можно говорить только в случае замен малоупотребительных у Радищева слов — «совлещи» на «сбить» (1 замена на 1 употребление); «именовать» — «называть» (1 замена на 2 употребления); «се» на «вот»,

«тако» на «так» и «како» на «как» (3 замены на 3 употребления); «коли» на «если» (1 замена на 1 употребление).

К стилистической правке, помимо случаев модернизации, следует отнести также ряд примеров, связанных со стремлением к более точному употреблению слов и отдельных грамматических форм. Известно, что именно как образец того, как «мало у нас известен русский язык, что значения слов мало кто понимает», была представлена книга Радищева Г. Р. Державиным в Российской академии во время ее обсуждения в 1789 г.[14] Правка издания 1811 г. во многом позволяет понять, что именно мог иметь в виду в данном случае Державин.

Обращает на себя внимание тот факт, что случаи собственно лексических замен представлены здесь минимально и преимущественно связаны с недопустимым употреблением переносных значений слов. Так, выражение «заквас, воздымающий сердце юноши» заменено на «пламень, объемлющий сердце юноши». Следует отметить, что в «Словаре Академии Российской» слово «заквас», в отличие от «пламени», не имеет указаний на переносное значение, а только естественнонаучное: «вообще так называется всякое тело или вещество, изобилующее твердым некоторым воздухом, отчего внутренние оного части <...> в движении находятся <...> и которое приложенное к другим приличным веществам подобное в них производит движение». Судя по всему, выражение «воздымающий заквас» (как нормативная, в САР отмечена форма «закваса») могло восприниматься как слишком натуралистичное, не подобающе описанию сердца юноши.

По-видимому, как лишенное смысла в прямом значении было заменено на «следы печали» выражение «изрытие печали» (в САР слово толкуется отсылкой к отсутствующему в словаре слову «ископание»; только для «ископать» фиксируется переносное значение в устойчивом выражении «ископать ров, яму» в значении «стараться о причинении вреда»). Как нарушающее устоявшуюся сочетаемость было заменено выражение «отделеннейшая метафизика» на «отвлеченнейшая метафизика» (у Радищева калька с ла-

[14] Архив князя Воронцова. М., 1872. Т. 5. С. 223. Подлинник на фр. яз.: «[en parlant du] peu de connaissance que l'on avait de langue russe, que l'on ne connaissait pas la valeur des mots».

тинского abstractus) — стоит отметить, что переносных значений для прилагательного «отделенный» САР не фиксирует, между тем для «отвлеченный» указывает значение «перенесенный, отделенно (оба слова — также кальки с abstractus. — *А. К.*) рассуждаемый» с примером «отвлеченное понятие». Стоит заметить, что издатели собрания сочинений 1938 г. в данном случае не поняли конструкции Радищева и, посчитав ее опечаткой, дали бессмысленный вариант «отдаленнейшая метафизика».

Наконец, как непристойное описываемому предмету было заменено в характеристике молодых женщин выражение «воровские глазки» на «быстрые взоры». С замеченным выше благочестивым характером правки связана замена в описании ночного визита юной просительницы замена выражения «провидела его горячее телодвижение» на «проведала».

Указанными пятью случаями примеры собственно замен неудачных лексем в издании 1811 г. ограничиваются. Между тем значительно более частотными оказываются случаи замен словопроизводных форм. Около двадцати подобных замен связано с уточнением значения: так, на «пространный» было заменено слово в выражении «просторный стол» в полном соответствии с САР, указывавшим, что «просторный» употребляется только как антоним «тесного». В одном из рассуждений о книге Гельвеция была произведена тонкая замена слова «изображение» на «изражение» в предложении «изображение сего чувствования есть составление понятия общаго или отвлеченнаго» — таким образом подчеркнуто затемненное у Радищева значение этого слова как «знамение, проявление». К подобной смыслоразличительной замене словопроизводных форм следует также отнести последовательную замену грамматического вида в случаях, когда к логически многократным действиям применен совершенный вид («шумный <...> *был* всегда концерт» — заменено на «бывал») и, наоборот, к конечным и однократным — несовершенный («низко ему было вступать в переписку» — заменено на «вступить»).

Таким образом, с точки зрения языка «Житие Ушакова» представало в издании 1811 г. значительно нормализованным как на уровне синтаксиса, так и лексики и морфологии. Поскольку модернизирующая правка носит во многом последовательный характер и во всяком случае отчетливо показывает, что воспринималось как

устаревшее и недопустимое в языке книги в начале XIX в. (а также, по-видимому, как стилистически маркированное в конце 1780-х гг.), по этой правке можно сделать некоторые любопытные наблюдения над стилем книги в целом.

Как оказывается, модернизирующая правка распределяется по тексту «Жития» неравномерно. Так, для всего начала книги — вплоть до рассказа о том, как проезжавший через Лейпциг Ф. Г. Орлов отказался впоследствии вести переписку с Ушаковым, — можно встретить только единичные случаи подобных исправлений — всего семь на 89 страниц первого издания; вместе с тем вся завершающая часть собственно радищевского текста (описание сочинений Федора Ушакова и его смерти) дали для модернизирующей правки богатый материал: 18 исправлений на 33 страницах. Наибольшей интенсивности модернизирующая правка достигает в описании момента, когда Ушаков чувствует приближение смерти и просит дать ему яда: здесь и упомянутый пример с именительным самостоятельным («смерть одолев сопротивлением…»), и замена полногласной формы («ко смерти») на неполногласную, и славянский инфинитив («скончати»), и замена «един» на «один», и краткой формы «антонов огонь» на полную.

Представляется, что этот языковой материал во многом помогает раскрыть важную, по-видимому, для Радищева двухчастную структуру его сочинения. Впервые интенсивная стилистическая правка встречается в помещенном посреди книги своеобразном предисловии к «Житию», описывающем его художественную структуру («сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскучит чтением сего, не нашед в повествовании моем ни одного происшествия, достойного памятника <…> Постараюсь отыскать в <…> деяниях [умершего нашего друга] то, что привлекательно быть может не для ищущих блестящих подвигов <…> но для тех, коих души отверсты на любление юности»[15]). Появление подобного метаописания не в начале текста, а в его середине может быть соотнесено с извест-

[15] В этом отрывке употреблены дательный самостоятельный и краткая форма причастия: «имеяй власть в руках, мало рачит о том, что о нем скажут живу ему сущу»; в издании 1811 г. эта фраза заменена на «имеющий власть в руках, мало рачит о том, что о нем скажут, когда он жив».

ным «Предисловием в дезоближане» в «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна. Введением его Радищев разделял произведение на две части: в первой рассказывались малопримечательные события в жизни юноши; во второй части этот юноша описывался как мыслитель и учитель своих товарищей, образ которого соотносится с Сократом. Для различных предметов повествования требовался и различный язык; сыновьями Радищева эта значимая стилистическая разноплановость была во многом нивелирована.

* * *

Итак, сверка двух изданий «Жития Федора Васильевича Ушакова» показывает, что сыновьями А. Н. Радищева при подготовке «Собрания оставшихся сочинений» бесспорно вносилась правка на всех уровнях — от орфографии до стиля и устранения неудобных для печати фрагментов.

Прежде всего, выявляемый на нескольких уровнях благочестивый характер исправлений, внесенных сыновьями в текст отца (замена строчных букв на прописные в выражениях вроде «Христианский Закон»; слова «провидела» применительно к развратной женщине на «проведала»; исключение фрагмента о конвенциональности христианских понятий «ад, рай, сатана, Бог»), заставляет полагать, что подобная правка вносилась и в другие сочинения — во всяком случае ею не мог быть не затронут трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Когда в 1860 г. текст трактата был передан для духовной цензуры архимандриту Фотию (заключение дано им 12 января 1861 г.), причиной для предложенного им запрета послужило, по-видимому, скорее общее предубеждение против опального автора, чем выявление существенного числа недопустимых для духовной цензуры мест. В своем запрещающем отзыве Фотий, по существу, повторил лишь два из четырех замечаний, сделанных на полученном им экземпляре светским цензором Веселаго: «[книги, содержащие трактат. — *А. К.*] не могут одобрены быть к напечатанию со стороны духовной цензуры по причине мест таких, как следующие: …„приписывают (одно исцеление, оглашенное чудесным) непосредственному содействию Божества, то есть: противоестественному действию Его могущества. О Всевышний! уста моя заграждены на таковые Существа Твоего уничижения

и пр.“; „почто искать нам рая, почто исходить нам во ад и пр.“».[16] Судя по всему, количество изменений подобного типа, внесенных сыновьями в трактат, могло быть велико, что заставляет относиться к его использованию в реконструкции религиозных взглядов Радищева с определенной осторожностью.

Наличие цензурных исключений в «Житии», отсутствие в «Собрании оставшихся сочинений» несомненно имевшейся в распоряжении сыновей Радищева оды «Вольность»,[17] известное обращение Н. А. Радищева к В. Н. Каразину в 1808 г. с просьбой вернуть в связи с подготовкой «Собрания» переданные тому бумаги отца (по-видимому, связанные с его работой в Комиссии для составления законов)[18] — все это заставляет предположить, что в распоряжении сыновей писателя могли иметься и другие его произведения с возможным политическим звучанием, и во всяком случае уверение их в предисловии к изданию («вот все, что осталось из сочинений человека, известного уже публике <…> многие другие творения как важные, так и забавные, пропали»[19]) вряд ли стоит

---

[16] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. № 1329. Л. 17–17 об. В отзыве Ф. Ф. Веселаго (Там же. Ф. 777. Оп. 2 (1860). № 126. Л. 4 об.–5) как «мысли, не согласные с верованиями Православной Церкви» были отмечены четыре фрагмента в 3-й части «Собрания оставшихся сочинениий»: с. 79 («Рассуждая о власти души над телом, Радищев доказывает, „что совершенное умерщвление страстей есть уродливо, ибо противоречит цели естественной“. Далее, называя подобное умерщвление „безумием“, он тут же указывает на „житие древних пустынножителей“»), с. 89 («Упоминая о чудесном исцелении какой-то девицы в Москве, он говорит „приписывают то непосредственному содействию Божества, то есть противоестественному действию его могущества. О Всевышний! уста мои заграждены на таковое существа Твоего уничижение!“»), с. 101 («„Ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние Всевышнего могущества и что всякий чудодетель есть богохульник“. Впрочем, здесь он говорит о чудесах таких лиц, как Калиостро и т. п.») и с. 140 («„Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно“»).

[17] В 1856 г. П. А. Радищев сочинил подносное стихотворение Александру II, в котором было использовано несколько строк из оды его отца (*Мельник В. И.* И. А. Гончаров и русская литература. Ульяновск, 1999. С. 80–87); в 1859 г. в начальной редакции биографии отца им были процитированы по памяти несколько строф оды (ИРЛИ. № 7118. Л. 8 об.–9).

[18] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 656.

[19] Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Радищева. М., 1807. С. III.

принимать на веру. Можно предположить, например, что известный отрывок, написанный Радищевым при получении сообщения об освобождении от ссылки: «Час преблаженный, день вожделенный…», представляет собой не краткий экспромт, как это принято считать, а именно сохраненный памятью престарелого Павла Радищева отрывок большего по размеру произведения, где могли затрагиваться как обстоятельства и оценка Радищевым своего наказания, так и даваться характеристики Екатерине II и Павлу I.[20]

---

[20] Сличение стихотворных фрагментов в биографическом очерке П. А. Радищева об отце с их известными печатными вариантами показывает значительные искажения, обусловленные памятью, и фрагментарность. Характеристику стихов «Час преблаженный...» как «экспромта при известии о помиловании» дал П. А. Ефремов в не увидевшем свет собрании сочинений А. Н. Радищева. Основанием для этого послужил, по-видимому, контекст, в котором пять стихов были помещены в очерке Павлом Радищевым: «Он прибегает в восхищении [от известия о разрешении покинуть Сибирь. — *А. К.*], громко говорит: „Ну, маменька, поезжай в Россию!“ Все маленькое семейство падает на колени, и проливая слезы радости, благодарит Бога. *Час преблаженный*...» (Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 85). Подобное прочтение (стихи, произнесенные экспромтом, как развитие сюжетного нарратива) возможно, однако более логичным кажется предположить, что здесь П. А. Радищев для характеристики памятного события привел памятные ему строки отца, не обязательно созданные синхронно и одномоментно. Подобным образом в ранней редакции биографии отца Павлом Радищевым был введен перевод строки из «Меропы» Вольтера: «Дуэль, по его мнению, есть убийство и сумасбродство, но он допускал самоубийство: *Коль все потеряно, когда надежды нет*» (ИРЛИ. № 7118. Л. 25).

В. Д. РАК

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В очередной, пятой, и, возможно, последней серии библиографических заметок соблюдены те же основные принципы и правила презентации материала, что и в предыдущих.[1] Некоторые частные от них отступления (воспроизведение полных, а не сокращенных заглавий; указание во всех случаях иностранной формы фамилии и имени автора оригинала, и др.) имеют цель увеличить информативную содержательность библиографических записей.

Предположительное установление оригинала, не подтвержденное сличением с ним de visu перевода или другим надежным библиографическим способом, отмечается в данной серии знаком «*», проставляемым около номера записи.

В качестве справочных пособий широко использовались доступные через интернет непосредственно или опосредованно, с помощью различных поисковых систем (например, Karlsruher Virtueller Katalog), электронные каталоги зарубежных библиотек, в которых оперативно отражаются различного рода устанавливаемые библиографические новации — как достоверные, так, к сожалению, и неизбежные сомнительные и ошибочные. Ссылки на эти источники

---

[1] См.: Труды Гос. б–ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1969. Т. 11. С. 145–146; XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 187–188; 1996. Сб. 20. С. 169. Понятия «оригинал», «источник», «посредствующий оригинал» объяснены в кн.: *Рак В. Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998. С. 7 (примеч. 2).

© В. Д. Рак, 2015

сведений об оригиналах русских анонимных переводов приводятся в виде печатаемого курсивом сокращенного (иногда полного) названия библиотеки или каталога.

I. *Уточнения к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800» (Т. 1–5. М., 1961–1967)*

312. Арсений (Тодорский, Дмитрий, 1743–1802). Слова, сказыванныя … во время бытности … в Санктпетербурге для священнослужения и проповеди Слова Божия, 1790 года. [СПб., 1790]. — Тираж 200 экз., напечатано на счет автора (РГИА. Ф. 796. Оп. 71. Д. 398).

655. Богословский трактат, или Христианское рассуждение о четырех последних человека. I. О смерти, II. О суде, III. О муках геенских, IV. О радостях небесных. Четыре книги… / Пер. с иностр. яз. … Иринеем епископом Тверским и Кашинским. СПб., 1795. — Дионисий Картезианец (лат. Dionysius Carthusianus; фламанд. Denys Van Leeuwen, Denys De Leeuwis, Denys Van Rijkel; фр. Denis le Chartreux, Denis à Ryckel; 1402?–1471). D. Dionysii Carthusiani liber utilissimus de quatuor hominis novissimis. Nempe I. Morte. II. Iudicio. III. Inferni poenis. IIII. Gaudiis coeli… Coloniae, 1535. Многочисленные переиздания в XVI–XVII вв. под этим или очень близким (с перестановкой компонентов) к нему названием; в XVIII в. — Editio novissima. Augustae Vindelicorum, 1756. Первое изд.: Dionysii Carthusiani de Quatuor novissimis. [Delphis], 1486 (*BNF*). Ряд глав оригинала отсутствует в рус. пер., что, возможно, повторяет его неустановленный источник (например, отсутствующие в рус. пер. главы 13–20 третьей части и глава 8 четвертой части опущены и во фр. пер.: Des Quatre fins de l’homme / Par Denis le Chartreux. Trad. nouvelle, avec un abrégé de la vie de cet auteur. Paris, 1685). Главы 8–11 четвертой части рус. пер. отсутствуют в оригинале.

952. Весна прекрасной девицы: [Пер. с нем.]. Ч. 1–2. [М.], 1790. — Автор: Дюпюи-Дампорт, Жан-Батист (Dupuy-Demportes, Jean-Baptiste; ум. 1770). (*ESTC*. T 115741; атрибуция принята большинством современных электронных каталогов библиотек). Прежняя атрибуция: Parent (Barbier III, 1041; Quérard VI, 593) — сохраняется в современных электронных каталогах некоторых библиотек (напри-

мер: *BStB*). Фр. оригинал: Le Printems d'une jolie femme. Pt. 1–2. Londres [Paris?], 1788. Нем. оригинал-посредник: Der Frühling eines artigen Frauenzimmers. Th. 1–2. Liegnitz; Leipzig, 1789.

960. Вивес, Хуан Луис (Vives, Juan Luis; 1492–1540). Путеводитель к премудрости. … Пер. с лат. яз. С. Гамалея. СПб., 1768. — Книга вышла в свет в 1769 г. Объявление о печатании: СПбВед. 1769. 23 января. Прибавление.

1174. Врачь души, или Лекарство душевное как здоровым, так и больным, в день смерти, в сие последнее и опаснейшее время, самое нужнейшее и весьма полезное. Пер. с лат. Я. Б[лагодаров]. М., 1786. — Региус, Урбанус Генрикус (Rhegius, Urbanus Henricus; Rieger, Urban; 1489–1541). Medicina animae / Per D. Urba. Regium. Vitebergae, 1537. Полное заглавие перед текстом: Medicina animae, tam iis qui firma quam qui adversa corporis valetudine praediti sunt, in mortis agone, et extremis his periculosissimis temporibus maxime necessaria. Мн. изд. в XVI в. Автор — немецкий теолог, деятель Реформации, сторонник М. Лютера, чем, вероятно, и было вызвано изъятие перевода его книги из московских книжных лавок.

1818. Детская книга, или Общия мнения и изъяснения вещей, коим детей обучать должно. Весьма полезное дело для тех, коим воспитание детей вверено / Пер. И. К. [М.], 1770.

1819. То же. [М.], 1770. Тит. л. и текст парал. на фр. и рус. яз.

1820. То же. М., 1780.

1822. Детская книжка, или Начальныя понятия и описания вещей, о которых дети должны иметь сведение / Пер. с фр. И. Дебольцовым. СПб., 1770.

Фр. оригинал, общий для № 1818—1820 и № 1822 (Le livre des enfants, ou idées générales et définitions des choses dont les enfants doivent être instruits. Ouvrage très-utile aux personnes qui sont chargées du soin de les élever), напечатан в виде параллельного текста в № 1819. Первое издание оригинала: Paris, 1707 (см.: *Quérard J. M.* Les supercheries littéraires dévoilées. 2-e éd., considérablement augmentée / Publ. par G. Brunet et P. Jannet. Paris, 1869. T. 2. P. 1007, b). В издании: Nouv. éd. Paris: J. Clouzier, 1728 — автором указан F. G. (*BNF*), чьи инициалы, однако, не значатся в следующем переработанном издании, выпущенном через четыре года тем же книгопродавцем: Nouv. éd., rev., corr. et augm. Paris: J. Clouzier, 1732 (*BNF*). Отсутствуют они и в осуществленных разными книготорговцами

в последующие десятилетия переизданиях с той же характеристикой (Nouv. éd., rev., corr. et augm.): Paris, 1736; Metz, 1755 (оба: *BNF*); Paris, 1760 (БАН). Между тем в Германии было выпущено «Nouvelle édition», в выходных данных которого значилось: Mannheim: De l'Imprimerie Electorale. Ches [sic!] Nicolas Pierron, 1753. Этим же именем подписано и посвящение к книге, что дало основание библиографам ряда библиотек (*StB-Berlin, Österreichische Nationalbibliothek, Library Network of Western Switzerland* и др.) считать его автором этого популярного учебного пособия во всех его изданиях. Однако совпадение текста мангеймского издания с французскими опровергает эту атрибуцию; к тому же в повторном мангеймском издании (Second éd. Mannheim: De l'Imprimerie Electorale, 1760) имя Н. Пьеррона в выходных данных и посвящение, им подписанное, отсутствовали. К дальнейшей издательской истории «Le livre des enfans» русские переводы касательства не имеют.

Фр. текст, напечатанный в № 1819, имеет отличия от использованного для сверки текста в издании Paris, 1760 (см., например, уроки 19, 31; во фр. издании отсутствует имеющийся в русском эпиграф, взятый из книги Дж. Локка). И. Дебольцов (№ 1822) предупредил в своем предисловии, что его «перевод был вольный», т. к. он «иные места переменял, а иные и совсем оставлял, сообразуясь с законами, мнениями и обрядами нашими» (в частности, опущен урок 28 «De l'église et de ses ministres»).

1830. Детския забавы, или Собрание кратких повестей, разговоров и нравоучений, служащих к увеселению и наставлению детей. М., 1792. Ч. 1–2.

Ч. 2. С. 5–10. Видение Эбн-Заада, с Арабской рукописи. — Сокращенный пересказ нравоучительного соч.: Das Gesicht des Ebn-Zaid: Aus einer Arabischen Handschrift. Stadt Kempten, 1775. S. 7–22.

2115. Евгений (Романов, Емельян; 1740—1811). Слова проповеданныя … в Большой придворной церкве … в бытность … на чреде священнослужения и проповедования Слова Божия, в Санктпетербурге в 1790 м году. [СПб., 1790]. — Тираж 200 экз.; напечатано на счет автора (РГИА. Ф. 796. Оп. 71. Д. 398).

2242. Жизнь Бюффона. Владельца Монтбардскаго, маркиза Ружемонтскаго, виконта Квинскаго, владельца Майрии, Гаранса, Берга и других мест; интенданта Королевскаго сада и кабинетов естественной истории; члена Академии французской, Королевской

Академии наук, и проч. и проч. Пер. с фр. на рос. яз. в прохождение Солнца чрез недельныя знаки… И[ван] И[ванов]. СПб., 1794. — Vie de Buffon, Seigneur de Montbart, Marquis de Rougemont, Vicomte de Quincy, Seigneur de la Mairie, les Harens, les Berges et autres lieux; Intendant du Jardin du Roi et des Cabinets d'Histoire Naturelle; l'un des quarante de l'Académie Françoise, et Membre de l'Académie Royale des Sciences, etc. etc. Amsterdam, Et se trouve à Paris, 1788. Переведен собственно биографический очерк (P. 1–58); не переведены публикации сокращенных текстов с реферативным изложением опущенных частей двух трудов Бюффона: «Analyse du Discours sur la théorie de la terre» (P. 59–95) и «Analyse des Époques de la Nature» (P. 95–183).

2341. Зерцало вечности или Рассуждения 1) О смерти. 2) О последнем суде. 3) О адском мучении и 4) О радости райской: в коих изображены наиубедительнейшия средства к удалению себя от пороков и мирских сует, а к снисканию себе спасения и вечного блаженства / Пер. с лат. [П. Соловьевым]. СПб., 1787. — Картени, Жан (Cartheny, Jehan de; фр. Cartigny, Jean de; 1520?–1578). De Quatuor hominis novissimis. Lib. IIII. I De Morte. II De supremo Iudicio. III De poenis Inferni. IIII De gaudiis Paradisi / Ex variis Doctorum scriptis in Enchiridion recollecti per F. Ioannem Cartenium, Carmelitam, sacrae Theologiae professorem. Antwerpiae, 1558. В рус. пер. опущена в ч. 1 гл. IV: Digressio de purgatorio post mortem.

2657. Ириней (Клементьевский, Иван Андреевич; 1753–1818). Слово. СПб., [1790]. — Тираж 100 экз.; напечатано на счет автора (РГИА. Ф. 796. Оп. 71. Д. 130).

2661. Собрание поучительных слов, сказыванных при высочайшем дворе … и в других местах … СПб., 1791. — Тираж 600 экз.; напечатано на счет автора (РГИА. Ф. 796. Оп. 72. Д. 92).

2699. История и записки Амстердамского общества в пользу утопших собравшегося в 1767 году / Пер. с фр. доктором П. Погоретским… СПб., 1769. Ч. 1. — Histoire et Mémoires de la société formée à Amsterdam en faveur des noyés. A°1767. Amsterdam, 1768. I Partie.

2751. Календарь для любителей пчеловодства, или Опытное наставление, служащее к содержанию пчел, разположенное на каждый месяц в году: А с нем. на росс. яз. пер. … М. Терновским. М., 1793. — Курелла, Михель (Kurella, Michael). Die praktische Bi-

enenzucht, oder Erfahrungsmäßige Anweisung was in jedem Monathe des Jahres zum Wohlstande der Bienenzucht in Acht zu nehmen sey. Mietau; Hasenpoth; Leipzig, 1773.

3067. Комедия Оживленная статуя. Пер. с нем. Петр Помор[цев]. СПб., 1776. — Бенкер, Людвиг. Die belebte Statua: Ein Nachspiel in ungebundener Rede / [Bencker, Ludwig]. Münster, 1769. (*BStB*).

3259. Краткое описание нравов и обычаев древних римлян, изданное для употребления обучающегося юношества от Комиссии об учреждении училищ. [Пер. Т. П. Кирияк.] Цена без переплета 35 коп. СПб., 1792. — Auszug von den Sitten und Gebräuchen der alten Römer zum Gebrauche der studirender Jugend in den kaiserl. königl. Staaten. Wird verkauft ungebunden das Stück für 10 Kreuzer. Wien, 1781. Переиздания: 1782; 1783. Использованное для сверки издание (1782) не включает имеющиеся в рус. пер. «§ VII. О римском счислении и разделении времени» и «Роспись словам и речениям, в сей книге объясняемым».

3315—3316. Критика одного француза на нравы своих одноземцев: Пер. с фр. СПб., 1769. — Critique d'un François sur les moeurs françoises // Anecdotes et pièces mêlées: Trad. de l'Anglois. La Haye, 1763. P. 35–63. Англ. оригинал не установлен.

3323. Кроче, Джулио Чезаре (1550–1609). Италиянской Езоп, или Сатирическое повествование о Бертольде… с приобщением… Пер. с фр. 2-м тиснением. [М., 1782].

Содержит четыре «приобщения», в том числе:

С. 208–224: Храм земного увеселения во сне виденный. — Перепечатано из: *EC*. 1757. Дек. С. 516–531. Пер. В. И. Лебедев.

С. 225–231. Дворянин в деревне. — Перепечатано из: *EC*. 1757. Дек. С. 532–538.

С. 232–244. О людях, обещаний своих неисполняющих. Пер. из второй части книги «Der Freund» называемой. — Перепечатано из: *EC*. 1759. Март. С. 250–261. Нем. оригинал в журн.: Der Freund. 1754–1756. St. 28.

3395. Кюбьер, Мишель де. Рензий, или Великодушной сын… Пер. с фр. А. Свищовым. М., 1788. Дополнение к выявленным публикациям анекдота (см.: XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 170), послужившего основою сюжета повести: Quelques exemples d'une rare et excellente piéte // Cordier, Jean (ум. 1673). La famille saincte, où il est traitté des devoirs de toutes les personnes qui composent une

famille. Paris, 1643. (Мн. изд., в том числе см.: Lyon, 1662. P. 648–652; Lyon, 1667. P. 493–497); Complot ingénieux et charitable de trois gentils-hommes japonnois, pour nourrir leur pauvre mère // [Rinald, Jacques, 1597–1665]. Histoires plaisantes et ingénieuses: Recuellies de plusieurs bons auteurs grecs, latins, espagnoles et françois. Paris 1673. P. 13–25, со ссылкой: «Des lettres écrites du Japon par les PP. de la Compagnie de Jesus, et envoyées en Europe. Le Père Jean Cordier en sa famille sainte». (Атрибуция сборника: Barbier II, 844*; BNF*).

3425. Ламбер, Анн Терез де (1647—1733). Письма госпожи де Ламберт к ея сыну о праведной чести и к дочери о добродетелях приличных женскому полу. СПб., 1761. — Переиздание с мелкой стилистической правкой ранее опубликованных переводов: Писмо госпожи де Ламберт к ея сыну о праведной чести // Примечании на ведомости. 1735. Ч. 64–73. 14 авг. — 11 сент. С. 247–286; Писмо госпожи де Ламберт к ея дочери // Там же. Ч. 80. 6 окт. С. 311–318; Ч. 94–101. 27 нояб. — 18 дек. С. 367–398. Опущен фрагмент перевода, напечатанный в: Ч. 83–84. 20 окт. С. 323–330.

4111*. Мать, благополучно окончившая свои бедствия, редкими приключениями наполненная повесть… Пер. с нем. Ч. 1–2. М., 1789. — Автор: Гутри, Уильям (Guthrie, William, 1708—1770). Англ. оригинал: The Mother: or The happy distress: A novel: In 2 vol. / By the author of *The Friends.* London, 1759; 1761. (*BL; ESTC: T 169600, 169601, N 5800*). Нем. оригинал-посредник: Die Mutter oder das glückliche Elend: Eine Geschichte. Bd. 1–2. Leipzig, 1762; 2. durchaus verb. Aufl. Frankfurt a. M., 1771. (*StB-Berlin; GVK*).

4257. Минералогическое известие о саксонском рудном кряже / Пер. с нем. яз. … А. Пикароном. … [СПб.], 1780. — Мёллер, Иоганн Вильгельм (Moeller, Johann Wilhelm). Mineralogische Geschichte des Sächsischen Erzgebirges. Hamburg, 1775. Имя автора указано в подписи под обращением «An den Leser».

4300. Молодая племянница старой тетки вред: Комедия в 5 действиях. Пер. с фр. М., 1788. — Ла Саль, Адриен-Никола **(**La Salle d’Offémont Adrien Nicolas Piédefer de, 1735 (по др. сведениям: 1734) — 1818**)**. Sophie Francourt: Comédie en 4 actes et en prose / [Paris, Comédiens italiens ordinaires du Roi, 18 février 1783]. Paris, 1783. (*BNF*). Первоначально комедия имела 5 актов (см.: Les Spectacles de Paris, ou Calendrier historique et chronologique des thêatres… Pour l’année 1784. Paris, s. d. P. 33, 223–224). Авторская инсценировка

романа «Histoire de Sophie de Francourt / Par Monsieur***» (Paris, 1768). См. далее № 6709.

4534. Невинное страдание, или Бедственная верность Леоноры де***: Пер. с фр. [Н. Д.] с прибавлением к оной… М., 1782.

Содержит пять «прибавлений», в том числе:

С. 180–207: II. Разговор между любовию и разумом. — Перепечатано из: *ЕС*. 1762. Янв. С. 71–92. Англ. оригинал в журн.: The Spectator. 1715. Vol. 9. № 683–686. Автор: Бонд, Уильям (Bond, William, ум. 1735). (Левин. № 45).

С. 208–220: III. Сон о пороках и жалобах человеческих. — Перепечатано из: *ЕС*. 1761. Апр. С. 463–472. Пер. В. И. Лебедева. Англ. оригинал в журн.: The Spectator. 1714. Vol. 8. № 558–559. Автор: Аддисон, Джозеф (Addison, Joseph, 1672–1719). (Левин. № 41).

С. 221–233: IV. О суетном желании старых людей. — Перепечатано из: *ЕС*. 1763. Янв. С. 60–68. Сведения об английском оригинале и немецком источнике перевода в *ЕС* см.: *Рак В. Д.* Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 116–117, примеч. 86; Русско-европейские литературные связи: XVIII век: Энциклопедический словарь. Статьи. СПб., 2008. С. 386, примеч. 81.

С. 234–240: Превращение Фиделия в зеркало. — Перепечатано из: *ЕС*. 1759. Окт. С. 348—352. Англ. оригинал в журн.: The Spectator. 1712. Vol. 5. № 392. Автор: Стил, Ричард (Steele, Richard, 1672–1729). (Левин. № 25).

4792. Общенародное наставление или Наука о правах и должностях человеческих, содержащая в себе 4 части: 1) о состоянии естественном человека; 2) о состоянии его земледельческом; 3) о состоянии общежительном; 4) о состоянии правительственном или государственном. Пер. с фр. подлинника Рдн. Гвздквск [Родионом Гвоздиковским]. СПб., 1785. — Мирабо, Виктор де Рикети (Mirabeau, Victor de Riquetti; 1715–1789). La Science, ou les droits et les devoirs de l’homme: Ouvrage en IV parties. Contenant 1. La vie naturelle de l’homme. 2. Sa vie agricole 3. Sa vie sociale. 4. Sa vie politique. Lausanne, 1773. Загл. на шмуцтит.: Instruction populaire. Пер. сверен с изд.: ~ Par L. D. H. [l’Ami des Hommes]. Lausanne, 1774. В рус. пер. отсутствуют содержащиеся в изд. 1774 г. вступ. «Extrait des éloges des hommes à célèbrer. Article de Fénelon» и заключит. «Dialogue entre Mrs de P. et de L. D. H. sur Instruction publique». (Barbier IV, 443; *BNF*).

5013. Опыт о Провидении Божием / Пер. с фр. яз. на рос. священник Иоанн Сидоровский. СПб., 1781. — Автор: Прайс, Ричард (1723–1791). Англ. оригинал: On Providence // Four Dissertations. I. On Providence. II. On Prayer. III. On the Reasons for expecting that virtuous Men shall meet after Death in a State of Happiness. IV. On the Importance of Christianity, the Nature of Historical Evidence, and Miracles / By Richard Price. London, 1767. P. 1–194. Фр. оригинал-посредник: Essai sur la Prividence / Par M. Price. Trad. de l'anglais avec des notes, par M. Charles de Loys [Charles Guillaume Loys de Bochat, 1695–1754]. Yverdon, 1776. Рус. пер. с сокращениями, особенно в обширных авторских примечаниях.

5075*. Открытое таинство картами гадать, или раскладывать, называемое: Узнать щастие, служащее к увеселению уединенной беседе; издано неизвестным, сим ремеслом и ныне во многих собраниях доставляющим удовольствие: В двух книжках с таблицами; со присовокуплением третьей о разных играх в фанты, сколько приятных, столько и любопытных. Пер. с нем. яз. П. Биркман. [Кн. 1]–3. М., 1795. — Entdecktes Geheimniß die Karte zu schlagen oder zu legen, welches in Französischen genannt wird: Dire la bonne Fortune; als ein Beytrag zur gesellschaftlichen Unterhaltung im Winter / geliefert von einem Ungenannten. Leipzig, [ca. 1780]. 29 S.: Ill. (*Staats-und Stadtbibliothek Augsburg*). Самое раннее выявленное издание, представляющее первую часть. Продолжения появились, по-видимому, в дальнейших изданиях. В электронном каталоге *Deutsche Nationalbibliothek* числится издание: Entdecktes Geheimniß die Karte zu schlagen oder zu legen, welches in Französischen genannt wird: Dire la bonne Fortune… / …von einem Ungenannten… 2. Aufl. [Th. 1]–3. Leipzig: Baumgärtner, [um 1800]. Если ранняя временная граница выхода этого издания определена правильно, то в комплекте *Deutsche Nationalbibliothek* не хватает одной части, т. к. еще в 1799 г. тот же книгопродавец выпустил «Entdecktes Geheimniß die Karte zu schlagen» уже в 4-х частях (см.: Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schriftums (GV), 1700—1910 / Bearb. unter der Leitung von H. Schmuck und W. Gorzny. N. Y. e. a., 1982. Bd. 44. S. 332). Источником русского перевода служило более раннее издание в 3-х частях, которым могло быть, например, выпущенное в Лейпциге без обозначения даты ок. 1792 г. (см.: Catalogus der neuesten Bücher, welche … zu haben sind bey W. G. Korn, Buchhändler in Breslau.

[Breslau], 1792. S. 54; каталог включает преимущественно книги, вышедшие в 1792 г.).

6201. Руководство удовольственной жизни, обоего пола людям: Пер. с фр. СПб., 1781. — Доп. тираж под измененным названием или тит. изд. кн.: Сели, Никола Жозеф (Sélis, Nicolas Joseph; 1737–1802). Прививание здравого разума, или Наилучшие правила удовольственной жизни обоего пола людям: Пер. с фр. СПб., 1780. (*СК 1725–1800*. № 6404).

6411. Семеро сватаются, а одному достанется, или Удивительныя приключения и благополучный брак Алфонса Рамира с Ангеликою, и трагическая смерть Ролянда: Пер. с нем. М., 1794. — Сличение текста рус. пер. с текстом указанного в качестве его оригинала (см.: *Drews P.* Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München, 1996. S. 221. № 525) анон. соч. «Roland: Eine tragikomische Geschichte aus den Ritterzeiten und unsern Tagen» (Erfurt, 1791) показало, что это разные произведения, не имеющие между собой никакой связи.

6537. Скуполи, Лоренцо (Scupoli, Lorenzo, ок. 1530–1610). Подвиг христианина против искушений / С иностр. яз. на рос. пер. лекарь и Имп. Моск. ун-та прозектор Иван Андреевский. [М.], 1794. — Издано на счет переводчика (РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 355).

6552. Антонов, Григорий. Слово I при начале выбора судей в Пензенском наместничестве, в губернском городе Пензе. 1792 года, декабря 13 дня. [М.], 1793. На с. 9–16: Слово II при окончании выбора судей в Пензенском наместничестве декабря 19 дня 1792 года. — По указу от 3 июля 1793 г. Синод рассматривал одну проповедь и «учинил примечания», постановив: «…оную проповедь с списком означенных примечаний отослать к преосвященному Феофилу епископу Тамбовскому при указе с тем, что как по явствующим в сей проповеди непристойным помянутого протопопа Антонова умствованиям, как в означенных примечаниях довольно объяснены, находит святейший Синод о нем протопопе сумнение: не заражен ли он какою против преданий православныя нашея церкви ересью или вольнодумством; для того ему преосвященному, призвав пред себя его протопопа, во-первых, сделать ему с пастырским увещанием испытание в содержании им догматов православныя веры и преданий церковных, а потом, объявя ему объясненные в тех примечаниях означающие дерзкие и не соответствующие Священному писанию

умствования его, спросить об оных, примечая между тем из ответов его расположение мыслей его, какие же от него последуют ответы? Оные же за его рукоприкладством и с приложением его преосвященного о нем, протопопе, мнения, а притом и с объявлением, в коих именно училищах он, протопоп, обучался, когда и чему? прислать в святейший Синод. … 7 июля 1794» (Дело «О напечатании двух проповедей пензенского николаевского протопопа Григория Антонова по 300 экземпляров на счет Пензенского совестного суда председателя Афанасия Сумарокова». — РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 237. Л. 10. См. там же: Список вопросов (л. 12–13); Рапорт епископа Феофилакта об исполнении (л. 19–20); Изъяснение протопопа (л. 21–22).

6709. Сорен, Бернар Жозеф (Saurin, Bernard Joseph; 1706–1781). Приключение Софии де Франкфурт, сочиненное г. Сорень, членом Французской академии. Пер. на берегу Иртыша 1783 года. Т. 1–2. М., 1786. — Ошибочная атрибуция. Подлинный автор и оригинал: Ла Саль, Адриен-Никола **(**La Salle d'Offémont Adrien Nicolas Piédefer de, 1735 (по др. сведениям: 1734) — 1818**)**. Histoire de Sophie de Francourt / Par Monsieur***. Pt. 1–2. Paris, 1768. В распоряжении переводчика находилось амстердамское издание 1768 г., в котором на титульном листе значилось: «Par Monsieur Saurin, de l'Académie Françoise» (*BNF, Universitätbibliothek Rostok*).

8061. Храм моды, или Нрав поврежденный истекающего века. Пер. с фр. М. Ястрембовского. М., 1792. — Существующие атрибуции указанного в примечании анонимного оригинала: Бридел-Бридери, Самюэль Элиас фон (Bridel-Brideri, Samuel Elias von; 1761–1828; фр. Bridel, Samuel Elisée). (*GBV, Schweizerische Nationalbibliothek*); Бридел, Филипп Сириак (Bridel, Philippe-Cyriac; 1757–1805). **(***Heinsius W.* Allgemeines Bücher-Lexikon oder vollständiges Alphabetisches Verzeichniß der von 1700 bis zu Ende 1810 erschienenen Bücher, welche in Deutschland und in den durch Sprache und Literatur damit verwandten Ländern gedruckt worden sind. Neue umgearbeitete, verbesserte und vermehrte Aufl. Leipzig, 1812. Bd. 1. S. 414; *Kayser Ch. G.* Vollständiges Bücher-Lexicon. Leipzig, 1834. T. 1. S. 346; Quérard I, 512; во всех трех источниках местом издания ошибочно указан Basel (Bâle), что ставит под сильное сомнение сведения, на которых основывалась эта атрибуция**)**; Монерон, Мари Юрани Роз **(**Moneron (Monneron), Marie Uranie Rose**)**. (*BL*; *Conlon P. M.* Le siècle de lumières: Bibliographie chronologique. Genève, 2008. T. 26.

P. 365. № 89: 10081); Ришер, Франсуа (Richer, François; 1718–1790). (*SUDOC*).

II. *Уточнения к «Сводному каталогу русской книги, 1801–1825»*

2071*. Густав Вальдгейм или Преступник поневоле: Истинное происшествие, взятое из записок одного молодого гусара / Соч. Вальтера Скотта; Пер. с фр. А. П....в. М., 1824. Ч. 1. [4], 450, [2] с.; Ч. 2. [4], 452 с. — Дювуазен Калас, Александр (Du Voisin Calas, Alexandre; 17.. — 1832). Adolphe de Waldheim, ou le Parricide innocent: Nouvelle allemande extraite du journal d'un jeune militaire, / recueillie et publiée par A. D. V.–C. Paris, 1802. VIII, 218 p. (*BL*, *BNF*).

2750–2752. Живой мертвец, или Неаполитанцы / Сочин. Радклиф; Пер. с фр. Б. Б. М., 1806; 1808; 2-е изд. М., 1816. — Булло, Матюрен-Жозеф (1772–1865). Le fantôme vivant, ou Les Napolitains: anecdote extraite d'un manuscrit trouvé sur les bords de la Thamise, par l'auteur de la «Mendiante de qualité»; des «Amours de Nanterre» etc. [Boullault, Mathurin-Joseph]. Paris, 1801; 1802.

3216–3217. История XVIII столетия, или Обстоятельное описание всех важнейших происшествий и достопамятных перемен, случившихся в осьмнадцатом столетии, с приобщением подробных известий о жизни и делах всех славных и достойных примечания мужей, в течении онаго живших: Пер. с нем. Ч. 1–11. М., 1804–1807; Тит. изд.: Ч. 1–3. М., 1806. — Штёфер, Дитрих Генрих (1767–1822); Штёфер, Иоганн Германн (1764–1796); Фосс, Кристиан Даниель (1761–1821). Unser Jahrhundert. Oder Darstellung der interessantesten Merkwürdigkeiten und Begebenheiten und der grössten Männer desselben: Ein Handbuch der neuern Geschichte / Von D. H. Stöver. Th. 1–2. Altona, 1791–1792. Th. 3 / Von J. H. Stöver. Altona, 1794. Продолжение: Das Jahrhundert der Aufklärung: Eine Gallerie historischer Gemählde / Von C. D. Voß. Th. 1–5. Altona, 1797–1800; с доп. тит. л.: D. H. Stövers Unser Jahrhundert… fortgesetzt von C. D. Voß. Th. 4–8. В рус. пер. изменено распределение разделов по томам. Отдельные тома немецкого оригинала переиздавались, в том числе как «vermehrte und verbesserte Auflage».

3503. Киприан (Cyprianus, епископ Карфагенский; ум. 258). Избранные сочинения святаго священномученика Киприана епис-

копа карфагенского / Пер. с еллиногреческого языка М. Протопоповым. СПб., 1803. — В поданном в ноябре 1798 г. прошении об издании «Душеполезных трудов священномученика Киприана» М. В. Протопопов (1746–1800) указал, что перевел их с латинского языка (РГИА. Ф. 796. Оп. 80. № 447). Историю издания см.: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 503.

3525–3526. Клервиль и Аделаида Сент-Албан, или Заблужденный муж и добродетельная жена: Истинное, нравоучительное и достопамятное происшествие: С фр. М., 1807; 1808. — Леваше де Шарнуа, Жан-Шарль (1749–1792 или 1794). Clairville et Adélaïde de S^{t}. Alban // Le Vacher de Charnois, Jean-Charles. Nouvelles / Par M. de Charnois. Paris, 1782. P. 1–179. Единственная повесть в сборнике. **(***BNF*; Dictionnaire de journalistes (1600–1789), 513**)**. В переводе опущено авторское предисловие в защиту жанра романа.

3540. Книга для женщин / Пер. С. Кувичинского. М., 1808. — Сверка текстов опровергла высказанное в *СК 1801–1825* предположение о немецком оригинале данного рус. пер. (Das Buch für Weiber. Altenburg, 1784; 1785). Судя по обильному цитированию в тексте басен Ж. де Лафонтена и некоторым реалиям, оригинал на французском языке.

4021. Крамер, Карл Готлоб (Cramer, Karl Gottlob; 1758–1817). Езуит, или Герой своего времяни, присвоивший себе престол нового Фельзенбурга: Комико-сатирической роман: Пер. с нем. Ч. 1–2. М., 1807. — Ошибочная атрибуция. Анон. нем. оригинал и источник рус. пер.: Der Jesuit auf dem Thron, oder das Neue Felsenburg: Ein komisch-politisch-satyrischer Roman. Berlin, Leipzig [i. e. Görlitz], 1794. В ряде библиографических справочников и каталогов библиотек авторство приписано Иоганну Баптисту (в русифицированной форме: Ивану Егоровичу) Шаду (Schad, Johann Baptist; 1758–1834). Эта атрибуция подвергается вполне обоснованному сомнению, см.: *Abašnik V. O.* Johann Baptiste Schad (1758–1834), Professor der Philosophie an den Universitäten Jena und Charkov // Europa in den Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlpfordt. Köln; Weimar; Wien, 2002. Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa / Hg. von E. Donnert. P. 349 (примеч. 11); *Wunderlich U.* Sündenbabel im Südatlantik: Die Felsenburgiade *Der Jesuit auf dem Thron* // Jahrbuch der Johann-Gottfried-Schnabel-Gesellschaft: 2002–2003. Röhrig Universitätsverlag, 2003.

S. 126, 144–148 (выдвинуто предположение, согласно которому автором «Der Jesuit auf dem Thron» было лицо, принадлежавшее к труппе Берлинского театра). В 2009–2010 гг. издательство Kessinger Publishing, LLC (Whitefish, Montana, USA) выпустило факсимильное издание «Der Jesuit auf dem Thron», указав ошибочно автором этого романа немецкого писателя Иоганна Готфрида Шнабеля (1692 — между апрелем 1744 и апрелем 1748), чей роман «Wunderliche Fata einiger See-Fahrer…» (Th. 1–4. 1731–1743), пародируемый в «Der Jesuit auf dem Thron», многократно издавался в обработке (1828) Л. Тика под заглавием «Insel Felsenburg».

5001. Мерсье, Луи Себастьен (Mercier, Louis Sebastien; 1740–1814). Несчастие от ленточки: Историческая новость XVIII века. М., 1802. — Ошибочная атрибуция. Автор и оригинал: Мерсье де Компьень, Клод Франсуа Ксавье (Mercier de Compiègne, Claude-François-Xavier; 1763–1800). Rosalie et Gerblois, ou l'époux généreux: Nouvelle champenoise / Par M. Mercier. Avec des Romances mises en musique par M. Pollet. Paris, [1792]. В третьем (второе осталось недоступным для просмотра de visu) издании: Rosalie et Gerblois: Nouvelle historique / Par C. Mercier de Compiègne. Paris, 1796 — добавлены: вступ. ст. «Utilité des romans nationaux» и исторические справки об эпохе, в которую развертывается действие повести. В рус. переводе главные герои получили другие имена, в тексте сделаны различные купюры (в том числе опущены вступительные к некоторым разделам авторские рассуждения, несколько стихотворений, подстрочные примечания), обозначение в оригинале разделов повествования «книгами» (livre) с порядковым номером заменено заглавиями. Добавленные в третьем издании статья и исторические справки отражения в рус. пер. не получили.

III. *Переводы из «Spectateur du Nord» в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия»*

Часть 3, 1799

Азакия и Целларио: Повесть (№ 63–66. С. 161–171, 177–190, 193–201, 209–213) — Azakia et Célario: Conte // SdN. 1798. T. 7. Août. P. 153—159. Перепечатано из: Bibl. brit. 1798. T. 8. Littérature. P. 95–121. Высказывалось предположение об авторстве Франсуа-

Рене де Шатобриана (1768–1848). См.: *Baldensperger F., Carré J. M.* La première histoire indienne de Chateaubriand et sa source américaine // Modern Language Review. 1913. Vol. 8. № 1. P. 15–26; *Villiers M. de.* La Louisiane de Chateaubriand // Journal de la Société d'Américanistes. 1924. Vol. 16. № 16. P. 125–167. Повесть написана на сюжет и по мотивам поэмы: Ouâbi: or Virtues of Nature: An Indian Tale: in four Cantos / By Philenia, a Lady of Boston [Morton, Sarah Wentworth (1759–1846). Boston, 1790. В свою очередь основой для поэмы послужил рассказ: Azakia, anecdote huronne / [Bricaire de la Dixmerie, Nicolas, 1731–1791)] // Mercure de France. 1763. Juillet, t. 1. P. 30–47 (неоднократные переиздания в сборниках автора «Contes philosophiques et moraux» (1765, 1766, 1768, 1769), других собраниях, периодических изданиях; переводы на другие языки, в том числе английский и русский). С. Мортон знала рассказ по публикации: Azakia: A Canadian Story // The American Museum: or Repository of ancient and modern fugitive pieces, etc. prose and poetical. Philadelphia, 1789. Vol. 6. September. P. 193–198.

Гимн красоте / С франц. К[нязь] Ф. Сибирский (№ 72. С. 308–312) — Делиль (Delille) Жак (1738–1813). Hymne à la Beauté: Fragment d'une poëme sur l'Imagination // SdN. 1797. Т. 1. Mars. P. 410–412. SdN является очень вероятным источником перевода, однако без дополнительного фактического подтверждения может считаться лишь предположительным. Др. публикации оригинала, которые могли служить источником перевода: Magasin encyclopédique: ou Journal des sciences, des lettres et des arts / Rédigé par A. L. Millin. 1795. Т. 3. P. 119 след.; Ibid. 1797. Т. 5. № 18. P. 259–261.

Задиб и Тимур: Индийская повесть / [Пер.] Н…[иколай] Ладыж[енский] (№ 73. С. 329–336) — Англ. оригинал: Джексон Уильям (1730–1803). An Indian Tale // Jackson W. The Four Ages; together with essays on various subjects. London, 1798. P. 132–140. Источник перевода: Zadib et Timur: Conte Indien // SdN. 1799. Т. 9. Mars. P. 321–326. Перепечатано из: Bibl. brit. 1798. Т. 9. Littérature. P. 346–400. Др. рус. пер.: Задиб и Тимур: Индийская повесть: (Из Almanach des Prosateurs) // Минерва: Журнал российской и иностранной словесности. 1806. Ч. 2. Авг. С. 216–223. Фр. источник перевода в одном из выпусков издания: Almanach des prosateurs, ou Recueil des pièces fugitives en prose / Rédigé par CC. Fr. N… [François-Joseph-Michel Noël, 1753–1809] et P[ierre]-B[ernard] Lamare [1756–1841]. Paris, an X–1809.

Часть 4, 1799

Полные сочинения г. Леонарда, собранные и изданные Винцентом Кампеноном в 3 том. в 8 долю, Париж, 1798: (Из Spectateur du Nord) / Василий Жуковский (№ 84–85. С. 81–90, 97–107) — Œuvres complètes de Leonard, recueillis et publiées par Vincent Campenon. 3 vol. in-8vo. Paris, 1798 // SdN. 1799. T. 9. Mars. P. 368–382. Об этом пер. см.: *Канунова Ф. З., Айзикова И. А., Никонова Н. Е.* Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820–1840-х гг.: Проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск, 2009. С. 152–153.

Польза и употребление рук: Из Les Merveilles du corps humain (№ 89. С. 161–169) — Оригинал: Жоффре (Jauffret) Луи-Франсуа (1770–1840). Les Merveilles du corps humain, ou Notions familières d'anatomie, à l'usage des enfans et des adolescens. Paris, an VII [1798]. P. 171–183. Источник перевода — выдержка из Sixième entretien. Du Bras et de la Main, цитируемая в рец.: Les Merveilles du corps humain, ou notions élémentaires d'anatomie, à l'usage des enfans et des adolescens. Paris, 1798. 1 vol. in 18 / A. B. [J.-L.-Amable de Baudus] // SdN. 1799. T. 10. Mai. P. 242–248.

Отрывок из Voyage à Constantinople etc. en 1790 et 1791. Lettre XXXVI (№ 89. С. 170–176) — Оригинал: Салаберри (Salaberry) Шарль-Мари д'Ирюмберри (d'Irumberry de, 1766–1847). Voyage en Constantinople, en Italie, et aux îles d'Archipel, par l'Allemagne et la Hongorie. Paris, an VII [1798]. P. 184–187. Источник перевода — выдержка из указанного письма, цитируемая в рец.: Voyage à Constantinople, en Italie et aux îles de l'Archipel, par l'Allemagne et la Hongorie, en 1790 et 1791.— à Paris, chez Maradan, 1 vol. in 8vo / J. A [J.-L.-Amable de Baudus?] // SdN. 1799. T. 10. Avril. P. 50–54.

Преимущество в рассматривании царства растений (№ 90. С. 188–190) — Оригинал: Дюброка (Dubroca) Жан-Франсуа (1753–1831). Entretiens d'un père avec ses enfans, sur l'histoire naturelle… Paris, an 6 (1797). T. 2. P. 1–3: Du règne végétal. Premier entretien. Idées générales sur la Végétation. Источник перевода — выдержка, цитируемая в рец.: Entretiens d'un père avec ses enfans sur l'histoire naturelle. Ouvrage élémentaire, orné de quatre cents figures, publié et mis en ordre par J. F. Dubroca. 5 vol. in 12. Paris, 1798 // SdN. 1799. T. 10. Mai. P. 252–253.

Часть 5, 1800

Безумие отчаяния: Восточная повесть (№ 2–4. С. 17–30, 33–43, 49–62) — Англ. оригинал: Orasmin; or the Folly of Despondency: An Oriental Tale // The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. 1792. Vol. 90. March. P. 163–169; April. P. 247–253. Источник перевода: La folie du découragement: Conte oriental, traduit librement de l'Anglois // SdN. 1799. T. 10. Mai. P. 161—187. Перепечатано из: Bibl. brit. An VII. T. 10. Littérature. P. 393—418. Значительные расхождения с англ. оригиналом.

Любопытное и доселе неизвестное путешествие во внутренность Африки (№ 6–7. С. 94–101) — Voyage curieux et non connu dans l'intérieur de l'Afrique: [Trad. de l'Allemand] / V*** [Ch. de Villers] // SdN. 1799. T. 10. Avril. P. 54–58.

Часть 6, 1800

Подлинное происшествие: Анекдот: Письмо одного французского экс-депутата к генералу: Пер. с фр. / Ж. 8 марта 1797 года (№ 56–57. С. 465–478, 481–501) — Anecdote française: Lettre d'un ex-Député de la Conventuion nationale à un Général Français / J. 18 Ventôse, an V (8 Mars 1797) // SdN. 1800. T. 13. Janvier. P. 40–63.

Художник и крестьянка: Идиллия / Из Гете. [Пер. с фр.] К[нязь] Ф. С[ибирский] (№ 59. С. 513–521) — L'Artiste et la villageoise: Idylle / par l'Auteur de Werther; [trad. par G***] // SdN. 1800. T. 13. Janvier. P. 80–84.

Амур и Дружба: Разговор: Пер. с фр. (№ 59. С. 521–528) — L'Amour et l'Amitié: Dialogue / V*** [Ch. de Villers] // SdN. 1800. T. 13. Janvier. P. 34–40.

Некрология, Или известие о кончине славных французских писателей: Из Spectateur du Nord (№ 60. С. 536–540) — Littérature française. — Nécrologie / V*** [Ch. de Villers] // SdN. 1800. T. 13. Janvier. P. 84–87.

Часть 9, 1801

Отрывок из поэмы об Астрономии Г-на де Фонтаня: С французского (№ 46. С. 318–320) — Fragment d'une poëme sur l'Astronomie / Par M. de Fontanes [Louis, 1757–1821] // SdN. 1797. T. 1. Mars. P. 414–415. Отрывок из «Essai sur l'astronomie».

Часть 10, 1801

Стихи для сообщества: Из Spectateur du Nord / [Пер.] К. К[ириченко]-Остромов (№ 70. С. 273–284) — Sur les vers de société // SdN. 1800. T. 14. Avril. P. 7–16.

Часть 11, 1801

Письма о Дрездене, содержащие в себе начертание всего того, что в сем городе находится достопамятного для иностранца. Берлин, 1800: Из Spectateur du Nord (№ 97–99. С. 300–324) — Lettres sur Dresde, contenant une esquisse de ce que cette ville offre de plus remarquable aux étrangers. Berlin, 1800. chez Henri Fröhlich. in 8 vo de 262 pages // SdN. 1800. T. 16. Novembre. P. 224–239.

Условные сокращения:

Левин — *Левин Ю. Д.* Материалы к библиографии статей из английских журналов в русских переводах XVIII в. // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1990. С. 76–102.

СПбВед. — Санктпетербургские ведомости (газета).

Barbier — *Barbier A.-E.* Dictionnaire des ouvrages anonymes. Paris, 1964. T. 1–4.

Bibl. brit. — Bibliothèque britannique; ou Recueil Extrait des ouvrages anglais périodiques et autres, des Mémoires et Transactions des Sociétés et Académies de la Grande-Bretagne, d'Asie, d'Afrique et d'Amérique; en deux Séries, intitulées Littérature et Sciences et Arts. Genève, 1796–1815. T. 1–60.

BL — British Library.

BNF — Bibliothèque nationale de France.

BStB — Bayerische StaatsBibliothek (München).

ESTC — English Short Title Catalogue (1473–1800).

GBV — Gemeinsamer Bibliotheksverbund: Verbundkatalog.

GVK — Gemeinsamer Verbundkatalog (Deutschland).

Quérard — *Quérard J. M.* La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France, ainsi que des littérateurs étrangers qui ont écrit en français, plus particulièrement pendant les XVIII-e et XIX-e siècles. Paris, 1827–1864. T. 1–12.

SdN — Le Spectateur du Nord: Journal politique, littéraire et moral / Publ. par Charles de Villers (1765–1815), Jean–Louis–Amable de Baudus, Louis Fauche-Borel (1762–1829). A Hambourg: Chez Pierre François Fauche, 1797–1802.

StB-Berlin — Staatsbibliothek zu Berlin.

SUDOC — Système universitaire de documentation: Catalogue.

В. И. СИМАНКОВ

ИСТОЧНИКИ ЖУРНАЛА «ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА» (1785–1789)

Сведения об иностранных источниках, с которыми работали переводчики «Детского чтения для сердца и разума» (далее сокращенно — ДЧ), до сих пор не выявлены в полном объеме. Имеющиеся данные можно разделить на несколько частей. Часть сведений была получена непосредственно из подстрочных примечаний, сделанных в самом журнале; например, в начале статьи «Нечто из практической философии» сказано, что сочинение это взято «из немецкого еженедельного издания: *Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner*».[1] Другая часть известна из признаний

[1] Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner / Von J. F. Zöllner und J. S. Lange. Berlin: Mauer, 1784–1788. Высока вероятность, что именно это еженедельное издание было приобретено директором петербургской Учительской семинарии И. И. Кохом в 1787 г. См.: *Рак В. Д.* Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 90. Предложенная исследователем версия о том, что в денежной ведомости Коха подразумевается издание «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde», невозможна, по меньшей мере потому, что последнее не является ни еженедельным, ни ежемесячным изданием, хотя зачастую его ошибочно и относят к изданиям периодическим. Не исключение в этом смысле и фундаментальная библиография немецкоязычной периодики И. Кирхнера, в которой «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» приводится в разделе «Pädagogische Zeitschriften»: Bibliographie der Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes bis 1900 / Hrsg. von J. Kirchner. Stuttgart: Hiersemann, 1969. Bd. 1 (Die Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes von den Anfängen bis 1830). S. 38 (№ 642).

© В. И. Симанков, 2015

самих переводчиков (Н. М. Карамзин) или мемуарной литературы (И. И. Дмитриев). И, наконец, третья часть установлена специалистами. Значительный вклад в изучение вопросов, связанных с происхождением тех или иных сочинений ДЧ, внесли как отечественные исследователи (прежде всего, А. Д. Галахов,[2] Н. А. Бекетова,[3] Е. П. Привалова,[4] Ю. Д. Левин,[5] Р. Ю. Данилевский,[6] В. Д. Рак[7]), так и зарубежные историки и филологи (Э. Кросс и П. Древс).

Здесь следует подробнее остановиться на источниковедческих разысканиях Э. Кросса, поскольку они, по всей видимости, прошли незамеченными. В своем монографическом исследовании о Карамзине[8] английский историк между прочим указал, что 14 статей в ДЧ

---

[2] *Галахов А. Д.* Н. М. Карамзин. (Материалы для определения его литературной деятельности). Статья вторая // Современник. 1853. Том XLII. № XI (Ноябрь). Отд. III. С. 53 (сведения о переводах из Беркена).

[3] *Бекетова Н. А.* Очерк русской детской журналистики (1785–1855) // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855) / Под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. М., 1927. Т. 1. Вып. 1. С. 94 (сведения о трех переводах из «Kleine Kinderbibliothek» Кампе).

[4] *Привалова Е. П.* О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. С. 260 (сведения о происхождении переводной повести «Обидаг». Подробнее: *Левин Ю. Д.* Кто автор «восточной» повести «Обидаг»? // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 5. (Сентябрь–октябрь). С. 431–433).

[5] *Левин Ю. Д.* 1) Материалы к библиографии английской журналистики в русских переводах XVIII века // Эпоха просвещения. Л., 1967. С. 94–95 (идентификация ряда статей, восходящих к английской периодике); 2) Английская поэзия XVII–XVIII веков в русских переводах. 1745–1812. (Материалы для библиографии) // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С. 283 (№ 129); 285 (№ 155а–161).

[6] *Данилевский Р. Ю.* 1) Лессинг в русской литературе XVIII века // Эпоха просвещения. Л., 1967. С. 287 (идентификация шести переводов, восходящих к басням Лессинга); 2) Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С. 311 (идентификация перевода «Диоген и Бахид», восходящего к «Sokrates mainomenos» Виланда).

[7] *Рак В. Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998. С. 146; 295–297 (Сведения о возможных переводах из «Lectüre für die kleine Jugend»). Кроме того, указанным исследователем установлено множество переводов, заимствованных непосредственно из «Kleine Kinderbibliothek» и «Der Kinderfreund», а также идентифицированы издания, к которым восходят те или иные переводы в ДЧ.

[8] *Cross A. G.* N. M. Karamzin: A Study of his Literary Career, 1783–1803. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1971. P. 14–15.

(1786. Ч. 5) были взяты из следующего, многократно переиздававшегося компиляционного сочинения гамбургского пастора Х. Х. Штурма: Betrachtungen über die Werke Gottes im Reiche der Natur und der Vorsehung auf alle Tage des Jahres / [Hrsg.: C. C. Sturm]. Hamburg: Grund, 1772. St. 1–12 (первоначально издавался как ежемесячный журнал); Halle: Hemmerde, 1772. Th. 1–4 (первое книжное издание; многочисленные переиздания).[9] Указанные сведения нуждаются в некоторых поправках. К «Размышлениям о делах Божиих в царстве натуры и провидения» восходят в общей сложности 16 публикаций, напечатанных не только в пятой, но и в шестой части ДЧ за 1786 г. Однако маловероятно, что переводчики ДЧ пользовались «Размышлениями о делах Божиих» в качестве непосредственного источника. Скорее всего, эти сочинения пришли через какую-нибудь немецкую антологию для детей. Возьмем, например, «Lesebuch für Kinder, aus der Naturgeschichte, von Johann Wilhelm Schwartz» (Leipzig: Hilscher, 1781–1785. Th. 1–5). В указанной антологии находятся между прочим следующие статьи: 1) Kurze Betrachtung über die Elemente (1783. Th. 3) = О стихиях (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 1. С. 3–7); 2) Das Weltgebäude (1781. Th. 1) = О системе мира (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 1. С. 7–10); 3) Größe und Entfernung der Sonne (1781. Th. 1) = О солнце (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 1. С. 11–12); 4) Größe unserer Erde (1781. Th. 1) = О земле (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 1. С. 12–13); 5) Der Comet (1781. Th. 1) = О кометах (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 3. С. 33–35); 6) Von Sonnen- und Mondfinsternissen (1781. Th. 1) = О солнечных и лунных затмениях (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 3. С. 35–37); 7) Das Erdbeben (1781. Th. 1) = О землетрясениях (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 3. С. 37–39); 8) Die Theile woraus das Wasser besteht (1781. Th. 1) = О воде (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 3. С. 40–41); 9) Ebbe und Fluth (1781. Th. 1) = О приливе и отливе (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 3. С. 42–44); 10) Von dem Wechsel

[9] Как следует из авторского предисловия, «Размышления о делах Божиих» суть компиляция из сочинений графа де Бюффона, У. Дерема, Н.-А. Плюша, Б. Ниуентейта, И. Г. Зульцера, Ш. Бонне и т. д. Подробнее о первом журнальном издании см.: Deutsche Presse: Bibliographische Handbücher zur Geschichte der deutschsprachigen periodischen Presse von den Anfängen bis 1815 / [Hrsg. von] Hölger Böning. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann/Holzboog, 1996. Bd. 1 (Hamburg: Kommentierte Bibliographie der Zeitungen, Zeitschriften, Intelligenzblätter, Kalender und Almanache sowie biographische Hinweise zu Herausgebern, Verlegern und Druckern periodischer Schriften / [Von] H. Böning, E. Moepps). Bd. 1–2 (1766–1795). Sp. 939–941 (№ 407).

des Mondes (1783. Th. 3) = О переменах луны (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 3. С. 44–47); 11) Von einigen Merkwürdigkeiten des Meeres (1783. Th. 3) = О море (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 7. С. 97–101); 12) Das unterirdische Feuer (1781. Th. 1) = О подземном огне (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 7. С. 101–104); 13) Nutzbarkeit der Berge (1781. Th. 1) = О пользе гор (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 7. С. 104–106). При этом существуют еще три перевода, восходящие к «Рассуждениям» Штурма, но не имеющие соответствия в антологии Шварца: 14) Nutzen der Gewächse = О пользе растений (ДЧ. 1786. Ч. 5. № 8. С. 113–116); 15) Die Morgenröthe = Утренняя заря (ДЧ. 1786. Ч. 6. № 2 [= 15]. С. 30–32); 16) Milder Einfluß der Sonnenwärme = Благодетельное действие солнечной теплоты (ДЧ. 1786. Ч. 6. № [16]. С. 46–48). Наличие трех последних переводов не позволяет внести «Lesebuch für Kinder, aus der Naturgeschichte» в список источников ДЧ, хотя модификации оригинального текста «Размышлений» Штурма, сделанные автором немецкой антологии, порой находят отражение и в переводах ДЧ. Стоит также отметить, что идентификация в ДЧ шестнадцати переводов, восходящих к «Betrachtungen über die Werke Gottes», по-видимому, никак не связана с отдельным периодическим изданием «Размышлений о делах Божиих»,[10] но является, вероятнее всего, случайным совпадением. Во всяком случае переводы в двух изданиях не идентичны. В ДЧ, судя по всему, перевод шестнадцати фрагментов был выполнен с немецкого языка, а «Размышления» 1787–1788 гг. переводились предположительно с французского перевода-посредника, как это было, например, в случае с публикацией в журнале «Утренний свет» (1779).[11]

---

[10] Размышления о делах Божиих в царстве натуры и провидения на каждый день года. Издание периодическое. Перевод с немецкого языка. М.: В Типографии Компании Типографической, 1787–1788.

[11] Переводы из «Размышлений» Штурма можно отыскать уже в новиковском журнале «Утренний свет» (1779. Ч. VII. Сент.): Чудеса, творимые Господем повседневно / Перевел с французского языка Павел Алексеев (С. 62–65); О величестве Божии / Перевел с французского языка Василий Прянишников (С. 65–69); Весна возобновляет лице земли / Перевел Николай Калинин (С. 70–73); Восхождение солнца / Перевел Гаврило Медведев (С. 73–76); Поощрение искать Бога в произведениях природы (С. 84–87). Переведены: 19 сент., 29 нояб., 7 мая, 4 апр., 4 мая соответственно. Возможный источник: Considérations sur les œuvres de Dieu, dans le règne de la nature et de la providence. Pour tous les jours de l'année. Ouvrage traduit de l'Allemand. De Mr. C. C. Sturm. La Haye, 1777. 3 vols.

Сводная роспись всех выявленных переводов, опубликованных в ДЧ, была представлена в 2000 г.[12] Следует, однако, заметить, что эта роспись содержит в себе ряд произвольных атрибуций и недостоверных данных, возникших, в частности, из-за отсутствия комплексных исследований о природе журнала «L'Ami des Enfans».[13] Кроме того, ряд недостоверных данных появился в результате произвольного использования сведений, полученных Е. П. Приваловой при анализе «Бесценного подарка». Напомним, что в 1794 г. В. С. Подшивалов сообщил читателям «Приятного и полезного препровождения времени» о том, что лучшие из сочинений Кампе «скоро будут выходить все вместе».[14] И действительно, в 1797 г. вышел «Бесценный подарок для благовоспитываемых детей».[15] Эта

---

[12] Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С. 57–75.

[13] В отдельной работе я намерен показать, что и «L'Ami des Enfans», и «Детское чтение» имеют общий идеологический генезис и опираются на тождественный круг источников, хотя точек пересечения между ними почти нет. Переводы в ДЧ, имеющие соответствующие параллели в «L'Ami des Enfans», можно пересчитать по пальцам — это «Прогулка» (Le Parvenu), «Четыре времяна года» (Les Quatre Saisons), «Канарейка» (Le Serin), «Разговор [отца с дочерью о часах]» (La Montre), «Разговор отца с дочерью о красоте» (La Physionomie), «Две молодыя яблони» (Les deux pommiers), «Ночная сцена» (Le Parricide) и комедия «Невинная ворожба» (Le sortilége naturel). Несмотря на то что стержневой список источников в двух журналах идентичен, тем не менее необходимо отметить и разницу в подходе к выбору переводных материалов. Так, например, Беркен не включает в свой журнал басни, восточные повести и сочинения из истории, естествознания и географии. Между тем в ДЧ было помещено множество подобного рода материалов. Кроме того, и манера перевода в двух журналах совершенно различна: если переводчики ДЧ стремились сохранить все особенности подлинника, то Беркен, как правило, давал очень вольные переложения того или иного иностранного текста, в два-три раза распространял оригинал и сентиментализировал повествование, вдыхая, тем самым, жизнь в сухие протестантские схемы. Поскольку детская литература XVIII в. очень редко рассматривается в контексте религиозных войн, особое внимание будет уделено и этому вопросу (в частности, проблеме изуверства и апологии насилия в коротких дидактических рассказах для детей).

[14] Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 3. С. 397 (цит. по: *Кочеткова Н. Д.* Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 69).

[15] Бесценный подарок для благовоспитываемых детей, или Новая детская библиотека, заключающая в себе краткие, трогательные повести, нравоучительные сказочки, замысловатые басенки, занимательные разговоры и небольшия комедии, —

книга представляет собой титульное издание 3 и 4 части «Детской библиотеки, изданной на немецком языке г. Кампе» (М., 1796).[16] В «Бесценном подарке» помещено 37 произведений; при этом, как установила Е. П. Привалова,[17] из ДЧ было взято 35 переводов, а оставшиеся два («Краткие размышления» и «Должно ли любить порочных. Разговор отца с сыном») были перепечатаны из журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований».[18] В предуведомлении к «Бесценному подарку» Подшивалов сообщил, что «книга сия взята вся из одного сочинения, состоящего в нескольких томах,

которых герои большою частию малолетныя дети и их родители, воспитатели и наставники. Перевод с немецкого [и французского В. С. Подшивалова]. М., 1797. Отд. 1–2.

[16] Следует различать «Детскую библиотеку», изданную иждивением С. И. Селивановского в 1796 г. (в переводе В. С. Подшивалова), и «Детскую библиотеку», изданную иждивением императорской Академии наук в 1783–1785 гг. в переводе А. С. Шишкова и впоследствии многократно переиздававшуюся. Путаница часто возникает оттого, что оба издания имеют тождественное полное название («Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе»).

[17] *Привалова Е. П.* О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума». С. 260. Ср. также: *Петровский Н. М.* Библиографические заметки о русских журналах XVIII века // ИОРЯС. 1907. Т. 12. Кн. 2. С. 311–316.

[18] 1) «Краткие размышления» в первой публикации имели другое название: Опыт краткого нравоучения для детей. Взято из одного иностранного периодического издания / [Пер. с фр.] В. [= В. Подшивалов] // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1792. Ч. 6. С. 311–315. Источник: Essai d'un catéchisme pour les enfans, morceau tiré d'un écrit périodique // Journal Encyclopédique. 1791. T. IV. № XV. 30 Mai. P. 380–381. **(**Подлинный автор «Катехизиса для детей» не установлен. В рукописном журнале «Correspondance littéraire» (1755. 1 June) авторство «Катехизиса» приписывается аббату Рейналю. В печати цитаты из «Катехизиса», вероятно, впервые появились в книге «Les conversations d'Émilie» (Leipzig, 1774) мадам д'Эпине; если вспомнить, что сочинительница книги была одним из участников «Correspondance littéraire», то станет понятно, откуда у нее в книге возник некий «рукописный источник»**)**. О переводах из «Journal Encyclopédique» в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» ранее не сообщалось; можно предположить, что французский журнал был источником и других помещенных в подшиваловском издании сочинений (например, повестей Ж. Ф. Мармонтеля «Заблуждение добродушного отца» и «Еленин треножник»); 2) Должно ли любить порочных? Разговор отца с сыном // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч. 1. С. 409–414. Источник: Sol man denn auch die bösen Menschen lieb haben / [Von] C. [= J. H. Campe] // Kleine Kinderbibliothek. 1785. Bd. 12. S. 42–46. Сведения об источнике впервые раскрыты в ст.: *Рак В. Д.* Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 240 (№ 27).

изданного на немецком языке г. Кампе, автором известным всему миру по своим весьма многим и превосходным творениям» (Отд. 1. С. V). Однако это утверждение противоречит действительности. На самом деле в «Бесценном подарке» было помещено только 11 переводов из «Детской Библиотеки» Кампе, то есть совсем незначительная часть. В остальных случаях это переводы из «Der Kinderfreund» (7 переводов), «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» (2 перевода), «Kleine Unterhaltungen» (3 перевода), «Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder» (2 перевода), «Lectüre für die kleine Jugend» (2 перевода), а также «Lectures pour les enfans» (4 перевода), «Journal Encyclopédique» (1 перевод) и других, до сих пор неустановленных источников (всего 4). Не вызывает сомнений, что Подшивалов просто собрал под одну обложку все свои переводы из ДЧ.[19] Из-за смешанного характера «Бесценного подарка» соста-

[19] Похоже, В. С. Подшивалов был не единственным переводчиком, который собрал свои ранние переводы в ДЧ и перепечатал их отдельным изданием. Так же, вероятно, поступил и Александр Данилов, которого доныне еще не причисляли к сотрудникам ДЧ. В 1792 г. в вольной Типографии при Театре у Хр. Клаудия вышло следующее издание: Разные анекдоты, содержащие в себе мудрые деяния, великодушные и добродетельные поступки, остроумные ответы, любопытные, приятные и плачевные происшествия, — и служащие к пользе, забаве, удовольствию и образованию всякого состояния людей. Переведены с немецкого Александром Даниловым. М., 1792. Как установил В. Д. Рак, 21 анекдот в этом сборнике почти без изменений был перепечатан из ДЧ. См.: *Рак В. Д.* Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 189–191. Список перепечаток может быть расширен: 1) Анекдот («Одному весьма богатому человеку случилось некогда упасть в реку…») // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 22. С. 144. Перепечатка: Шляпа, немецкий анекдот // Разные анекдоты. С. 251–252; 2) Анекдот («Один немецкой дворянин купил себе деревню…») // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 33. С. 112. Перепечатка: Богатый дворянин, немецкий анекдот // Разные анекдоты. С. 69; 3) Анекдот («Один тщеславный стихотворец весьма любил, чтоб его приятели слушали его сочинения…») // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 5. С. 80. Перепечатка: Тщеславный стихотворец, немецкий анекдот // Разные анекдоты. С. 230; 4) Анекдот («Один стихотворец написал сатиру…») // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 32 [= 34]. С. 122. Перепечатка: Равнодушие, французский анекдот // Разные анекдоты. С. 244–245; 5) Ошибка в разсчете // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 45 [= 47]. С. 128. Пространная версия этого же анекдота: Ошибка в разсчете, французский анекдот // Разные анекдоты. С. 227; 6) Редкое великодушие. Анекдот // ДЧ. 1789. Ч. 18. № 24. С. 176. Перепечатка: Лекарь, французский анекдот // Разные анекдоты. С. 65; 7) Храбрость, анекдот // ДЧ. 1789. Ч. 19. № 27. С. 16. Перепечатка: Истинная храбрость, немецкий анекдот // Разные анекдоты. С. 226; 8) Остроумие // ДЧ. 1789. Ч. 19. № 34. С. 126. Перепечатка: Остроумие, французский анекдот // Разные

вители «Сводного каталога сериальных изданий» пришли к неверным выводам относительно источников тех или иных переводов, экстраполировав весь состав подшиваловского сборника на «Kleine Kinderbibliothek» Кампе. На проблему фиктивных источников в «Сводном каталоге» недавно указал П. Древс.[20]

Итак, совокупными усилиями исследователей было установлено, что основная масса переводов в ДЧ пришла через «Der Kinderfreund», «Kleine Kinderbibliothek», «Lectüre für die kleine Jugend», а также «L'Ami de l'Adolescence» и «Les Veillées du Château». К имеющимся данным можно добавить еще десяток изданий, которые, как правило, никогда не попадали в поле зрения исследователей.[21] Ниже представлен список тех переводов, происхождение

анекдоты. С. 116. Остается невыясненным, перепечатал ли Данилов свои ранние переводы из ДЧ или же включил в свой сборник чужие переводы. Учитывая то обстоятельство, что перепечаток из других изданий в сборнике «Разные анекдоты» не обнаружено, можно допустить, что А. Данилов был сотрудником ДЧ, которому поручали переводить преимущественно мелкие сочинения.

[20] *Drews P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 315–316 (№ 1523); S. 323 (№ 1655); S. 324–325 (№ 1672).

[21] Очевидно, что в Россию 1780-х гг. попадало множество иностранных детских изданий, преимущественно немецких, однако далеко не все они использовались при составлении ДЧ. Так, например, имеются прямые свидетельства о том, что в Россию поступал шверинский журнал «Monatsschrift für Kinder und ihre Freunde» (Schwerin, 1782–1783), а также приложение к нему. Приложение не сохранилось в полном объеме (например, в BBF Berlin, насколько известно, имеются только № 1–3 за 1783 г.). См.: *Wegehaupt H.* Alte deutsche Kinderbücher IV. Bibliographie 1521–1900: Zugleich Bestandsverzeichnis der in Berliner Bibliotheken befindlichen Kinder- und Jugendbücher sowie der Kinder- und Jugendzeitschriften, Almanache und Jahrbücher. Stuttgart, 2003. S. 257 (№ 2746). Доказательства наличия этого журнала в России в 1780-е гг.: 1) *Dahlgren 1784* (S. 58. № 1054); 2) две перепечатки в далгреновском журнале «Bibliothek der Journale». См.: 1) Naturgeschichte der Schildkröte, von einem Augenzeugen in Amerika aufgesetzt // Zugabe zur Monatsschrift für Kinder und ihre Freunde. 1783. St. 1 (Januar). S. 31–35. Перепечатка: Naturgeschichte der Schildkröte, von einem Augenzeugen in Amerika aufgesetzt / Naturforscher // St. Petersburgische Bibliothek der Journale. 1784. Bd. 6. [St. 4]. April. S. 30–34. Русский перевод, выполненный по перепечатке: Натуральная история черепах, сочиненная в Америке самовидцом // Прибавление к Московским Ведомостям. 1784. № 47. С. 372–376; 2) Der Ameisenlöwe // Monatsschrift für Kinder und ihre Freunde. 1783. St. 2 (März und April). S. 119–124. Перепечатка: Der Ameisenlöwe /

которых до сих пор оставалось неизвестным. В этот список не включены переводы, происхождение которых уже было установлено предшественниками (за исключением тех случаев, когда к их сведениям оказалось возможным сделать значительные коррективы).

Одним из результатов проведенных библиографических разысканий является, в частности, вывод о том, что все «оригинальные статьи», ранее приписывавшиеся Новикову, на самом деле представляют собой переводы с немецкого, выполненные В. С. Подшиваловым, А. А. Петровым и т. д. Отсюда, впрочем, никак не следует, что на страницах ДЧ печатались одни только переводы — напротив, в нем действительно были оригинальные материалы, однако все они принадлежат Карамзину.[22]

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Левин 1967 = Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 3–109.

Рак 1995 = Рак В. Д. Библиографические заметки [Сер. 3] // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 187–222.

Рак 1996 = Рак В. Д. Библиографические заметки [Сер. 4] // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 169–203.

Рак 1998 = Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998.

Monatsschrift für Kinder und ihre Freunde // St. Petersburgische Bibliothek der Journale. 1784. Bd. 6. [St. 4] April. S. 34–39. Некоторые номера «Monatsschrift für Kinder und ihre Freunde» оказались безвозвратно утерянными и потому невозможно с уверенностью ответить на вопрос, использовалось ли шверинское издание при составлении ДЧ. Судя по тем номерам, которые оказались нам доступны, ответ скорее отрицательный.

[22] Открытым до сих пор остается вопрос о просхождении двух рассказов («Пустынник» и «Благодеяние»), не входящих в состав «Les Veillées du Château» и «Adéle et Théodore» С. Ф. Жанлис. См.: *Cross A. G.* Karamzin's First Short Story? // Russia: Essays in History and Literature / Ed. by Lyman H. Legters. Leiden: E. J. Brill, 1972. P. 38–55.

Рак, Соколинский 2000 = [*Рак В. Д., Соколинский Е. К.*]. «Детское чтение для сердца и разума» [Роспись содержания 2-го издания ДЧ с указанием источников] // Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С. 57–75.

Dahlgren 1784 = Verzeichniß der deutschen Bücher der Dahlgrenschen Lese-Bibliothek, in der kleinen Million No. 58. St. Petersburg, 1784.

Drews 1996 = *Drews P.* Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München: Verlag Otto Sagner, 1996. (Slavistische Beiträge. Bd. 337).

Drews 2007 = *Drews P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München: Verlag Otto Sagner, 2007. (Slavistische Beiträge. Bd. 460).

Uphaus-Wehmeier 1984 = *Uphaus-Wehmeier A.* Zum Nutzen und Vergnügen — Jugendzeitschriften des 18. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Kommunikationsgeschichte. München [u. a.]: K. G. Saur, 1984. (Dortmunder Beiträge zur Zeitungsforschung. Bd. 38).

ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ: СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder = Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder zur Bildung des Herzens und Verstandes, von einem Kinderfreunde gesammlet / [Hrsg.: Ludolf Christian Michaelsen]. Lüneburg: Lemke, 1778–1786. Samml. 1–10.

Наличие в библиотеках: Bayerische Staatsbibliothek München. Наличие этого издания в России до 1785 г.: *Dahlgren 1784* (S. 11. № 185). Антологические сборники, составленные люнебургским пастором Л. Х. Михаэльсеном (ум. 1789), представляют собой преимущественно компиляцию, однако в них содержатся, вероятно, и оригинальные сочинения составителя.

D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder = D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder in Erzählungen, Fabeln und Betrachtungen. Aus dem Engländischen. Leipzig: Weidmann, 1776–1777. Th. [1]–2.

Наличие в библиотеках: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Д-р Т. Персиваль (1740–1804) известен как автор

медицинских сочинений, в то время как написанные им книги для детей нынче совершенно забыты. Несколько переводов из «A father's instructions to his children» было помещено А. Беркеном в журнале «L'Ami des Enfans» («Les douceurs et les avantages de la sociabilité», «Le contretems utile»).

Der Kinderfreund = Der Kinderfreund. Ein Wochenblatt / [Von Christian Felix Weiße]. Leipzig: Crusius, 1775–1781. Th. 1–24. St. 1 (2.10.1775) — 326 (29.09.1781); Zweyte verb. Aufl. Leipzig: Crusius, 1777. Th. 1–5; Dritte verb. Aufl. Leipzig: Crusius, 1780–1782. Th. 1–24.

Наличие этого издания в России до 1785 г.: *Dahlgren 1784* (S. 46. № 829). Первое издание еженедельника мне недоступно. Кроме того, недоступным остается для меня и полный комплект всех последующих книжных переизданий, вышедших до 1785 г.[23] — поэтому в библиографических сведениях указывается лишь оригинальная часть (Theil) и номер (Stück) немецкого еженедельника, без указания страниц.

Вейссе приступил к выпуску «Der Kinderfreund» по предложению лейпцигского издателя Крузиуса, который искал замену И. Х. Аделунгу, только что закончившему выпускать «Leipziger Wochenblatt für Kinder». В еженедельнике «Der Kinderfreund» Вейссе помещал свои оригинальные сочинения, а также собственные переложения с английского и французского языков, при этом многие иностранные источники, использованные им, остаются до сих пор неустановленными.[24] Многочисленные переводы из «Der Kinderfreund» были помещены А. Беркеном в журнале «L'Ami des Enfans».[25]

---

[23] Список многочисленных переизданий с указанием местонахождения см. в кн.: *Hurrelmann B.* Jugendliteratur und Bürgerlichkeit: Soziale Erziehung in der Jugendliteratur der Aufklärung am Beispiel von Christian Felix Weißes «Kinderfreund» 1776–1782. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1974. S. 260–262.

[24] В последние годы усилилось внимание зарубежных исследователей к лейпцигскому просветителю, в частности, появились работы по изучению восприятия сочинений Вейссе в России. См., напр.: *Schulz C.* Eine nützliche und angenehme Lektüre: Christian Felix Weiße und die russische Literatur // Christian Felix Weiße und die Leipziger Aufklärung / Hrsg. von Katrin Löffler, Ludwig Stockinger. Hildesheim: Georg Olms, 2006. S. 31–70. Примечательно, что в указанной работе немецкая исследовательница не учитывает разыскания предшественников, а также сетует на то, что выявить все материалы в ДЧ, переведенные из «Der Kinderfreund», крайне затруднительно из-за большого объема немецкого и русского еженедельников.

[25] Подробнее см.: 1) *Martin A.* Notes sur l'*Ami des Enfants* de Berquin et la littérature enfantine en France aux alentours de 1780 // Dix-huitième Siècle. Paris, 1974. № 6

Kinderzeitung = Kinderzeitung / [Hrsg.: Christian Gottfried Böckh]. Nürnberg: Felßecker, 1780–1783. Bd. 1–14.

Наличие в библиотеках: Universitätsbibliothek Tübingen. Литература: *Uphaus-Wehmeier 1984* (по указателю).

Вклад баварского теолога Х. Г. Бека (1732–1792) в развитие детской периодики весьма велик, однако о нем до сих пор нет сколько-нибудь значительного исследования. Несколько переводов из еженедельного издания «Kinderzeitung» было помещено А. Беркеном в журнале «L'Ami des Enfans» («Jacquot», «Jacinthe», «Le forgeron», «Les bottes crottées»).

Kleine Kinderbibliothek = Kleine Kinderbibliothek, herausgegeben von J. H. Campe. Hamburg: Herold, 1779–1793. Bd. 1–24. (Bd. 1–13: Hamburg; Bd. 14: Wolfenbüttel; Bd. 15–24: Braunschweig); [2. Aufl.] Hamburg: Herold, 1782–1784. Th. 1–6. [= Bd. 1–12]

Наличие в библиотеках: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen (1. Aufl.); Staatsbibliothek zu Berlin (2. Aufl.). Все библиографические сведения приводятся по первому изданию, хотя русские переводчики ДЧ могли работать как с первым, так и со вторым изданием «Kleine Kinderbibliothek». А. С. Шишков, к примеру, одним из первых обратившийся к переводу «Детской библиотеки» И. Г. Кампе, работал со вторым изданием.[26] Многочисленные переводы из «Kleine Kinderbibliothek» были помещены А. Беркеном в журнале «L'Ami des Enfans».

Kleine Unterhaltungen = Kleine Unterhaltungen. Ein Weihnachtsgeschenk für Kinder / [Von G. C. Cl-us]. Leipzig: Böhme, 1780. [Th. 1].

(Lumières et Révolution). P. 299–308; 2) *Klingberg G.* L'oeuvre de Berquin. Problèmes et notes sur ses sources // Nous voulons lire! Pessac, 1983. Numéro spécial (Arnaud Berquin 1747–1791. Bicentenaire de *l'Ami des Enfants*). P. 50–63.

[26] Ср. слова переводчика в посвящении княгине Е. Р. Дашковой: «Милостивая государыня! Приимите благосклонно, сиятельнейшая княгиня, переведенную мною книжку; она не заключает в себе ни глубокого учения, ни высоких замыслов, ни важных рассуждений, но, простым и внятным слогом забавляя, учит детей благонравию. На немецком языке собрана оная из разных сочинителей и состоит в четырех частях. Я перевел первую часть…» (Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с онаго переведена г. *** [= А. С. Шишковым]. СПб., 1783. Ч. 1. С. 5). Подробнее о русском переложении см.: *Боленко К. Г.* «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестник МГУ. Сер. 8 (История). 1996. № 3 (Май–Июнь). С. 57–68.

142 S.; Kleine Unterhaltungen von G. C. Claudius. Leipzig: Böhme, 1783. Th. 2. 286 S.

Наличие в библиотеках: Staats- und Stadtbibliothek Augsburg (Th. 1); Universitätsbibliothek Augsburg (Th. 2). Наличие этого издания в России до 1785 г.: *Dahlgren 1784* (S. 92. № 1614). Литературный дебют молодого Г. К. Клаудиуса (1757–1815), вдохновленного сочинениями Х. Ф. Вейссе и Х. Г. Зальцманна, почти никогда не попадал в поле зрения немецких историков литературы.[27] Несколько переводов из «Kleine Unterhaltungen» было помещено А. Беркеном в журнале «L'Ami des Enfans» («Le Parvenu», «Abel»).

Lectures pour les enfans = Lectures pour les enfans, ou choix de petits contes, également propres à les amuser & à leur faire aimer la vertu / [Par A. Berquin]. Nouvelle édition, corrigée & augmentée. Genève: Bardin, 1780. T. 1–4. [1. éd. — Paris: Nyon, 1775; 2. éd. — Paris: Nyon, 1777. Pt. 1–2; 3. éd. — Paris: Bureau de *l'Ami des Enfans*, 1782(?); 4. éd. — Paris: Bureau de *l'Ami des Enfans*, 1785. Pt. 1–5.]

Известная хрестоматия А. Беркена (1747–1791), составленная преимущественно на основе извлечений из французских книг и журналов, выдержала по меньшей мере четыре тиснения до 1785 г. (исключая контрафактные издания, например, ивердонское издание 1781 г., в котором год напечатания предположительно указан задним числом), при этом каждое переиздание выходило с новыми добавлениями.[28] В первом и втором изданиях «Lectures pour les enfans» отсутствуют оригиналы переводов, выполненных русскими переводчиками для ДЧ. Отсюда можно заключить, что они пользовались третьим или четвертым парижским изданием, полный комплект которого мне не удалось отыскать ни в одной библиотеке

---

[27] Единственное исключение: *Wild R.* Die Vernunft der Väter: Zur Psychographie von Bürgerlichkeit und Aufklärung in Deutschland am Beispiel ihrer Literatur für Kinder. Stuttgart: J. B. Metzler, 1987 (по указателю). Впрочем, Р. Вильд не касается тех сочинений, которые привлекли внимание переводчиков ДЧ. О Клаудисе-драматурге см.: *Cardi C.* Das Kinderschauspiel der Aufklärungszeit: Eine Untersuchung der deutschsprachigen Kinderschauspiele von 1769–1800. Frankfurt/M. [etc]: Peter Lang, 1983. S. 246–251.

[28] Список переизданий «Lectures pour les enfans» до 1785 г. см в кн.: Bibliographie du genre romanesque français, 1751–1800 / [Par] A. Martin, V. G. Mylne, R. Frautschi. London: Mansell; Paris: France Expansion, 1977. P. 189–190 (№ 75.17). Этот список неполный. Так, например, в нем отсутствует женевское издание 1780 г.

мира (к примеру, в BNF третье издание отсутствует, а четвертое издание сохранилось неполностью). Когда вышло третье издание — достоверно не установлено: так, например, в журнале «L'Ami des Enfans» за 1782 г. был помещен анонс о выходе в свет трех частей «Lectures pour les enfans», а в 1783 г. — анонс о выходе четырех частей. В настоящей работе ссылки даны по женевскому (по всей вероятности, контрафактному) изданию 1780 г. (с фиктивным годом выхода в свет). Первое и второе издания «Lectures pour les enfans» были хорошо известны в России, свидетельством чему являются многочисленные книжные и журнальные переводы. В новиковских журналах 1780-х гг. (помимо ДЧ) можно отыскать по меньшей мере один перевод из хрестоматии Беркена.[29]

Lectüre für die erwachsene Jugend = Lectüre für die erwachsene Jugend zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens / [Hrsg.: Johann Gottfried Röchling]. Gießen: Krieger, 1779–1784. Th. 1–3. [Th. 1 (1779), Th. 2 (1779), Th. 3 (1784)].

Наличие в библиотеках: Staatsbibliothek zu Berlin (Th. 1, 2); Universitätsbibliothek Augsburg (Th. 1, 3). Это издание было составлено И. Г. Рехлингом (1748–1787), автором множества компиляционных сборников для детского чтения.

Lectüre für die kleine Jugend = Lectüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens / [Hrsg.: Johann Gottfried Röchling]. Giessen: Krieger, 1779–1787. Th. 1–6.[30] [Th. 1 (1779); Th. 2 (1779); Th. 3 (1782); Th. 4 (1784); Th. 5 (1786); Th. 6 (1787)].

---

[29] Старание детей угождать своим родителям / Перевел с французского Иван Тимковский // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч. 2. С. 166–168. = Les soins prévenans des enfans pour leurs pères / [Par M. Gessner] // *Lectures pour les enfans.* 1780. T. 1. P. 19–22.

[30] Части 4, 5, 6 вышли также под названием: Unterhaltungsbuch für Knaben und Mädchen. Gießen: Krieger, 1784–1787. Th. 1–3. В справочной литературе эти издания никогда не отождествлялись. Л. Геринг, например, упоминает «Lectüre für die kleine Jugend» и «Unterhaltungsbuch» как несвязанные между собой издания, сообщая при этом невероятно искаженные описания. См.: *Göhring L.* Die Anfänge der deutschen Jugendliteratur im 18. Jahrhundert. Nürnberg, 1904. S. 41 (Anm. 1); 45 (Anm. 2). Книга Л. Геринга издавна считается авторитетным руководством по немецкой детской литературе XVIII в.; к сожалению, в библиографической части книга изобилует большим количеством сведений, полученных из вторых рук, всевозможных искажений, стяжек и проч.

Наличие в библиотеках: Universitätsbibliothek Augsburg (Th. 1–3, 6); РНБ (Th. 2–6. Шифр: 6.43.6.8). Наличие этого издания в России до 1785 г.: *Dahlgren 1784* (S. 50. № 905). В первых четырех частях «Lectüre für die kleine Jugend» помещались преимущественно перепечатки из популярных детских еженедельников и антологий, однако уже в пятой части состав источников сильно изменился. В каком месяце 1786 г. вышла пятая часть, наверное, сказать трудно. Однако наличие в ней небольшого анекдота «Ein guter Knabe», заимствованного, вероятно, из майского номера журнала «Ephemeriden der Menschheit» за 1786 г., позволяет предположить, что пятая часть вышла в июне-июле 1786 г., а русские переводы появились уже в августе — налицо удивительная оперативность, учитывая то обстоятельство, что книга вышла в Гиссене.

Leipziger Wochenblatt für Kinder = Leipziger Wochenblatt für Kinder / [Hrsg.: Johann Christoph Adelung]. Leipzig: Crusius, 1772–1774. Bd. 1–9. St. 1 (1.10.1772) — St. 227 (26.12.1774); [2. Aufl.] Frankfurt und Leipzig [= Nürnberg?], 1783. Bd. 1–9.

Наличие в библиотеках: Staatsbibliothek zu Berlin (1. Aufl.); Stadt- und Landesbibliothek Dortmund (2. Aufl.); Частное собрание автора ([2. Aufl.] Bd. 4–9). Литература: *Uphaus-Wehmeier 1984* (по указателю).

«Лейпцигское еженедельное издание для детей», выходившее под наблюдением И. Х. Аделунга (1732–1806), произвело большое влияние на развитие детской периодики в Германии.[31] Составитель заимствовал материалы из нравоучительных еженедельников, различных книг и учебных пособий, например: «Lehrreiches Magazin für Kinder» Лепренс де Бомон (Leipzig, 1767), «Vorbereitung zur Erlernung der nützlichsten Wissenschaften» И. А. Мертенса (Augsburg, 1771), «Versuch eines Schulbuches» Ф. Э. Рохова (Berlin, 1772) и т. д. Помимо заимствованных материй Аделунг, возможно, помещал и собственные сочинения и переводы. Русские переводчики ДЧ, вероятнее всего, работали со вторым (книжным) изданием

[31] Подробнее о еженедельном издании «бессмертного Аделунга» (выражение Вейссе) см.: *Göbels H.* Das «Leipziger Wochenblatt für Kinder» (1772–1774): Eine Studie über die älteste deutschsprachige Kinderzeitschrift. Ratingen; Kastellaun; Düsseldorf: Aloys Henn Verlag, 1973.

«Leipziger Wochenblatt für Kinder» (1783). Тем не менее для понимания хронологического контекста того или иного сочинения приводим библиографические данные и по первому изданию.

Leydings Handbibliothek = Johann Diederich Leydings Handbibliothek für Kinder und junge Leute. Zur Ausbreitung der Religion, der Tugend, der Wahrheit, der Sitten, des Geschmacks und des Witzes. [1. Aufl.] Hamburg und Leipzig, 1768–1772. Th. 1–3;[32] Zwote vermehrte und verbesserte Ausgabe. Flensburg und Leipzig: Korte, 1777–1779. Bd. 1–3.

Наличие в библиотеках: Staatsbibliothek zu Berlin (1. Aufl.; Th. 1–2); Universitätsbibliothek Augsburg (2. Aufl.). Литература: *Uphaus-Wehmeier 1984* (S. 41–42). Русские переводчики ДЧ работали, вероятнее всего, со вторым (книжным) изданием. По предположению П. Древса (*Drews 2007*. S. 275), полный русский пер.: Ручная библиотечка для молодых людей обоего пола, любящих нравственное и чувствительное чтение. М., 1805. Ч. 1–3. Как показала проверка, «Ручная библиотечка» не имеет никакого отношения к «Leydings Handbibliothek» (на самом деле это собрание переводов из различных немецких альманахов: «Aglaia. Jahrbuch für Frauenzimmer auf 1802», и т. д.). «Leydings Handbibliothek» представляет собой компиляцию, составленную гамбургским педагогом И. Д. Лейдингом (1721–1781). В качестве источников составитель использовал нравоучительные еженедельники, например «Das Reich der Natur und der Sitten» (Halle, 1757–1762), «Der Nordische Aufseher» (Kopenhagen, 1758–1761), «Der Erinnerer» (Zürich, 1765–1767); а также многочисленные книги, например «Einige Schriften, zur Beförderung der Religion und Tugend, besonders bey Erziehung vornehmer Standespersonen» К. Ф. Кирхманна (Braunschweig, 1761), «Abhandlungen, Briefe, Geschichte und Fabeln aus der Sittenlehre» Дж. Спенса и др. авторов (Liegnitz, 1761), «Andachten in Betrachtungen, Gebeten und Liedern

[32] Первое издание вначале выходило понедельно, затем помесячно. Подробнее о первом издании см.: Deutsche Presse: Bibliographische Handbücher zur Geschichte der deutschsprachigen periodischen Presse von den Anfängen bis 1815 / [Hrsg. von] Hölger Böning. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann/Holzboog, 1996. Bd. 1 **(**Hamburg: Kommentierte Bibliographie der Zeitungen, Zeitschriften, Intelligenzblätter, Kalender und Almanache sowie biographische Hinweise zu Herausgebern, Verlegern und Druckern periodischer Schriften / [Von] H. Böning, E. Moepps. Bd. 1.2 (1766–1795). Sp. 867–870 (№ 370)**)**.

über Gott, seine Eigenschaften und Werke» И. А. Крамера (Schleswig/Kopenhagen, 1764–1768), «Historisches Magazin für den Verstand und das Herz» Г. К. Пфеффеля (Straßburg, 1764), «Kleine Beschäfftigungen für Kinder» Г. К. Функа (Kopenhagen, 1765), «Von der Erziehung» Р. Г. Цобеля (Greifswald, 1766), «Morgenländische Erzehlungen» Л. де Совиньи (Zürich, 1766) и проч. В ДЧ было помещено незначительное количество переводов из «Leydings Handbibliothek». В. С. Подшивалов исправил этот недостаток в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» (1791–1793); при этом только часть переводов была помечена издателем как заимствованная из «Leydings Handbibliothek». Несколько переводов из хрестоматии Лейдинга можно обнаружить и в анонимном сборнике «Детские забавы» (М., 1792).

Moralische Erzählungen für die Jugend = Moralische Erzählungen für die Jugend. Ein Wochenblatt / Von Timotheus Kühl, des Lübeck. Hochw. Ministerii Kandidat. Lübeck: Donatius, 1782–1783. [St. 1] (2. Oct. 1782) — [St. 25] (19. März 1783). 400 S.

Наличие в библиотеках: Bibliothek der Hansestadt Lübeck. Литература: *Uphaus-Wehmeier 1984* (по указателю; немецкая исследовательница пользовалась экземпляром из частного собрания Э. Штробаха). Автором нравоучительного еженедельника для юношества был молодой немецкий пастор Т. Кюль (1756 — после 1802). Список подписчиков на его еженедельник открывает «Herr General Major von Beckleschow». Возможно, это был генерал-майор Ал. Анд. Беклешов (1743/45–1808), командир Шлиссельбургского пехотного полка и впоследствии рижский губернатор. В немецких библиографических справочниках отмечается также существование параллельного (?) издания: Moralisches Wochenblatt für die Jugend. Hamburg: Matthießen, 1782–1783 (Sept.).[33] Продолжение любекского еженедельника: Moralische Erzehlungen für Jünglinge und Mädchen [Eine Monatsschrift]. Hamburg und Leipzig: Matthießen, 1783 (Oct.)–1784 (März).

Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder = Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder / [Hrsg.: Johann Lorenz Benzler]. Hannover: Hel-

[33] Ibid. Sp. 1206–1207 (№ 533).

wing, 1774–1776. Jg. 1–3; [2. Aufl.] Neue verbesserte Auflage. Bremen: [Cramer], 1779–1784. Th. 1–6.

Наличие в библиотеках: Leibniz Bibliothek Hannover (1. Aufl.); Wessenberg-Bibliothek Konstanz, Landesbibliothek Coburg (2. Aufl.). Литература: 1) *Brüggemann T.* …keinen Groschen für einen «Orbis pictus». Anmerkungen zu einer Kinderkomödie aus dem 18. Jahrhundert // Die Schiefertafel. Hamburg, 1978. Jg. 1. H. 1. S. 19–58; 2) *Uphaus-Wehmeier 1984* (по указателю); 3) *Stückemann F.* Johann Moritz Schwager (1738–1804): Ein westfälischer Landpfarrer und Aufklärer ohne Misere. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2009. S. 181–196. Русские переводчики ДЧ работали, вероятнее всего, со вторым (книжным) изданием. Редактор еженедельника, И. Л. Бенцлер (1747–1817), помещал в своем издании не только материалы, заимствованные из других журналов и книг, но и оригинальные сочинения немецких авторов (например, И. М. Швагера). Для републикаций составителем использовались, в частности, следующие издания: «Unterredungen zum Unterricht lehrbegieriger Kinder» Ф. Мартини (Berlin, 1773), «Emiliens Unterredungen mit ihrer Mutter» мадам д'Эпине (Leizpig, 1775), «Kinderschauspiele» А. Роде (Leipzig, 1776) и др. По меньшей мере два русских перевода из еженедельника Бенцлера можно отыскать в журнале «Покоящийся Трудолюбец».[34] Среди книг, взятых у Н. И. Новикова, находились между прочим и рукописные переводы из «Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder» (часть переводов, по-видимому, осталась неопубликованной, например, «Ионафан и Бенони»).[35]

Pädagogische Unterhandlungen = Pädagogische Unterhandlungen, herausgegeben von J. B. Basedow und J. H. Campe. Dessau, 1777–1784. Jg. 1–5.

---

[34] 1) Победа честности над склонностью ко злу, истинная повесть для детей // ПТ. 1784. Ч. 1. С. 203–208. = Sieg der Rechtschaffenheit über die Verführung zum Bösen. Eine wahre Geschichte // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder.* [2. Aufl.] 1780. Th. 2. S. 139–144; 2) Смертный одр / Перевел с немецкого Иван Алферов // ПТ. 1784. Ч. 2. С. 176–179. = Das Sterbebette // Ibid. [2. Aufl.]. 1781. Th. 4. S. 319–322.

[35] Подлинные реестры книгам, взятым, по высочайшему повелению, из палат Н. И. Новикова в Московскую духовную и светскую цензуру // ЧОИДР. 1871. Кн. 3. Отд. V («Смесь»). С. 23. № 73 (Ионафан и Бенони, вечерний разговор); № 74 (Щастие из нещастия, повесть).

Микрофишная репродукция: Hildesheim: Georg Olms (Deutsche Zeitschriften des 18. und 19. Jahrhunderts. № 636). Журнал, первоначально выходивший помесячно, а затем поквартально (зачастую с большой нерегулярностью), до сих пор остается малоизученным.[36] Несколько переводов из «Pädagogische Unterhandlungen» было помещено А. Беркеном в журнале «L'Ami des Enfans» («Le luth de la montagne», «L'École militaire. Drame en un acte»).

Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde = Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde / [Von Christian Gotthilf Salzmann]. Leipzig: Crusius, 1778–1787. Bd. 1–8.

Наличие в библиотеках: Bayerische Staatsbibliothek München. Литературный дебют Х. Г. Зальцманна (1744–1811) до сих пор остается малоизученным,[37] несмотря на огромную научную литературу, посвященную немецкому педагогу и писателю.[38] Несколько русских

---

[36] Из немногочисленной литературы см., напр.: *Gebhardt J.* Die Dessauer «Pädagogischen Unterhandlungen» (1777–1784) — ein wissenschaftliches Diskussionsorgan von hohem Rang // Wissenschaftliche Zeitschrift / [Hrsg. von der] Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. 1992. [Jg.] XXXXI. № 4. S. 15–20. Журнал, первоначально выходивший под редакцией Базедова и Кампе, представлен современным исследователем как важная веха филантропизма; при этом филантропизм неизбежно рассматривается им с традиционно-догматических позиций. Работы, в которых представлено критическое восприятие этого течения, чрезвычайно малочисленны и часто замалчиваются, как, например, следующая монография американского ученого: *Flygt S. G.* The Notorious Dr. Bahrdt. Nashville: Vanderbildt, 1963.

[37] См.: *Stach R.* Christian Gotthilf Salzmanns «Unterhaltungen für Kinder- und Kinderfreunde». Eine Bestandsaufnahme // Pädagogische Rundschau. 1999. № 2. S. 169–187.

[38] См., напр.: C. G. Salzmann-Bibliographie / Hrsg. von Wolfgang Pfauch und Reinhard Röder. Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1981. Из крупных работ последнего времени см.: *Schaubs C.* Die Erziehungsanstalt in Schnepfenthal im Umfeld geheimer Sozietäten: Ein Beitrag zum Leben und Werk Christian Gotthilf Salzmanns. Nordhausen: Verlag Traugott Bautz, 2005. Помимо переводов из «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» на русский язык переводились и другие сочинения Зальцманна, напр.: 1) «Anweisung zu einer, zwar nicht vernünftigen, aber doch modischen Erziehung der Kinder» (Erfurt, 1780. Многочисленные дополненные и переработанные издания под названием «Krebsbüchlein…». Рус. пер.: О неблагоразумном и превратном домашнем воспитании детей. В примерах, по способу Сальцмана. Книга для родителей и наставников / [Перевел А. И. Стойкович]. СПб., 1831. Ч. 1–2); 2) «Moralisches Elementarbuch» (Leipzig, 1782–1783. Из этого издания Беркен поместил три перевода в «L'Ami de l'Adolescence»: «Le Procès», «Le temps perdu et

переводов из «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» были помещены в анонимном сборнике «Детские забавы» (М., 1792): «Неосторожное дитя», «Наказанное лакомство», «Благоразумная строгость», «Маленький братец» и т. д. Множество французских переводов было выполнено А. Беркеном: 1) в журнале «L'Ami des Enfans» («Le petit frère», «La neige», «Le serin», «Joseph», «Clémentine et Madelon», «Le fermier», «La petite fille trompée par sa servante», «Le nid de moineaux», «La poule», «Le grand jardin», «La petite babillarde», «Le menteur corrigé par lui-même», «Pascal», «L'École des marâtres. Drame en un acte»); 2) в хрестоматии «Lectures pour les enfans» (4. éd. 1785. Pt. 5): «La justice et la clémence de Dieu», «La resignation», «La prière»; 3) в переведенном с голландского романе «Le petit Grandisson» (1787), оригинальный текст которого Беркен распространил вставными новеллами, заимствованными из немецкого сборника «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» («Les avantages du travail»), английской повести «William Sedley; Or, the Evil Day Deferred» ([By Mary Ann Kilner]. London: Marshall, [1783]) и др. сочинений.

Детское чтение. 1785. Ч. 1. № 1–13

Повесть о Селеме и Ксамире // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 1. С. 8–16; № 2. С. 17–32; № 3. С. 33–42.

→ Erzehlung vom Selem und Xamir / [Von T. Kühl] // *Moralische Erzählungen für die Jugend*. 1782. [St. 1] (2. October). S. 5–16; [St. 2] (9. October). S. 17–31.

В ДЧ обнаружено три повести, которые восходят к немецкому еженедельнику Т. Кюля (знаком → здесь и далее отмечается издание, к которому восходит тот или иной текст посредством перевода,

---

regagné», «L'Orgueil puni»; 3) «Conrad Kiefer, oder Anweisung zu einer vernünftigen Erziehung der Kinder. Ein Buch fürs Volk» (Schnepfenthal, 1796. Рус. пер.: Конрад Кифер, или Наставление благоразумного воспитания детей. Сочинение К. Г. Зальцмана. М., 1863); 4) «Der Himmel auf Erden» (Schnepfenthal, 1797. Рус. пер.: Небо или Блаженство на земле. Сочинение Христиана Готтгильфа Зальцманна, директора училища воспитания в Шнефентале. В сельце Грязь, перевел с немецкого языка Яков Благодаров. М., 1803–1804. Кн. [1]–4). В 2010–2013 гг. немецкое издательство эзотерической литературы «Reichl» выпустило «Krebsbüchlein/Ameisenbüchlein» и «Der Himmel auf Erden» в новых русских переводах.

перепечатки или модификации, а знаком = обозначается реальный источник). Текстуальные различия, существующие между переводами в ДЧ и немецкой версией, заставляют предположить, что либо русский переводчик пользовался неустановленным источником, в котором были модифицированно перепечатаны отдельные статьи из «Moralische Erzählungen für die Jugend», либо перед нами пример переводческой вольности.

Прогулка / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 3. С. 43–47.[39]

= Der Spaziergang / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1780. [Th. 1]. S. 15–19.[40]

Смертная постеля // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 3. С. 47–48; № 4. С. 49–50.

= Das Sterbebette / [Von C. G. Salzmann] // *Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*. 1778. Bd. 1. S. 123–125.

Разговор между отцем и детьми // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 4. С. 50–57.

= Eine angenehme Nachricht für meine Leser und Leserinnen // *Kinderzeitung*. 1780. Bd. 2. № 8 (20. November). S. 113–122.

Четыре времяна года // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 4. С. 58–60.

= Die vier Jahrszeiten // *Kinderzeitung*. 1780. Bdch. 2. № 8 (20. November). S. 122–126.

→ Die vier Jahrszeiten / [Von] C. [= J. H. Campe] // *Kleine Kinderbibliothek*. 1779. Bd. 1. S. 21–24.[41]

Восточная сказка // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 4. С. 61–64; № 5. С. 65–67.

= Ein orientalisches Märchen // *Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder*. 1783. Samml. 6. S. 22–27.

→ [Ein orientalisches Märchen] («Ein gewisser Sultan in Aegypten Bensaid, hatte einen einzigen Sohn…») // *Der Kinderfreund*. 1781. Th. 24. St. CCCXIX (11. August).

---

[39] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 73–77.

[40] Перевод Беркена: Le Parvenu // L'Ami des Enfans, Par M. Berquin. Paris, 1782. № 9 (Septembre). P. 51–64.

[41] Перевод Беркена: Les Quatre Saisons // L'Ami des Enfans, Par M. Berquin. Paris, 1782. № 1 (Janvier). P. 22–30. Сведения о том, что русский текст есть перевод из «Kleine Kinderbibliothek»: *Бекетова Н. А.* Очерк русской детской журналистики (1785–1855) // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855). М., 1927. Т. 1. Вып. 1. С. 94.

→ The Contemplant. An Eastern Tale // The Universal Magazine. 1772. Vol. 50. Febr. P. 63–65. [Переделка рассказа о Бозальдабе из: The Adventurer. 1753. № LXXVI (July 28)] — *Левин 1967* (С. 94. № 182).

Осенняя повесть // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 5. С. 68–70.

= Eine Herbsterzählung // *Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder*. 1783. Samml. 5. S. 82–84.

Разговор между братом и сестрою / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 5. С. 70–74.[42]

= Eine Unterredung zwischen Bruder und Schwester // *Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder*. 1782. Samml. 3. S. 35–40.[43]

→ Schreiben eines Frauenzimmers an ihre Freundinn, den Unterricht überhaupt betreffend. Nebst einer kleinen Kinderphilosophie / [Von Elise Reimarus] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1778. St. 9. S. 812–816 [1. Gespräch].[44]

Второй разговор между братом и сестрою / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 5. С. 75–80.[45]

= Zwote Unterredung zwischen Bruder und Schwester // *Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder*. 1782. Samml. 3. S. 58–65.

→ Schreiben eines Frauenzimmers an ihre Freundinn, den Unterricht überhaupt betreffend. Nebst einer kleinen Kinderphilosophie / [Von Elise Reimarus] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1778. St. 9. S. 816–819 [2. Gespräch].

---

[42] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 19–23.

[43] Другой перевод: Разговор брата с сестрою // Детския забавы. 1792. Ч. 1. С. 12–19.

[44] Сведения о том, что автором письма и «Первого опыта детской философии» является Элиза Реймарус (многочисленные детские сочинения которой под инициалами «E. R.» были впоследствии напечатаны Кампе в «*Kleine Kinderbibliothek*»), впервые введены в оборот американской исследовательницей А. Шпалдинг. См.: *Spalding A.* Elise Reimarus (1735–1805), The Muse of Hamburg: A Woman of the German Enlightenment. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. P. 220 (Note 6); 222–229. Основание для атрибуции: письмо Элизы Реймарус, адресованное Августу Хеннингсу, от 1 мая 1778 г. (Ibid. P. 223 (Note 10)).

[45] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 39–44 («Брат и сестра. Разговор»).

Орех и листок. Басня // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 5. С. 80.

= Die Nuß und das Blatt // *Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder*. 1782. Samml. 4. S. 68.

Суд над детьми // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 6. С. 81–95; № 7. С. 97–103.

→ Aegyptisches Gericht über die Kinder / [Von T. Kühl] // *Moralische Erzählungen für die Jugend*. 1782. [St. 3] (16. Oct.). S. 33–48; [St. 4] (23. Oct.). S. 49–51.[46]

Пример детской любви // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 7. С. 106–111.

= Die kindliche Liebe, eine wahre Geschichte / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1780. [Th. 1]. S. 126–131.[47]

Басня («Подсолнечник, возвышаясь над маленькими цветочками…») // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 7. С. 112.

= Eine Fabel («Die Sonnenblume hub ihr Haupt…») / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1783. Th. 2. S. 28–29.

Разговор между отцом и сыном о снеге // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 8. С. 113–128; № 9. С. 129–133.

→ Der Winter. Ein Gespräch zwischen Wilhelm und seinem Hofmeister Dorant // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1774. St. 4 (22. Jan.). S. 49–61; St. 5 (29. Jan.). S. 65–75; [2. Aufl.] 1779. Th. 1. S. 37–47; 49–57.

[Объявление] // ДЧ. 1785. Часть 1. № 9. С. 144.

Объявление о выходе в свет книжки: Остров надежды. Иносказание для детского чтения. Иждивением Типографической компании. М.: В вольной типографии И. Лопухина, 1785. Источник: Die Hofnungs-Insel. Eine Parabel / Von J. J. Heß. Zürich, 1780; [2. Aufl.] Zürich, 1783.

[Примеры великих людей, из истории: 1. Сократ; 2. Кир] // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 10. С. 145–159; № 11. С. 161–175; № 12. С. 177–179.

→ Jugendgeschichte des Cyrus // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1774. St. 10. S. 129–140; St. 11. S. 145–158; [2. Aufl.] 1779. Th. 1. S. 99–107; 111–120.

---

[46] Модифицированная перепечатка: Das Gericht über Kinder / [Von] Kühl // *Kleine Kinderbibliothek*. 1783. Bd. 9. S. 58–65.

[47] Другой перевод: Детская любовь, справедливая история // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. Октябрь. С. 149–153.

[Анекдот из Кировой истории] // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 12. С. 179–188.

→ Einige Anekdoten vom Cyrus // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1774. St. 18; [2. Aufl.] 1779. Th. 1. S. 207–219; 299–308.

Любовь за любовь // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 12. С. 188–192.

= Liebe um Liebe / [Übersetzt von] C. [= J. H. Campe] Nach dem Französischen des Herrn von Saint-Lambert // *Kleine Kinderbibliothek*. 1779. Bd. 1. S. 159–162.

→ Le besoin d'aimer & d'être aimé / [Par M. de Saint-Lambert] // *Lectures pour les enfans*. [1. éd.]. Paris, 1775; [2. Ed.] Paris, 1777. Pt. 1. P. 34–40. — *Рак 1998* (С. 21).

→ Le besoin d'aimer // Les Saisons, Poëme / [Par Saint-Lambert]. 3e éd., corrigée et augmentée. Amsterdam, 1771. — Третье издание не просмотрено de visu. В первом издании 1769 г. указанная басня отсутствует. Другие русские переводы: *Рак 1998* (С. 21).

[Повесть о смерти Кировой] // ДЧ. 1785. Ч. 1. № 13. С. 193–198.

→ Tod des Cyrus // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1774. St. 32. S. 493–499; [2. Aufl.] 1780. Th. 2. S. 71–75.

Детское чтение. 1785. Ч. 2. № 14–26

Достопамятная повесть о некотором купце // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 14. С. 3–15.

= *Merkwürdige Geschichte eines Kaufmanns // Oberrheinische Unterhaltungen für Kinder. Strasburg, 1782. Zweites Vierteljahr. St. 25–26.[48]

→ Merkwürdige Geschichte eines Kaufmanns. (Aus dem Französischen) / [Übersetzt von] P. C. B. // Hannoverisches Magazin. 1779. St. 27 (2. April). Sp. 417–430. (Перевод из «Magasin des adolescentes» М. Лепренс де Бомон).

О братской любви // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 15. С. 17–27.

= *Von der brüderlichen Zuneigung // Geschenk für die Jugend auf das Jahr 1783. Straßburg, 1782. S. 59–69. [= Taschenbuch für Kinder und junge Leute. Th. 2].

[48] Здесь и далее звездочкой (*) отмечены издания, не просмотренные de visu.

Рецепт для молодых девушек // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 15. С. 27–29.

→ Eine vortrefliche Schminke, besonders für junge Frauenzimmer // *Leipziger Wochenblatt für Kinder*. 1773. Bd. 4. St. 102. S. 206–208. [2. Aufl.] 1783. Bd. 4. St. 102. S. 180–182.[49]

Пример правосудия и детской любви // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 15. С. 29–32.[50]

= Edle Gerechtigkeit eines jungen Türken // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1775 (Jg. 2); [2. Aufl.] Th. 4 (1781). S. 58–62.

→ Exemple de Justice Turque / [Par] D. L. P. [= Pierre-Antoine de La Place, 1707–1793] // Mercure de France. 1768. Février. P. 28–30.

→ George Faulkner. The Dublin Journal. 1747. № 2156 (Nov. 10 — Nov. 14). [P. 1]. — Популяризация анекдота: A Turkish story published at Dublin on occasion of the laudable care of a chief magistrate of that metropolis, in punishing the vile abuse of false weights and measures // The Gentleman's Magazine. 1747. Nov. P. 530 (многочисленные перепечатки в английских изданиях).[51]

Разговор между отцом и детьми о кофе / [Перевел с нем. А. А. Петров] // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 16. С. 33–44.

= Ein Gespräch beym Kaffetisch vom Kaffe // *Kinderzeitung*. 1780. Bd. 2. № 4 (23. October). S. 49–56; № 5 (30. October). S. 65–73.

О сахаре // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 17. С. 57–61.

= Geschichte des Zuckers // *Kinderzeitung*. 1780. Bd. 2. № 6 (6. November). S. 81–87.

Два работника // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 17. С. 63–64.

= Die beiden Arbeiter / [Von] Moritz // *Kleine Kinderbibliothek*. 1781. Bd. 7. S. 40–41.

→ Unterhaltungen mit meinen Schülern / Von M. Carl Philipp Moritz, Conrector am grauen Kloster zu Berlin. Berlin, 1780. Bd. 1. S. 132–133.

---

[49] Многочисленные перепечатки в компилятивных изданиях: 1) *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 1; 2) Neujahrsgeschenk für Kinder von einem Kinderfreunde. Für das Jahr 1780. Frankfurt, [1779], и т. д.

[50] Модифицированная перепечатка: Пример правосудия и сыновней любви // Прохладные Часы. 1793. Ч. 2. Декабрь. С. 461–464.

[51] Другой русский перевод, восходящий к английской периодике: Арабская история / Перевел с латинского языка В. М. [= В. Малиновский?] // Утренний Свет. 1780. Ч. IX. Июнь. С. 117–119.

Щастливое знакомство. Басня // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 17. С. 64.

→ Die glückliche Vereinigung // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1774. Bd. 7. St. 171; [2. Aufl.] 1783. Bd. 7. St. 171. S. 131.

→ The Happy Union // Original Fables. By the Reverend John Kidgell <…>. London, 1763. Vol. 2. P. 147.

О птичьей ловле в Норвегии // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 19. С. 92–95.

= Die Vögeljagd in Norwegen // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder.* 1774. St. 3. S. 43–47; [2. Aufl.] 1779. Th. 1. S. 32–36.

→ Die Vögeljagd in Norwegen // Mannigfaltigkeiten. Eine gemeinnützige Wochenschrift. Berlin, 1770 (1. Jg.). 2. Viertelj. 26. Woche (24. Februar). S. 405–408.

→ Farlig Fuglefangst paa nogle Steder // Det første Forsøg paa Norges Naturlige Historie… / Af Erich Pontoppidan. Kiøbenhavn, 1753. D. 2. S. 97–104. [нем. пер.: Kopenhagen, 1754; Kopenhagen und Hamburg, 1765].

Повесть о двух верных друзьях // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 20. С. 108–112.

= Geschichte zweier treuen Freunde / [Von] C. [= J. H. Campe] // *Kleine Kinderbibliothek.* 1779. Bd. 1. S. 99–103. — *Drews 1996* (S. 224. № 581).

→ Kinderzeitung // *Pädagogische Unterhandlungen.* 1778. St. 8. S. 742–745.

Переписка отца с сыном о деревенской жизни; Письмо от отца к сыну // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 21. С. 113–125; № 22. С. 129–142; № 23. С. 145–160; № 24. С. 161–170; Ч. 3. № 33. С. 108–112; № 34. С. 113–116.

= Ferdinands Aufenthalt auf dem Lande / [Von C. G. Salzmann] // *Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*. 1781. Bd. 4. S. 61–196.

Смешной способ ловить обезьян // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 21. С. 126.

= Der possierliche Affenfang / [Von] C. [= J. H. Campe] // *Kleine Kinderbibliothek.* 1779. Bd. 1. S. 75–77. — *Drews 1996* (S. 224–225. № 581).[52]

[52] В русском переводе выпущен перевод басни «Der Sklav und der Affe» (S. 76–77). Эта басня блистательно переведена А. С. Шишковым («Обезьяна и невольник»).

→ Kinderzeitung // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1778. St. 9. S. 854–857.

→ La Chasse au Singe. Fable en forme de Dialogue // L'Espagne Littéraire, Politique et Commerçante. Année 1774. Paris, [1774]. T. 2. № VI. P. 69–72. Перепечатка: L'Esprit des Journaux. 1774. 30 Juillet. P. 177–179.[53]

Разговор между отцом и детьми о громе // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 25. С. 177–186.

= Unterredung über die Entstehung der Gewitter // *Kinderzeitung*. 1780. Bd. 1. № 7 (14. August). S. 99–111.

Два неравные брата / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 26. С. 200–204.[54]

= Die beyden ungleichen Brüder / Nach dem Französischen des Herrn Monget. [Übersetzt von] C. [= J. H. Campe] // *Kleine Kinderbibliothek*. 1784. Bd. 10. S. 12–15.

→ Les deux petits Paysans («J'ai vu deux petits Paysans / En Picardie, ils étoient frères…») // Les Hochets Moraux, ou Contes pour la première Enfance <…>. Par M. Monget. Paris, 1781. [Pt. 1]. P. 28–33.

Чувствования после грому // ДЧ. 1785. Ч. 2. № 26. С. 204–205.

= Nach einem Gewitter / [Von] Geßner // *Kleine Kinderbibliothek*. 1780. Bd. 5. S. 80–82.

→ *Geßner S.* Damon. Daphne. — *Рак 1995* (С. 218); *Drews 1996* (S. 231. № 659).

Детское чтение. 1785. Ч. 3. № 27–39

Дружба // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 27. С. 3–8.[55]

= Die Freundschaft // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1775 (Jg. 2); [2. Aufl.] Th. 4 (1781). S. 105–111.[56]

---

[53] Другой русский перевод, выполненный через иной источник, но восходящий к «L'Espagne Littéraire»: Ловля обезьян / Мишель Кампилло, испанец // Минерва. 1807. Ч. 4. Январь. С. 68–70. Источник: La Chasse aux Singes. Fable / [Par] Dom Michel Campillo, espagnol // Almanach des Prosateurs. Quatrième Année. Paris, An XIII. — 1805. P. 33–35.

[54] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 17–20.

[55] Модифицированная перепечатка: Дружба. Повесть // Прохладные часы. 1793. Ч. 2. Декабрь. С. 466–472.

[56] Перепечатка: Die Freundschaft // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 1. S. 64–72.

→ Allégorie sur l'Amitié // Mélanges de littérature orientale <…>. Par M. Cardonne. Paris, 1770. T. 1. P. 78–87.

О подражании родителям // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 27. С. 8–16.

= Von der Nachahmung der Aeltern // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder.* 1775 (Jg. 2); [2. Aufl.] Th. 4 (1781). S. 324–334.[57]

О побуждении диких животных к сохранению жизни // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 27 [= 28]. С. 17–32; № 29. С. 33–39.

= Von den Trieben der wilden Thiere zu ihrer Erhaltung[58] // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder.* 1776 (Jg. 3). St. 43. S. 673–685; St. 44. S. 689–704; St. 45. S. 705–713; [2. Aufl.] Th. 6 (1783).[59]

→ Von den Trieben der wilden Thiere / [Von] M. [= Georg Friedrich Meier] // Das Reich der Natur und der Sitten, eine moralische Wochenschrift. Halle, 1759. Th. 5. St. 178. S. 353–368; St. 181. S. 385–400; Th. 6. St. 185. S. 33–48.

Пример честности и благодарности // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 29. С. 40–44.

= Beyspiel außerordentlicher Ehrlichkeit und Dankbarkeit // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder.* 1776 (Jg. 3); [2. Aufl.] Th. 5 (1784). S. 175–179.

→ Beyspiel einer seltenen Ehrlichkeit und Dankbarkeit, in einer kleinen Geschichte // Neue Mannigfaltigkeiten. Eine gemeinnützige Wochenschrift. Berlin, 1773 (1. Jg.). 1. Quartal. 13. Woche (21. August). S. 196–201.[60] (Перевод из « Lettres du Marquis de Roselle » М. Лепренс де Бомон). (Paris; Londres, 1764. Pt. 2. P. 9–17).

---

[57] Перепечатка: Von der Nachahmung der Aeltern // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 2. S. 104–112.

[58] Ф. Штюкеманн ошибочно атрибутирует эту статью И. М. Швагеру. См.: *Stückemann F.* Johann Moritz Schwager (1738–1804): Ein westfälischer Landpfarrer und Aufklärer ohne Misere. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2009. S. 570. Монография немецкого исследователя содержит много ценных сведений о «Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder» и И. М. Швагере, поместившем несколько своих сочинений на страницах ганноверского еженедельника для детей, однако некоторые атрибуции Ф. Штюкеманна носят, к сожалению, произвольный характер.

[59] Перепечатка: Von den Trieben der wilden Thiere zu ihrer Erhaltung // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 1. S. 140–150; 156–169; 262–268.

[60] Другие модифицированные перепечатки из «Neue Mannigfaltigkeiten»: 1) Beyspiel einer seltenen Ehrlichkeit // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1773. Bd. 3. St. 52.

Меналк. Пастушеская повесть // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 29. С. 44–47.

= Menalk // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder.* 1775 (Jg. 2); [2. Aufl.] Th. 4 (1781). S. 173–177.

→ Menalk. Eine griechische Erzählung / [Von J. F. A. Kazner, 1732–1798] // Die Schreibtafel. Mannheim, 1774. Erste Lieferung. S. 9–13.[61]

Безумной скупец // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 29. С. 47–48.

→ Der Geizige, als der größte Thor // Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen / Von Friedrich Eberhard von Rochow, Erbherrn auf Reckan etc etc. Frankfurt, 1779. Th. 2. S. 37–38.

Разговор («Сакхарисса была девушка лет пятнадцати…») // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 30. С. 49–56.

= Eine Unterredung // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1777. Th. 2. S. 118–129.

→ A Conversation // A father's instructions to his children: consisting of tales, fables, and reflections… / [By Thomas Percival]. London: Printed for J. Johnson, 1777. Part 2. P. 166–182. (Далее английское издание дается сокращенно: *A father's instructions to his children*).

Лжец // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 30. С. 57–59.

= Lügen // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1776. [Th. 1]. S. 114–118.

→ Lying // A father's instructions to his children. 1776. [Part 1]. P. 174–180.

Истинныя радости в жизни // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 30. С. 59–62.

= Die wahren Freuden des Lebens // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1777. Th. 2. S. 9–13.

→ The true Enjoyments of Life // A father's instructions to his children. 1777. Part 2. P. 3–9.

Великодушные соперники, или ревность без зависти // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 30. С. 63–64.

S. 1–8; 2) Beyspiel einer seltenen Ehrlichkeit und Dankbarkeit in einer kleinen Geschichte // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1782. Th. 3. S. 316–322.

[61] Автор немецкого текста установлен по репубикации: Menalk // Fabeln, Epigrammen und Erzählungen. Von Joh. Fridr. August Kazner. Frankfurt am Mayn, 1786. S. 319–323.

= Nebenbuhlerschaft ohne Feindschaft; Nacheifer ohne Neid / Cicero // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1777. Th. 2. S. 59–62.

→ Rivalship without Enmity; Emulation without Envy / Cicero // A father's instructions to his children. 1777. Part 2. P. 80–83.

Ликас. Пастушеская повесть // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 31. С. 76–78.

→ Lykas. Eine Idylle / [Von] Krauseneck // Hamburgisches Wochenblatt für Kinder, von Johann Hinrich Röding. 1775. Bd. 2. S. 7–9.

→ Lykas. Eine Idylle / [Von] Krauseneck [= Johann Christoph Krauseneck, 1738–1799] // Taschenbuch für Dichter und Dichterfreunde. Leipzig, 1774. Dritte Abth. S. 56–58.

Доверенность к тому, кто всегда говорит правду // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 31. С. 79–80.

= Die Ehre und der Vortheil einer standhaften Anhänglichkeit an Wahrheit // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1776. [Th. 1]. S. 41–42.

→ The Honour and Advantage of a Constant Adherence to Truth // A father's instructions to his children. 1776. [Part 1]. P. 68–70.

Неумеренность // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 32. С. 81–86.

= Gewohnheiten der Sinnlichkeit in Essen und Trinken können in früher Jugend angekommen werden // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1777. Th. 2. S. 72–79.

→ Habits of Sensuality may be formed in early Youth // A father's instructions to his children. 1777. Part 2. P. 98–109.

Легковерность // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 32. С. 86–89.

= Gutherzige Leichtgläubigkeit // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1777. Th. 2. S. 41–44.

→ Good-natured Credulity // A father's instructions to his children. 1777. Part 2. P. 52–57.

Красота и безобразие // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 32. С. 89–91.

= Schönheit und Häßlichkeit // *D. Thomas Percival's Unterricht für seine Kinder.* 1777. Th. 2. S. 147–149.

→ Beauty and Deformity // A father's instructions to his children. 1777. Part 2. P. 206–209.

Два неравные брата («В италиянском городе Ливорне были два мальчика…») // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 32. С. 91–95.

= *Zwei ungleiche Brüder // Geschenk für die Jugend auf das Jahr 1784. Straßburg, 1783. S. 14–17 (= Taschenbuch für Kinder und junge Leute. Th. 3).

Канарейка / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 32. С. 95–96; № 33. С. 97–103.[62]

= Der arme Kanarienvogel / [Von C. G. Salzmann] // *Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*. 1781. Bd. 4. S. 1–11.[63]

Непризнательность / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 33. С. 103–108.[64]

= Das zurückhaltende Kind («Martin hatte einen sehr guten Vater…») / [Von C. G. Salzmann] // *Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*. 1782. Bd. 5. S. 30–36.

Письмо от отца к сыну / [От автора «Переписки отца с сыном о деревенской жизни»] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 33. С. 108–112; № 34. С. 113–116.

= Ferdinands Aufenthalt auf dem Lande / [Von C. G. Salzmann] // *Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*. 1781. Bd. 4. S. 61–196. Начало см.: ДЧ. 1785. Ч. 2. № 21. С. 113–125.

Описание большой пещеры в Дербиширских горах // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 34. С. 116–127.

→ Reisen eines Deutschen in England im Jahr 1782 / In Briefen an Herrn Direktor Gedike von Carl Philip Moritz. Berlin: Maurer, 1783. S. 211–225.[65] — *Drews 1996* (S. 242. № 778).

---

[62] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 3–10.

[63] Перевод Беркена: Le Serin // L'Ami des Enfans. Par M. Berquin. Paris, 1782. No. 2 (Février). P. 5–23. Обратный перевод на немецкий язык: Der Kanarienvogel. Eine Erzählung / Nach dem Französischen des Herrn Berquin. [Von] W. und A. // *Kleine Kibderbibliothek*. 1783. Bd. 9. S. 21–30.

[64] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 26–31.

[65] Другой, более ранний, перевод, восходящий к книге К. Ф. Морица: Описание большой пещеры в Дербиширских горах / (Сие описание взято из писем одного новейшаго путешественника) // Прибавление к Московским Ведомостям. 1784. № 25. С. 199–200; № 26. С. 201–208. Источник: Beschreibung der großen Höle im Gebirge von Derbyshire / Berlin. C. P. Moritz // Hamburgische Addreß-Comtoir-Nachrichten. 1783. St. 100 (22. December). S. 793–795; St. 101 (29. December). S. 801–802.

Реальный источник до сих пор не установлен. Существует мнение (*Рак, Соколинский 2000*. С. 62. № 13717), что источником данного перевода является «Kleine Kinderbibliothek»,[66] однако это не соответствует действительности (в частности, потому, что последний абзац в русском переводе у Кампе отсутствует).

Угадчики // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 35. С. 138–142.

= *****Die Wünschelruthe // Geschenk für die Jugend auf das Jahr 1782. Straßburg, 1781. S. 128–131 (= Taschenbuch für Kinder und junge Leute. [Th. 1]).

Разговор одной матери с ея дочерью / [Пер. с фр. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 36. С. 145–151.[67]

= Entretien d'une mère avec sa fille // *Lectures pour les enfans*. 1780. T. 4. P. 41–52.

→ Les conversations d'Émilie / [Par Madame d'Epinay]. Leipzig: Crusius, 1774 (Huitième Conversation). — *Рак, Соколинский 2000* (С. 62. № 13722).

Три сестры / [Пер. с фр. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 36. С. 152–156.[68]

= Les Trois Soeurs: Justine, Carite, et Deraison // *Lectures pour les enfans*. 1780. T. 3. P. 215–222.

→ Les Trois Soeurs: Justine, Carite, et Deraison // Entretiens, drames et contes moraux, à l'usage des enfans / Par Madame de la Fite. La Haye, 1778. P. 160–166. — *Рак, Соколинский 2000* (С. 62. № 13723).

Пример братской дружбы // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 36. С. 157–158.

= Trait d'amitié fraternelle // *Lecture pour les enfans*. 1780. T. 2. P. 44–46.

---

[66] Die große Höhle bei Castleton in dem hohen Peak von Derbishire / [Von] Moritz // *Kleine Kinderbibliothek*. 1783. Bd. 9. S. 76–87. Модифицированная перепечатка: Ausserordentliche Merkwürdigkeit der Natur in England // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 97–106. «Детская библиотека» Кампе в свою очередь послужила источником для перевода А. Беркена: La Caverne de Castle-Town. Récit d'un Voyageur // L'Ami de l'Adolescence, Par M. Berquin. 1784. 15 Septembre. P. 76–94. (Рус. пер.: Описание путешественника Кастлетовнской пещеры // Друг детей. М., 1809. Ч. 5. № 19 (Окт.). С. 258–272).

[67] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 32–38 («Мать и дочь»).

[68] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 77–81.

→ Bienfaisance // Mercure de France. 1772. Août. P. 172–173; Journal encyclopédique. 1772. T. 7. Pt. 2. Octobre 1. P. 300–301. — *Рак 1995* (С. 199).

Резвой мальчик. Сказка / [Пер. с фр. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 36. С. 158–159.[69]

= L'Enfant étourdi. Conte // *Lectures pour les enfans*. 1780. T. 3. P. 233–236.

Другой разговор между матерью и дочерью / [Пер. с фр. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 37. С. 161–176.[70]

= Conversation entre une mère & sa fille, Emilie // *Lectures pour les enfans*. 1780. T. 3. P. 1–33.

→ Les conversations d'Émilie / [Par Madame d'Epinay]. Leipzig: Crusius, 1774 (Quatrième Conversation). — *Рак, Соколинский 2000* (С. 62. № 13726).

Сократ и Лампрокл // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 38. С. 177–183.

= Sokrates und Lamprokles / [Von J. K. Wezel, 1747–1819] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1778 (2. Jg.). Erstes Quartal. S. 90–95.[71]

→ Ксенофонт Афинский. Воспоминания о Сократе. Кн. 2. Гл. 2. (Разговор Сократа с Лампроклом о признательности к родителям).

Недовольной своим состоянием. Сказка / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 38. С. 183–191.[72]

= Zufriedenheit und Unzufriedenheit / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1783. Th. 2. S. 36–51. [= S. 36–44].[73]

Разговор («Добросерд, бывая вместе с любимыми своими детьми…») // ДЧ. 1785. Ч. 3. № 39. С. 193–201.

---

[69] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 30–32.

[70] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 117–130 («Разговор между матерью и дочерью»).

[71] Автор немецкого текста установлен по републикации: Sokrates und Lamprokles. Aus Xenophons sokratischen Denkswürdigkeiten, B. 2. Gespr. 2 / [Von] Wezel // Taschenbuch für Dichter und Dichterfreunde. Leipzig, 1781. Abth. 12. S. 37–43. Современная републикация: *Wezel J. K.* Pädagogische Schriften / Hrsg. von Phillip S. McKnight. Frankfurt am Main <etc>: Peter Lang, 1996. S. 241–244.

[72] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 43–50.

[73] Модифицированная перепечатка: Zufriedenheit und Unzufriedenheit // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 331–339.

= Zufriedenheit und Unzufriedenheit / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1783. Th. 2. S. 36–51. [= S. 44–51].

Детское чтение. 1785. Ч. 4. № 40–52

Разговор между отцом и детьми о снах // ДЧ. 1785. Ч. 4. [№ 40]. С. 3–13.

= Das Traumbuch / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1783. Th. 2. S. 5–20.

Воробьи // ДЧ. 1785. Ч. 4. [№ 40]. С. 13–15.

= Die kleinen Sperlinge / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1780. [Th. 1]. S. 12–14.

Общежитие / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 41. С. 17–25.[74]

= Geselligkeit und Freundschaft / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1783. Th. 2. S. 186–195.

Крестьянское состояние // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 41. С. 25–27.

= Das Aehrenfeld / [Von G. C. Claudius] // *Kleine Unterhaltungen*. 1780. [Th. 1]. S. 75–78.[75]

Разговор о согласии между братьями // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 41. С. 28–31.

= Ueber die Verträglichkeit, besonders unter Brüdern. Ein Gespräch des Sokrates mit einem jungen Athenienser / [Von] S–ll [= Johann Eberhard Friedrich Schall, 1742–1790] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1780 (3. Jg.). Viertes Quartal. S. 566–570.[76]

→ Ксенофонт Афинский. Воспоминания о Сократе. Кн. 2. Гл. 3. (Разговор Сократа с Херекратом о братской любви).

Анекдот («Приор, один из лучших английских стихотворцов…») // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 41. С. 31–32.

---

[74] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 51–57.

[75] Модифицированная перепечатка: Der alte Franz // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 326–328.

[76] Немецкий криптоним расшифрован на основании того факта, что одним из активных авторов «Pädagogische Unterhandlungen» был И. Шалль. Избранные статьи, напечатанные им на страницах этого журнала, были собраны в кн.: Kleine Beyträge zur pädagogischen Litteratur / Von J. E. F. Schall. Breslau, 1779.

= Lehrreiche Anekdoten für Kinder / [Von] S–ll [= J. E. F. Schall] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1780 (3. Jg.). Viertes Quartal. S. 571–572.

Богатое наследство // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 42. С. 33–42.

= Das reiche Indienfarer (*Eine Erzälung nach Madame de la Fite) // *Pädagogischen Unterhandlungen*. 1781 (4. Jg.). Zweites Quartal. S. 167–177.

→ Le Riche Indien // Entretiens, drames et contes moraux, à l'usage des enfans / Par Madame de la Fite. La Haye, 1778. P. 333–345.

Ардат и Рицца. Восточная повесть // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 42. С. 42–45.

= Ardat und Rizza / [Von] Sr. [= C. F. Sander, 1756–1819] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1780 (4. Jg.). Erstes Quartal. S. 6–9.[77]

Дамон и Пифиас. Драма для детей; В одном действии // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 45. С. 81–95.

= Damon und Pythias. Ein Drama für Kinder / [Von G. K. Pfeffel] // *Leydings Handbibliothek*. 1778. Bd. 2. S. 202–214.

→ Damon und Pythias // Dramatische Kinderspiele [Von G. K. Pfeffel]. Strassburg: Bauer, 1769. S. 1–24.[78]

Разговор о повиновении, какое дети должны оказывать своим родителям // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 46. С. 97–112; № 47. С. 113–119.

→ Franz und Matthias / [Von T. Kühl] // *Moralische Erzählungen für die Jugend*. 1782 [St. 9] (27. Nov.). S. 131–144; [St. 10] (Dec. 4.). S. 145–157.

Анекдот («В Париже была некогда чрезвычайная дороговизна в хлебе…») // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 49. С. 150–153.

= Der wohlthätige Prinz // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 62–65. — *Рак 1998* (С. 296–297).

→ Ein Beispiel von großmüthiger Wohlthätigkeit / [Von] C. [= J. H. Campe] // *Kleine Kinderbibliothek*. 1780. Bd. 3. S. 69–73. — *Рак, Соколинский 2000* (С. 64. № 13767).

---

[77] Автор немецкого текста установлен по републикации: Ardat und Rizza // Prosaische Dichtungen. Von Christian Friedrich Sander. Flensburg und Leipzig: Korte, 1783. S. 194–197.

[78] Перевод Беркена: Pythias et Damon. Drame en un acte // L'Ami de l'Adolescence, Par M. Berquin. Paris, 1785. 1 Avril. P. 7–48.

→ Ein Beispiel der Wohlthätigkeit // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1774 (Jg. 1). St. 22; [2. Aufl.] Th. 1 (1779). S. 268–271.

Из «*Kleine Kinderbibliothek*» составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 4) сделал множество модифицированных перепечаток: «Frisch gewagt, ist halb gewonnen» (S. 3–5), «Der edelmüthige Landmann» (S. 14–19), «Lohn der Gewissenhaftigkeit» (S. 23–25), «Das unvermuthete Glück» (S. 33–36) и т. д.

Ганс Егеде // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 50. С. 161–176; № 51. С. 177–182.

= Hans Egede // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 111–129. — *Рак 1998* (С. 297).

→ *Standhaftigkeit // Beitrag zu einem Exempel-Buch. Aus dem Dänischen [Übersetzt von Johann Lorenz Blessig, 1747–1816]. Strasburg: Heitz, 1781.

→ Standhaftighed / (*Crantz om Grønland. Egedes Missions-Historie) // Store og gode Handlinger af Danske, Norske og Holstenere, samlede ved Ove Malling. Kiøbenhavn, 1777.

Великая польза трудолюбия / [Пер с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 51. С. 182–187.[79]

= Grose Vortheile der frühen Arbeitsamkeit // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 262–267.

→ Noch etwas von der Arbeitsamkeit / [Von C. G. Salzmann] // *Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*. 1779. Bd. 2. S. 111–116.

Из «*Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde*» составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 4) сделал по меньшей мере еще десять модифицированных перепечаток: «Der unbarmherzige Knabe» (S. 141–147), «Der bestrafte Muthwille» (S. 189–193), «Der unvorsichtige Mädchen» (S. 197), «Der Jude» (S. 224–231), «Denk, daß zu deinem Glük dir niemand fehlt, als Du» (S. 234–257), «Der bestrafte Muthwille» (S. 189–193), «Der Irrwischfang» (S. 287–291), «Böse Folgen der Lekkerhaftigkeit» (S. 297–308), «Nachtheil des Ungehorsams gegen die Eltern» (S. 328–331) и «Das ehrliche Kind» (S. 378–383).

Награжденный великодушный поступок // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 51. С. 190–192.

= Belohnung einer edlen That // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 147–149. — *Рак 1998* (С. 297).

---

[79] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 21–26.

→ Gute Folgen einer guten That / Aus den Zeitungen // *Kleine Kinderbibliothek*. 1784. Bd. 10. S. 82–84. — *Drews 1996* (S. 219. № 492).

Северное сияние // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 52. С. 193–199.

= Eine Erscheinung, die manchen fürchterlich vorkommt, aber nicht zu fürchten ist // *Kinderzeitung*. 1780. Bd. 2. № XI (11. December). S. 161–170.

Другой разговор о некоторых воздушных явлениях // ДЧ. 1785. Ч. 4. № 52. С. 199–203.

= Von noch mehr feurigen Luftbegebenheiten, als: Sternschnuppen, feurigen Kugeln, Drachen und Irrwischen // *Kinderzeitung*. 1780. Bd. 2. № XII (18. December). S. 177–188.

Детское чтение. 1786. Ч. 5. № 1–13

О новой планете // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 2. С. 17–23.

= Dessauische Zeitung für die Jugend und ihre Freunde. 1784. Viertes Virteljahr. St. 52. S. 410–412.

Благодетельной человек // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 2. С. 23–31.

→ Der wohlthätige Edelmann // Sammlung vorzüglich schöner Handlungen zur Bildung des Herzens in der Jugend. Altenburg, 1779. [Th. 1].[80]

→ Histoire de Nathan, et de Mitranes // Recueil d'histoires édifiantes, pour servir de lecture à de jeunes personnes de condition / [Par J.-F. Duché de Vancy, 1668–1704]. Paris, 1706. P. 128–145 (многочисленные переиздания).

Человеческие желания. Сказка // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 4. С. 49–64; № 5. С. 65–79; № 6. С. 81–95.

= [Eine Feyengeschichte] // *Der Kinderfreund*. 1780. Th. 18. St. CCXXXV (1. Jenner) — St. CCXXXVIII (22. Jenner).[81]

---

[80] Другой перевод: Благотворительный дворянин // Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. С. 31–42.

[81] Другой перевод: Добрада волшебница, или образ доброжелательства ближнему. Сказка / [Перевод с нем.] А* Л* [= А. Лабзина?]. М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова, 1788. — *Рак 1995* (С. 200).

Сила детской любви // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 7. С. 107–112.

= [Eine Geschichte aus Ives Reisen von einem englischen Seekapitain und seinem Sohne] // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 4. St. LXIII (16. September); St. LXIV (23. September).

→ Eduard Ives Esq. Reisen nach Indien und Persien… Leipzig, 1774. Th. 1. S. 228–233.[82]

→ A Voyage from England to India, in the Year MDCCLIV… / By Edward Ives, Esq. <…>. London, 1773. P. 132–135. — *Рак, Соколинский 2000* (С. 64. № 13790).[83]

Разговор об огне // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 9. С. 129–144; № 10. С. 145–153.

= [Das Angenehme einer warmen Stube bey empfindlicher Kälte // *Der Kinderfreund*. 1780. Th. 18. St. CCXXXIX (29. Jenner) — St. CCXLI (12. Februar).

Корзинщик // ДЧ. 1786. Ч. 5. № 13. С. 198–206.

= [Eine Erzählung von der Ungerechtigkeit eines vornehmen Mannes gegen einen armen Korbmacher] // *Der Kinderfreund*. 1780. Th. 19. St. CCXLIX (8. April). — *Рак 1995* (С. 190. № 572).

→ Le Gentilhomme et le Vannier, Conte / [Par J.-G. Dubois-Fontenelle, 1737–1812] // Mercure de France. 1779. 7 Août. P. 5–16.

→ [The Gentleman and the Basket-Maker: A Peruvian Story] / [By Aaron Hill, 1685–1750] // The Prompter. 1736. № CXXI (Jan. 6). P. [1]–[2] — многочисленные перепечатки в английской печати.

Детское чтение. 1786. Ч. 6. № 14–26

Разговор [отца с дочерью о часах] // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 1 [= 14]. С. 3–16.

= [Eine goldne Uhr] // *Der Kinderfreund*. 1777. Th. 9. St. CXX (18. October).[84]

---

[82] Другие немецкие версии этого анекдота: Zärtlichkeit und Edelmuth eines Vaters und Sohnes // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1776 (Jg. 3). St. 1. S. 12–16 (Перепечатка: *Lectüre für die kleine Jugend*. 1782. Th. 3. S. 207–210).

[83] Другой русский перевод, восходящий к «Путешествию в Индию» Э. Айвса: Нежный сын // Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. С. 53–55. Источник: Der zärtliche Sohn // Sammlung vorzüglich schöner Handlungen zur Bildung des Herzens in der Jugend / [Hrsg. von J. F. Käufler]. Altenburg, 1779. [Th. 1].

[84] Перевод Беркена: La Montre // L'Ami des Enfans, Par M. Berquin. Paris, 1783. № 10 (Octobre). P. 5–28.

Потерянной сын // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 2 [= 15]. С. 25–30.

= Das verlorne Kind // *Leydings Handbibliothek*. [1. Aufl.] 1768; [2. Aufl.] 1777. Bd. 1. S. 38–43.[85] Сюжет восходит к: Fidélité à rendre une chose trouvée, récompensée par le recouvrement d'un fils perdu // Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise <…>. Par le P. *J. B. Du Halde*, de la Compagnie de Jésus. Paris, 1735. T. 3. P. 204–205.

Жертвоприношение. Пастушеская драма для детей; В одном действии // ДЧ. 1786. Ч. 6. № [16]. С. 33–45.

= Das Opfer. Ein Schauspiel von einem Aufzuge / [Von J. von Sonnenfels] // *Leydings Handbibliothek*. 1778. Bd. 2. S. 99–110.

→ Das Opfer, ein Schäferspiel, von einem Aufzuge. Auf die Geburtsfeyer Ihro Majestät Der Kaiserinn // J. von Sonnenfels <…> gesammelte Schriften. Wien, 1765. Bd. 1. S. 357–381.

Разговор о жалости к животным // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 17. С. 49–63; № 18. С. 65–80.

= [Unterhaltung über die Grausamkeit gegen die Thiere] // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 4. St. LVIII (12. August) — St. LXI (2. September).

Награждение прилежности и бережливости / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 17. С. 63–64.[86]

→ Die Belohnung des Fleißes // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1775 (Jg. 2); [2. Aufl.]. Th. 4 (1781). S. 270–271.[87]

Разговор о птицах («В один прекрасный день нынешнего приятного месяца») // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 19. С. 81–96.

---

[85] Перепечатки в компилятивных изданиях: 1) *Leipziger Wochenblatt für Kinder*. 1772. Bd. 1. St. 9. S. 65–70; 2) *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 2. S. 312–317. — *Рак 1998* (С. 297); 3) Bilder-Akademie für die Jugend… Nürnberg, 1784. Bd. 1. S. 151–155. Другие русские переводы: *Рак 1996* (С. 180).

[86] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 1. С. 38–39.

[87] Перепечатки в компилятивных изданиях: *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 1. S. 112–115, и т. д. Другой перевод: Награжденное трудолюбие / Перевел с немецкого языка Иван Ляпин // Вечерняя заря. 1782. Ч. 2. Август. С. 297–299.

= «Ich fuhr jüngstens an einem dieser schönen Maytage…» // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 3. St. XLIII (29. April) — St. XLVI (20. May).[88]

Восточная повесть («Расселас, принц Абиссинский…») // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 22. С. 129–138.

= [Eine orientalische Erzählung] («Rasselas, ein Prinz von Abyssinien…») // *Der Kinderfreund*. 1781. Th. 23. St. CCCXIII (30. Junius). — *Drews 1996* (S. 248. № 860).

→ A Glimpse of Pastoral Life, the Danger of Prosperity, and the Happiness of Solitude; with the History of a Hermit. — From the History of Rasselas, Prince of Abissinia // The Universal Magazine. 1759. Vol. XXV. July. P. 25–27.

→ The Prince of Abissinia. A Tale / [By S. Johnson]. London: Dodsley, 1759. Vol. 1. Ch. XIX–XXI.

Великодушный неприятель // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 22. С. 138–141.

= «Als König Eduard der erste von England…» // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 3. St. L (17. Junius).

Пример честности // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 22. С. 141–143.

= «Eine Chaloupe von Neuengland…» // *Der Kinderfreund*. 1779. Th. 14. St. CXCI (27. Februar).

Разговор отца с дочерью о красоте // ДЧ. 1786. Ч. 6. № 24. С. 161–175.

= [Ein physionomisches Gespräch des Vaters mit Lottchen über die Schönheit] // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 3. St. XLVII (27. May) — St. XLIX (10. Junius).[89]

Детское чтение. 1786. Ч. 7. № [27]–37 [= 39]

О благодарности // ДЧ. 1786. Ч. 7. [№ 27]. С. 11–16.

= *Der Kinderfreund*. 1779. Th. 17. St. CCXXXIV (25. December).

---

[88] Французский перевод вставного рассказа в № XLIV («Ein Guthsbesitzer saß mit seinem kleinen Sohne…»): Les Buissons // L'Ami des Enfans, Par M. Berquin. Paris, 1782. № 2 (Février). P. 48–56. См.: *Martin A.* Notes sur l'*Ami des Enfants* de Berquin et la littérature enfantine en France aux alentours de 1780 // Dix-huitième Siècle. Paris, 1974. № 6 (Lumières et Révolution). P. 302.

[89] Перевод Беркена: La Physionomie // L'Ami des Enfans, Par M. Berquin. Paris, 1782. № 9 (Septembre). P. 5–36.

Угрь и змея. Басня / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1786. Ч. 7. [№ 27]. С. 16.[90]

= Die Schlange und der Aal / [Von] Gleim // *Kleine Kinderbibliothek*. 1780. Bdch. 4. S. 85.[91]

→ *Gleim J. W. L.* Fabeln. — *Drews 1996* (S. 232. № 664).

Разговор о здоровье // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 28. С. 17–30; № 29. С. 33–36.

= *Der Kinderfreund*. 1779. Th. 16. St. CCXIII (31. Julius).

О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве, в Ост-Индии // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 30 [= 33]. С. 101–109.

= Erzählung von einem merkwürdigen Giftbaum auf der Insel Java in Ostindien // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 32–41. — *Рак 1998* (С. 295).

→ Naturgeschichte des Bohon-Upas, oder Giftbaums, auf der Insel Java // Auswahl der nüzlichsten und unterhaltendsten Aufsätze aus den neuesten Brittischen Magazinen, für Deutsche. Leipzig, 1785. Bd. 2. S. 85–104.

→ Natural History [Description of the Poison-Tree, in the Island of Java, by N. P. Foersch. Translated from the Original Dutch, by Mr. Heydinger] // The London Magazine. 1783. December. P. 511–517. — *Рак, Соколинский 2000* (С. 66. № 13830).

Из «Auswahl der nüzlichsten und unterhaltendsten Aufsätze» (1785) составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 5) сделал по меньшей мере три модифицированных перепечатки: «Ein Paar merkwürdige Beispiele von Edelmuth und Grösse der Seele unter den Negern» (S. 10–15), «Erzählung von einem merkwürdigen Giftbaum...» (S. 32–41) и «Lebensgenuß» (S. 62–65).

Анекдот («Иосиф II, нынешний римский Император, прогуливаясь некогда в вечеру…») / [Пер. с нем. А. Данилов] // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 30 [= 33]. С. 110–111.[92]

---

[90] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 19.

[91] Перепечатка: *Lectüre für die kleine Jugend*. 1782. Th. 3. S. 121.

[92] Перевод перепечатан в кн.: Разные анекдоты… Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792. С. 98–99 («Милосердие Иосифа. Немецкий анекдот»). — *Рак 1996* (С. 190).

= Edelmuth // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 84–85. — *Рак 1998* (С. 295).

→ Edelmuth // Anekdotenlexikon für Leser von Geschmack [Hrsg. von Karl Müchler]. Berlin: Hesse, 1784. Bd. 1 (A–M). S. 61–62. Анекдот о милосердном Иосифе впервые появился в европейской прессе в 1770 г. Подробнее об истории сюжета — *Рак 1995* (С. 192).

Из «Anekdotenlexikon» составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 5) сделал по меньшей мере около двух десятков модифицированных перепечаток, идущих друг за другом (S. 76–103) в соответствии со структурой «Anekdotenlexikon»: Armuth; Betrügerei; Contrakt; Contribution; Delikatesse; Dummheit; Edelmuth; Kaltblütigkeit; Nationalstolz; Satyre; Testament; Toleranz; Unwille; Unwissenheit; Vorsehung; Wiedervergeltung; Einbildung (Anhang).

Две басни // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 30 [= 33]. С. 111–112.

= Der Weinstock und die andern Bäume. Zwo Fabeln // *Angenehme Beschäftigungen für kleine Kinder*. 1786. Samml. 10. S. 29–30.

→ Der Weinstock und die andern Bäume. Zwei Fabeln / [Von] Meißner [= A. G. Meißner, 1753–1807] // Berlinische Monatsschrift. 1784. Bd. 4 (Julius bis December). Julius. S. 77–79.

О огнедышущей горе Везувии. (Из письма одного путешествовавшего англичанина) // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 32 [= 34]. С. 113–116.

= Der feuerspeiende Vesuv. In einem Brief beschrieben von einem Engländer // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 339–342. — *Рак 1998* (С. 295).

→ Der Vesuv. Aus Bomstone’s Begebenheiten mit Veränderungen ausgezogen // *Kleine Unterhaltungen*. 1783. Th. 2. S. 277–281.

→ Begebenheiten Eduard Bomstons in Italien, ein Roman in Briefen / [Von Friedrich August Clemens Werthes, 1748–1817]. Altenburg, 1782. (Brief 39). [Русский перевод: Приключения Эдуарда Бомстона. СПб., 1799 (через фр. перевод-посредник)].

Из «*Kleine Unterhaltungen*» составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 5) сделал три модифицированных перепечатки, идущих друг за другом: «Das Bäumchen» (S. 330–331), «Zufriedenheit und Unzufriedenheit» (S. 331–339) и «Der feuerspeiende Vesuv» (S. 339–342).

Достопамятная повесть о некотором шотландце, жившем несколько лет на пустом острове // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 32 [= 34]. С. 116–121.

= Alexander Selkirk // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 159–165. — *Рак 1998* (С. 295).

→ Alexander Selkirk // Kurze Biographien oder Lebensabriße merkwürdiger und berühmter Personen neuerer Zeiten von unterschiedlichen Nazionen und allerley Ständen / Aus verschiedenen authentischen Quellen zusammen getragen und herausgegeben von H. G. Hoff [= Heinrich Georg Hoff, 1739–1809]. Brünn, 1782. Bd. 1. S. 69–77.

→ The True History of Robinson Crusoe // The Universal Magazine. 1778. August. P. 63–64 (перепечатка: The Gentleman's Magazine. 1778. Sept. P. 487–488).

Анекдот («Один стихотворец написал сатиру…») / [Пер. с нем. А. Данилов] // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 32 [= 34]. С. 122.[93]

= Abt Voisenan (!) // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 85–86. — *Рак 1998* (С. 295).

→ Kaltblütigkeit («Ein Dichter, der mit dem Abt von Voisenan (!) bekannt war…») // Anekdotenlexikon für Leser von Geschmack [Hrsg. von Karl Müchler]. Berlin: Hesse, 1784. Bd. 1 (A–M). S. 136–137. (Перевод из: Mercure de France. 1776. Janvier. P. 196–197).

Жадность к корысти и неблагодарность. Восточная сказка // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 32 [= 34]. С. 123–128.

= Geiz und Undank. Ein Morgenländisches Märchen // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 178–184. — *Рак 1998* (С. 295–296).

→ Geiz und Undank. Eine morgenländische Geschichte // *Leipziger Wochenblatt für Kinder*. 1773. Bd. 5. St. 119. S. 129–136; [2. Aufl.] 1783. Bd. 5. St. 119. S. 113–119.

→ Histoire de l'Aveugle Baba-Abdalla // Les mille et une nuit, contes arabes. Traduits en François par M. Galland. Nouvelle édition corrigée. Paris, 1745. T. 5. P. 361–381.

Из «*Leipziger Wochenblatt für Kinder*» составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 5) сделал две модифицированных перепечатки: «Der traurigen Folgen der Spielsucht» (S. 165–175) и «Geiz und Undank» (S. 178–184).

Плачевныя следствия пристрастия к игре // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 33 [= 35]. С. 129–137.

---

[93] Перевод перепечатан в кн.: Разные анекдоты… Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792. С. 244–245 («Равнодушие, французский анекдот»).

= Die traurigen Folgen der Spielsucht // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 165–175. — *Рак 1998* (С. 296).

→ Traurige Geschichte eines jungen Edelmanns auf der Universität // *Leipziger Wochenblatt für Kinder*. 1774. Bd. 6. St. 141. S. 107–112; St. 142. S. 113–118; [2. Aufl.] 1783. Bd. 6. St. 141. S. 92–96; St. 142. S. 97–101.

→ [Philander, ein unglückseliger Student in Cambridge] // Der Patriot. 1725. St. 71 (11. May) — многочисленные переиздания.

Добродетельное семейство // ДЧ. 1786. Ч. 7. № 37 [= 39]. С. 200–204.

= Fleuriot, eine lothringische Familie // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 2–8. — *Рак 1998* (С. 296).

→ *Fleuriot oder Waldajon, eine glückliche Lothringische Familie // Geographisches Lesebuch zum Nutzen und Vergnügen. Halle, 1785. Bd. 5. — Дальнейшие сведения о сюжете: *Рак 1996* (С. 199).

Из «Geographisches Lesebuch» составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 5) сделал четыре модифицированные перепечатки: «Gastfreiheit der Cochinchineser» (S. 1–2), «Fleuriot, eine lothringische Familie» (S. 2–8), «Stiftung des Königreichs Ponthiamas» (S. 26–29) и «Von den Höhlen und Steinbrüchen unter dem Petersberg bei Mastricht» (S. 29–31).

Детское чтение. 1786. Ч. 8. № 38 [= 40] — 49 [= 52]

Завещание // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 39 [= 41]. С. 31.

= Ein besonderes Testament // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 90–91.

→ Testament // Anekdotenlexikon für Leser von Geschmack [Hrsg. von Karl Müchler]. Berlin: Hesse, 1784. Bd. 2 (N–Z). S. 67. (Перевод из: Journal encyclopédique. 1775. Juin. P. 432).

Наказанное корыстолюбие // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 40 [= 42]. С. 48.

= Der bestrafte Gastwirth // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1786. Th. 5. S. 122–124.

→ England und Italien von J. W. von Archenholtz <…>. Leipzig: Dyk, 1785. Bd. 1. Th. 1. Abschnitt 6. S. 212–214.

→ Londres [Par P.-J. Grosley, 1718–1785]. Lausanne, 1770. T. 1. P. 34–36 (переиздания).[94]

Из «England und Italien» Архенгольца составитель «*Lectüre für die kleine Jugend*» (Th. 5) сделал три модифицированных перепечатки, идущих друг за другом: «Einige Stückchen von Engländern. General Wolf» (S. 120–122), «Der bestrafte Gastwirth» (S. 122–124), «Morton und Deeds. Eine schreckliche Geschichte» (S. 124–127).

Детская любовь и благодетельность / [Пер. с нем. В. Подшивалов] // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 42 [= 44]. С. 74–80; № 43 [= 45]. С. 81–84.[95]

= Kindliche Liebe und Wohlthätigkeit // *Kleine Kinderbibliothek*. 1780. Bd. 3. S. 107–117. — *Drews 1996* (S. 219. № 500).

→ Kindliche Liebe und Wohlthätigkeit, eine wahre Geschichte // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1775 (Jg. 2); [2. Aufl.] Th. 3 (1780). S. 253–265.[96]

→ Acte de Bienfaisance / Par M. Mingard [= Gabriel-Jean-Henri Mingard, 1729–1786] // Mercure de France. 1775. Mai. P. 197–206.[97] Подлинность анекдота о благодетельном Монтескье давно поставлена под сомнение. См.: *Céleste R.* Montesqueiu. Légende — Histoire // Archives historiques du département de la Gironde. Bordeaux, 1907. T. XLII. P. 493–495.

Хитрость одного американца // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 43 [= 45]. С. 95–96.

= List eines Amerikaners // *Lectüre für die kleine Jugend*. 1784. Th. 4. S. 296–297. — *Рак 1998* (С. 297). Сюжет анекдота восходит к: Virtu-

---

[94] Другая версия сюжета в немецких детских изданиях: «Zu Canterbury in England…» / Aus den Zeitungen // Moralisches Elementarbuch. 1783. Th. 2. S. 158–159 (предположительно из: Briefe über London // Chronologen. Ein periodisches Werk von Wekhrlin. Frankfurt und Leipzig [= Nürnberg]: Felßecker, 1779. Bd. 3. S. 92).

[95] Перевод перепечатан в кн.: Бесценный подарок. 1797. Отд. 2. С. 58–66.

[96] Перепечатки в компилятивных изданиях: *Lectüre für die kleine Jugend*. 1779. Th. 1. S. 5–15, и т. д.

[97] Другой немецкий перевод, восходящий к «Mercure de France»: Anekdote // Der Teutsche Merkur. 1775. № 10 (October). S. 74–83. Русский перевод из «Der Teutsche Merkur»: Журнал // Утренний свет. 1780. Часть IX. Июнь. С. 135–146 (Бессмыслица в названии русского перевода возникла, вероятнее всего, из-за типографской неисправности).

des del Indio / [Por D. Juan de Palafox y Mendoza, 1600–1659]. [c. 1650]. Cap. XV («De la agudeza, y prontitud del Indio»).[98]

Диоген и Критон // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 44 [= 46]. С. 97–111; № 45 [= 47]. С. 113–123.

= Diogenes und der junge Kriton / [Von] S. // *Kleine Kinderbibliothek*. 1780. Bd. 4. S. 145–169. — *Drews 1996* (S. 217. № 460).[99]

→ Diogenes und der junge Criton, ein pädagogisches Gespräch / [Von] S. [= J. E. F. Schall] // *Pädagogische Unterhandlungen*. 1777. St. 4. S. 323–348.[100]

Путешественник // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 45 [= 47]. С. 124–126.

= «Ein Reisender wollte einstens ein entferntes Land besuchen…» // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 5. St. LXV (30. September) — St. LXVI (7. October).

Чижик. Басня // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 45 [= 47]. С. 127–128.

= «Ein kleiner Zeisig hatte einst das Unglück…» // *Der Kinderfreund*. 1776. Th. 5. St. LXVI (7. October).

Щастие от нещастия. Английская повесть // ДЧ. 1786. Ч. 8. № 48 [= 51]. С. 179–192; № 49 [= 52]. С. 193–197.

= Glück aus Unglück. Eine Geschichte // *Niedersächsisches Wochenblatt für Kinder*. 1774. St. 23–24; [2. Aufl.] Th. 1 (1779). S. 272–283; 286–293.

→ La félicité née du malheur / Par M. de Fontanelle [= J.-G. Dubois-Fontenelle, 1737–1812] // Mercure de France. 1768. Juillet. P. 11–27.

Детское чтение. 1788. Ч. 16. № 40–52

Нещастная неосторожность, немецкой анекдот // ДЧ. 1788. Ч. 16. № 50. С. 168–176; № 51. С. 177–192; № 52. С. 193–202.

→ Spatziergänge / [Von Joachim Christian Blum, 1739–1790]. Berlin: Himburg, 1775. Th. 2. S. 7–73. (Der neunundzwanzigste Spatziergang) — многочисленные переиздания.

---

[98] Другая версия анекдота в немецких детских изданиях: List eines Indianers // Sammlung witziger Einfälle, kleiner scherzhafter Erzählungen und Sinngedichte. Besonders für Kinder und junge Leute. Berlin: Mylius, 1779. S. 152–153.

[99] Другой перевод: Диоген и юный Критон, или Наставническая беседа / Пер. С. Пестов // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. Сент. С. 30–58.

[100] Автор немецкого текста установлен по републикации в кн.: Kleine Beiträge zur pädagogischen Litteratur. Von J. E. F. Schall. Breslau, 1779.

Ночная сцена. (Из бумаг одного почтенного молодого человека) // ДЧ. 1788. Ч. 16. № 52. С. 203–206.

= *Der Greis, ein Nachtstück. (Aus den Papieren eines würdigen jungen Edelmann's) // *Lectüre für die erwachsene Jugend*. 1779. Th. 2.

→ Der Greis, ein Nachtstück. (Aus den Papieren eines würdigen jungen Edelmann's) // Der Jugendbeobachter. Hannover, 1777. Bd. 2. S. 7–10.[101]

Детское чтение. 1789. Ч. 17. № 1–13

Краткое известие о некоторых баснословных птицах // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 2. С. 25–32; № 3. С. 33–44.

= *Nachricht von einigen fabelhaften Vögeln // *Lectüre für die erwachsene Jugend*. 1779. Th. 2.

→ Kurze Nachricht von einigen fabelhaften Vögeln // Mannigfaltigkeiten. Eine gemeinnützige Wochenschrift. Berlin, 1772 (Vierter Jg.). Erstes Vierteljahr. 166. Woche (31. October). S. 145–159; 167. Woche (7. November). S. 174–176.

Описание Ост-Индии (*Переведено из Leipziger Wochenblatt für Kinder) // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 8. С. 116–128; № 9. С. 129–133.

= Beschreibung von Ostindien // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1774. Bd. 8. St. 201–203; [2. Aufl.] 1783. Bd. 8. St. 201. S. 157–163; St. 202. S. 164–170; St. 203. S. 171–173. — *Drews 2007* (S. 198. № 15).

→ Philosophische und politische Geschichte der europäischen Handlung und Pflanzörter in beyden Indien. Aus dem Französischen mit Anmerkungen. Kopenhagen und Leipzig, 1774. Th. 1. S. 32–54.

→ Histoire philosophique et politique, des établissemens & du commerce des Européens dans les deux Indes / [Par M. l'abbé Raynal]. Amsterdam, 1770. T. 1. P. 26–43.

Физическия изчисления // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 9. С. 142–144.

= Physikalische Berechnungen // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1774. Bd. 7. St. 158; [2. Aufl.] 1783. Bd. 7. St. 158. S. 41–43.

Описание путешествия одного ученого к швейцарским ледяным горам // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 10. С. 145–160; № 11. С. 161–162.

---

[101] Перевод Беркена: Le Parricide // L'Ami des Enfans, Par M. Berquin. Paris, 1782. № 7 (Juillet). P. 75–81.

= Beschreibung der Reise eines Gelehrten nach den schweitzerischen Eisbergen // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1774. Bd. 7. St. 159–161; [2. Aufl.] 1783. Bd. 7. St. 159. S. 44–50; St. 160. S. 51–57; St. 161. S. 58–61.

→ Beschreibung einer Reise nach den Eisgebürgen, im einem Schreiben aus Lausanne an einen Freund in Hannover / [Von] E. A. Pott [= Ernst August Pott, 1747–1829] // Hannoverisches Magazin. 1773. St. 76 (20. September). Sp. 1201–1214; St. 77 (24. September). Sp. 1217–1224.

Благодетельность, персидская повесть (*Переведена из английского журнала The Town and Country Magazine) // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 11. С. 163–174.

= Wohlthätigkeit, eine persische Erzälung // Journal aller Journale. 1787. März. S. 114–123.

→ Beneficence: A Persian Tale // The Town and Country Magazine. 1786. Vol. XVIII. November. P. 564–567.

→ Beneficence: A Persian Tale // The Universal Magazine. 1771. Vol. XLIX. Sept. P. 153–155.

→ La bienfaisance. Conte persan; par M. B. … [= Antoine Bret?] // Mercure de France. 1770. Septembre. P. 13–23.[102]

Восточные пословицы* (*Переведены из английского журнала The Universal Magazine) / [Пер. с нем. А. Данилов] // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 11. С. 175–176.[103]

= Morgenländische Sprüche // Journal aller Journale. 1788. März und April. S. 40–41.

---

[102] Сведения о французском оригинале: *Рак В. Д.* Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 1976. С. 37 (Примеч. 27). Другой русский перевод, также восходящий к «Mercure de France»: Благотворительность. Персидская повесть / Перевел с немецкого Карл Экстер // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч. 1. С. 195–200. Возможный источник: Die Wohlthätigkeit, eine persische Geschichte // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1772. Bd. 1. St. 21. S. 161–167. Указанный русский перевод мог быть выполнен и через компиляционные сборники или альманахи (напр., Lesebuch für Kinder. Bremen: Cramer, 1776. Bd. 1–2; Hamburgscher Kinderalmanach für das Jahr 1777. Hamburg: Herold, 1776).

[103] Перевод перепечатан в кн.: Разные анекдоты… Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792. С. 67–69. — *Рак 1996* (С. 190).

→ Oriental Apophthegms // The Universal Magazine. 1788. Vol. 82. January. P. 31–33.

→ The Hĕĕtōpădēs of Vĕĕshnŏŏ-Sărmā, in a series of connected fables, interspersed with moral, prudential, and political maxims; Translated from an ancient manuscript in the Sanskreet language. With explanatory notes by Charles Wilkins. Bath, 1787. P. 61; 64; 69–70; 73; 79; 92. (Совр. рус. перевод: Хитопадеша, или Полезные наставления. М., 1958).

Малабарское празднество, описанное очевидцем (*Взято из английского журнала The New London Magazine) // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 12. С. 177–185.

= Beschreibung eines malabarischen Festes. Von einem Augenzeugen // Journal aller Journale. 1788. Januar und Februar. S. 81–88.

→ *The New London Magazine. 1787. Nov./Dec.

→ To the Editor of the *European Magazine* [Curious Account of a Malabar Festival] / [By] G. // The European Magazine, and London Review. 1787. September. P. 173–175.

О Генрихе Велби, странном человеке, который среди Лондона вел пустынническую жизнь целых 44 года (*Из английского журнала The Universal Magazine) // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 12. С. 186–190.

= Von Heinrich Welby, dem Sonderling, der, mitten in London, ganzer 44 Jahre ein Einsiedlerleben führte (Aus dem Univers. Magaz.) // Journal aller Journale. 1787. Januar. S. 75–79.

→ A remarkable account of Henry Welby, esq., a very singular and extraordinary character, who lived fourty-four years the life of a hermit, in the city of London // The Universal Magazine. 1786. Vol. 79. Oct. P. 172–173. — *Левин 1967* (С. 94. № 188).

→ The Phoenix of these late times: or the life of Mr. Henry Welby <…>. London, 1637.

Тленность (*Из Leipziger Wochenblatt) // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 12. С. 191–192.

= Die Vergänglichkeit // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1774. Bd. 8. St. 199. S. 148; [2. Aufl.] 1783. Bd. 8. St. 199. S. 149–150. — *Drews 1996* (S. 222. № 543).

→ Die Vergänglichkeit // Mannigfaltigkeiten. 1771. 84. Woche (6. April). S. 504–505.

→ Die Vergänglichkeit. Eine Ode, auf das neue Jahr, 1756 // Nordische Beyträge, zum Wachsthum der Naturkunde… Altona, 1756. Bd. 1. Th. 1. S. 197–200.

О нервной системе (*Взято из английского журнала The Universal Magazine) // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 13. С. 193–196.

= Vom Nervensystem (Aus D. Moore's medicinischen Skizzen) // Journal aller Journale. 1787. Januar. S. 79–82.

→ A curious account of the nervous system // The Universal Magazine. 1786. Vol. 79. Oct. P. 178. — *Левин 1967* (С. 94. № 189).

→ Medical Sketches: In Two Parts / By John Moore, M.D. London, 1786. Pt. 1. P. 200–208.

Нечто из политической арифметики // ДЧ. 1789. Ч. 17. № 13. С. 201–207.

= Etwas von der politischen Rechenkunst // *Leipziger Wochenblatt für Kinder*. 1773. Bd. 5. St. 106. S. 26–32; [2. Aufl.] 1783. Bd. 5. St. 106. S. 23–28.

Детское чтение. 1789. Ч. 18. № 14–26

История слепого, получившего зрение // ДЧ. 1789. Ч. 18. № 17. С. 58–62.

= Geschichte eines sehend gemachten blinden Kindes // *Leipziger Wochenblatt für Kinder*. 1774. Bd. 7. St. 167. S. 113–118; [2. Aufl.] 1783. Bd. 7. St. 167. S. 100–104.

→ Von einem sehend gemachten Blinden / [Übersetzt von] J. P. Velthusen // Hannoverisches Magazin. 1773. St. 88 (1. Nov.). Sp. 1397–1404.

Аркадской памятник. Сельская драма с песнями в одном действии / [Перевел с нем. Н. М. Карамзин] // ДЧ. 1789. Ч. 18. № 18. С. 65–79; № 19. С. 81–92; № 20. С. 97–107; № 21. С. 113–128; № 22. С. 129–140; № 23. С. 145–150.

= Das Denkmal in Arkadien. Ein ländliches Schauspiel für die Jugend mit untermischten Gesängen in Einem Aufzuge // *Der Kinderfreund*. 1781. Th. 24. St. CCCXXI (25. Aug.) — St. CCCXXVI (29. Sept.).

→ The Monument in Arcadia: A Dramatic Poem, in two acts. By George Keate, Esq. London: Dodsley, 1773.[104]

Детское чтение. 1789. Ч. 19. № 27–39

Честной откупщик, драма в пяти действиях. Перевел с французского А* П* [= А. А. Петров] // ДЧ. 1789. Ч. 19. № 27. С. 3–15; № 28. С. 17–31; № 29. С. 33–45; № 30. С. 49–62; № 31. С. 65–78; № 32. С. 81–92; № 33. С. 97–112; № 34. С. 113–125; № 35. С. 129–137; № 36. С. 145–160; № 37. С. 161–164.

= L'Honnête Fermier. Drame en cinq actes // L'Ami de l'Adolescence, Par M. Berquin. Paris, 1785. [№ 3] 1 Février. P. 5–78; [№ 4] 15 Février. P. 79–124; [№ 5] 1 Mars. P. 5–72; [№ 6] 15 Mars. P. 73–157.[105]

→ De eerlyke Landman. In drie Bedryven / [Door Pieter 't Hoen, 1745–1828] // Nieuwe Spectatoriaale Schouwburg <…>. Door P. T. H. Amsterdam, 1782. Dl. 1. S. 1–132.

Детское чтение. 1789. Ч. 20. № 40–52

Рейнской водопад. (Из описания одного путешественника) // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 41. С. 17–22.

→ Reise des Herausgebers von Hamburg bis in die Schweiz im Jahr 1785 / [Von J. H. Campe] // *Kleine Kinderbibliothek*. 1786. Bd. 14. S. 374–380.

Неравные братья. Испанская повесть // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 42. С. 33–48; № 43. С. 49–64; № 44. С. 65–77.

---

[104] Сведения об английском источнике немецкого перевода: *Bauman T.* 1) North German Opera in the Age of Goethe. Cambridge [etc]: Cambridge University Press, 1985. P. 379; 2) Moralizing at the tomb: Poussin's Arcadian shepherds in eighteenth-century England and Germany // Opera and the Enlightenment / Ed. by Thomas Bauman and Marita Petzoldt McClymonds. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 23–42. О Джордже Ките (1729–1797) и его драматической поэме «Аркадский памятник» см. также: *Dapp K. G.* George Keate, Esq., Eighteenth Century English Gentleman. Philadelphia, 1939. P. 70–73. Подробнее о русском переводе см.: *Кочеткова Н. Д.* «Аркадский памятник» Х. Ф. Вейсе и тема счастья у Н. М. Карамзина // Musenalmanach: В честь 80-летия Р. Ю. Данилевского. СПб., 2013. С. 144–153.

[105] Сведения о французском источнике: *Галахов А. Д.* Н. М. Карамзин. (Материалы для определения его литературной деятельности). Статья вторая // Современник. 1853. Т. XLII. № XI (Ноябрь). Отд. III. С. 53.

→ Les Jeux de la Fortune / Par M. de S*** [= C.-L.-M. de Sacy]. Amsterdam, 1768.[106]

О дереве саго // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 44. С. 77–80.

= Der Sagobaum // Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner. 1785. Zweiter Jahrgang. Bd. 3. St. 11 (19. März). S. 173–176.

О хлебном дереве // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 45. С. 81–85.

= Der Brodfruchtbaum // Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner. 1785. Zweiter Jahrgang. Bd. 3. St. 12 (26. März). S. 188–192.

Садоводство // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 45. С. 94–96.

= Gartenpflege // Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner. 1785. Zweiter Jahrgang. Bd. 3. St. 13 (2. April). S. 207–208.

Скупой // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 46. С. 111–112.

= Der Geizige // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1772. Bd. 1. St. 18. S. 137–139.

→ L'Avare ou le Vœu mal-rempli. Fable / Par M. Mentelle [= Edme Mentelle, 1730–1815]… // Mercure de France. 1770. Mars. P. 49–50.

Астроном и нищий // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 48. С. 144.

= Der Sternseher und der Bettler // *Leipziger Wochenblatt für Kinder.* 1772. Bd. 1. St. 24. S. 189–190.[107]

→ L'Astronome & le Mendiant. Fable / Par M. A. I. [= Marc-Antoine Jullien, 1744–1821] // Mercure de France. 1770. Août. P. 63–64.

Нечто из практической философии. (*Из немецкого еженедельного издания: Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner) // ДЧ. 1789. Ч. 20. № 50. С. 161–176; № 51. С. 177–192; № 52. С. 193–206.

= Etwas aus der Philosophie des Lebens // Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner. 1788. Fünfter Jahrgang. Bd. 9. St. 17 (26. April) — St. 26 (28. Jun.). S. 256–412.

---

[106] Русский перевод: Игралище судьбы или Непостоянство щастия / Переведено с французскаго [Т. П. Кирияком]. СПб., 1778.

[107] Многочисленные перепечатки в компилятивных изданиях: 1) *Lectüre für die kleine Jugend.* 1779. Th. 1. S. 18–19; 2) Neujahrsgeschenk für Kinder von einem Kinderfreunde. Für das Jahr 1780. Frankfurt, [1779]. S. 47–48, и т. д.

ПУБЛИКАЦИИ

А. О. ДЁМИН

КОМЕДИЯ Ж. РАСИНА «LES PLAIDEURS» В РУКОПИСНОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

Предлагаемая ниже публикация призвана уточнить картину восприятия русской литературой творческого наследия Ж. Расина на рубеже XVIII–XIX вв. До настоящего времени наиболее полным обзором критических высказываний русских писателей о Расине, переводов его пьес и подражаний им в этот период остается пространная статья Г. А. Гуковского «Расин в России в XVIII веке» (1926).[1] Исследователь утверждает, что комедия «Les Plaideurs» на русский язык в XVIII — начале XIX в. не была переведена, хотя следы ее влияния можно обнаружить в ряде русских комедий второй половины XVIII в., при всей самостоятельности русских авторов в комедийной трактовке темы суда.[2]

---

[1] Racine en Russie au XVIIIe siècle: la critique et les traducteurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. T. 7 (1927). Fasc. 1–2. P. 75–93; Racine en Russie au XVIIIe siècle: les imitateurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. T. 7 (1927). Fasc. 3–4. P. 241–260. Русский перевод: *Гуковский Г. А.* Расин в России в XVIII веке / Пер. с фр., предисл. и коммент. А. О. Дёмина // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–480.

[2] См.: *Гуковский Г. А.* Расин в России в XVIII веке. С. 449, 472–474. Текст пьесы и комментарий к ней см. в классическом издании: Œuvres de J. Racine / Nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, de notes, d'un lexique des mots et de locutions remarquables, d'un portrait, de fac-simile, etc. Par M. Paul Mesnard. Paris, 1865.

© А. О. Дёмин, 2015

В 1971 г. в энциклопедической статье И. Л. Финкельштейна о Расине появилось указание на русский перевод комедии «Les Plaideurs», опубликованный в 1797 г. под заголовком «Челобитчики».[3] Впоследствии этот перевод упоминался еще два раза в качестве библиографической ссылки в работах В. М. Мультатули,[4] однако без дальнейшего рассмотрения.

Издание 1797 г. было отражено в основных библиографических справочниках начиная с XIX в., однако лишь в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» был установлен переводной характер текста и авторство оригинала.[5] Действительно, в этом переводе отсутствует всякое указание на Расина, имена действующих лиц и содержание комедии русифицированы. Посвящение музе комедии Талии также вводит читателя в заблуждение. В нем произведение названо подражанием Мольеру: «Резвая Талия, голубоокая дщерь неба! тебе я посвящаю сие мое произведение. Обрати на него прелестный взор свой, и да усмехнутся нежные

Т. 2. P. 124–219. Авторитетный современный русский перевод И. Я. Шафаренко и комментарий Н. А. Жирмунской: *Расин Ж.* Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 217–298.

[3] См.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6: Присказка — «Советская Россия». Стб. 183. Имелось в виду следующее издание: Челобитчики, комедия в трех действиях, в стихах. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797.

[4] *Мультатули В. М.* 1) Расин в России. СПб., 2000. С. 254; 2) Расин в русской культуре. СПб., 2003. С. 233; *Расин Ж.* 1) Сутяги: комедия / Пер. В. Мультатули, издано иждивением переводчика. СПб., 2003. С. 57; 2) Театр: В 2 т. / Пер. с фр. В. М. Мультатули. СПб., 2007. Т. 1. С. 220.

[5] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1966. Т. 3: Р–Я. С. 15. № 5845. Ср.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1904. Ч. 3. С. 165. № 5676. В. Н. Всеволодский-Гернгросс, основываясь на объявлениях о продаже книги в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1797, № 89, 90) определял эту комедию как «соч.<инение> российское». См.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Алфавитный указатель пьес, представленных, а также изданных в России в XVII и XVIII вв. // Сборник Историко-театральной секции. Пг., 1918. Т. 1. Ст. 8. С. 68. Ссылка «Сводного каталога» на сведения об этом издании в «Архиве Дирекции императорских театров» ошибочна. В театральном справочнике говорится о спектакле французской труппы по оригинальной пьесе Расина в петербургском Каменном театре 27 (13) июля 1799 г. См.: Архив Дирекции Императорских театров. СПб., 1892. Вып. 1 (1746–1801). Отд. 3: Систематический свод сведений о личном составе, репертуаре и хозяйстве императорских театров. С. 207.

уста твои, читая слабое подражание острого и замысловатого пера сего Молиера, которого престол упразднен еще и поныне».[6]

Сведения о втором раннем русском переводе комедии Расина отражены в картотеке Отдела рукописей РНБ, а также в справочнике В. Ф. Петровой.[7] Это рукопись РНБ F.XIV.34, 18 листов, текст на листах 1–17 об. Лист использования сохранил сведения о немногочисленных просмотрах. 25 декабря 1959 г. — И. А. Кряжимская;[8] 20 сентября 1969 г. — Яссович.[9] Переплет Императорской публичной библиотеки. Инвентарный номер 6819. На л. 17 об. запись А. Ф. Бычкова о проверке. Рукопись представляет собой сшитую тетрадь в пол-листа, на бумаге бледно-желтого цвета. Филиграни «Pro patria». Тетрадь, заполненная текстом без существенных помарок и исправлений, представляет собой чистовую, вероятно, писарскую копию. Указания на авторство и датировку отсутствуют.

Сопоставляя текст перевода с аналогичными явлениями русской литературы, можно высказать предположения о времени его возникновения и о социальной принадлежности его автора. Комедия Расина переведена прозой, без существенных отступлений от хода действия в оригинале, однако со значительными сокращениями реплик и с частыми ошибками против грамматического и лексического смысла оригинала.[10] В результате обнажена и подчеркнута фарсовая зрелищность исходного драматического материала, наполненного словесными перепалками, акробатическими трюками, где присутствуют потасовка, переодевание и игра на сцене с животными. Перевод выполнен в русле «склонения на русские нравы», возникшего в истории русских драматических переводов

---

[6] См.: Челобитчики, комедия в трех действиях… С. 1.

[7] Материалы к истории театральной культуры России XVII–XX вв.: Аннотированный каталог / Сост. В. Ф. Петрова. Л., 1984. Вып. 2: Пьесы, либретто, нотные материалы. Кн. 1: Материалы XVII в. — 1917 г. С. 226. № 1428.

[8] Ирина Александровна Кряжимская (1925–1992), в 1956–1962 гг. младший научный сотрудник Группы по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Во время просмотра рукописи работала над кандидатской диссертацией «Борьба литературных направлений в русской театральной критике XVIII — начала XIX в.» (1962).

[9] Сведений об этом человеке отыскать не удалось.

[10] Полный или хотя бы просто развернутый обзор сокращений и ошибок этого перевода заслуживает отдельного специального исследования.

в 1760-е гг.[11] Заглавие переведено характерным для русской судебной системы словом «Челобитчики». Список действующих лиц русифицирован непоследовательно. Имена героев-любовников соответствуют именам в оригинале: Изабелла и Леандр. Имена слуг заменены русскими: Petit Jean — Иван, L'Intimé — Тихон.[12] Некоторые говорящие имена других персонажей заменены говорящими же русскими именами: судья Dandin — Сумасброд, кляузник Chicanneau — Сутягин. Имя помешанной на тяжбах графини de Pimbesche оставлено без перевода. Говорящее имя служанки La Brie передано как Мавра, а кличка собаки Citron — Цитрон. Так же непоследовательно проведена русификация содержания. Хотя в большинстве случаев устранены многочисленные фрагменты, содержащие указания на место действия во Франции, названия денежных единиц, мер и весов,[13] некоторые французские реалии, необходимые для развития сюжета, остались. В третьем действии разыгрывается комический суд над псом, сожравшим каплуна на кухне. В качестве обвинителя и защитника на импровизированном заседании выступают домашние слуги Сумасброда, одному из них помогает суфлер, но вся эта организация гласного состязательного судопроизводства противоречит российской судебной практике XVIII в. Без изменений осталась также не характерная для русской жизни XVIII в. интрига с подписанием брачного контракта.

Итак, прозаический русский перевод французской стихотворной комедии с неполным, но явно последовательным «склонением на русские нравы» более всего отвечает русской театральной переводческой практике начиная с 1770-х гг. Изображение судейского сословия на русской комедийной сцене, как демократической, так и профессиональной, оставалось актуальным в России на протяже-

---

[11] Об истории и технике этой переводческой практики см.: *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 71–82; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 27–45.

[12] В оригинале это прозвище, означающее «ответчик в суде».

[13] Показательна едва ли не единственная прямая, но неточная замена французского *quartaut* русским *анкерок*. *Quartaut* равнялся в зависимости от области от 97 до 150 л. *Анкер (анкерок)* в России — приблизительно 37 л. Таким образом, подношение Сутягина судье Сумасброду выглядит значительно скромнее, чем подарок Шикано Дандену в оригинале.

нии второй половины XVIII в. и позднее. Социальную остроту этой темы в драматургии усиливала, с одной стороны, судебная реформа 1775 г., с другой — развитие сатирической журналистики. Действительно, глупость, корыстолюбие, мздоимство, невежество и злонравие представителей судебной власти многократно высмеивались в комедиях А. П. Сумарокова, В. И. Бибикова, А. О. Аблесимова, И. Я. Соколова и особенно М. И. Веревкина в 1770–1780-е гг. Вершиной развития этой сатирической линии в драматургии стала комедия В. В. Капниста «Ябеда», ставшая одной из любимых и репертуарных пьес русского театра в первой трети XIX в.[14] Среди усвоенных в то же время образцов зарубежной комедиографии следует назвать шумный успех поставленной на российском театре комедии П.-О.-К. Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» в переводе А. Ф. Лабзина в начале 1787 г.[15] Центральное место в ее третьем действии занимает сцена суда над Фигаро, написанная со всей язвительностью опытного юриста, каким был Бомарше. В указанных условиях естественным и логичным было привнесение на отечественную почву тематически сходного иноземного произведения, тем более что комедия Расина была весьма популярна во французских театрах, ставилась чаще его трагедий и успешно соперничала даже с комедиями Мольера. В обоих ранних русских переводах полностью устранено указание на авторство. Более того, в печатном переводе сделана попытка внушить читателям, что это — оригинальное русское сочинение.

Если сравнить печатный и рукописный переводы, в них можно различить два уровня артистической тщательности при подходе к проблеме перевода. Печатный перевод выполнен стихами, в нем так или иначе переданы многие шутки оригинала, сокращений гораздо меньше, чем в прозаическом. «Склонение на русские нравы» произведено более последовательно. Действие перенесено в Москву. Заголовок также переведен «Челобитчики». В передаче имен собственных больше изобретательности. Герои-любовники на-

---

[14] О развитии темы сатиры на судейских в русской комедии XVIII в. см.: *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. С. 352–361.

[15] См. о переводе и переводчике: История русской переводной литературы… С. 87–88; *Кочеткова Н. Д.* Лабзин А. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: К–П. С. 178–179.

званы: Милон и Лила. Судья — Глупилин, любитель тяжб — Ябедин. У полоумной графини появилось русское имя — Дылдова, слуги названы — Иван и Фадей. Наиболее яркая комедийная сцена суда над псом, хотя и противоречит русской действительности, все же сохранена, но в ней сделана попытка воспроизвести сложный прихотливый рисунок стихотворного оформления реплик. В целом при сравнении двух переложений комедии можно сделать вывод, что рукописный прозаический перевод предназначен для менее взыскательной публики, ориентированной на быстрое и разнообразное сценическое действие, не замедляемое пространными, сложно построенными репликами. Вероятно, он был рассчитан на любительскую труппу демократического театра.

Печатные и рукописные «Челобитчики», появившиеся, по всей видимости, независимо друг от друга, не могли составить конкуренции «Ябеде» ни на сцене, ни в читательском восприятии, ни в истории литературы. Комедия Капниста превосходила их и остротой трактовки темы, и богатством национального содержания, и блеском стихотворной техники. Говоря об изощренности комедийного стихотворного языка Расина, не переданного, однако, в полной мере московским переводчиком, следует помнить о таких блестящих новациях Капниста, как: стихотворное изображение речи заики; сочетание двух стихотворных текстов, произносимых одновременно; обессмысливающие речь неожиданные пунктуационные цезуры.[16] Нельзя при этом полностью исключить связь появления московских «Челобитчиков» с попытками опубликовать «Ябеду» в течение 1790-х гг.[17]

Первые русские переводы комедии Расина не создали традиции и, по-видимому, не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории русской литературы и театра. И все же мимо них нельзя пройти, изучая этапы восприятия творчества этого французского драматурга в России. Не стоит также забывать, что через «Челобитчиков»

---

[16] Роль Радбына; действие 5, явление 2; чтение дела прокурором Кохтиным там же. Заикание судьи Бридуазона из «Женитьбы Фигаро» могло послужить идеей для заикания Радбына.

[17] Об истории публикации подробнее см.: *Мацай А. И.* «Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1958; *Капнист В. В.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 1: Стихотворения, пьесы. С. 748–750.

неявным образом в России становился известен сюжет комедии Аристофана «Осы», легшей в основу комедии Расина.

Судя по сведениям, встречаемым в литературе,[18] представления авторов о позднейших переводах «Les Plaideurs» неполны, поэтому уместно привести их краткий библиографический обзор, полезный для дальнейшего исследования темы и для тех, кто в будущем захочет вновь перевести пьесу на русский язык.

Новое обращение к комедии Расина на русской почве происходит уже после судебной реформы 1864 г. В 1877 г. появился своеобычный перевод Н. Л. Пушкарева (1841–1906), выполненный разностопным «грибоедовским» ямбом[19] с многочисленными изменениями против оригинала. В заголовке ее мы видим слово «Сутяги», переходившее затем от переводчика к переводчику.

6 февраля 1887 г. группа любителей в помещении московского Немецкого клуба исполнила комедию «Сутяги» в переводе и под руководством известного театрального деятеля и писателя А. Ф. Федорова (1841–1895). В этом вечере участвовал К. С. Станиславский.[20] Успех выступления подвиг его участников к созданию Московского общества искусства и литературы, важного этапа в театральной карьере Станиславского. Перевод Федотова отличает, с одной стороны, верность оригиналу и полнота, с другой, — яркая сценичность и живой естественный русский язык. Федотов впервые переводит предисловие Расина к комедии и снабжает текст полезными сценическими ремарками,[21] частью взятыми из старых французских изданий или, скорее, из упомянутого выше издания П. Менара.

В XX в. в советской России интерес переводчиков «Сутяг», по-видимому, переместился исключительно в область литературы. По-

---

[18] См., напр.: Театр французского классицизма: Пьер Корнель, Жан Расин / Пер. с фр. М.: «Художественная литература», 1970. С. 595; упомянутые выше работы Финкельштейна и Мультатули.

[19] *Расин Ж.* Сутяги Жана Расина: Комедия в трех актах. В стихах. М., 1877 (Переводы Н. Л. Пушкарева. Вып. 1). В том же году пьеса четырежды прошла в Московском Малом театре. См.: История русского драматического театра: В 7 т. М., 1980. Т. 5. С. 520.

[20] См.: *Станиславский К. С.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1954. Т. 1. С. 101, 457.

[21] Публикацию его см.: *Федотов А. Ф.* Полное собрание драматических сочинений и переводов. М., 1890. Т. 3. С. 201–280.

становки этой комедии неизвестны. Она, однако, была дважды заново переведена. М. М. Тумповская (1891–1942) выполнила свой перевод для издания двухтомника Расина в издательстве «Academia».[22] В 1959 г. отдельной книжкой вышел перевод И. Я. Шафаренко (1918–1999).[23] Ему была уготована самая счастливая издательская судьба и положение классического в русской переводной литературе.[24] Перевод В. М. Мультатули (р. 1929), появившийся в печати в первые годы XXI в., представляется шагом назад в отношении точности, художественной цельности и убедительности.[25]

Ниже приводится текст рукописного перевода комедии Расина «Les Plaideurs», хранящийся в РНБ. При публикации показано распределение текста по листам. Конъектуры специально оговариваются в примечаниях. Без дополнительных оговорок последовательно проведены следующие графические замены:

— конечный ъ опускается, буква *і* заменяется *и*; *ѣ* заменяется е; форма *онѣ* заменяется *они*; форма *обѣих — обоих*;

— фонетические написания без дополнительных оговорок заменяются равнозначащими вариантами в современной орфографии. Примеры: *Сумозброд — Сумасброд, Цытрон — Цитрон, естьли — если, бояри — бояре, подвергнится — подвергнется, маладой — молодой, ево — его, епончей — епанчей, кормане — кармане, самой — самый, лешай — леший, душут — душат, стоют — стоят* и т. п. Неустойчивое написание *ея* и *ее* в родительном и винительном падеже унифицируется в форме *ее*. Цифровые написания числительных заменены словесными;

---

[22] *Расин Ж.* Сочинения: В 2 т. / Очерк А. Франса, пер. под ред. А. М. Эфроса. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 85–164.

[23] *Расин Ж.* Сутяги: Комедия в трех действиях / Пер. с фр. Инны Шафаренко; под ред. А. А. Смирнова. Л.; М., 1959.

[24] В отличие от всех других переводов «Сутяг» этот переиздавался дважды крупными тиражами: Театр французского классицизма: Пьер Корнель, Жан Расин / Пер. с фр. М., 1970. С. 405–452 (Сер.: Библиотека всемирной литературы. Сер. первая. Т. 43); *Расин Ж.* Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 217–298.

[25] Он выпущен малым тиражом, без сведений об издательской ответственности, а потому известен мало: *Расин Ж.* Сутяги: комедия / Пер. В. Мультатули, издано иждивением переводчика. СПб., 2003; *Расин Ж.* Театр / [Изд. и пер. В. М. Мультатули]. СПб., 2006. Т. 1. С. 131–186.

— сочетание *io* передается буквой *ё*;

— знаки препинания ставятся в соответствии с современными нормами.

Челобитчики

л. 1

Комедия в трех действиях в прозе

Комедия Челобитчики

л. 1 об.

В трех действиях

С у м а с б р о д, судья
Л е а н д р, сын его
С у т я г и н, мещанин
И з а б е л л а, дочь его
Г р а ф и н я
И в а н, докладчик
Т и х о н, секретарь
С у ф л е р

Действие I

л. 2

Я в л е н и е 1-е

И в а н *тащит на себе большой мешок <челобитных>**

И так я очень часто об этом размышляю, как нам будущее неизвестно, кто знает, что с ним случится впредь; сегодни радуемся, а завтра плачем, и в один час всё переменяется; господин мой прошлого году привез меня снизу и сделал у себя докладчиком; да пусть над нами издеваются, нам жить не худо; с пустыми руками ко мне никто не подвергнется, и большие бояре скидают шляпу передо мной; расходы домовые также у меня в руках, только одна беда, барин мой помешался на том, что день и ночь всех судить хочет, не спит, не ест, исхудал от того, ложится в платье часто и не емши, встает рано и недавно, осердясь на петуха, отрубил ему голову, что поздно его разбудил. Будто бы с челобитчика он взял взятки за это,

какие бредни, а сын его об том очень печалится; мы же, бедные холопы, должны день и ночь караулить его; молодой барин часто запирает его; он и по ночам ищет, кого бы судить; совсем помешался, и я уже, право, так измучился. Пропади он с челобитчиками, лягу здесь на улице, мне никто не помешает, и я никому. Вот моя подушка! *(Ложится на землю на подушку).*

Явление 2-е

Тихон, Иван

Тихон. Ей! Иван, Иван!

л. 2 об. Иван. Что, Тихон? *(Отворотясь).* Он уж боится, не простудился ли я?

Тихон. Что за черт, что ты так рано на улице делаешь?

Иван. Неужли мне, как журавлю, на одной ноге стоять на карауле? И стеречь сумасшедшего, который день и ночь кричит и хлопочет по-пустому; какая это глотка, уж не колдун ли он, никогда не охрипнет.

Тихон. Изрядно, изрядно.

Иван. Вчера ночью разбудил меня, я ему говорю: я, сударь, спать хочу; а он говорит мне: подай об этом по форме прошение, как ты спать хочешь.

Тихон. Какое сумасшествие и день и ночь судить и дела читать. Да когда же спать-то нам, да вот я слышу шум за дверьми.

Явление 3-е

Сумасброд, Тихон, Иван

Сумасброд *(глядит в окошко).* Ей! Тихон, Иван!

Тихон *(Ивану).* Тише, тише.

Сумасброд. Я здесь один, а вот просители. Если я промешкаю, они все уйдут, нет, я вылезу в окошко. *(Лезет).*

Тихон. Какой мастер лазить!

Иван *(не пускает).* Воля ваша — я вас не пущу.

л. 3 Сумасброд. Воры, воры!

Иван *(держит его).* Нет, сударь, не уйдёте.

Тихон. Кричи, как угодно.

Сумасброд. Помогите, помогите, меня душат! *(Вылезает в окно).*

Явление 4-е

Леандр, Сумасброд, Тихон, Иван

Леандр. Скорей, огня, огня, я слышу голос батюшкин! Ах! батюшка! что вы здесь на улице так рано делаете?

Сумасброд. Я иду судить, слушать дело, приговор писать.

Леандр. Опомнитесь, батюшка, кого судить, в это время обыкновенно все спят.

Иван. Все спят кроме нас.

Леандр *(Ивану)*. Что за мешок ты всегда таскаешь?

Сумасброд. Я положил три месяца не входить в дом свой и запасся целым мешком челобитен.

Леандр. Да кто же вас кормить станет?

Сумасброд. Буфетчик наш, я думаю.

Леандр. Где же вы спать будете?

Сумасброд. В суде, где дела слушают.

Леандр. Батюшка, послушайтесь меня, успокойтесь, останьтесь дома, поберегите свое здоровье. *л. 3 об.*

Сумасброд. Я хочу быть больным.

Леандр. Вы не больны, но от беспокойства так худы, что у вас кости кожей обтянуты.

Сумасброд. Молчи ж; тебе хочется повелевать мной, ты думаешь, что судья может покоиться и выполнять все прихоти так, как вы, сорванцы, топтать мостовую, скакать по балам, волочиться. Безумцы вы, денежки-то нам не так легко достаются. Каждая ниточка на тебе стоит мне приговору. Я думаю, тебе стыдно, что на мне такой кафтан, что ты думаешь об дворянах; много я видел таких, которые причесаны по моде, тупей как у петуха гребень, руки в кармане, а нос епанчей закрыт, а как издрогнут, забегут в мою кухню вертел ворочать, чтобы согреться. Ты же помнишь увещания своей покойной матери; прямая была хозяйка, умела дом собрать, а ты самый глупец будешь.

Леандр. Вы меня убиваете. Иван, отведи его в комнату свою, положи в постелю, вели скрыть окны, затвори двери, чтобы теплее было.

Иван. Прикажите же там, у дверей, рогатку закинуть.

Леандр. Ляжьте, батюшка, хоть отдохните.

Сумасброд. Как, меня кладут спать без приговору, нет, без суда никто не накажет.

Л е а н д р *(людям)*. Не отлучайтесь от него!

л. 4 С у м а с б р о д. Я пойду лягу и спать не буду вам на зло, а вас всех взбешу. *(Уходит)*.

Я в л е н и е 5-е

Л е а н д р, Т и х о н *(двое)*

Л е а н д р. Я хочу с тобой наедине поговорить.

Т и х о н. О чем, сударь, неужли и себя велите вы стеречь так же, как батюшку?

Л е а н д р. Правду сказать, и мне в том нужда есть. Я заражен дурачеством, похожим на батюшку.

Т и х о н. Ах, не вздумалось ли и вам судить всех?

Л е а н д р *(показывает на дом Изабеллы)*. Оставим эту шутку. Знаешь этот дом?

Т и х о н. Я вас разумею. Любовь щекочет ваше сердечко, вы говорите об Изабелле; я вам давно сказывал, что она очень умна и прекрасна; но подумайте, что отец ея г. Сутягин, страшный ябедник, ко всему прицепится и о чем уже не подавал челобитен, половину имения расточил в тяжбах и, если он не умрет, то, право, к ответу все государство соберет сюда, точно ваш батюшка один судит, а другой готов просить день и ночь; великое чудо будет, если он со временем не заведет тяжбы со своим зятем, попом и нотариусом.

Л е а н д р. Я это все знаю, но я умираю от Изабеллы.

Т и х о н. За чем же дело стало. Женитесь на ней. Стоит только поговорить ее отцу, и дело сделано.

Л е а н д р. Это не так скоро делается. Как ты думаешь, отец её
л. 4 об. как леший, и к нему хоть черт приди, дочери его ни//кто не увидит; она, бедная, в своем доме, как в темнице, сидит и молодость свою в тоске проводит, а любовь моя к ней исчезает в дыму; он же в тяжбах разоряется, и если его не остановить, то он всего лишит дочь свою. Не знаешь ли, Тихон, проворного человека, кто бы мне помог в том деле, разумеется, за деньги, я ему заплачу дорого.

Т и х о н. Как, сударь, не знать; за деньги всякий охотно на себя сей труд примет.

Л е а н д р. Да кто же бы такой, скажи скорее!

Т и х о н. Ах, государь мой! Если бы покойный отец мой был жив, он в таких случаях отменно был способен, а при самой старо-

сти был отважен, расторопен, смел и в один день выработывал то, что другой в полгода не получит. Разве я не его сын, я вам услужу охотно.

Л е а н д р. Ты!..

Т и х о н. Как самый исправный полицейский.

Л е а н д р. Ты отнесешь к отцу подделанную на него просьбу?

Т и х о н. С великим искусством.

Л е а н д р. Ты отдашь дочери его мое письмо?

Т и х о н. Для чего же, сударь, я всякому ремеслу горазд.

Л е а н д р. Поди же сюда. Ах! Это он, вот кричит, я слышу его голос. *(Уходит)*.

Явление 6-е

Иван, Сутягин

С у т я г и н *(ходит взад и вперед, говорит служанке, выходя из дому)*. Мавра, вели смотреть за домом, наверх никого не пускай. *л. 5* Я сейчас возвращусь, письма эти вели отнесть на почту. Возьми три жирных кролика, отошли их прокурору, а если придет большой детина сухощавый, отдай ему мешок, что в сенях висит. Этот человек мне очень нужен, он у меня всегда в свидетельстве и проклинает за меня свою душу во всякой неправде; скажи ему, чтоб он меня дождался, я спешу застать судью, уж четыре часа, постучусь у дверей.

И в а н *(отворяет дверь)*. Кто там?

С у т я г и н. Можно ль видеть господина судью?

И в а н *(затворяет дверь)*. Нет, сударь, не можно.

С у т я г и н *(стучит опять)*. Можно ли сказать ему одно слово! А его секретарь где?

И в а н. Нет, никого нельзя видеть.

С у т я г и н *(опять стучит)*. А господин докладчик где?

И в а н *(отворяет дверь)*. Я вот к вашим услугам.

С у т я г и н *(дает ему деньги)*. Вот тебе, мой друг, выпей за мое здоровье.

И в а н *(взяв, затворяет)*. Желаю вам всякого благополучия, завтра пожалуйте.

С у т я г и н. А! так отдай же деньги назад, о, как же свет испортился! Бывало по тяжбе за десять пятьдесят выиграешь, а нонеча

хоть все имение расточи; брать берут, а дела не делают. Но вот я вижу, графиня Пинбеш сюда идет.

л. 5 об.

Явление 7-е

Графиня, Сутягин

Сутягин. Ваше сиятельство, сюда никого не пускают.

Графиня. Я это отгадывала. Какие несносные мои люди, всегда опоздаю, как ни приказываю ранее вставать, но всегда должна разбудить их.

Сутягин. Здесь всё как будто запечатано.

Графиня. Я два дня уже не могу добиться поговорить с судьею.

Сутягин. А я, ваше сиятельство, уже другую неделю хожу.

Графиня. Если ж меня не пускают, то как же вам жаловаться?

Сутягин. Да мое дело совсем правое.

Графиня. Какие натяжки!

Сутягин. Извольте выслушать, я вам расскажу. Лет пятнадцать или двадцать по моему лугу прошел осел и сделал потраву. Я подал просьбу, отослали в уездный суд, я просил свидетельства, потравы сделано на две охапки сена, дело отослали в другой суд, я подал апелляцию, а между тем другие тяжбы; курица моего соседа зашла ко мне на двор, поклевала овёс у моих лошадей, я опять просьбу, чтобы велено заплатить столько, что курица может в один день овса поклевать, дело замешкалось, а между тем гербовая бумага, разные приносы, все мне стоят шестьсот, а дело и теперь не кончено. Я еще подаю просьбу о том же.

Графиня. Вам уж это не безделица стоит.

Сутягин. А вашего сиятельства какое дело?

л. 6

Графиня. Мои дела все к концу приходят; а теперь я начинаю опять, на моего отца, на мужа, на детей. Они меня притесняют, определяют мне пенсию, а хотят взять с меня подписку, чтоб я ни в какие тяжбы не входила.

Сутягин. Какое бесчеловечие, я удивляюсь тому.

Графиня. А я от того во отчаяние прихожу.

Сутягин. Может ли больше этого быть зверства, связать по рукам и по ногам такую просвещенную женщину. Да велика ли эта пенсия, что они вам определяют.

Г р а ф и н я. Я могу себя содержать без нужды. Но подумайте, можно ли жить, не входя ни в какие тяжбы, какая это мучительная жизнь!

С у т я г и н. Правда, ваше сиятельство, поэтому нас и с костьми сгложут, а мы все молчать должны; а смею спросить, давно ли вы стали входить в тяжебные дела?

Г р а ф и н я. Не помню, право, лет тридцать, кажется, не более.

С у т я г и н. А это не так давно. Сколько вам от роду лет? Ваше лицо довольно свежо еще.

Г р а ф и н я. Какие-нибудь шестьдесят.

С у т я г и н. Ах, какие леты, самые, самые такие, чтобы тяжбы начинать.

Г р а ф и н я. Я, конечно, их не оставлю, но хотя последнюю рубаху продам, но все или ничего.

С у т я г и н. Вот, сударыня, что надобно делать.

Г р а ф и н я. Охотно слушать вас хочу.

С у т я г и н. Я пойду, сыщу судью. *л. 6 об.*

Г р а ф и н я. Да, да, и я пойду его искать.

С у т я г и н. Я брошусь к его ногам.

Г р а ф и н я. Да и я брошусь, я на то решилась.

С у т я г и н. Да вы слушайте ж меня, сейчас иду искать его и скажу ему.

Г р а ф и н я. И я скажу ему, что хочу быть свободна.

С у т я г и н. А другому что скажете?

Г р а ф и н я. Что я не хочу быть так стеснена.

С у т я г и н. А потом что скажете?

Г р а ф и н я. Что я невольницей жить не могу.

С у т я г и н. Вас назовут за то сумасшедшей.

Г р а ф и н я. Какой же ты сам дурак.

С у т я г и н. За что вы, сударыня, так…

Г р а ф и н я. Ах, невежа, с своим ослом выдумал мне поучение делать.

С у т я г и н. Вы меня бесите!

Г р а ф и н я. Ах, как он глуп, поди береги сена своего, чтобы осел не поел.

С у т я г и н. Какая беда, что нет свидетелей!

Явление 8-е

Иван, Графиня, Сутягин

Иван. Вот прекрасная ярмонка у наших дверей. Господа, прошу подалей с таким шумом.

л. 7 Сутягин. Государь мой, будьте же вы свидетелем.

Графиня. Что этот господин дурак набитый.

Иван. Ах! сударыня, на что вы это слово выпустили?

Графиня. Это очень мило, что он меня за дуру считает.

Иван. Он дурой вас назвал, виноват, ты на что бранишься?

Сутягин. Выслушайте меня до конца.

Графиня. Как мне сносить ругательство такое!

Сутягин. Крикунья, перестань.

Графиня. Ах, какой обидчик!

Сутягин. Тебе и в тяжбы-то не велят входить.

Графиня. Какое тебе до того дело, вор, бездельник!

Иван *(отворотясь)*. По правде сказать, обоих бы вас связать должно.

Действие 2-е

Явление 1-е

Леандр и Тихон *(в полицейском мундире)*

Тихон. Я, сударь, не могу многие лица представлять. Я буду полицейский, а вы наденьте батюшкин кафтан и парик его, представьте комиссара, а меня пошлите в Сутягину. Я его к ответу, по просьбе графини, которую он обидел. Но что же вы ничего не говорите, каков я в новом моем уборе, похож ли я на полицейского?

л. 7 об. Леандр. Совершенно похож, очень, очень хорош.

Тихон. Ну, сударь, я пойду к нему требовать его к ответу, а вы между тем поговорите с Изабеллой и постарайтесь о свадебном договоре. Не замедля, за мной войдите, я займу отца делом между тем, и после смотрите ж, что он его подпишет, и потом уж нечего ему делать.

Леандр. Ну, смотри же, не отдай моего письма ему вместо просьбы.

Тихон. Не бойтесь, сударь, я очень осторожен.

Тихон стучится в дверь к Изабелле.

Явление 2-е

Изабелла, Тихон

Изабелла. Кто там?

Тихон *(в сторону)*. Это голос Изабеллы.

Изабелла. Кто вам здесь надобен, государь мой?

Тихон. Я пришел с повелением из полиции. Извольте меня выслушать.

Изабелла. Извините меня. Я не понимаю вас. Батюшка мой придёт сюда, то вы ему можете сказать о том.

Тихон. Так его теперь нет здесь?

Изабелла. Нету, сударь.

Тихон. Подписано на имя ваше. Не угодно ли прочесть.

Изабелла. Вы, верно, ошиблись. Я никаких тяжебных дел не имею, и если б все до них такие были охотники, // то вы бы все веч- *л. 8*
но себе не нашли места, прощайте.

Тихон. Позвольте, сударыня.

Изабелла. Не позволю.

Тихон. Это не тяжебное дело.

Изабелла. Песенка какая-нибудь.

Тихон. Это письмо.

Изабелла. Еще меньше того.

Тихон. Извольте прочитать.

Изабелла. Не удерживайте меня.

Тихон. Это от господина…

Изабелла. Прощайте.

Тихон. Леандра.

Изабелла *(говори<т> тише это)*. От господина?..

Тихон. Что за пропасть, я из сил выбился, а вы не хотите понимать меня.

Изабелла. Ах! Тихон! Извини, подойди же.

Тихон. Да вы мне дверью нос было своротили.

Изабелла. Как же можно тебя узнать в этой одежде? Подай же письмо!

Тихон. Возьмите, да впредь не будьте так скоры.

Явление 3-е

Сутягин, Изабелла, Тихон

Сутягин. Я дурак на ее счет, как досадно, если она упредит
л. 8 об. подать просьбу на меня; меня это очень мучит. // Да я вижу, здесь кто-то говорит с моею дочерью; подает ей письмо; верно, от любовника, пойду ближе.

Изабелла. В самом ли деле твой господин так чистосердечен, могу ли ему верить?

Тихон. Истинно, сударыня, он давно уже страдает. *(Увидя Сутягина)*. Вы сегодня узнаете, что тяжбой своей батюшка ваш ничего не выиграет.

Изабелла *(увидев отца)*. Да вот и батюшка. Уверьте его, если более станут вас притеснять, то вы умеете защищаться. *(Раздирает письмо)*.

Сутягин. Как, за что на меня еще вышла просьба, а ты, любезная дочь, поди обними меня, вот, видно, моя кровь вступается за мое право, да на что же ты изодрала эту бумагу?

Изабелла. Для того, чтобы доказать имя, что я не трушу и презираю их угрозы.

Сутягин. Вы, сударь, на нее не прогневайтесь.

Изабелла *(Тихону)*. Прощайте.

Явление 4-е

Сутягин, Тихон

Тихон *(садится писать)*. Ну, извольте же отвечать, сударь.

Сутягин. Извини её, государь мой. Она совсем этих дел не знает. Вот лоскутки письма, я соберу их и прочитаю. *(Подбирает)*.

Тихон. Нет, нет, не надобно, у меня есть копия.

Сутягин. Очень рад. Да отчего это, сударь, чем более я вглядываюсь, то мне кажется, ваше лицо мне знакомо, вы, право, схожи, не помню на кого-то.

л. 9 Тихон. Вы обо мне после узнаете, что я свою должность хорошо отправляю.

Сутягин. От кого же вы присланы?

Тихон. От одной знатной госпожи, которая требует вас к ответу, что вы ее лично обидели.

С у т я г и н. Я именно не помню, чтоб я кого обидел; да чего же она от меня хочет?

Т и х о н. Чтобы вы при свидетелях признались, что вы её не называли дурой и сумасшедшей.

С у т я г и н. Ах! верно, это графиня моя.

Т и х о н. Точно так, сударь. Я вас уверяю, что ее просьба важная и что вы от нее дешево не отделаетесь. *(Читает)*. Но посмотрим, что она здесь поет. Просит графиня Депенбеш Арбеш, знатная госпожа и прочая, чтобы господин Сутягин при четырех свидетелях признал ее за умную и расторопную женщину; а как ваше имя, смею спросить?

С у т я г и н. Да в чем же признаться?

Т и х о н. Ну, так вы неизбежно должны заплатить за бесчестье.

С у т я г и н. Помилуйте, за что мне платить; она сама меня больше обидела.

Т и х о н. Заплатишь, конечно, дорого.

С у т я г и н. Ты какой-нибудь плутишка.

Т и х о н. За что обижаете честного человека?

С у т я г и н. Да еще плут большой руки.

Т и х о н. О! за эту обиду еще больше заплотишь.

С у т я г и н. О! за эту обиду пощечиной заплачу тебе?

Т и х о н. Опробуйте, я вам позволю. *л. 9 об.*

С у т я г и н. Ты меня бесишь; вот тебе! *(Ударил по щеке)*.

Т и х о н *(пишет)*. Напишем в прибавок старому заслуженному офицеру пощечину.

С у т я г и н *(толкает его в спину)*. Прибавок еще толчок.

Т и х о н. О! это самыми чистыми деньгами плати. Пойдем же, пойдем за мной теперь, теперь не отделаешься.

С у т я г и н. Мошенник, отойди!

Т и х о н. Не угодно ли будет вам не сильно ударить палкой. *(Садится и пишет)*.

С у т я г и н. Ах! извините, я верю, что вы полицейский вправду. Я этаких людей очень почитаю.

Т и х о н. Нет, нет, за такую дешевую цену людей заслуженных бить нельзя.

С у т я г и н. О сударь! без тяжбы, без тяжбы.

Т и х о н. Благодарен. Пощечина и толчок вместе.

С у т я г и н. Да возврати мне все это назад лучше.

Явление 5-е

Леандр *(в комиссарском платье)*, Сутягин, Тихон

Тихон. Вот очень кстати. Государь мой! Этот человек подарил меня самой полновесной пощечиной, а вы, комиссар, разберите.

Леандр. Как! Вам пощечину!

Тихон. Мне точно, сударь, да еще толчок в спину и несколько ругательных слов.

Леандр. Вам! Да кто свидетель, есть ли?

л. 10 Тихон. Вот, извольте пощупать, еще горяча пощечина, не простыла.

Леандр. Какая дерзость, дело криминальное.

Тихон. Да еще дочь его порвала бумагу и над нами насмехалась.

Леандр. Позови сюда дочь его, их семейство видно все прегрубые.

Тихон. Сейчас, сударь, позову.

Леандр. Как бить полицейского. Да вот и преступница.

Явление 6-е

Те ж, Изабелла

Тихон *(Изабелле, тихонько)*. Ты его узнала?

Леандр. Это вы насмехались всем судьям и бумагу изодрали? Как ваше имя?

Изабелла. Меня зовут Изабелла?

Линдор *(Тихону)*. Запиши. А сколько вам лет?

Изабелла. Восемнадцать.

Сутягин. Немного постарее. Да нет нужды.

Леандр. Замужем ли вы?

Изабелла. Нет еще, сударь.

Леандр. Вы смеетесь. Запиши, что она смеялась.

Сутягин. Ах! я этого не ожидал. Остерегайся, Изабелла, в речах при них.

Леандр. Не тревожьтесь, отвечайте вольнее, вам худо не сделают. Получили ли вы бумагу от Тихона?

Изабелла. Получила.

л. 10 об. Леандр. Вы изодрали, не читавши.

Изабелла. Нет, я ее прочитала прежде.

Л е а н д р *(Тихону)*. Продолжай писать. *(Изабелле)* Для чего же вы изодрали?

И з а б е л л а. Я испугалась, чтоб батюшку не огорчить.

С у т я г и н. Уже и струсила, бегает тяжбы, какая негодная!

Л е а н д р. А вы от досады и презрения изодрали?

И з а б е л л а. Я не имею ни досады, ни презрения на того, кто ее писал.

Л е а н д р. Вы смеетесь. Пиши тут же, что она смеялась.

С у т я г и н. Я вам сказываю, что она у меня много заняла, отвечает порядочно. Бедная девчонка, поди ко мне, я скоро тебя замуж отдам, лишь бы без приданого, хоть сейчас.

Л е а н д р. Подпишите же допросы.

И з а б е л л а. Сейчас, с охотой, извольте. *(Подписывает)*.

Т и х о н. И вы подпишите.

С у т я г и н. Если дочь подписала, то и я пишу, она на балы не даст на себя.*

Л е а н д р *(Изабелле, Тихону)*. Дело пошло на лад, свадебный договор подписали.

С у т я г и н *(в сторону)*. Что он ей говорит; верно, удивляется её разуму.

Л е а н д р. Прощай, любезная, будь всегда так же умна, как прекрасна! А вы подите за мною.

С у т я г и н. Куда прикажете?

Л е а н д р. Вы после об этом узнаете.

Я в л е н и е 7-е

л. 11

Л е а н д р, С у т я г и н, И в а н *(не видав Леандра)*

И в а н. Вот кто-то идет, не видал ли он моего господина, и куда он вылез, конечно, в окно.

Л е а н д р. С кем он там говорит?

И в а н. Я не знаю, где и сын-то его девался. Я побежал в кухню за перцем, сам же барин послал; пока я возвратился, и он исчез из глаз и пропал.

Я в л е н и е 8-е

С у м а с б р о д, Л е а н д р *(Сумасброд на чердаке)*, С у т я г и н, Т и х о н, И в а н

Л е а н д р. Ах! что я вижу на чердаке!

С у м а с б р о д. Что за люди вы? Какое ваше дело, вы стряпчие или челобитчики?

И в а н. Он влез туда судить кошек.

С у м а с б р о д. Видели ли вы моего секретаря? Спросите у него, знаю ли я, какое ваше дело.

Л е а н д р. Надобно его стащить оттудова; смотри же, Тихон, за Сутягиным!

И в а н. Как же, сударь, не смотреть.

Л е а н д р. Молчи, глупец, иди за мною!

Явление 9-е

Графиня, Сумасброд, Сутягин, Тихон

С у м а с б р о д *(на чердаке)*. Скорей подавайте ваши челобитные!

С у т я г и н. Меня, государь мой, взяли под караул без суда.

Г р а ф и н я. Ах! что это значит? Господин судья на чердаке, что он там делает?

л. 11 об. Т и х о н. Он там принимает челобитные.

С у т я г и н. Меня обижают, ругаются мной. Я пришел к вам жаловаться.

Г р а ф и н я. И я пришла также жаловаться.

С у т я г и н и Г р а ф и н я *(вместе)*. Вы видите здесь моего соперника.

Т и х о н. Вот прекрасный случай мне к ним присоединиться.

С у т я г и н, Г р а ф и н я и Т и х о н *(вместе говорят)*. Государь мой, примите нашу жалобу. *(Подают бумаги)*.

С у т я г и н. Да погодите, лучше по одиночке объяснитесь.

С у м а с б р о д. Ну, сказывайте, какое ваше дело?

(И опять все трое вместе).

Г р а ф и н я. Меня бранили и обидели очень.

Т и х о н. А я сверх того пощечину получил.

С у т я г и н. Я, сударь, внучатый брат вашего правнучатого племянника.

Т и х о н. А я — воспитанник вашего аптекаря.

Г р а ф и н я. А я графиня Пинбеш, Орбеш и прочая.

С у м а с б р о д. Продолжайте, продолжайте. Я вас всех понимаю. *(Уходит во внутренность дома)*.

С у т я г и н. Вот и прием кончился. Я не успел ему трех слов сказать.

Явление 10-е

Сутягин, Графиня, Тихон,

Леандр *(в собственном платье)*

Леандр. Господа мои! Сделайте милость, оставьте нас с покоем.

Сутягин. Можно ли, сударь, войтить?

Леандр. Нет, нет, никак не можно. *л. 12*

Графиня. Позвольте мне войтить, а этих бродяг не пускайте.

Леандр. Истинно, сударыня, невозможно.

Графиня. Нет, сударь, я верно войду.

Леандр. Разве в окошко влезете.

Графиня. Нет, в дверь и войду, конечно.

Сутягин. А я хоть ночую здесь, но дождусь его.

Явление 11-е

Леандр, Сутягин, Графиня, Тихон, Иван

Иван *(Леандру)*. Я вас уверяю, что его они здесь не дождутся. Я отвел его в нижние покои, что подле погреба.

Леандр. Одним словом, скажу вам, что вы сегодня не увидите моего батюшки.

Сутягин и Графиня *(вместе)*. Хоть бы на полчаса пожаловал, нам крайняя нужда его видеть. *(Сумасброд из погреба глядит чрез решетку во одушину)*. Ах! да вот он! какое счастие для нас!

Леандр. Ах! уж он в погребу, глядит в решетку.

Сутягин *(хватает Сумасброда)*. Государь мой!..

Сумасброд. Что за черт, я бы вылез, он мне мешает, отойди, скотина мерзкая.

Сутягин. Выслушайте меня, государь мой!

Сумасброд. Замолчишь ли ты?

Сутягин. Я велел отнести к вам…

Сумасброд. Отведите его в тюрьму. *л. 12 об.*

Сутягин. Анкерок самого лучшего старого французского.

Сумасброд. Отведите же его.

Сутягин. Чрезвычайное вино, отведайте прежде.

Сумасброд. Ну, ну, так и быть, перескажи, о чем просишь.

Графиня. Он вам всё лжет.

Сутягин. Нет, сударь, я правду говорю.

С у м а с б р о д. Замолчи, дай выговорить.

Г р а ф и н я. Выслушайте меня.

С у м а с б р о д. Он меня задушил.

Г р а ф и н я. Я вам скажу…

С у м а с б р о д. Ах, дай же дух перевесть.

Г р а ф и н я. Обратите ко мне внимание.

С у м а с б р о д. Ну, пропал я совсем.

С у т я г и н *(хватает его за руки и падает в погреб к нему)*. Ах! вы меня стащили, я скоро упаду к вам, потише.

И в а н. Вот хорошо, оба в погребу; они там перебьются до смерти.

Л е а н д р. Бегите скорей к ним на помощь, а Сутягина не вели выпускать.

Я в л е н и е 12-е

Г р а ф и н я, Л е а н д р

л. 13 Г р а ф и н я. Он ему прокричит там голову, позвольте и мне к нему войтить в погреб.

Л е а н д р. Может быть, уже они оба там кончаются, туда же вам идтить никак не можно.

Г р а ф и н я. Видно, старое французское взяло свое действие и над сыном так же, как над отцом. Я буду просить далее, а здесь толку не добьешься.

Я в л е н и е 13-е

С у м а с б р о д, Л е а н д р, Т и х о н

Т и х о н *(<Сумасброду>)*.* Куда вы, сударь, бежите, вы всегда подвергаете себя опасности, вы уже хромаете, конечно, ушиблись вы.

С у м а с б р о д. Я иду судить.

Л е а н д р. Куда вы, батюшка? Позвольте перевязать себе ногу, скорей за лекарем!

С у м а с б р о д. Нет ли у лекаря какой тяжбы, вели ему принести и дело сюда.

Л е а н д р. Ах, батюшка, постойте!

С у м а с б р о д. О! я вижу, тебе хочется взять меня в команду,* да ты не имеешь ко мне никакого уважения.

Л е а н д р. Сделайте милость, батюшка. Если вы не можете жить без того, чтобы не судить, то лучше вам продолжать практику над домашними, вы можете всех нас судить, и тем заниматься. Это для вас будет гораздо покойнее.

С у м а с б р о д. Да как же это сделать? Я хочу быть судьею на деле, а не на словах.

Л е а н д р. Да вы и будете судья семейства и правосудия. // Если *л. 13 об.* человек ваш сделает вину или какой беспорядок, вы можете приговоры делать.

С у м а с б р о д. Это дело возможное. Да кто же мне за труды будет платить?

Л е а н д р. Люди ваши получают жалование, за вину можно у них вычитать его.

С у м а с б р о д. Изрядно. Поговорим после о том.

Я в л е н и е 1 4 - е

С у м а с б р о д, Л е а н д р, Т и х о н, И в а н

И в а н. Постой, постой, лови его.

Л е а н д р *(Тихону)*. Это, верно, Сутягин, ушел.

Т и х о н. Нет, сударь, не пугайтесь так.

И в а н *(Тихону)*. Ну, пропали мы все. Любезная твоя собака Цитрон, от которой нигде нельзя скрыть ничего, унесла теперь с кухни каплуна.

Л е а н д р. О! я очень рад этому случаю, вот батюшке забава — судить Цитрона, вели его держать.

С у м а с б р о д. Да, я хочу произвести суд по форме, а у нас нет стряпчих.

Л е а н д р. Да вот Тихон, Иван, они исправно выполнят эту должность.

Т и х о н. Нет, я усыплю всех и не берусь за это.

И в а н. А я понятия не имею о тяжбах.

Л е а н д р. Вас научат, как поступать. Не хлопочите.

И в а н. Да не умею ни писать, ни читать.

Л е а н д р. Ты будешь говорить за суфлером.

С у м а с б р о д. Пойдем, приготовимся дело слушать, отвратим *л. 14* глаза от взяток, закроем уши от льстецов; ты, Иван — доносчик, а ты, Тихон, защитник Цитрона будь.

Действие 3-е

Явление 1-е

Сутягин, Леандр, Суфлер

Сутягин. Я, сударь, явился к слушанию дела. Где же мой соперник.

Леандр. Советую лучше оставить ваши тяжбы, вы и так половину имений источили и наполнили карманы многих на счет оного.

Сутягин. Благодарю вас за совет; но позвольте мне привесть сюда дочь мою, она гораздо разумнее меня отвечать будет.

Леандр. Подите и возвращайтесь скорее с нею; ей, верно, всякую справедливость отдадут.

Суфлер. Что это за человек!

Явление 2-е

Леандр, Суфлер

Леандр. Я хочу воспользоваться выдуманной хитростью, чтобы наказать Сутягина, который ко всем придирается.

Явление 3-е

Сумасброд, Леандр,
Тихон, Иван *(стряпчим одет)*

Сумасброд. Зачем вы пришли сюда?

Леандр. Это стряпчие, батюшка.

Сумасброд *(Суфлеру)*. А ты зачем здесь?

Суфлер. Я пришел помочь тупой их памяти.

л. 14 об. Сумасброд *(Леандру)*. А ты зачем сюда?

Леандр. Я их собрал по известному вам делу.

Сумасброд *(садится в креслы)*. Ну, начинайте же!

Суфлер *(громко)*. Господа мои!

Иван. Ах, нет, возьми пониже, а если так громко, то меня и не слышно будет. *(Тихо говорит)*. Господа мои!

Сумасброд *(Ивану)*. Накройся!*

Иван. Благопристойность того требует.

Сумасброд. Накройся же, я говорю.

И в а н *(накрывается и говорит Суфлеру)*. Тише, господа мои, вот я начну тем, что знаю лучшего, то я смотрю на превратный свет и его пороки, между людьми вижу великую розницу, вижу фортуну бывших кесарей римских, вижу сияние солнца и свет его, вижу месяц и звезды, вижу Вавилон, Персию Македонскую, вижу Рим и Японию и…

Т и х о н. Когда он мог все это вдруг видеть?

И в а н. Ах! на что ты мне помешал? Я больше ни слова не скажу.

С у м а с б р о д. На что ты его прервал, какой несносный. Я вне себя был от радости, что он от Японии скоро приближится до каплуна, которого Цитрон твой унес. Ну, продолжай опять.

И в а н. Я все уже позабыл.

Л е а н д р. Окончай, пожалуй. Да что же у тебя руки висят, как палки.

И в а н *(поднимает руки)*. Когда я вижу… когда я вижу…

Л е а н д р. Да что же ты видишь?

И в а н. О, да не спешите так, за двумя зайцами вдруг не гоняют. *л. 15*

С у ф л е р. Читают.

И в а н *(за ним)*. Читают.

С у ф л е р. В книге.

И в а н. В книге.

С у ф л е р. Метаморфоз.

И в а н. Как, как?

С у ф л е р. Что метам.

И в а н. Что метам.

С у ф л е р. Псикос.

И в а н. Псикос.

С у ф л е р. И лошадь.*

И в а н. И лошадь

С у ф л е р. И собака.*

И в а н. И собака.

С у ф л е р. Черт тебя возьми, ничего не понимаешь.

И в а н. Так лучше тебя черт возьми самого, с тобою век не кончишь, всё выбил из головы, пропади ты от меня.

С у м а с б р о д. Ах, еще бы несколько слов, и дело бы ясно было выведено.

И в а н. Возможно ли такими околичностями вертеться около каплуна; я скорей кончу. Вчерась поутру собака Цитрон вбежала

в кухню, схватила каплуна самого жирного и съела; если она мне попадется, то я её повешу.

С у м а с б р о д. Позови же сюда свидетелей.

л. 15 об. И в а н. Свидетели, сударь, у меня в кармане, вот каплунова голова, вот и ножки, извольте делать определения.

Т и х о н. Я этих свидетелей отвергаю, костей на кухне много, надобно ясней изобличать преступника.

С у м а с б р о д. Это правда, на этом нельзя утвердиться, вы еще не скоро кончите.

Т и х о н. Я за то не отвечаю.

С у м а с б р о д. Он очень справедлив.

Т и х о н. Государи мои, сей случай такой, что, кажется, все противу нас восстало, что может быть ужасного; с одной стороны устрашает уважение к покойнику, с другой, — красноречие Иваново.

С у м а с б р о д. Стряпчие, изъяснитесь просто.

Т и х о н. Перед судьею столь справедливым я всегда смел. Это — солнце немерцающее, виктрис, коза, сед, викта Катоне.*

С у м а с б р о д. О! удивительно он говорит хорошо!

Т и х о н. И притом нимало не робко; я опять обращаюсь к сему делу. Аристот говорит, примо пери политикон.*

С у м а с б р о д. Да дело идет об каплуне, а до Аристота какая нам нужда, и до его Политики также; да кто ты, черт или человек, окончайте скорее, вы меня замучили.

Т и х о н. Преступление сделано таким образом. Цитрон вбежал в кухню, увидел каплуна видом жирного и соблазнительного, Цитрон был голоден, схватя каплуна неосторожно, скушал.

С у м а с б р о д. Довольно вина велика, сам ты его обличаешь.

л. 16 Т и х о н. Сравняйте же, государь мой, все заслуги Цитрона, и тогда вина его меньше покажется. Прошлого года приходили к нам воры, и он всегда защищал от них дом ваш, вот и лоскутья от платья, которое он изодрал на воре.

И в а н. Ну, начнем от праотца Адама.

С у м а с б р о д. Отдохнем немного. Я замучился.

Т и х о н. А я уже и кончил.

С у м а с б р о д. Ах! неужли!

Т и х о н. До сотворения мира.

С у м а с б р о д *(зевает)*. Начнем лучше от потопа.

Т и х о н. Сотворение мира и всех вещей, которые не имели бытия, все было ничтожно и невидимо, как то: земля, вода, небо, воздух, огонь и прочее, все было хаос и смесь.

Сумасброд засыпает в креслах и упал с них.

Л е а н д р. Ах, батюшка, вы, я думаю, ушиблись. *(Поднимает его).*

И в а н. Вот как стряпчие усыпили его.

Л е а н д р. Батюшка, проснитесь.

И в а н. Да что вы, сударь, умерли, что ли?

Л е а н д р. Батюшка!

С у м а с б р о д. Как же я крепко заснул.

Л е а н д р. Подпишите приговор.

С у м а с б р о д. На галеру, на галеру, вечно на каторжную работу.

Л е а н д р. Как! Собаку на галеру!

С у м а с б р о д. Я, право, ничего не понимаю, сотворение мира, *л. 16 об.*
хаос, потоп, все мне вскружило голову; ну, сделайте же определение.

Т и х о н *(приносит в поле щенят и кладет перед ним)*. Вот бедные сироты, сударь, просят помиловать их отца. Кто же будет иметь об них попечение, сжальтесь над ними, они остаются без покровительства, и кто их кормить и воспитывать будет!

С у м а с б р о д. Возьми их отсюдова!

Т и х о н. Отец этих бедных сирот, отец их…

С у м а с б р о д. Возьми же, я говорю, их скорее, они здесь намарали.

Т и х о н. Сжальтесь на их писк и слезы.

С у м а с б р о д. Ну что тут делать, я приведен в жалость. Эти бедные сироты меня трогают, отец сделал вину, а они без вины, как же им остаться без него; но я очень встревожен, и не хочу никого видеть.

Я в л е н и е 4-е

С у м а с б р о д, Л е а н д р, С у т я г и н, И з а б е л л а, Т и х о н, И в а н

С у т я г и н. Послушайте, государь мой!

С у м а с б р о д *(Тихону, Ивану)*. Нет, не слушаю никого, только их обоих хочу выслушивать *(к Сутягину обращаясь)* Если вам угодно, — а, да кто такая эта девица?

С у т я г и н. Это моя дочь.

С у м а с б р о д. Подойдите ко мне, сударыня.

И з а б е л л а. Вы очень заняты.

С у м а с б р о д. А! Для вас и оставить все можно. Для чего вы
л. 17 мне // прежде не сказали, что она дочь ваша; она, я думаю, дело ваше лучше перескажет; какие прекрасные глаза, и как она хороша, да этого всё мало, надобно быть разумной и знающей тяжебные дела.

И з а б е л л а. Очень благодарна за ваши наставления.

С у м а с б р о д. На чью же вы руку дело тянете.

И з а б е л л а. На ничью, государь мой.

С у м а с б р о д. Вы, я думаю, и допросов не видывали.

И з а б е л л а. Боже меня сохрани от того!

С у м а с б р о д. Скажите мне, что вам угодно, я для вас все сделаю.

И з а б е л л а. Я вам чрезмерно благодарна за то.

Л е а н д р. Батюшка! я вам скажу в двух словах. Дело идет о свадьбе, только требует вашего согласия; девица согласна, жених тоже, и отец ее также. Вам осталось решить.

С у м а с б р о д. Венчайте скорее, хоть завтра, а если можно, то и сегодня.

Л е а н д р *(Изабелле)*. Вот, сударыня, ваш свекор, рекомендую вам его.

С у т я г и н. Как! Что это значит? Я не понимаю.

С у м а с б р о д. Какая диковинка, и я не могу догадаться.

Л е а н д р. Что вы приказали, то мы исполняем.

С у м а с б р о д. Я не отступлюсь от своего определения.

С у т я г и н. Да почему вы знаете, что она согласна на то.

Л е а н д р. Вы спросите у ней о том, я отдаю на её волю.

л. 17 об. С у т я г и н. Да что же ты молчишь? Нема что ли ты?

И з а б е л л а. Я не смею, батюшка.

Леандр показывает бумагу, чья это рука.

С у т я г и н. Как возможно, меня обманули. Это свадебный договор. Ну так и быть, я знаю, что двадцать тяжебных дел заплотят мне за дочь, а я её выдам без приданого.

Л е а н д р. Да у вас ничего не просят, кроме прекрасной Изабеллы.

С у т я г и н. Я очень рад.

Л е а н д р. Батюшка, довольны ли вы этим определением?

С у м а с б р о д. Конечно, доволен. Да только вели приготовить побольше дел, чтобы было кого судить, только чтобы стряпчие не продолжали. А! да где же наш преступник?

Л е а н д р. Теперь это можно оставить, простите его, батюшка, для радости, и вместе повеселимся.

С у м а с б р о д. Для моей дорогой невестки прощаю Цитрона. Вам желаю быть благополучными. Прощайте. Я обещался клятвенно, чтобы до самой моей последней минуты судить, и после моей смерти множество нерешенных дел останется, наверное.

Конец последнему действию

Примечания

С. 383. …*челобитных*. — В рукописи: *челобитчик*.

С. 395. …*она на балы не даст на себя*. — Непонятное выражение, возможно, порча текста при переписке.

С. 398. *Тихон (<Сумасброду>)*. — В рукописи: *(Леандру)*.

…*тебе хочется взять меня в команду*. — То есть в полицейский участок.

С. 400. *Накройся!* — Здесь и далее имеется в виду: «надень головной убор». В оригинале: «couvrez-vous».

С. 401. *И лошадь*. — В оригинале: *Hé! le cheval — Эй! тупица*.

И собака. — В оригинале: *chien* в значении: *негодяй*.

С. 402. …*виктрис, коза, сед, викта Катоне*.— В оригинале: «Victrix causa diis placquit victa Catoni» — «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону». Это цитата из поэмы Марка Аннея Лукана «Фрасалия, или Поэма о гражданской войне». Кн. 1. Стих 128.

Аристот говорит, примо пери политикон. — В оригинале: «Aristote, *primo, peri Politicon*». Имеется в виду первая книга сочинения Аристотеля «Политика».

Л. А. САПЧЕНКО

«НАВЕКИ ТВОЙ, Н. КАРАМЗИН»

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА К Е. А. КАРАМЗИНОЙ*

> По мне, в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умилительного, чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше.
>
> *П. А. Вяземский*

«Переписка Николая Михайловича Карамзина является, без сомнения, одной из важнейших частей его литературного и научного наследия и первостепенным по важности источником по истории духовной жизни русского общества на протяжении четырех десятилетий его стремительного интеллектуального и социального развития. Между тем мы едва ли найдем другой памятник подобного же значения, который был бы до такой степени обойден издательским и исследовательским вниманием», — отмечал В. Э. Вацуро.[1]

Чтение писем Карамзина способствует преодолению мифов в пользу научного знания, показывает Карамзина как литератора и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-14-73000/12. Приношу искреннюю благодарность А. О. Дёмину и Л. Ф. Семеновой за помощь в переводе французских фрагментов.

[1] Из неизданных писем Карамзина / Публ. В. Э. Вацуро // Русская литература. 1991. № 4. С. 88.

© Л. А. Сапченко, 2015

историка, друга и семьянина, гражданина России и человека мира, «верноподданного царя русского» и вполне независимой, внутренне свободной личностью, приоткрывает мир его души. Вместе с тем значительная часть карамзинского эпистолярного наследия еще не опубликована.

В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ хранится подборка писем Н. М. Карамзина к Е. А. Карамзиной (урожд. Колывановой). Письма датированы 1805, 1812 и 1816 гг., некоторые из них не имеют даты.[2]

В томе «Неизданных сочинений и переписки» Н. М. Карамзина[3] были помещены (с купюрами) письма 1816 г., отправленные к Екатерине Андреевне в Москву из Петербурга, где историограф ждал царской аудиенции для решения вопроса о печатании первых восьми томов «Истории государства Российского». Более ранние послания (из Москвы и Твери) либо никогда не печатались, либо публиковались лишь в отрывках (письма 1812 г.). Между тем они не только существенно дополняют картину эпохи, но и позволяют живее представить личность и мировоззрение писателя, услышать его подлинный голос.

К Е. А. Колывановой (1780–1851), внебрачной дочери князя А. И. Вяземского,[4] Карамзин посватался, овдовев в первом браке. 2 декабря 1803 г. он писал брату Василию Михайловичу: «Между тем, сообщаю вам две новости: первая то, что император пожаловал мне пенсион, в год по две тысячи рублей, и сделал меня историографом; а вторая то, что я женюсь на милой девице Катерине Андреевне Колывановой. Вы, без сомнения, и в том и другом возьмете братское участие».[5] Таким образом, в жизни Карамзина совпали два важнейших события.

---

[2] РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Письма Н. М. Карамзина к Е. А. Колывановой см. в Приложении. Все ссылки на письма Карамзина к ней (кроме специально оговоренных) даются по этому шифру с указанием номера листа в тексте.

[3] *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 141–182.

[4] А. И. Вяземский (1750 или 1754–1807) — государственный деятель, князь, отец П. А. Вяземского. Екатерина Андреевна получила свою фамилию от старого русского названия города Ревеля — Колывань, где она родилась.

[5] Атеней. 1858. № 20. С. 253.

Недатированные послания (в архивной папке их восемь) написаны, скорее всего, именно в конце 1803 г., когда Екатерина Андреевна была невестой отправителя. Об этом можно судить по выбору языка (французского, в соответствии с этикетом того времени), по содержанию писем, по самой их стилистике и интонации.

Подборку писем предваряет записка Карамзина к князю А. И. Вяземскому:

Je voudrais vous parler à coeur ouvert et vous consulter sur un affaire important pour le bonheur de ma vie; c'est que je compte beaucoup sur votre bonté et amitié pour moi: ai-je tort? — Je vous prie donc, mon Prince, de me dire, quand je pourrais venir chez vous.[6]

Перевод:

Я хотел бы откровенно поговорить с Вами и посоветоваться о деле, важном для счастья моей жизни; то есть я весьма рассчитываю на Вашу доброту и дружбу ко мне: разве я неправ? — Поэтому прошу Вас, князь, сказать мне, когда я мог бы прийти к Вам.

На обороте ее красная сургучная печать с гербом Карамзиных и надписью «Князю Андрею Ивановичу».

Эти недатированные письма похожи на ежедневные утренние сообщения о проведенной ночи, о самочувствии, о здоровье маленькой Софьи,[7] дочери Карамзина от его первой, рано умершей жены Елизаветы Ивановны (урожд. Протасовой), о планах. Но главное — они передают ощущение полного и безмятежного счастья, упоение любящего сердца, желание растопить величавую сдержанность своей возлюбленной.

Возможный вопрос, являются ли эти послания литературным фактом или же человеческим документом, был бы, думается, не вполне корректным. С одной стороны, они имеют глубоко личный, интимный характер. Заключая в себе тайну двух сердец, они не были рассчитаны на публичное чтение, не распространялись в списках, даже не цитировались биографами Карамзина. С другой — сама форма выражения искреннего чувства порой соотносится в письмах, наполненных нежными заклинаниями и уверениями, с книжными, литературными образами.

---

[6] РГБ. Ф. 488. К. 1. № 1. Л. 4.

[7] Карамзина Софья Николаевна (1802–1856).

Кажется, после писем кавалера Сен-Пре к Юлии ни один влюбленный почитатель Руссо уже не мог избежать влияния французского писателя в своих обращениях к предмету обожания. Нет сомнения, что строки карамзинских писем исходили из самой глубины его любящего сердца, но нередко используемые им словесные формулы заданы были литературным источником: «Croyez-moi, chère et tendre Julie, croyez en ce coeur sensible qui ne vit que pour vous…» или «Charmante amie de mon coeur, vivons pour nous aimer, et que le Ciel dispose du reste»[8] и др.

Любовные формулы Карамзина имеют книжный оттенок, однако они идут от чистого сердца и заимствованы из литературных произведений Руссо, с которыми, как отмечает Н. Д. Кочеткова, «оказывался неотъемлемо связан и принцип искренности».[9]

Остальные письма имеют датировку и относятся уже к периоду семейной жизни Карамзиных. Между ними установилось абсолютное доверие и взаимопонимание. «Я, по домашним обстоятельствам, совершенно счастлив. Катерина Андреевна так добра и мила, что мудрено вообразить жену лучше ея в каким-нибудь смысле»,[10] — пишет Карамзин брату Василию Михайловичу 26 марта 1805 г.

Супруги поклялись никогда не расставаться, но четырежды им пришлось нарушить обещание. В первый раз — в 1805 г., когда молодая жена историографа отправилась вместе с отцом, князем А. И. Вяземским, братом по отцу П. А. Вяземским и своей маленькой падчерицей Софьей в Петербург. Дома остались Николай Михайлович и годовалая малышка Наташа, трепетно любимая отцом. Письма Карамзина к супруге представляют собой истинную поэму страстной любви в разлуке. Первое датировано 3 августа, последнее — 21 августа 1805 г. Всего их семь. Написаны они в основном по-французски, с русскими вставками.

---

[8] *Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. Paris, 1826. T. 8. P. 87, 281. *Перевод:* «Верьте мне, дорогая и нежная Юлия, верьте моему чувствительному сердцу, которое бьется лишь ради вас... <…> О прелестная подруга моего сердца, будем жить ради любви нашей, в остальном предадимся на волю Божию». См.: *Руссо Ж. Ж.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1961. Т. 2. С. 29, 130.

[9] *Кочеткова Н. Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму. Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 78.

[10] Атеней. 1858. № 20. С. 258.

В этих письмах, в отличие от посланий к друзьям, нет места шутке, иронии, пустой болтовне, нет стихотворных фрагментов и пр. Впрочем, за время отсутствия Екатерины Андреевны Карамзин не писал даже любимому брату. Он обратился к Василию Михайловичу лишь 27 сентября 1805 г. (предыдущее письмо датировано 16 июля 1805 г.). Серьезность и полная откровенность, любовная тоска, порывы страсти и томительное ожидание встречи определяют тональность карамзинских писем к жене:

Mon bonheur c'est toi; il n'est pas où je suis, parce que tu n'es pas là (Л. 67).

<…>

Je t'embrasse mille fois en idée, en te serrant contre mon coeur (Л. 67 об.).

<…>

Je sens plus que jamais combien tu m'es chère; mais c'est dire encore trop peu; tu es vraiment tout pour moi dans la vie (Л. 68).

<…>

Tu es presque l'unique lien qui m'attache au bonheur de la vie, et l'amour que j'ai pour toi, fait à peu près toute l'existence de mon coeur (Л. 81).

Перевод:

Мое счастье — ты; его нет там, где я, потому что там нет тебя.

<…>

Тысячу раз целую тебя в мыслях, прижимая тебя к своему сердцу.

<…>

Чувствую как никогда, насколько ты дорога мне; но это мало сказать, ты поистине все для меня в жизни.

<…>

Ты почти единственная связь, которая соединяет меня с блаженством жизни, и моя любовь к тебе составляет все существование моего сердца.

Он находит для своей жены множество тысячу нежнейших имен: «mon amante et mon épouse», «ma chère et douce amie», «mon trésor unique sur la terre», «mon trésor et mon tout» («моя возлюбленная и моя супруга», «дорогая и нежная моя подруга», «мое единственное сокровище на земле», «мое сокровище и мое всё»).

Предельная искренность как единственно возможное отношение друг к другу естественным образом установилась между супругами. Не скрывая от жены буквально ничего, он подробно пишет о своем здоровье, не исключая интимных деталей, связанных с заболеванием кишечника. Особая степень откровенности заставляет его оговориться:

Voilà assez de details sur ma santé: c'est comme si tu étais avec moi, ma bonne amie. Je ne suis pas ridicule, parce que j'écris à celle qui m'aime véritablement et parce que tu l'as exigé de moi (Л. 66).

Перевод:

Вот довольно подробностей о моем здоровье, это как если бы ты была со мной, добрая моя подруга. Я не смешон, потому что пишу к той, кто меня истинно любит и потому что ты требовала этого от меня.

Того же он ждет и от супруги.

Известно, что отношение Карамзина к самораскрытию, к исповеди было неоднозначным, порой скептическим, порой негативным. Исповедальная нота, звук глубоко затронутой душевной струны нечасто раздается в его письмах, адресованных И. И. Дмитриеву, П. А. Вяземскому, брату Василию Михайловичу, А. П. Оболенскому, А. И. Тургеневу, великой княгине Екатерине Павловне, императрице Елизавете Алексеевне. Даже друзьям Карамзин писал сдержанно и немногословно о том, что делается в его душе.

Н. Д. Кочеткова отмечает «недосказанность» как «важный принцип Карамзина».[11] Карамзинское повествование «не превращается в исповедь, хотя местами оказывается очень близким к ней».[12] В произведении под названием «Моя исповедь» (!) он подверг сомнению «важнейший принцип „исповеди“: предельную искренность».[13]

Карамзин должен был испытать сильное потрясение, чтобы излить свои чувства, высказать сердце.

В этом смысле его письма к жене занимают особое место. Принцип «ничего не утаю» в равной мере был актуален для Карамзина (как впоследствии для Л. Н. Толстого) и в работе над русской историей, и в семейной жизни. Прямоту и искренность Карамзин считал свойствами своего характера. К тому же сила его любви не оставляла места для сдержанности, хотя его письма к жене скорее не исповедь, а лирический дневник человека, истомленного разлукой с возлюбленной, с другом.[14]

---

[11] *Кочеткова Н. Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века. С. 77.

[12] Там же. С. 78.

[13] Там же. С. 96.

[14] Исповедальность и лиризм карамзинских писем были отмечены П. А. Вяземским: «Личность и задушевность выглядывают почти из каждого письма». См.: *Вяземский П. А.* Эстетика и критика. М., 1984. С. 250–253.

В сложившихся представлениях об «историографе государства Российского» порой доминируют некие стереотипы, не отвечающие его облику. Так, даже у авторитетных исследователей принято считать, что весь строй его жизни был «тщательно продуман», что написание «Истории…» было «единственным смыслом его существования и что работал он над ней «систематически, четко и регулярно».[15]

Важнее работы над «Историей…» было для него присутствие любимой супруги. В письмах 1805 г. постоянные упоминания о том, что разлука расстроила его организм, лишила способности работать:

Mon régime continue: je ne travaille presque pas, et je me couche à 10 heures (Л. 67).

<…>

Je sors tous les après-dîner pour deux ou trois heures; le mouvement de la voiture me fait du bien, je crois; je ne travaille presque pas, fermement décidé à ménager ma santé, principalement pour ma douce amie — Dieu voit si je dis vrai — et puis pour le succès du travail lui-même (Л. 68 об.–69).

<…>

Si tu pouvais voir tout ce qui se passe dans mon âme, tu te promettrais assurément de ne me jamais dire que j'aime mes occupations autant que toi! (Л. 69).

<…>

Je me couche toujours à 10 heures, mais, malgré cela, les journées me paraissent longues, en partie parce que je ne travaille pas. C'est la seule chose qui pourrait me distraire en ton absence (Л. 70 об.).

Перевод:

Мой распорядок продолжается: я почти не работаю и ложусь в 10 часов.

<…>

Я каждый день выхожу после обеда на два или три часа; думаю, движение в экипаже полезно для меня; я почти не работаю, твердо намеренный заботиться о своем здоровье, главным образом, для моей милой подруги, — Бог видит, правду ли я говорю, — и затем для успеха самой работы.

<…>

Если бы ты могла видеть все то, что происходит в моей душе, ты бы, конечно, решила никогда не говорить мне, что я люблю свои занятия так же, как тебя!

<…>

Я продолжаю ложиться в десять часов, и все же дни мне кажутся долгими, отчасти потому, что я не работаю. Это единственное, что могло бы меня развлечь в твое отсутствие.

---

[15] *Зорин А. Л., Немзер А. С.* Человек, который пережил конец света // Венок Карамзину. М., 1992. С. 48.

Он заболевает без нее, скучает и томится, беспокоится о состоянии дорог, о работе почты, едва не сходит с ума, не получив вовремя долгожданных вестей. Так, письмо от 21 августа написано в сильном волнении, неровным, неразборчивым от спешки почерком:

Moscou, le 21 août 1805.

<…> La poste de Pétersbourg était venue hier; j'ai tout de suite, comme à l'ordinaire, envoyé l'intendant lire la carte; à 4 heures il était de retour pour m'apprendre qu'il n'y avait point de lettres pour moi! Ton imagination n'est pas aussi lugubre que la mienne. Tu ne pourras donc pas sentir ce que j'ai senti dans ce moment terrible et depuis, pendant toute la nuit et jusqu'à trois heures où j'ai reçu la lettre. Mais c'est vrai, qu'elle n'était point inscrite sur la carte: pourquoi? Je n'en sais rien.

Tu envoyais tes lettres, peut-être, par protection, et plus tard, que les autres; la carte était fermée, et par ce moyen elle pourrait se perdre, et pour cela je l'ai reçue si tard, parce qu'on regarde ces lettres non inscrites comme peu importantes. La disposition fiévreuse où j'étais depuis sept à 6 jours, a contribué à mettre mon imagination en vrai délire: il me paraissait que tu ne pouvais plus exister au monde, et que la maladie la plus sérieuse ne t'avait pas empêché de m'écrire dans cet état.

<…>

Comme j'étais etonné en lisant que tu croyais aussi n'avoir point de mes nouvelles par la poste du 15!

Ton coeur tendre n'a pas osé en accuser mon inexactitude; et il a bien fait.

Si tu savais toutes les précautions que je prends pour qu'il ne t'arrive jamais de ces accidents.

J'ai respiré, mon ange, je suis tout autre devenu quand j'ai vu ta lettre.

Combien j'ai souffert, en sentant si vivement que ta vie m'était infiniment plus précieuse que la mienne! (Л. 83).

Перевод:

Москва, 21 августа 1805

<…> Петербургская почта пришла вчера. Я тотчас, как обычно, послал управляющего читать ведомость; в 4 часа он вернулся, чтобы мне сообщить, что для меня нет писем! Воображение твое не столь мрачно, как мое. Поэтому ты не сможешь почувствовать то, что чувствовал я в ту ужасную минуту и после, всю ночь, и до 3-х часов, когда я получил твое письмо. Но оно действительно не было внесено в ведомость: почему? Не знаю.

Может быть, ты посылала письма по протекции и позже других; ведомость была закрыта, и по этой причине оно могло затеряться, потому я и получил его так поздно, что не внесенные письма почитаются маловажными. Лихорадочное расположение, в котором я пребывал семь или шесть дней, довело мое воображение поистине до бреда: мне казалось, что тебя, может быть, уже нет на свете и как бы самая серьезная болезнь не помешала тебе писать мне в этом состоянии.

<…>

Как был я удивлен, читая, что ты тоже думала, что не получила почту от пятнадцатого числа!

Твое нежное сердце не посмело обвинять меня в невнимании; и хорошо сделало.

Если бы ты знала обо всех предосторожностях, которые я предпринимаю, чтобы с тобой никогда не происходили подобные случайности.

Я перевел дух, мой ангел, я переродился, когда увидел твое письмо.

Сколько я перестрадал, чувствуя столь живо, что твоя жизнь мне бесконечно дороже моей!

С приездом жены восстанавливаются его здоровье и работоспособность. 27 сентября 1805 г. Карамзин сообщает брату: «По отъезде Катерины Андреевны я скоро занемог дурною лихорадкою и был болен пять недель; совсем было высох и походил на скелет; но слава Богу! дней через 10 по возвращении моей жены натура взяла верх, и я начал выздоравливать. Теперь осталась только слабость. Всю жизнь свою я не имел еще такой долговременной и изнурительной болезни. Дней в пять она отняла у меня все силы и могла обратиться в опасную; но возвращение Катерины Андреевны подействовало не менее лекарств».[16]

Третье расставание было связано с поездкой Карамзина в Тверь по приглашению великой княгини Екатерины Павловны, принятому без особого энтузиазма. Это пребывание (февраль 1812 г.) вопреки обыкновению было безрадостным, омраченным расставанием с любимой женой, тяжело переносившей беременность.

Из Твери 25 февраля 1812 г. он написал супруге подряд два письма, не будучи уверен, что первое благополучно достигнет адресата. Эти письма также еще не попали в круг зрения исследователей. Между тем они представляют интерес, живо передавая состояние историографа в тот момент. Карамзин сообщал жене, что добрался благополучно, хотя и с опозданием, и что он очень грустит, покинув свою дорогую подругу, что выехав из Москвы, он оставил в ней все свое счастье. Дорогой он десять раз давал себе обещание никогда больше так не делать. Как всегда, он был дружески принят в Твери доброй хозяйкой и получил от нее записку: «Принц принужден по делам ехать сегодня в Петербург, и любезный учитель[17] угощается завтра поутру в 11 часов. Его приезд мне

[16] Атеней. 1858. № 21. С. 339–340.

[17] Карамзин учил Екатерину Павловну русскому языку.

весьма приятен, а принц грустит, что лишается удовольствия с ним беседовать» (Л. 86).

Узнав также, что болен сын великой княгини, Карамзин принял решение назавтра же откланяться и поскорее вернуться. Письмо было передано через князя Лобанова,[18] который в тот момент отправлялся в Москву.

Проводив князя, Карамзин снова берется за перо.

Продолжая уже по-французски, Карамзин называет свою жизнь «как бы приостановленной» («mon existence est comme suspendue») и, надеясь, что в связи с отъездом принца, то есть супруга Екатерины Павловны герцога Ольденбургского, у великой княгини не будет светских раутов, рассчитывает завтра или послезавтра уехать. Впрочем, добавляет он: «Буди воля Божия! <…> Целую тебя нежно с нашими малютками, до скорого свидания. Бог да не разлучает нас вовеки. Твой, пока жив, Н. Карамзин» (Л. 91 об.).

Письма Карамзина к Екатерине Андреевне, датированные августом 1812 г. и написанные в связи со сложившейся ситуацией исключительно по-русски, представляют собой актуальный репортаж с места событий, но сочетаются при этом с выражением глубочайшей тревоги за судьбу своего отечества и своей семьи, с чувством беспредельной любви к ним.

Неизбежные волнения за жену и детей отягощены были тем, что бежать «от злобы людей» (Л. 93) приходилось с крошечной дочерью Наташей, названной так в память о покойной ее сестрице (1804–1810).[19]

«Злоба людей» не была для Карамзина случайным выражением. За этими словами стояли его нравственно-философские раздумья о проблемах добра и зла в человеческой истории. Как историограф именно в это время он подошел в своей работе к эпохе царствования Иоанна Грозного и отметил, что по воле Бога в борьбу со злом вступает добро: «Меня занимает Иван Грозный, — писал он впо-

---

[18] Я. И. Лобанов-Ростовский (1760–1831) — князь, русский государственный деятель.

[19] У четы Карамзиных к этому времени было четверо детей: десятилетняя Софья (от первого брака Николая Михайловича), пятилетний Андрей, трехлетняя Екатерина и трехмесячная Наталья. См.: *Карнишина Л. М.* Н. М. Карамзин: Письма 1812 года к жене // Остафьевский сборник. Остафьево, 2005. Вып. 10. С. 14.

следствии великой княжне Екатерине Павловне, — этот удивительный феномен среди величайших и среди наихудших правителей. Какой сюжет, великий Боже! Это стоит Наполеона. Удрученная ужасами его царствования душа моя выпрямляется при виде человека добродетельного, который помещается между тираном и отчизной, чтобы спасти ее, уступает ярости чудовища, но заслужив прежде восхищение веков. Имя этого великого человека (Адашев)[20] было едва известно у нас: сердце мое находит много приятности, делая подобные открытия».[21]

В свете этого по-особому стала видеться Карамзину и историческая миссия России в войне с Наполеоном: «Бог через нас истребляет всемирного злодея».[22] В письмах этого периода[23] слышна готовность мужественно нести посланное Богом испытание, надежда на его милость, слова молитвы:

Утешайся детьми нашими и молись: не перестаю надеяться на милость Божию, хотя и не люблю обольщать себя малодушно, как другие, которые то бледнеют от страха, то видят Наполеона у ног своих. Моя надежда основана на сердечном уверении, что Господь в одно мгновение может все переменить, постыдить врага нашего и спасти Россию.

<…>

Наши добрые москвитяне изъявляют готовность умереть за честь древней столицы: вооружаются саблями и пиками, купцы, ремесленники, мещане, фабричные. <…> Вчера приезжал сюда Платов[24] на несколько часов, думая найти здесь государя, и ночью опять уехал в армию. Все казаки идут с Дона к Москве. Нынешний день увидим шар, над которым один немец долго трудился в Воронцове и которым надеется сделать большой вред неприятелю: я не легковерен. Москва пустеет: уезжают и увозят. Воспитательный дом, Оружейная палата, архивы, Межевая, все отправляется. Привезли уже к нам около трех тысяч раненых. Между тем город спокоен и тих удивительно (23 августа. Л. 97–97 об.).

---

[20] А. Ф. Адашев (?–1561), по словам Карамзина, «прекрасный молодой человек», «коего описывают земным Ангелом: имея нежную, чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества…». См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 5, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. С. 63.

[21] *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 119.

[22] *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 169–170.

[23] В РГБ хранятся письма от 17, 21, 23 и 25 августа 1812 г.

[24] М. И. Платов (1751–1818) — атаман Войска Донского (1801), генерал от кавалерии (1809), герой войны 1812 г.

<…>

Вчера в 115 верстах от Москвы неприятель атаковал наш арьергард; ожидают, что нынешний день будет решительная баталия. Несмотря на то, я спал почти спокойно. В несколько часов здесь было три курьера из армии. Господь да защитит наше любезнейшее отечество! Молись, бесценная, заставь и малюток наших молиться. Все решится скоро, скоро. Идет дождь: может быть, это лучше для наших. Слышно, что все, от генерала до солдата, готовы умереть. Ставят 5000 тысяч лошадей на станциях от Москвы до Можайска для раненых. Между тем в городе все тихо и спокойно (25 августа. Л. 99).

Лаконичный и максимально информативный стиль изложения (факты говорят сами за себя) сочетается с молитвенным обращением к Богу и признанием Его воли в исходе событий. Историк усматривал в реальном бытии присутствие Божественного промысла. Победа России над Наполеоном представлялась Карамзину доказательством бытия Божия, окончательной победой добра над злом.

Поэтические формулы любви, в прежних письмах выраженные по-французски, обретают здесь язык безыскусной русской прозы, еще более приоткрывая силу и глубину чувства:

Целую тебя со всею нежностию и горячностию моего сердца. Ты мое сокровище и жизнь, люблю тебя гораздо более самого себя. <…> Вся душа моя обращена к тебе и к отечеству (17 августа. Л. 93 об.).

<…>

Бесценный друг! Бог любит меня, когда он дал мне такую жену. Со слезами целую твои строки, моля Всевышнего, чтобы его благость сохранила тебя и всех нас для лучших времен, если возможно. Береги себя, как ты мне обещаешь: грусти менее; надейся на Отца небесного. Всякую минуту молюсь о России и о нашем семействе (21 августа. Л. 95).

<…>

Катенька бесценная! Прижимаю тебя к сердцу: Господь да блюдет тебя! Маленький образ, тобою присланный, ношу на себе (23 августа. Л. 98 об.).

<…>

Моя ежечасная молитва состоит в чувстве: Боже! Спаси мое отечество и семейство. Целую тебя со всею нежностию и горячностию моего сердца, наполненного тобою (25 августа. Л. 99–99 об.).

В погодинском двухтомнике приведены также краткие выдержки из писем от 27, 29, 30 и 31 августа.[25]

---

[25] *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 2. С. 102.

Лишь в тот день, когда Наполеон подошел к древней столице (1 сентября), Карамзин покинул Москву и выехал в Ярославль, а оттуда вместе с семьей — в Нижний Новгород. Всенародное горе усугубилось для Карамзиных потерей в 1813 г. их единственного на тот момент сына. В том же 1813 г. семейство историографа возвращается в сгоревшую Москву. 1 июня он пишет брату: «С грустью и тоскою въехали мы в развалины Москвы. Живем в подмосковной нашего князя Вяземского; бываем и в городе. Думаем около половины августа ехать в Петербург, чтобы печатать написанные мною томы Истории. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я жив. Никаких планов для будущего не делал. Да будет, что угодно Всевышнему».[26]

Задуманная поездка состоялась только в 1816 г. В Петербург для переговоров об издании «Истории государства российского» Карамзин отправился один. Это была его четвертая разлука с женой.

Два письма Карамзин написал с дороги: 31 января из Твери и 1 февраля из Крестцов. Он сообщал, что они с князем П. А. Вяземским едут благополучно и скоро должны быть в Петербурге, но более писал о своей любви и тревоге: «Милая душа моя Катенька! <…> Ради Бога будь покойна: я мало грущу и надеюсь, что Бог сохранит вас в мое отсутствие <…>. Прижимаю тебя к сердцу, которое более принадлежит тебе, нежели мне. Бог с тобою и с детьми: целую их от мала до велика, а тебя еще гораздо, гораздо горячее» (Л. 21). «Дай Бог, чтобы ты была здорова! Это единственная, по крайней мере главная мысль, моя. Почти беспрестанно о тебе думаю и надеюсь на милость Божию <…>. Люблю тебя более всего, милая, неоцененная. Твой Н. Карамзин» (Л. 22).

Изданные письма (за февраль–март 1816 г.) содержат в себе немало купюр, которые вряд ли можно признать незначащими.[27] Пропущенные при публикации и републикации фрагменты — это слова любви и нежности, тоска по милым, тревога за них, оскорбительное ощущение бесполезности своего пребывания, неодолимое желание возвращения. И подпись адресанта: «Навеки твой Н. Карамзин».

---

[26] Атеней. 1858. № 24. С. 536.

[27] См.: *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 141–182; Русский архив. 1911. № 8. С. 565–593.

Ненапечатанными остались также две записки Карамзина, не только не пропускавшего почтовые дни, но и пользовавшегося оказией. Одна из них написана через час с небольшим после отправленного в этот же день письма и связана с напрасными ожиданиями аудиенции у государя:

7 марта.

Милая! скажу тебе два слова: я в первом часу здоров совершенно и не получил приглашения[28] Государева, вчера мне обещанного. В 11 часов отправил я к тебе письмо через почту. Сто раз обнимаю тебя нежно, благословляю и мать и детей. Бог с тобою и со всеми нами! Твой Н. Карамзин (Л. 53).

Примечательно, что за весь период «петербургской пятидесятницы»[29] Карамзин совсем не писал брату Василию Михайловичу, а к И. И. Дмитриеву отправил только одно короткое письмо от 15 февраля 1816 г. Почти единственным его адресатом оставалась Екатерина Андреевна.

Письма 1816 г. к ней отличаются широтой тематики, многогранностью содержания, хотя все: и картина жизни петербургского света, и придворная хроника, и отношение адресанта к императору, к великосветскому обществу, к недоброжелателям, друзьям и единомышленникам — все дано в отношении к вынужденной разлуке с единственно близким человеком.

Равнодушие государя к подготовленным томам и безразличие к приезду историографа вызвало в нем неодолимое стремление как можно скорее вернуться домой:

По милости Бога мы не умрем с голоду и без Истории; c’est un bonheur que de n’y plus penser: nous serons libres.

Перевод:

Счастье больше об этом не думать: мы будем свободны.

On m’étouffe ici sous des roses, mais on m’étouffe; je ne puis pas mener longtemps un pareil genre de vie…

---

[28] В письме Карамзина от 6–7 марта 1816 г. читаем: «Вот записка от Нелединского: „мне *приказано* известить вас, что вы завтра (7 марта) приглашены будете к государю“». См.: *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 170.

[29] Выражение из письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу от 30 марта 1816 г. См.: Русская старина. 1899. Февраль. С. 471.

Перевод:

Меня засыпают розами, но ими душат. Такого образа жизни не могу я долго вести…[30]

Парадоксально, но в этой ситуации Карамзину не хватает только одного — высочайшего позволения удалиться, хотя порой он оказывается на грани решительного шага. В письме к жене от 2 марта он признается: «…кровь иногда сильно во мне играет» (Л. 45).[31] Эти и другие пропущенные при публикации строки зримо дополняют облик Карамзина и делают целесообразным издание писем 1816 г. в полном объеме.

Не располагая ответными посланиями, мы лишь по письмам самого Карамзина можем вообразить его адресата, его «верную жену», с которой он жил «в одну мысль, в одно чувство».[32] Ее сдержанный и величавый облик, ее любовь и нежность, ее грусть в разлуке и твердость в испытаниях, тревога о здоровье мужа, томительное ожидание его возвращения, безусловное единодушие в мыслях и поступках отразились в карамзинских строчках. В них нашли также выражение глубина и пламенность его собственных чувств, вера в милосердие Бога, понимание сущности любви и семейных уз как абсолютного доверия и искренности, его отношение к детям, к друзьям и неприятелям, его независимость, другими словами — сама жизнь, «нетронутая и нетленная», которая «еще теплится в остывших чернилах», жизнь, «которую захватываешь по горячим следам ее», все «заботы, радости, скорби, эти мимоходные исповеди, надежды, сожаления; все эти едва уловимые оттенки, которые в свое время имели такую полную действительность», все то, говоря словами П. А. Вяземского, что «давно увлечено потоком времени», «сдано в архив давно минувших дел или вовсе предано забвению и в жертву настоящему».[33]

---

[30] Текст и перевод здесь дается по изд.: Русский архив. 1911. № 8. С. 578, 582.

[31] Эти строки цитируются по автографу. При публикации были опущены.

[32] См.: *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 10.

[33] См.: *Вяземский П. А.* Эстетика и критика. С. 250–253.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Н. М. Карамзина к Е. А. Колывановой

№ 1

Л. 6–7 об.

Bonjour, ma bonne amie.

Avez-vous bien passé la nuit? Etes-vous plus tranquille et moins agitée? Je vous aime tant, que je voudrais vous donner mon bonheur si pur, et prendre en échange pour moi tout ce qui peut vous agiter péniblement, dans vos idées, comme dans vos sensations. Mais alors vous devriez consentir à avoir de l'amour pour moi et me céder la place à cette belle amitié, qui, malgré sa profonde sagesse, ne sait pas vous faire jouir comme je jouis de mon fol amour. Vous gagneriez beaucoup au change, et vous trouveriez que je suis bien à plaindre. Ma générosité seule pourrait alors me consoler de ce changement de rôle, mais il n'est qu'un badinage; soyons ce que nous sommes tout les deux, en attendant l'avenir. Si je mérite votre amour, je l'aurai; si je ne le mérite pas je suis assez juste pour n'y point prétendre et pour me contenter de votre amitié. Je suis sûr et raisonnable en même temps. Aimez-moi comme vous voulez et pouvez: je vous aimerai plus que ma vie et mille fois plus, parce qu'il est si doux d'aimer de cette façon. Je vous prie, ma charmante amie, de m'informer aussi de l'état de santé du Prince: est-il mieux aujourd'hui? Après avoir été le père le plus tendre de ma bonne amie, il aura une partie de ces sentiments pour celui qui adorera sa fille, ce sera toujours le premier de mes droits sur sa bonté. Je vous amènerai ma petite qui dort dans ce moment. Si, en vous voyant, elle commence à pleurer, pensez que par ses larmes, elle vous demande votre bonté et protection. Adieu jusqu'à deux heures, ma très chère amie. Je vous embrasse bien tendrement, malgré votre air imposant.

Перевод:

День добрый, добрая моя подруга,

Хорошо ли вы провели ночь? Более ли вы спокойны и менее ли взволнованы? Я так люблю вас, что хотел бы отдать вам столь безмятежное мое счастие и получить взамен все то, что может тяготить и беспокоить вас, как в ваших мыслях, так и в ваших чувствах. Но тогда вы должны согласиться полюбить меня и уступить мне место этой прекрасной дружбы, которая, несмотря на свою глубокую мудрость, не может дать вам того наслаждения, каким наслаждаюсь я в моей безумной любви. Вы много выиграли бы от обмена и нашли бы, что я достоин сожаления. Одна моя щед-

рость тогда могла бы меня утешить в подобной перемене роли, но она — всего лишь пустая шутка; будем оба тем, что мы есть, в ожидании будущего. Если я достоин вашей любви, я ее получу; если я ее не заслуживаю, то я достаточно справедлив, чтобы не притязать на нее и удовольствоваться дружбой вашей. Я уверен и в то же время рассудителен. Любите меня, как хотите и можете: я буду любить вас более жизни, и тысячекратно более, потому что это так сладко — любить таким образом. Я прошу вас, прелестная моя подруга, уведомить меня также о состоянии здоровья князя: лучше ли ему сегодня? Быв уже нежнейшим отцом моей доброй подруги, он подарит часть этих чувств тому, кто будет обожать его дочь и сие будет моим первым правом на его доброту. Я привезу к вам мою малышку, которая сейчас спит. Если, видя вас, она заплачет, думайте, что своими слезами она молит о вашей доброте и покровительстве. Прощайте до двух часов, моя дорогая подруга. Нежно-нежно обнимаю вас, несмотря на ваш величавый вид.

№ 2

Л. 8.

Je vous prie de me dire un mot sur de votre santé, ma bonne amie. Les premières lignes de votre main, adressées à celui qui veut vivre pour vous aimer, seront couvertes de mes baisers, je vous en avertis d'avance. Vous n'avez pas encore prononcé le nom de l'amour pour exprimer les sentiments que vous avez pour moi; et pourtant je suis déjà si heureux: c'est que je compte sur la bonté de votre coeur: il ne sera pas ingrat. Sans aucune exagération, je peux dire que je vous aime déjà plus que tout. Jamais, jamais je n'ai été plus heureux. La sérénité de mon âme, n'est pas troublée par aucune inquiétude. Il est impossible que mon coeur me trompe; il est impossible qu'il ne devine pas le vôtre; il est impossible que le Ciel ne soit pas en paix avec moi. Ma douce amie, mes yeux se remplissent de larmes. Oui, vous êtes destinée à embellir encor le reste de mes jours, et je mourrai dans vos bras, en bénissant votre bonté et celle de la Providence. En me rendant heureux vous serez heureuse vous-même, j'en suis sûr. J'ose vous presser en idée contre mon cœur. Il ne vous est vous pas étranger, il est plein de vous. Je vous verrai dans deux heures d'ici. Karamzine.

Перевод:

Прошу вас сказать словечко о вашем здоровье, добрая моя подруга. Первые вашей рукой написанные строки, адресованные тому, кто хочет жить, чтобы любить вас, будут покрыты моими поцелуями, предупреждаю вас об этом заранее. Вы еще не произнесли слово «любовь», чтобы выразить ваши чувства ко мне; и все же я уже так счастлив, ибо рассчиты-

ваю на доброту вашего сердца: оно не будет неблагодарным. Без всякого преувеличения могу сказать, что люблю вас уже более всего на свете. Никогда, никогда я не был более счастлив. Безмятежность моей души не омрачена никакой тревогой. Невозможно, чтобы мое сердце обманывало меня, невозможно, невозможно, чтобы оно не разгадало вашего, невозможно, чтобы Небо не было в мире со мною. Моя нежная подруга, глаза мои наполняются слезами. Да, вы предназначены украсить еще остаток моих дней, и я умру в ваших объятиях, благословляя вашу доброту и благость Провидения. Делая счастливым меня, вы будете счастливы сами, я в том уверен. Осмеливаюсь в мыслях прижать вас к своему сердцу. Оно вам не чуждо, оно полно вами. Я увижу вас через два часа. Карамзин.

№ 3

Л. 10–11.

Je te remercie pour ton joli billet, ma bonne amie. Ces expressions sont aussi naturelles que tendres. Je me porte bien, et suis encore mieux au fond de mon âme, remplie de toi. Oui, ma très chère amie, si mon visage représente ce qui se passe dans mon coeur, tu y verras l'expression de la plus douce sérénité. Je suis très heureux et je sens très vivement mon bonheur. J'ai retenu quelques-unes de tes paroles d'hier, qui m'ont fait beaucoup de bien. Tu as une très belle âme, ma douce amie. Sophie est mieux sans être tout à fait bien, et le médecin n'a pas encore été la voir. Dans cet instant je vais me promener et suis très content du temps, qu'il fait. Je t'ai dit combien les sifflemens du vent étaient agréables à mes oreilles. Adieu, chère amie, pour deux heures.

Поцелуй за меня ручку у князя, когда он проснется. Бедная Сонюшка в эту минуту очень больно ушиблась.

Adieu, mon ange. Je te couvre des baisers les plus tendres.

Перевод:

Благодарю за твою милую записку, добрая моя подруга. Эти выражения так же естественны, как и нежны. Я чувствую себя хорошо, и еще лучше в глубине моей души, наполненной тобой. Да, дражайшая моя подруга, если мое лицо явит то, что происходит в моем сердце, ты увидишь на нем выражение сладчайшей безмятежности. Я весьма счастлив и весьма живо чувствую мое счастье. Я запомнил некоторые твои вчерашние слова, которые доставили мне много радости. У тебя прекрасная душа, милая моя подруга. Софи чувствует себя лучше, но ее состояние не совсем еще хорошо, а врач еще не был. В эту минуту я отправляюсь прогуляться и весьма доволен сегодняшней погодой. Я говорил тебе, как завывания ветра были приятны для моих ушей. До свидания через два часа, милый друг.

<…>

Прощай, мой ангел. Покрываю тебя самыми нежными поцелуями.

№ 4

Л. 12–12 об.

Ma tendre et bonne amie, mon cœur te dit bonjour.

Je viens d'ouvrir les yeux, donc j'ai beaucoup dormi. Sophie, après avoir bien passé la nuit, a toussé au matin; mais dans ce moment elle n'est pas triste et s'amuse à mes yeux. Ta pomme lui a fait un très grand plaisir, elle m'a dit et répété qu'elle t'aimait et que tu étais charmante. Pour achever l'histoire de notre l'hôpital, je te dirai que je me suis levé avec un mal de tête, qui commence à passer. J'espère ne pas trembler aujourd'hui et être chez vous, après deux heures sans surtout.

Ainsi finit la partie historique de mon billet. N'ai-je encore quelque chose à te dire?.. Ah, oui!.. Je t'aime, je crois-en plus que de moi-même, si je ne me trompe, et je peux t'embrasser avec beaucoup de tendresse, sans que tu peux m'empêcher de le faire. Adieu, pour deux heures, ma charmante et belle amie.

Перевод:

Добрая, нежная моя подруга, мое сердце говорит тебе: здравствуй.

Я только что открыл глаза, стало быть, много спал. Софи после хорошо проведенной ночи кашляла поутру; но сейчас она не грустит и играет на моих глазах. Твое яблоко весьма ее порадовало, она мне сказала и повторила, что любит тебя и что ты очаровательна. Для завершения истории нашей больницы скажу тебе, что я встал с головной болью, которая начинает проходить. Я надеюсь не дрожать сегодня и быть у вас после двух часов без сюртука.

Таким образом, кончается историческая часть моей записки. Нет ли у меня еще чего-нибудь сказать тебе?.. Ах, да! Я люблю тебя, верю в это более, чем в самого себя, если не обманываюсь, и могу с большой нежностью обнять тебя, и ты не можешь помешать мне это сделать. Прощай на два часа, очаровательная и прелестная моя подруга.

№ 5

Л. 14–14 об.

Ma belle et bonne amie, bonjour.

Sophie tousse toujours, mais elle est assez gaie aujourd'hui. Quant à moi, je suis bien, en attendant le mieux. Je sens vivement et mon amour et mon

bonheur. Je te serre contre mon coeur, plein de toi. Donne-moi de tes nouvelles et embrasse tendrement le Prince pour ton bon ami. Adieu jusqu'au dîner.

Dans ce moment je reçois ton billet, charmante amie, et je t'en remercie. Kruber n'est pas encore venu; mais je l'attends sans impatience. Je te couvre de mes baisers

Перевод:

Прекрасная и добрая моя подруга, здравствуй.

Софи все еще кашляет, но сегодня довольно весела. Что до меня, я чувствую себя хорошо, ожидая лучшего. Живо чувствую любовь мою и счастье. Прижимаю тебя к своему сердцу, полному тобой. Сообщи мне твои новости и обними нежно князя за твоего доброго друга. Прощай до обеда.

В эту минуту я получил твою записку, прелестная моя подруга, и благодарю тебя за нее. Крубер[34] еще не пришел, я жду его без нетерпения. Покрываю тебя поцелуями.

№ 6

Л. 15.

Chère et bonne amie, bonjour. Sophie est à peu près comme elle était hier; elle est assez gaie, chante et danse, mais toussant de temps en temps, et pleurant même sans aucune raison. Elle mange aussi bien peu. Mais en général, je suis plus tranquille sur son compte. Ton bon ami se porte bien; il a dormi jusqu'à dix heures et demi. Donne-moi de tes nouvelles, charmante amie. Dis-moi un mot sur la santé de Prince et un autre sur ton amitié pour moi. Je t'embrasse avec une tendresse dont l'amitié la plus tendre est à peine susceptible.

Adieu, chère amie, pour quelques heures.

Перевод:

Милая и добрая моя подруга, здравствуй. Софи почти такова же, как была вчера, довольно весела, поет и танцует, но кашляя время от времени и плача даже без всякой причины. Она также очень мало ест. Но в общем я более спокоен на ее счет. Твой добрый друг чувствует себя хорошо, он спал до десяти часов с половиной. Сообщи мне о своих новостях, милая подруга. Скажи мне одно слово о здоровье князя, а другое о твоей дружбе ко мне. Целую тебя с нежностью, какую самая нежная дружба едва ли почувствовать способна.

Прощай, моя дорогая, на несколько часов.

---

[34] Московский врач.

№ 7

Л. 16–16 об.

Ma bonne amie, je t'ai déjà écrit. J'ai dormi jusqu'à onze heures et demi<e>. Le médecin et le censeur m'ont encore enlevé quelques moments. Tu auras déjà reçu mon billet. La petite et moi, nous sommes mieux aujourd'hui que hier. Tout ce que tu m'as dit hier est loin de me fâcher, au contraire, je ne m'attendais pas à tant de bonté de ta part. Cela n'est pas clair pour toi, mais c'est vrai. Non, charmante amie, nous n'aurons pas de querelle je l'espère et j'ose presque en être sûr. Je t'aime plus que moi-même.

Перевод:

Добрая моя подруга, я тебе уже писал. Я спал до одиннадцати часов с половиной. Врач и цензор отняли у меня еще несколько минут. Ты, должно быть, уже получила мою записку. Малышке и мне сегодня лучше, чем вчера. Все, что ты сказала мне вчера, вовсе не сердит меня, напротив, я не ожидал столько доброты от тебя. Это непонятно для тебя, но это правда. Нет, очаровательная моя подруга, мы не будем ссориться, я надеюсь, и я осмеливаюсь быть почти уверенным в этом. Я люблю тебя больше, чем самого себя.

Л. 17.

Ma bonne et douce amie, je reviens dans l'instant, bien fatigué et avec un mal de tête. Seul, en voiture, j'ai pensé à toi beaucoup plus qu'à ta rivale, comme tu le dis. La peine que je t'ai faite hier, m'en fait beaucoup, beaucoup. Je te chéris plus que tu ne penses et plus que moi-même dans tout les rapports. Je t'embrasse avec toute la tendresse de mon coeur, et je vais passer une triste nuit. Adieu, mon ange.

Перевод:

Добрая, нежная моя подруга, в эту минуту я вернулся, очень усталый, и с головной болью. Один, в экипаже, я думал о тебе много больше, чем о твоей сопернице, как ты говоришь. Огорчение, которое я принес тебе вчера, очень сильно огорчило меня самого. Я дорожу тобой больше, чем ты думаешь, и больше, чем самим собой, во всех отношениях. Обнимаю тебя со всею нежностью моего сердца, и проведу грустную ночь. Прощай, мой ангел.

№ 8

Л. 18.

Ma douce amie, bonjour.

Donne-moi de tes nouvelles et celle du Prince. Nous nous portons bien; mais mon frère, trop fatigué de la route, ne sortira pas aujourd'hui. Je le dis

pour ne pas arrêter le Prince qui voulait aller quelque part. Je dîne avec toi; mon frère est assez raisonnable pour exiger de moi. J'ai du plaisir à lui dire assez souvent combien je t'aime. Veux-tu me dire en retour, combien tu m'aimes? Je t'embrasse comme je t'aime. Adieu, jusqu'à 2 heures, chère amie de mon coeur.

Перевод:

Милая моя подруга, здравствуй.

Сообщи мне новости о себе и о князе. У нас все хорошо, но, брат мой,[35] слишком уставший с дороги, не выйдет сегодня. Я это говорю, чтобы не задерживать князя, который желал куда-то идти. Я обедаю с тобой, мой брат довольно умен, чтобы требовать моего присутствия. Я имел удовольствие довольно часто говорить ему, как я люблю тебя. Хочешь ли ты сказать мне в свою очередь, как сильно ты меня любишь? Обнимаю так же, как люблю. Прощай до двух часов, дорогая моему сердцу подруга.

Перевод с французского языка А. О. Дёмина, Л. Я. Сапченко, Л. Ф. Семеновой.

---

[35] Василий Михайлович. Н. М. Карамзин писал брату 9 декабря 1803 г.: «С сердечным удовольствием ожидаю вас в Москву после долговременной разлуки. <…> Не считаю нужным искать для вас дом: приезжайте жить ко мне…». См.: Атеней. 1858. № 20. С. 253.

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ И. А. ВТОРОВА (МОСКВА–ПЕТЕРБУРГ)

Среди обширного рукописного наследия Ивана Алексеевича Второва,[1] литератора конца XVIII — начала XIX в. (жил и трудился в Симбирске, Ставрополе, Самаре, Казани, несколько раз посещал Петербург и Москву) выделяется не опубликованный до сих пор в полном объеме текст, озаглавленный «Моя записная книжка с 1801 года» и датированный 1818 г. Беловая рукопись этого произведения хранится в РГАЛИ (в фонде Второва),[2] несколько машинописных копий с него, выполненных в XX в. потомками, — также в РГАЛИ[3] и ОР РНБ.[4] Внимание к воспоминаниям Второва было привлечено еще в XIX веке, впервые фрагменты из них были опубликованы М. Ф. Де-Пуле, как часть его хроники «Отец и сын» — о И. А. и Н. И. Второвых.[5] Это были наиболее интересные для тогдашнего читателя части, касающиеся пребывания Второва в Москве и его знакомства с московскими литературными кругами — семейством

---

[1] *Вацуро В. Э.* Второв И. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып 1: А–И; *Зорин А. Л.* Второв И. А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А–Г. С. 497.

[2] РГАЛИ. Ф. 93 (Второвы И. А. и Н. И.). Оп. 1. Ед. хр. 24. 295 л.

[3] Несколько единиц хранения в том же фонде.

[4] РНБ. Ф. 163 (Второвы И. А. и Н. И., Синакевич О. В.). Ед. хр. 7. Экземпляр дефектный, не имеет конца.

[5] *Де-Пуле М. Ф.* Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 4–9. Перепечатано: *Второв И. А.* Казань в начале XIX в. // Русская старина. 1891. № 4.

© А. Ю. Соловьев, 2015

Тургеневых, Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым и др. Яркие характеристики, данные Второвым московскому литературному быту периода самого конца правления Павла I и начала царствования Александра I, несколько затмили оставшуюся часть воспоминаний, относящихся в основном к самому Второву и его ближайшим друзьям; она осталась неопубликованной. Между тем во второй половине XX в. оформился исследовательский интерес к самому писателю и к его наследию. Обращения к материалам его воспоминаний как в рукописном виде, так и в машинописи многочисленны.

Воспоминания интересны не одной мемуарной стороной — свидетельствами современника об окружавших его людях и исторических событиях. Их можно рассматривать не столько как биографический материал, сколько как литературное произведение или даже объединенные под общим титулом несколько литературных произведений, отмеченных влиянием сентиментализма. По словам современного исследователя, «воспоминания Второва не только содержат ценнейшие сведения о столичной и провинциальной культурной жизни и служат важнейшим источником для биографии крупнейших русских писателей, но и отражают своеобразную личность автора, сложившуюся под сильным воздействием популярной в годы его молодости сентиментальной культуры».[6] Фактически о том же писал автор некролога Второву, имея в виду дневник литератора: «Весьма замечательно в нем то постоянство, с каким он вел свои дневные записки начиная с раннего детства до глубокой старости. В этих записках, этой непритворной исповеди сердца, как в верном зеркале, отражается вся эта прекрасная душа, с ее благородными стремлениями, любовью к добру, стараниями за правду!»[7]

Изучение архива писателя показывает, что его обработанные произведения мемуарного характера часто основаны именно на дневнике, который он вел на протяжении многих лет, и уже на этапе дневника они получали художественное оформление. В полной мере относится это и к входящим в состав дневника и воспоминаний путевым заметкам, посвященным поездке из Москвы в Петербург в мае 1802 г. Первоначально записи о поездке велись в днев-

---

[6] *Зорин А. Л.* Второв И. А. С. 497.

[7] Цит. по автографу некролога, хранящемуся в РНБ (F.XVIII.61. Л. 64).

нике, там же подверглись первой авторской правке, а в 1818 г. были (с небольшими по сравнению с остальной частью воспоминаний поправками) включены в «Мою записную книжку…». Именно это обстоятельство, целостность фрагмента, позволяет нам считать его заслуживающим публикации отдельно от остальной части воспоминаний. Вопрос датировки произведения не решается однозначно. В тексте самих заметок есть указание на то, что они были полностью написаны и отправлены московским друзьям Второва в мае 1802 г., и хотя подтверждений этому мы не имеем, однако считать 1818 г. датой создания окончательной редакции путевых заметок, а не только датой включения их в состав воспоминаний оснований еще меньше.[8]

Собственно, путешествие Второва в широком смысле длилось два года от отъезда из Самары до возвращения в нее и включало длительное пребывание в Москве и менее продолжительное в Петербурге.[9] Ироничное замечание повествователя предполагает возможность такой широкой интерпретации путешествия: «Хозяйка моей квартиры, спрашивая меня о месте, откуда я еду, приняла Симбирск за Сибирь и удивлялась, как можно ехать так далеко. Гаврила мой сказал, что мы уже едем с лишком год — что некоторым образом справедливо».[10] Однако это не вполне справедливо для текста. В. Э. Вацуро, отмечая в составе дневника Второва автономный и более обширный, чем публикуемый нами, текст путешествия из Самары в Москву и Петербург, подчеркнул, однако, что включенное в него описание переезда из одной столицы в другую имеет композиционное сходство с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.[11] Эти записки и по содержанию (подробное описание дороги), и по основному тону (критическое восприятие действительности) отличаются от остального повествования в «Воспоминаниях». Выделенный нами для публикации фрагмент текста начинается отъездом из Москвы и заканчивается прибытием в Петербург. Отъезд очерчен автором следующим пассажем:

---

[8] Подробнее к творческой истории текста произведения мы обратимся ниже.

[9] С начала 1801-го до конца апреля 1802 г. — в Москве, с мая по август 1802 г. — в Петербурге, в августе 1802-го Второв возвращается в Москву.

[10] Здесь и далее при цитировании из публикуемого произведения ссылки на архивную нумерацию не приводятся.

[11] *Вацуро В. Э.* Второв И. А.

«Вот часть из моих записок дорожных, которые по приезде в Петербург послал я в Москву к моим друзьям с первою почтою». Конец описания поездки также маркирован: «Итак, любезные друзья мои, теперь я на месте, кончилось путешествие мое до Петербурга. Я не буду уже скучать вам подробным описанием безделок и обыкновенных приключений, в дороге случающихся со всяким». Таким образом, Второв сам дает жанровое определение своему произведению. При этом он, во-первых, характеризует путевые заметки в русле традиции сентиментального путешествия (обращенное к друзьям описание дорожных приключений, а именно «безделок»), во-вторых, указывает на то, что это цельный текст (записано в дороге, отправлено одним пакетом с первой почтой по приезде). Очевидно, существенные для Второва жанровые координаты заставили его обозначить отрывок, посвященный переезду, как путешествие или, вернее, путевые записки.

Отметим сразу несколько недомолвок автора. Прежде всего, нам неизвестно ничего о том, отправлял ли он что-либо друзьям в Москву, но заполненные описанием путешествия страницы дневника — явно подлинны и отражают его непосредственные впечатления. Кроме того, вошедшее в «Мои воспоминания» — это не *часть* путевых записок, а обработка *всего* связанного с поездкой материала, сохранившегося в дневнике Второва. Наконец, обыкновенность приключений, на которой настаивает мемуарист, тоже мнимая. Не все из «случающегося со всяким» во время путешествия входит потом в описание поездки, и подбор материала отличает текст Второва от большинства «травелогов» конца XVIII — начала XIX в. «Рамка» заметок написана позже и, по-видимому, отражает ретроспективный взгляд автора, повторяя общие места из подобных обращений к читателю.

Заявленное как типичный плод дружеского расположения к адресатам, путешествие Второва, впрочем, сразу же демонстрирует несоответствие между тоном обращения и дальнейшим изложением, резко отличающим его от других проявлений жанра.[12] Не будет пре-

[12] К опубликованным ко времени поездки Второва оригинальным образцам путешествий в России относятся «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова и «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1800 году» П. И. Сумарокова.

увеличением сказать, что основная тема на протяжении большей части повествования — изображение неприглядной реальности, с которой столкнулся путешественник между двумя столицами.

Только на небольшом пути от Москвы до Твери сконцентрированы дорожные впечатления исключительно с отрицательным знаком. Приведем перечень того, что подряд встретилось путешественнику: сюда не вклинилось ни одного происшествия, хоть сколько-нибудь положительного. Солдаты на станции, выпрашивающие деньги, дорожная пыль и грязь, преследовавший путешественника пьяный мужик на телеге, «буянство одного проезжего офицера», обидевшего почтальона, потерявший единственного сына ямщик, «безбожный» расчет хозяев квартиры, драка пьяных мужиков, ненастье, тяжелое положение просителя перед судейским чиновником, дотла сгоревшее поселение Городня и зрелище несчастных погорельцев. Обратим внимание: социальное зло и природные препятствия предстают на одном уровне восприятия. Перечисленный ряд производит вид намеренного нагнетания ужасов, вызывает в памяти образы книги Радищева и дает заподозрить, по аналогии с этим, рисовавшим жестокие картины русской действительности путешествием, что текст Второва — не запись увиденного в течение одной поездки, а по крайней мере обобщение эмпирических наблюдений автора, если не вообще компиляция услышанных или прочитанных историй.[13]

---

[13] Отметим: ни прямых, ни косвенных свидетельств о знакомстве Второва с «Путешествием из Петербурга в Москву» нет. Другая аналогия — записки иностранцев в России, наполненные, в частности, и тем, что их неприятно поразило в ней, — также не годна для поиска источников, по той же причине. При этом можно назвать книгу, точно использованную Второвым и при подготовке к самой поездке, и в ее описании: *Глушков И.* Ручной дорожник. 2-е изд. СПб., 1802. Цитаты и реминисценции из путеводителя разбросаны по всему тексту Второва, и он сообщает о внимательном чтении этой книги: «Приготовляясь к отъезду в Петербург, я читал описание сего города и замечал, где и что мне там должно видеть любопытного; купил „Ручной дорожник“, в коем описаны все станции на расстоянии от Москвы до Петербурга, и рассчитывал, как выгоднее и безубыточнее ехать…» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 56 об.). Во втором издании «дорожника» приведена таблица прогонов, а также вместо описания маршрута София–Тосна–Любань–Чудово дано новое: София–Ижора–Тосна–Померанье–Чудово, что отражало реальное изменение пути между столицами (и по нему-то — в обратном порядке — следовал Второв). По всей видимости, было использовано это издание, что не имеет,

Один из наиболее красочных эпизодов, посвященный пьяной драке, демонстрирует, что отношение путешественника к народному быту все же скорее брезгливое, чем критическое: «Мимо квартиры моей прошел обоз. Вдруг сделался шум; я посмотрел в окошко и увидел, как пьяные тутошние мужики били некоторых из проезжающих. У одного лицо было всё в крови, другого, лежащего на земле, били кулаками и вязали ему руки. Женщины, выбежавшие из домов, били сковородниками и кулаками пьяных забияк. Это были их матери. Жалкая и смешная сцена. Крестьяне по воскресеньям *гуляют*, то есть напиваются до безумия. Теперь поутру или не проспались еще, или уже опохмелились. — Пьяный пастух ударил одного из проезжающих за то, что скотина из его стада забежала в обоз и едва не задавлена. Его толкнули за то, а может быть, и ударили самого. Он закричал, и вот вся причина драки. — Каково правосудие пьяных скотов! Каковы подмосковные мужики!»

Пристрастие Второва к изображению недостатков делает внезапной перемену тона в Твери. Цитируя путеводитель и гуляя по городу, путешественник восхищается всем увиденным и на прощание приберегает расхожую сентиментальную формулировку: «Я завидовал удовольствиям тверитян; они достойны сей участи. Никогда не забуду я прекрасного тверского воксала на берегу Волги. Прощай, любезная Тверь, с счастливыми добрыми жителями твоими!»

Но «чувствительные» описания в путешествии Второва все же редки. Только два места по дороге из Москвы в Петербург окрашены подобным образом — Тверь и Новгород. И если восхищение Тверью выглядит вполне наивным, то в Новгороде путешественник шутит над самим собой и своими ожиданиями о сохранении исторической памяти в народе (тема, открытая и развивавшаяся сентиментальной литературой). Переправляясь в сопровождении пожилой новгородской мещанки через Волхов к месту, где, по мнению, высказанному в путеводителе, располагался в древности город Славянск, он расспрашивает попутчицу о Гостомысле, о Вадиме Новгородском, о Марфе Посаднице, на что получает предсказуемо

однако, принципиального значения: текст «дорожника» остался в целом неизменным. Он предлагал почти официальный, вполне благостный взгляд на то, что может встретить путешественник на главной российской дороге; разумеется, никаких пьяных мужиков и жестокосердых начальников здесь нет.

невежественный ответ: «Што это, батюшка, святые, што-ли, были?» После этого она рассказывает нелепый бытовой анекдот о двух местных святых (противопоставленный историческому преданию в литературной обработке, бывшему источником воодушевления второвского путешественника), один из которых выгонял другого со своего огорода, и последний, споткнувшись о кочан капусты, получил за это прозвание «Кочанов» (речь о действительно почитавшемся в Новгороде святом Николе Кочанове). Этот контрастный эпизод, как нам кажется, проливает свет на функционирование сентиментальных фрагментов в тексте путевых записок: их наличие в меньшей степени показатель зависимости автора от традиции и в большей — спор с нею. Столкновение ожиданий, продиктованных прочитанным, с увиденным собственными глазами несет в себе полемический заряд по отношению к формировавшейся традиции.

Будучи практическим филантропом на государственной службе, Второв в то же время — не в последнюю очередь благодаря многочисленным поездкам по должности[14] — знал реальную жизнь страны без прикрас. Развенчать несколько идеализированные представления о простом народе, зародившиеся в литературе сентиментализма, было бы для него естественной и несложной задачей. При этом сентименталистское восприятие действительности вызывает его отпор не столько в содержательной части, сколько как подражательная и несамостоятельная форма выражения. Как раз перед отправлением в дорогу он касается вопроса о художественных достоинствах «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова в споре с истовым защитником последнего — Н. А. Куниным, ставившим Измайлова выше Н. М. Карамзина. Этот эпизод также остался в неопубликованной части воспоминаний и заслуживает того, чтобы привести здесь выдержки из него: «Вчерась зашел я купить Измайлова Путешествие в Университетскую лавку. — Тут какой-то молодой человек Н. К<унин> <…> перервал сей разговор <...>. Я читал некоторые места из „Путешествия“ Измайлова — для меня бесподобного человека. Я влюблен в сочинения такого рода. Г. Ку<нин> в лавке утверждал с определенностью, что он пи-

[14] См. его путевые журналы, ведшиеся в должности заседателя самарского нижнего земского суда: РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 220–227.

шет превосходнее Карамзина. Я не нашел за нужное вступать с ним в диспут, а сказал только, что он подражает Карамзину очень близко».[15]

Сошедшийся в Москве с братьями Тургеневыми Второв несомненно был знаком с их оценками актуальной литературы, в частности, должен был знать мнение Ан. Тургенева о произведениях Измайлова и других сентиментальных писателей второго ряда.[16] Провинциальный новичок мог противопоставлять этим авторам не только Карамзина, но и собственное произведение. Вместо готовых формул, называющих, но не описывающих чувства (хотя и им находится здесь место), в путевых заметках Второва мы видим стремление умного и насмешливого наблюдателя передать свои подлинные чувства и переживания. И значительно позже времени своего путешествия Второв проявлял недоверие к излишнему выражению чувствительности. Его тетрадь с выписками из прочитанных книг содержит следующее мнение о «Путешествии в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810) Д. Н. Бантыш-Каменского: «Книга сия довольно любопытна и занимательна, имеет хороший слог и хорошие мысли, исключая некоторых неправильных выражений и ошибок (так! — *А. С.*) против языка. Я не знаю, почему автор <...> в каждом почти письме и даже весьма некстати единообразно повторяет „любезный друг“, между тем как и камердинера своего, по-видимому в насмешку, называет „любезный камердинер“, и киевский Леванда у него также „любезный проповедник“; одним словом, почти нет никакого другого прилагательного кроме „любезный“».[17]

---

[15] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135.

[16] Отзыв Ан. Тургенева о «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова см. в его письме к отцу от 16 мая 1802 г.: «Вы изволите читать Измайлова, я еще не читал его; но осмеливаюсь не согласиться с вами в похвалах ему <...>. В нем одно принуждение, одна натяжка; он не оттого пишет, что смотрит на прекрасный предмет, но смотрит для того, чтобы написать о нем; а ничего нет хуже. Конечно, с этою ложною силою описал он и свидание с кормилицей и торжество природы в ту минуту, как он подал копейку нищему у заставы. Но посмотрите же, извольте прочесть в Карамзине многие места, которые, хотя не имеют этой мнимой силы, но трогают гораздо, гораздо более» (Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 92).

[17] РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 90 об. Отметим близость этого высказывания к защите карамзинистами категории вкуса.

Впрочем, говорить о неприязни к сентиментализму автора, высоко ценившего творчество Карамзина и Августа Коцебу и публиковавшегося в «Приятном и полезном провождении времени», вряд ли приходится. Скорее, следует говорить о недовольстве несоответствием между сентиментальным слогом и сентиментальной же установкой на «невымышленность», «документальность», заданной Карамзиным в «Письмах русского путешественника».

Следует также учесть, что полемизировать Второв мог не столько с сентиментализмом, сколько с его изводом в менее притязательной литературе. Упоминавшийся путеводитель И. Глушкова «Ручной дорожник» так описывает занятия сельских жителей (и в этом описании сентиментальный стиль практически растворяется в хвалебно-рекламном стиле «дорожника», от него остаются только отдельные выражения и образы): «Нет ничего интереснее для городского жителя, как в праздничный день проезжая мимо какого-нибудь селения, видеть деревенские веселости. Все тогда на улице — ребятишки в белых рубахах толпами прыгают и резвятся — прелестные девушки в красных сарафанах то рядами прогуливаются по селу и поют дышащие чистою любовью песни, то веселятся на качелях, то, составя кружок, под звон скорой русской песни резво пляшут, с ними разделяют веселье щеголивые крестьяне, умильно взглядывают на своих любезных и, будучи награждены благосклонною улыбкою, со всею живостью продолжают игры, а несчастные в любви, удаляясь под тень кудрявой липы, томно выражают в чувствительных песнях тоску огорченного сердца своего — недалеко оттуда пожилые крестьянки любуются на легкую резвость дочерей своих; между тем как румяные молодушки нежно переглядываются с мужьями, которые под навесом клети богатого старосты разговаривают с почтенными сединою старичками — словом, все тогда веселятся, радуются от чистого сердца и многоразличными, но невинными шутками разгоняют свои годовые заботы и печали».[18]

Именно этой «обывательской» чувствительности, приторно восхваляющей сельскую простоту, противостоит, развенчивая ее, и приведенный выше эпизод с пьяными подмосковными мужиками, и все произведение Второва.

---

[18] *Глушков И.* Ручной дорожник. С. 97–98.

* * *

Как уже было сказано выше, мы располагаем не только обработанным текстом путевых заметок Второва в составе его воспоминаний, но и подлинным журналом путешествия на вшитой в дневник тетрадке.[19] Бумага, соответствующая времени поездки, расположение материала на листах, листов относительно друг друга, последовательность использования чернил и крайне неровный почерк убеждают в том, что перед нами документ, созданный не только единовременно, но и «где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом».[20] Наличие первоначальной редакции позволяет судить не только об изменениях, внесенных в текст, но и о том, какие особенности произведения возникли в нем уже на первой стадии оформления.

Тетрадка, в которой велись записи путешествия, начинается еще московскими заметками. Несколько первых листов заполнены одним типом чернил, вслед за ними вставлен лист другого формата, с другими чернилами (те же чернила использованы для правки предыдущего текста). Он содержит несколько упражнений в стилистической перелицовке предназначенных для вставки фрагментов. Места для их помещения в основной текст отмечены специальными знаками. Оставшиеся листы заполнены третьим типом чернил, исправления на них, по-видимому, производились одновременно с написанием. В конце заметок идет запись от 7 мая, выполненная дрожащим почерком: «Утро 5 часов. Итак, я в Петербурге»,[21] а затем запись лишь от 9 мая, содержащая подробное описание въезда в город.

---

[19] РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135–144.

[20] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 393 (сер. «Литературные памятники»). Если сравнить эти записи со сделанными в бытность Второва в Москве, то степень подробности дорожных записок впечатлит: в дневнике московскому периоду с начала 1801 г. до поездки в Петербург (то есть больше года) уделено всего семь листов (л. 128–134 об.), тогда как путешествию в столицу — девять (л. 135–144). Сам автор с сожалением вспоминал, что в Москве мало записывал «любопытнейших вещей»: «В праздности и суетах московской жизни моей я не удосуживался тогда записывать в своем журнале всех любопытнейших предметов и происшествий, мною виденных. Жалею о том сердечно» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 47).

[21] Там же. Ед. хр. 17. Л. 144.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал заключает первоначальный слой и одновременную его обработку. По характеру записей трудно предположить, чтобы дневник заполнялся значительно позже, чем происходило описываемое в нем. Скорее всего, в свободные минуты Второв заносил сведения о событиях последнего дня.

При сопоставлении двух редакций видно, что журнал путешествия практически не претерпел изменений, перейдя в новое произведение.

Дневник. Первый слой	**Дневник. Правка**	**«Моя записная книжка…»**
Ивановая колокол<ьня> — Сухарева башня и москов-ск<ая> Бастилия всего более были в виду моем. Сия последняя привела меня в размышление. — Из идеи в идею, и я готов был приписать некоторое добро и совершенным злодеям, извинять их и соразмерить наказания. Между сих размышлений, проехавши петров дворец, я и не чувствовал, как меня сзади подталкивают, скачущую лошадь с пьяным мужиком <sic>. Другая лошадь еще за ней привязана была к передней назади ей. Сбоку в телеге лежал нис лицом и блевал. Закричал я, чтоб он не близко наезжал; он <нрзб.> нарочно погнал лошадь почти на телегу. Я, видя его бесчинствие, погрозил ему палкою. Подошел к его телеге, замахнулся на него палкою и ударил по пыльному зипуну его. <…> признаюсь, что я в сию минуту забывал человеческое, и о	Ивановая колокол<ьня> — Сухарева башня и москов-ск<ая> Бастилия всего более были в виду моем. Сия последняя привела меня в размышление. — Из идеи в идею, нравственность, сострадание, сердце мое жалело о неща<стных> преступниках, и я готов был приписать некоторое добро и совершенным злодеям, извинять их и соразмерить наказания. Между сих размышлений, проехавши петров дворец, я почувствовал что меня сзади подталкивают, оглянулся и увидел скачущую лошадь с пьяным мужиком, кача<ющимся> в т<елеге>. Другая лошадь еще за ней привязана была к передней назади ей. В телеге лежал нис лицом бесчувственный уже труп. — Не наезжай! закричал я переднему пьянице; он нарочно погнал лошадь и более толкал меня. Я погрозил ему палкою, он всио не унимался. Принужден	Ивановская колокольня, Сухарева башня и Московская бастилия, или городской тюремный замок, долее всего были видимы. — Сия последняя привела меня в размышление: сострадательное сердце мое жалело о несчастных преступниках, я полагал некоторое добро и в совершенных злодеях, готов был извинять их и облегчать наказании. Между сих размышлений почувствовал я, что меня сзади подталкивают, оглянулся и увидел скачущую лошадь с пьяным мужиком, качающимся в телеге; к ней привязана была другая лошадь с телегой же, на которой лежал вниз лицом уже бесчувственный труп, изрыгающий винный смрад. — «Не наезжай!» — закричал я переднему пьянице. Он нарочно погнал лошадь и больше начал толкать меня. Я погрозил ему палкою, но он всё не унимался. Прину-

Дневник. Первый слой	Дневник. Правка	«Моя записная книжка…»
Московской Бастилии сделались совсем другие мысли.	остановиться, подошел к его телеге, замахнулся на него палкою и ударил по пыльному зипуну его. <…> Какова первая встреча! — признаюсь, что я в сию минуту забывал все доброе в человечестве, жесток был для злодеев и о Московской Бастилии переменил свои мысли.[22]	жден остановиться, подошел к его телеге, замахнулся палкою и ударил мужика по пыльному зипуну его <…> — Какова первая встреча! Признаюсь, что я в сии минуты забывал всё доброе в человечестве, жесток был для злодеев и о Московской бастилии переменил свои мысли.

Почти всем эпизодам окончательной редакции путевых заметок в свою очередь находятся соответствия в журнале. Единственный случай, когда сильно меняется внешнее оформление эпизода, следующий. Повествователь с драматическим эффектом прерывается на самом интересном месте рассказа о странном поведении ямщика:

Не доезжая до Зимогорья версты четыре, ямщик мой вдруг соскочил с козел и, не сказав ни слова, побежал изо всей силы в сторону — далее — далее, в овражек, в лесок и — скрылся. Представьте меня на крутых холмах, между лесов и пропастей, в темную ночь, едва освещаемую из-за тучи луною, одного с моим Гаврилою. — «Что ему сделалось? — думал я. — Не помешался ли он в уме? — Нет ли у него какого злодейского умысла? — Что нам делать? — Куда ехать?..» Тысячи химер кружили мою голову…

Продолжение было оставлено до другого времени.

После этого приводится письмо из Торжка, отчасти повторяющее уже описанное в путешествии и якобы отправленное в Москву 29 апреля (судя по дневнику, Второв прибыл в Торжок в ночь с 29 на 30 апреля), а после — продолжение истории о сбежавшем ямщике:

Я был с четверть часа в таком положении, как появился наш беглец из леса с двумя деревянными брусками.

— Что с тобой сделалось?

— Да вот спрятал давеча в лесу и насилу нашел, — отвечал он мне.

Браниться с ним было бесполезно, я посоветовал ему вперед не пугать так сумасбродно своих пассажиров.

---

[22] РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135–135 об.

В дневнике этот фрагмент выглядит иначе. Последняя фраза первой части истории составляет единое предложение с первой фразой второй части: «Тысячи химер кружили мою голову, и я был около четверти часа в таком положении, как появился наш беглец из лесу».[23] При новом обращении к тексту автор внес в него элемент игры с читательским ожиданием.

При этом все остальные фрагменты, происхождение и оформление которых можно связать скорее с литературной обработкой, чем с реальными дорожными впечатлениями, — те, что кажутся сконструированными и нарочно вставленными в повествование: чтение путеводителя и восторги по поводу Твери, противопоставление народной и исторической памяти в Новгороде и т. п., — появляются уже в журнале путешествия. А число неприятностей на дороге между Петербургом и Москвой после обработки дневника даже уменьшено. Так, например, удалено описание караульного офицера на Тверской заставе, которого путешественник застал не в надлежащем виде, смягчены выражения, касающиеся догонявших повествователя пьяных мужиков и т. п. Содержательная правка сосредоточена в основном уже в тексте дневника и, как сказано выше, одновременна его заполнению, а во второй редакции, за исключением проанализированного выше композиционного решения, изменения только стилистические.

Таким образом, мы имеем дело с произведением-фрагментом произведения большего объема, функционирующим внутри разных эпистолярных жанров — дневника и воспоминаний — обладающим постоянным набором характеристик, связывающих его с традицией путешествия в литературе сентиментализма, и одновременно отчасти противостоящим ей. Именно столкновение непосредственных впечатлений очевидца с заданными традицией стилем и образом сентиментального путешественника (и в редакции дневника, и в редакции воспоминаний) определяет своеобразие путевых записок И. А. Второва и позволяет прочесть их как литературный эксперимент начала XIX в.

---

[23] РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 140 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется по беловому автографу «Моих воспоминаний» Второва, хранящемуся в РГАЛИ (Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 57–95 об.). Пунктуация и орфография приведены в соответствие с современными нормами, за исключением имен собственных, некоторых заимствованных слов, диалектизмов, имитации простонародной речи и речи иностранцев; в области пунктуации сохраняется тире между фразами, обозначающее паузу. Примечания Второва даются подстрочно.

И. А. Второв

<Дорожные записки>

Вот часть из моих записок дорожных, которые по приезде в Петербург послал я в Москву к моим друзьям с первою почтою.[1]

Для вас, мои почтенные друзья, написал я сии записки. Любя меня, вы желали знать, где я буду, что увижу и что приключится со мною. Вместо частых писем моих, буду сообщать вам отрывки из моей записной книжки; вы не найдете в них ни приятного слога, ни умных замечаний, но узнаете, где был друг ваш, что видел и чувствовал,[2] — много мелочи, вздору; но мелочь и вздор отсутствующего друга — ежели любят его — бывают иногда занимательны.

Можно ли сумневаться мне в любви вашей, после такого опыта? Больше года жил я как ближний родственник в добром любезном семействе и приятном обществе ваших родных и знакомых. Любовь и ласки ваши сильно привязали к вам мое сердце. Вы помните, с каким чувством я расставался с вами: сердце у меня так стеснено было, что я ни слова не мог сказать вам при прощании; поспешно скрылся от вас из вида и до самой заставы сидел, как осужденный преступник, повеся голову. Я не стыжусь слабости детского сердца моего; но на что пустословить, вы меня коротко узнали.[3]

Апреля 27. Воскресенье. 6 часов пополудни.

Тверская застава. «Стой! — закричал часовой у шлагбаума. — Надобно записаться». Я взошел в кордегардию. Молодой офицер Навагинского полка,[4] украшенный Мальтийским орденом,[5] взял мою подорожную и приказал записать ее. Дело кончено в две минуты. Прощайте, сударь! Я садился в повозку. — Первый солдат у дверей, второй у фронта, третий у шлагбаума, — все трое просили на квас; я всех наделил по… слову и поскакал с звоном колокольчика по пыльной дороге. Вы видели экипаж мой, знаете тогдашнее время;[6] до Петровского дворца[7] я уже засыпан был весь пылью. — «Поезжай тише», — сказал ямщику и, обернувшись, устремил

взоры свои на громаду Москвы, любовался картиною города и его окрестностей, до тех пор покуда скрылась сия громада из виду. Ивановская колокольня,[8] Сухарева башня и Московская бастилия, или городской тюремный замок, долее всего были видимы. — Сия последняя привела меня в размышление: сострадательное сердце мое жалело о несчастных преступниках, я полагал некоторое добро и в совершенных злодеях, готов был извинять их и облегчать наказании. Между сих размышлений почувствовал я, что меня сзади подталкивают, оглянулся и увидел скачущую лошадь с пьяным мужиком, качающимся в телеге; к ней привязана была другая лошадь с телегой же, на которой лежал вниз лицом уже бесчувственный труп, изрыгающий винный смрад. — «Не наезжай!» — закричал я переднему пьянице. Он нарочно погнал лошадь и больше начал толкать меня. Я погрозил ему палкою, но он всё не унимался. Принужден остановиться, подошел к его телеге, замахнулся палкою и ударил мужика по пыльному зипуну его, сел опять и поехал прытко. Пьяный мужик скакал за мною изо всей силы, кричал, что он свяжет руки и ноги и что он сам графский (Шереметева).[9] Провожая меня таким образом более четырех верст, отстал. Напоследок, когда мы уже отъехали около трех верст, он прискакал опять, уже верхом и, с бешенством ругая, ехал перед нашими лошадями, брал их несколько раз под уздцы, не давая бежать им. — Ямщику моему пришла сильная охота побить его, и он надрывался с досады, но я не велел ему. Наконец мы принуждены были остановиться. Я с грозным видом говорил ему, что в первом селении велю связать его как разбойника. Он отъехал в сторону и сбоку еще конвоировал меня более версты, ругал жестоко, прибавляя часто к своей брани: «Табашник!»[10] — Бедная лошадь его была измучена и, может быть, одно это только заставило его отстать от нас. Ямщик мой видел, как он ковырял у себя нос до крови. — Я не знаю, какое имел он намерение. Близ десяти верст гнался он за нами, однако ж, проезжая чрез два встреча небольшие селения, отставал, а догонял опять в поле. — Какова первая встреча! Признаюсь, что я в сии минуты забывал всё доброе в человечестве, жесток был для злодеев и о Московской бастилии переменил свои мысли.

Черная Грязь. 28 верст от Москвы. — Первый весенний вечер встретил я в поле на чистом воздухе. Городской шум уже не окружал меня. Сижу теперь в крестьянской избе; на улице раздаются женские голоса хороводных песен. Давно уже не слыхал я сельских утешений, даже и гул шумящей толпы мужиков, около повозки моей собравшихся, приятен для моего слуха. — Я пишу записку к вам с московским ямщиком моим, между тем как словоохотный почталион записывает мою подорожную и рассказывает мне о буянстве одного проезжего офицера, обидевшего его с женою, на которого он послал рапорт. Старуха смотрит на часы мои и гово-

рит мне: «Какой ты добрый барин, говоришь с нами, а к иному боимся мы и подойти». — «Не прикажете ли чайку, ваше благородие?» — сказал почталион, вытянувшись. — Вошедший ямщик: «Лошади готовы, сударь». — Прощайте! я поехал.

Апреля 28. Понедельник. 6 часов утра.[11]

Пешки, вторая станция от Москвы. — Из Черной Грязи вез меня бедный старик, рассказывал дорогою, как он недавно лишился кормильца своего, последнего сына, оставившего ему жену и детей. «Какой был добрый, работящий парень!» — говорил он, прерывая голос рыданием. Лунная ночь позволяла мне видеть слёзы, горестное движение лица его и — сострадать ему. Мы приехали в Пешки перед утренней зарею, остановились ночевать в одной крестьянской избе, близ почтового двора. Я спал мало и очень худо, голова моя разболелась. На тех же лошадях с бедным стариком еду до Клина. Расчет хозяина со мною был самый безбожный: за остаток ночи, которую я промучился в беспокойной избе его, взял он столько, сколько берут за сутки в трактирах; за ложку сливок 10 коп<еек> и столько же за огонь, на котором варили мне кофе.

Мимо квартиры моей прошел обоз. Вдруг сделался шум; я посмотрел в окошко и увидел, как пьяные тутошние мужики били некоторых из проезжающих. У одного лицо было всё в крови, другого, лежащего на земле, били кулаками и вязали ему руки. Женщины, выбежавшие из домов, били сковородниками и кулаками пьяных забияк. Это были их матери. Жалкая и смешная сцена. Крестьяне по воскресеньям *гуляют*, то есть напиваются до безумия. Теперь поутру или не проспались еще, или уже опохмелились. — Пьяный пастух ударил одного из проезжающих за то, что скотина из его стада забежала в обоз и едва не задавлена. Его толкнули за то, а может быть, и ударили самого. Он закричал, и вот вся причина драки. — Каково правосудие пьяных скотов! Каковы подмосковные мужики! — Я проехал мимо остановившегося обоза, коего хозяева кланялись мне и жаловались на обиду обывателей. Я советовал им просить в ближнем городе.

В 7 верстах от Клина любовался я прекрасным местоположением одной помещичьей деревни с домом и садом; а близ самого Клина составлял приятную картину построенный недалеко от дороги на возвышении большой господский дом с проспектами к дороге и к городу.

Погода переменилась. Я приехал в город *Клин* ненастным временем. Полился сильный дождик, когда я проезжал мимо дворца под гору чрез мост.[12] Остановился в трактире вместе с проезжающим генералом Рожновым.[13] Здесь еще принялся я за дорожный гостинец ваш, мои любезные! За 10 ко<пеек> разогрели мне пирог, раздробленный дорогою. Я ел с аппетитом и с приятным воспоминанием добрых друзей моих, к которым так

привыкло мое сердце. — Между тем проглянуло солнышко, я пошел прогуливаться по городу, остановился близ каменной соборной церкви на возвышенном крутом берегу Сестры-реки, смотрел на ее течение между зеленых кустарников и лугов, освещенных весенним солнцем. Взглянул на каменные судебные места[14] и видел, как вышли из них два человека, один в сертуке и круглой шляпе, другой в длинной шинели и превеликой шляпе, распущенной на снурках. Они пошли в разные стороны. Пред последним изгибался какой-то проситель в русском кафтане с открытою головою, раза два останавливались, проситель нагибался и говорил как будто по секрету, кланялся низко и опять вытягивался почтительно. — «Верно, — подумал я, — под сим шатром распущенной шляпы скрывается *Юстиция*», — и возвратился на квартиру.

Ко мне пришел старик с блюдечком, в котором накрыт был засаленным платком медный образ, кланялся и просил у меня на построение церкви.

— Я вижу, ты сам беден, — сказал я ему.

— Беден, батюшка.

— Возьми же себе 50 ко<пеек>, а для Бога есть неистощимое богатство, лучший величественный храм его — Природа; он не требует наших подаяний, но добрых дел.

Старик отвесил мне низкий поклон и возвратился, не положа в блюдечко моего пятишника. Я выехал из Клина в сильный ветер и сырую погоду, избавясь деньгами и словами от разных прошаков.

В *Завидове* скоро переменил я лошадей и поехал не в *Городню*, где прежде была станция, а в *Воскресенск*, отстоящий на 31 версту от Завидова. Городня, чрез которую мы проезжали, выгорела вся дочиста.[15] Мы ехали каменною мостовою по бывшей их прямой улице; везде видны были обгорелые пни и развалившиеся печи, — где-где шалашик. Во многих местах накладен лес, и начинают вновь строиться. На всяком шагу бедные, обоих полов ребятишки в раздранных рубищах просят милостину; даже при выезде из селения бежало за нами множество ребят сих, умоляя о подаянии. Я бросил им несколько мелких денег; вдруг закричали в несколько голосов: «Спасибо!» и отстали от нас.

На сей дороге увидел я знакомую реку мою Волгу. Она так узка здесь в берегах своих, что нельзя ее почесть за ту величественную реку, которая орошает отдаленное жилище мое.[16] Становилось уже темно, как подъехали мы к славному большому мосту на арках, построенному из гранитного камня. Я худо рассмотрел его за темнотою. От сего места недалеко остается до Твери.

Апреля 29. Вторник. Утро. *Тверь*, от Москвы 162 версты.

Я теперь в Твери, прекрасном городе, но не видал еще его, приехав в темную ночь. От заставы ехал я длинною перспективною улицею, обса-

женной березками. Остановился в трактире, близ почтового двора. Здесь-то отдохнул я и выспался покойно, в хорошей отделенной горнице под № 2 и на хорошей софе. Собираюсь ходить по городу.

Иду по большой прекрасной улице, называемой *Миллионною*, мимо судебных мест к крепости. Круглая площадь против сих судебных мест меня останавливает. Я рассматриваю высокую каменную пирамиду, читаю на ней надпись, показывающую расстояние <от> обеих столиц и означающую памятник царствования Екатерины II, при коей началось строение прочной дороги между столиц.[17] Иду далее; по обеим сторонам высокие каменные домы, на левой погреба и лавки под домами. Мимо меня проходит какой-то инвалидный офицер, кланяется с претолстою купчихою, стоящею у ворот, у которой лицо расплылось от жиру.

— Как поживаешь, Феклистьевна? — спросил офицер.

— Помаленьку, сударь!!

— Ну, слава Богу.

Я улыбнулся, прошел мимо гостиных рядов в крепость, к гоубт-вахте. В сие время был вахтпарад. Я посмотрел на тверских гарнизонных солдат и офицеров, взошел в соборную церковь[18] — тогда служили обедню. Священник говорил проповедь человекам десяти, не более. Внутренность церкви великолепная. Вместо крылосов сделаны хоры на колоннах, поддерживающих своды, на которые всходят по наружным лестницам с перилами. На правой стороне написана большая картина, изображающая Екатерину Великую во весь рост, в порфире, короне и с скипетром; Павел и Мария по сторонам ее, а назади Вера, Надежда и Любовь с их символами. На левой стене такой же величины, но худшей работы историческая картина, представляющая Соломоново правосудие между двух матерей о спорном младенце.

Из церкви прошел я к Волге, мимо семинарии, зажал уши от визгу поповичей, учащихся петь. Стою теперь на высоком берегу Волги. Вид восхитительный! — Здравствуй, родная река моя! Я приветствую тебя, как милого друга, с которым давно расстался. Сколь часто, царица вод моего отечества! сиживал я на крутых каменистых берегах твоих, в ясные дни весны и лета! Смотрел на зеркальную поверхность величественных струй твоих, позлащенных вечерним солнцем, — смотрел и восхищался! — С малолетства я утешался тобою, плавал по хребтам твоим, всегда с удовольствием. Меня не устрашали и бурные валы твои, когда ты плещешь ими в берега свои с ужасным шумом, обламываешь большие глыбы, разбиваешь суда. Я не видал, однако ж, больших несчастий и несчастных, поглощенных волнами твоими, и потому любил во время бури смотреть на разгневанную стихию.[19]

Тихими шагами, с сердечным удовольствием иду по высокому крутому берегу Волги, любуясь скромным ее течением. Тверские солдаты в нескольких лодках переезжают на другую сторону с барабанным боем. Картина прекрасная! Там, на другой стороне реки, огромные каменные домы с колоннадами и церкви украшают сию картину. Я подхожу к одному из тверских граждан, стоящему на берегу, расспрашиваю его о городе. Вежливый гражданин, стоя без шляпы, мне рассказывает.

— Где Отроч монастырь[20] ваш? Где воксал?[21]

— Извольте смотреть вправо: видите, на другой стороне между Волгою и Тверцою,[22] на самой стрелке; а воксал еще далее, на сем берегу Волги. Ежели угодно вам погулять, подите к Тресвятскому монастырю.[23] Там местоположение вам понравится, вы увидите и архиерейский дом в роще.

— Какой прекрасный у вас город, верно, весело вам жить здесь?

— Да, сударь, весело, кому есть чем жить, но бедных не утешает веселое место, бедных много и здесь.

— Так, мой друг, бедные осуждены к такой участи во всех местах, однако ж имеют свои сердечные утешения и не завидуют богачам.

Расставшись с ним, пошел я на вал, окружающий крепость (он довольно высок и обширен), остановился и с удовольствием смотрел на соборную церковь и дворец с садом. Ласковый гражданин прошел мимо меня, кланялся со мною как со знакомым и проводил меня до гостиных рядов.[24] Тут я обошел все верхние и нижние лавки, видел четырех дам здешних. Приятная физиогномия одной из них мне понравилась, — может быть, по некоторому сходству с моим сердечным другом. Несколько раз встречался я с нею в разных лавках, торговали вместе платки. Забавным расчетом моим с купцом мне удалось выманить приятную улыбку ее.

Тресвятский монастырь, окруженный прудами, кажется на острове. Я видел его прекрасное местоположение издали, сквозь дожжевые капли. Шедши к нему, вдруг полился сильный дожжик, и я принужден был, измоченный, возвратиться на мою квартиру. Я заметил, что здешние жители довольно учтивы: многие из встречающихся со мною мне кланялись. Как жаль, что такое дурное время не позволяет мне наслаждаться прогулкою.

2 часа пополудни. Сию минуту возвратился я из воксала. С каким удовольствием там я прогуливался, несмотря на мрачную сырую погоду! Нигде, ни на котором берегу Волги в наших местах, кажется, не видал я такого прекрасного места. Может быть, искусственное украшение придавало более приятности. Я исходил все аллеи, тропинки, холмики и был во всех беседках. Везде любовался чистотою и приятностью, сидел в одной беседке на берегу Волги. Против глаз моих была величественная река, на другой стороне ее, при впадении *Тверцы* на самом углу стоит *Отроч монастырь*, тот самый, в котором прекрасный отрок Григорий, любимый

паж Ярославов, оплакивал злосчастную страсть свою к едимоновской красавице, томился в горести и кончил свое страдание — смерьтию…[25] По обеим берегам Волги строение. Множество барок на сей реке тянутся лошадьми против течения ее и в реку Тверцу. Я развернул свой дорожник, читал письмо любезной тверитянки, восхищался приятным описанием невинных удовольствий и забав блаженных тверских жителей. Вот что между прочим пишет она к своей приятельнице о воксале:

«Это публичный сад, лежащий на крутом берегу Волги, в котором непроницаемые липовые аллеи на англинский вкус, проложенные в лесочках дорожки, разнообразные в тени беседки, дерновые на лугах софы, для народа поставленные качели составляют по наклонности каждого особый род прогулки и удовольствия. Многолюдство в нем бывает великое, но доброе воспитание содержит каждого в кругу своего состояния, так что подобного порядка и тихости едва ли где сыскать можно… Так, моя милая! И на хладном краю севера, и на цветущих равнинах романической Гишпании, в огромных палатах и в бедной хижине, с доброю душою, чувствительным сердцем, умея быть довольною, равно можно наслаждаться благополучием».[26]

Чувствительный, нежный автор! Может быть, несколько раз ты сиживала на сем месте, где я сижу теперь. Наслаждайся, милая, всегда достойным тебя благополучием здесь, на прекрасных берегах Волги, в приятном тверском обществе, не завидуй шумным московским собраниям! Там на бульваре, на гуляниях вместе с пылью можно проглотить и отраву для невинного сердца.[27]

Возле беседки сей рассматривал я надписи, вырезанные на березах французскими и русскими литерами, взошел на самый верх другой беседки по худой лестнице и обломком стекла написал над разбитым окном: «Я здесь был апреля 29 1802 года». Сошел вниз, гулял по берегу, смотрел по течению Волги, послал несколько вздохов на свою сторону, в те места, где питал я лютый яд в моем сердце и где наслаждался небесными восторгами. — Здесь несколько рабочих людей делали качели; полицейский офицер, надсматривающий за ними, сказывал мне, что к 1-му числу маия приготовляются публичные увеселения. — Сравните свое московское гуляние в немецких станах, где бедные невольники, заключенные в каретах, боятся опустить стекло, чтобы не задохнуться от пыли, и не смеют выехать из цепи карет, тянувшейся (так! — *А. С.*) на несколько верст. Я завидовал удовольствиям тверитян; они достойны сей участи. Никогда не забуду я прекрасного тверского воксала на берегу Волги.

Прощай, любезная Тверь, с счастливыми добрыми жителями твоими! Я выехал из нее в самую бурную погоду; северный ветер дул мне в лицо, дозжик насквозь промочил меня. Волгу переезжал на барке, простился

с сею рекою, проехал заставу и верстах в 4-х от города Малицкий монастырь;[28] взглянул издали на город, на Девичий монастырь и на архиерейский дом, — больше не видал ничего до Медного.

В *Медном* у почтового смотрителя горячие щи с ветчиною показались мне вкуснее всех московских бальных столов. Тут явился ко мне человек в худом платье, назвавший себя ротмистром Доможиров<ым>, и просил подаяния. Я расспрашивал его о состоянии и о том, что довело его до такого положения, и узнал, что слабость к пьянству была причиною всей расстройки его. Он имел деревню поблизости сего селения, но братья его каким-то образом укрепили ее за собою; жена оставила его и живет в Москве…

«Возьмите 25 ко<пеек>, извините, что я не в состоянии более помочь вам». — Везде просят денег: ямщики, старосты, хозяева, бедные, больные с отгнившими носами, с изуродованными членами. Ни в одном селении не избавляли меня от каких-нибудь посторонних требований.

Дорога от *Медного* до *Торжка* была приятна. В левой стороне по Тверце множество барок тянулось на лошадях. Ямщик мой скакал во весь дух. Мы пролетели быстро по мосту через реку, мимо двух пешеходцев. На горе остановились, я вышел из повозки и пошел пешком. Один из пешеходцев, купец из Торжка, кланялся мне и просил позволения довезти его до Торжка, порядился с ямщиком, сел с ним на козлы — и поскакали. Он рассказывал дорогою о своем городе, о старообрядческой церкви, которую позволено выстроить в 3-х верстах от города; говорил о раздорах сих старообрядцев, что некоторые из них недовольны тем, для чего духовное правительство светское утверждало их священника и проч. и проч. Вот его рассуждение: «Бог знает, что это такое! Сколько сект, раздоров! Мы сами не знаем, что делаем!..» Недалеко от Торжка купец показывал мне место, где была каменная часовня, выстроенная одним проезжающим купцом иногородным лет около ста тому назад. Поводом сему было то, что будто сей проезжающий купец убил на том месте вышедшего из леса человека, почтя его за разбойника, и по приезде в Москву во сне одно привидение приказало ему построить в том месте часовню в память невинно убитого. — Здесь прежде были большие леса, а ныне степь и пашни, где-где рощицы.[29]

Вот еще анекдот, случившийся в начале нынешней весны, который рассказывал тот же купец, а ямщик подтверждал. Близ Торжка в одном селении неизвестный человек, сказавшись купцом, нанял тройку ямских лошадей до Торжка за обыкновенную цену, по какой ямщики нанимаются от вольных. С ним отпустили мальчика лет 15, ямщикова сына. Более двух недель не было слуху ни о мальчике, ни о проезжающем; но недавно нашли в лесу мальчика убитого, а лошади пропали.

Мы приехали в Торжок ночью часу в первом. Я остановился на постоялом дворе.

Апреля 30. Среда. Город *Торжок*.

Пользуясь прекрасным утром, пошел я с суковатою своею тростью гулять по городу. Квартира моя была в Затверецкой части.[30] Я перешел через Тверцу-реку по мосту, взошел на гору и иду мимо высокого столба, который называют колодцем. Это был прежде фонтан. Я поднялся еще выше на гору к церкви старинной архитектуры, обошел кругом каменной фигурной ограды ее, спустился к гостиному двору. Тут в каждой почти лавке видел матрасы, порт-фёли, башмаки и книжки сафьянные, шитые золотом, что составляет важнейший торг сего города, прочий товар мелочный. Отселе, чрез харчевенные ряды, прошел на берег Тверцы, видел соборную большую и темную церковь с старинным иконостасом;[31] продолжал путь мой далее по правому берегу Тверцы-реки, восходил беспрестанно выше по неровным буграм мимо деревянных строений и очутился на высоком крутом валу, с которого открылся весь Борисоглебский монастырь,[32] окруженный высокими деревами, стоящий величественно на возвышенном берегу Тверцы. Надобно было осторожно спуститься по тропинке с высокого крутого вала в глубокий овраг, потом опять подняться на гору и чрез загороженные высокие деревья и бугры (которые называют монастырским садом) пройти к монастырю. Мне указали ход чрез Святые ворота к церкви.[33] Я вошел в огромный великолепный храм с благоговением; священная тишина в пространной пустоте сего храма наводит какое-то уныние, два только голоса раздавались в сей пустоте, монахов, служащих молебны нескольким стоящим тут поселянам в приделе с правой стороны. Осмотрев кругом внутренность храма, подошел я к алтарю, взглянул на пьедесталы, стоящие по обеим сторонам царских дверей, на которых под хрустальными колпаками лежат молоток и лопатка с надписью, означающей время, когда заложен храм сей великою Екатериною. Я с любопытным вниманием рассматривал живописные образа: Благовещения и Успения Пресв<ятой> Богород<ицы>. Никогда еще не удивляло меня столько живописное искусство, как здесь, особливо последний образ. Мертвое тело Богородицы и печальные лица апостолов изображены весьма натурально. Один старец, сидящий при гробе, опершись на колено, представлял чрезвычайно выразительно горестное лицо и — даже вздохи.[34] — Еще две картины на правой стороне алтаря превосходного ж искусства с надписями из Евангелия: «Глава К҃И. стих В҃–Д҃ и Глава К҃А. стих Л҃Г–Л҃Ѳ.»[35] На последней написан страдающий под ударами дубины и кинжала нагой человек. Багровая кровь льется из ран, и кинжал, омоченный в крови, занесен еще для новых ран. Надобно соболезновать, рассматривая сию картину.

С сердцем, наполненным удовольствия, вышел я из церкви, обошел вокруг стен монастырских и чрез улицу взошел опять на крутой вал с другого конца его. Отселе видна была вся Борисоглебская часть города, построенная на холмах между глубоких оврагов с текущими в них ручьями; прошел несколько шагов по валу, усаженному изредка берёзками, где бывает по праздникам гулянье здешних девушек, посидел на лежащих тут чугунных пушках, спустился с вала, прошел по берегу крутого оврага к Тверце, видел несколько мельниц, построенных по текущему в нем ключу. Мне сказывали, что по всему городу проведена вода сего ключа чрез подземные трубы.[36] Спускаясь ниже под гору, мимо рядов, встретился я с гренадерами Сенатской роты,[37] идущими из Москвы в Петербург, спросил о князе Биб…,[38] мне указали его квартиру. Тут я нашел многих офицеров за завтраком, мы обнялись с князем как друзья. — Рота выступала из города с церемониею, я проводил их чрез Тверцу и — распрощался. Заходил в церковь женского монастыря, прошел по горе мимо дворца, взглянул с сего возвышения на строения, на церкви в городе и возвратился на квартиру. Добрая, ласковая (из интереса) хозяйка угостила меня изрядным обедом в моей комнате; сын ее принес мне множество шитых золотом башмаков, я выбрал две пары, запечатал в пакет, написал письмы и оставил хозяину для отправления на завтрашней почте к вам в Москву.[39]

Хозяйка моей квартиры, спрашивая меня о месте, откуда я еду, приняла Симбирск за Сибирь и удивлялась, как можно ехать так далеко. Гаврила мой сказал, что мы уже едем с лишком год — что некоторым образом справедливо. — Я не рассудил доказывать ей различие Сибири с Симбирском. Может быть, по сей причине и хозяин, молодой сын ее, почитал натуральную суковатую трость мою из камчатского дерева, иначе бы она в глазах его не заслужила такого внимания, с каким он ее рассматривал. — Прощайте! — «Милости просим, барин, вперед», — говорили они, как я поехал.

Отъехавши не более 4-х верст от города, поднялась ужасная буря, сильный дождь промочил меня насквозь. Я принужден был остановиться у ворот первого дома, проезжая чрез небольшую деревню, вошел в избу и лег было отдохнуть, но дождик перестал, и мы поехали. — Во всю дорогу от Москвы нашел я здесь одного еще доброго, ласкового хозяина, бескорыстного. Он не просил и не взял ничего с меня за несколько минут, проведенных в его доме. Дорогою заметил я это ямщику моему, и он сказал мне, что, верно, недавно еще переведен он на большую дорогу из какой-нибудь глуши, а потому и глуп так. — «Слава уму и просвещению вашему!» — сказал я и промолчал до самого Выдропуска.

В *Выдропуске* у почтового двора стояла щегольская карета и повозка. Мне сказали, что едут из Петербурга какие-то два полковника. Я взошел

в комнату, из проезжающих господ один, высунувшись из окошка, кричал громко на ямщиков, а другой, довольно дюжий, сидел возле стола в гусарском виц-мундире, в суконной шапке, с черными усами и с трубкою в роту. Он приподнял свою шапку и отплатил мой поклон. Потом, чрез несколько минут, поглядывая на меня, расхаживающего по горнице, спросил учтивым образом, откуда и куда я еду, какова дорога и о цели моей поездки. Я удовольствовал его короткими ответами на каждый вопрос, расспрашивал взаимно о дороге, ими проеханной. Тут оборотился и товарищ его в франтовском сертуке; они оба жаловались мне на худую дорогу, сказывали, как изломалась их двухтысячная новая карета от дурной дороги. — Почталионша подъехала ко мне с чайком и за три чашки воды с сахаром взяла с меня, как за добрые три чашки шоколада. Господа полковники,* пожелав мне счастливого пути, поехали, а я остался еще за лошадьми.

Из Выдропуска ехал я до Вышнего Волочка по самой худой, мощеной круглыми бревешками дороге. Ветер был сильный и холодный; я жестоко озяб и ночью уже, проезжая небольшую деревню, просился под окошками одной избы одеться теплее, тут не пускали меня, говоря, что и там не тесно.[40] Ямщик мой был счастливее и выпросил у хозяев на одну минуту пробыть мне. Я взошел в избу, отогрелся, оделся теплее, пошутил над их жестокостию, заплатил за тепло и поехал.

В Вышний Волочок приехал уже на рассвете. Постоялый дом весьма неприятен был для меня по худому расположению и по холодным, нечистым комнатам. Спал очень беспокойно.

Майя 1-го. Четверток. Утро.

Город *Вышний Волочок*.

Здесь думал я встретить с удовольствием любезный май, цветущий весенний месяц, но природа покрыта была мраком. Под бурными облаками я вышел на Цнинский канал,[41] ужасный холодный ветер едва не сшибал меня с ног. Несмотря на то, однако ж, я дошел до Цнинского шлюза, видел затворы и машины, коими действуют во время спуска и запирания воды, видел домики и пирамиды близ шлюза по обеим сторонам канала, построенные из красноватого гранита, возвратился по тому же берегу, прошел чрез мост по деревянной набережной, построенной в воде, близ берега, к славному мосту на Тверецком канале, механической работы. Он составлен из спирающихся один в другой брусьев; и кроме концов его, с одного берега на другой утвержденных, висит над водою, так что под него подходят барки. Весь мост покрыт кровлею, под которою сидело тогда множество народа, на построенных по обеим сторонам лавках.[42] Тут торгуют

* Это были г<оспода> Шульгин и Делянов.

разными фруктами, калачами и пряниками. Собрание толпящегося народа на мосту, как в длинной галерее, составляет немалый рынок. Я расспрашивал, давно ли и кем построен сей мост? Мне сказали, что больше 20 лет и что строил какой-то *иноземец*. Отселе взглянул я на бейшлот, отстоящий от меня саженях во ста (так! — *А. С.*), на оба канала, Тверецкий и Цнинский. Поверхность воды в них покрыта была вся нагруженными барками, так что от давления оных и от накопления воды выступила она на берега, и вся набережная (деревянная) была затоплена и уже составляла средину Цнинского канала.

Я прошел к гостиному двору, потом к соборной церкви,[43] тогда служили обедню, вошел в церковь, в коей было довольно много молельщиков, рассматривал высокие колонны, поддерживающие своды, и хоры, занимающие большую половину церкви. Иконостас и все образа худой иконной работы. С особенным любопытством смотрел я на поставленный с правой стороны левой колонны большой образ, весьма карикатурной работы с надписью: «Похвала пресвятой Богородице». Богоматерь написана в большом красном кругу, сидящая на табурете, в правой руке держит крест, а в левой скипетр. Под ногами луна вниз рогами, а на плечах у нее превеликие крылья!.. Я не видывал еще подобных изображений, пожал плечами и вышел из церкви, мечтая о разных мнениях и делах человеческих.

Удивительно, что в таком городе, который стоит между просвещенными столицами; который наполнен всегда людьми из разных городов, проезжающими беспрестанно туда и сюда; где во время ярмонки (июля 8 числа)[44] съезжается множество дворянства, — в таком городе большая часть жителей остается еще в загрубелых от невежества предрассудках. Лучи просвещения, так близко сияющие около сего города, столь медленно проникают в недро его; едва ли не больше найдешь здравомыслия между жителей наших отдаленных городов?[45]

Хозяин каменного дома, где я стоял, есть купец сего города, он был в отлучке по торговым делам своим. Я разговаривал с его матерью и сыном Алексеем, умным смелым мальчиком, которого бабушка называет по тамошнему произношению Ле́ша. Он сказывал мне, что прежде был в народном училище, но отец его выкупил оттуда, отдал из платы какому-то дьячку, который доучивает его часовнику и скоро начнет учить Псалтырь. «В народном училище, — говорил он, — у нас очень мало учатся; почти все отцы берут назад детей своих для того только, что там учат грамоте не по-нашему». Он разумел чрез сие гражданские, а не церковные письмена, и что вместо «Аз, Буки», учат «А, Бе» и проч. Я внушал ему о пользе тамошнего учения, и мальчик сам, чувствуя свои выгоды, говорил мне, что он бы теперь знал уже и *рехметику,* ежели бы не взяли его из училища. — «Вон один знакомый мне купецкий сын со мной вместе начал учитца,

оставался там и теперь уже сидит в лавке, умеет читать гражданскую печать и знает *рехметику*. Я буду опять проситца у батюшки лучше в училище».

На улицах, в гостином дворе, в церкви и по обеим берегам каналов, было множество людей, но — подивитесь! Я ни одного человека не видал в немецком платье; все в русских кафтанах, с бородами. Может быть, сырая ветреная погода была причиною, что здешние франты и франтихи — ежели есть они — не показывались в открытых местах.

Барок накоплено было в каналах сверх меры, но спускать их в Цнинский шлюз препятствуют сильные ветры. Я очень жалел, что не удалось мне видеть сего любопытного зрелища. Назначен был нынешний день для спуска, но ветер еще увеличился, отложено до субботы. Я не рассудил жить так долго и поехал после обеда, будучи доволен моею хозяйкою, а хозяйка, добрая старуха, довольна была посредственною от меня платою за постой, за сливки и за обед. Я удивился, что она положилась на мое рассмотрение назначить всему цену и не просила, как другие, прибавки к предложенному ей количеству.

Дурная дорога до Хотилова меня измучила. Ужасный холодный ветер продувал сквозь всего моего теплого платья (так! — *А. С.*). Я жестоко озяб, и в сердце моем были самые мрачные ропотные мысли против природы и судьбы.

В *Хотилове* согрелся я в теплой комнате у почтового смотрителя. Тут в первый раз еще увидал тоненькие белые листки соснового сока, называемые *мязгою*,[46] которые едят здешние жители вместо лакомства. Я отведал, разжевал и не мог проглотить.

У хозяйки сидела гостья, молодая почталионьша из Яжелбиц. Она с одною старухою идет оттоле пешком по обещанию к часовне близ Вышнего Волочка, поставленной на болоте, где явился чудотворный образ. Жалуется на какую-то женскую болезнь, которою давно страдает, и путь сей избрала она, по совету многих и по собственному обещанию, для исцеления. Надеется верно, что молитва после такого трудного путешествия исцелит немощную. — «Кланяйтесь, сударь, моему мужу: вы завтре поутру будите в Яжелбцах. Скажите ему, что меня здесь видели». Сопутница ее, старуха, увидала у меня медные деньги, которые принес ямщик от размененной ассигнации, выпросила *ради Христа* 5 ко<пеек>.

«Помолитесь и за меня, честные труженицы, явленной иконе болотной», — сказал я и поехал.

Ядрово. Вечер. Я проехал мимо дворца, где стояло множество карет и колясок.[47] Это был дорожный экипаж графа Ни. Ив. Салтыкова.[48] Он едет в Петербург и здесь ночует. Под экипаж его заготавливают только 126 лошадей.[49] — Около дворца толпилось много зевающих мужиков. Я подъ-

ехал к почтовому двору, тут также стояла карета и повозка; в комнате сидел пожилой человек почтенного вида в дорожном сертуке, поклонился мне учтиво, расспрашивал меня о дороге и о поездке моей. На взаимный вопрос мой сказал мне, что он едет из Петербурга в Казань и в Сибирь. Слово за слово, и мы разговорились с ним более. Он узнал от меня о смерти родственницы его, бывшей княгини К. С. Баратаевой.[50] — «Вы найдете в Петербурге много удовольствий, — говорил он. — Там очень весело было в начале весны. Теперь там славная красавица италианка, вы ее увидите; она публично показывает свои таланты в верховой езде. Вольтижирует[51] удивительно! Их целая труппа, и они забавляют публику разными редкими штуками». Рассказывал еще о многих фокус-покусах г. Пинетти,[52] какие он видел в нынешний приезд его в Петербург. — И так я время сие в ожидании почтовых лошадей провел весьма приятно в разговорах с сим любезным, ласковым пожилым человеком. Я не знал, кто он таков, видел только, что почталион обращался с ним почтительно, называя: «Ваше Сиятельство». — «Лошади готовы для вас», — сказал мне почталион, и мы расстались с почтенным стариком как знакомые, он, провожая меня, кланялся и желал мне счастливого пути и удовольствия в столице, а я благодарил его, изъявляя равное желание счастия в дальнем пути его. «Это генерал-лейтенант князь Эристов»,[53] — сказали мне его люди, когда я садился в свою повозку.

По выезде из Ядрова откроются в правой стороне дороги высокие круглые холмы, обросшие кустарником и травою.

— Что это за бугры? — спросил я извозчика.

— Тут в старину воевала Литва, бают, их батареи были.

— Разве не могилы ли человеческих трупов?

— Не знаю.[54]

В левой стороне, под горою, большое Ядрово озеро, освещенное вечерним солнцем, было для меня приятным зрелищем. Отъехавши не более трех верст по гладкой дороге, начинаешь уже подниматься и спускаться по холмам, и дорога усеяна камнями, окружена кустарниками, лесом и глубокими буераками. Тут начинаются Валдайские горы.[55]

Едешь далее, возвышение усугубляется. — Везде пропасти, камни, ущелины; инде надобно ехать по высокому хребту, между глубочайших оврагов. — Становилось темнее, вечер был тих. — Луна освещала дикие лесистые скалы и воды, текущие в глубине оврагов. В одном месте проехал я возле самого края глубокой пропасти, где мелькала вода, освещенная луною. Я взглянул, содрогнулся и вспомнил любезную Елиз<авету> Мат<веевну> как она обмирала и на маленьких косогорах, во время приятного путешествия нашего к Троицкой Лавре.[56] Что бы с нею теперь сделалось?.. Я боюсь и рассказами пугать ее…

По Валдайским горам попадалось нам несколько лошадиных трупов и костей, лежащих близ дороги.

— Нет ли здесь волков? — спросил я извозчика.

— Нет, сударь, это падали лошади тогда, как ехала царская свита. Направду, все хорошо ехали, и государь некоторым ямщикам жаловал кафтаны. Да К. П… много загнал лошадей; скачет, слышь-ты, ни вись-как, лошади-то и не выдержут. Ну уж а!....

— Молчи, дурак! — перервал я его.[57]

Не доезжая до Зимогорья версты четыре, ямщик мой вдруг соскочил с козел и, не сказав ни слова, побежал изо всей силы в сторону — далее — далее, в овражек, в лесок и — скрылся. Представьте меня на крутых холмах, между лесов и пропастей, в темную ночь, едва освещаемую из-за тучи луною, одного с моим Гаврилою. — «Что ему сделалось? — думал я. — Не помешался ли он в уме? — Нет ли у него какого злодейского умысла? — Что нам делать? — Куда ехать?..» Тысячи химер кружили мою голову…

Продолжение было оставлено до другого времени.[58]

Точно так послано сие было из Петербурга в Москву к друзьям моим, маия от 14-го числа 1802 года.[59]

Вот письмо мое из Торжка, писанное в Москву от 29 апреля 1802 года.

«Путешественник ваш, мои любезные! уже за 228 верст от вас, переносит разные беспокойствы от неприятной перекладной езды, особливо от худой погоды. Сначала задыхался от пыли, пронзительный весенний ветер растерзал мне все лицо, глаза едва не испортились; потом насквозь пробивал дозжик; грязь целыми глыбами летела на меня со всех сторон, избила ободранное лицо мое в пятны. — Прекрасная прогулка! Стоит московского булевара! Сверх всего того, кошелек мой уже до половины истощился. Везде просят, то с изломанными руками и ногами, с изуродованным телом, то ямщики и хозяева квартир, всякий доказывает свое право, ложными и справедливыми требованиями. — С стесненным сердцем видел я и истинную бедность — видел и соболезновал.

Ежели бы описывать вам все путешествие мое подробно, то о сю пору уже составилась бы порядочная книга. Скажу коротко, что мне, кроме беспокойства и бессонницы, не приключилось ничего важного, и кажется, будто начинаю привыкать я и к самым беспокойствам. Вчерась около суток пробыл я в Твери; один город сей с приятным своим местоположением и окрестностями уже заплатил мне за все неприятности, мною перенесен-

ные, а что еще впереди будет?.. Надежда на будущее есть сладостная пища для беспокойного сердца….....

Теперь в Торжке принесут ко мне целые тысячи башмаков. Думаю, что не будут проклинать меня на соборах вместе с Ванькою Каином, — из всех постараюсь выбрать лучшие.

Я здесь ночевал и все утро ходил по городу, смотрел великолепный храм, из первейших в России, построенный великою Екатериною в Борисоглебском монастыре. — В прогулке моей по Торжку встретился с знакомым мне и всем вам князем Биб<иковым>, мы обрадовались друг другу, я был у него на квартире и потом вместе по городу маршировал с их батальоном. Он спрашивал о вас, о Петре Мих… и велел всем кланяться.

Как-то вы проводите свое время, мои любезные! Верно, забыли бедного странника? Как будто и не бывало меня в Москве, всё прошло!.. Желаю вам покоиться на мягких пуховиках. А я!.. как вы думаете? дело делаю; нужда крайняя! беспокоюсь, скачу, куда, зачем?.. Посмейтесь на мой счет.

Андрея Алексеевича мысленно провожаю в деревню наслаждаться весною, читать книги, гулять. Петр Мих. с Иван. Семен. и Роман. Гаври.[60] пусть гуляют по булевару! Посмотрел бы, как он в мешке* будет франтить. Вспомните и меня, милые!

P. S. Какой ужасный ветер визжит! дозжик накрап<ыв>ает. Я посылаю за лошадьми, чтобы поспеть к завтрему в Вышний Волочок. Прекрасное время как нарочно переменилось для моего путешествия. Природа не веселит меня. Точно такая же мрачность и в моем сердце. Я думал наслаждаться в дороге весною, но вышло противное. Может быть, и в Петербурге не будет весны для моего сердца».

Продолжение дорожных записок

Я был с четверть часа в таком положении, как появился наш беглец из леса с двумя деревянными брусками. — «Что с тобой сделалось?» — «Да вот спрятал давеча в лесу и насилу нашел», — отвечал он мне. Браниться с ним было бесполезно, я посоветовал ему вперед не пугать так сумасбродно своих пассажиров.

Приехали в Зимогорье уже поздно. Ямщик мой заслужил свою вину.[61] Он пригласил меня ночевать у себя в доме. Мать его, добрая старуха, накормила меня сливками и валдайскими баранками.

---

* Английский фрак широкий без швов.

Маия 2. Пятница. Село *Зимогорье*.

Я переехал уже большую часть Валдайских гор. Теперь в трех верстах только от города сего имени. Прекрасное, большое Валдайское озеро и посреди его остров с монастырем в виду отсель.[62] Как жаль, что ненастное время не позволяет мне исполнить моего намерения, поплавать по водам сего озера, посмотреть остров, монастырь и окрестности приятного гельветического местоположения![63] Все утро провел я в крестьянской избе за ненастьем. Две пожилые женщины принесли мне валдайских баранков и показались довольно ласковыми и говорливыми, если бы корыстолюбие не очерняло их приветливости. Они неотступно убеждали меня купить их баранки. Я сказал, что и прежде взятых у здешней хозяйки мне девать некуда: «Хотите ли, я и теми подарю вас». Обе они бросились на сию добычу и взяли с радостию, а меня избавили уже от насильственной покупки. Одна из них рассказывала, что она воспитывает дитя, к ней подкинутое, примолвя: «Видно, ваша братья проезжие поцеловали горячо за баранки какую-нибудь девушку». Она выпросила у меня денег на своего питомца, хотела прислать дочерей своих с баранками, попытаться еще выманить у меня что-нибудь, и сказала: «Целуй их, как хочешь».

11 часов 10 минут утра. Я все на одном месте, в доме ямщика моего и без всяких занятий. Дозжик беспрерывно льет из облаков, ужасная грязь на улице. Я беспокоюсь о своем выезде, что меня измочит и загрязнит. Мне хотелось бы ехать, переждавши дозжик, но, видно, он переупрямит меня.

Сию минуту вошли в избу измоченные четыре старухи, говорящие очень дурно русским языком, а между собою другим, неизвестным мне и для меня новым. Я узнал от них, что они карелы, идут в Новгород на богомолье. В первый раз еще услышал я карельский язык и вижу людей сей нации.

Прогулка моя слишком беспокойна. Я думал наслаждаться удовольствиями в весеннем пути, ходить пешком, рассматривать любопытные места по Петербургской дороге; выехав в самое лучшее время года, думал утешаться природою в цветущем ее состоянии; но вместо того во всю почти дорогу природа столько мрачна! Ужасные бури и ненастья приводят больше в уныние горестную душу мою. Случай и судьба всегда делают по-своему и смеются над нашими предположениями. Иногда и сами мы смеемся над собою, например: я переношу теперь величайшее беспокойство от перекладной езды на открытых повозках, под дождем и холодом, забочусь, скачу день и ночь; а куда и зачем?.. Едва ли не все дела наши столько же смешны!

На всех постоялых дворах, где я останавливался, хозяева, особливо старухи, называют меня добрым барином; оттого ли, что я говорю с ними

ласково, расспрашиваю о подробностях их жизни, не делая ничего им неприятного; или оттого, что многие из проезжающих грубят им самым де<p>зким образом без причины, чему и я был свидетелем на одной станции?.. Удивительно для меня, как люди пренебрегают спокойствием подобных себе и безвинно огорчают только за то, что судьба поставила в низкой доле одних перед другими!

2 часа 25 минут пополудни. Дозжик не думает переставать. Всё небо обложилось тучами. Я сижу под раскрытым окном, пускаю в него дым из моей трубки и смотрю на проезжающих и проходящих по улице. Вот идет бедный слепец по грязи, в раздранном рубище, с какою-то ношею и с завязанным лицом; он держится левою рукою за ведущего его мальчика. Горестно видеть человека, убитого бедностию и болезнию, двумя злейшими врагами нашего благоденствия.[64] — Чрез минуту после того проехало несколько карет, колясок и повозок. Какое различие от человека, подверженного всем нуждам и бедствиям в жизни, до человека, живущего в изобилии и роскошах! если бы тот и другой могли чувствовать сие различие!.. Судьба! судьба! ты неисповедима в своих игрушках!..

Я не переждал дождя. В 5 часов пополудни[65] выехал из Зимогорья. Слякоть и дождь делали весьма неприятною мою дорогу. Спускаясь под гору к Валдаям, в правой стороне открылось большое пространство вод славного Валдайского озера и посреди него, в синете, сквозь дозжевые капли виден был лесистый остров с монастырем. Картина прекрасная! Жаль, что я не мог любоваться ею за мрачным, ненастным временем. Я проехал в Валдае мимо торговых рядов и по косогору мимо дворца. В рядах миловидные девушки с улыбкою выманивали у меня денег за баранки, но боялись выйти из-под каменных аркад, чтобы не замочиться на дожде. До самых Яжелбиц дозжик не переставал литься на меня. Все платье и постелю мою перемочило и забрызгало грязью.

В *Яжелбицах* исполнил я поручение молодой почталионьши, поклонился ее мужу и сказал ему, что я видел ее в Хотилове. — Смерклось уже, как я выехал из Яжелбиц. Прескверная дорога размучила меня до станции *Рахиной*. Дозжик еще сильнее лился. Я не в состоянии был далее ехать и расположился было ночевать в Рахине. Тут уже все спали; нельзя было найти покойной квартиры в такую темную, дождливую ночь. Мне указали одну высокую избу близ почтового двора, я взошел в нее и нашел там полную избу, набитую постояльцами. Что делать? Голова у меня жестоко болела от беспокойства и бессонницы, но квартира не обещала никакого успокоения. Я решился уже переехать еще 16 верст до Крестцов, надеясь на остаток сил моих. Новый ямщик просил меня, чтоб я позволил ему везти

только на двух лошадях, заплатя ему за тройку, обещал сыскать крытую кибитку и — тотчас доставить в Крестцы. Итак, мне в кибитке лучше будет, думал я. — «Прощайте! вот тебе, хозяин, за беспокойство твое». — Уехал.

Бог знает, как я мог перенести ночной сей переезд. Решетчатая крышка с рогожею, прикрепленная к телеге, была так низка, что мне нельзя было приподнять голову. Я лежал на локтях, то на том, то на другом, и при малейшем движении моем получал крепкие удары в голову верхними дугами кибитки. Сквозь рогожи протекали дожжевые капли на лицо мое. Наконец я приехал в Крестцы пополуночи в 3 часа пред утренней зарею, с разбитою головою и грудью, с измоченным и загрязненным платьем, по прескверной тряской дороге.

Крестцы. Маия 3. Суббота.

Можно ли рассматривать сей бывший город изувеченному, больному человеку? Я выглядывал из моей тесной клетки, когда мы ехали по круглым бревешкам грязной крестецкой улицы, мимо пустого каменного строения, в котором прежде были судебные места. Ночной мрак и дождь не позволяли ничего мне видеть. Я беспрестанно только спрашивал, скоро ли будет конец моим мучениям, и думал, что ни за какие миллионы, ни за какое благополучие в жизни не соглашусь я продолжать еще далее мой путь. Слава Богу! наконец мы на квартире; принесли грязную постелю и чемодан мой, развесили мокрое платье. Я перевожу свободно свое дыхание в крестьянской избе. Вдруг откуда ни взялась предо мною маленькая человеческая фигурка, в синем толстом сертуке, подпоясанная кушаком, с похмельным лицом и лысою головою. На боках и на затылке головы торчали седые клочки волосов. «Не погневись, ваше високородие, ваше сиятельство, ваше пре<во>сходительство! я не снаи как насфать, мошна ви кнась, мошна краф. Я виспаль, кодил по улиц». Вот что говорил мне, кланяясь, похмельный немец. Фигура, рост и выговор, кроме лысой головы его, были точное подобие самарского забавного шута Б…на.[66]

— Ф какоим опразом меин гер! Что тебе надобно? — спросил я.

— Нишево, патушка, так я виспаль, не погневись, мне скушна.

— Не из Саксонии ли ты?

— Нет, мой Виртемберг Штутгард.

— Давно ли ты здесь, и зачем?

— Тафно, я шиль уф-Петербург, стесь тафно, шиль уф Коротнишь, уф-теревнях пахаспатам — мой портноя.

— Ну, караша, мой трук люблезный, прощай! Мне надобно отдохнуть.

Он попотчевал меня табаком, поклонился и ушел, повторяя свое извинение: «*не погневись*». Хозяин говорил о нем, что он давно живет у них в селении и ходит из двора во двор, — что где выработает денег, пропи-

вает в кабаке. — После беспокойства моего я крепко спал здесь, проснулся уже не рано, обрадовался ведренному дню, расплатился с хозяином и поехал.

В *Зайцове*, как и по всей дороге, сколько проехал, не видал я *ухарских* ямщиков, о которых говорят так много, не слыхал их ни заунывных, ни веселых песен; [67] а ежели кто-нибудь из них и затягивал, то таким странным голосом и нелепыми словами, что противно было слушать. — Дорога от часу хуже становится, чем ближе подъезжаешь к Петербургу. Между всякой станции (так! — *А. С.*) иду я пешком верст по пяти и более для облегчения чувствуемой боли в груди и голове. Тряская и худо вымощенная дорога сему причиною.

Подъезжая к *Бронницам*, издалека еще увидел я высокий холм или лучше гору конической фигуры, с каменною церковью на вершине ее.[68] Ту гору, которая, по преданию, известна была в глубокой древности по славному капищу и оракулу, коего приезжали вопрошать многие северные владетели. Распаханные борозды по отлогостям сей горы делали ее полосатою. Мы проехали мимо ее, остановились у дворца, стоящего при въезде в Бронницы. Я отпустил экипаж мой до почтового двора, а сам пошел на гору, по тропинке, лежащей от селения. Восхожу выше, рассматриваю огромные дикие камни с трещинами, обросшие мхом. На самой вершине растут деревья. Я посмотрел на небольшую каменную церковь, обошел вокруг всей вершины горы, остановился на западной стороне и увидел вдали необозримое пространство вод, слившихся с небесами. Заходящее солнце освещало сию великолепную картину. Я прислонился к дереву, и, будучи один на сей высоте, окруженный тишиною и романическими видами окрестных мест, мечтал о древних баснословных временах, думал о моем отдаленном жилище, о людях, мне любезных и любящих меня. — Думают ли они теперь обо мне, где я и что вижу и чувствую? — Нечаянный удар в колокол на сей горе прервал мои размышлении; я содрогнулся, оборотился к церкви, подошел ближе к ней и увидел на колокольне четырех мужиков с котомками за плечами. — «Не знаете ли, что это за воды, вдали видимые?» — «Озеро Ильмень», — отвечали они. — Я сошел с горы вниз. В селении лошади уже готовы были. Итак, отселе приеду я в Новгород, древнейший из всех российских городов и испытавший столько бедственных перемен над собою. Какая пища будет для любопытства и воображения! Неприятно было только то, что дальний переезд по дурной дороге кончится уже ночью и что не удастся мне видеть издали картины города и его окрестностей.

Вечер был прекрасный. Я переезжал из Бронниц чрез быструю разлившуюся реку Мсту на пароме; со мною сидели две молодые женщины и несколько мужчин. Из разговоров с ними узнал я, что можно бы мне

было ехать отселе водою до Нова-города, за ту же цену, но с лучшим покоем и удовольствием; жалел, что не знал о том прежде. Переправившись чрез реку, поехал по тряской мостовой дороге. — Около трех часов мы ехали, но солнце не совсем еще закатилось. Вечерний свет его румянил открывшиеся окрестности Нова-города и разлившиеся воды Волхова. — Вот в правой стороне монастырь Варлаама Хутынского;[69] влеве к городу светлые воды и деревеньки, рассеянные по зеленым берегам и островам при разливах вод. — Впереди издалека еще открылась приятнейшая картина города. Множество церквей и строений, казалось, стояли на самой воде разлившейся реки Волхова. — От Варлаамских *мнихов* идет пешком чрез дорогу какая-то священная особа в синей рясе, с распущенными волосами под круглою большой шляпою. — Мимо нас встречу проехала коляска из Нова-города с двумя молодыми франтами. Солнце закатилось, сумрак затемнял уже предметы, как мы подъехали к заставе Нова-города. — Тут записали мою подорожку. Подъезжаем к трактиру, где я хотел остановиться, экипажей множество; нет места, все занято. Поблизости от трактира был постоялый двор, мы постучались у ворот; толстая купчиха выглянула в окошко и говорила, что комнаты заняты, осталась только для самих хозяев; назначила необыкновенную цену, ежели мы хотим остановиться.

— Нам надобен один уголок.

— Мне не перегораживать для вас, — сказала с сердцем и закрыла окно.

— Не гневайся, голубушка!

Я послал моего человека осмотреть покой, потом взошел сам, помирился с хозяйкою и ночевал в их комнате, на покойной постеле. — В другой комнате, возле моей, стоял ехавший из Петербурга генерал Талызин.[70]

Маия 4. Воскресенье. *Нов-город*.

Солнце уже высоко взошло, как я проснулся. День был прекрасный, каких я не видал еще в дороге. Я пошел прогуливаться по городу. Иду мимо дворца с садом, стоящего на берегу Волхова. Мне встречалось много людей, одетых в праздничное платье, и молодых армейских офицеров. Здесь стоит Белозерский пехотный полк;[71] прохожу по большому мосту с перилами чрез Волхов. На мосту толпится народ разных состояний. Я остановился на средине и любовался видами города с церквами и монастырями, построенными по обеим сторонам разлившейся реки. Иду далее в крепость, смотрю на каменную стену, ее окружающую, разрушавшуюся уже в некоторых местах и обросшую мхом от древности, нахожу сходство с московским Кремлем. Внутри сей крепости большая площадь, окруженная каменными зданиями судебных мест, архиерейского дома и проч. Древнейшая соборная церковь святыя Софии возвышалась посреди площади. Я взглянул только на все это мимоходом и возвратился опять чрез

мост на Торговую сторону.* Прошел мимо гостиного двора; начинали благовестить к обедни. Все церкви были отперты. Я взошел в старинную каменную церковь Знаменский собор, в коем стены расписаны дурною иконною работою, изображающею суд иудеев над нашим Спасителем, и предметы выбраны довольно странные. — В другой, небольшой церкви Спаса Преображения, стоящей близ сего собора, дневной свет чрез малые окны слабо проницал во внутренность ее. Людей никого еще не было; старый священник, приготовляясь служить литургию, стоял на коленах пред царскими дверьми с распростертыми руками и молился один, без свидетелей. Такая картина поразительна была для чувствительного сердца, не развращенного суемыслием. Она произвела глубокое впечатление в душе моей. Несколько минут смотрел я с сердечным умилением на сего старца, не будучи им примечен, и вышел тихонько с благоговейными чувствами. Прошел опять в Кремль и в Софийский собор, где служил уже обедню архиерей; церковь наполнена была народом. Я видел тут губернатора, многих чиновников и красавиц новгородских. Слушал архиерейских певчих и мысленно переносился в Москву, к Никите мученику, сравнивал Колокольникова певчих с сими и находил большое различие для слуха.[72] Обедня кончилась; большая часть здешнего дворянства пошла прогуливаться на Торговую сторону. Я перешел с ними чрез мост и по берегу Волхова поворотил вправо к стороне Юрьева монастыря.[73] Мне хотелось видеть городище, известное место древнейшего города Славянска,[74] и отыскать его признаки, ежели они существуют. Спрашивал о сем городище встречающихся со мною людей, и мне сказали, что надобно к нему ехать водою, ибо оно отделяется от города разливом Волхова. Я нанял лодку; молодой человек из перевозчиков повез меня в Городище; со мною села старая женщина мещанка, порядочно одетая. Мы плывем по гладкой поверхности вод, ярко освещенных полуденным солнцем. Зеленые берега, острова, город с церквами и монастырями составляли для меня приятнейшее зрелище с открытой поверхности вод. — Вот разговор мой с женщиною и с перевозчиком:

Я. Не здесь ли ты родилась, бабушка?

Старуха. Здесь, батюшка, родители мои были архиерейские служки. Мы жили прежде в Городищах и давно уже переселились в Нов-город. А ты, мой батюшка, зачем едешь в Городище? Не к Елизару ли Максимовичу?

Я. Нет, бабушка, я там никого не знаю, я проезжающий, еду погулять, посмотреть.

---

* Город разделяется рекою на две части. Та часть, где Кремль, называется *Софийскою*, а другая *Торговою*.

Старуха. А я еду к Пелагее Григорьевне, она мне племянница, да и Елизар-то Максимович мне родственник.

Я. Кто они такие?

Старуха. Кожевники.

Я. Ты уже давно живешь на свете и в Нове-городе; скажи-ка, бабушка, не слыхала ли ты чего о старине здешней, о Гостомысле, о Вадиме, о Марфе Посаднице?

Старуха. Што это, батюшка, святые, што-ли, были?

Я. Нет, это в старину известные здесь были люди по их знатности и могуществу.

Старуха. Нет, батюшка, я об них ничего не знаю, а вот слышала, что на этом берегу (указывая на Торговую сторону) жил Арсений Преподобный, а на том (указав на Кремль) — жил Никола Качанов. Они спасались, мои батюшки, в своих кельях, езжали друг к другу в лодочках и однажды как-то рассорились. Арсений Преподобный погнал Николу Качанова с своего берега; он побежал чрез его огороды и ухватился за качан капусты. Арсений Преподобный сказал тогда ему: будь ты отныне и до века Никола *Качанной*, так он и поныне называется… Какое было местечко прекрасное на этом берегу! Арсений Преподобный назначил сам себе, чтобы его не трогали оттоле, как он умрет; однако после перенесли его, батюшку, в Кириллов монастырь.[75]

Я. От кого это ты слыхала, бабушка?

Старуха. Как, батюшка! Здесь малые ребятишки все знают.

Перевозчик (работая веслами). Да, это все знают: вон тоже рассказывают о святом Феклисте, что в Юрьеве монастыре, как он трудился в лесу…

Я, перервав такой разговор, спросил: «Как зовут вашего архиерея?»

Перевозчик. Которого?

Я. Разве их два здесь?

Перевозчик. Два, один *Антоний*, а другой-то так, лишний, *Вихтурий*, што-ли, не знаю как зовут.[76]

Между тем пристали к берегу. Старуха пошла к своей племяннице, перевозчик остался в лодке, а я пошел на гору мимо крестьянских хижин. Какая нечистота по берегу и по косогору, где построены сии хижины! Отвратительно для взора и обоняния. Здесь живут только кожевники и украшают улицу и дворы нечистотою и сором от их работы. Все селение сие, называемое *Городищи*, не составляет и двадцати дворов. — На возвышении стоит пустая каменная церковь; далее распаханная земля и по ней несколько садовых яблонных деревьев, поломанных и засохлых. Тут был прежде архиерейский сад. Я искал и не нашел здесь не только остатка каких-нибудь признаков бывшего за тридцать веков пред сим города Славянска, но и подобия, чтобы мог существовать когда большой город, не

приметил, малое пространство *Городищ* окружено со всех сторон разливами Волхова. Ежели и были какие признаки, то, верно, загладились рукою времени; все поглощено в бездне прошедшего!.. Может быть, сии воды, светящиеся перед глазами моими, сия земля, по которой иду я, покрывают несколько тысяч древних предков моих. Может быть, все признаки жилищ их и сокровищ, которые доставали они с такими заботами, суетами, какие видны в мире эфемерных существ, запасающих себе на целую вечность, — превратились в слои земные и углубились в ее недрах. — Всё существование *великого Славянска* и признаки его остались только в книгах и в нашем воображении. — Мудрено ли чрез столько же времени загладиться всем признакам и нынешнего Нова-города? Мудрено ли разлиться водам на теперешней его Кремлевской площади или возвыситься земле на тех водах, по которым я плыл сюда?..

Я выбрал самое лучшее место на крутом зеленом берегу близ церкви, сел на мягкой траве и срисовывал карандашом прелестные виды. — Прямо пред глазами моими Юрьев монастырь, окруженный каменною стеною, стоящий на острове, облитом светлыми водами Волхова; вдали видна чрез пространство разлива на другом берегу реки старая церковь, в правой стороне возвышаются каменные колокольни церквей и монастырей новагородских, кремлевские стены с башнями и вся картина города; в левой стороне необозримое пространство вод *Ильменя-озера*, слившегося с Волховом и с горизонтом, отражающие (так! — *А. С.*) на гладкой поверхности своей солнечный свет и чистое небо. Какая прелестная картина! Впечатление ее надолго останется в моей памяти.

Мне вздумалось побывать в Юрьеве монастыре. Я пришел к лодке, договорился с перевозчиком, поехали и пристали к острову. У монастырских ворот сидели два монаха, поклонились со мною; один из них, седой старик, пошел со мною внутрь монастыря. Там среди площади церковь, а по сторонам кельи и дом архимандрита, каменные. Монах сказал мне, что любопытного тут ничего нет, «а ежели угодно погулять вам в саду, то извольте идти в сию калитку».

— Это что за барыни сидят пред открытыми окнами?

— Гости из города у здешнего экономa.

Я прошел в сад мимо сих окошек, гости из города отплатили мой поклон. В саду ничего не нашел я хорошего, кроме большого пруда, везде хворост, сучья и высокая густая трава; нет ни одной дорожки. Высокие деревья покрыты гнездами ворон, которые беспрестанно кричат, перелетая с дерева на дерево. Я скоро вышел из сада и из монастыря. Старый седой монах провожал меня до берега, он говорил не чисто русским языком. Это заставило меня спросить его, какой он нации, и узнал, что он пруссак из верхней Силезии, по фамилии Линтнер, а нынешнее имя его Иосиф,

что он был смолоду в прусской службе фендриком,[77] во время войны взят в плен русскими войсками и лет с сорок уже живет в России, не захотел возвратиться в отечество, принял греческий закон, вступил в монашеский орден и теперь иеромонахом здешнего монастыря. В сем чине уже он был во время последней войны с Франциею в Голландии и Англии на корабле «12 апостолов».[78] Мы посудили с ним о превратности жизни человеческой и простились как знакомые. Он пожелал мне счастливого пути, а я ему спокойного вечера в его жизни — и возвратился в Нов-город.

В 5 часов пополудни выехал я из Нова-города. Здесь имя мое записано в 4-х местах: при въезде и выезде на заставах, в полиции от хозяина и на почтовом дворе. — Проехал мимо фабрик близ города и мимо гулянья новогородских девушек, которые по воскресеньям туда собираются.

В *Подберезье* приехал уже на закате солнца. С удовольствием смотрел здесь на веселые лица молодых поселян, которые у всякого двора стояли и сидели в праздничных платьях; девушки пели песни и играли с молодыми мужчинами.

Отселе вез меня до *Спасской полести* мальчик лет 15, удалой, в полном смысле сего названия. Во всю дорогу разговаривал и шутил со мною, пел песни и — мастерски, рассказывал о своем отце и о молодой мачехе, довольно забавно.

Маия 5. Понедельник.

В *Чудове* я ночевал и несколько отдохнул от утомления. Поутру разбудил меня жалостный и странный крик людей на улице.

Я поглядел в окно и увидел по всей улице и под каждым окном рассыпавшуюся толпу цыган, полунагих, с ребятишками своими, просящих милостыню самым неотступным образом, с обыкновенными их приговорами. Какое неприятное зрелище! Какое унижение человечества!

Ненастное время опять началось. Отселе поехал я в *Померань* и *Тосну*, по каменной мостовой дороге, которая так меня разбила, что я в Тосне принужден был слечь и отдыхал более 4-х часов; чувствовал сильный лом в голове и боль в груди. Вечером уже поздно поехал в Ижору.

Маия 6. Вторник.

Пред утром уже на заре приехал я в *Ижору*. Ночь была претёмная и дождливая, насилу могли сыскать квартиру, где я несколько уснул и тем же утром поехал в Петербург.

Приближаясь к Петербургу, голова моя была наполнена разными мыслями и мечтами. Итак — думал я — скоро увижу великолепный город, о котором так много слышал и мечтал. Сколько пищи будет для моего любопытства! Там найду друзей моих и знакомых, там увижу великанов, с которыми в сравнении так мал я, как неприметный червь. С сими мыс-

лями подъехал к Царскому селу. Жестокий ветер дул мне встречу, тучи носились над головою моею, и я досадовал на ненастное время. — Проезжаю Царское село под мрачным небом, покрытым облаками, из которых накрапывал дозжик; оборачиваюсь туда и сюда. Всякий предмет привлекает взоры мои: дворец, сад, развалины, всё великолепно, восхитительно! Но я нигде не останавливался, проехал мимо. Все картины скрылись, как тени китайские; Царское село осталось позади меня. Я подъехал к Пулковой горе, между 15 и 16 версты от Петербурга. Спускаюсь под гору и вижу вдали в темном воздухе громаду Петербурга, как в тумане, который скрывал все красоты сего великолепного вида. Спустившись с горы, проехал большую деревню Пулкову; виды Петербурга скрылись. Отселе началась перспектива в прямую линию от Адмиралтейства. С 10-й версты от города показался Адмиралтейский шпиц; я большую часть шел пешком и считал каждую версту, которые сделаны из разноцветных мраморов, пирамидальными фигурами. По обеим сторонам дороги рассажены в два ряда высокие деревья. Беспрестанно встречаются красивые домики колонистов и трактиры с вывесками. Я взглянул на показавшийся из-за деревьев Чесменский замок с его зубчатыми башнями, построенный в азиатском вкусе.[79] — Вот 18-я верста от Царского села и 4-я от Петербурга. Открылось только несколько красных крыш домов и церквей. В левой стороне блестели жарко вызолоченные главы Николы морского;[80] подъезжаю еще ближе, и в глазах моих будто вырастает из земли город; однако ж только крыши и церкви, больше ничего. Я подъехал к самой заставе и не вижу ничего великолепного, <ничего> кроме крыш и церквей. — Итак, меня обманули, думал я, прелестным видом Петербурга издали и вблизи.

На заставе должен был я остановиться и войти в кордегардию. Караульный офицер сделал мне подробнейший расспрос: Кто я? откуда? зачем приехал? где остановлюсь? долго ли пробуду? — После ответов заставили подписаться, чтобы в 6 часов пополудни явиться мне в ратгауз, и отобрали мою подорожную. — Еду по улицам, грязь и камни, строение посредственное, я ничего не вижу еще огромного, великолепного. — Остановился в Семеновском полку. Милые знакомцы мои Пе<тр> Ник<олаевич> и Алекс<андр> Ник<олаевич> Усовы[81] мне обрадовались; я принят и обласкан ими как родными.

После обеда вместе с Александром Николаевичем поехали в ратгауз, потом по городу в его коляске. Я видел Зимний дворец, Миллионную, Фонтанку, Мойку, Екатерининский канал с мостами, Гостиный двор, Михайловский замок и огромные строения по перспективным улицам;[82] следовательно, видел уже великолепную наружность Петербурга.[83]

Итак, любезные друзья мои, теперь я на месте, кончилось путешествие мое до Петербурга. Я не буду уже скучать вам подробным описанием безделок и обыкновенных приключений, в дороге случающихся со всяким.

Примечания

[1] По крайней мере часть данного текста, судя по дневнику, не могла еще быть готовой ко времени приезда Второва в Петербург.

[2] Ср. в объявлении об издании «Писем…» Карамзина в «Московском журнале»: «Один приятель мой, который из любопытства путешествовал по разным землям Европы — который внимание свое посвящал натуре и человеку преимущественно перед всем прочим и записывал то, что видел, слышал, чувствовал, думал и мечтал — намерен записки свои предложить почтенной публике» (*Карамзин Н. М.* Объявление // Московские ведомости. 1790. № 89. 6 нояб. Отд. л.)

[3] *Вот часть из моих записок дорожных … вы меня коротко узнали.* — Фрагмент присутствует только в окончательной редакции.

[4] Навагинский мушкетерский полк (основан в 1777 г.).

[5] Это не единственное упоминание Мальтийского ордена в воспоминаниях Второва. Описывая Зимний дворец в Петербурге, он отмечает, что «поклонился и великому магистеру Мальтийского ордена» (цит. по: РНБ. Ф. 163. Ед. хр. 7. Л. 110), т. е. Павлу I.

[6] Отсылка к «тогдашнему времени» говорит о том, что либо текст был оформлен позднее описываемых событий, либо об имитации этого обстоятельства.

[7] Петровский дворец, «в котором всероссийские императоры, прежде въезда своего в Москву, матерь градов российских, останавливаются» (*Глушков И.* Ручной дорожник. 2-е изд. М., 1802. С. 178. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: РД, с указанием номера страницы).

[8] Ср.: «Высочайший обелиск Иван Великий венчает всю сию громаду» (РД. С. 179).

[9] Ср. фацецию «о дворянине и мужике», который требовал посторониться на дороге и попал представителю высшего сословия оглоблею в спину, разорвав епанчу (*Кукушкина Е. Д.* Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 189–190)

[10] То есть курильщик. Ср. в редакции дневника ироничное толкование данного ругательства: «верно был это смиренный раскольник» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 135 об.; далее ссылки на дневник приводятся сокращенно, только на листы рукописи).

[11] Из дальнейшего текста видно, что он написан по крайней мере не полностью в 6 утра. В дневнике нет обозначения времени написания этого фрагмента.

[12] Имеется в виду река Сестра.

[13] Лицо не установлено.

[14] «Из лучших же строений 4 каменные церкви, императорский двор, домы для присутственных мест, училища и богадельни» (РД. С. 175).

[15] «За сим селением (Воскресенским. — *А. С.*) примечательно хорошее помещичье село г. Бема Городня с каменною церковью и императорским дворцом. В нем прежде отправляли гоньбу казенные ямщики, назначаемые по очереди из других многих ямов» (РД. С. 164). Количество названных Второвым верст совпадает с данными путеводителя, которые, однако, могли расходиться с реальностью. Ср.: «…заметить надобно, что у больших сих переездов верст по три и больше прибавлены по столбам, чтоб взять лишние прогоны. Едущие благодарят, что скоро переезжают станцию и не жалеют о нескольких гривнах лишних, взятых с них» (*Голенищева-Кутузова Е. И.* Журнал путешествия из Петербурга в Хрущово // ИРЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 4).

[16] То есть Самару, из которой Второв отправился в Москву и Петербург.

[17] Подобные сооружения сохранились в некоторых местах вдоль дороги, соединявшей две столицы.

[18] Спасо-Преображенский собор (XVII в.).

[19] Настроение, которое овладевает Путешественником в Твери, можно объяснить не только следованием основному источнику сведений о маршруте — «Ручному дорожнику», предлагающему здесь наиболее сентиментальные пассажи, но и психологически — встречей с Волгой. Обращение к реке детства перекликается с началом стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794).

[20] Отроч монастырь близ Твери (XIII в.) назван так в честь Григория, отрока князя Ярослава, по легенде, ушедшего из мирской жизни после того, как его невеста стала княжеской женой. Этот сюжет распространился в русской литературе с начала XIX в., особенно после обращения к нему Н. М. Карамзина в «Истории государства Российского» (см.: *Семячко С. А.* Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 70 и сл.).

[21] Воксал — публичный увеселительный сад в Твери на берегу Волги (1776), названный по аналогии с лондонским Воксхоллом.

[22] Левый приток Волги.

[23] Трехсвятский монастырь с архиерейским домом (1777–1783) — летняя резиденция тверских архиепископов.

[24] Тверской гостиный двор был построен по по типовому проекту в 1760–1770-е гг.

[25] Едимоновской красавицей невеста Георгия названа по ее родному селу Едимонову, в котором должно было пройти несостоявшееся венчание. Ср.: «Нет там камня, означающего могилу сего бедного отрока, нет никакой надписи — одни только чувствительные сердца посещают уединенный монастырь тот и проливают в стенах его слезы сострадания» (РД. С. 172–173).

[26] Единственный случай открытого цитирования «Ручного дорожника» в записках Второва. У Глушкова письмо приведено полностью, без указания авторства, датировано 1795 г. Возможно, письмо «любезной тверитянки» — мистификация (в нем цитируются подходящие к содержанию всей книги строки Карамзина, ставшие эпиграфом к отдельному изданию «Писем русского путешественника», вышедшему только в 1797 г.).

[27] Впоследствии петербургское гуляние в Екатерингофском саду Второв описал сходным образом: оно «подобно московскому в немецких станах; точно так же

и здесь заключенные в каретах глотают пыль, которая носится облаками по дороге. Гораздо приятнее гулять пешком в роще и по берегу залива, приятнее и проезжать водою по Неве» (цит. по: РНБ. Ф. 163. Ед. хр. 7. Л. 127).

[28] Николаевский Малицкий мужской монастырь (XVI в.).

[29] Данный рассказ можно отнести к реальным дорожным впечатлениям. В путеводителе упоминается безлесная дорога около Торжка, но никаких сведений о церкви не приводится.

[30] Торжок состоял из Борисоглебской и Затверецкой частей.

[31] Спасо-Преображенский собор (XIV в.).

[32] Борисоглебский монастырь, по преданию, основан в XI в. преп. Ефремом.

[33] Борисоглебский собор был построен архитектором Ф. И. Буци по проекту Н. А. Львова (1785–1796), в нем сохранились иконы работы В. Л. Боровиковского.

[34] В описании иконы Успения Второв следует за Глушковым (РД. С. 124).

[35] То есть глава 28, стихи 2–4 и глава 21, стихи 33–39. Имеются в виду фрагменты Евангелия от Матфея: рассказ об ангеле, отворившем гроб Господень, и притча о злых виноградарях.

[36] Самотечный водопровод в Торжке сохранялся до второй половины XIX в.

[37] Сенатская рота находилась в ведении Сената и состояла преимущественно из дворян; курьеры сенатской роты исполняли сенатские распоряжения, требовавшие посылки нарочных.

[38] Возможно, Александр Александрович Бибиков (1765–1822), однако род не был княжеским.

[39] См. ниже приведенное Второвым письмо от 29 апреля.

[40] То есть на улице.

[41] Цнинский канал — часть вышневолоцкой шлюзовой системы, был прорыт М. И. Сердюковым в царствование Петра I.

[42] Деревянный Тверецкий мост в Вышнем Волочке сгорел в 1801 г., и Второв описывает его, очевидно, не по своим наблюдениям, а по Глушкову, местами дословно цитируя. Ср.: «Сей мост, называемый Тверецким, весьма удивительно составлен из опирающихся один в другой брусьев и без всяких подпор висит над широким каналом так высоко, что нагруженные пенькою барки свободно под него подходят, для прочности он обшит досками и покрыт кровлей, под которую находящаяся галерея служит тамошним лоцманам изрядною биржевою залою, где купцы заключают с ними условия о сгоне караванов» (РД. С. 51).

[43] Казанский собор (1759–1771).

[44] Ярмарка в Вышнем Волочке была приурочена к дню почитания Казанской иконы Божьей Матери, покровительницы города.

[45] Путешественник, ожидающий увидеть либо успехи просвещения в городах, либо естественную жизнь в деревне (оппозиция, усвоенная им из литературы), в столкновении с реальностью не находящий ни того, ни другого, но не разочаровывающийся в своих идеалах, — это образ, стоящий близко к Путешественникам Карамзина и Измайлова. Предположения о предстоящем путешествии и о людях, воспитанные прежде всего чтением, проходят испытание действительностью, увиденной своими глазами, каждодневно; этот Путешественник все время находится в состоянии ожидания. В Вышнем Волочке он встречает последовательно:

технические достижения, неоцененные местными жителями, далекие от искусства изображения святых, одетых в крестьянское платье горожан. Эпизоды, следующие за разочарованием от города, — история купеческого сына, забранного невежественным отцом из училища, и знакомство с князем Эристовым, едущим из Петербурга, — контрастны лишь при поверхностном прочтении, и оба связаны с комментируемым рассуждением. В первом случае дается иллюстрация медленному ходу просвещения в народе, во втором — просвещенный Петербург в изображении достойного человека предстает всего лишь как столица развлечений.

[46] Мязга или мезга — внутренний слой коры дерева.

[47] «Большой ям имеет церковь, дворец и хорошие поселянские домы» (РД. С. 96).

[48] Граф Николай Иванович Салтыков (1736–1816) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал, воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.

[49] Ср. с экипажем «его превосходительства» в главе «Завидово» радищевского «Путешествия…»: «Его превосходительству с честной его фамилией потребно пятьдесят лошадей…» **(***Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 109 (сер. «Литературные памятники»)**)**.

[50] Екатерина Саввична Баратаева (во втором браке Жукова; ум. 1802). Ее сын М. П. Баратаев — симбирский знакомый Второва.

[51] Вольтижировать — делать трюки верхом на лошади.

[52] Пинетти (1750–1803) — итальянский фокусник, демонстрировавший в Петербурге свои физические опыты.

[53] Возможно, имеется в виду князь Степан Давидович Эристов (1738–1817), бывший комендантом Усть-Каменогорской крепости (Тобольской губ.). Родственниками С. Д. Эристова по жене были князья Баратаевы.

[54] О легендах, согласно которым похожие на курганы холмы в центральной России оставлены проходившими войсками литовцев или других завоевателей, см.: *Панченко А. А.* Паны, литовцы, чудаки и прочие: кто все эти люди и что все это значит? (Псевдоэтнонимы и коллективная память в русской крестьянской культуре) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русской литературе и фольклоре: Сб. научных трудов. СПб., 2013. С. 127–136 (сер. «Россия–Запад–Восток». Вып. 1).

[55] Ср.: «Двадцать верст дорога недальная, однако трудность переезда по беспрерывным холмам, большим и малым горам, длинным утесистым хребтам и яминам, по всему оному пространству рассеянным, наведет такое беспокойство и скуку, что переезд чрез Валдайские горы стоить будет покойной переправы чрез Пиренейские» (РД. С. 95–96).

[56] Путешествие Второва к Троицкой лавре состоялось в мае 1801 г. с его московскими знакомыми Е. М. Ратьковой, ее дочерью и П. И. Комаровым (л. 25–29).

[57] Скорее всего, имеются в виду князь Г. А. Потемкин и Павел I, а любитель быстрой езды, которого Путешественник из почтения или опасения не дал назвать ямщику, — либо Екатерина II, либо упоминавшийся выше Н. И. Салтыков.

[58] Ср. с мелодраматическим концом первой части «Путешествия в полуденную Россию» (1802) В. В. Измайлова: «Солнце закатилось; ночь покрыла природу, и счастье мое угасло с дневным светом. Я очутился далеко от Киева, на ночлеге, без подруги, без сына, один…» (Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1802. Ч. 1. С. 228).

[59] О посылке ничего не известно. См. вступительную статью к публикации.

[60] Речь идет об Андрее Алексеевиче Соколове, зяте симбирского помещика Павла Ивановича Комарова, у которого мемуарист жил в Москве, а также о других московских знакомых Второва: Петре Михайловиче Волкове и Иване Семеновиче Масленко. Четвертого знакомого (Романа Гавриловича) не удалось идентифицировать ни с кем из второвского окружжения.

[61] То есть загладил свою вину оказанной услугой.

[62] На острове посреди Валдайского озера находится Иверский монастырь.

[63] В «Ручном дорожнике» ландшафт назван швейцарским (РД. С. 88).

[64] Зимогорье «есть точное изображение бедности» (РД. С. 94).

[65] Пунктуальное указание времени, вплоть до минут, в зимогорских записях соответствует описываемому состоянию Путешественника, томящемуся в ненастье в ямщицком доме «без всяких занятий». В дневнике сосредоточенность на часах еще более явная: «11 часов 10 минут уже»; «25 минут уже 2 часа» (л. 141).

[66] Баумгартен — самарский знакомый Второва, саксонский немец. В архиве Второва хранится письмо, подписанное Баумгартеном и адресованное Второву (орфография и пунктуация сохранены): «Милостивой государь патушка Иван Алексеич. Я умер, меланголи високо гратус лечить в мое расум помоге саме мене петне человека что делить я ошитеи кашне чаш, дей милосерне бог поскаре смерть, притите ка мне деить мене помощь как да вы мене лубить. Ваш нишеишеи слуга. Баумгартен. <Приписка сбоку вдоль письма:> я вам одкроу мое серце» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 49. 1 л. Б/д.). Однако есть вероятность того, что это письмо не подлинник, а часть дружеской игры Второва с его самарскими друзьями, непрофессиональными литераторами А. Ф. Фурманом, Ф. И. Германом, А. Н. Литвиновым и др.; Баумгартен был предметом их шуток и розыгрышей, часть которых нашла отражение в материалах архива Второва: так, в альбоме, содержащем произведения его друзей и его собственные, есть сразу несколько посвященных «забавному шуту» повестушек, сценок и карикатур (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 8, 13 и др.).

[67] Ср.: «Любитель музыки, который слыхал лучших итальянских певцов и виртуозов, поверит ли, что иногда русские ямщики одно колено песни поют 30 верст, от одной станции до другой. Это случается тогда, как судьба определит ехать с удрученными горестию, бедностию и летами ямщиком», который прерывает свое пение только покрикиванием на лошадей (РД. С. 173).

[68] На Бронницкой горе, холме, образовавшемся в ледниковый период, которому в XVIII в. приписывалось религиозное происхождение и значение в древности, находилась церковь Иоанна Предтечи, построенная по повелению Екатерины II.

[69] Варлаамо-Хутынский монастырь (XII в.).

[70] Скорее всего, имеется в виду генерал-майор С. А. Талызин (1765–1815), бывший шефом Павловского гренадерского полка и 2 мая 1802 г. вышедший в отставку; впоследствии — участник Отечественной войны 1812 г.

[71] Белозерский мушкетерский полк (основан в 1708 г.).

[72] Певчие купца Колокольникова из церкви Никиты Мученика на Басманной улице были не только свободными купеческими детьми, но и учились своему искусству в Италии.

[73] Свято-Юрьев монастырь (XI в.) — один из древнейших в России.

[74] «Остатки же древнего города Славенска и поныне видны противу Юрьева монастыря на месте, называемом Городище» (РД. С. 37).

[75] Юродивые Арсений Преподобный и Николай Кочанов не были современниками: один жил в XVI, а другой в XIV в. Легенда о кочане капусты — переиначенный фрагмент жития Николая, где его соперником выступает юродивый же Феодор. Перенесение мощей Арсения в новгородский Кириллов монастырь (разрушенный во время Второй мировой войны) относится к 80-м годам XVIII в.

[76] Новгородская епархия не имела своего архиерея, но управлялась митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским, которым в это время был Амвросий (Подобедов), именно его лодочник называет «лишним Вихтурием»; другой — настоятель Варлаамо-Хутынского монастыря Антоний (Знаменский), воспринимавшийся новгородцами как «свой» архиерей.

[77] Младший офицерский или прапорщицкий чин, обычно знаменосец. В русской службе давал дворянское достоинство.

[78] Вероятно, имеется в виду Голландская экспедиция (1799) во время войны Второй коалиции с революционной Францией.

[79] Путевой Чесменский дворец (1774–1777) построен в стиле псевдоготики и действительно напоминает замок.

[80] Имеется в виду Никольский морской собор (1753–1762).

[81] Усовы — петербургские знакомые Второва. Во время коронации Александра он «познакомился с некоторыми из петербургских жителей и гвардейских офицеров. Они звали меня туда, и я надеюсь, что по ласкам их ко мне будут ради мне» (РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 53).

[82] Возможно, имеются в виду три главные улицы по планировке XVIII в. — Невский проспект, Гороховая улица (тогда — Адмиралтейская улица или Средний проспект) и Вознесенский проспект.

[83] Ср. с разочаровавшим повествователя «Писем русского путешественника» въездом в Париж: «Мы приближались к Парижу, и я беспрестанно спрашивал, скоро ли увидим его? Наконец открылась обширная равнина, а на равнине, во всю длину ее, Париж!.. Жадные взоры наши устремились на сию необозримую громаду зданий — и терялись в ее густых тенях. Сердце мое билось <…>. Скоро въехали мы в предместье Св. Антония; но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые домы и людей в раздранных рубищах. „И это Париж“ (думал я) — „город, который издали казался столь великолепным?“» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 214–215).

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА»

А. А. КОСТИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Я. П. КОЗЕЛЬСКОГО*

История изучения творчества Якова Павловича Козельского (1728 — после 1793) — чрезвычайно показательный пример неуспешной попытки создания «раздутой» репутации писателя за счет интерпретации его сочинений в угоду доминирующей в исследовательской среде идеологии. Интерес к его творчеству впервые привлек в 1906 г. бывший секретарь редакции социалистической газеты «Оренбургский листок» П. Н. Столпянский, в то время находившийся в тюрьме; в посвященной Козельскому статье особенно подчеркивались злободневные на тот момент взгляды писателя позапрошлого столетия — пацифистские воззрения и требование ввести восьмичасовой рабочий день.[1] Впоследствии на Козельского как на предтечу А. Н. Радищева обратил внимание Г. А. Гуковский, поскольку находил, что тот в своих книгах «агитирует против самовластия <…> сочувствует республике и демократии <…> и самое главное: он недвусмысленно высказывается против всякого соци-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (направление «Литература и фольклор в контексте социальной динамики, кросскультурных и междисциплинарных взаимодействий», проект «Подготовка справочного тома «Словаря русских писателей XVIII века»).

[1] *Столпянский П. Н.* Один из незаметных деятелей Екатерининской эпохи. Я. П. Козельский (историко-литературный материал) // Русская старина. 1906. № 12. С. 567–584.

© А. А. Костин, 2015

ального неравенства»,[2] и до конца 1950-х гг. Козельский стал одной из привлекавших наибольшее внимание фигур русского просвещения.[3] Его труды были опубликованы в определяющей до сих пор исследования по истории русской философии этого периода хрестоматии «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (М., 1952). Между тем после установления С. В. Папаригопуло того факта, что Я. П. Козельский — депутат Комиссии нового уложения, высказывавшийся против крепостного права, и Я. П. Козельский — автор многочисленных переводов и компиляций 1760-х гг. — были двумя разными лицами,[4] интерес к наследию последнего начал заметно ослабевать. С конца 1960-х[5] до середины 1990-х гг. не известны работы, специально посвященные его творчеству; появившиеся впоследствии диссертации во многом повторяют положения советских исследователей.[6] В настоящее время творчество Козельского является объектом внимания почти исключительно историков философии[7] и почти не привлекает внимания литературоведов; показательно, что единственный его собственно литературный труд — перевод трагедии Т. Отвея «Возмущение против Венеции» — не упомянут в наиболее полной истории переводной русской драматургии XVIII века.[8]

---

[2] *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 32–57 (цитата — С. 36).

[3] Обзор актуальной на тот момент литературы см.: *Коган Ю. Я.* Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958. С. 33.

[4] *Папаригопуло С. В.* О двух Козельских // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 109–112.

[5] *Липский Е. И., Парамонов Ю. И.* Социально-утопические взгляды русского просветителя XVIII века Я. П. Козельского // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. 1969. Вып. 2. С. 138–148.

[6] *Качарава В. Б.* Яков Павлович Козельский как представитель энциклопедизма в России во второй половине XVIII века: Дис. … канд. филос. наук. СПб., 1998; *Глоба Т. А.* Философская мысль в России во II половине XVIII века: Г. С. Сковорода и Я. П. Козельский: Дис. … канд. филос. наук. Мурманск, 2009.

[7] В одной из новейших работ Козельский рассматривается как «один из известнейших и авторитетнейших представителей украинской просветительской философии конца XVIII века» (*Заремський М. Й.* Гносеологія Я. П. Козельського у контексті західноєвропейської філософської думки XVIII ст. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 2006. № 81–83. С. 28–31).

[8] История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия.

Между тем один из плодовитейших переводчиков первых лет царствования Екатерины II, издавший за период с 1764 по 1770 г. 11 книг (две из них — в двух томах) может стать предметом более пристального внимания со стороны литературоведов если не благодаря художественной стороне своего творчества, то как образец авторской стратегии, заставлявшей человека, обремененного служебными обязанностями, создавать себе имя в литературной среде. Представляется важным, например, что Козельский неизменно предпосылал своим книгам посвящения, используя зачастую не слишком распространенные формы — как, например, посвящение разных томов издания разным лицам — и выходя в текстах посвящений за рамки формальных похвал и благодарностей благодетелям.[9] Вместе с тем после перехода в 1771 г. на службу членом Малороссийской коллегии под началом П. А. Румянцева он прекратил литературную деятельность, возобновив ее лишь в 1788 г. Изучение подобных авторских стратегий требует подробного знакомства с биографией писателя; между тем до сих пор непроясненными остаются обстоятельства службы Козельского в 1757–1764 гг. — период, когда им были созданы его первые учебники,[10] а также, пожалуй, наиболее загадочный факт его писательской биографии — прекращение издательской активности в период с 1771 по 1788 г. Этим двум эпизодам и посвящена настоящая публикация.

---

[9] См.: *Кочеткова Н. Д.* 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII — начала XIX века // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 78; 2) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 30–31, 38; 3) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. (Посвящения екатерининским вельможам) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 102–103.

[10] Хотя считается, что Козельский «22 мая 1757 уволился из Академии [наук] для поступления в Преображенский полк; с 1758 состоял при петербургском коменданте генерале И. И. Косагове» (*Степанов В. П.* Козельский Яков Павлович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 91) и лишь с 1763 г. стал учителем в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, в действительности он начал преподавание в объединенной артиллерийской и инженерной школе в 1758 г. (*Бенда В. Н.* К вопросу о деятельности объединенной артиллерийской и инженерной школы в конце 50 — начале 60-х годов XVIII века // Известия РГПУ им. А. И Герцена. 2009. № 92. С. 16–22), а зачислен был в инженерный корпус в 1757 г. (ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 295–299).

* * *

В одном из писем к И. И. Шувалову А. П. Сумароков писал: «Писатели стихов русских привязаны или к академии, или к университету».[11] Не вполне верное исторически, это представление об Академии наук и Московском университете как учреждениях, обусловивших развитие русской литературы XVIII в., отразилось на изучении истории литературы этого периода в целом, и в частности — на такой его специфической области, как биографика. Прекрасно сохранившийся архив Академии наук давал (и продолжает давать) обширнейший материал для исследований в этой области, отчего составленная на его основе биография писателя может казаться завершенной и не требующей привлечения сведений из других архивов, что вряд ли может быть оправдано в случаях, когда Академия наук была лишь одним из учреждений, в которых служил писатель. Случай с Козельским может служить здесь показательным примером.

В лучшей биографической статье о Козельском сообщается: «22 мая 1757 (после семи лет обучения в академических гимназии и университете. — *А. К.*) [Козельский] уволился из Академии [наук] для поступления в Преображенский полк; с 1758 состоял при петербургском коменданте генерале И. И. Косагове, занимаясь, видимо, инженерными делами, т. к. его офицерское производство началось с чина инженер-прапорщика. С 1763 — преподаватель класса механики Арт<иллерийского> и инж<енерного> корпуса».[12] Как можно заметить, странность этих сведений (основанием для них послужило, с одной стороны, делопроизводство Академии наук, а с другой — позднейший послужной список) была замечена В. П. Степановым, посчитавшим необходимым сделать предположение о характере службы офицера Преображенского полка, в распоряжении городского коменданта проходившего военное производство инженерными чинами. Ясность в совмещение столь странных фактов позволяют внести документы ведомства, отвечавшего за про-

---

[11] *Сумароков А. П.* [Письма] // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 83.

[12] *Степанов В. П.* Козельский Яков Павлович. С. 91.

изводство военных инженеров — Канцелярии главной артиллерии и фортификации.

Как показывают эти документы, и помощь И. И. Косагову, и увольнение из Академии наук, документально мотивированное желанием поступить в Преображенский полк, были лишь случайными эпизодами в размеренно последовательной биографии Козельского. Дело в том, что уже по меньшей мере с 1758 г. — времени образования Объединенной артиллерийской и инженерной дворянской школы — Козельский был учителем в ее штате; преобразование этой школы в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус в конце 1762 г. ничего не изменило в служебных обязанностях Козельского: он так же оставался здесь учителем.[13] Между тем есть все основания полагать, что учителем петербургской Инженерной школы Козельский стал еще в 1757 г., до слияния ее с Артиллерийской школой.

Студент Академического университета с марта 1752 г., спустя пять лет Козельский решил воспользоваться предоставлявшейся Регламентом Академии наук 1747 г. возможностью поступить в действительную армейскую службу с обер-офицерским чином.[14] В прошении, поданном 10 марта 1757 г. в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, говорилось, что Козельский «пять лет как находится при Академии наук в студентах и обучился там арифметике, геометрии, тригонометрии, географии, фортификации, физике, латинскому, немецкому и французскому языкам, упражнялся в переводах и в чтении, гистории и в математике, решил новую задачу и подал в собрание профессорское», на основании чего он просил принять его в службу при артиллерийском или инженерном корпусе, поскольку «в 42м пункте академического регламента написано, что

---

[13] *Бенда В. Н.* 1) К вопросу о деятельности объединенной артиллерийской и инженерной школы в конце 50 — начале 60-х годов XVIII века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 16–22; 2) Причины учреждения, создание и начало деятельности Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. Ч. 1. С. 34–40.

[14] «А ежели обучатся такие свободные люди высоких наук, о таких делать представление в надлежащих местах, дабы они определены были в штатские чины по достоинствам их, и давать им ранги обер-офицеров армейских» (§ 42 Регламента, цит. по: Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 68).

ежели кто обучится высоких наук, то таких производить в чины обер-офицеров армейских», для чего просил устроить ему экзамен с назначением себе по его результатам соответствующего чина.[15] Рассмотрение этого прошения настолько затянулось, что спустя полтора месяца, 22 мая, Козельский, обратившийся с подобной просьбой по-видимому в несколько «команд», ходатайствовал перед Академией наук об увольнении для зачисления в Преображенский полк — которое, впрочем, так и не состоялось: к концу мая возникшие в руководстве артиллерийского ведомства разногласия относительно дела Козельского были благополучно разрешены в его пользу, и он начал свою многолетнюю службу учителя в менявших свой статус артиллерийских школах. История этих разногласий достаточно показательна с точки зрения различных взглядов на образование дворянских юношей в конце 1750-х гг.

Уже через несколько дней после подачи прошения в артиллерийское ведомство Козельский был — в соответствии с его желанием — экзаменован комиссией из инженер-полковников Демарина и Н. А. Муравьева (отца поэта М. Н. Муравьева) и капитана М. И. Мордвинова (руководителя Инженерной школы) и аттестован как «явился в арифметике, геометрии и ея принадлежности, также и фортификации и географии хорошее знание имеет».[16] Результаты экзамена были переданы 18 марта возглавлявшему инженерные войска А. П. Ганнибалу (деду А. С. Пушкина), который после личной встречи с Козельским не согласился с оценкой, данной подчиненными, и 10 апреля сообщил свое мнение генерал-фельдцейхмейстеру (руководителю артиллерийских и инженерных войск) П. И. Шувалову. Недовольство А. П. Ганнибала вызвало то, что, по его мнению, общая научная подготовка, полученная Козельским, не соответствовала практическим требованиям, предъявлявшимся к учителям артиллерийского корпуса: «хотя в вышеозначенных науках он понятие имеет, но чтоб столько знал, как инженерному офицеру (в который чин … аттестуется) знать надлежит, того не токмо нашлось, но и кондукторы, состоящие во инженерном корпусе во всех тех частях, знают его весьма тверже, да и сам он Козель-

[15] ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 295.

[16] Там же. Л. 295 об.

ский при экзементе объявил, что его упражнение всех тех наук происходило токмо из одного чтения книг, а собою чтоб по тем наилучше последовать, тому еще обучаться разве должен, о фортификации ж только Вобанов манер, описанный чрез Вольфа, да штурмовой книги часть[17] читал, а как для лучшей твердости и не черчивал, в кондукторы ж из учеников дворяна производятся, обуча таковые ж части с твердостию, и при том фортификации манеров по крайней мере до семи, из регулятной фортификации тож, атаки и обороне (sic!) крепостей прочерчивают и затверживают принадлежность столь твердо, чтоб без всякой трудности все то обученное в настоящем деле употребить были в состоянии».[18] На основании этого Ганнибал предлагал присвоить Козельскому унтер-офицерский чин кондуктора и определить для завершения обучения в Инженерную школу.

Получив мнение Ганнибала, П. И. Шувалов распорядился, чтобы Демарин, Муравьев и Мордвинов представили разъяснения. Они были даны ими 2 мая с приложением письменных ответов Козельского на геометрические задачи.[19] В ответных пунктах сообщалось:

1. Хотя господин генерал-инженер и кавалер репортом представляет, что помянутый студент Козельский имеет только понятие в тех науках, но при свидетельстве <…> решил оный Козельский самые труднейшие арифметические задачи, из чего они заключить не могли, что он имеет одно только понятие;

2. В геометрии также были предлагаемы ему задачи трудные, так то ректификации, квадратуры и кубации кривых линий, которые оным Козельским решены <…>. И так по справедливости <…> заключить было не можно, чтоб он имел одно только понятие о геометрии, также и сего, чтоб инженерные кондукторы знали больше оного студента геометрии, ибо в школах инженерных о свойствах кривых

---

[17] Имеется в виду вторая часть переведенных и изданных впоследствии Козельским «Начальных оснований фортификации, сочиненных г. профессором бароном Вольфом» (СПб., 1765), излагающая правила фортификации по системе С. Вобана, и, по-видимому, перевод его труда, выполненный И. С. Ремезовым (Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана. СПб., 1744).

[18] ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 295 об.–296.

[19] Там же. Л. 300–311. Козельским были решены следующие задачи: «квадратура параболы», «ректификация параболы», «кубация коноида параболического», «квадратура циклоида», «ректификация циклоида», «кубация сферы», «квадратура гиперболы», «ректификация гиперболы», «кубация коноида гиперболического, происшедшего из обращения гиперболы около своей оси».

линий не изъясняют, а ректификация, квадратура и кубация, — оны помощию деференциальных и интегральных калкулей делаются, которых кондукторам знать не можно, ибо оных и в школах инженерных не учат;

3. О фортификации ж спрашивали у него главные правила, касающиеся до атаки и укрепления, на которые вопросы он надлежаще ответствовал; что ж <…> господин генерал-инженер и кавалер представляет, что кондукторы прочерчивают и затверживают по семи манеров <...> можно знать весьма хорошо инженерной науки, прочертя и немногие манеры, ибо манер есть самое легкое дело по таблицам начертить, и можно, прочертя и затвердя не толкмо семь манеров, но хотя двенадцать, о фортификации иметь весьма малое понятие.[20]

Таким образом, следует заключить, что суть разногласий была в том, что сам бывший учителем кондукторов в Пернове А. П. Ганнибал полагал, что определяющим для учителя инженерной школы должно быть равно высокое владение всеми навыками, преподающимися в школе, в то время как для П. И. Шувалова, М. И. Мордвинова и других офицеров, затевавших реформу артиллерийского и инженерного образования (по замыслу Шувалова, объединенный Артиллерийский и инженерный кадетский корпус должен был стать полноценным аналогом Сухопутного шляхетного), важнее было получить высококвалифицированного учителя-предметника. Как следствие 27 мая, по рассмотрении представленных бумаг, соответствующие промемории были направлены Шуваловым лично Ганнибалу и в Канцелярию главной артиллерии и фортификации,[21] и Козельский был зачислен в инженерную школу учителем геометрии и алгебры с присвоением (считая с 16 мая 1757 г.) чина инженер-прапорщика.[22] Оставаясь в этой должности, совмещая преподавание с переводческой деятельностью, Козельский дослужился до чина артиллерии капитана, и в результате «по предложению» генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова в марте 1766 г. был переведен из военной в штатскую службу в 3-й департамент Сената, где продолжал заниматься переводами, пока в 1770 г. «по предложению» П. А. Румянцева не был переведен в Глухов членом Малороссийской коллегии.

---

[20] ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. № 981. Л. 299–299 об.

[21] Там же. Л. 299а об.

[22] Там же. № 1221. Л. 249 об.–250. Уже к концу 1758 г. Козельскому было поручено в объединенной Артиллерийской и инженерной школе преподавать также механику (Там же. № 1220, 1221).

* * *

Уже первому внимательному исследователю трудов Козельского П. Н. Столпянскому тот факт, что в публикациях сочинений Козельского имеется существенный перерыв (между 1771 и 1788 гг.), показался настолько неожиданным, что объяснить его он смог лишь предполагаемой смертью Козельского в 1768 г. и последующей публикацией его трудов друзьями и родственниками.[23] Между тем сейчас хорошо известно, что в 1770 г. Козельский завершил службу в Сенате и был переведен членом Малороссийской коллегии в Глухов под начало П. А. Румянцева; в 1778 г. вышел в отставку; в 1782 г. пользовался книгами из библиотеки Румянцева; в 1788 г., вернувшись на службу в Петербург, издал последнюю свою книгу «Рассуждение двух индийцев, Калана и Ибрагима, о человеческом познании» (в том же году ее контрафактно издал Н. М. Максимович-Амбодик) и только в 1793 г. ушел в окончательную отставку, после чего его следы теряются. Несмотря на множество свидетельств, документирующих эти 23 года жизни писателя, сведений, объясняющих неожиданную творческую лакуну, до сих пор обнаружить не удалось.

Найденный при подготовке дополнений к «Словарю русских писателей XVIII века» документ — копия письма Козельского к П. А. Румянцеву при отъезде из Петербурга, и особенно — ответ Румянцева,[24] как кажется, позволяют отчасти пролить свет на эту загадку. Отъезжая из Петербурга в Глухов в начале 1771 г., Козельский написал Румянцеву письмо, где поздравлял своего нового на-

---

[23] *Столпянский П. Н.* Один из незаметных деятелей Екатерининской эпохи. Я. П. Козельский (историко-литературный материал).

[24] Архив СПбИИ. Ф. 115. Оп. 1. № 618. Л. 90–90 об., 82 об. В том же рукописном сборнике переписки П. А. Румянцева, списанном для Корнилия Прокоповича (служащего канцелярии киевского генерал-губернатора во 2-й половине 1770-х гг.), имеется копия письма Румянцеву В. П. Петрова (л. 90), сопровождавшего отправление «Поэмы на победы российского воинства…» (СПб., 1771). Сборник сходного состава, но меньший по объему и с более искаженным текстом писем (РГИА. Ф. 971. Оп. 1. № 165; указанные письма — л. 23 об., 59 об.–60 об.) был использован А. В. Бекасовой (*Бекасова А.* Отцы, сыновья и публика в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 99–129); письмо Петрова в нем ошибочно атрибутировано М. М. Хераскову.

чальника с Новым годом, и далее сообщал: «Всеобщий обычай всех трудящихся в своих делах людей — чтоб приносить своим благодетелям плоды трудов своих — подает мне средства представить Вашему сиятельству плоды моих трудов, то есть двенадцать книг, как „Историю славных государей“, „Механику“, „Государя и министра“, трагедию, „Фортификацию“, „Сочинение об осаде крепостей“, „Арихметику“, „Истории шведской“ два тома, датской два тома, „Филозофию“. Ежели я столько счастлив буду, что сие мое приношение как истинного моего Вашему графскому сиятельству горячего усердия и высокопочитания знак милостивого Вашего принятия удостоится, то такой от великодушия Вашего ожидаемый важный и благополучный для меня случай подаст мне новую причину прославлять редкие Вашего сиятельства качества и добродетели».[25]

Как показывает описанный Ю. М. Лотманом в связи с Козельским рукописный каталог библиотеки Румянцева,[26] большинство отправленных книг были сохранены адресатом письма; ответное письмо Румянцева позволяет судить, что они были приняты благосклонно, однако от предложения Козельского печатно прославлять славу своего нового патрона он, очевидно, оказался: «Приятнейшее письмо Ваше я тем с большим удовольствием честь имел получить, что, изъявляющее похвальные чувствия Вашего сердца к малым моим услугам признание много превышает оные. Не могу изобразить, сколь много утешения приносит мне случай, послуживший приобретению не только достойного себе соправителя, но и к пользе граждан толь удаленного края искусного человека в словесных и свободных науках, весьма мало тамо еще ведомых, плоды коих, от Вас ко мне препровожденные, столько ж суть их уверением, коль и прямым обязательством всегдашней Вам благодарности почитающего Ваши достоинства и пребывающего с истинным к Вам доброжелательством [Петра Румянцева]».

Эти два письма отчетливо показывают, что в Малороссию Козельский уезжал писателем и не намерен был бросать в Глухове

---

[25] Любопытный читатель без труда соотнесет краткие указания на книги, данные здесь Козельским, с их подробными описаниями, данными в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века».

[26] *Лотман Ю. М.* К биографии Я. П. Козельского // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 97–99.

свои литературные занятия, и позволяют предположить, что основной причиной отказа от их продолжения стало отношение к подобным трудам П. А. Румянцева. Проявилось ли в этом отношение Румянцева только к панегирическому жанру посвящения или к возможности литературной деятельности чиновника (известно, что своих гражданских подчиненных он заставлял работать зачастую по двенадцать часов в сутки — при такой загруженности административной работой времени на творчество могло просто не хватать), — остается лишь догадываться, как гадать приходится и о том, какие книги могли быть написаны Козельским в Глухове и какой вклад его литературная работа могла бы внести в малороссийскую культуру 1770-х гг.

Е. Д. КУКУШКИНА

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ В. В. КАПНИСТА, Н. В. КАПНИСТА, М. И. ВЕРЕВКИНА*

Среди бумаг Г. Р. Державина, хранящихся в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), есть несколько документов, не привлекавших внимания исследователей. Они интересны тем, что проливают дополнительный свет на обстоятельства жизни лиц из ближайшего окружения Державина и на широкий круг разнообразных проблем, участие в решении которых он принимал по служебной необходимости или по просьбе знакомых.

По-видимому, в конце 1790-х — начале 1800-х гг. Державин собрал копии и отдельные подлинники некоторых документов, объединил их в папку под названием «Разные любопытные бумаги» и сделал «роспись» ее содержания (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14. № 92. 103 л.). В настоящее время в папке с позднейшей сквозной нумерацией страниц отсутствуют, в сравнении с державинской описью, документы под номерами 18, 19, 20, 23 и 28. Среди сохранившихся документов «Список чинам торжественного в Константинополе посольства и назначаемым сообразно штату, ея императорским величеством опро-

* Статья выполнена в рамках гранта по Программе фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики». Название проекта: Подготовка Справочного тома «Словаря русских писателей XVIII века».

© Е. Д. Кукушкина, 2015

бованному» (л. 13–16), «Записки о числе дел решенных и нерешенных во всей империи, то есть в Сенате, в коллегиях и во всех губерниях в 1791-м году» (л. 19–20), выписка под названием «Главнейшие причины, побуждающие коллежского советника и кавалера Ахвердова оставить вице-губернаторство в Колыване суть следующие» (л. 27–28 об.), «Примечания», касающиеся ведения следственных дел (л. 33–38) и определения жалованья подсудимым (л. 66) и другие.

В папку включены также заинтересовавшие нас документы, касающиеся Капнистов — Василия Васильевича и его брата Николая Васильевича: «Записка об устроении киевских шелковичных заводов под управлением надворного советника Капниста» и письмо Н. В. Капниста к Державину с приложением его замечаний на тему «Что есть Вольность?».

* * *

Первые попытки организовать в России шелководство относятся к 1653 г. «Шелковые огороды» были устроены на Тереке и в Астрахани. В 1658 г. астраханский воевода князь В. Г. Ромодановский отправил царю Алексею Михайловичу партию произведенного здесь шелка-сырца. В 1663 г. по указу царя в дворцовом селе Измайлове появился «тутовый сад». После смерти Алексея Михайловича от разведения шелкопрядов под Москвой отказались из-за неподходящих климатических условий, и шелководство сосредоточилось в Астрахани.

При Петре I в России было создано 14 шелкоткацких мануфактур и первый на Украине шелковый завод в Киеве, на Подоле, работавший на привозном сырье. Однако Петр I не оставлял мысли об изготовлении собственного шелка-сырца. По его указу был учрежден «шелководный завод» на реке Ахтубе, закладывались тутовые плантации в Киеве и в Белевской крепости, а также близ Кишинева и Полтавы. Смертная казнь грозила тому, кто осмеливался срубить тутовое дерево.[1]

---

[1] *Кеппен П.* О шелководстве в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. Ноябрь. С. 105.

Более успешно в середине XVIII в. шелководство развивалось в Астрахани, благодаря большой армянской колонии. Первостепенную роль в этом сыграл В. Н. Татищев, бывший в 1741–1745 гг. астраханским губернатором. В 1743 г. в Астрахани работали две шелковые фабрики, а в 1811 г. их было уже 20.[2] Много труда для привития населению навыков по разведению шелковичных червей приложил Г. А. Потемкин. В конце XVIII в. в каждой губернии был назначен инспектор над шелководством, который при ежегодном объезде тутовых плантаций отмечал лучшие из них. Помощник главного инспектора над шелководством в России надворный советник Х. Х. Стевен составил «Наставление о шелководстве», в котором доказывал выгоды этого занятия как отрасли промышленности и давал подробные инструкции по выращиванию тутовых деревьев и уходу за шелкопрядом.[3] Однако меры, предпринимаемые правительством, не приносили желаемых результатов. Слишком сухой климат южных губерний России не подходил для тутовых деревьев и шелкопряда, сельские жители не хотели заниматься шелководством, несмотря на обещанные правительством льготы. О неудачной попытке возродить шелководство в Киеве и о многих препятствиях организационного характера, помешавших осуществлению этого проекта, говорится в записке В. В. Капниста. Она была составлена, по-видимому, в связи с его прошением в Сенат, о чем свидетельствует запись от 28 июня, сделанная в «Генеральном реестре всеподданнейшим прошениям 1793 года»: «Надворный советник Василий Капнист, что, по случаю недоброжелательства к нему Киевского губернатора Ширкова, не может он с успехом продолжить препорученного ему шелковичного заведения и потому просит уволить его от сей должности с повышением за 6-летнее служение чином, определить в другое место» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 5. № 79. Л. 65 об.–66). Публикуемый документ дополняет наши представления о круге занятий В. В. Капниста в пору его деятельности в Киеве в 1787 г., когда он был избран предводителем дворянства Киевской губернии, и в следующие шесть лет.

---

[2] *Гусарова Е. В.* Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. С. 231–232.

[3] *Стевен Х. Х.* Наставление о шелководстве. СПб., 1808; 2-е изд.: СПб., 1827.

ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14. № 92. л. 3–4 об. Писцовая копия с объяснительной записки В. В. Капниста. Название документа, вписанное рукой Державина, и его приписка пояснительного характера в конце текста помечены курсивом, разделение на абзацы автора.

Записка об устроении Киевских шелковичных заводов под управлением надворного советника Капниста

1787-го года апреля 20-го числа последовало высочайшее повеление о устроении в Киеве шелковичного завода, о препоручении оного в мое надзирание; об отправлении фабриканта Гутейна в Италию для вывоза оттуда потребных мастеров и необходимо нужных орудий и вещей; о назначении под новоустрояемый завод плотины Михайловского монастыря; о выдаче мне из высочайшего Кабинета на первое время, на расходы, на покупку дома 10 000 рублей; и о назначении мне жалованья по 450, а находящемуся при мне у письменных дел по 200 рублей на год. Вследствие чего тогда же и отправлен от Кабинета Ея Величества фабрикант Гутейн в Италию.

В то самое время, чтоб с моей стороны сделать хотя некоторое в порученном мне деле начало, я заставил киевского жителя Черникова из малого количества шелковичных червей семян выделать шелковых яичек, до прибытия из Италии мастеров; и давал ему как на издержки, так и в жалованье, собственныя мои деньги.

1788-го года генваря 13 дня получил я на завод из высочайшего Кабинета 5000 рублей.

Тогда же, прибыв в Санктпетербург, представил Кабинету ея величества, дабы поелику на вновь заводимом месте ни сада, ни строения нет, благоволено было испросить от ея императорского величества изволение в строениях, принадлежащих к Киевскому дворцу, на первый случай, учредить шелковый завод, на что высочайшее благоволение сообщено от его высокопревосходительства Степана Федоровича Стрекалова правителю Киевского наместничества Ширкову.

Того же года при отъезде моем из Санктпетербурга получил я на завод от высочайшего Кабинета последние 5000 рублей.

1789-го года в генваре месяце прибыли в Киев из Италии выписанные шелковичные мастера, не привезши купленных тамо для завода орудий.

Того же года в мае месяце велел я оным мастерам из приуготовленных шелковых яичек выделать пробу шелка, и поелику тогда строения к Киевскому дворцу принадлежащия заняты были сперва комиссариатскими вещами, а потом лазеретом, то я принужден был в наемных домах с великим иждивением велеть производить оный опыт шелка.

Узнав же из контрактов оных мастеров, что нет из них ни одного, который бы обязан был учреждать на новоназначенном месте как сады, так строения завода и протчее, поспешил я просить Кабинет ея величества о присылке в Киев фабриканта Гутейна, по которого плану сей завод устроен быть долженствовал.

Того же года в августе месяце, рассуждая, что за неприбытием фабриканта Гутейна на новозаводимом месте ни сада, ни строения нет, что строений Киевского дворца получить нельзя было, а потому выписанные из Италии мастера брали бы по напрасно в год по 6000 рублей жалованья, я представил высочайшему Кабинету мнение мое отпустить оных мастеров обратно, с тем что когда сады разведены и строения приуготовлены будут, то и тогда можно выписать нужных мастеров, а что до того один токмо фабрикант Гутейн потребен был.

Не удовлетворяясь таковым представлением, отправился я сам 1790-го года в марте месяце в Санктпетербург и повторил, поднеся пробы шелков, оное представление мое запискою высочайшему Кабинету, по которой августа 20 числа получил я от оного предписание оных мастеров, буде пожелают, отпустить.

Вследствие чего 1791-го года в генваре месяце я предуспел склонить всех помянутых мастеров отстать от контрактов своих, на пять лет в Венеции министром Мордвиновым заключенных, получа жалованье по день отпуска, не требуя и награждений, которыя по тем же контрактам, по истечении пятигодичного срока им определены были, чем самым сохранил я в казне 16 000 рублей.

Тогда же, отпустя сих мастеров, двоекратно я повторил просьбу мою высочайшему Кабинету о присылке в Киев фабриканта Гутейна; но за неприбытием его, а равно и за расходом отпущенных мне 10 000 рублей, устроение на новом месте шелковичного завода не могло быть производимо.

Вот причины, которыя да сего времени распространению полезного учреждения препятствовали, сие, однако, не доказывает, чтобы успех онаго подвержен был сумнению, естьли бы фабрикант Гутейн исполнил свою должность и завод учрежден был на устройстве хозяйственном и выгодах местных края того.

Расход отпущенным из высочайшего Кабинета 10 000 рублей на шелковичный завод надворному советнику Капнисту:

на разные издержки по заводу . . . . . 700 руб.
на покупку дома 4268
заплачено по повелению Кабинета из Италии
выписанным мастерам при отпуске их 2057
на жалованье надворному советнику Капнисту
от 1787 апреля 20-го по 1 генваря 1793 года 2475

на жалованье находящемуся при нем
у письменных дел за 1787 и 1788 годы 400

9900
в остатке 100

Итого
10 000 руб.

После сего отчота, по коему было докладывано ея Императорскому величеству, г. Капнист от управления киевских шелковичных заводов уволен и непосредственно остались они в ведомстве тамошней казенной палаты. 1793 года.

Комментарии

Михайловский монастырь — один из древнейших монастырей Киева, носящий название Михайловский Златоверхий монастырь. Учрежден при Михайловском соборе в XII в.

Киевский дворец — двухэтажный дворец в Киеве на высоком правом берегу Днепра; возведен в 1752 г. по проекту Б. Растрелли для императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I; был резиденцией генерал-губернаторов Киевской губернии; позднее стал называться Мариинским дворцом, в честь императрицы Марии Александровны.

Стрекалов Степан Федорович (1728–1805) — статс-секретарь при Екатерине II, тайный советник, сенатор, в 1784–1792 — управляющий кабинетом.

Ширков Семен Ермолаевич — генерал-поручик с 1779 г., правитель Киевского наместничества (1782–1795).

Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) — флагманский генерал-адъютант, в 1783 г. командовал кораблем в экспедиции адмирала П. В. Чичагова в Средиземное море; с 1788 г. — контр-адмирал, в 1802 г. был назначен морским министром, однако через три месяца от этой должности отказался.

* * *

Сведения о жизни Николая Васильевича Капниста (?–1823),[4] старшего брата Василия Васильевича, и о его семье сохранились благодаря его племяннице Софье Васильевне Скалон. По ее свиде-

[4] Родословное древо Капнистов // Ефимов В. Це все — ми. Днепропетровск, 2004. С. 487.

тельству, Н. В. Капнист получил образование в одном из петербургских пансионов,[5] затем служил в гвардии прапорщиком. По настоянию матери Софьи Андреевны Н. В. Капнист скоро вышел в отставку, вернулся в Малороссию и женился на Мавре Григорьевне Новицкой. Будучи любимцем матери, он унаследовал по ее завещанию лучшие земли, имения, семейные драгоценности и был намного обеспеченнее других братьев.[6] Н. В. Капнист поселился в 120 верстах от родового имения Обуховки в деревне Манжелее, на берегу реки Псёл, где выстроил двухэтажный каменный дом и обставил его с роскошью. Здесь он провел бóльшую часть своей жизни.

В семье Н. В. Капниста было шестеро детей: сын Петр и дочери Софья, Вера, Надежда, Любовь и Анастасия. Всю свою любовь отец обратил на старшую дочь Софью, которая со временем подчинила себе не только весь дом, но и его самого: во всех семейных делах он неизменно поддерживал ее решения. Петр в детстве часто болел, и для поправления его здоровья все семейство Капнистов два года провело за границей. Однако образованием сына отец не занимался, и П. Н. Капнист мечтал поскорее вырваться из семейства и определиться на службу. Он даже пытался бежать из дома. Позже он стал адъютантом полтавского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина. Софье и Петру Н. В. Капнист распорядился передать после смерти все свое имение, оставив других дочерей почти без наследства. После смерти отца Надежда и Любовь переехали жить к дяде В. В. Капнисту.

Н. В. Капнист был очень набожен, соблюдал все посты, усердно молился не только утром и вечером, но также до обеда и после него, чего требовал и от членов семьи. По воспоминаниям С. В. Скалон, «Николай Васильевич был умный человек, но с большими странностями; он так много думал о себе и своем уме, что не говорил иначе, как какими-то иногда вовсе непонятными аллегориями, и удивлялся, если его не понимали в семействе своем».[7]

Н. В. Капнист избирался Градижским и Кременчугским уездным предводителем дворянства (1787–1789), Екатеринославским

---

[5] *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 285.

[6] Там же. С. 286–287.

[7] Там же. С. 300–301.

губернским предводителем дворянства (1789–1793). В 1790 г. он получил чин надворного советника.

Публикуемые письмо Н. В. Капниста и размышления «Что есть Вольность?» свидетельствуют о том, что круг его интересов и забот не ограничивался посредничеством между Державиным и В. В. Капнистом и улаживанием финансовых проблем последнего, как это можно было бы заключить из писем, опубликованных Я. Гротом.[8] Отношения между Н. В. Капнистом и Г. Р. Державиным носили более глубокий характер.

Размышления Н. В. Капниста основываются на теории «естественного закона». Во второй половине XVIII в. в среде российского дворянства был накоплен достаточный багаж знаний, позволяющий развиться «любительскому философствованию». Этому способствовало, в частности, появление философских трактатов зарубежных авторов в русских переводах и журнальная публицистика, санкционированная и поддержанная Екатериной II.[9] Теория «естественного закона», истоки которой кроются в античности, подразумевала существование в начальном периоде человеческой истории идеального состояния общества, свободного от противоречий и войн. При этом натурфилософские идеи оставались тесно связанными с библейской традицией. Естественный закон трактовался как источник нравственных норм, изначально подталкивающих человека к добру. С теорией «естественного закона» тесно связана теория «естественного права» человека на жизнь, свободу и равенство, одинакового для всех, независимо от времени и места, и неизменного, подхваченная и развитая Просвещением.

Сторонники «естественного закона» и «естественного права» почти полностью отождествляли общество и государство. Именно государство представлялось им ареной добродетельных действий, а гражданин рассматривался как всецело подчиненный действиям государства. Теорию «естественного права» развивали Т. Гоббс,

---

[8] См. письма Г. Р. Державина к В. В. Капнисту от 20 марта 1804 г. и к С. В. Капнисту от 1 июля 1816 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. VI. С. 149, 342.

[9] *Баранец Н. Г.* Тип философствования русских просветителей второй половины XVIII века // Философский век. Альманах 10. Философия как судьба. Российский философ как социокультурный тип. СПб., 1999. С. 30–31.

Х. Вольф, С. Пуфендорф и другие философы. Идеи «естественного права» во многом определили американскую Декларацию независимости (1776), французскую Декларацию прав человека и гражданина (1789). Проявились они и в «Наказе» (1767) Екатерины II, в главе, посвященной отношениям общества и государства: «Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка; надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются <…>. Итак, когда закон естественный повелевает нам по силе нашей о благополучии людей пещися, то обязаны МЫ состояние и сих подвластных облегчати, сколько здравое рассуждение дозволяет» (Гл. XI. Ст. 250, 252).[10]

Под «свободой» или «вольностью» в «Наказе» подразумевалось спокойствие духа, возникающее от осознания человеком собственной безопасности: «В государстве, то есть в собрании людей обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно <…>. Вольность есть право всё то делати, что законы дозволяют» (Гл. V. Ст. 37, 38.).[11] В сочинении «Философические предложения», опубликованном вскоре после «Наказа», Я. П. Козельский, опираясь на теорию общественного договора Руссо,[12] писал: «Человек чрез договор с обществом теряет натуральную вольность и неограниченное право ко всему тому, что его искушает и что его постичь может, а приобретает гражданскую вольность и собственность имения».[13] Таким образом, понятие «свободы» ассоциировалось с политической, а не личной свободой.

Н. В. Капнист не выходит за рамки этих суждений, а лишь развивает и варьирует их, подчеркивая первенство гражданского закона в жизни человека. Понятия «свобода» и «вольность» трактуются им в духе документа более чем 20-летней давности — «Наказа»

---

[10] Наказ ея имп. величества Екатерины вторыя… данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения… СПб., 1820. С. 178–179.

[11] Там же. С. 118–119.

[12] *Степанов В. П.* Козельский Я. П. // Словарь писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб., 1999. С. 93.

[13] Философические предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским. СПб., 1768. С. 180.

Екатерины II, на который он и ссылается. От теории «естественного права» путем умозаключений он приходит к идее необходимости и естественности монархического правления. Возможно, появление этих рассуждений было своеобразным откликом на литературную деятельность А. Н. Радищева и судебный процесс над ним. Н. Капнист давал тем самым понять, что не разделяет его радикальных взглядов.

Н. В. Капнист и позже мыслил государственными масштабами. В начале 1810 г. он прислал В. В. Капнисту свой план поправления государственных финансов. Свои впечатления от этого «политико-экономико-коммерческого плана» В. В. Капнист сформулировал в письме брату от 18 февраля, используя деликатные выражения: «…уже два раза читал я план ваш со всевозможным вниманием <…> он столь обширен <…> столь необыкновенный, что для соображения его с оными мысли мои в разные радиусы расходятся <…>. Дайте мне время опомниться, подумать, обдумать и сообразить. Дело и без того было не к спеху, а теперь <…> нечего с ним торопиться <…>. Сей план, для коммерческих держав весьма удобоисполнительный, в нашем столь пространном, мало населенном, а того менее торговом отечестве не может, кажется, быть приведен в действо по недостатку».[14]

ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14. № 92. Л. 100–102 об. Письмо рукой писца на бумаге, датируемой 1791 г.[15] Собственноручная подпись Н. Капниста (отмечена курсивом). Сохранено авторское выделение абзацев.

Милостивый государь мой Гаврила Романович!

Исполняя мое обещание, я у сего прилагаю замечания мои относительно моей идеи о свободе. Дело состоит в том, что хотя и сильно наставляемся мы из законов: и духовного и естественного, узнать, что есть свобода наша, но и по сие время еще нет ни единаго сочинения, которое бы представляло нам о том идею совершенно.

Даже до дефиниции, которой, как вам известно, о свободе еще нет.

Таковое сочинение, а наипаче в сие время, кажется, быть бы могло кстати, сверх того, если б и вышло оное не из Англии или Франции, но

[14] *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Переводы. Статьи. Письма. М.; Л., 1960. С. 459–460.

[15] *Лауцявичус Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII вв. Атлас. Вильнюс, 1967. № 3049.

от нас. Но приняться отработать сие для публики сам собою я не смею. Ибо что для оной вредно или полезно, о том не мы — но вы, имеющие оную всегда в виду, лучше знаете.

Я прошу посему совету вашего, которому верно и последую в самой точности.

Ваш милостивого Государя моего *покорнейший слуга Н. Капнист.*

Писцовая копия.

Что есть Вольность? И какие оной следствия?

Свобода есть возможность действовать сходно истинному естеству бытия своего.

Рабство есть немощь действовать сходно истинному естеству бытия своего.

Истинное Естество бытия нашего есть следствие естественного закона, естественный закон есть воля Творца всяческих.

Свобода гражданская есть возможность действовать сходно состоянию своего бытия гражданского.

Истинное состояние гражданского бытия есть следствие гражданского закона; закон гражданской есть связь наша.

Человек сыскивает себя невольным в стремлении его действовать противу естественного его состояния и последственно всегда встречает вечные препоны и неминуемое направление или, что то же, наказание.

Итак, дабы учиниться свободным, то должно привести волю свою, нрав или сердце в такую степень чистоты, дабы естественный закон был для меня совершенно собственная моя воля.

Должно, дабы деятельная воля была совершенно в единстве с волею Творца естественного закона. Так что свобода наша есть воля Создателя нашего.

Следственно:

Соделываемся мы рабами, когда приводим волю свою, нрав или сердце в такую степень развратности, что закон естественный был бы прямо в противуположности воли нашей.

Рабство наносит нам воля наша, стремящаяся разрушить естественный порядок вещей.

Итак, следствия свободы явны, ибо поступки развратные наши не вольность, но неминуемое рабство всегда наносят нам.

Итак, что есть вольность человека, зараженного злом?* Нет оной и вечно быть не может.

---

* Человек не зол, но слаб только. — Согласен, но какая же быть может свобода твари слабой? Известно, что свобода без силы недействительна.

Древле сказано,* свободен есть тот, кто управлять собою умеет. Но что есть уметь управлять собою?

Иметь Разум! Но сердце твое, нрав или воля имеет ли стремление такое ж и одно с разумом твоим? — Буди имеет, то ты свободен, и воля твоя с законом естественным или, что то же, добром, согласна. — Буди нет, то нрав или воля твоя покоряется разуму не свободно, но рабски принужденно. А таковое повиновение есть ни надежно, ни мирно.

Что сказано о свободе человека вообще, то разумеется о свободе человека гражданина.

Свобода гражданская есть возможность действовать законно.

Закон гражданский составляет естественное состояние гражданина.

Свободный гражданин есть тот, которого воля и дела сходны с законом, под которым он находится.

Гражданин свободный есть гражданин, действующий согласно гражданскому его состоянию.

Даже до рабства, в котором, если воля моя сходна с законом, производящим участь мою, и против оной не ретивится, то есмь я совершенно свободный человек.

Воля человека, несходственная с законом естественным, и воля гражданина, несходственная с законом гражданским, есть своевольство, прямая противность свободе и находящаяся всегда в цепях, которые навлекает сама себе, или с вечной деятельности закона естественного или от деятельности закона гражданского.

Итак, покуда мы рабы страстей наших или, что то же, покуда мы по невежеству нашему стремимся разрушать естественный порядок вещей, покуда настоит для нас нужда неминуемая быть под спасительным правлением, деятельно нас воздерживающим и недопущающим нас впасть в самое глубочайшее рабство; или, что то же, разрушить естественное состояние не только обществ наших, но и свое собственное.

Итак, не остается как только розыскать, какое гражданское правление есть для нас естественное, или, что то же, наилучшее.

Для сего нужно предварительно рассмотреть естественное бытие и течение жизни нашей.

Под каким правлением сыскиваемся мы при вступлении нашем на свет сей? Какими рождаемся мы?

В естестве суть многие твари, а наипаче исходящие из семян, которые имеют способность быть, питаться и вести жизнь свою сами собою с самого рождения их.

---

* [Ссылка на текст, отмеченный звездочкой, отсутствует. — *Е. К.*].

Но мы не таковы. Слабость и почти ничтожество наше детское едва ли имеет себе подобное.

Совершенно без сил физических, совершенно без способностей умственных, мы, рождающиеся, находимся в неизбежном состоянии, требующем помощи во всем.

Под отеческим правлением увидя мы сей свет, провождаем под оным же не только детство наше и юность; но по естественному течению времени жизни человеческой, и мужество наше так, что не лишаемся мы отцов наших, препровождающих жизнь их порядочно, как тогда, когда и сами мы, под руководством их, достигаем их же и лет, и состояния, и прочее, и прочее.

Последственно, тому же в сочинении философическом, основанном на правилах естественных, можно бы, кажется, употребить и следующие положения, выводя оных следствия.

Целое всегда подобно частям своим.*

В естестве все твари и даже механически все тяжести приемлют движение их внутренное, а сим производят и внешнее из центра их так, что движение, происходящее из центра, есть наидействительнейшее.

Все соединенное должно иметь свой центр, и все, не имеющее центра, не может быть соединенным.

Центр есть точка, и совершенный центр есть единица, и все что ни есть единица, не есть совершенный центр.

Соединенность всегда соответственна, всегда соразмерна степени совершенства центра своего.

Крепость и сила всегда соответственна степени соединенности, и прочее.

К сим можно бы извлечь правила и из Писания Священного и представить оные с рассуждением философическим, ибо все доказывает нам, даже и самое естественное стремление наше иметь, любить и защищаться отцом, что монархическое правление есть единственно свойственное и указанное нам от самой натуры.

* * *

Знакомство Г. Р. Державина и М. И. Веревкина состоялось в 1759 г., когда Державин поступил учиться в Казанскую гимназию,

---

* Высочайшего Наказа статья. [Капнист пересказывает статью 648 из главы XXII Дополнений к Большом наказу. См. Наказ. … С. 265. — *Е. К.*].

директором которой был назначен М. И. Веревкин. Он вскоре заметил способности своего ученика в рисовании: Державин весьма точно скопировал карты Казанской губернии. В 1760 г. Державин сопровождал своего учителя в Чебоксары для составления плана города и определения построек, возведенных незаконно. Когда в 1761 г. Веревкину было поручено описать развалины древнего города Золотой Орды Болгары, в числе его помощников был и Державин. Он составил описание и план сохранившихся построек и зарисовал их виды. Как одного из лучших учеников Веревкин представил Державина главному куратору гимназии И. И. Шувалову.[16]

Они продолжали поддерживать отношения и в последующие годы, хотя зафиксированные письменные свидетельства этому относятся лишь к 1792 г. Стареющий учитель обращается к Державину, статс-секретарю императрицы, с надеждой на поддержку. В связи с тем что в 1792 г. Екатерина II приказала не печатать его сочинений и переводов без ее особого распоряжения,[17] материальное положение М. И. Веревкина существенно ухудшилось. Оплата за выполненные уже переводы, которую он должен был получить по выходу их в свет, задерживалась. 20 января Веревкин просил Державина ходатайствовать перед княгиней Е. Р. Дашковой о разрешении печатать его переводы не в академической типографии, а в какой-либо другой.[18] 10 июня, жалуясь Державину на свою «недостойную нищету», Веревкин просил похлопотать о нем перед Н. И. Салтыковым и П. А. Зубовым. Он сообщает, что заканчивает перевод «Оттоманской империи»[19] и готов приступить к переводу «Энциклопедии» Д. Дидро и Д. Аламбера, подготавливая по два тома перевода в год.[20] В письме от 10 августа Веревкин сетует: «О, ежели бы пансион, соответственный летам, чину и служению моему 50-летнему трем Государям!.. Не помешало бы то, а умножило бы мое трудолюбие:

---

[16] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VI. СПб., 1871. С. 419–426.

[17] *Стенник Ю. В.* Веревкин Михаил Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. Л., 1988. С. 149–150.

[18] Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. V. С. 782.

[19] *Оссон И. М. де.* Полная картина Оттоманской империи в двух частях… СПб., 1785.

[20] Сочинения Державина. Т. V. С. 789–790.

авось достало бы жизни перевесть томов с пяток, или и более большой Энциклопедии и напечатать без отягощения казны».[21] По-видимому, эти обращения не имели положительных последствий.

Публикуемое письмо М. И. Веревкина к Г. Р. Державину, вероятно, одно из последних его писем. Оно написано в селе Михалево Клинского уезда Московской губернии, где М. И. Веревкин жил после окончательного увольнения со службы. Ко времени написания письма сохранение за собой и членами своей семьи дохода от деревень в Тверской области стало для Веревкина жизненно необходимым.

ИРЛИ. Ф. 96 Державина, Оп. 7. № 9. Л. 328–328 об. Текст рукой писца. Подпись — автограф.

16 марта 794-го из округи Клинской.

Памяти совсем уже почти не имея, кажется, что просил я вас, муж праведный, я бесценного ж милостивца моего Димитрия Прокофиевича о нижеследующем, но сам себе в том не веря, во другой раз мчуся к милостивному ко мне сердцу вашему… Подкрепите, батюшко, хотя на несколько изчезание мое на свете сем. Вот в чем: по недавном умертвии внуки роднаго моего большаго брата девицы Ольги Димитриевны Столыпиной, досталася и мне частица в Тверских ея деревнях. Коими теперь вообще владею я со вдовою другаго моего меньшаго брата с двумя сиротами девками и двумя же сынами от перьваго его брака: село Клеопино с деревнями, во всех около трехсот душ… Дачами, исстари принадлежащими к сему селу с деревнями владели предки наши и мы по 765-й спокойно, никто и никогда в завладении нами чужим не челобител. При межевании подали спор смежнаго с нами, но за рекою Вязьме жившаго полковника Ивана Семенова сына Толстаго дети. Московская межевая канцелярия ни по какому закону отняла у нас, да и столько, что на всех шестерых владельцов оставила посеять ржи 7 четвертей. Обрезала нас по самыя гумны и ополяцы… На сие к небу кричащее беззаконие и насильство апеллировали мы в бывшую межевую экспедицию, которая, нашед правость нашу, утвердила за нами все то, чем владели бесспорно предки наши и мы до 765-го…

Ныне господа Толстые просят у престола о подобном же нас разорении или, точнее сказать: меня впехнуть в деревянный ящик, а вдову с си-

[21] Сочинения Державина. Т. V. С. 797.

ротами пустить по подоконью… Муж нелицеприятия непоколебимого! Заступи, сохрани и помилуй старость, вдовство, невинность: нельзя, чтоб не было Бога, следовательно и нельзя ж, чтоб он не воздал вам за то.

Вашего превосходительства усердный
служитель полумертвый *Михаил Веревкин*.

P. S. Утопающий хватается и за траву поверху воды, как же мне не ухватиться за дуб?

Комментарии

Димитрий Прокофиевич — Д. П. Трощинский (1749–1829), в 1793–1798 гг. старший кабинет-секретарь императрицы.

Столыпина Ольга Дмитриевна — дочь Дмитрия Емельяновича Столыпина и Дарьи Алексевны Столыпиной (в девичестве Веревкиной).

Клеопино село — находилось в Старицком уезде Тверской губернии.

…Ивана Семенова сына Толстаго дети. — И. С. Толстой, полковник; скончался в 1783 г.; был женат на Акулине Андреевне (в девичестве Неклюдовой, 1724–1791). Их сын Алексей Иванович Толстой (1754–1827) был в военной службе с 1770 г.; находясь в 1798 г. «бригадиром не у дел» был произведен в чин действительного статского советника и назначен губернатором Иркутской губернии. Кавалер ордена Святой Анны первой степени (1799); был женат на княжне Александре Ивановне Щетининой. В 1802 г. отставлен от должности и выехал из Иркутска.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики Российской империи (Москва)

БАН — Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)

ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург)

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека (Москва)

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт (ныне Санкт-Петербургский государственный педагогический университет)

ЛГУ — Ленинградский государственный университет (ныне Санкт-Петербургский государственный университет)

ОИФН РАН — Отделение историко-филологических наук Российской академии наук

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПбИИ — Санкт-Петербургский институт истории

СК — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963–1967. Т. 1–5

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аблесимов А. О. 379
Август Октавиан, римский император 16–17
Автухович Т. Е. 161, 163
Адашев А. Ф. 416
Аддисон Дж. 144, 311
Аделунг И. Х. 333, 337
Айзикова И. А. 319
Александр Македонский 6, 9, 18–19, 97, 100, 294
Александр I, российский император 246, 249, 250, 259, 263, 295, 429, 470, 472
Александр II, российский император 302
Алексеева Н. Ю. 5, 7, 24–25, 51, 54, 59–60, 150, 250
Алексей Михайлович, русский царь 485
Алиси, книготорговец 252
Алферов И. 340
Альгаротти Ф. 74
Альтшуллер М. Г. 131
Амадуцци Дж. К. 198–202, 206–207, 210
Амвросий (Подобедов) 472
Анакреон 128, 177–235
Андреев А. Ю. 68
Андреевский И. С. 313
Андрей (Таршевский) 53
Анна Иоанновна, российская императрица 8
Анненков П. В. 42
Антоний (Знаменский) 472
Антонов Г. 313–314
Аполлос (Байбаков) 129–130
Аристид 294
Аристотель 84, 402, 405
Аристофан 193, 381
Арсений (Тодорский) 305
Арсений Новгородский, святой 472
Артемьева Т. В. 101
Артуа, граф д' *см.* Карл X, французский король
Артемьев А. А. 143
Архенгольц И. В. 241, 366, 367
Аршеневский З. И. 165
Аршеневский И. З. 165
Аусфельд Ф. 211, 223, 227
Ахвердов Н. И. 485

Бабич М. В. 151
Бабичев Н. Т. 38
Бабрий 61
Базедов И. Б. 340–341
Бакстер У. 199, 201
Бакунин А. М. 178–179
Бакунин М. А. 179
Бакюлар д'Арно Ф. Т. М. де 147, 156
Бантыш-Каменский Д. Н. 435
Баранец Н. Г. 491
Баратаев М. П. 470
Баратаева Е. С. 470
Баррюэль О. 238
Барсков Я. Л. 289
Бартелеми Ж. Ж. 271
Бартенев П. И. 290
Барятинская Е. П., урожд. фон Гольштейн-Бек 147, 148

Баталден С. К. 192
Баттё Ш. 84
Батюшков К. Н. 179, 215, 216
Баумгартен, приятель А. И. Второва 471
Бахметев А. И. 167
Бахметев И. И. 167
Бахметева А. И. 166–167
Бахтеяров Ф. 149
Башомон Ф. Ле Куанье де 227
Бевиус А. 94
Безбородко А. А. 108, 189
Бейль П. 113
Бекасова А. В. 481
Бекетова Н. А. 324, 343
Беккариа Ч. 293–294
Беклешов А. А. 339
Белинский В. Г. 179
Белло Р. 203
Белоброва О. А. 144
Белых Н. Н. 140
Бенда В. Н. 475, 477
Бенкер Л. 309
Берелович В. 66–67, 70, 252
Бериш Г. В. 158
Беркен А. 324, 327, 333–336, 341–343, 353–354, 357, 360, 362, 369, 373
Берков П. Н. 7, 8, 9, 10, 12, 37, 79, 86, 265, 270, 274, 378,
Бертен д'Антийи Л. О. 246, 252, 258, 264
Бецкой И. И. 123
Бибиков А. А. 469
Бибиков В. И. 379
Бибиков Г. И. 152
Бибиков И. А. 164
Бибикова Е. А. 152
Бильбасов В. А. 245
Бион 199, 202
Биркман П. 312
Благодаров Я. И. 144, 306, 342
Благой Д. Д. 26
Богданович И. Ф. 129
Богомолов И. 135–136
Бодони Дж. 191, 198, 208, 210
Бодэн Р. 66–67
Бодюс А. де 236–286, 319, 322
Бодюс Ф. де 236–237, 246
Бокум Е. Ф. 296
Боленко К. Г. 334
Болотов А. Т. 4, 86–104
Болотов П. А. 96
Бомарше П. О. К. 379
Бомстон Э. 364
Бона Дж. 129
Бонд У. 311
Бонне Ш. 271, 325
Борецкая Марфа 433, 463
Борисов В. 152
Боровиковский В. Л. 469
Боровский Я. М. 38
Бороздин А. К. 289
Борщова Н. С. 153
Боэций Аниций Манлий Торкват Северин 202
Бридел Ф. С. 314
Бридел-Бридери С. Э. фон 314
Бриммер А. Ф. 165
Бриммер В. 165
Брюс П. А., урожд. Румянцева 146–147
Брюс Я. А. 146
Буало-Депрео Н. 6, 13, 20, 84, 113, 214
Буасси Л. де 140
Бува, книготорговец 252
Бугенвиль Л. А. де 264
Буйе, переводчик журнала «Spectateur du Nord» 268
Булгарин Ф. В. 43
Булло М. Ж. 315
Бурбон-Конде Л. Ж., французский принц 255
Буци Ф. И. 469
Быкова Т. А. 268
Бычков А. Ф. 377
Бюффон Ж. Л. Леклерк де 307, 308, 325

Вадим Храбрый, новгородский посадник 433
Варфоломей (Любарский) 53, 57, 63
Васильев И. В. 261
Вацуро В. Э. 406, 428, 430

Вачева А. 105, 111, 120, 138
Вебер Ф. К. 74–75
Ведель А. Б. фон, урожд. Пассек 139
Ведель И. К., фон 139
Ведель М. И. фон 139
Вейссе Х. Ф. 211, 333, 335, 337
Вельяминова-Зернова Е. Н., урожд. Разогина 149
Вельяшев-Волынцев Д. И. 155
Вельяшева-Волынцева П. И. 140
Вергилий Публий Марон 77, 205
Веревкин М. В. 151
Веревкин М. И. 379, 496–499
Верещагин А. С. 45–49, 53, 57–59, 63
Верто д'Обеф Р. 149
Веселаго Ф. Ф. 295, 302
Веселая Г. А. 108, 121
Веселова А. Ю. 86, 96, 101
Вивес Х. Л. 306
Виланд К. М. 148, 324
Вилер Ф. Ф. Кс. 258
Вилер Ш. де 240, 242, 320
Вильегас Э. М. 200, 202
Вильмот (Уилмот) М. 102, 106, 108–109, 119, 121, 124
Вильмот К. 106, 121
Виниус А. А. 52
Винкельман И. И. 232
Виноградов И. И. 38, 177
Вобан С. 479
Водовозов Н. В. 104
Водопьянов Н. Д. 135–136
Воейков Л. А. 190
Вознесенский А. В. 177
Волков П. М. 471
Волконская А. А. 152
Волконская В. П. 153
Волконский П. М. 153
Волчков С. С. 51
Вольтер 34, 66, 110, 113, 121, 265, 271, 303
Вольф Х. фон 479
Вольф Х. 492
Вороблевский В. Г. 140
Воронова Т. П. 261
Воронцов А. Р. 247
Воронцов М. И. 113–114, 124, 146
Воронцов Р. И. 113–114
Воронцов С. Р. 247
Воронцова А. К. 146
Воронцова Е. Р. 114
Воронцов-Дашков А. И. 105, 112–113, 117–119, 127
Вроон Р. 5
Всеволодский-Гернгросс В. Н. 36–37, 376
Второв И. А. 4, 428–441, 467–472
Второв Н. И. 428
Вяземская Е. А. 148
Вяземская Е. Н., урожд. Трубецкая 148
Вяземский А. А. 148
Вяземский А. И. 407, 409, 418
Вяземский П. А. 43, 406–407, 409, 411, 418, 420

Гаврилов А. К. 177, 193
Гаврилов И. 137
Гакон Ф. 199, 207, 210, 228
Галахов А. Д. 324, 373
Гамалея С. И. 139, 306
Ганнибал А. П. 478–480
Гаргам А. 110, 117
Гарткнох И. Ф. 251
Гаспаров М. Л. 226
Гастон де Полье М. Ж. 251–254, 258
Гвоздиковский Р. 311
Геберлейн Х. 142
Гельвеций К. А. 113, 265, 281, 293, 299
Ге-младший, книготорговец 251
Генш Ф. В. 140–141
Георгий Петрович, принц Ольденбургский 415
Гёпферт Ф. 126
Гердер И. И. 271
Герман Б. Ф. И. 137
Герман Ф. И. 471
Герцен А. И. 107
Герцман Е. В. 195
Геснер С. 214, 336, 349
Гете И. В. 320, 373

Гётц И. Н. 209
Гика А. 289
Гинзбург Л. Я. 171
Гишина Е. А. 226
Глаголева О. Е. 86
Глазунов И. П. 135
Глазунов М. П. 141
Глебов С. И. 129
Глейм И. В. Л. 211, 363
Глоба Т. А. 474
Глушков И. Ф. 432, 436, 467–469
Гнедич Н. И. 178–179, 234
Гоббс Т. 491
Гоголь Н. В. 41–43, 216
Гоголь-Яновская М. И. 41
Гозвинский Ф. К. 52
Голдсмит О. 249
Голенищева-Кутузова Е. И., урожд. Бибикова 157, 468
Голенищев-Кутузов И. Е. 165
Голицын А. А. 70
Голицын А. И. 149
Голицын Ал. Мих. 70
Голицын Андр. Мих. 70
Голицын Б. А. 70
Голицын М. А. 70
Голицына В. В., урожд. Энгельгард 150, 153
Голицына Е. Б., урожд. Юсупова 69, 70
Голицыны 69
Головина А. (Настасья) С., урожд. Лопухина 149
Головина В. Н., урожд. Голицына 151
Головкин Ф. Г. 249
Голубинский А. А. 169
Гомер 128, 178, 202–203, 234
Гончаров И. А. 302
Гораций Квинт Флакк 28, 38, 64, 73, 80, 178, 199, 212, 232, 255
Горелкина О. В. 291
Горчаков Д. П. 144
Гостомысл, новгородский боярин 433
Готшед И. К. 84
Гофман И. Г. 101
Грешищев И. Я. 144
Грибовский А. М. 147
Гримм Ф. М. 116, 260
Гринченко Н. А. 268
Гриффитс Д. 114
Гродницкий П. 144
Гронский А. В. 138
Грот Я. К. 16, 178–180, 216, 269–270, 491, 497
Губерти Н. В. 92
Гуковский Г. А. 6, 89, 180, 289, 375, 473, 474
Гусарова Е. В. 486
Густав III, шведский король 138
Гутейн, фабрикант шелка 486, 488
Гутнов Д. А. 258
Гутри У. 310
Гюльденштедт И. А. 77

Даламбер Ж. Лерон 497
Данилевский Р. Ю. 324, 373
Данилов А. 329–330
Данилов А. 363, 365
Дасье А. 183–184, 194, 198–207, 209–210, 214, 217, 219, 221–222, 228–229, 232–234
Дашков М. И. 114, 115
Дашков П. М. 116, 123
Дашкова А. М. 116
Дашкова Е. Р., урожд. Воронцова 3, 71, 105–138, 147, 265, 334, 497
Дворецкий И. Х. 194
Де Клапье де Кулон 168
Дебольцев И. Н. 306, 307
Дебульмье Ж. О. Ж. 101
Делиль Ж. 240, 254, 264–265, 281, 283, 318
Демарин, инженер-майор 168, 478–479
Дёмин А. О. 265, 375, 406, 427
Демиховский А. К. 86
Демосфен 156
Де-Пуле М. Ф. 428
Дерем У. 325
Державин Г. Р. 16, 20, 25–27, 47, 111, 116, 131, 162, 178–181, 184, 190, 216, 222, 232, 268, 298, 484–487, 491, 496–498

Джексон У. 318
Джонс Р. 66
Дидо Ф. 191
Дидро Д. 118, 121–122, 497
Диоген 324, 368
Дионисий Картезианец 305
Дмитриев И. И. 270, 273–274, 324, 411, 416, 419, 429, 468
Дмитриев Л. А. 270
Дмитриев С. С. 108, 121
Дмитриева Е. Е. 42
Дмитриева Т. Ю. 291
Добрынин Г. И. 140
Долгова С. Р. 154, 184, 189–190
Долгоруков И. М. 147, 148, 153–154, 156, 112
Долгоруков Ю. Ю. 112
Домашнев С. Г. 71, 136
Дора К. Ж. 214–215
Древс П. 313, 324, 330, 332, 338, 348–349, 353, 359, 362–363, 367–369, 371
Дрейдж Ч. Л. 181, 225
Дрекслер В. 135–136
Друковцев С. В. 153
Дубровский А. И. 47
Дубровский П. П. 249–250, 259–263, 275–278
Дюброка Ж. Ф. 319
Дювуазен-Калас А. 315
Дюкре-Дюмениль Ф. Г. 94
Дюмурье Ш. Ф. 238
Дюпюи-Дампорт Ж. Б. 305

Евгений (Болховитинов) 177
Евгений (Булгарис) 181, 192–195, 197
Евгений (Романов) 307
Евгений, принц Савойский 97, 100
Егунов А. Н. 234
Екатерина Алексеевна, российская великая княжна *см.* Екатерина II, российская императрица
Екатерина Павловна, российская великая княжна 411, 414–416
Екатерина II, российская императрица 14, 21–22, 24, 34, 37, 75–76, 81–82, 105–107, 109–113, 116, 118, 119–120, 124, 127, 132–133, 135–136, 138, 140, 142, 146, 165, 167, 186–187, 192, 218, 245–246, 248–249, 253, 255, 258, 260, 261–263, 268–269, 276, 294, 303, 445, 449, 456, 470–471, 475, 489, 491–493, 497
Елагин И. П. 39
Елизавета Петровна, российская императрица 9, 10, 13–14, 18, 21–22, 65, 80, 88, 112, 114–115, 139, 294, 489
Елизавета, французская принцесса 262
Ертов И. Д. 159
Ефимов В. Б. 489
Ефремов П. А. 195, 289, 303

Жанлис С. Ф. 150, 151, 238, 331
Жене Э. Ш. Э. 255, 271
Живов В. М. 5–6, 15
Жирмунская Н. А. 376
Жофре Л. Ф. 319
Жуковский В. А. 319

Заборов П. Р. 158, 249, 252
Заворохин П. 50
Завьялов С. А. 177, 183, 227
Зайцева А. А. 135, 250
Зальцманн Х. Г. 335, 341–343, 348, 353, 358
Западов А. В. 128, 291
Западов В. А. 26, 470
Заремський М. Й. 474
Здобнов Н. В. 92
Зойме И. Г. 247–248
Зорин А. Л. 412, 428–429
Зубов П. А. 131, 250, 497
Зульцер И. Г. 101, 325

Иванов Вяч. Ив. 180
Иванов И. 308
Иванов О. А. 107–108, 109
Изергина Н. П. 45–47, 56, 63
Измайлов А. А. 39
Измайлов В. В. 431, 435, 469, 471

Илюшин А. А. 225
Иоанн Антонович, российский император 109
Иоанн IV Васильевич, русский царь 73, 81, 187, 415
Иоаннов И. 146
Ионин Г. Н. 181
Йорвель (Giörwell) К. К. 241
Иосиф II, император священной Римской империи 363
Ириней (Клементьевский) 305, 308
Иффланд А. В. 155

Казанова Дж. 110
Калинин Н. 326
Камбис II, персидский царь 78
Камедина Л. В. 89
Камендровский В. 114
Каменский А. Б. 116, 118
Кампе И. Г. 133, 324, 327–330, 334, 340–341, 343–344, 346, 348–349, 354, 357, 373
Кампенон В. 319
Кандорский И. М. 142
Кант И. 271
Кантемир А. Д. 24, 30, 43, 72–73, 76, 79–82, 84, 111, 182, 195
Канунова Ф. З. 319
Капнист А. Н. 490
Капнист В. В. 41–42, 178–179, 184, 190–191, 232, 272–273, 379–380, 485–491, 493
Капнист В. Н. 490
Капнист Л. Н. 490
Капнист М. Г., урожд. Новицкая 490
Капнист Н. В. 484, 485, 489–493
Капнист П. Н. 490
Капнист С. В. 491
Капнист-Скалон С. В. 489–490
Каразин В. Н. 302
Карамзин А. Н. 415
Карамзин В. М. 407, 409–411, 419, 427
Карамзин Н. М. 3–4, 66, 88, 132, 158, 181, 236, 244–245, 252, 260, 267–275, 285–287, 324, 331, 372–373, 406–427, 429, 431, 434–437, 467–469, 472
Карамзина Е. А., урожд. Колыванова 406–427
Карамзина Е. И., урожд. Протасова 408
Карамзина Н. Н. 408
Карамзина С. Н. 408–409, 415, 423–425
Карл Вильгельм Фердинанд, герцог Брауншвейгский 239
Карл Эдуард Стюарт, претендент на английский престол 94, 97–98
Карл I, английский король 293
Карл X, французский король 240
Карл XII, шведский король 138
Карнишина Л. М. 415
Каролина, принцесса Гессен-Дармштадтская 116
Карп С. Я. 68
Картени Ж. 308
Картуш (Бургиньон Л. Д.) 294
Кастера Ж. А. 105, 108, 253, 255
Катилина Луций Сергий 294
Катон Марк Порций 156
Качарава В. Б. 474
Качановский М. Т. 43
Кашин В. 50
Кашинский П. 52
Кеппен П. И. 485
Кефала Константин 183
Киприан Карфагенский 315
Кир II, персидский царь 9–11, 18–19, 21, 78, 345–346
Кириченко-Остромов К. 320
Кирияк Т. П. 309, 374
Кирхманн К. Ф. 338
Кирхнер И. 323
Клаудий Х. 329, 376
Клаудиус Г. К. 335, 343, 345, 355–356
Клаудиус М. 262, 276–277
Клепиков С. А. 57, 58, 63
Клери Ж. Б. 264
Клеэн Х. Ф. 148–149
Клопшток Ф. Г. 240, 262, 267, 276–277, 287
Клостерман Г. 251

Ключарев Ф. П. 139, 140
Княжнин Я. Б. 41, 133–135, 144
Коган Ю. Я. 474
Козельский Я. П., писатель 149, 473–483, 492
Козельский Я. П., депутат 474, 492
Козицкий Г. В. 29, 32, 196
Козловский П. И. 165
Кокорев А. В. 181
Колчанова С. В. 47
Колычев В. К. 150
Колычев С. А. 247
Кольцова-Масальская В. И. 150
Комаров М. 163, 171
Комаров П. И. 470, 471
Комон де ла Форс Ш. Р. де 149
Кондильяк Э. Г. 138
Кондоиди П. З. 164
Кононко Е. Н. 191
Кононов В. А. 165
Константин Павлович, российский великий князь 264
Кориолан Гай (Кай, Гней) Марций (Маркий) 28–32
Корнель П. 381–382
Корнилович-Зубашева О. Е. 108
Корсаков В. Д. 139, 141
Кортес Э. 23
Корчагин К. М. 226
Корш Ф. Е. 180
Косагов И. И. 477–478
Косман А. М. 34, 37
Костин А. А. 31, 131, 143, 250, 288, 289, 473
Костров Е. И. 53, 131, 179
Кох И. И. 323
Кох К. Г. 66–88
Кох Ф. 69
Коцебу А. Ф. фон 154, 436
Кочеткова Н. Д. 126, 129, 139–140, 144, 150, 157, 160, 244, 250, 327, 379, 409, 411, 475
Крамер И. А. 339
Крамер К. Г. 316
Крашенинников С. П. 77, 100
Критон 368
Кросс Э. Г. 324, 331
Кроче Дж. Ч. 309
Крузиус (Крузий) Х. А. 101, 104
Крузиус З. Л. 333, 337, 341, 354–355
Крылов И. А. 43
Крючкова М. А. 107
Кряжимская И. А. 377
Ксенофонт Афинский 355, 356
Куаффье де Море С. Де 240, 243
Кувичинский С. 316
Кудряшов Д. 67
Кузнецов А. Е. 96, 103
Кузьмин А. И. 140
Кукушкина Е. Д. 33, 132, 138, 140, 147, 163, 467, 484
Кулакова Л. И. 134
Кулябко Е. С. 150
Куник А. А. 10, 37
Кунин Н. А. 434
Купер В. Д. 137
Куракин А. Б. 107
Курелла М. 308
Куртенер Ф. 251, 268
Курций Квинт Руф 97, 100
Кутайсов И. П. 261
Кутателадзе Н. Н. 180
Кутузов А. М. 141, 157
Кутузов М. И. 157
Кучеренко Г. С. 265
Кучеров А. Я. 93
Кюбьер М. де 309
Кюль Т. 339, 342, 345, 357

Ла Мезонфор А. Ф. де 239–240, 243, 258, 262, 264, 276–277, 279–280
Ла Морльер Ш. Ж. 94, 102
Ла Саль А. Н. 310, 314
Ла Шапель Ж. Б. де 227
Лабзин А. Ф. 359, 379
Лавалле Ж. 144
Лаво Ж. Ш. 248
Лагарп Ж. Ф. 265, 282
Ладыженский Н. Ф. 318
Лазарев И. Л. 151

Лазарева Е. И. 151
Лазарчук Р. М. 96
Лалли-Толендаль Т. Ж. де 238
Ламбер А. Т. де 310
Ламберт М. Ш. де 264
Лампрокл 353
Лангер Э. Т. 239
Ланской А. Д. 118, 123
Лаппо-Данилевский К. Ю. 177, 180, 182, 184
Лапшин И. И. 289
Лауцявичус Э. 493
Лафатер И. К. 271
Лафонтен Ж. 61, 214, 316
Лафосс А. де 199, 201, 203, 205–206, 210
Лебедев В. И. 309, 311
Лебедева О. Б. 36–37
Леваше де Шарнуа Ж. Ш. 316
Левек П. Ш. 66, 77, 82–83, 238, 248
Левиконт, шевалье, де 266
Левин Ю. Д. 120, 126, 311, 321, 324, 331, 344, 371–372, 378, 474
Левитт М. 106, 115–116
Лежень Ф. 111, 124
Леклерк Н. Г. 66, 77, 79, 82–85
Лекуврер А. 154
Леонар Н. Ж. 319
Лепехин М. П. 136, 152
Лепренс де Бомон М. 152, 337, 346
Лессинг Г. Э. 324
Летранж Р. 51
Лефевр Т. 199, 201, 205
Ливий Тит 27–29, 31–33
Ливотов И. И. 137
Лидин В. Г. 190
Лилинтхаль, девица 109
Липский Е. И. 474
Литвинов А. Н. 471
Лихачев Д. С. 182
Лихоткин Г. А. 139
Лихтенштейн А. А. 262, 276–277
Лобанов-Ростовский Я. И. 415
Локк Дж. 307
Ломоносов М. В. 3, 6, 12–13, 16–17, 18, 22, 24, 27, 32–33, 52, 59, 64–65, 72–73, 76–77, 79–84, 182, 195–196, 212–213, 226–229, 244
Лонжепьер И. Б. де Рокелейн 199, 206, 207, 210
Лопухин И. В. 141, 345
Лоранский А. 186
Лотман Ю. М. 66, 98, 161–162, 245, 269–270, 272, 274, 437, 482
Лукан Марк Анней 405
Луппол И. К. 289
Львов Н. А. 3, 144, 177–235, 469
Львов П. Ю. 244
Львова М. А. урожд. Дьякова 187, 190
Лэки К. 66
Любарский П. И. 47, 49, 50, 64,
Любарский С. И. 57
Людовик Юлий, принц Савойский 100
Людовик XV, французский король 247, 264
Людовик XVI, французский король 256, 262
Людовик XVIII, французский король 243, 254, 258
Люзак Ж. 237
Лютер М. 38, 306
Ляпин И. 361
Лятошевич А. Л. 147

Мабли Г. 288
Майков Л. Н. 216
Макогоненко Г. П. 14, 181, 270
Максимович (Амбодик) Н. М. 481
Малерб Ф. 128
Малиновский А. Ф. 154
Малиновский В. 347
Малле дю Пан Ж. 238, 241
Мальтиц П. Ф. 132
Манн Ю. В. 42
Манштейн К. Г. 74
Мари Ж. Ф. 254, 255, 257, 258, 261, 262
Мария Александровна, российская императрица 489

Мария Федоровна, российская императрица 142
Марк Аврелий, римский император 294
Марк Юний Брут 156
Мармонтель Ж. Ф. 81–82, 149, 238, 267, 272, 328
Мартини Ф. 340
Мартынов И. И. 177, 193, 220, 222
Мартынов И. Ф. 48–49, 86, 136
Марченко Н. А. 66, 245, 437
Масленко И. С. 471
Маслов С. А. 130
Масон Ш. 263
Матинский М. А. 147
Мацай А. И. 380
Медведев Г. 326
Мейнеке И. Г. Ф. 194, 198, 209–210, 228
Мелиссино И. И. 143
Мёллер И. В. 310
Мельник В. И. 302
Менар П. 375, 381
Менюре Ж. Ж. 262, 276–277
Мерзляков А. Ф. 179, 290–291, 293, 294–295
Мерсье де Компьень К. Ф. Кс. 317
Мерсье Л. С. 317
Мертенс И. А. 337
Миллер Г. Ф. 77
Милюгина Е. Г. 182
Миних Б. К. 77, 124
Мирабо В. Рикети де 311
Мирович В. Я. 109
Митропольский В. 145
Михалков С. В. 43
Михаэльсен Л. Х. 332
Моисеева Г. Н. 89, 106–107
Мольер Ж. Б. 34, 35, 41–43, 376, 379
Монерон М. Ю. Р. 314
Монморен А. М. де 248
Монтескье Ш. Л. 113, 367
Монтесума II, король ацтеков 23
Монтозье Ш. де Сент-Мор 203
Монье Ж. Л. 264
Мордвинов М. И. 478–480
Мордвинов Н. С. 488–489
Морель Г. 201
Морери Л. 113
Мориц К. Ф. 271, 347, 353–354
Морков И. 147
Морозов И. 93
Мосх 199, 202
Мультатули В. М. 376, 381–382
Муравьев М. Н. 181, 215, 478
Муравьев Н. А. 478–479
Муравьева-Апостол А. С. урожд. Черноевич 263–267, 278–285
Муравьев-Апостол И. И. 267
Муравьев-Апостол И. М. 193, 215, 250, 260–261, 263–266, 275, 278–285, 478
Мусин-Пушкин А. М. 186
Мутонне де Клерфон Ж. Ж. 194, 198–199, 208–210
Мюрат И. 198, 243
Мюре М. А. 50, 64

Навроцкий И. 146, 153
Навуходоносор II, вавилонский царь 9, 18
Назарьев А. П. 4, 163–172, 175–176
Назарьев И. И. 170
Назарьев П. 167, 170
Наполеон I Бонапарт, французский император 198, 243, 247, 258, 416–418
Нарышкин С. К. 148
Нарышкина Е. А. 146, 149
Нарышкина М. П., урожд. Балк-Полева 148
Небольсина Е. С. 109
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 419
Нелидова Е. И. 153
Немзер А. С. 412
Немировский И. В. 132
Нерон Клавдий Цезарь Август, римский император 294
Никитина А. Б. 185, 187–188
Николаев С. И. 19, 28, 32, 43
Николаи Ф. 271

Николай Кочанов, новгородский юродивый 434, 472
Николев Н. П. 130–131, 153
Никольский П. И. 41
Никонова Н. Е. 319
Нилендер В. О. 180
Ниуентейт Б. 325
Новиков Н. И. 5, 9, 13, 28, 30, 73, 78–79, 83, 130, 135–136, 140–141, 331, 340, 359
Новосильцев Н. Н. 250
Нугаре П. Ж. Ф. 149
Ньютон И. 134

Оболенский А. П. 411
Обухов, домовладелец 170
Овидий Публий Назон 49, 59, 188, 201, 209
Овчинников М. 64
Ожар д', президент парижского парламента 262
Озеров Д. 165
Олейников Д. И. 178
Онийон П. Ш. Ф. 149
Орлов А. Г. 107, 108, 123, 148
Орлов В. Н. 289
Орлов Г. Г. 123, 480
Орлов Д. 149
Орлов Ф. Г. 300
Орлова А. А. 148
Осипов Н. П. 181
Оссон И. М. д' 497
Отвей Т. 474
Отин Е. С. 35

Павва Корнелий 197
Павел Петрович, российский великий князь *см.* Павел I, российский император
Павел I, российский император 21, 107–109, 124, 142, 186, 189, 242, 246, 249–250, 252, 257–258, 261–264, 268–269, 279, 303, 429, 445, 467, 470
Пазухин П. С. 170
Палладио А. 188
Пальменбах Е. А., урожд. Черкасова 147
Панин Н. И. 112, 114, 120, 130, 151, 247
Панин Н. П. 247, 250–251
Панин П. И. 151
Панина М. Р., урожд. фон Ведель 151
Панченко А. М. 48, 53, 470
Папаригопуло С. В. 474
Парамонов Ю. И. 474
Патеркул Гай Веллей 31
Пекарский П. П. 269–270
Переборенко М. Ф. 141, 142
Песталоцци И. Г. 39
Пестов С. 369
Петр Федорович, российский великий князь, *см.* Петр III
Петр I, российский император 15–16, 18–20, 64, 85, 121, 249, 469, 485, 489
Петр III, российский император 12, 14, 17, 107–109, 113–115, 119–122, 124, 243, 245, 248, 255, 268–270, 272, 275
Петрарка Ф. 214
Петров А. А. 331, 347, 373
Петров В. П. 20, 77, 81–82, 188, 481
Петрова В. Ф. 377
Петрова Е. Н. 181
Петровский Н. М. 328
Пикарон А. 310
Пиндар 72–73, 80, 82, 128, 205
Пинетти Дж. 470
Пирон А. 132
Писарев С. И. 145
Плавильщиков П. А. 132
Платов М. И. 416
Платон 201, 211
Платонов С. Ф. 108
Плещеев С. И. 152
Плещеева А. И. 158
Плещеева Н. Ф., урожд. Веригина 152
Плиний Старший 31
Плитунов И. Я. 58
Плунгян В. А. 226
Плутарх 31, 38, 129, 156

Плюш Н. А. 325
Плюшар А. 259
Погодин М. П. 417
Погоретский П. 308
Подшивалов В. С. 87, 327–329, 339, 343–344, 349, 353–356, 358, 361, 363
Поздеев В. А. 45–46, 56–58, 63
Покровская А. К. 324
Поленов Д. В. 190
Полетика Г. А. 77
Поликрат 204
Полонская И. М. 191
Полторацкий С. Д. 268
Помей Ф. А. 38
Поморцев П. 309
Пономарев С. 50
Попов А. И. 63–64
Попов В. С. 189
Порция, жена Марка Юния Брута 156
Потемкин Г. А. 26, 470, 486
Потоцкий Я. Н. 259
Прайс Р. 312
Прач И. 187, 195
Прево д'Экзиль А. Ф. 94, 100
Привалова Е. П. 324, 327–328
Продром Феодор 184
Прозоровский А. А. 140
Прокопович К. 481
Прокудин-Горский М. И. 155–156
Протасов П. С. 146
Протопопов М. В. 316
Прохоров А. В. 226
Прянишников В. 326
Пряхин Ю. Д. 186
Пуансине де Сиври Л. 202
Пужан Ш. 266
Пуллен де Сен-Фуа Ж. 215
Пуфендорф С. 492
Пухов В. В. 153
Пушкарев Н. Л. 381
Пушкарева Н. Л. 126
Пушкин А. С. 42–43, 139, 179, 216, 225, 227, 233, 291, 478
Пфеффель Г. К. 339, 357
Пфеффель К. Ф. 68
Пыляев М. И. 38

Рабле Ф. 38
Равдин Б. Н. 155
Радищев А. Н. 3, 225, 288–303, 403, 432, 470, 473, 493
Радищев В. А. 289, 295
Радищев Н. А. 289, 295, 302
Радищев П. А. 295, 302–303
Радклиф А. 315
Радлов Э. Л. 265
Разин С. Т. 294
Рак В. Д. 97, 144, 304, 311, 323–324, 328–329, 331–332, 346, 349, 354–355, 357–361, 363–367, 370
Раль А. Ф. 250
Рамлер К. В. 271
Расин Ж. 4, 23, 158–159, 375–382
Растрелли Б. 489
Ратькова Е. М. 470
Рахманинов И. Г. 264
Рахманов Д. 140
Рахманов П. 140
Региус У. Г. 306
Реймерус, доктор 262, 276–277
Рейналь Г. Т. 328, 369
Ренованц И. М. 137
Ренье-Демаре Ф. С. 199, 201
Репнин В. А. 164
Репнин Н. Г. 490
Решетников А. Г. 141
Ржевский А. А. 72–73, 78–79, 83–84
Ржеуцкий В. С. 70, 239
Ривароль А. 238–240, 262, 264, 276–278, 284
Рисс Ф. Д. 251–252, 267, 287
Ришар Ф. 237, 268, 283
Ришелье А. Э. 243–244
Ришер Ф. 315
Рогинский А. Б. 155
Роде А. 340
Розанов А. С. 187
Ролли П. 210

Романс де Месмон Г. де 240, 258–259, 264
Ромодановский В. Г. 485
Роспини Ж. 251
Росслин В. 126
Ростопчин Ф. В. 107–109
Ротчев А. Г. 42
Рохов Ф. Э. 337, 351
Румянцев П. А. 475, 480–483
Руссо Ж. Б. 6–9, 12–13, 16–18, 20–22, 24–27, 32–33
Руссо Ж. Ж. 143, 271–272, 409, 492
Рыбаков А. М. 65
Рыкова Е. К.143
Рюльер К. К. 105, 253, 269

Сабашников М. В. 180
Сабашников С. В. 180
Сазанович А. П. 265
Саитов В. И. 216
Салаберри д'Ирюмберри Ш. М. 319
Салова С. А. 182
Салтыков Н. И. 470, 497
Самсонова Т. П. 187
Сандерс Дж. 185
Сапфо (Сафо, Сафа) 177, 199, 202, 205, 207
Сапченко Л. А. 406, 427
Сарти Дж. 187
Сафонов М. М. 124
Свечин И. И. 166
Свешников А. 58–60, 62
Свирепов А. 57–58
Свищев А. 309
Свиясов Е. В. 227
Севергин В. М. 137
Седен М. Ж. 140
Сели Н. Ж. 313
Селивановский С. И. 328
Семенова Е. С. 155
Семенова Л. Ф. 406, 427
Семячко С. А. 468
Сенак де Мельян Г. 238
Сен-Ламбер Ж. Ф. де 265, 281, 346
Сен-При Ф. Э. 258
Септей Ж. Б. де 264, 282
Сердюков М. И. 469
Серков А. И. 139–140
Серман И. З. 44, 84, 89, 129, 181
Сибирский Ф. В. 318, 320
Сидоровский И. 312
Силина А. С. 45
Симанков В. И. 323
Симеон Полоцкий 43
Синявская М. С. 154
Сиповский В. В. 88–89, 94, 162–164, 172
Сичинава Д. В. 226
Скворцов А. 88
Скотт В. 315
Скулачева Т. В. 226
Скуполи Л. 313
Смагина Г. И. 127, 129, 136–137
Смердис, персидский царевич 78
Смирнов А. А. 382
Смусина М. Л. 83
Совиньи Л. де 339
Соколинский Е. К. 332, 354–355, 357, 360, 363
Соколов А. А. 471
Соколов Г. 145
Соколов И. Я. 379
Соколов Н. П. 136
Соколов П. И. 136
Сократ 6, 148, 301, 345, 355–356
Соловьев П. К. 308
Сомов В. А. 236, 238, 240, 244–245, 250
Сопиков В. С. 376
Сорен Б. Ж. 314
Сосе Ж. 251–252, 267, 287
Спаллетти Дж. 200
Спенс Дж. 338
Сперанская Н. М. 240, 259
Спиридов М. Г. 144
Спренгпортен Г. М. 247
Сталь А. Л. Ж. де 158
Станислав II Август Понятовский, польский король 14
Станиславский К. С. 381
Стевен Х. Х. 486

Стенник Ю. В. 35, 39, 75, 143, 497
Стенхоп Ф. Д., граф Честерфилд 138
Степанов В. П. 14, 29, 63, 89, 129, 143, 155, 475–476, 492
Стерн Л. 120, 301
Стил Р. 311
Стойкович А. И. 341
Столпянский П. Н. 473, 481
Столыпин Д. Е. 499
Столыпина Д. А., урожд. Веревкина 499
Столыпина О. Д. 498
Страленберг Ф. И. фон 74
Страхов П. И. 143
Стрекалов С. Ф. 188, 487, 489
Стрекалов Ф. Г. 146
Стрекалова Н. А. 146, 153
Стремоухов Д. Н. 68
Строев А. Ф. 110, 161
Строев П. М. 416
Суворов А. В. 247–249, 257
Сумароков А. П. 3, 5–44, 60, 65, 73, 76, 79–84, 88, 90, 128, 143, 153, 182, 195–196, 248, 379, 476
Сумароков Афанасий 314
Сумароков В. В. 184–185
Сумароков П. И. 150, 431
Сумароков П. П. 150

Талейран Ш. М. де 237, 242–243, 246, 250, 266
Талызин С. А. 471
Тамбовский А. 180
Тарковская Л. Р. 52
Тарковский Р. Б. 52
Татаринов А. В. 182
Татищев В. Н. 72–73, 76, 81, 84, 486
Тацит Публий Корнелий 31
Теперик Т. Ф. 225
Теплова В. А. 127
Тереза, герцогиня Ангулемская 256
Терновский М. 308
Тибо, профессор красноречия 276–277
Тик Л. 317
Тимковский И. Ф. 336
Тимофей (Щербацкий) 65
Тиртей 202
Тиссье Ж. 66
Тит Флавий Веспасиан, римский император 6, 21
Товене Ш. 256
Токарева Г. В. 104
Толстая А. А., урожд. Неклюдова 499
Толстая А. И. урожд. Щетинина 499
Толстой А. И. 499
Толстой И. С. 498
Толстой Л. Н. 411
Толстой М. А. 164
Тома А. Л. 214–215, 249
Торшилов Д. О. 177
Травников С. Н. 144
Тредиаковский В. К. 8, 10, 12–13, 15, 24, 32, 37, 39, 50–51, 60–61, 64–65, 76, 80–83, 225
Трессан де Лаверн М. Э. де 251, 254
Трифон Вятский (Подвизаев Т. Д.) 47
Трощинская А. М. урожд. Косяровская 41
Трощинский А. П. 41
Трощинский Д. П. 41–42, 498–499
Тулубьев Н. Е. 96, 102
Туманский И. Г. 150
Тумповская М. М. 382
Тургенев Ал. И. 411, 419
Тургенев Ан. И. 435
Тургенев И. П. 143
Тычинина Л. В. 109

Уайлдмен Д. 187
Уваров С. С. 178, 179
Удар де Ламотт А. У. де 6–7, 84
Уилмот М. *см.* Вильмот М.
Урусова Е. С. 143–144
Успенский Б. А. 66, 245, 437
Ушаков М. А. 47–48, 56–58
Ушаков Ф. В. 288–303

Файнштейн М. 126
Федоров Е. Я. 41
Федотов А. Ф. 381
Федотова С. Б. 179
Федр 51, 61

Фенелон Ф. 88, 143, 150, 311
Фенуйо де Фальбер Ш. Ж. 140–141
Феодор, новгородский юродивый 472
Феокрит (Теокрит) 199, 201, 205, 209
Феофан Прокопович 71–73, 75, 81
Феофил (Раев) 313–314
Феофраст (Теофраст) 201
Фест Секст Помпей 38
Филарет Милостивый 288
Филдинг Г. 94
Филипп II, герцог Орлеанский 205
Филиппина Шарлотта, герцогиня Брауншвейгская 239
Финкельштейн И. Л. 376, 381
Фишер И. Ф. 199, 201
Флориан Ж. П. К. 152, 267
Фоменко И. Ю. 143
Фонвизин Д. И. 156–157
Фонтан Л. де 240, 320
Фосс К. Д. 315
Фосс Ю. 67–69, 74, 85
Фотий (Щиревский) 301
Фош П. Ф. 237–241, 243, 245, 248, 250–252, 254–255, 259, 262–263, 265, 267–268, 273–274, 280–282, 286–287, 322
Фош-Борель А. Л. 238, 250, 322
Франклин Б. 121
Фридрих II, прусский король 25, 98–99, 120
Фридрих И. З. фон 169
Функ Г. К. 339
Фурман А. Ф. 471

Хагедорн Ф. 211
Харламов Е. С. 146
Харламов И. Г. 152
Хвостов Д. И. 31
Хеннингс А. 344
Херасков М. М. 20, 30, 41, 73, 79, 81, 83–84, 87, 127–129, 143, 481
Хераскова Е. В., урожд. Неронова 128, 142–143
Херекрат 356
Хлебников П. К. 144–145
Хлебникова И. Я. 144–145
Хог У. 131
Хомяков П. З. 103
Хоренаци Мовсес (Моисей Хоренский) 151
Хрещатинский Г. Д. 47, 49, 57
Хрущова Н. М. 153

Царева В. П. 89
Цветихин М. В. 131
Цезарь Гай Юлий (Иулий) 11
Циглер Ф. В. 154
Цицерон Марк Туллий 31, 38, 352
Цобель Р. Г. 339

Чернышев З. Г. 139–141, 306
Чернышева А. И., урожд. фон Ведель 139–142, 151
Чернышева Л. В. 182
Чехов Н. В. 324
Чечулин Н. Д. 162, 173, 175
Чичагов П. В. 489
Чудинов А. В. 70

Шад И. Г. (И. Е.) 316
Шантро П. Н. 238
Шапп д'Отрош Ж. 75, 81
Шарф К. 273
Шатобриан Ф. Р. де 241, 318
Шафаренко И. Я. 382
Шаховская В. А., урожд. Строганова 155–156
Швагер И. М. 340, 350
Шванвич П. 165
Шварц И. В. 325–326
Шевалье Ж. 261
Шекспир В. 31, 187
Шемяка Дмитрий Юрьевич, князь 294
Шенедоле Ш. Ж. 262, 276–277
Шенк Д. 181–182
Шёпфлин И. Д. 67–69, 74, 85
Ширков С. Е. 486–487, 489
Шишкин И. В. 30–33
Шишков А. С. 132–133, 328, 334, 348
Шкловский В. Б. 163, 166–167, 171
Шлёцер А. Л. 74, 77

Шмаус И. Я. 77
Шмитт Х. фон 74
Шнабель И. Г. 317
Шнор И. К. 170
Шолье Г. А. 214
Шотт А. 183–184
Шпалдинг А. 344
Штендер Г. Ф. 266
Штёфер Д. Г. 315
Штёфер И. Г. 315
Штранге М. М. 136
Штробах Э. 339
Штурм Х. Х. 325, 326
Шуазель-Гуфье М. Г. де 249
Шувалов И. И. 113, 130, 476, 497
Шувалов П. И. 478–480
Шумахер И. Д. 68
Шутов Г. С. 46–51, 53, 56–60, 62, 64
Шутова Т. Т. 58

Щеголев П. Е. 289
Щепкин М. С. 42
Щепкина Е. Н. 86
Щербатов М. М. 144
Щербатова А. М. 144
Щербатова И. М. 144

Эзоп 50–52
Экстер К. 370
Элиан Клавдий (Сладкоязычный) 211
Элио Л. Ф. д’ 266
Эльсниц А. Л. 288
Эмин Ф. А. 96, 103
Энгель Ф. И. 251
Энгельсбах Ф. 251
Эпикур 212
Эпине Л. д’ 328, 340
Эристов С. Д. 454, 470
Эрклебен И. Х. П. 136
Эсменар Ж. А. 240, 264, 283
Эткинд Е. Г. 270, 274
Этьенн А. (Генрих Стефан) 183–184, 199–201
Этьенн Р. 201
Эфрос А. М. 382

Юлиан Египетский 184, 227
Юлия, жена Гнея Помпея Великого 156
Юнг Э. 141
Юстин Марк Юниан 201

Якоби Ф. Г. 262, 276–277
Яковлев А. А. 261
Яковлев В. А. 261
Яковлев П. 152
Яссович 377
Ястрембовский М. 314
Яценков Н. 151–152

Abašnik V. O. 316
Abeille G. 31
Agasse H. 265
Albrecht P. 239

Baldensperger F. 238, 318
Ballard M. 82
Barbier A. 305, 310–311, 320
Barbier F. 250
Bartlett R. 15
Bauman T. 373
Benzler J. L. 339–340
Bepler G. 239
Berg B. 239
Blanc A. 84
Blessig J. L. 358
Blum J. Ch. 368
Böckh Ch. G. 334
Böning H. 239, 325, 338
Bret A. 370
Bricaire de Dixmerie N. 318
Brüggemann T. 340
Brunet G. 306
Brunetière F. 23
Burnand L. 249
Burrows S. 241

Campillo M. 349
Cancik H. 183
Candaux J. D. 238
Cardi C. 335
Cardonne 350
Carrère d’Encausse H. 75

Céleste R. 367
Chapoton F. 31
Charon A. 238, 249
Clouzier J. 306
Conlon P. M. 314
Corbet Ch. 246
Cordier J. 309–310
Crusius O. 183

Dahlgren C. Th. 330, 332–333, 335, 337
Dapp K. 373
Daudet E. 258
Delmas B. 249
Dominique de Colonia 31
Donnert E. 316
Door P. T. H. 373
Du Halde J. B. 361
Dubois-Fontenelle J. G. 360

Egger B. 31

Flygt S. G. 341
Foersch N. P. 363
Frautschi R. 335
Fröhlih H. 320

Gebhardt J. 341
Gedike 353
Genette G. 84
Göbels H. 337
Göhring L. 336
Gorzny W. 312
Graf M. 239
Grafton A. 31
Grau C. 68
Grosley P. J. 367
Grubbs H. A. 6

Haigold J. J. *см.* Шлёцер А. Л.
Harder H. B. 86
Hazard P. 236
Heinsius W. 314
Heydinger C. 363
Hoff H. G. 365
Holmes J. 31
Höpel Th. 238
Hulst L. d’ 82
Hurrelmann B. 333

Ives E. 360

Jannet P. 306
Jarck H. R. 239
Johnson J. 351
Johnson S. 362
Jones H. S. 194
Jullien M. A. 374

Käufler J. F. 360
Kayser Ch. G. 314
Kazner J. F. A. 351
Keate G. 372
Kidgell J. 348
Kilner M. A. 342
Klingberg G. 334
Korn W. G. 312
Krauseneck J. Ch. 352

La Fite (Bouée M. E.). 353, 357
La Place P. A. 347
Lamare P. B. 318
Lambert J. 82
Le Goff A. 249
Legters L. H. 331
Lehmann-Carli G. 15
Lesage C. 238
Leyding J. D. 338–339, 357, 361
Liddell H. G. 194
Livet G. 67
Löffler K. 333
Longinus Cassius 31
Loys de Bochat Ch. G. 312

Malling O. 358
Manske M. 238
Martin A. 333, 335, 362
Mauger 31
McKenzie R. 194
Meier G. F. 350
Meißner A. G. 364
Mentelle E. 374
Mezin A. 239, 258
Millin A. L. 318
Mingard G. J. H. 367
Moepps E. 325, 338
Monget 349

Moore J. 372
Morton S. W. 318
Most G. W. 31
Müchler K. 364–366
Mühlpfordt G. 316
Mylne V. G. 335

Netchine E. 238
Noël F. J. M. 318

Olms G. 333, 341

Page D. L. 183
Palafox y Mendoza J. De 368
Pappadopoulo M. L. 249
Percival Th. 332, 351–352
Perret-Gentil Y. 258
Perry J. 74
Petrus *см.* Бодюс А.
Petzoldt McClymonds M. 373
Pfauch W. 341
Pierron N. 307
Pontoppidan E. 348
Porret M. 252
Pott E. A. 370
Poussou J. P. 258

Quérard J. M. 305, 307, 314, 321

Reimarus E. 344
Richer H. 31
Richerateau J. 67
Rinald J. 310
Robbins E. 183
Röchling J. G. 336
Röder R. 341
Röding J. H. 352
Rosset F. 259

Sacy C. L. M. de 374
Sander C. F. 357
Schall J. E. F. 356, 357, 368
Schaubs C. 341
Scheel G. 239
Schildt G. 239
Schmuck H. 312
Schmücker A. 86
Schneider H. 183
Schreibert P. 86
Schulz C. 333
Schweighaeuser J. G. 67, 69
Scott R. 194
Selkirk A. 365
Settis S. 31
Sonnenfels J. von 361
Sproll H. 67
Stach R. 341
Stockinger L. 333
Stückemann F. 340, 350

Thomson S. 31
Trémousa M. 260
Triaire D. 259

Uphaus-Wehmeier A. 332, 334, 337–340

Vancy J. F. de 359
Velthusen J. P. 372
Vogler B. 67
Volmer A. 252
Voss J. 67

Walde Ch. 31
Wegehaupt H. 330
Wekhrlin W. L. 367
Welby H. 371
Werthes F. A. C. 364
West M. L. 223
Wezel J. K. 353
Wild R. 335
Wilkins Ch. 371
Wissowa G. 183
Wolzogen W. von 260
Wunderlich U. 316

Zehman H. 183

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. 3

Статьи и сообщения

Н. Ю. Алексеева (Петербург). Ода А. П. Сумарокова, «сочиненная в первые лета» его занятий поэзией 5

С. И. Николаев (Петербург). Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова. 28

Е. Д. Кукушкина (Петербург). Метаморфозы Мольера в русской литературе (комедия «Рогоносец по воображению» А. П. Сумарокова). 34

А. С. Силина (Петербург). Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века 45

Р. Бодэн (Страсбург). Русская литература в «Курсе по русской истории» страсбургского профессора Кристофа-Гийома Коха 66

А. Ю. Веселова (Петербург). Романы в круге чтения и в мемуарах А. Т. Болотова 86

А. Вачева (София). Дворянский долг в мемуарах Е. Р. Дашковой 105

Н. Д. Кочеткова (Петербург). Посвящения в русских изданиях XVIII века, адресованные женщинам 126

Т. Е. Автухович (Гродно). Литература и действительность в романе «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н********» 161

К. Ю. Лаппо-Данилевский (Петербург). «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое 177

Ф. де Бодюс (Florence de Baudus, Париж), *В. А. Сомов* (Петербург). Амабль де Бодюс, Monsieur «Le Spectateur du Nord», и его русские знакомства 236

А. А. Костин (Петербург). «Житие Федора Васильевича Ушакова» в издании сыновей А. Н. Радищева 288

В. Д. Рак (Петербург). Библиографические заметки 304

В. И. Симанков (Харьков, Провиденс). Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) 323

Публикации

А. О. Дёмин (Петербург). Комедия Ж. Расина «Les Plaideurs» в рукописном русском переводе конца XVIII века 375

Л. А. Сапченко (Ульяновск). «Навеки твой, Н. Карамзин»: Неизданные письма Н. М. Карамзина к Е. А. Карамзиной 406

А. Ю. Соловьев (Петербург). Путевые записки И. А. Второва (Москва–Петербург) 428

Из опыта работы над «Словарем русских писателей XVIII века»

А. А. Костин (Петербург). Новые материалы к биографии Я. П. Козельского 473

Е. Д. Кукушкина (Петербург). Материалы к биографиям В. В. Капниста, Н. В. Капниста, М. И. Веревкина 484

Список сокращений 500

Указатель имен 501

Научное издание

XVIII ВЕК

Сборник 28

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ответственный редактор *Н. Д. Кочеткова*

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *Н. М. Пак*
Корректор *А. А. Романова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 15.12.2015. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 30,0. Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст».
192007, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А